

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

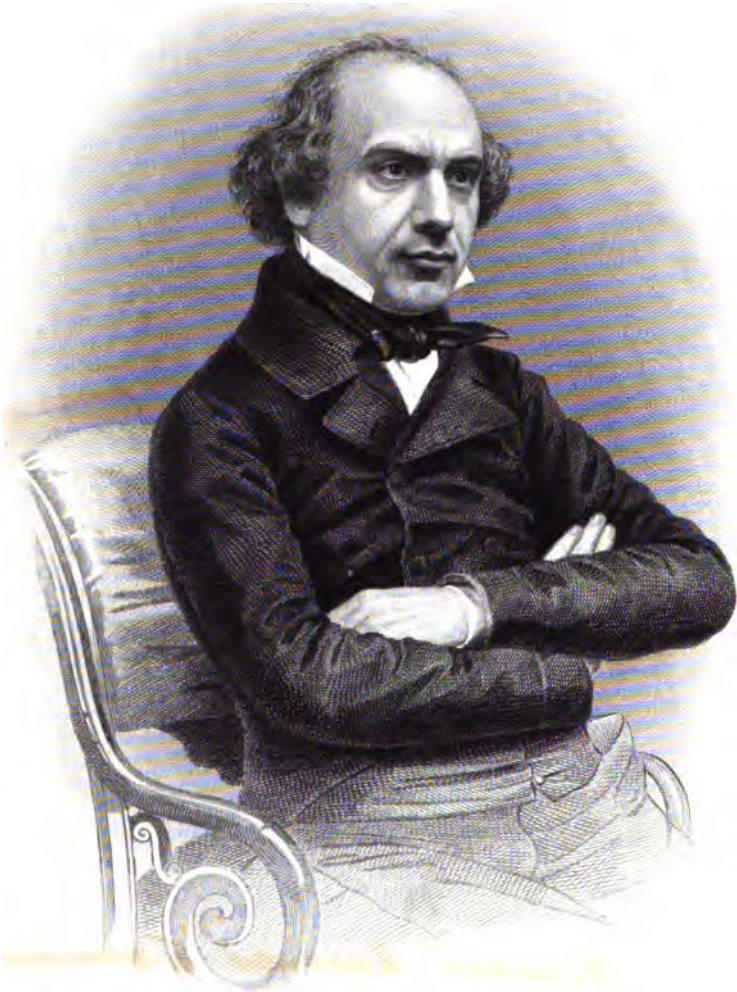

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

4387
17.11.1912

СОЧИНЕНИЯ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО.

Heinrich Heine's Weg in den Tod

H. Heine's Weg in den Tod

Granovskii, T. N.

522

СОЧИНЕНІЯ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

ЧАСТЬ I.

Издание (второе) К. Солдатенкова.

В. Н. Грановскій

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Милкова.

1866.

D7
665
1866
v. 1

ИЗВѢСТІЕ
О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДАХЪ
ГРАНОВСКАГО.

Въ издаваемыхъ нынѣ сочиненіяхъ покойнаго Т. Н. Грановскаго мы не предлагаемъ публикѣ ничего новаго. На первый разъ мы собрали все, что напечатано было имъ при жизни въ разныхъ изданіяхъ, и сверхъ того прибавили еще немногія статьи, которыя увидѣли свѣтъ вскорѣ послѣ его смерти. Такимъ образомъ въ наше собраніе вошли какъ ученые изслѣдованія автора, такъ и его журнальныя статьи, по преимуществу рецензіи историческихъ сочиненій. Нѣкоторыя изъ нихъ остались неоконченными; но дорожа всѣмъ, что выходило изъ подъ пера писателя, много нами цѣнимаго, мы нисколько не усомнились дать имъ мѣсто въ нашемъ собраніи наравнѣ съ прочими. Недосказанная мысль какъ будто еще живѣе напоминаетъ объ авторѣ, который еще такъ недавно жилъ и дѣйствовалъ между нами!

Вообще Грановскій писалъ немного. Меньше всего принадлежалъ онъ къ числу записныхъ литераторовъ, наполняющихъ повременныя изданія множествомъ своихъ произведеній. Любя литературу и горячо сочувствуя важнѣйшимъ ея интересамъ, онъ впрочемъ никогда не былъ очень усерднымъ ея вкладчикомъ. Владѣя какъ немногіе даромъ слова, онъ однако не былъ расточителемъ на него въ печати. Никогда мысль его нельзя было застать праздною; а между тѣмъ эта постоянно дѣя-

тельная мысль рѣдко искала себѣ огласки въ литературѣ. Не одному читателю, привыкшему думать, что нѣтъ мысли, которая не могла бы быть высказана публично, можетъ показаться страннымъ такое явленіе; многіе пожелаютъ знать ему объясненіе. Не беремъ на себя дать исполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на подобные запросы; но не отказываемся привести здѣсь нѣкоторыя наши соображенія, могущія служить къ разрѣшенію сомнѣній читателя.

Въ Грановскомъ соединялись два качества, которые не часто встрѣчаются вмѣстѣ: умъ его былъ столько же ясный и живой, сколько и основательный. Его не удовлетворяло поверхностное знаніе предмета, первое знакомство съ нимъ. Его не пугали самыя трудныя задачи науки; онъ любилъ брать ихъ «съ боя» (какъ самъ же онъ выразился въ одной своей статьѣ), но не довольствовался своею первою побѣдою. Не останавливаясь на первомъ полученномъ успѣхѣ, онъ находилъ въ немъ лишь новыя побужденія къ тому, чтобы усилить занятія предметомъ. Чѣмъ больше знакомился онъ съ вопросомъ, тѣмъ больше любилъ углубляться въ него. Однажды выработанная мысль не принимала въ немъ навсегда неподвижную форму, закрытую для всякаго дальнѣйшаго развитія. Каждое новое изслѣдованіе, соприкасающееся съ предметомъ его занятій, наводило его на новыя соображенія. Отъ того нерѣдко случалось, что Грановскій, уже обдумавши свой собственный планъ, или отказывался отъ него, или отлагалъ на неопредѣленное время его исполненіе, находя, что онъ еще недовольно соотвѣтствовалъ современнымъ требованіямъ науки. Время между тѣмъ наводило нашего ученаго на другіе вопросы, и возбужденная ими любознательность вызывала его на новыя занятія. Такимъ образомъ нѣсколько обширныхъ плановъ, задуманныхъ имъ еще во время пребыванія за границею, остались неисполненными, хотя для нихъ заготовлено уже было много матеріала. Въ эту раннюю эпоху одною изъ любимыхъ его темъ была, напримѣръ, исторія германскихъ учрежденій на римскихъ земляхъ. Эта задача обнимала въ себѣ почти всѣ начала новаго европейскаго общества. Она вытекала прямо изъ тогдашнихъ научныхъ занятій Грановскаго; она

состояла въ тѣсной связи со многими жизненными для него вопросами философическаго свойства; она, казалось, имѣла за себя ручательство свѣжаго и бодрата таланта, который не отказывается легко отъ своей мысли, и однако осталась невыполненною, потому что, когда наступило время исполненія, молодого ученаго сильно занимали уже многіе другіе научные интересы, и прежде задуманный планъ не удовлетворялъ болѣе возвысившимся требованіямъ ума его.

Съ необыкновенною живостію переходя отъ одного вопроса науки къ другому, Грановскій никогда впрочемъ не терялъ изъ виду прежнихъ задачъ: напротивъ, часто возвращался къ нимъ съ новымъ воодушевленіемъ, — но за то и съ большою взыскательностію къ самому себѣ. Не довольно было, чтобы мысль много занимала его: онъ не прежде приступалъ къ литературной обработкѣ ея, какъ давши ей созрѣть въ себѣ и достигнувъ яснаго пониманія ея въ самыхъ подробностяхъ. Выработанная напередъ ясность мысли избавляла его отъ излишества словъ при ея выраженіи. Грановскій былъ вовсе чуждъ этого литературнаго легкомыслія, которое спѣшитъ всякую случайно намернувшуюся мысль тотчасъ передать публикѣ. Онъ самъ хотѣлъ всегда оставаться первымъ отвѣтчикомъ за свои идеи, и былъ самымъ строгимъ ихъ судьей. Читающая публика, правда, много теряла въ обиліи матеріала отъ этой взыскательности автора къ самому себѣ; но за то она привыкла обращаться къ нему тѣмъ съ болѣе довѣріемъ. Она была увѣрена напередъ, что въ сочиненіи, или даже въ небольшой журнальной статьѣ, подписанной именемъ Грановскаго, не встрѣтитъ ничего скороспѣлаго, необдуманнаго, парадоксальнаго; она знала заранѣе, что въ подобномъ чтеніи найдетъ для себя много поучительнаго, и охотно возвращалась къ нему по нѣскольку разъ. Мы знаемъ по многимъ опытамъ, какъ всегда великъ былъ запросъ на тѣ книжки журналовъ, въ которыхъ помѣщались статьи Грановскаго. Въ ту эпоху нашей литературы, когда особенно много писалось съ плеча, когда наиболѣе чувствовался недостатокъ твердой мысли, сочиненія Грановскаго составляли одно изъ самыхъ отраднѣхъ исключеній. Но мы не сомнѣваемся, что и

въ лучшее ея время они также останутся образцовыми во многихъ отношеніяхъ.

Говоря о Грановскомъ какъ о писателѣ, не надобно также забывать его въ высокой степени симпатичную природу, постоянно обращенную ко всѣмъ живымъ явленіямъ въ современности. Въ другомъ мѣстѣ говорили мы о томъ, какъ широкъ былъ кругъ его любимыхъ занятій. Можно сказать, что ни одно замѣчательное явленіе въ умственномъ мірѣ и въ общественномъ быту не ускользало отъ его вниманія. Мысль его устремлялась всюду, гдѣ только находила слѣдъ человѣческой дѣятельности. Онъ любилъ слѣдить за человѣкомъ на всѣхъ степеняхъ его развитія, безъ различія мѣста и времени. Самые отверженные породы людей не оставались чужды его симпатическому сердцу. Неустойчиво слѣдя за успѣхами гражданственности подъ всѣми географическими широтами, онъ не обходилъ впрочемъ и тѣхъ странъ, которыя остались за предѣлами ея распространенія, и вездѣ пылливо доискивался причинъ гражданского застоя. Нѣкоторые читатели были очень изумлены, увидѣвъ напечатанное въ одномъ журналѣ съ именемъ Грановскаго чтеніе «объ Океаніи и ея жителяхъ»: съ какой стати было ему говорить объ Океаніи? какимъ образомъ мысль историка могла быть завлечена въ такую неисторическую страну? Дѣло однако объясняется очень просто. Гдѣ только находилось какое нибудь людское общество, тамъ непременно хотѣла присутствовать и неустойчивая мысль нашего ученаго. Когда одни народы такъ неуклонно идутъ впередъ въ своемъ развитіи — спрашивалъ онъ самъ себя — отъ чего другіе такъ неизмѣримо отстали отъ нихъ и какъ будто навсегда окаменѣли въ своихъ формахъ? Другими словами, что становится съ человѣческимъ обществомъ, даже съ цѣлою порою людей, если она, подобно океанійской, отрѣзана отъ сообщенія съ образованными народами и предоставлена лишь самой себѣ? и чтобы найти основательный отвѣтъ на эти вопросы, Грановскій принялъ на себя трудъ изучить самыя условія океанійскаго быта по извѣстіямъ европейскихъ путешественниковъ. Результатомъ этого изученія былъ цѣлый рядъ оригинальныхъ мыслей,

которые онъ думалъ передать небольшому обществу своихъ друзей въ видѣ простыхъ домашнихъ бесѣдъ. До насъ дошло лишь одно такое чтеніе, — но читатель можетъ судить по немъ, какое обширное изученіе предмета авторъ обыкновенно полагалъ въ основаніе своихъ выводовъ.

Если дальній и малозвѣстный свѣтъ такъ много занималъ нашего ученаго, то можно себя представить, съ какимъ живымъ интересомъ слѣдилъ онъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось и происходило вокругъ него. Современныя общественныя явленія не имѣли между нами болѣе воспримчиваго органа для себя. Все, что было въ нихъ какъ отраднаго, такъ и горькаго, все это находило самый искренній и горячій отзывъ въ его душѣ. Вездѣ вокругъ себя онъ любилъ отыскивать благороднѣйшія стороны природы человѣка, открывать истинно человѣческія черты, — и чѣмъ онѣ были неожиданнѣе, тѣмъ болѣе доставляли ему сердечнаго удовольствія. Нельзя было сдѣлать ему большаго подарка, какъ рассказавъ случай изъ современной жизни, въ которомъ бы правда торжествовала надъ грубою силою, или выходила наружу какая-нибудь малозвѣстная свѣтлая сторона народнаго характера. За то густою тѣнью ложилась на его свѣтлую душу каждая новая туча, которая появлялась на горизонтѣ народной жизни. Тогда особенно сказывалась въ немъ эта глубокая чувствительность, которой не могли ослабить въ немъ ни обстоятельства жизни, ни многія испытанныя имъ лишенія, ни наконецъ продолжительныя кабинетныя занятія. Понятно, что, при такой чувствительности къ современному, вопросы, предлагаемые наукою о прошлой жизни человѣчества, нерѣдко уходили на задній планъ. Это не значитъ, конечно, чтобы Грановскій вовсе терялъ ихъ изъ виду; но передъ лицомъ великихъ современныхъ событій они нерѣдко теряли тотъ животрепещущій интересъ, который тотчасъ ищетъ себя выхода въ литературу. Къ тому же Грановскій постоянно былъ окруженъ избраннымъ обществомъ, съ которымъ могъ и любилъ дѣлиться всѣми своими мыслями. Сообщительный отъ природы, онъ всегда находилъ около себя среду, готовую принять его идеи, какъ только онѣ зрѣли

въ его головѣ. Любя болѣе всего живое, свободное слово, онъ часто довольствовался этимъ средствомъ сообщенія своихъ мыслей и за нимъ не искалъ усиленно другаго, которое могло бы открыть имъ болѣе обширную сферу дѣйствія. Притомъ Грановскій имѣлъ свои понятія о литературныхъ требованіяхъ: онъ былъ врагъ литературнаго неряшества; и по врожденному чувству изящнаго, и по уваженію къ публикѣ, онъ не иначе хотѣлъ являться передъ нею, какъ въ приличной формѣ. Внѣшняя отдѣлка была въ его глазахъ необходимымъ условіемъ всякаго сочиненія, которое назначалось къ печати, и обыкновенно брала у него много времени; но какъ онъ въ тоже время принадлежалъ обществу, и жизнь въ обществѣ была одною изъ первыхъ его потребностей, то, очевидно, не всегда отъ него самого зависѣло распредѣлять свое время и пользоваться имъ по желанію. Ему надобно было бы гораздо болѣе пренебрегать формою, чѣмъ сколько онъ хотѣлъ и могъ, чтобы увеличить въ значительной степени свою литературную производительность.

Читатель видитъ, что матеріала собиралось гораздо болѣе, чѣмъ сколько, по обстоятельствамъ, могло быть обработано его для обращенія въ литературу. Отъ того между прочимъ Грановскій предпочиталъ столько любимую имъ форму публичныхъ чтеній всякому другому способу изложенія своихъ мыслей. Не говоря уже о томъ, что связь въ публичномъ курсѣ между профессоромъ и слушателями гораздо непосредственнѣе и живѣе, чѣмъ между авторомъ и его читателями, чтенія представляли ему еще ту выгоду, что менѣе связывали его внѣшними литературными условіями. Тутъ онъ могъ, отдавшись своему увлеченію предметомъ и довѣрившись живому слову, избѣжать часто утомительнаго труда кабинетной обработки и достигнуть еще болѣешихъ результатовъ. Тѣ, которые имѣли случай слышать Грановскаго на его публичныхъ курсахъ, помнятъ, какое очарованіе производила его простая, но въ тоже время благородная и изящная рѣчь. Публичные чтенія, однимъ словомъ, удовлетворяли постоянному стремленію Грановскаго дѣйствовать живымъ словомъ на общество и въ тоже время от-

крывали ему возможность передавать публикѣ большую часть заготовленнаго матеріала, прежде чѣмъ онъ могъ быть сполна подвергнутъ вѣтшей литературной обработкѣ. Обстоятельства не всегда были благопріятны для того, чтобы чтенія производились публично; но въ такомъ случаѣ профессоръ имѣлъ всегда открытый выходъ для себя въ обыкновенныхъ университетскихъ курсахъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, многіе значительные историческіе труды, задуманные нашимъ ученымъ уже въ послѣднее время, не состоялись вовсе, или не могли быть приведены къ окончанію. Такъ не состоялось и то его сочиненіе, котораго мысль внушена ему была приближавшимся столѣтіемъ Московскаго Университета. Желая принести свою лепту въ этотъ великій праздникъ отечественнаго образованія, онъ думалъ соединить въ своемъ трудѣ исторію трехъ самыхъ раннихъ сѣтелей просвѣщенія въ западной Европѣ, Теодериха, Карла и Альфреда, по справедливости называемыхъ Великими. Къ сожалѣнію, по разнымъ обстоятельствамъ эта прекрасная мысль осталась безъ исполненія. Въ бумагахъ покойнаго мы нашли только начало труда... Нужно ли удостовѣрять, что матеріалъ былъ готовъ у автора? Такъ чего же недоставало, чтобы начатый трудъ приведенъ былъ къ окончанію? Недоставало можетъ быть только одного—чтобы профессору представился случай напередъ изложить собранный имъ матеріалъ и свою мысль о немъ въ публичныхъ чтеніяхъ.

Вотъ почему Грановскій могъ удѣлять время отъ времени литературѣ лишь нѣкоторыя избранныя части сдѣланнаго имъ ученаго запаса. Сюда принадлежатъ разныя частныя изслѣдованія, очерки, характеристики. Но болѣе всего давали ему поводъ высказываться вновь появляющіяся историческія сочиненія въ иностранной литературѣ. Касаясь съ какой-нибудь новой стороны предметовъ ему давно знакомыхъ, они тѣмъ сильнѣе возбуждали его собственную мысль. Немногочисленные русскія сочиненія по всеобщей исторіи большею частію также не проходили безъ того, чтобы онъ не воспользовался даннымъ поводомъ, изложить хотя въ общихъ чертахъ свое собственное воззрѣніе

на тотъ же предметъ, или по крайней мѣрѣ выразить свое сочувствіе къ полезному труду. Но и здѣсь мы должны поставить на видъ одну черту, лично принадлежавшую покойному Грановскому. Какъ бы ни казалась незначительною предпринятая имъ работа по вѣншему своему объему, онъ не терпѣлъ, чтобы она имѣла видъ заказной, и принимался за нее не иначе, какъ въ «свѣтлую минуту», и такъ сказать запасшись добрымъ настроеніемъ духа. Упорный систематическій трудъ былъ ему не по душѣ. Одна работа мысли его не удовлетворяла. Онъ хотѣлъ отдаваться своему труду сполна, всецѣло. Онъ руководился тою мыслию, что въ писателѣ долженъ дать почувствовать себя весь человѣкъ. По тому же самому, не во-время прерванная работа была для него работа почти потерянная, ибо не всегда возможно возвратить себѣ по желанію одно и тоже душевное настроеніе. Но пусть лучше онъ самъ гозоритъ за себя: онъ такъ хорошо умѣлъ въ немногихъ словахъ передать свою мысль. Лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, думая приступить къ біографическому очерку Н. Г. Фролова, Грановскій писалъ по этому поводу ко вдовѣ покойнаго: «Хочу употребить остающееся до отъѣзда (изъ Москвы) время на статью о нашемъ другѣ. Я обдумалъ ее, сколько мнѣ кажется, хорошо. Жду только, чтобы на меня сошла хорошая, свѣтлая минута, чтобы тотчасъ взяться за работу и кончить ее съ разу, безъ промежутковъ охлаждающихъ мысль. Вообще я доволенъ своимъ настоящимъ настроеніемъ и надѣюсь, что скоро буду въ состояніи приступить къ труду, въ которомъ найду и исполненіе долга и удовлетвореніе внутренней потребности». Въ томъ же письмѣ находимъ еще слѣдующее замѣчательное мѣсто: «Статья не будетъ и не должна быть велика. Да я вообще не умѣю и не желаю писать длинныхъ статей. Если не съумѣешь сказать въ немногихъ словахъ того, чѣмъ полно сердце; то многорѣчіемъ только разведешь водою собственное чувство. Вотъ моя литературная теорія».

Эти немногія слова лучше всѣхъ толкованій показываютъ, какъ Грановскій самъ понималъ литературную производительность, и какою мѣрою хотѣлъ онъ измѣрять ея внутреннее достоинство. Но чѣмъ больше

съ годами зрѣли его мысли, тѣмъ больше чувствовалъ онъ необходимость увеличить сферу своей дѣятельности. Съ нѣкотораго времени особенно стала занимать его мысль объ историческомъ учебникѣ. Сознавая всю важность преподаванія всеобщей исторіи въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и находя, что существующія руководства мало удовлетворяютъ этой потребности, онъ рѣшился наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, послужить ей своими собственными средствами, т. е. своимъ знаніемъ и трудомъ. Въ кругу историческихъ занятій трудно представить себѣ другую работу, которая бы менѣе шла къ Грановскому по известнымъ уже намъ особенностямъ его духовной организаціи. Онъ и самъ чувствовалъ, что трудъ, котораго сущность состоитъ лишь въ искусномъ сводѣ того, что уже сдѣлано другими, требуетъ отъ него напряженія, ему несвойственнаго. Онъ страдалъ въ тоже время припадками болѣзни, которая въ послѣдствіи разрѣшилась такъ неожиданно его смертію, и между тѣмъ продолжалъ работать усильно. Онъ хотѣлъ быть полезнымъ другимъ и жертвовалъ этой мысли своимъ личнымъ интересомъ. Какъ нарочно, начинать приходилось съ тѣхъ частей исторіи, которыя менѣе другихъ входили въ кругъ прежнихъ занятій профессора. Согласно съ современными требованіями науки, надобно было прежде всего изобразить въ довольно полной картинѣ раннее историческое дѣйствіе на Востокѣ; надобно было въ немногихъ, но вѣрныхъ чертахъ схватить характеръ историческаго развитія въ Египтѣ, Ассиріи, Финикіи, Персіи, Индіи, Китаѣ, пользуясь результатами новѣйшихъ изслѣдованій. Работа требовала много времени, еще больше настойчивости. При доброй волѣ не оказалось недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, хотя, можетъ-быть, не безъ ущерба для иныхъ болѣе любимыхъ занятій, да и для самаго здоровья трудившагося. Работа ведена была не спѣшною, но твердою рукой. Уже самыя запутанныя эпохи древняго развитія были представлены въ стройномъ научномъ изложеніи; уже важнѣйшія страны Востока были пройдены одна за другою при свѣтѣ новыхъ открытій и изслѣдованій. Последнее лѣто, живя въ деревнѣ, Грановскій трудился надъ удобопонятнымъ и связнымъ изложе-

ніемъ исторіи Евреевъ (которыхъ судьбы занимали его и при самомъ началѣ литературной дѣятельности). Передъ нимъ уже занималась исторія классическаго міра; онъ готовился выдти на болѣе ровную почву гелленизма и романизма, чтобы ими начать свое обозрѣніе первыхъ зачатковъ европейскаго образованія. Въ это самое время дыханіе смерти остановило его руку и навсегда прервало трудъ, въ которомъ зрѣли сѣмена добра можетъ быть для нѣсколькихъ поколѣній къ ряду.

Нельзя не упомянуть наконецъ о томъ литературномъ предпріятіи, которое много занимало Грановскаго въ послѣдніе дни его жизни. По особенному стеченію обстоятельствъ, послѣдній годъ вообще былъ для него эпохою самаго сильнаго возбужденія умственныхъ и всѣхъ душевныхъ силъ. Никогда еще не порывался онъ такъ дѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами на общую пользу, на пользу образованія въ особенности. Слѣды жизненнаго утомленія, которые еще не долго передъ тѣмъ туманили его взоръ и по временамъ отзывались въ самыхъ его рѣчахъ, вдругъ исчезли, оставивъ мѣсто болѣе ясному и свѣтлому воззрѣнію на жизнь. Съ отрадою и упованіемъ начиналъ онъ смотрѣть на будущее, и глаза его по прежнему загорались огнемъ, когда онъ начиналъ говорить о своихъ надеждахъ. Люди, особенно близкіе къ Грановскому, уже во время пребыванія его въ деревнѣ лѣтомъ, замѣтили это внезапное обновленіе его нравственныхъ силъ. Возвратившись къ намъ въ Москву осенью, онъ поразилъ всѣхъ своею необыкновенною возбужденностію. Онъ самъ постоянно былъ занятъ одною работою и говорилъ намъ всѣмъ о необходимости работать дѣятельно для пользы общей. Тогда съ особенною горячію взялся онъ за мысль о періодическомъ изданіи литературно-историческаго сборника, мысль, которая занимала его съ давнихъ поръ, но по разнымъ обстоятельствамъ все еще не могла быть приведена въ исполненіе. Это изданіе (на первый разъ отъ 3 до 4 книжекъ въ годъ) должно было обнять въ себѣ современное движеніе не только исторической науки въ обширномъ смыслѣ, но также литературы и политики. Грановскій рассчитывалъ на

содѣйствіе многихъ своихъ товарищей и бывшихъ слушателей, и не ограничиваясь главною редакціею сборника, самъ хотѣлъ принять въ немъ дѣятельнѣйшее участіе. Цѣлый рядъ мыслей о своей наукѣ думалъ онъ изложить въ особыхъ статьяхъ, которыми хотѣлъ дать названіе «Историческихъ писемъ». Здѣсь же по всей вѣроятности нашла бы себѣ осуществленіе и другая любимая его мысль: подъ названіемъ «Городъ» давно хотѣлъ онъ представить публикѣ плодъ своего многолѣтняго изученія городской европейской жизни въ трехъ различныхъ ея моментахъ, или въ древней, средней и новой исторіи. Новая историческая литература, безъ сомнѣнія, также нашла бы въ немъ себѣ самый вѣрный отголосокъ. Какъ бы побуждаемый какимъ предчувствіемъ, Грановскій торопилъ своихъ будущихъ сотрудниковъ приготовленіемъ программы и подробнаго плана занятій для предполагаемаго изданія. Болѣзнь свою, которая не казалась опасною, сносилъ онъ тѣмъ нетерпѣливѣе, что она иѣшала ему — по желанію немедленно подвинуть дѣло впередъ. Программа была заготовлена. За два дня до смерти онъ слушалъ ее съ одобрительнымъ взглядомъ и подтвердилъ еще разъ, что надобно какъ можно скорѣе приступать къ самому дѣлу. Черезъ нѣсколько дней онъ надѣялся стать на ноги и очень охотно говорилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, чтобы испросить дозволеніе на изданіе сборника. Известно, какъ не суждено было сбыться всѣмъ этимъ добрымъ надеждамъ.

Послѣ всѣхъ объясненій остается однако неизмѣннымъ тотъ результатъ, что Грановскій немного писалъ для публики. Но, по нашему крайнему убѣжденію, это нисколько не иѣшаетъ ему быть однимъ изъ нашихъ избранныхъ писателей. Говоря строго, критика еще не прозвучала надъ нимъ своего суда. До сихъ поръ о немъ говорили лишь какъ объ авторѣ той или другой статьи: теперь наступило время опредѣлить его мѣсто и общее значеніе въ литературѣ. Полное изданіе всего, что написано было Грановскимъ и напечатано еще при его жизни, можетъ послужить къ тому лучшимъ поводомъ. Впрочемъ мы не сомнѣваемся, что внимательный разборъ всѣхъ сочиненій, собранныхъ вмѣстѣ, не

только не уронить прежняго мнѣнія объ ихъ авторѣ, но подниметь его еще болѣе. До сего времени критикѣ приходилось имѣть дѣло (мы беремъ, за недостаткомъ факта, его предположеніе) съ нѣкоторыми отдѣльными мыслями автора и частными результатами его изслѣдованій: теперь ей представляется случай обсудить всю сферу умственнаго созерцанія писателя, сколько она отразилась въ его сочиненіяхъ. Никогда также не имѣла она лучшаго повода говорить о степени его умственнаго и нравственнаго образованія и о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ оно сложилось. Только теперь можно основательно разсуждать о томъ, какъ относится содержаніе сочиненій нашего автора къ ихъ незначительному внѣшнему объему. Смѣемъ думать, что эта важная сторона не ускользнетъ болѣе отъ вниманія критики; надѣемся также, что Грановскій наконецъ найдетъ себѣ оцѣнку не только какъ писатель, но и какъ историкъ и изслѣдователь въ особенности. Отъ него не стануть болѣе требовать того, чего онъ не исполнилъ, а постараются добросовѣстно взвѣсить и опредѣлить цѣну тѣхъ идей, которыя онъ успѣлъ ввести вновь въ нашу литературу. Ибо съ этой только точки зрѣнія могутъ быть по справедливости оцѣнены заслуги писателя обществу, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Предупреждая критическій судъ, мы позволимъ себѣ причислить нашего автора къ числу «избранныхъ» писателей въ нашей литературѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно было бы сослаться на тотъ живой и всѣмъ извѣстный интересъ, который всегда возбуждали сочиненія Грановскаго въ образованной публикѣ. Но мы можемъ привести сверхъ того и нѣкоторыя другія основанія. Говоря объ избранныхъ писателяхъ, мы предполагаемъ въ нихъ прежде всего строгую разборчивость въ отношеніи къ самимъ себѣ. Въ авторѣ «Сугерія» и «Характеристикъ» не было недостатка въ этомъ качествѣ: его скорѣе можно было бы упрекнуть за излишнюю строгость къ своимъ литературнымъ произведеніямъ, но ужъ вѣрно никто не поставитъ ему въ упрекъ многорѣчивости и легкомыслія. Утверждаемъ смѣло, что между сочиненіями Грановскаго нѣтъ статьи, которая была бы случайнаго проис-

хожденія и не служила бы выраженіемъ зрѣло обдуманной мысли. Многое осталось неисполненнымъ со стороны автора, чего въ правѣ были желать отъ него читатели, но за то въ его произведеніяхъ нѣтъ тѣхъ праздныхъ страницъ, которыя часто наполняются разглагольствіями писателей о самихъ себѣ, а подѣ часъ даже толками о своихъ собственныхъ заслугахъ литературѣ и о своемъ честномъ, усердномъ и безукоризненномъ служеніи ей. Литература была для Грановскаго «дѣломъ» въ настоящемъ смыслѣ слова, а не пустымъ парадомъ словъ, или искусствомъ самовосхваленія. Какъ ни ухаживала за нимъ литературная сплетня, какъ ни старалась задѣть его съ чувствительной стороны, ей ни разу не удалось ввести его на тотъ грязный дворъ литературы, гдѣ, для забавы публики, даются время отъ времени разные потѣшныя зрѣлища, которыхъ матеріалъ нерѣдко берется изъ самой жизни современниковъ. Сочиненія Грановскаго чужды всего личнаго. Рѣдко вдавался онъ въ полемику, да и въ ней всегда умѣлъ сохранить благородный тонъ. — Называя писателя избраннымъ, мы имѣемъ также въ виду нѣкоторыя свойственныя ему особенности самаго изложенія, или внѣшней формы. И въ этомъ отношеніи Грановскій стоитъ особо въ нашей литературѣ. Самые порицатели его никогда не думали отрицать у него изящества рѣчи. Оно состояло главнымъ образомъ въ ясности, простотѣ и какомъ-то особенномъ благородствѣ языка, столько же мужественнаго, сколько и выразительнаго. Между многими внѣшними особенностями нашего автора замѣтимъ одну черту: начавши писать въ то время, когда у насъ были въ сильномъ ходу философическіе термины, заимствованные изъ чужаго языка, и самъ много занимааясь нѣмецкою философіею, онъ однако, благодаря столько же своему вѣрному смыслу, сколько и чувству изящнаго въ языкѣ, умѣлъ сохранить свою рѣчь свободною отъ всякой посторонней примѣси. Не рѣзъ приходилось ему касаться очень трудныхъ вопросовъ науки, а между тѣмъ рѣчь его никогда не теряла ясности и не пестрѣла неудобопонятными терминами. *Le style c'est l'homme*—говорить старая, очень умная поговорка. Она вполне прилагается и къ нашему автору. Въ самомъ

дѣлѣ, мало сказать, что Грановскій умѣлъ сохранить чистоту и изящество рѣчи, когда объ этомъ думали всего меньше, когда литература особенно страдала какою-то больною распушенностію языка. Онъ умѣлъ сверхъ того придать своей рѣчи какъ бы особенную фizioномію; когда большинствомъ почти утраченъ былъ всякій смыслъ отчетливости и правильности въ выраженіи, онъ выработалъ для себя свой собственный слогъ, съ нѣкоторыми ему одному принадлежащими отличіями. Не говоримъ уже о выборѣ словъ, — читатели могутъ повѣрить это наше наблюденіе еще на свойственномъ нашему автору построеніи цѣлыхъ фразъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ умѣлъ онъ управляться съ нашими длинными причастіями, или какъ умѣлъ онъ избѣгать обыкновенныхъ, слишкомъ пошлыхъ оборотовъ, сохраняя впрочемъ связность и плавность рѣчи. Не приводимъ примѣровъ: они разсыяны въ книгѣ. Вообще Грановскій не любилъ слишкомъ связаннаго и сложнаго изложенія; онъ предпочиталъ рѣчь болѣе свободную, т. е. сжатую, нѣсколько даже отрывистую, но въ тоже время сильную и выразительную. И всѣ эти особенности выработаны имъ въ такой періодъ развитія литературы, когда проведенный по ней общій однообразный уровень повидимому не оставлялъ въ ней много мѣста внѣшнимъ различіямъ между прозаическими писателями.

Намъ остается сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о самомъ изданіи сочиненій Грановскаго. Труды по редакціи ихъ раздѣлены были со мною профессоромъ С. М. Соловьевымъ. Въ согласіи съ нимъ установленъ былъ мною и самый планъ изданія. Хронологическій порядокъ былъ отвергнутъ нами, какъ не соответствующій цѣли. Принявъ его, намъ пришлось бы перемѣшать рецензіи историческихъ книгъ съ самостоятельными изслѣдованіями автора. На основаніи разнородности самаго содержанія, мы предпочли раздѣлить всѣ сочиненія Грановскаго на три главные отдѣла. Въ первый изъ нихъ вошли сочиненія *общаго историческаго содержанія*, которыя касаются болѣе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ науки, нежели изображенія того или другаго историческаго времени, или изложенія какихъ либо событій. Рѣчь «Объ

исторіи» по праву должна была занять первое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ, потому что въ ней изложены самыя зрѣлыя понятія автора о наукѣ, которая составляла главный предметъ его занятій. Сюда же вошло изложеніе «Родового быта Германцевъ», на томъ основаніи, что авторъ, на извѣстныхъ намъ исторически формахъ древняго германскаго общества, хотѣлъ раскрыть природу и условія родового быта вообще. Это такъ справедливо, что закоснѣлые противники родового быта тотчасъ почувствовали опасность для себя и снова принялись выводить стѣну между германскимъ и славянскимъ міромъ, завіряя всѣхъ, что, такъ-какъ родовой бытъ безспорно былъ у Германцевъ, то поэтому самому его и не могло быть у Славянъ. Наконецъ здѣсь же всего приличнѣе могла занять мѣсто и статья М. Эдвардса «О фізіологическихъ признакахъ породъ». Читатель легко можетъ видѣть близкое отношеніе ея къ тѣмъ мыслямъ, которыя изложены въ рѣчи нашего автора. Мы не считали эту статью лишнею между сочиненіями Грановскаго, какъ потому что онъ вполнѣ раздѣлялъ воззрѣніе знаменитаго фізіолога на этотъ предметъ, такъ еще болѣе потому, что онъ же взялъ на себя трудъ передать ее русской публикѣ и снабдить своими собственными примѣчаніями. Между прочимъ она же можетъ послужить примѣромъ того, какъ слѣдуетъ дѣлать переводы съ другихъ языковъ, сохраняя вѣрность подлиннику и нисколько не нарушая требованій своего языка.

Во второй отдѣлѣ вошли всѣ болѣе частныя *историческія изслѣдованія, очерки и характеристики*, прямо относящіяся къ опредѣленнымъ историческимъ эпохамъ и народностямъ. Здѣсь впереди всего мы сочли за нужное помѣстить статью подъ названіемъ «Судьбы Евреевъ», составленную по Дешингу и Капфигу для Библіотеки для Чтенія. Это, сколько намъ извѣстно, самый первый опытъ автора въ изложеніи историческихъ событій. По немъ читатель лучше можетъ судить о степени дальнѣйшаго совершенствованія того же писателя. Въ томъ же самомъ журналѣ помѣщены были вслѣдъ за первою и нѣкоторыя другія историческія работы Грановскаго, впрочемъ безъ подписи его имени. Положительно мы знаемъ это о статьяхъ: «Финикіане

и Кареагенцы» (по Мюнтеру), которая впрочемъ явилась въ видѣ рецензій на «Лекціи Погодина по Герену», и «Свитригайло князь Литовскій», по сочиненію Коцебу. Но мы не рѣшились перенести этихъ статей въ полное изданіе сочиненій, потому что не въ состояніи отдѣлить отъ нихъ чужаго нароста и отличить тѣ измѣненія, которыя сдѣланы въ нихъ самою редакціею журнала. Главное содержаніе втораго отдѣла составили два историческія «Исслѣдованія», писанныя на ученые степени, и столько извѣстныя «Характеристики» Тамерлана, Александра Великаго, Лудовика Святаго и Бэкона. Это тѣ самыя произведенія нашего автора, которымъ ставили въ упрекъ, что они написаны слишкомъ хорошо для ученыхъ сочиненій. Въ заключеніи книги читатели найдутъ мастерской очеркъ поэтическаго содержанія Эдды. Это лишь небольшой образчикъ того, съ какою любовію и съ какимъ знаніемъ дѣла занимался профессоръ изученіемъ литературныхъ памятниковъ въ связи съ исторіею.

Критическія статьи и рецензій. Грановскаго дали обильныя матеріалы для третьяго отдѣла его сочиненій. Всѣ онѣ писаны по поводу историческихъ сочиненій, появившихся въ продолженіе послѣднихъ 10 или 15 лѣтъ въ Германіи, Франціи и Россіи. У Грановскаго надобно было учиться писать рецензій. Въ немногихъ чертахъ онъ умѣлъ схватить главное содержаніе книги и придать статьѣ самостоятельный характеръ изложеніемъ своего собственнаго взгляда. У многихъ читателей и теперь еще въ свѣжей памяти превосходный очеркъ исторіи и внутренняго состава Византійской имперіи, набросанный имъ по поводу одного небольшого сочиненія, подъ названіемъ «Латинскіе императоры въ Константинополѣ». Разбѣянные въ разныхъ журналахъ, онѣ собраны теперь въ одномъ изданіи. Къ нимъ же присоединили мы «Біографическій очеркъ Нибура» (къ сожалѣнію оставшіяся неоконченными), на томъ основаніи, что онѣ составлены были авторомъ по поводу появившейся въ концѣ тридцатыхъ годовъ «Переписки Нибура», которая содержитъ въ себѣ самый богатый матеріалъ для біографіи знаменитаго историка. Мелкія бібліографическія статьи естественно

тутъ же должны были найти себѣ мѣсто. Желавшіе узнать ближе, съ какими приѣмами выступалъ Грановскій (хотя очень рѣдко) на литературное состязаніе, найдутъ ихъ въ ученомъ спорѣ его съ г. Хомяковымъ. Споръ давно забытъ, но употребленные въ немъ приемы кажется и до сихъ поръ могли бы служить хорошимъ урокомъ для многихъ. — За тѣмъ оставалось еще нѣсколько статей, изъ которыхъ, по разнородности ихъ содержанія, нельзя было составить новаго отдѣла. Мы рѣшились однако соединить ихъ вмѣстѣ въ особомъ *прибавленіи* ко второй книгѣ. Сюда войдутъ небольшія статьи, которыя были помѣщены въ Библіотекѣ для воспитанія (изд. Рѣдкинымъ), біографическій очеркъ Н. Г. Фролова, чтеніе объ Океаніи и пр.

Все изданіе, для бѣльшаго удобства, сверхъ того раздѣлено нами на двѣ части. Со временемъ мы желали бы и надѣемся дополнить дѣлаемое теперь изданіе сочиненій Грановскаго еще однимъ или нѣсколькими томами. Въ нихъ должны будутъ войти заготовленные имъ тетради учебника и выборъ изъ его университетскихъ курсовъ, по запискамъ студентовъ. Но это послѣднее дѣло требуетъ сличенія многихъ рукописей и потому отсрочивается на неопредѣленное время ¹⁾.

То поколѣніе, при которомъ началась профессорская дѣятельность Грановскаго, которое радостно привѣтствовало первые, нѣсколько робкіе успѣхи его на кафедрѣ, давно уже разстѣялось по лицу широкой Россіи. Тому прошло ужъ много лѣтъ. Но вотъ — назадъ тому нѣтъ еще и полнаго года — мы опять были свидѣтелями, какими горячимъ сочувствіемъ отзывались молодые сердца на задушевную рѣчь профессора, которая передавала имъ лучшій завѣтъ знанія, любовь къ человечеству. Мы видѣли еще, какъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ этой рѣчи,

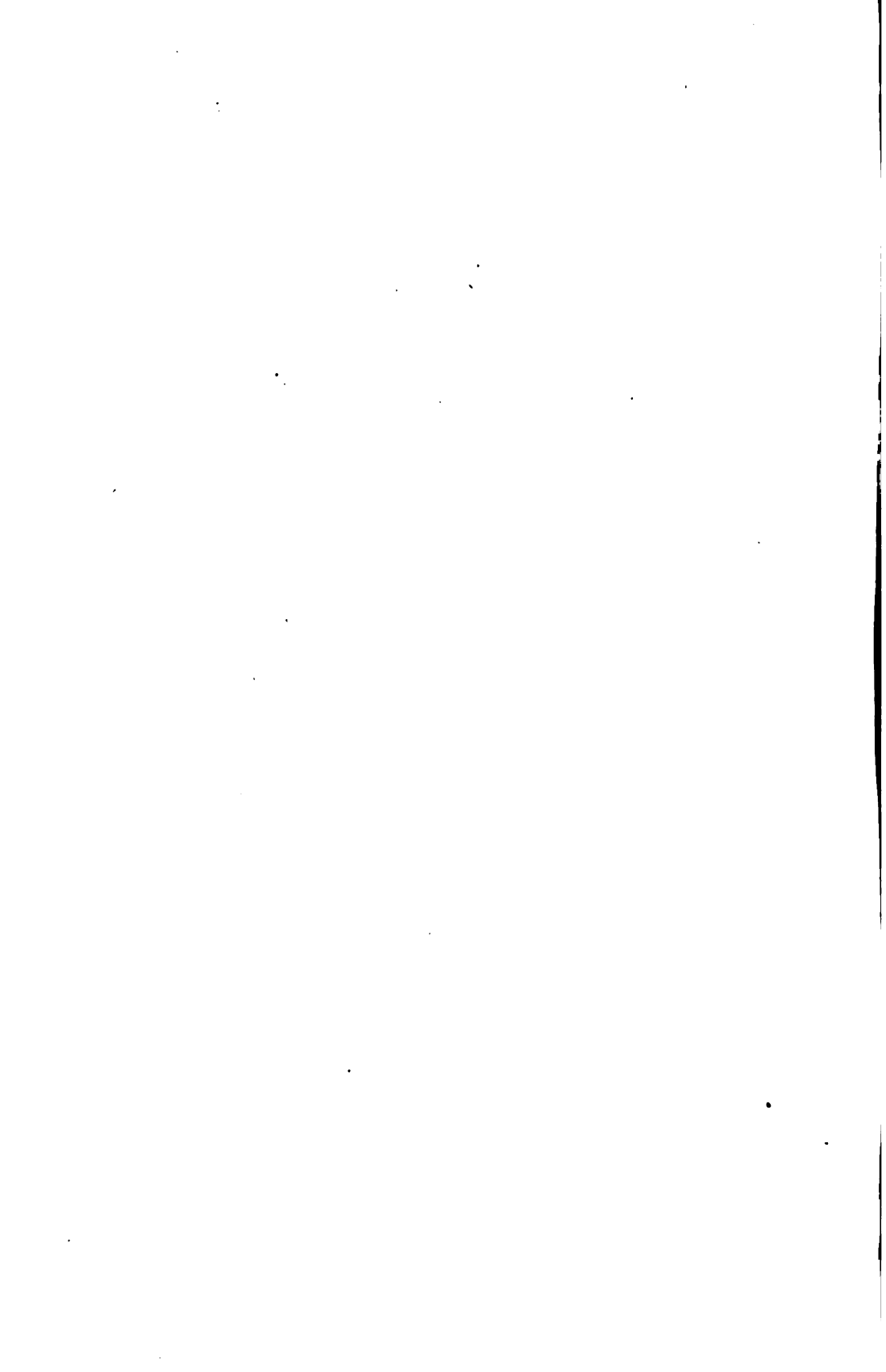
¹⁾ Надежды П. Н. Кудрявцева не исполнились. Возстановить хоть часть лекцій, по неполнымъ и несовѣреннымъ запискамъ студентовъ, оказалось рѣшительно невозможнымъ; тетрадью же учебника, для котораго Грановскій успѣлъ исполнить окончить только древнюю исторію Востока, не нашлось въ его бумагахъ, и до сихъ поръ неизвѣстно кому онъ были переданы имъ незадолго до смерти. — По этому и второе изданіе его сочиненій пополняется только одной его запиской «Объ ослабленіи классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ этой перемѣны».

перечитывались вновь прежде написанныя имъ строки, которыя давно перестали быть новостію въ литературѣ. Въ нихъ какъ-будто хотѣли дознать всю мысль автора, имъ можетъ быть недосказанную. То было уже вновь нарославшее поколѣніе, то самое, передъ которымъ въ послѣдній разъ прошелъ его свѣтлый образъ. Мы увѣрены, что въ нихъ, послѣднихъ его слушателяхъ, не умретъ любовь къ его памяти. Но неужели она останется только въ ихъ кругу и не сообщится другимъ, которые придутъ въ послѣдствіи занять ихъ мѣсто и не найдутъ болѣе столько любимаго преподавателя?.. Наступитъ еще одно новое поколѣніе; тайна живой увлекательной рѣчи дойдетъ до него развѣ только по преданію: за то, думается намъ, тѣмъ прилежнѣе будетъ оно изучать Грановскаго какъ писателя. И это изученіе — прибавимъ мы — не пропадетъ даромъ: оно взойдетъ въ молодыхъ умахъ десятиричнымъ плодомъ. Чтобы сказать нашу мысль сполна, — у Грановскаго долго не перестанутъ учиться живому пониманію науки, разумному сочувствію лучшимъ человѣческимъ интересамъ, глубокому уваженію ко всему истинно великому, благородно-рыцарскому образу мыслей, простотѣ и вѣрности ученыхъ пріемовъ, благородству и изяществу языка, всего же болѣе — неподкупности нравственного чувства.

Н. Кудравцевъ.

1856, апр. 15.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ И ЗНАЧЕНІИ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО
Московского Университета 1852 года января 12 дня ¹⁾).

ММ. ГГ.!

Московский Университетъ, alma mater всѣхъ однородныхъ заведеній въ Россіи, привыкъ къ просвѣщенному участию русскаго общества. Ваше постоянное присутствіе на праздникѣ, которымъ замыкается истекшій и начинается новый академическій годъ, служитъ доказательствомъ, что участіе это не хладѣетъ. Въ свою очередь, Университетъ встрѣчаетъ Васъ не какъ равнодушныхъ гостей: онъ предлагаетъ на судъ Вашъ образцы умственной дѣятельности своихъ членовъ и отдастъ Вамъ честный и правдивый отчетъ во всемъ, что было совершено имъ въ теченіе прибавившагося къ его жизни года. Скоро представитъ онъ цѣлой Россіи итоги, выведенные изъ ста такихъ отчетовъ и съ законною гордостію рассказать ей повѣсть своего вѣковаго служенія великимъ идеямъ истины и добра.

Находясь на очереди для произнесенія предъ Вами въ нынѣшнемъ году обычнаго слова, я избралъ себѣ предметомъ современное состояніе и значеніе той науки, которой нѣтъ чести быть преподавателемъ.

Вопросы о теоретическомъ значеніи Исторіи, о приложеніи ея уроковъ къ жизни, о средствахъ, которыми она можетъ достигать своихъ

¹⁾ Напечатана при годовичномъ отчетѣ Университета за 1851 годъ.

дѣйствительныхъ, или извнѣ ей поставленныхъ цѣлей, не новы. Они обращали на себя вниманіе великихъ умовъ древняго міра и составляютъ неистощимое содержаніе ученыхъ преній въ наше время. Важность этихъ вопросовъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи съ задачею нравственного и умственного образованія, слѣдовательно съ цѣлою участію будущихъ поколѣній.

По кореннымъ условіямъ своей жизни, Востокъ не могъ принять участія въ рѣшеніи вопросовъ такого рода. Они никогда не входили въ сферу, въ которой сосредоточена дѣятельность восточной мысли. Азіятскимъ народамъ не чужда врожденная человѣку потребность знать свое прошлое, но ихъ любознательность находитъ легкое удовлетвореніе въ родословныхъ спискахъ, въ простыхъ перечняхъ событій и въ историческихъ пѣсняхъ. Содержаніе этихъ памятниковъ, представляя обильный, хотя большею частію однообразный матеріалъ стороннему изслѣдователю, не могло на той почвѣ, которой принадлежитъ по происхожденію, уясниться до науки или облечься въ формы художественныхъ произведеній. Лѣтопись и пѣсня могутъ, конечно, быть вѣрнымъ отраженіемъ народнаго быта, но онѣ не въ состояніи служить орудіями умственного образованія. Онѣ живо и любовно напоминаютъ народу прошлое, не приводя его къ ясному сознанію настоящаго. Требуя отъ исторіи разсказа, а не поученій, Востокъ довольствовался самыми бѣдными, хотя соотвѣтствующими его общественному развитію, формами историческаго преданія. Единственное исключеніе составляютъ священныя книги Евреевъ. Мы говоримъ здѣсь не о вѣчномъ, стоящемъ выше человѣческихъ сужденій, значеніи Библіи, но о томъ богатствѣ нравственныхъ назиданій, житейской мудрости и глубокой поэзіи, которыми она преисполнена. Изъ этого источника черпало разсѣянное теперь по лицу земли племя ту дивную крѣпость, которую оно противопоставляло всѣмъ испытаніямъ своей злополучной исторіи. Но по самому свойству своему, божественный памятникъ, составляющій нынѣ духовную родину обреченнаго на скитаніе въ чужбинѣ Еврея, не могъ войти въ составъ предлагаемыхъ Вамъ, Мн. Гг., изслѣдованій. Ихъ исходною точкою будетъ древній, классическій міръ.

Греки и Римляне смотрѣли на исторію другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою. Такое воз-

зрѣніе естественнымъ образомъ вытекало изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Съ этою цѣлью соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. «Я буду удовлетворенъ, говоритъ Фукидидъ, если трудъ мой окажется полезнымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ, а равно и о томъ, что по ходу дѣлъ человѣческихъ можетъ повториться снова ¹⁾». Это практическое направленіе выразилось еще съ болѣею силою въ произведеніяхъ римскихъ историковъ; но въ лучшія времена римской литературы оно всегда соединялось съ нравственно-эстетическими цѣлями. Тѣсная связь исторіи съ жизнію, черпавшей изъ нея многостороннее назиданіе, сообщала нашей наукѣ важность, которой она, при всѣхъ сдѣланныхъ ею съ тѣхъ поръ успѣхахъ, не имѣетъ въ настоящее время. Назвавъ ее наставницею жизни ²⁾, Плиперонъ выразилъ господствовавшее у древнихъ воззрѣніе. Они вѣрили въ могущество примѣровъ. Ихъ жизнь, далеко не такъ сложная, какъ жизнь новыхъ народовъ; не рѣдко повторяла одни и тѣже явленія и такимъ образомъ открывала возможность прилагать къ дѣлу опыты минувшаго. Римскому гражданину, особенно въ послѣдній періодъ республики, во время ея высочайшаго могущества, нельзя было обойтись безъ обширной исторической образованности. Безъ нея невозможна была никакая политическая дѣятельность. Такое понятіе о практическомъ значеніи исторіи сохранилось при императорахъ. Самое рѣзкое и вполне подтверждающее наши слова свидѣтельство находится въ біографіи Александра Севера, написанной Эліємъ Лампридіемъ: «Северъ особенно пользовался совѣтами мужей, знавшихъ исторію, и спрашивалъ у нихъ, какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ шла рѣчь, древніе римскіе императоры или вожди другихъ народовъ ³⁾».

¹⁾ I. 32.

²⁾ *Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis.* Cicero de orat. II. 9.

³⁾ *Maxime Severus ad consulendum adhibuit eos qui historiam norant, requirens quid in talibus causis, quales in disceptatione versabantur, imperatores vel Romani, vel aliarum gentium fecissent.* Aelius Lampridius in Sev. c. 16. Можно подумать, что эти опытные въ исторіи мужи составляли родъ тайнаго совѣта при императорѣ.

При господствѣ такихъ направленій, произведенія древней исторіографіи не могли походить на ученые сочиненія новаго времени, болѣе или менѣе носящія на себѣ печать кабинетной работы. Историки Греціи и Рима принадлежали преимущественно высшимъ сословіямъ общества ¹⁾ и часто описывали такія событія, въ которыхъ были личными участниками или свидѣтелями. Они старались сообщить разсказамъ своимъ какъ можно болѣшую красоту, сдѣлать ихъ доступными для сколь можно большаго числа читателей. Изящная форма составляла необходимое условіе значительнаго успѣха. Но подъ изяществомъ формы разумѣлась не одна красота изложенія, а художественное, на основаніи общихъ законовъ искусства совершенное построеніе матеріаловъ. Исторія, по словамъ Лукіана, родственница поэзіи, а историкъ долженъ походить на ваятеля, который не создаетъ мрамора или металла, но творчески сообщаетъ имъ прекрасный образъ ²⁾. Въ теоретическихкихъ изслѣдованіяхъ о формахъ, свойственныхъ историческимъ сочиненіямъ, и объ отношеніи ихъ къ искусству вообще, высказался складъ ума обоихъ народовъ классической древности. Греки требовали преимущественно поэтической, Римляне—риторической стихіи ³⁾. Последняя, впрочемъ, была неизбежна вслѣдствіе того значенія, какое краснорѣчіе имѣло въ античной государственной жизни.

Имѣя такимъ образомъ въ виду или ту сторону духа, на которую дѣйствуетъ искусство, или сферу практической, гражданской дѣятельности, исторія уклонилась отъ строгаго характера науки. Изслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ, почти не существовали. Ихъ мѣсто заступали у великихъ писателей природная, укрѣпленная навыкомъ, способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. Къ тому же лучшія произведенія древнихъ историковъ суть монографіи, объемлющія одно какое-нибудь великое событіе, или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніи—

¹⁾ L. Otacilius Pilius (qui Cneium Pompeium M. docuit) primus omnium libertinorum, ut Cornelius Nepos opinatur, scribere historiam orsus, nonnisi ab honestissimo quoque scribi solitam. Sueton, de clar. orator. c. 3.

²⁾ Quomodo historia sit conscribenda. cap. 45 et 51.

³⁾ Ulrich, Charakteristik der antiken Historiographie. p. 301. 302.

емъ христiянства. Замѣчательная мысль Полибія о недостаточности частныхъ исторiй, по которымъ, говоритъ онъ, также мало можно судить объ общемъ ходѣ исторiи, какъ по отдѣльнымъ членамъ тѣла о красотѣ цѣлаго организма ¹⁾, не отозвалась даже въ его собственномъ трудѣ, равно какъ осталось безъ исполненiя и обѣщанiе Діодора сицилійскаго ²⁾ рассказать судьбы всего міра какъ исторiю одного государства. За то простота и опредѣленность содержанiя ставили древняго писателя въ весьма свободное отношенiе къ предмету. Одушевленiе, съ какимъ онъ приступалъ къ дѣлу, не охлаждалось предварительною повѣркою многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ свои свѣдѣнiя новый историкъ. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложныя, не прямо къ ней относящiяся явленiя. Фукидидъ передалъ намъ въ безсмертномъ творенiи своемъ весь ходъ Пелопонесской войны, но не считъ нужнымъ упомянуть о внутренней жизни Аѣны въ то время, о блестящемъ развитiи искусствъ и науки. Недостатокъ полноты искупается у него единствомъ содержанiя и возможнымъ только при такомъ условiи строгою красотой формы. При современныхъ понятiяхъ о задачѣ историка, подобное ограниченiе предмета едва ли можетъ быть допущено. Но древнiе, какъ сказано выше, рассматривали событiя не съ всемірно-исторической, а съ національной точки зрѣнiя, не допускали другой связи явленiй, кромѣ такъ называемой прагматической, и не входили въ разборъ безчисленныхъ пружинъ, которыми движутся человѣческія общества. Они безъ труда подымали легкую пошу историческихъ матеріаловъ, завѣщанныхъ имъ предшественниками, и смѣло подчиняли ее своимъ личнымъ нравственно-эстетическимъ или гражданскимъ цѣлямъ. Греческій или римскій историкъ не скрывается за описываемыми имъ событiями: напротивъ, онъ вноситъ въ рассказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искусство для передачи читателямъ собственного воззрѣнiя на данный предметъ. Не возвышаясь до созерцанiя общихъ судебъ челоѣчества, древнiе свели исторiю на степень эпизодическаго изложенiя, и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники, которыхъ недосигаемая красота не должна служить укоромъ новому историкъ, имѣющему предъ собою рѣшенiе другихъ, болѣе сложныхъ вопросовъ.

¹⁾ Prooem. — ²⁾ I, 3.

Необозримая масса накопившихся въ теченіи тысячелѣтій источниковъ нашей науки можетъ навести страхъ на самого смѣлаго и предприимчиваго изслѣдователя. А между тѣмъ эта масса ежедневно увеличивается открытіемъ неизвѣстныхъ памятниковъ, или поступленіемъ въ ученый оборотъ такихъ, на которые до сихъ поръ не было обращено надлежащаго вниманія. У всѣхъ европейскихъ народовъ замѣтно однообразное стремленіе собрать въ одно цѣлое всѣ сохранившіяся свидѣтельства и преданія о своей старинѣ. Великіе труды французскихъ Бенедиктинцевъ и отдѣльныхъ ученыхъ XVII и XVIII вѣка блѣднѣютъ предъ однородными предпріятіями нашего времени. Просвѣщенное участіе правительствъ даетъ средства къ осуществленію начинаній, неисполнимыхъ силами частныхъ лицъ. Одновременно съ превосходными изданіями лѣтописей и государственныхъ актовъ европейскихъ державъ предпринимаются въ другія части свѣта ученыя экспедиціи, раскрывающія передъ нами тайны погибшихъ цивилизацій и народностей. Безчисленныя монографіи доводятъ до свѣдѣнія большинства читателей результаты новыхъ открытій и показываютъ ихъ отношенія къ предшествовавшему состоянію науки. Самый кругъ историческихъ источниковъ безпрестанно расширяется. Сверхъ словесныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ всякаго рода, отъ народной пѣсни до государственной грамоты, онъ принимаетъ въ себя памятники искусства и вообще всѣ произведенія человѣческой дѣятельности, характеризующія данное время или народъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ науки, которая не входила бы своими результатами въ составъ всеобщей Исторіи, имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества. Но изнемогая съ одной стороны подъ обременительнымъ богатствомъ матеріаловъ, которыхъ одолѣть вполне не въ силахъ никакое трудолюбіе, историкъ часто поставленъ съ другой стороны въ необходимость замѣнять собственными предположеніями и догадками совершенное отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ. Ясно, что, при настоящемъ состояніи исторіи, она должна отказаться отъ притязаній на художественную оконченность формы, возможной только при строгой опредѣленности содержанія, и стремиться къ другой цѣли, т. е. къ приведенію разнородныхъ стихій своихъ подъ одно единство науки.

Совершенно ли ею это дѣло? смѣемъ сказать, что нѣтъ. Всѣ вышедшія въ теченіи нынѣшняго столѣтія сочиненія о всеобщей Исторіи,

какъ бы ни велика была пріобрѣтенная ими слава, служить оправданіемъ нашего отрицательнаго отвѣта. Начиная отъ 24-хъ книгъ о всеобщей исторіи Іоганна Мюллера, такъ мало оправдавшихъ высокія ожиданія, возбужденныя именемъ и обѣщаніями автора, до многотомнаго, но незначительнаго и не стоющаго своей извѣстности сочиненія Канту, мы видѣли рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ осуществить идеалъ всеобщей Исторіи. Вмѣнять эту неудачу безсилію писателей было бы несправедливо, въ виду великихъ успѣховъ совершенныхъ исторіею съ начала нынѣшняго столѣтія. Причины лежатъ глубже. Онѣ заключаются въ отсутствіи строгаго метода и въ недостаточно ясному сознанію настоящихъ цѣлей нашей науки.

Величайшій историкъ XIX столѣтія, Нибуръ глубоко чувствовалъ эти недостатки, и никто не можетъ стать на ряду съ нимъ относительно заслугъ, оказанныхъ исторіи. Здѣсь рѣчь идетъ не о результатахъ его изслѣдованій о римской древности, а объ усовершенствованномъ имъ методѣ исторической критики и о цѣломъ его возрѣніи на науку. Можно сказать, что критика была до него дѣломъ личнаго таланта, какъ у древнихъ. Превосходство новыхъ заключалось въ большей начитанности и въ пріобрѣтенномъ навыкѣ обращаться съ огромнымъ матеріаломъ. Точныхъ и всѣмъ общихъ приемовъ не было. Ихъ создалъ Нибуръ, работая надъ римской исторіею. Замѣтимъ однако, что его постигла участь, нерѣдко бывающая удѣломъ великихъ людей на пути открытій и изобрѣтеній. Колумбъ унесъ съ собою въ могилу убѣжденіе, что онъ нашелъ путь къ восточному берегу Азіи. Мнѣніе Нибура о древнѣйшихъ памятникахъ римской исторіи извѣстно: онъ полагалъ, что эти памятники, содержавшіе въ себѣ самыя положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія, подвергались измѣненіямъ и порчѣ подъ перомъ позднѣйшихъ римскихъ писателей. Задача критики состояла слѣдовательно въ разложеніи риторическихъ разсказовъ Ливія на ихъ простѣйшія составныя части и въ возстановленіи первобытныхъ источниковъ. Такая цѣль, очевидно, не могла быть достигнута, но преслѣдуя ее, Нибуръ нашелъ настоящіе законы исторической критики. Онъ показалъ намъ, какъ должно разбирать источники, и въ какой степени они заслуживаютъ довѣрія. Вліяніе его примѣра не замедлило обнаружиться. Черезъ тринадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія «Римской Исторіи», явилась критика новыхъ историческихъ писателей Ранке, небольшое, но образцовое сочиненіе, въ ко-

торомъ съ блестящимъ успѣхомъ приложены къ дѣлу уроки великаго учителя ¹⁾. Въ настоящее время Ранке есть главный представитель исторической критики въ Германіи. Его многочисленные ученики образовали школу, которой дѣятельность, устремленная преимущественно на разработку средневѣковыхъ памятниковъ, уже принесла богатые плоды.

Заслуга Нибура не ограничилась впрочемъ введеніемъ новыхъ и точныхъ приѣмовъ критики. Еще будучи юношею, въ частной перепискѣ своей, онъ высказалъ нѣсколько смѣлыхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимости дать исторіи новыя, заимствованныя изъ естественнѣдѣнія основы ²⁾. Историческое значеніе человѣческихъ породъ не успѣло отъ его вниманія, но ему не привелось развить вполне и приложить къ дѣлу свои предположенія объ этомъ столь важномъ предметѣ. Тѣмъ не менѣе его превосходныя изслѣдованія объ этнографіи Италіи и древняго міра вообще могутъ служить исходною точкою и образцомъ для дальнѣйшихъ трудовъ такого рода.

Около того же времени, вопросъ о породахъ началъ занимать пытливые умы въ Германіи. Форіель, братья Тьерри и другіе ученые старались объяснить отношенія различныхъ народностей, преимущественно господствовавшихъ на почвѣ Франціи и Англіи. Они озадачили яркимъ свѣтомъ начало средневѣковыхъ народовъ и обществъ, но не рѣшились переступить чрезъ обычные грани историческихъ изслѣдованій и оставили въ сторонѣ фізіологическіе признаки тѣхъ породъ, которыхъ историческія особенности были ими тщательно опредѣлены. Надобно было, чтобы натуралистъ подалъ наконецъ голосъ противъ такого стѣсненія нашей науки и указалъ на связь ея съ фізіологіею. Въ 1829 году, Эдвардсъ (W. F. Edwards) издалъ письмо свое къ Амедею Тьерри о фізіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и отношеніи ихъ къ исторіи. Это письмо содержитъ въ себѣ полное, изъ сферы естественныхъ наукъ почерпнутое, оправданіе выводовъ, къ которымъ пришли другими путями и совершенно независимо одинъ отъ другаго, Нибуръ и Амедей Тьерри ³⁾. Снимая съ разбѣянныхъ по лицу западной Европы галло-кимврскихъ племенъ ихъ новыя имена и

¹⁾ Leop. Ranke, zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. 1824.

²⁾ Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr, I. 44.

³⁾ Эдвардсъ самъ ниѣлъ въ виду только Исторію Галловъ Ам. Тьерри. Изслѣдованія Нибура о томъ же предметѣ были, вѣроятно, ему вовсе неизвѣстны.

доказывая живучесть породъ, Эдвардсъ излагаетъ правила для будущихъ розысканій. Высказанныя имъ по этому поводу мысли были приняты съ общимъ одобреніемъ, но до сихъ поръ еще не принесли желаемой пользы. Въ Англіи, Америкѣ и Франціи существуютъ ученныя этнографическія общества, которыхъ труды значительно подвинули впередъ антропологію, но не обнаружили надлежащаго вліянія на исторію. Уступки, сдѣланныя историками новымъ требованіямъ, были большею частію внѣшнія. Дальнѣйшее упорство, впрочемъ, невозможно, и исторія, по необходимости, должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ. Ей нельзя долѣе уклоняться отъ участія въ рѣшеніи вопросовъ, съ которыми связаны не только тайны прошедшаго, но и доступное человѣку пониманіе будущаго. Дѣйствуя за одно съ антропологіею, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своемъ великія породы человѣчества и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій, свойства. Каковъ бы ни былъ окончательный выводъ этихъ изслѣдованій, имѣющихъ, быть можетъ, обнаружить историческое безсиліе цѣлыхъ породъ, не призванныхъ къ благороднѣйшимъ формамъ гражданской жизни, онъ принесетъ несомнѣнную пользу наукъ, ибо сообщитъ ей болшую положительность и точность. Но не одною этою только стороною граничитъ исторія съ естествознаніемъ. Еще древніе замѣтили рѣшительное вліяніе географическихъ условій, климата и природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ. Монтескье довелъ эту мысль до такой крайности, что принесъ ей въ жертву самостоятельную дѣятельность духа ¹⁾. Несмотря на то, отношеніе человѣка къ занимаемой имъ почвѣ и ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга еще никогда не были удовлетворительнымъ

¹⁾ Съ особенною рѣзкостью высказалъ авторъ «Духа законовъ» свою мысль въ слѣдующихъ словахъ: On a donc plus de vigueur dans les climats froids. L'action du coeur et la réaction des extrémités des fibres s'y font mieux, les liqueurs sont mieux en équilibre, le sang est plus déterminé vers le coeur et réciproquement le coeur a plus de puissance. Cette force plus grande doit produire bien des effets; par exemple, plus de confiance en soi même, c'est à dire plus de courage; plus de connoissance de sa superiorité, c'est à dire moins de désir de la vengeance; plus d'opinion de sa sureté, c'est à dire plus de franchise, moins de soupçons, de politique et de ruse. Enfin cela doit faire des caractères bien différens. (De l'esprit de loix. Liv. XIV, 11.)

образомъ объяснены. Великое твореніе Карла Риттера ¹⁾, принимающаго землю за «храмину, устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго», проложило, конечно, новые пути историкамъ нашего времени, но многіе ли воспользовались этими трудными путями и предпочли ихъ прежнимъ, пробитымъ безчисленными предшественниками тропинкамъ? Вошедшій теперь въ употребленіе обычай снабжать историческія сочиненія географическими введеніями, заключающими въ себѣ характеристику театра событій, показываетъ только, что значеніе и успѣхи сравнительнаго землевѣдѣнія обратили на себя вниманіе историковъ и заставили ихъ измѣнить нѣсколько форму своихъ произведеній. Самое содержаніе не много выиграло отъ этого нововведенія. Географическіе обзоры, о которыхъ мы упомянули, рѣдко соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстію переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему предметамъ и думаетъ, что вполне удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ будто дѣйствіе природы на челоуѣка не есть постоянное, какъ будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Намъ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распределеніе произведеній природы на поверхности земнаго шара находится въ тѣснѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ ²⁾. Одно растеніе обуславливаетъ иногда цѣлый бытъ народа. Исторія Ирландіи была бы безспорно иная, если бы картофель не составлялъ главнаго средства пропитанія для ея жителей. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ животныхъ для другихъ странъ. Позвольте мнѣ, ММ. ГГ., привести по этому поводу слова знаменитаго нашего натуралиста, академика Бера.

«Ходъ всемірной Исторіи, говоритъ онъ, опредѣляется внѣшними физическими условіями. Вліяніе отдѣльныхъ личностей въ сравненіи

¹⁾ Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie.

²⁾ См. въ запискахъ Берлинской Академіи 1834 года, превосходную, исполненную глубокомысленныхъ замѣчаній статью Риттера: Der tellurische Zusammenhang der Natur und Geschichte in den Productionen der drei Naturreiche, oder über eine geographische Productenkunde.

съ ними ничтожно. Онѣ всегда почти приводили только въ исполненіе то, что уже было подготовлено, и такъ или иначе, а должно было совершиться. Стремленіе установить что-нибудь совершенно новое и неподготовленное остается безуспѣшно, или влечетъ за собою только разрушеніе. Никто, конечно, не возьмется опредѣлить, какъ сложилась бы исторія человечества, если бы физическія свойства обитаемой имъ мѣстности были не тѣ, какія теперь. Но нельзя не обратить вниманія на то, что небольшія отступленія отъ дѣйствительно существующихъ нынѣ свойствъ необходимо были бы причиною очень значительныхъ отклоненій въ ходѣ всемірной Исторіи. Если бы, напримѣръ, при неизмѣнности всего остального на поверхности земли, Суэзскій заливъ простирался градусомъ дальше на сѣверъ, то-есть достигалъ бы Средиземнаго моря, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано установилось бы дѣятельное сообщеніе между берегами Средиземнаго моря и Индіи, не говоря уже о берегахъ Аравіи и Африки. Особенности, которыми запечатлѣна природа человѣка въ Индіи, гораздо раньше смѣшались бы съ особенностями Европы. — Или, не измѣняя очертанія Чермнаго моря, предположимъ, что воды Абиссиніи и окрестныхъ странъ текутъ не въ долину Нила, а кратчайшимъ путемъ прямо въ Черное море. Для этого надо было только, чтобы мѣстность на сѣверъ отъ Абиссиніи понизилась отъ запада къ востоку. Тогда исчезъ бы великій путь сообщенія между сѣвернымъ краемъ Африки и ея серединой. Египетъ, неоплодотворяемый приносимымъ съ юга органическимъ веществомъ, былъ бы пустыней безплоднѣ Триполиса. Онъ не имѣлъ бы уже вліянія на развитіе Греціи, и конечно судьбы народа Израильскаго были бы тогда иныя, которыхъ мы не въ состояніи разгадать. Но за то Абиссинія пришла бы въ тѣсное соприкосновеніе съ южнымъ берегомъ Азіи, и весьма вѣроятно, что тогда развились бы двѣ отдѣльныя, надолго чуждыя другъ другу цивилизаціи — цивилизація Европы и цивилизація Индійскаго океана, точно такъ, какъ теперь мы не можемъ не признать двѣ отдѣленные другъ отъ друга, и потому различныя цивилизаціи — восточную въ Китаѣ, и противоположную ей на западѣ, которую мы привыкли считать единственною. Желать изчислить слѣдствія еще большихъ измѣненій значило бы вдатся въ область вымысловъ.

«Сказаннаго довольно для уразумѣнія той истины, что когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши,

поднялись хребты горъ и отдѣлили другъ отъ друга страны — судьба человѣческаго рода была опредѣлена уже напередъ, и что всемірная исторія есть не что иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи. Въ заключеніе постараемся показать въ немногихъ словахъ, что даже и теперь, когда завоеванія въ области наукъ и промышленности дали человѣку столько средствъ покорять себѣ природу, исторія его развитія все еще подчинена той же неизбѣжной судьбѣ».

«Мы живемъ въ эпоху, когда европейская цивилизація перенеслась на всѣ населенные берега. Нѣкоторыя части Европы кажется уже не могутъ доставлять своимъ жителямъ пищу въ желаемомъ изобиліи. Европа начала переселять своихъ, привыкшихъ къ высшимъ формамъ жизни, жителей въ другія части свѣта. Это переселеніе будетъ усиливаться вмѣстѣ съ увѣренностью найти въ другой части свѣта европейскую образованность и можетъ продолжаться необозримо долгое время, ибо производительность природы въ теплѣйшихъ странахъ, за исключеніемъ областей лишенныхъ дождя, несравненно сильнѣе, нежели въ средней Европѣ. Манисъ родится обыкновенно самъ-сорокъ, иногда самъ-200 и даже 300; и хотя онъ сѣется гораздо рѣже, просторнѣе, нежели наши хлѣба, но все-таки данное пространство земли, засѣянное манисомъ, доставляетъ гораздо больше пищи, нежели такое же, засѣянное нашимъ хлѣбомъ. Кромѣ того, въ жаркихъ странахъ жатва бываетъ два, иногда даже три раза въ годъ. Бананы доставляютъ въ теплыхъ и влажныхъ странахъ на ровномъ пространствѣ еще болѣе питательнаго вещества. По наблюденіямъ Александра Гумбольдта, картофель, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, даетъ во Франціи по вѣсу втрое больше продукта противъ пшеницы, занимающей равное съ нимъ пространство земли, а бананъ въ южной Америкѣ даетъ его во 130 разъ больше. Но такъ какъ фунтъ пшеничной муки питательнѣе фунта сочнаго банана, то сдѣлали другое изчисленіе, по которому оказывается, что пространство земли, могущее прокормить двухъ человѣкъ въ годъ, доставить, будучи засажено бананами, пищи на 50 человѣкъ. Хлѣбное дерево (*artocarpus incisa*), растущее на островахъ Великаго океана, такъ богато вкусными и питательными плодами, что 3 такихъ дерева могутъ служить человѣку исключительною пищею въ продолженіи 8-ми мѣсяцевъ, и главнѣйшею въ остальную часть года. Букъ говоритъ: «въ нашемъ суровомъ климатѣ человѣкъ, который цѣ-

лый годъ пашеть, сѣять и жнеть, лишь бы пропитать себя и дѣтей своихъ, да съ трудомъ сберечь денежку на черный день, не лучше исполняетъ обязанность отца семейства, какъ островитянинъ Южнаго моря, который, посади 10 хлѣбныхъ деревъ, ни о чемъ больше не заботятся. Достигшая полнаго роста кокосовая пальма производитъ отъ 200 до 300 орѣховъ. Кромѣ того, изъ нея же можно добывать превосходный матеріалъ для веревокъ и тканей и, довольствуясь меньшимъ числомъ плодовъ, добывать вкусное вино и вываривать изъ орѣховъ масло».

«Справедливо предсказываетъ, основываясь на этой силѣ производительности тропическихъ странъ, ботаникъ Мейеръ въ Кенигсбергѣ, что человѣкъ, быстро размножаясь въ цивилизованныхъ странахъ, переселится обратно въ теплый поясъ. Одна Ямайка, равная пространствомъ Саксонскому королевству, можетъ пропитать въ 25, и уже навѣрно въ 12½ разъ большее населеніе, нежели Саксонія. Сколько же людей, прибавимъ мы къ тому, пропитаетъ лѣсная равнина Бразиліи! Напрасно называютъ почву ея дѣвственною; она только человѣку доставляла мало плодовъ. За то природа накопляла въ ней въ продолженіе тысячелѣтій органическое вещество для будущихъ жителей, точно такъ же, какъ прежде, при образованіи земной коры, скрыла подъ нею огромный запасъ топлива для той эпохи, когда размножившійся человѣческій родъ истощитъ лѣса».

«Но возвращаясь въ свою древнюю отчизну, человѣкъ принесетъ съ собою изъ Европы сокровища, которыхъ никогда не приобрѣлъ бы подъ тропиками: *трудолюбіе, науки, искусства, промышленность и сознаніе необходимости благоустроенной государственной жизни*. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ, конечно, подавить чуждающіяся труда туземныя племена; но можно надѣяться, что тамъ, гдѣ требуется меньше времени для произведенія пищи, гдѣ она отъ природы зрѣетъ на деревьяхъ, умственная образованность будетъ гораздо болѣе общаю, нежели на сѣверѣ. Дѣйствительно, даже въ средней Европѣ, не говоря уже о нашемъ сѣверѣ, только малая часть жителей можетъ посвящать частицу времени на развитіе своихъ духовныхъ способностей, а наибольшая половина круглый годъ занята добываніемъ пищи. Сколько лишняго досуга, въ сравненіи съ ними, уже у рабочаго класса Италіи? Онъ не перестаетъ находить наслажденіе въ наукѣ и искусствѣ, за что мы жители сѣвера, кажется, несправедливо назы-

ваемъ ихъ лѣннвцами. Такимъ образомъ, обозря исторію человѣчества въ общихъ, большихъ чертахъ ея, находимъ мы, что Европа была для него высокою школою, въ которой оно принуждено было трудиться и научилось любить умственные занятія. Да признають же наши потомки въ 30-мъ и 40-мъ колѣнѣ, разсуждая о судьбѣ человѣчества въ тѣни пальмъ роскошной Новой-Гвиней или среди вѣчно неизмѣнной температуры Полинезій, — да признають они, *что учебные годы наши на сѣверъ не пропали даромъ*¹⁾.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ предположеній кенигсбергскаго ботаника, но приведенныя мною слова академика Бера достаточно показываютъ важность естествовѣдѣнія въ приложеніи къ исторіи. Къ сожалѣнію, ученые, посвятившіе себя исключительно послѣдней наукѣ, еще не въ силахъ выполнить великой задачи, имъ предстоящей. Углубляясь въ изученіе письменныхъ и словесныхъ памятниковъ прошедшаго, они не рѣшаются приступить къ источникамъ другаго рода, начертаннымъ рукою самого Творца. Содержаніе Исторіи составляютъ до сихъ поръ дѣла человѣческой воли, отрѣшенные отъ ихъ необходимой, можно сказать, роковой основы, которую не должно смѣшивать съ законами развитія духа, выведенными а ріогі философіею исторіи. Слабая сторона философіи исторіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, заключается, по нашему мнѣнію, въ приложеніи логическихъ законовъ къ отдѣльнымъ періодамъ всеобщей Исторіи. Осуществленіе этихъ законовъ можетъ быть показано только въ цѣломъ, а не въ частяхъ, какъ бы онѣ ни были значительны. Но сверхъ логической необходимости есть въ Исторіи другая, которую можно назвать естественною, лежащая въ основаніи всѣхъ важныхъ явленій народной жизни. Ей нѣтъ мѣста въ умозрительномъ построеніи Исторіи; ее нельзя вывести изъ законовъ разума, но ее нельзя также отнести къ сферѣ случайности, потому-что она принадлежитъ къ числу главныхъ, опредѣляющихъ развитіе нашихъ судебъ, двигателей Исторіи²⁾.

¹⁾ Статья академика Бера «О вліяніи вѣншей природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества» помѣщена въ марманной книжкѣ Русскаго географическаго Общества, 1848 года.

²⁾ Мы позволимъ себѣ привести по этому поводу слѣдующія замѣчанія, заимствованныя изъ весьма умной, не обратившей на себя должнаго вниманія книги Гинрихсена (Die Germanisten und die Wege der Geschichte. Kopenhagen. 1848): «При чисто логическомъ пониманіи исторіи, мы никогда не достигнемъ до глубо-

Быть может, ни одна наука не подвергается въ такой степени вліянiю господствующихъ философскихъ системъ, какъ Исторiя. Вліянiе это обнаруживается часто противъ воли самихъ историковъ, упорно отстаивающихъ мнимую самостоятельность своей науки. Содержание каждой философской системы рано или поздно дѣлается общимъ достояніемъ, переходя въ область примѣненій, въ литературу, въ ходячія мнѣнія образованныхъ сословій. Изъ этой окружающей его умственной среды заимствуетъ историкъ свою точку зрѣнія и мѣрило, прилагаемое имъ къ описываемымъ событіямъ и дѣламъ. Между такимъ неизбежнымъ и нерѣдко безсознательнымъ подчиненіемъ

наго уразумѣнія отдѣльныхъ явленій и ихъ значенія въ цѣломъ. Все совершается ради начала, а начало заключается въ результатъ. Такимъ образомъ естественныя и нравственныя причины вытѣсняются логическими: естественныя, потому что не имѣютъ никакой самостоятельности предъ логическимъ разумомъ, нравственныя, потому что лице является только орудіемъ духа времени или вслѣдствіе необходимости осуществляющагося начала. Вообще всякая попытка построенія исторiи на метафизическихъ основахъ мнѣ кажется слишкомъ слабымъ. Съ одной стороны, я не считаю понечнаго разума способнымъ къ такому дѣлу; съ другой—мы нѣкоторымъ образомъ насмѣуемъ исторію, которая, какъ развитіе замкнутого въ себѣ организма, должна быть изучаема въ сущности своей, въ алогистическихъ ей законахъ, въ предѣлахъ и условіяхъ поставленныхъ ей природою. Природа не есть только предшественница исторiи и театръ, на которомъ совершаются судьбы человечества; она постоянная спутница духа, съ которымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ, какъ естественное, конечное существо, и человечество, какъ конечный организмъ, подчинены, съ начала вѣковъ, еи великимъ, неизмѣннымъ законамъ. Она дѣйствовала до начала исторiи и можетъ пережить ее. Поэтому, я думаю, что исходною точкою должна намъ служить естественная сторона исторiи, и что изученію нравственныхъ и логическихъ причинъ должно предшествовать опредѣленіе естественныхъ. Стр. 7—9. Но Гнриксенъ потомъ противорѣчитъ себѣ, относя эти предварительныя изслѣдованія не къ самой исторiи, а къ философiи исторiи. Какъ будто послѣдняя можетъ существовать отдѣльно отъ первой? Подобное же противорѣчіе встрѣчается у Нибуръ. Признавая вполне вліянiе природы на исторію, онъ говоритъ между прочимъ, что «исторiя болѣзней есть весьма важная, но еще не обработанная отрасль всемірной исторiи. Цѣлыя отдѣлы исторiи, объясняются превращеніемъ или появленіемъ заразныхъ болѣзней. Онѣ обнаруживаютъ величайшее вліянiе на нравственный міръ; почти всѣ волины эпохи нравственнаго упадка совпадаютъ съ великими заразами». (Чтенія о древней исторiи, 11, 64. Оравн. перенеску 11, 167). Такихъ мѣстъ можно привести много; но во введеніи къ Чтеніямъ о древней исторiи Нибуръ доказываетъ необходимость отдѣлѣть отъ настоящей исторiи находящіяся въ связи съ нею явленія природы, которыя, по его мнѣнію, должны войти въ составъ особой науки. Какой же? Отсюда, впрочемъ, видно, какъ мало опредѣлены границы нашей науки и какъ сбивчивы въ этомъ отношеніи понятія нашихъ историковъ.

фактовъ взятому извнѣ воззрѣнію и логическимъ построеніемъ Исторіи большое разстояніе. Съ конца прошедшаго столѣтія, философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значеніе. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній. Скажемъ болѣе, философія исторіи едва ли можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей Исторіи, изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ еноменологіи духа, но спускаясь въ сферу частныхъ явленій, нисходя до ихъ оцѣнки, она уклоняется отъ настоящаго своего призванія, заключающагося въ опредѣленіи общихъ законовъ, которымъ подчинена земная жизнь человѣчества, и неизбѣжныхъ цѣлей историческаго развитія. Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ болѣе или менѣе носить на себѣ характеръ произвола, потому что великія событія, какъ бы они ни были далеки отъ насъ, продолжаютъ совершаться въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, т. е. въ своихъ результатахъ, и никакъ не должны быть рассматриваемы, какъ нѣчто замкнутое и вполне оконченное. Лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго нами мнѣнія о невозможности отдѣльной философіи исторіи могутъ служить чтенія Гегеля объ этомъ предметѣ, изданныя по смерти его Гансомъ. Это произведеніе знаменитаго мыслителя не удовлетворило самыхъ горячихъ его почитателей, потому что оно есть не что иное, какъ отрывочное и не всегда въ частностяхъ вѣрное изложеніе всеобщей Исторіи, вставленной въ рамку произвольнаго построенія ¹⁾.

Смутно понятая философская мысль о господствующей въ ходѣ историческихъ событій необходимости или законности, приняла подъ перомъ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма даровитыхъ писателей, харак-

¹⁾ Всѣмъ извѣстно принятое Гегелемъ раздѣленіе всеобщей Исторіи на четыре періода: Восточный, Греческій, Римскій, Германскій. Первый соответствуетъ дѣтству, второй юности, третій зрѣлости, слѣдовательно четвертый совпадаетъ со старостію рода человѣческаго. Но Гегель отсюда не то доказываетъ, противорѣча собственному построенію. Къ тому же названіе Германскаго вовсе не характеризуетъ всего содѣянія 14 вѣковъ, прошедшихъ съ паденія Западной Римской имперіи. Надобно впрочемъ замѣтить, что самыя мѣткія и глубокія мысли объ Исторіи высказаны Гегелемъ не въ философіи исторіи, а въ другихъ сочиненіяхъ, навѣ-то: въ еноменологіи духа, въ эстетикѣ, въ философіи права и т. д.

теръ фатализма. Во Франціи образовалась цѣлая школа съ этимъ на правленіемъ, котораго вліяніе обозначено печальными слѣдами не только въ наукѣ, но и въ жизни. Школа историческаго фатализма снимаетъ съ человѣка нравственную отвѣтственность за его поступки, обращая его въ слѣпое, почти безсознательное орудіе роковыхъ предопредѣленій. Властителемъ судебъ народныхъ явился снова античный *fatum*, отрѣшенный отъ своего трагическаго величія, низведенный на степень неизбежнаго политическаго развитія. Въ противоположность древнимъ трагикамъ, которые возлагали на чело своихъ обреченныхъ гибели героевъ вѣнецъ духовной побѣды надъ неотразимымъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій рокомъ, историки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, видятъ въ успѣхѣхъ конечное оправданіе, въ неудачѣхъ — приговоръ всякаго историческаго подвига. Слѣдуетъ сказать, что такое возрѣніе на Исторію послужитъ будущимъ поколѣніямъ горькою уликою противъ усталаго и утратившаго вѣру въ достоинство человѣческой природы общества, среди котораго оно возникло.

Систематическое построеніе Исторіи вызвало противниковъ, которые вдалились въ другую крайность. Защищая факты противъ самоуправнаго обращенія съ ними, они называютъ всякую попытку внести въ хаосъ событій единство связующихъ и объясняющихъ ихъ идей искаженіемъ непосредственной исторической истины. Дѣло историка должно, по ихъ мнѣнію, заключаться въ вѣрной передачѣ того, что было, т. е. въ разсказѣ. Слова Квинтиліяна «*scribitur ad narrandum*» по *ad probandum*», служащія эпиграфомъ къ извѣстному сочиненію Баранта о Герцогахъ Бургундскихъ, получаютъ такимъ образомъ приложение ко всей безконечной области всеобщей Исторіи. На историка возлагается обязанность воздерживаться отъ собственныхъ сужденій въ пользу читателей, которымъ исключительно предоставлено право выводить заключенія и толковать по своему содержаніе предложенныхъ имъ разсказовъ. Нужно ли обличать слабость и несостоятельность такихъ понятій въ наукѣ? Блестящій успѣхъ повѣствовательной школы, при первомъ ея появленіи, не могъ быть продолжительнымъ, и объясняется временнымъ настроеніемъ пресыщеннаго теоріями общества. Возьмемъ въ примѣръ «Исторію герцоговъ Бургундскихъ» Баранта, до сихъ поръ не утратившую своей быстро завоеванной славы. Главное достоинство этой книги заключается въ выборѣ авторомъ предмета, исполненнаго драматической занимательности и превосход-

но переданнаго намъ такими современными писателями, каковы были Фроассаръ, Монтреле, Коминъ и другіе. Заслуга Баранта болѣе литературная, нежели ученая. Онъ переложилъ на новый французскій языкъ памятники XIV и XV столѣтій, дотоѣ извѣстныя только небольшому числу читателей. Но связанный добровольно наложенными на себя условіями, историкъ не сталъ выше источниковъ и самъ отнялъ у себя возможность раскрыть намъ настоящее значеніе событій, рѣзко характеризующихъ переходное время отъ средневѣковой къ новой исторіи. Его сочиненіе представляетъ весьма любопытное явленіе въ сферѣ литературной, но оно ничего не прибавило къ дѣйствительнымъ богатствамъ науки и ни въ какомъ отношеніи не подвинуло ея впередъ. Еще съ меньшимъ успѣхомъ и пользою могутъ быть приемы повѣствовательной школы прилагаемы къ большимъ отдѣламъ не только всеобщей, но даже исторіи отдѣльных народовъ. Какая возможность пересказать словами источниковъ событія, наполняющія собою нѣсколько столѣтій? И нѣтъ ли въ такомъ направленіи явнаго противорѣчія дѣйствительнымъ цѣлямъ науки, имѣющей понять и передать въ сжатомъ изложеніи внутреннюю истину волнующихся въ безконечномъ разнообразіи явленій?

Ни одно изъ изчисленныхъ нами воззрѣній на Исторію не могло привести къ точному методу, недостатокъ котораго въ ней такъ очевиденъ. Усовершенствованный, или, лучше сказать, созданный Нибуромъ способъ критики приноситъ величайшую пользу при разработкѣ источниковъ извѣстнаго рода, но отнюдь не удовлетворяетъ потребности въ приложенномъ къ полному составу науки методѣ. Въ этомъ случаѣ Исторія опять должна обратиться къ естественнѣйшему и заимствовать у него свойственный ему способъ изслѣдованія. Началомъ уже сдѣлано въ открытыхъ законахъ исторической аналогіи. Остается идти далѣе на этомъ пути, раздвигая по возможности тѣсныя предѣлы, въ которыхъ до настоящаго времени заключена была наша наука. У Исторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой — независимыя отъ него, данныя природою условія его дѣятельности. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодействіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ, основныхъ началъ, т. е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ

быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія. Въ разсматриваемомъ нами вопросѣ статистика опередила исторію. «Въ противоположность принятымъ мнѣніямъ, говоритъ Кетле, факты общественные, опредѣляемые свободнымъ произволомъ человѣка, совершаются съ болѣею правильностію, нежели факты, подверженные простому дѣйствію физическихъ причинъ. Исходя изъ этого основнаго начала, можно сказать, что нравственная статистика должна отнынѣ занять мѣсто въ ряду опытныхъ наукъ» ¹⁾. Мы не въ правѣ сказать того же объ Исторіи. Пока она не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ называть опытною наукою.

Я имѣлъ уже честь указать Вамъ, ММ. ГГ., на различіе цѣлей древней и новой историографіи. Отказываясь отъ притязаній на то совершенство формы, которое у народовъ классическаго міра было слѣдствіемъ исключительныхъ, не существующихъ болѣе условій, современный намъ историкъ не можетъ однако отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей. Вопросъ о томъ, какого рода должно быть это вліяніе, тѣсно связанъ съ вопросомъ о пользѣ Исторіи вообще. Отвѣтъ на послѣдній представляетъ большія трудности, потому что Исторія не принадлежитъ ни къ числу чисто теоретическихъ знаній, имѣющихъ задачею привести въ ясность лежащія въ глубинѣ нашего духа истины, ни къ прикладнымъ, которыхъ польза не требуетъ доказательствъ. Очевидно, что практическое значеніе Исторіи у древнихъ, основанное на возможности непосредственнаго примѣненія ея уроковъ въ жизни, не можетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новыхъ обществъ. Къ тому же разнообразная игра страстей и заблужденій, искажающихъ судьбу народовъ, привела многихъ къ заключенію, что историческіе опыты проходятъ безплодно, не оставляя поучительнаго слѣда въ памяти человѣческой. Высказавъ эту мысль, какъ безусловную истину, Гегель ²⁾ вызвалъ противъ нея много не лишенныхъ справедливости возраженій. Конечно, ни народы, ни ихъ вожди не повѣряютъ поступковъ своихъ съ учебниками всеобщей Исторіи и не ищутъ въ ней примѣровъ и указаній для своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать въ

¹⁾ Du système social et des lois qui le régissent, стр. X.

²⁾ Во введеніи къ Философіи Исторіи, стр. 9.

самых массахъ извѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ. Въ лицахъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, этотъ смыслъ переходитъ, по необходимости, въ отчетливое сознаніе отношеній, существующихъ между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей. Надобно съ другой стороны признаться, что всеобщая Исторія въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно излагается, не въ состояніи сильно дѣйствовать на общественное мнѣніе и быть для него источникомъ прочнаго назиданія. Слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что недостатки, нами отчасти указанные, останутся ея всегдашнюю принадлежностію, что ея успѣхи будутъ состоять только во вѣншемъ накопленіи фактовъ, и что изъ всѣхъ наукъ одна она утратила способность живаго движенія и органическаго развитія?

Приведенныя нами выше слова Кетлѣ о статистикѣ со временемъ получатъ приложеніе и къ нашей наукѣ. Ей предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадлежавшей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣковые и вредные предразсудки, затмѣвавшіе взглядъ человѣка на природу: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ къ результатамъ такого же рода. Оно положитъ конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлями, поставленными человѣку Провидѣніемъ. Исторія сдѣлается, въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодействіи. «Исторія, говоритъ Американецъ Эмерсонъ, не долго будетъ безплодною книгою. Она воплотится въ каждомъ разумномъ и правдивомъ человѣкѣ. Вы не станете болѣе изчислять заглавія и каталоги прочитанныхъ вами книгъ, а дадите мнѣ почувствовать, какіе періоды пережиты вами. Каждый изъ насъ долженъ обратиться въ полный храмъ славы. Онъ долженъ носить въ себѣ допотопный міръ, золотой вѣкъ, яблоко знанія, походъ Аргонатовъ, призваніе Авраама, построеніе Храма, начало Христіанства,

Средній вѣкъ, Возрожденіе наукъ, Реформацію, открытіе новыхъ земель, возникновеніе новыхъ знаній и новыхъ народовъ. Надобно, однимъ словомъ, чтобы Исторія слилась съ біографіею самого читателя, превратилась въ его личное воспоминаніе. Міръ, продолжаетъ тотъ же писатель, существуетъ для нашего воспитанія. Нѣтъ возраста или состоянія общества, нѣтъ образа дѣйствія въ исторіи, которые не соотвѣтствовали бы чему-нибудь въ жизни отдѣльнаго лица. Каждый фактъ сокращается и уступаетъ намъ часть своей сущности. Человѣкъ долженъ понять, что онъ можетъ жить всею жизнію Исторіи. Ему слѣдуетъ только измѣнить точку зрѣнія, съ какой обыкновенно смотрятъ на минувшее и отнести къ самому себѣ исторію Рима, Аѳинъ и Лондона, и не забывать, что онъ верховный судъ, передъ которымъ рѣшаются тяжбы народовъ. Онъ долженъ достигнуть и устоять на той высотѣ, гдѣ раскрывается сокровенный смыслъ событій, гдѣ сливаются поэзія и быль. Потребность разума и цѣль природы выражаются въ томъ употребленіи, какое мы дѣлаемъ изъ самыхъ знаменитыхъ историческихъ разсказовъ. Рѣзкія очертанія событій распускаются въ вѣчномъ свѣтѣ времени. Нѣтъ якорей, канатовъ или оградъ, которые были бы въ состояніи навсегда удержать фактъ на степени факта. Вавилонъ, Троя, Тиръ, даже первобытный Римъ, уже перешли въ область вымысловъ. Но внутренній смыслъ и содержаніе этихъ явленій живутъ во мнѣ, и я нахожу въ себѣ самомъ Палестину, Грецію, Италію, духъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ.

Даже въ настоящемъ, далеко несовершенномъ видѣ своемъ, всеобщая Исторія, болѣе чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени. Только такою мѣрою должны мы мѣрять дѣла отжившихъ поколѣній. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть великій примиритель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ. При каждомъ историческомъ проступкѣ, она приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, чтобъ ни былъ онъ — цѣлый народъ или отдѣльное лице. Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплемени-

кѣ. Тотъ не историкъ, кто не сумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть испу-пительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое нибудь одно лучшее и чистое чувство. Такое воззрѣніе не можетъ служить къ ущербу строгой справедливости приговоровъ, ибо оно требуетъ не оправданій, а объясненій, обращается къ самимъ лицамъ, а не къ подлежащимъ сужденію дѣламъ ихъ. Одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ благотворному дѣйствію Исторіи на общественное мнѣніе, заключается въ пренебреженіи, какое историки обыкновенно оказываютъ къ большинству читателей. Они, повидимому, пишутъ только для ученыхъ, какъ будто Исторія можетъ допустить такое ограниченіе, какъ будто она, по самому существу своему, не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго. Къ счастью, узнія понятія о минимѣ достоинствъ науки, унижающей себя исканіемъ изящной формы и общедоступнаго изложенія, возникшія въ удушливой атмосферѣ нѣмецкихъ ученыхъ кабинетовъ, несвойственны русскому уму, любящему свѣтъ и просторъ. Цѣловая, гордая своею исключительностію наука не въ правѣ разсчитывать на его сочувствіе. Здѣсь, разумѣется, рѣчь идетъ не о тѣхъ достойныхъ всякаго уваженія, но по самому содержанію своему не допускающихъ занимательности, частныхъ изслѣдованій, безъ которыхъ не могла бы двигаться впередъ наука, хотя она употребляетъ ихъ въ дѣло только какъ матеріалъ.

Превосходные труды, совершенные въ теченіи текущаго столѣтія русскими учеными на поприщѣ отечественной исторіи, служатъ надежною порукою за ихъ успѣхи на болѣе обширномъ полѣ всеобщей Исторіи. Особенныя условія, въ которыя Провидѣнію угодно было поставить нашу родину, должны оказать могущественное содѣйствіе къ осуществленію высказанной нами надежды. Ясный отъ природы и неспутанный вліяніемъ сложнаго, составившагося изъ борьбы враждебныхъ общественныхъ стихій историческаго развитія, умъ русскаго человѣка приступитъ безъ заднихъ мыслей къ разбору преданій, съ которыми болѣе или менѣе связано личное дѣло каждаго Европейца. Я говорю, въ этомъ случаѣ, не о томъ позорномъ и недостойномъ историка безпристрастіи, въ которомъ видно только отсутствіе уча-

стія въ предмету разсказа, а о свободномъ отъ всякихъ предубѣжденій воззрѣніи на спорные историческіе вопросы. Тревоги, взволновавшія до дна Западныя государства, отразились въ понятіяхъ тамошнихъ народовъ и трудахъ историковъ, утратившихъ вѣру въ идею, замѣнившихъ ее нечестивымъ поклоненіемъ факту. Скептицизмъ, отличительный признакъ старѣющихъ, усталыхъ обществъ, не коснулся насъ. Мы сохранили свѣжесть сердца и теплоту пониманія, безъ которыхъ нѣтъ великихъ подвиговъ ни въ сферѣ мысли, ни въ сферѣ дѣйствительности. Да не пройдутъ же безплодно досуги, дарованные намъ благимъ Провидѣніемъ. Сорокъ вѣковъ смотреть на васъ съ вершинъ пирамидъ, сказалъ въ Египтѣ Наполеонъ своимъ солдатамъ. Мы также юные ратники на ветхой почвѣ исторіи; съ вершинъ прошедшаго на насъ также смотреть столѣтія, но смѣемъ думать, что мы прочтемъ въ ихъ очахъ не то, что прочли въ нихъ войны французской республики.

Наука есть прихотливое растеніе. Она зрѣетъ не на всякой почвѣ и требуетъ тщательнаго ухода за собою. Условія успѣшнаго роста даны ей у насъ Державнымъ Покровителемъ русскаго просвѣщенія. Нужно ли вычислять памятные всѣмъ намъ великія дѣла, совершенныя на этомъ поприщѣ въ правленіе Императора Николая? Но русскій профессоръ Исторіи не можетъ не упомянуть съ благоговѣйною признательностію о царственномъ участіи въ судьбахъ его науки, столь величаво выраженномъ въ милостяхъ, оказанныхъ творцу Исторіи Государства Россійскаго и въ дарованныхъ русскому народу памятникахъ его прошедшей жизни.

О

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХЪ ПРИЗНАКАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ПОРОДЪ

И
ИХЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ИСТОРИИ.

(Письмо В. Ф. Эдвардса къ Амедею Тьерри, автору исторіи Галловъ, переведенное и дополненное Н. Т. Грановскимъ ¹⁾).

Статья «О физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи» переведена нами съ французскаго. Авторъ этой статьи, извѣстный натуралистъ, В. Ф. Эдвардсъ издалъ ее въ 1829 году, въ видѣ письма къ Амедею Тьерри, по поводу книги послѣдняго объ исторіи Галловъ ²⁾). Несмотря на недостатки запутаннаго и не всегда яснаго изложенія, изслѣдованія Эдвардса обратили на себя общее вниманіе, ибо они показали впервые пользу, какую исторія и этнографія могутъ извлечь изъ естественныхъ наукъ вообще и изъ физиологіи въ особенности. Эдвардсъ доказалъ, приложеніемъ своихъ началъ къ частному случаю, что, при рѣшеніи вопросовъ о происхожденіи и родствѣ народовъ, естественнѣдвіе приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и исторія, съ тою только разницею, что данныя, сообщаемыя первымъ, обыкновенно отличаются болѣею точностію и опредѣленностію. Такимъ образомъ предположенія Ам.

¹⁾ Напечатано въ 1 томѣ Магазина Землеуѣдвія, изд. Г. Фроловымъ.

²⁾ Histoire des Gaulois, par Am. Thierry. Первое изданіе вышло въ 1828 году; третье, послѣднее, въ 1845.

Тьерри о раздѣленіи галльскаго племени на двѣ великія отрасли нашли полное оправданіе и подтвержденіе въ трудахъ натуралиста. Статья Эдвардса перепечатана въ Запискахъ французскаго Этнологическаго Общества, котораго онъ былъ предсѣдателемъ ¹⁾. Передавая ее нашимъ читателямъ, мы считаемъ нужнымъ предпослать обзоръ основныхъ положеній Амедея Тьерри, на книгу котораго постоянно ссылается Эдвардъ въ первой и главной половинѣ своихъ изслѣдованій.

По словамъ Цезаря, Галлія раздѣлялась на три части: въ южной, между Гароною и Пиренейскими горами, жили Аквитанцы; въ средней Галлы, называвшіе себя Кельтами; въ сѣверо восточной, на востокъ отъ Сены и на сѣверъ отъ Марны, Белги ²⁾. Страбонъ подтверждаетъ свидѣтельство Цезаря, но прибавляетъ, что владѣнія Белговъ тянулись далѣе на сѣверо-западъ и занимали весь полуостровъ, лежавшій между Сеною и Луарою. Аквитанцы болѣе походили языкомъ, наружностію и учрежденіями на Иберовъ, чѣмъ на своихъ сѣверныхъ сосѣдей. У Галловъ и Белговъ Страбонъ находитъ общія имъ черты лица и вѣшніе признаки, которые онъ называетъ галльскими. Но въ языкѣ и учрежденіяхъ можно было замѣтить довольно значительное различіе ³⁾.

Основываясь на свидѣтельствахъ названныхъ нами писателей, изъ которыхъ одинъ былъ завоеватель Галліи и въ превосходномъ очеркѣ изобразилъ ея состояніе предъ переходомъ подъ римское владычество, а другой собралъ въ одно цѣлое и критически повѣрилъ всѣ прежнія извѣстія объ этомъ краѣ, Ам. Тьерри пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Древнѣйшее населеніе Галліи принадлежало къ двумъ большимъ породамъ: иберской и галльской. Аквитанцы и Лигуры были Иберы. Порода галльская занимала, кромѣ собственной Галліи, острова британскаго архипелага. Она раздѣлялась на двѣ вѣтви, представлявшія существенныя различія въ языкѣ, нравахъ и учрежденіяхъ. Первая отрасль поселилась въ Галліи и на островахъ британскихъ до начала историческихъ временъ: древніе (т. е. Греки и Римляне) считали ее туземною или исконною владычицею той почвы, на которой ее застала исторія, и откуда она перешла въ Испанію,

¹⁾ Mémoires de la société ethnologique T. I. 1841.

²⁾ De bello Gall. I. 1.

³⁾ Strabo, lib. IV.

Италію и Иллирію. Въ Испаніи она образовала въ соединеніи съ Иберами новыи, смѣшанный народъ Кельтиберовъ. Въ Италіи она явилась подъ именемъ Амбра или Омбра (правильнѣе *Ambra* — храбрый, благородный) и сообщила это названіе цѣлой области, Умбрин. Общее, родовое имя этой отрасли было Галлъ, у Римлянъ *Gallus*, у Греческихъ *Galas* и *Galatès*. Греки несправедливо называли иногда Галловъ Кельтами. Это имя, вошедшее теперь въ употребленіе въ науку, принадлежало въ дѣйствительности только нѣсколькимъ племенамъ, вѣроятно составившимъ союзъ и жившимъ, по прямому свидѣтельству Страбона, къ сѣверу отъ Нарбоны, на западъ отъ Сивенскихъ горъ. Слѣдовательно, оно было мѣстное и никакъ не должно быть принимаемо въ томъ обширномъ смыслѣ, какой давали ему Греки и даютъ новѣйшіе писатели.

Представителями второй отрасли, пришедшей въ западную Европу уже во времена историческія, были Армориканцы и Белги въ Галліи и ихъ выселенцы на островахъ британскихъ. Волки (*Volcae*) севенскіе и жившіе въ Герцинскомъ лѣсу были настоящіе Белги ¹⁾, равно какъ и тѣ хищныя дружины, которыя за 280 лѣтъ до Р. Х. разграбили Грецію и основали царство галатское въ Малой Азій. Эта вѣтъ галльскаго племени (принимая слово «галльское» въ обширнѣйшемъ, объемлющемъ обѣ отрасли значеніи) распространена была по всему пространству восточной Европы до прибытія Германцевъ. Ее можно прослѣдить отъ Азовскаго и Чернаго морей до Ютландскаго полуострова. Арморика было названіе мѣстное, (аг — надъ, *thûr* — море); Белгами назывались жившія въ сѣверо-восточной Галліи и составившія воинственный союзъ племена; общее имя всей вѣтви было Кимвры, Кимры или Киммеріане. Кимры занимали сѣверныя и западныя части Галліи, восточныя и южныя Британіи; застигнутые ихъ двоякимъ нашествіемъ (въ 6 и 4 столѣтіяхъ до Р. Х.), Галлы удержали за собою южныя и восточныя области въ Галліи, сѣверныя и западныя на островахъ британскихъ. (*Histoire des Gaulois*. Paris. 1844. Т. I. Введеніе, стр. XCIII).

¹⁾ *Hist. des Gaulois*. Т. I. I.V. Тьерри приводит слѣдующія названія одного и того же народа: *Volcae*, *Volgae*, *Volgae*, *Belgae*. Замѣтимъ, что часть Кимвровъ, въ которыхъ принадлежало и племя или союзъ племенъ, извѣстный подъ именемъ Белговъ жила въ глубокой древности у береговъ Азовскаго моря, слѣдовательно на нашей Волгѣ. Не отъ нихъ ли получила рѣка свое названіе?

Господствовавшее прежде мнѣніе о германскомъ происхожденіи Кимбровъ, или Кимровъ, не имѣетъ болѣе мѣста въ наукѣ. Оно равно опровергается историческими и филологическими свидѣтельствами. Всѣ новѣйшіе изслѣдователи приняли, съ большими или меньшими измѣненіями въ частностяхъ, основныя положенія Ам. Тьерри. Нибуръ пришелъ собственнымъ путемъ къ сходнымъ результатамъ, но сохранилъ названіе Кельтовъ, какъ общее обѣимъ отраслямъ: галльской и кимрской ¹⁾. Изъ изданныхъ въ 1851 году Чтеній Нибура о географіи и этнографіи Древняго міра ²⁾ видно, впрочемъ, что великій историкъ не допускалъ между языками Галловъ и Кимровъ того тѣснаго родства, которое теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Потомство Кимровъ уцѣлѣло въ французской Бретани и въ княжествѣ Валлискомъ. Галлы живутъ до сихъ поръ въ Ирландіи и въ сѣверной Шотландіи. Но нравы и языки тѣхъ и другихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто нравамъ и языкамъ господствующихъ народовъ. Въ скоромъ времени на европейской почвѣ не останется болѣе живыхъ признаковъ породы, которую мы привыкли называть кельтической. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, въ Корнваллисѣ умерла послѣдняя старуха, говорившая народнымъ нарѣчіемъ. Въ Бретани, по словамъ Ромъа, бывшаго тамъ подпреектомъ, французскій языкъ такъ быстро подвигается впередъ, что можно опредѣлять число миль, отнятыхъ имъ въ данный срокъ у туземнаго языка. Коль замѣтилъ такое же явленіе въ сѣверной Шотландіи. Прибавимъ къ этимъ даннымъ, заставляющимъ предполагать скорое прекращеніе кельтической породы, постоянно возрастающее и неудержимое переселеніе Ирландцевъ въ Америку, гдѣ они обыкновенно уже во второмъ поколѣніи теряютъ отличительные признаки своего племени. Въ настоящее время въ Европѣ остается не болѣе 4500000 человекъ, говорящихъ кельтическими нарѣчіями ³⁾.

Отмѣченныя цифрами примѣчанія принадлежатъ русскому переводчику и должны служить историческимъ комментариемъ къ изслѣдованіямъ Эдвардса.

¹⁾ Römische Geschichte. T. II. стр. 575—95.

²⁾ Vorträge über alte Länder und Völkerkunde; стр. 631.

³⁾ Krieg, die Völker-Stämme und ihre Zweige nach den neuesten Ergebnissen der Ethnographie. Стр. 26.

Въ путешествіи, мною совершенномъ, я имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько наблюденій, которыя могутъ быть занимательными для васъ. Я объѣхалъ большую часть странъ, имѣющихъ отношеніе къ изданной вами исторіи, и старался повѣрить указанныя вами различія между галльскими племенами. Предлагаю вамъ теперь результаты моихъ изслѣдованій и нѣсколько замѣчаній, касающихся другихъ историческихъ вопросовъ. Моя попытка поддѣрпнуть или опровергнуть то, что вы вывели изъ историческихъ памятниковъ, посредствомъ наблюденія надъ настоящимъ состояніемъ народовъ, можетъ показаться странною. Кто бы ни были древніе Галлы, на какія бы вѣтви они ни дѣлились, что общаго между ними и племенами, которыя занимаютъ нынѣ почву, нѣкогда имъ принадлежавшую? Какое дѣло исторіи до физиологій? Какой свѣтъ можетъ первая заимствовать отъ послѣдней? У меня давно родилась мысль, которую, вѣроятно, раздѣляютъ многіе другіе, что физиологія можетъ служить большимъ пособіемъ для исторіи, и что онѣ такъ долго чуждались одна другой потому только, что ихъ отношенія не были изслѣдованы. Правда, что способъ изученія, который до нашего времени прилагался къ этимъ обширнымъ наукамъ, не могъ ихъ сблизить между собою и озарить одну свѣтомъ другой. Вашъ братъ проложилъ дорогу въ исторіи. Онъ указалъ на составныя части (англійскаго) народа ¹⁾ и внимательно прослѣдилъ ихъ судьбы. Вы пошли по его слѣдамъ, но такъ какъ вамъ предстояло болѣе обширное поприще и болѣе сложная задача, вы должны были прибѣгнуть ко всѣмъ критическимъ методамъ. Такимъ образомъ вамъ удалось различить въ путаницѣ время и писателей многія великія вѣтви того племени, котораго исторію вы пишете. Примѣты, посредствомъ которыхъ вы ихъ отличаете, взяты вами изъ вашей науки. Вы, слѣдовательно, признаете историческія породы, которыя могли существовать независимо отъ породъ, допускаемыхъ естественовѣдніемъ. Не стану отрицать у васъ этого права, потому что у всякой науки есть свои правила; но, слѣдуя этимъ правиламъ, вы пришли, кажется, къ тому же результату, котораго можно достигнуть посредствомъ другой науки. Посмотримъ теперь, при помощи какихъ заимствованныхъ изъ естественовѣднія данныхъ намъ можно будетъ сойтись.

¹⁾ Въ знаменитомъ твореніи своемъ «Завоеваніе Англіи Норманами».

Изученіе человѣка вошло недавно въ науку. Странно, что отдалъ, для насъ наиболѣе занимательный, до сихъ поръ наименѣе обращалъ на себя вниманія. Эта вѣтвь нашихъ знаній такъ нова, что основатель ея еще живъ. Знаменитый Блауменбахъ признаетъ въ человечествѣ пять породъ, подъ которыя, по его мнѣнію, можно подвести всѣ народы. Положивъ эти первыя основы, онъ оказалъ великую услугу. Но какой свѣтъ могли пролить на исторію эти немногія группы? Онѣ соотвѣтствуютъ приблизительно великимъ раздѣленіямъ земнаго шара, и каждая изъ нихъ содержитъ въ себѣ и соединяетъ слишкомъ много народовъ. Такое раздѣленіе рода человеческого на огромныя группы могло принести нѣкоторую, хотя ограниченную, пользу исторіку. Въ недавнемъ времени два натуралиста, Гг. Демуленъ (Desmoulins) и Бори де С. Венсанъ ¹⁾, значительно увеличили число этихъ группъ. Вы, безъ сомнѣнія, не будете осуждать ихъ, если указанные ими примѣры достаточно опредѣляютъ различіе народовъ между собою, и согласитесь, что чѣмъ болѣе раздѣленій, тѣмъ лучше для исторіи. Предоставьте натуралистамъ спорить о названіяхъ родовъ, видовъ, видовзмѣненій или породъ и объ ихъ классификаціи. Вамъ нужно знать только, носятъ ли на себѣ группы, составляющія родъ человеческій, отличительныя физическія признаки, и до какой степени раздѣленія, утвержденныя исторіею, согласны съ естественными. Вопросъ, какъ видите, очень сложный. Для васъ недостаточно существованіе такихъ группъ; надобно доказать, что онѣ всегда, или по крайней мѣрѣ во времена историческія, существовали въ одномъ и томъ же видѣ. Если бы послѣднее было доказано, то можно было бы черпать изъ этого источника свѣдѣнія о родствѣ племенъ и восходить къ ихъ началу, не смотря на примѣся; входящія въ составъ народовъ.

Таковъ вопросъ, взятый съ его общей стороны и уже изслѣдованный г. Демуленомъ. Но предметъ этотъ, по новизнѣ своей, нуждается въ повѣркѣ, и я объясню вамъ причины, заставляющія меня думать, что древніе народы могутъ быть узнаны въ новыхъ. Мнѣ необходимо прежде всего высказать мое мнѣніе, потомъ уже я перейду къ наблюденіямъ, занимательнымъ для васъ въ частности и касающимся другихъ историческихъ вопросовъ. Не скрою отъ васъ трудно-

¹⁾ Бори де С. Венсанъ принимаетъ 15 породъ; Демуленъ 16.

стей; ихъ очень много. Положимъ, что у всякаго народа есть особенныя, ему исключительно принадлежащія, физическія примѣты. Трудно однако допустить постоянное существованіе этихъ примѣтъ чрезъ длинный рядъ вѣковъ, въ теченіи которыхъ самый народъ подвергается многочисленнымъ вліяніямъ, изъ которыхъ каждое способно измѣнить совершенно его фizioномію. Таковы, по общему мнѣнію, дѣйствіе климата на переселенцевъ, успѣхи или упадокъ образованности и смѣшеніе многихъ породъ. Но, кромѣ этихъ причинъ измѣненія, сколько народовъ было истреблено, сколько другихъ вытѣснено съ родной почвы. Какое впечатлѣніе выносимъ мы изъ чтенія исторіи, когда сравниваемъ древнія времена съ новыми? что общаго между ними? Даже имена народовъ, нѣкогда славныхъ, исчезли за много вѣковъ до насъ; страны, ими заселенныя, приняли совсѣтъ иной видъ; прежній языкъ уступилъ мѣсто другому; только случайно уцѣлѣвшія развалины вызываютъ въ насъ воспоминаніе о древнихъ жителяхъ. Народъ перестаетъ существовать въ исторіи, утративъ свою независимость и политическую самостоятельность. Можно подумать, что въ политическихъ переворотахъ, такъ же какъ въ переворотахъ земнаго шара, исчезаютъ цѣлыя породы. Но новая, въ наше время возникшая, отрасль человѣческихъ знаній отрицаетъ эти ложные выводы. Болѣе основательное, сравнительное изученіе языковъ открываетъ часто въ нынѣшнихъ языкахъ остатки древнихъ нарѣчій, изъ которыхъ они сложились, и на основаніи такихъ признаковъ показываетъ непрерывавшуюся, хотя до сихъ поръ незамѣченную, связь между древними и настоящими обитателями.

Но если древнія формы сохраняются въ новѣйшихъ языкахъ и отличаютъ ихъ происхожденіе, то можно ли допустить большую измѣнчивость въ формахъ нашего тѣла? Неужели черты нашихъ предковъ совершенно сгладились у насъ? Ужели климатъ измѣнилъ ихъ до того, что нельзя болѣе узнать первоначальнаго типа? или виною этого явленія было смѣшеніе породъ? Въ какой степени образованность облагораживаетъ, упадокъ ея искажаетъ народныя черты? Можно ли допустить, что цѣлыя народы были истреблены, или вытѣснены изъ родины? Вопросы эти надобно разобрать, по очереди переходя къ наблюденіямъ, составляющимъ содержаніе моего письма. Необходимо прежде всего доказать возможность этихъ наблюденій. Можетъ быть, доводы, убѣдившіе меня, послужатъ и въ вашему убѣжденію.

Мы посмотримъ на предложенные нами вопросы съ точки зрѣнія, съ которой на нихъ до сихъ поръ едва ли смотрѣли. При оцѣнкѣ вліянія климата на формы тѣла, ихъ величину и другіе физическіе признаки, мы будемъ принимать въ соображеніе не недѣлимыя, а цѣлыя массы. Намъ нужно знать постоянный образъ дѣйствія природы, но нѣтъ дѣла до того, что она производитъ въ необыкновенныхъ случаяхъ. Исслѣдованія наши не должны, впрочемъ, выходить изъ опредѣленнаго времени, потому что рѣчь идетъ о приложеніи законовъ природы къ исторіи. Чтобы познаться съ общими направленіями природы, ее слѣдуетъ изучать въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Мы покажемъ теперь дѣйствіе климата на живыя существа, которыя наиболѣе отличаются отъ человѣка и наиболѣе подвержены измѣненіямъ.

Мы принимаемъ вліяніе климата въ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе часто употребляется, и разумѣмъ подъ нимъ соединеніе многихъ одновременно и сильно дѣйствующихъ причинъ. Эта уступка, сдѣланная нами обычаю, быть можетъ оправдается въ послѣдствіи.

Пересаженныя растенія покрываются шипами и волосками или теряютъ ихъ; листья ихъ разрѣываются; на цвѣтахъ измѣняются краски; число лепестковъ увеличивается; плоды получаютъ другой вкусъ; ростъ измѣняется сообразно съ свойствами ихъ новой родины. Нѣкоторыя растенія теряютъ даже извѣстныя черты ихъ рода и семейства, такъ, напримѣръ, цвѣты становятся полными или махровыми.

Они могутъ, слѣдовательно, глубоко измѣняться, но почти всегда сохраняютъ какія-нибудь изъ первоначальныхъ примѣтъ своихъ, напоминающія ихъ происхожденіе. Допустивъ даже небывалый, впрочемъ, фактъ совершеннаго перерожденія нѣкоторыхъ растеній, болѣшая часть при перемѣнѣ климата остаются тѣми же, какими были до пересадки, и самый неопытный глазъ легко узнаетъ ихъ.

Призывая свидѣтельство растеній въ пользу климатическихъ вліяній, мы допускаемъ самое сильное изъ возможныхъ доказательствъ; но въ тоже время открываемъ, до какой степени ограничено это вліяніе, простирающееся только на самую малую часть растеній. Сколько есть такихъ, которыя, по перенесеніи ихъ въ отдаленную отъ родины землю, болѣютъ и умираютъ сохраняя въ чистотѣ свои формы. Отсюда видно, что есть силы, съ такимъ напряженіемъ поддерживающія первоначальный типъ, что онъ гибнетъ, но не поддается перемѣнамъ, которыя стремятся произвести въ немъ вѣншіе дѣтели.

Приводя такіе, основанные на моихъ собственныхъ наблюденіяхъ факты, я считаю долгомъ сослаться на мнѣнія другихъ, заслуживающихъ полное довѣріе, ученыхъ. Я подвергалъ эти факты суду извѣстныхъ ботаниковъ, изъ которыхъ многіе соединяютъ обширныя свѣдѣнія въ наукѣ съ личною, посредствомъ путешествій, приобретенною опытностію. Гг. Дефонтенъ, Декандоль, Мирбель, Бори де С. Венсанъ, Тюрпень согласны со мною.

Переходя отъ растений къ животнымъ, мы должны замѣтить, что человѣкъ въ состояніи слѣдить за переходомъ только тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ переводитъ съ собою. Посмотримъ прежде то, что намъ положительно извѣстно о ручныхъ или домашнихъ животныхъ. Здѣсь надобно строго отдѣлить дѣйствія климата отъ смѣшенія породъ и другихъ стороннихъ причинъ.

Самая рѣзкая переиѣна обнаруживается въ болѣе или менѣе густотѣ мѣха, который также становится мягче или жестче и мѣняется цвѣтъ по степени тепла или холода. Животныя тучнѣютъ или худѣютъ; ихъ дѣти (по переселеніи) не рѣдко отличаются отъ нихъ ростомъ: но развѣ формы ихъ тѣла и отношеніе членовъ измѣняются? Случайныя переиѣны такого рода происходятъ обыкновенно отъ увеличенія и убавленія жира или соковъ, наполняющихъ клетчатку. Костякъ остается тотъ же и измѣняется только въ рѣдкихъ случаяхъ, иногда отъ болѣзней.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ измѣненій, животное отступаетъ отъ своего первообраза не далѣе, чѣмъ человѣкъ, когда онъ становится плѣшивъ, смугль или блѣденъ, дороденъ или худъ. Характеристическія черты, по которымъ его можно узнать, сохраняются почти всегда. Что касается до переселяющихся животныхъ, то они мало подвергаются дѣйствіямъ климата, ибо ищутъ возможно ровной температуры. — Находя видоизмѣненія породъ въ различныхъ климатахъ, мы приписываемъ это явленіе климату, но въ одной и той же странѣ, подъ однимъ и тѣмъ же небомъ, встрѣчаются часто многочисленныя видоизмѣненія одной породы. Есть, слѣдовательно, другія причины, которыхъ нельзя отнести къ климату, доколѣ опытъ не докажетъ намъ противнаго. Кромѣ того, сколько породъ общихъ многимъ странамъ, и которыхъ особи вездѣ похожи другъ на друга. Очевидно, что они могутъ мѣнять климатъ, не мѣняя формы. Не нужно доказывать, что генеалогія собаки, составленная Бюффономъ, совершенно произ-

вольная. Она пользовалась довѣріемъ прежде, но наше время требуетъ доказательствъ болѣе строгихъ. Г. Демуленъ замѣтилъ, впрочемъ, что Бюффонъ самъ разрушилъ свою гипотезу, произведя въ послѣдствіи пемѣсь отъ лисицы и волка.

Вотъ все, что я могъ сказать вамъ положительнаго въ то время, когда занимался этою частію моего предмета. Мнѣ казалось, что я достигъ до удовлетворительнаго результата, но такъ какъ путешественники не обращали на этотъ отдѣлъ должнаго вниманія, то у доводовъ моихъ не было тѣхъ яркихъ признаковъ истины, которые тотчасъ сообщаютъ полное убѣжденіе. Я присутствовалъ недавно въ Академіи Наукъ при чтеніи записки доктора Руленя (Roulin) объ измѣненіяхъ, которымъ подвергались домашнія животныя, переведенныя со стараго материка на новый. Авторъ только что возвратился изъ Америки, гдѣ онъ провелъ шесть лѣтъ. Я зналъ, что онъ, по живости своихъ и наблюдательности, былъ въ состояніи рѣшить вопросъ. Мнѣ предстояло выслушать приговоръ надъ выводами, извлеченными мною изъ данныхъ, быть можетъ неполныхъ, и потому вы можете судить о живомъ участіи, съ какимъ я слѣдилъ за чтеніемъ г. Руленя. Мнѣнія мои были вполне подтверждены. Животныя, перенесенныя въ Америку, испытали только тѣ незначительныя перемѣны, о которыхъ я упомянулъ выше, по поводу дѣйствій климата.

Сказанное нами о животныхъ прилагается еще въ болѣе степени къ человѣку. Переходя съ юга на сѣверъ, онъ находитъ въ своей изобрѣтательности безчисленныя средства противъ стужи. Можно сказать, что онъ носитъ съ собою свой климатъ. Въ лапонской хижинѣ такъ же жарко, какъ въ Сиріи; если бы человѣкъ могъ такъ же освѣжать, какъ онъ нагрѣваетъ атмосферу, перемѣна климата не дѣйствовала бы на него вовсе, но условія его жизни были бы въ такомъ случаѣ искусственныя. За то страсти, неразлучныя съ человѣкомъ, часто возвращаютъ его природѣ и разрушаютъ соображенія его разума: къ тому же механическія искусства еще не сдѣлались удѣломъ всѣхъ народовъ, — даже у самыхъ просвѣщенныхъ, значительная часть населенія плохо снабжена средствами, защищающими отъ вредныхъ вліяній погоды. Надобно однако замѣтить, что, при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ и на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія, человѣкъ лучше всякаго животнаго выноситъ перемѣну климата, хотя дѣйствія этой причины отзываются и на немъ.

Повѣрить наши замѣчанія не трудно, ибо фактовъ сюда относящихся много, хотя мы охотнѣе прибѣгаемъ къ воображенію, чѣмъ къ дѣйствительности. Возьмемъ на удачу нѣсколько примѣровъ.

Почти отъ cadaго европейскаго народа отдѣлились части, которыя за нѣсколько вѣковъ до насъ поселились въ другихъ странахъ свѣта. Многія изъ этихъ колоній заняли острова, гдѣ къ нимъ не могли присоединиться стороннія примѣсы, и потому онѣ даютъ намъ полную возможность судить о дѣйствіи климата. Правда, что европейская кровь соединялась болѣе или менѣе съ кровью Негровъ - невольниковъ, но изъ этого смѣшенія образовалась особенная каста, носящая на себѣ явные признаки своего происхожденія, и которую никакъ нельзя отнести къ бѣлой породѣ. Бѣлый человѣкъ давно живетъ у экватора, въ той крайней температурѣ, которая дѣйствуетъ на него сильнѣй всякой другой; но что же вышло? Англія, Франція, Испанія могутъ доселѣ узнать дѣтей своихъ. Лица загорѣли и стали смуглые, наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ и физическая дѣнь усилились, но черты не измѣнились. Порода не выродилась, и англійскій, французскій или испанскій переселенецъ сохраняетъ отличительные признаки своихъ праотцевъ. Еслибъ даже кому-нибудь, при помощи особенно тонкой наблюдательности, и удалось подмѣтить отличительныя черты колониста, то отъѣзжая, имъ замѣченные, должны быть до такой степени неуловимы для большинства, что ихъ нельзя принимать къ соображенію въ вопросѣ, насъ занимающемъ.

Повторенныя наблюденія такого рода произвели на меня глубокое впечатлѣніе и убѣдили меня, что народы одного происхожденія могутъ въ разныхъ полосахъ земли и въ продолженіе многихъ вѣковъ сохранять общій имъ первоначальный типъ. Съ другой стороны, истина эта не совсѣмъ очевидна, потому что у cadaго народа могутъ существовать нѣсколько недостаточно опредѣленныхъ типовъ. Сравненіе становится въ такихъ случаяхъ весьма трудно. Обращая большее вниманіе на отъѣздки, которыми различаются между собою эти типы, чѣмъ на общія имъ формы и пропорціи, можно даже вывести заключеніе совершенно противоположное нашему. Я приведу примѣръ, послѣ котораго не останется никакихъ сомнѣній. Еврейскій народъ разсѣянъ по цѣлой Европѣ, черты его такъ рѣзко опредѣлены и такъ всѣмъ извѣстны, что въ нихъ трудно ошибиться. Евреевъ можно считать за колонистовъ одной породы, поселившихся въ разныхъ стра-

нахъ Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ они составляютъ часть населенія этихъ странъ. Тамъ, гдѣ правительство не оказывало имъ особенныхъ благодѣяній, оно по крайней мѣрѣ не мѣшало имъ жить на одной почвѣ, дышать однимъ воздухомъ и грѣться на одномъ солнцѣ съ остальными своими подданными; они сохраняютъ свою религію, нравы, обычаи, почти никогда не вступаютъ въ родственныя связи съ народами, среди которыхъ разселены, и потому трудно найти условія болѣе благопріятныя для оцѣнки дѣйствій климата. Оказывается, что климатъ не стеръ съ нихъ особенностей ихъ отличающихъ: они вездѣ похожи другъ на друга. Еврей англійскій, французскій, нѣмецкій, италіанскій, испанскій, португальскій остается Евреемъ, при нѣкоторыхъ мелкихъ частныхъ отлѣнкахъ, т. е. у него постоянно сохраняются тѣже характеристическія формы и пропорціи, изъ которыхъ складывается національный типъ. Такимъ образомъ Евреи, живущіе на разныхъ концахъ Европы, представляютъ болѣе сходства между собою, чѣмъ съ другими народами, и не смотря на продолжительное дѣйствіе свое, климатъ измѣнилъ въ нихъ только цвѣтъ лица, выраженіе и можетъ быть еще что-нибудь столь же мало существенное. Произведенія италіанской живописи XVI вѣка, которыхъ предметы взяты изъ библейской исторіи, показываютъ, что тогдашніе Евреи ни мало не отличались отъ нынѣшнихъ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ Леонардо да Винчи, который умѣлъ соединять съ выраженіемъ отдѣльныхъ лицъ общій національный характеръ. Остается рѣшить важный вопросъ о томъ, каковъ былъ первоначальный типъ еврейскаго народа, когда у нихъ еще была родина, и они не разсѣялись по лицу земли. Тогда можно будетъ оцѣнить дѣйствіе климата въ теченіи 17 вѣковъ, періода, составляющаго половину исторической жизни человѣчества. Можно бы конечно довольствоваться и не столь значительнымъ отдѣломъ времени; но если вы возвысите ваши требованія и захотите знать черты еврейскаго народа въ древнѣйшую эпоху, т. е. за три тысячи лѣтъ до насъ, то у меня найдется готовый отвѣтъ.

Позвольте мнѣ рассказать вамъ теперь, по какому случаю я самъ пришелъ къ такому выводу. Я не надолго удалюсь отъ моего предмета. Читая сочиненіе доктора Причарда объ естественной исторіи человѣка, я нашелъ, что авторъ защищаетъ странное положеніе, что люди были первоначально черны, и что они блѣднѣютъ по мѣрѣ успѣховъ

образованности. Книга г. Причарда очень любопытна и написана съ замѣчательнымъ талантомъ. Въ ней показано, какъ цвѣтъ лица измѣняется у жителей одной и тойже страны, перехода отъ смуглаго низшихъ сословій къ свѣтлому, составляющему принадлежность богатаго и знатнаго класса. Факты, какъ видите, согласны съ предположеніемъ доктора Причарда; но съ другой стороны ихъ можно отнести къ другимъ явленіямъ, встрѣчающимся у народовъ, которыхъ исторія намъ вполне извѣстна. Между различными, на одной почвѣ живущими, народами существуетъ постепенность могущества и образованія: черные подвигаются желтымъ, и тѣ и другіе подчинены, хотя не въ равной степени, бѣлому человѣку. Изъ смѣшенія этихъ породъ происходятъ средніе оттѣнки, занимающіе въ обществѣ положенія среднія между ихъ родителями.

Въ числѣ фактовъ, приведенныхъ докторомъ Причардомъ, одинъ особенно обратилъ на себя мое вниманіе. Авторъ ссылается на греческаго писателя, который говоритъ прямо, что Египтяне отличаются чернымъ цвѣтомъ кожи и курчавыми волосами (1). Мнѣ случилось быть въ то время въ Лондонѣ, гдѣ я встрѣтилъ доктора Ходжкина, молодого, весьма ученаго врача, нынѣ профессора патологической анатоміи, и доктора Нокса, глубокаго знатока сравнительной анатоміи, который во время своего пребыванія въ Африкѣ занимался изученіемъ черныхъ племенъ. Рассказавъ имъ о свидѣтельствѣ греческаго писателя, я предложилъ повѣрить это свидѣтельство не посредствомъ самаго текста, а при пособіи доступнаго намъ памятника, т. е. гробницы египетскаго царя, тогда бывшей въ Лондонѣ, и которую вы, вѣроятно, видѣли въ Парижѣ. Вамъ извѣстно, слѣдовательно, что на этой гробницѣ находятся сдѣланныя во весь ростъ статуи людей, изъ которыхъ большая часть должна принадлежать простому народу; цвѣтъ ихъ лица правда смуглый, но они не черны, и у нихъ нѣтъ курчавыхъ волосъ, какъ у Негровъ. Последніе признаки видны только у меньшаго числа отдѣльныхъ статуй, очевидно представляющихъ египетскихъ Негровъ. Въ сторонѣ находятся двѣ другія небольшія группы многоплеменниковъ; въ одной изъ нихъ мы тотчасъ узнали Евреевъ. Наканунѣ я встрѣтилъ нѣсколько Жидовъ, гулявшихъ по лондонскимъ улицамъ. Мнѣ показалось, что я вижу ихъ портреты.

Полагаю, что соединенныхъ свидѣтельствъ гг. Ходжкина, Нокса и моего будетъ для васъ довольно. Я не искалъ другихъ доказатель-

ствъ, но, читая путешествіе въ Египетъ Бельцони (Belzoni), напомнимъ при описаніи вышеупомянутой гробницы слѣдующія мѣста: «въ концѣ этого шествія можно отличить людей, принадлежащихъ къ тремъ народамъ, непохожихъ на остальные лица. Эти изображенія очевидно представляютъ Евреевъ, Египтянъ и Персовъ». (Путешествіе въ Египетъ и Нубію, Т. I. стр. 389). Далѣе сказано: «можно узнать Персовъ, Евреевъ и Египтянъ; первыхъ по одеждѣ, въ которой они вездѣ являются на картинахъ, изображающихъ ихъ войны съ Египтянами; Евреевъ по фizioноміи и цвѣту лица; Египтянъ по цвѣту кожи и наряду (Ibid. 390)».

Вотъ, слѣдовательно, цѣлый народъ, сохраняющій свой первоначальный обликъ въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ, занимающихъ почти все пространство историческаго періода. Въ первой половинѣ этого періода Евреи испытали неслыханныя бѣдствія; во второй, они были разсѣяны по всѣмъ климатамъ, были гонимы, преданы поруганію и позору, образовали изъ себя касту наріевъ, отверженцевъ рода человѣческаго. Нельзя придумать соединенія обстоятельствъ, болѣе способныхъ глубоко измѣнить физическую организацію народа. Итакъ природа человѣка, торжествующая надъ такими вліяніями, одарена значительною силою сопротивленія! Этотъ великій примѣръ можетъ быть принятъ за весьма точный опытъ, сдѣланный съ цѣлію опредѣлить дѣйствіе различныхъ климатовъ на формы и пропорціи человѣческаго тѣла въ теченіе историческихъ вѣковъ (*).

Мы не найдемъ, впрочемъ, слишкомъ далеко въ заключеніяхъ нашихъ. Можетъ быть, не всѣ народы одарены одинаковою способностію сопротивленія вѣшнимъ вліяніямъ. Но допустивъ, что они не всегда съ равнымъ постоянствомъ удерживаютъ типъ свой, мы должны однако признать, что природа стремится къ такому постоянству, и что еслибы не было другихъ причинъ измѣненія, кромѣ климата, то большая часть народовъ долго хранила бы характеристическія черты своихъ предковъ.

Что значить климатъ въ сравненіи съ смѣшеніемъ породъ? Всѣ племена, которыхъ исторія намъ извѣстна, болѣе или менѣе испытали такіа смѣшенія. Эта причина тѣмъ сильнѣе, что она дѣйствуетъ на внутреннюю организацію и потому обуславливаетъ первоначальное образованіе существъ и должна повидимому навсегда опредѣлять ихъ формы. Еслибы эта причина дѣйствовала безпрепятственно, она, мо-

жеть-быть, уничтожила бы всё различіа; но ей поставлены предѣлы, изъ которыхъ многіе очевидны. Достаточно назвать ихъ: различіа кастъ и сословій, которыхъ происхожденіе часто восходитъ до различія породъ, образуютъ грани, защищаемыя строгостію законовъ, могуществомъ преданій и, кромѣ рѣдкихъ исключеній, неприступныя для большинства. Такія искусственныя разграниченія не переставали существовать у нѣкоторыхъ народовъ со дня ихъ выступленія на сцену міра; но такъ какъ созданныя человекомъ учрежденія рано или поздно уступаютъ дѣйствию времени и означенныя нами выше раздѣленія подчинены общему закону перемѣны, то намъ должно составить себѣ понятіе о такомъ порядкѣ вещей, гдѣ стремленіямъ природы не противопоставлено никакихъ историческихъ преградъ. Изъ этого изслѣдованія мы выведемъ для себя путеводныя начала, зависящія отъ числительнаго отношенія приходящихъ въ соприкосновеніе породъ и отъ ихъ распредѣленія на общей имъ почвѣ.

Начнемъ съ количественныхъ отношеній, предполагая, что ничто не препятствуетъ смѣшенію крови. Здѣсь мы можемъ опредѣлительно сказать, какъ дѣйствуетъ природа въ тѣхъ случаяхъ, когда несоразмѣрность чиселъ очень велика: типъ меньшинства можетъ исчезнуть совершенно. Вотъ при какихъ условіяхъ и чрезъ сколько поколѣній обнаруживается этотъ фактъ. Домашнее животное соединяется съ другимъ принадлежащимъ къ другой породѣ; помѣсь, отъ нихъ происшедшая, соединяется потомъ въ свою очередь съ животнымъ одной изъ чистыхъ породъ, которымъ оно обязано своимъ существованіемъ; новый приплодъ будетъ ближе къ чистой породѣ, чѣмъ къ помѣси. Опыты такого рода повторяются до тѣхъ поръ, пока въ послѣднемъ рожденіи не возстановится совершенно типъ того изъ родоначальниковъ, который соединился съ помѣсями. Это случается обыкновенно въ четвертомъ поколѣніи, иногда впрочемъ ранѣе или позже. Г. Жирю де Бюзаренгъ (Girou de Buzareingues) сообщалъ мнѣ, что бывають случаи, въ которыхъ подобный результатъ достигается только при тринадцатомъ рожденіи и даже позже. Такіе факты рѣдки, и какъ ни важны они для науки, мы не должны однако на нихъ останавливаться, ибо ищемъ правила, а не исключеній. Къ тому же у насъ есть положительныя данныя, доказывающія владычество этого закона и надъ человѣческими породами. Признаки Негра или бѣлаго стираются въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи, при тѣхъ условіяхъ, на кото-

рыя мы указали, говоря о домашнихъ животныхъ вообще. Отсюда не трудно повидимому вывести заключеніе противорѣчащее тому, что было сказано нами о возможности открыть въ новыхъ народахъ черты другихъ, уже не существующихъ, но родственныхъ имъ народовъ. — Конечно нельзя отыскать всѣхъ мелкихъ элементовъ, изъ которыхъ слагается племенной типъ, но когда дѣло идетъ о большихъ массахъ, вы увидите, что предлагаемый нами методъ значительно облегчаетъ изслѣдованіе. Положимъ однако, что, при помощи преградъ, дѣлающихъ невозможнымъ всякое смѣшеніе, отдѣльные типы сохраняются въ чистотѣ своей. Ясно, что въ такомъ случаѣ меньшинство никакъ не можетъ изъяснить формы большаго числа. Это начало весьма важное, и намъ придется часто прилагать его къ дѣлу. Возьмемъ теперь другой крайній случай. Положимъ, что обѣ породы, имѣющія соединиться, равны числомъ. Какія условія необходимы для того, чтобы онѣ слились подъ одинъ общій типъ? Надобно, чтобы каждое отдѣльное лицо одной породы вступило въ кровную связь съ лицомъ другой. Надобно, чтобы каждое недѣлимое приняло дѣятельное участіе въ сліяніи породъ, потому что легкіе оттѣнки не замѣняютъ типа. Условія эти необходимы, но вы согласитесь, что ихъ выполнять не легко. Мы не говоримъ о совершенной невозможности такого численного равенства, потому что безусловное отрицаніе, или утвержденіе рѣдко можетъ быть позволено. Однако, допустивъ возможность равныхъ чиселъ съ обѣихъ сторонъ, мы все-таки не получимъ никакого права рассчитывать на подобный случай въ дѣйствительности. Можно ли предположить попарное соединеніе всѣхъ лицъ, принадлежащихъ обѣимъ породамъ? Такое смѣшеніе породъ не можетъ быть слѣдствіемъ произвола, свободнаго выбора со стороны участниковъ, а развѣ необходимости? Но какъ допустить этого рода необходимость безъ особенныхъ, исключительныхъ, едвали встрѣчающихся въ исторіи обстоятельствъ? Тѣмъ не менѣе мы рассмотримъ результаты, которые должны были бы развиться изъ этихъ обстоятельствъ. Примѣръ нашъ будетъ заимствованъ изъ царства животныхъ.

Вамъ извѣстно, что человѣкъ совокупляетъ разные роды животныхъ по своему произволу, и что помѣсь, происходящая отъ такихъ совокупленій, носить на себѣ нѣкоторыя изъ отличительныхъ признаковъ отца и матери. Такъ образуется новый, хотя средній и потому самому опредѣленный типъ. Представляя отдѣльныя черты сход-

ства съ своими родителями, помѣсь является чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ нихъ обоихъ.

Факты эти извѣстны всѣмъ; мы не знаемъ другихъ, принадлежащихъ къ тому же разряду. Однако есть и такіе, которые облачаютъ иное, для насъ особенно важное, стремленіе природы. Женевскій аптекарь, г. Коладонъ (Coladon), развелъ у себя, для опытовъ надъ смѣшеніемъ породъ и уясненія нашихъ понятій объ этомъ предметѣ, значительное число бѣлыхъ и сѣрыхъ мышей. Изучая ихъ нравы, онъ нашелъ способъ ихъ совокуплять. Тогда онъ началъ длинный рядъ опытовъ, соединяя постоянно бѣлую мышь съ сѣрою. Вы вѣроятно ожидаете въ результатѣ помѣсей. Ничуть не бывало. Мышенки рождались бѣлыми или сѣрыми, со всѣми признаками чистой породы. Метисовъ не было вовсе; не было ничего пестраго или среднего между обѣими породами. Типъ той или другой возстановлялся совершенно. Случай этотъ, правда, чрезвычайный; но и тотъ, который мы привели выше, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ. Слѣдовательно обоемъ есть мѣсто въ природѣ; ни тотъ ни другой не владычествуютъ исключительно.

Наблюдая отношенія, существующія между породами, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Когда соединяются породы различныя, не принадлежащія къ одному виду, напримѣръ оселъ и лосадь, собака и волкъ или лисица, ихъ произведеніемъ всегда бываетъ ублюдокъ. Напротивъ, если породы сходны между собою, то онѣ при совокупленіи могутъ воспроизводить въ чистотѣ первоначальный типъ которой-нибудь изъ двухъ. Вотъ основныя начала, которыхъ приложеніе плодотворно для науки. Тѣмъ не менѣе мы воздержимся отъ такихъ приложеній, пока не докажемъ, что подобное направленіе существуетъ также въ природѣ человѣка. Предварительно мы еще займемся этимъ вопросомъ по отношенію его къ животнымъ. Мы не нужно искать доказательствъ для приведенныхъ мною явленій. Они достовѣрны, и мы должны признать ихъ, несмотря на наружное противорѣчіе. Природа иногда смѣшиваетъ, иногда рѣзко отдѣляетъ типы. Въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчащаго ея обыкновенному ходу. Ея силы то дѣйствуютъ за одно, то находятся въ борьбѣ между собою; она производитъ, хранитъ и разрушаетъ.

Но намъ не слѣдуетъ ограничиться такими общностями. Вглядываясь ближе въ явленія, мы найдемъ величайшее единство тамъ, гдѣ

съ перваго взгляда замѣтили наиболѣе противоположностей. При смѣшеніи отдаленныхъ породъ, ублюдокъ носить на себѣ типъ, отличный отъ матери, несмотря на нѣкоторое сходство. Когда двѣ близкія между собою породы воспроизводятъ оба типа, мать также рождаетъ существо на нее непохожее. Вотъ единообразіе явленій. Замѣьте одно, что въ послѣднемъ случаѣ дѣтенышъ болѣе сходенъ съ матерью, чѣмъ въ первомъ. Здѣсь, слѣдовательно, видно меньшее уклоненіе отъ общаго стремленія природы къ размноженію однихъ и тѣхъ же типовъ. Разсмотримъ это стремленіе съ настоящей точки зрѣнія, и мы увидимъ, что уклоненіе еще незначительнѣе.

Можно сказать, что въ низшихъ классахъ животныхъ существуетъ только одинъ полъ, потому что всѣ особи одарены одинаковыми органами произведенія, и каждая изъ нихъ даетъ жизнь существу совершенно съ нею сходному. Здѣсь, слѣдовательно, воспроизводится только одинъ типъ. Но въ классахъ стоящихъ выше, два пола участвуютъ въ произведеніи новыхъ особей. Самка родитъ дѣтеныша, который представляетъ сходство съ нею, или съ отцомъ. Она производитъ такимъ образомъ два весьма опредѣленные и при сродствѣ своемъ до того различные типа, что самецъ и самка одной породы часто болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ отъ животныхъ близкой породы, но того же пола. Истина нашихъ замѣчаній подтверждается между прочимъ тѣмъ, что, при классификаціи мало извѣстныхъ звѣрей, натуралисты нерѣдко причисляли самку и самца къ разнымъ породамъ. Можно найти много подобныхъ примѣровъ въ естественной исторіи животныхъ и птицъ.

Очевидно, что опыты г. Коладона въ цѣлости своей относятся къ указанному нами разряду явленій. Самка производитъ два типа: свой собственный и типъ самца. Изъ животнаго царства легко привести другіе примѣры, но такъ какъ выводъ изъ наблюденій г. Коладона рѣзко обозначенъ, то я довольствуюсь этимъ поразительнымъ примѣромъ.

Для насъ гораздо важнѣе открыть тѣ же явленія, совершающіяся при такихъ же условіяхъ въ физической природѣ человѣка. Отъ наиболѣе различныхъ между собою человѣческихъ породъ происходятъ постоянно метисы. Мулатъ есть плодъ соединенія бѣлой породы съ черною. Не такъ извѣстно, но столь же достоверно воспроизведеніе типовъ обоихъ родителей, при соединеніи двухъ близкихъ видовъ. Я

много разъ замѣчалъ это явленіе, общее европейскимъ народамъ. Оно не принадлежитъ къ числу постоянныхъ, но намъ до этого нѣтъ дѣла. Смѣшеніе иногда раздѣляетъ, иногда же соединяетъ типы. Отсюда приходимъ къ основному выводу, что народы, составляющіе виды породъ различныхъ, но близкихъ между собою, не могли бы даже въ случаѣ такого совокупленія, какое мы предположили выше, утратить своихъ первобытныхъ типовъ, которые непремѣнно сохранились бы въ части новыхъ поколѣній. Къ сохраненію ихъ содѣйствуетъ сверхъ того географическое распредѣленіе породъ на одной почвѣ. Нельзя допустить распредѣленія совершенно равнаго, исключаящаго образованіе многихъ группъ, съ значительнымъ перевѣсомъ той или другой. Это условіе само по себѣ дѣлаетъ невозможнымъ пресѣченіе первобытныхъ типовъ.

Они исчезаютъ иногда вслѣдствіе насильственного истребленія. Отдѣльныя части племени могутъ быть истреблены мечемъ непріятелей, но не цѣлый народъ, тѣмъ менѣе цѣлая порода. Конечно Гуанчи изчезли съ лица земли вслѣдствіе этой причины, но они жили только на маленькихъ островахъ. Карайбовъ также нѣтъ болѣе на американскихъ островахъ, однако порода ихъ существуетъ на материкѣ⁽³⁾. Другихъ достовѣрныхъ примѣровъ такого рода я не знаю; ибо не вѣрю распространенному между моими соотечественниками мнѣнію о конечномъ истребленіи древнихъ Британцевъ на почвѣ занятой Саксами. Вопросъ этотъ, какъ увидите потомъ, меня очень занимаетъ, и я намѣренъ посвятить ему краткое изслѣдованіе съ тѣмъ, чтобы этотъ случай могъ служить примѣромъ. Замѣьте, впрочемъ, что я не отрицаю возможности такого факта, а говорю только о его невѣроятности. Вспомните, что Британцы были не варвары, и что они стояли на извѣстной степени образованности. Я покажу, что послѣднее условіе значительно измѣняетъ существующія между двумя народами отношенія. Какую прибыль могли извлечь Саксы отъ совершеннаго изгнанія или истребленія Британцевъ? Они завоевали нашъ островъ, съ цѣлію доставить себѣ большія удобства жизни. Рабы составляли въ то время важную часть богатствъ. Неужели Саксы добровольно лишили себя такой выгоды, или побѣжденное ими племя отличалось такою любовью къ независимости и столь глубокимъ презрѣніемъ къ жизни, что предпочло смерть неизбѣжному порабощенію? Какъ ни сильны были природное мужество и страсть къ свободѣ Британцевъ,

они однако не обнаружили этихъ свойствъ въ эпоху, о которой здѣсь говорится. Доказательствомъ можетъ служить то, что они просили Римлянъ возвратиться для ихъ защиты, и союзъ ихъ съ Саксами, которыхъ они сами призывали, не находя другаго средства къ оборонѣ противъ Пиктовъ и Скоттовъ. Подобной твердости нельзя допустить ни у Британцевъ, ни у другихъ народовъ. Небольшое число людей могло обречь себя на вѣрную гибель; отъ цѣлаго народа этого нельзя ожидать. Даже Римляне клали оружіе и сдавались.

Но съ другой стороны надобно предположить почти столь же невѣроятную твердость и въ народѣ-истребителѣ. Надобно допустить постоянство жестокости и звѣрства, котораго нѣтъ въ человѣческой природѣ. Подобное предположеніе было сдѣлано и подвергалось разсмотрѣнію въ эпоху завоеванія Китая Чингисъ-ханомъ. Это происшествіе, можетъ-быть единственное въ исторіи, до того странно, что заслуживаетъ подробнаго изложенія. Я передамъ его словами Абель-Ремюза. «Въ то время, когда Чингисъ возвратился изъ своего похода на западъ Еліу, Ту-цай нашелъ случай оказать племенамъ Китая услугу еще болѣе важную. Житницы были пусты; не было ни одной мѣры хлѣба; ни одного куска ткани. Тогда было представлено совѣту, что, такъ какъ Китайцы не приносятъ никакой пользы государству, то слѣдовало бы истребить все населеніе покоренныхъ областей и обратить эти земли въ хорошія пастбища, которыя могутъ служить большимъ пособіемъ для завоевателей. Одинъ Ту-цай былъ въ состояніи отвратить это страшное предложеніе. Онъ объяснилъ хану, что войска его, подвигаясь къ южнымъ предѣламъ Китая, будутъ имѣть надобность во многихъ предметахъ, которые легко получать при справедливомъ распредѣленіи поземельныхъ повинностей, торговыхъ пошлинъ и налоговъ на соль, вино, желѣзо, уксусъ, произведенія горъ и озеръ. Такимъ образомъ, прибавилъ Ту-цай, можно получить въ годъ 500 тысячъ унцій серебра, 80 тысячъ штукъ разныхъ тканей, болѣе 40 тысячъ quintаловъ хлѣба, однимъ словомъ все нужное для содержанія войскъ. Нельзя, слѣдовательно, сказать о такомъ населеніи, что оно бесполезно для государства». Понятно послѣ этого, что доводы Ту-цай убѣдили его слушателей, хотя Монголы были страшно жестоки.

Народъ, — я разумѣю здѣсь многочисленное населеніе, — можетъ лишиться весьма обширныхъ владѣній. Случаи такіе теперь конечно

рѣдки и встрѣчаются только у динихъ. Американскіе туземцы, напримеръ, уступили Европейцамъ огромное пространство земли. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нельзя было жить вмѣстѣ по причинѣ рѣзкой противоположности. Динарь не имѣетъ собственности, ничего не знаетъ, ни къ чему не годенъ. Но въ исторіи Стараго-материка рѣчь идетъ не о динаряхъ, а о варварахъ, т. е. племенахъ, у которыхъ есть уже зародыши образованности.

У варваровъ существуетъ нѣкоторая промышленность. Отсюда происходитъ невозможность добровольныхъ, или насильственныхъ переселеній цѣлаго народа. Вожди, предлагающіе походъ съ цѣлю завоеваній, не въ состояніи увлечь за собою всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Человѣкъ, у котораго есть собственность, рассчитываетъ: расчеты не у всѣхъ одинаковы; одни идутъ, другіе остаются. Въ случаѣ завоеванія, побѣдителю не для чего изгонять прежнее населеніе съ покоренной почвы. Ему конечно необходимъ просторъ, особливо если онъ ведетъ кочевую жизнь; но онъ довольствуется удаленіемъ только части побѣжденныхъ, ибо ему нужны подати, рабы и помощники. Оставшіеся въ живыхъ жители дѣлятся потомъ на двѣ половины: одни, побуждаемые стремленіемъ къ независимости, добровольно покидаютъ родимый край, другіе заключаютъ какую-нибудь сдѣлку съ побѣдителями.

Вотъ заключенія, которыя можно вывести, если не изъ исторіи, то изъ знанія человѣческой природы. Скажу болѣе — исторія подтверждаетъ эти заключенія. Можно подумать, что вслѣдствіе частыхъ и огромныхъ переворотовъ, испытанныхъ кочевыми народами Азіи, ни одинъ изъ нихъ не остался въ предѣлахъ первобытной родины. Однако Абель-Ремюза, занимаясь татарскими племенами, находилъ ихъ всѣхъ на прежнихъ мѣстахъ, когда исторія и филологія снабжали его достаточными данными.

Говоря о гипотезѣ д-ра Причарда, я коснулся вліяній образованности и показалъ, что факты, приводимые имъ въ защиту своего мнѣнія, объясняются болѣе естественнымъ образомъ чрезъ смѣшеніе разныхъ породъ на одной почвѣ. Прибавлю, что мы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить съ точностію, какое вліяніе имѣетъ образованность на формы и пропорціи тѣла въ отдѣльныхъ породахъ.

Нельзя, слѣдовательно, ни утверждать ни отрицать перемѣнъ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ такого вліянія. — Впрочемъ, вопросъ

о переходѣ отъ дикаго состоянія къ просвѣщенію насъ не касается, ибо онъ относится къ эпохамъ столь отдаленнымъ и темнымъ, что онъ выходятъ изъ предѣловъ исторіи. Мифологія и баснословныя преданія рисуютъ созданную воображеніемъ картину прошлаго. Но исторія не показываетъ намъ въ дикомъ состояніи ни одного народа, который потомъ самъ изобрѣлъ или заимствовалъ отъ другихъ науки и искусства. Подобное изложеніе сдѣлается возможнымъ современнымъ, когда у дикихъ племенъ Новаго-міра (*) совершится этотъ переходъ, самый трудный изъ всѣхъ, какіе предстоятъ человѣческимъ обществамъ. Разказы о немъ услышать только далекіе потомки наши.

Дѣйствія образованности уже зрѣлой на формы и пропорціональность тѣла народа, котораго физическія примѣты измѣнились вслѣдствіе его отрѣшенія отъ дикаго быта, могутъ быть замѣчены только въ частныхъ случаяхъ, потому что образованность не одинаково распространяется по сословіямъ, и низшія мало въ ней принимаютъ участія. Вы, безъ сомнѣнія, будете согласны со мной; но я пойду еще далѣе, опираясь на непосредственные опыты. Вездѣ, гдѣ мнѣ удавалось опредѣлить одинъ или нѣсколько типовъ, я находилъ эти типы во всѣхъ рядахъ общества, въ городахъ и селеніяхъ, отъ крестьянина и осѣдлаго работника, погруженныхъ въ глубочайшее невѣжество и бѣдность, до лицъ, принадлежащихъ къ древнимъ и пользующимся славою всякаго рода фамиліямъ. Эти сословія представляютъ навѣрно всѣ степени просвѣщенія; однако одинъ и тотъ же типъ существуетъ во всѣхъ. Онъ, слѣдовательно, можетъ сохраняться при всѣхъ видоизмѣненіяхъ общественнаго быта. Другихъ доказательствъ намъ не нужно, и мы не поведемъ далѣе нашихъ изслѣдованій. Мнѣ кажется, что я рассмотрѣлъ эту сторону занимающаго насъ предмета съ самыхъ важныхъ точекъ зрѣнія и не упустилъ изъ виду ничего необходимаго для узнанія истины. Вопросъ былъ сложенъ и теменъ; я старался его упростить и пояснить; надѣюсь, что вы вмѣстѣ со мною пришли къ убѣжденію, что главные физическіе признаки народа могутъ въ большинствѣ населенія оставаться неизмѣнными чрезъ длинный рядъ вѣковъ, не смотря на вліяніе климата, смѣшеніе породъ, иноплеменные нашествія и успѣхи образованности. Не забудьте, что мы ограничили наши розысканія историческими временами, которыя наступаютъ для каждаго народа вмѣстѣ съ началомъ просвѣщенія. Мы, слѣдовательно, должны встрѣтить у нынѣшнихъ народовъ, при

измѣнившихся оттѣнкахъ и въ большей и меньшей мѣрѣ, тѣже черты, которыми они отличались въ эпоху ихъ вступленія въ исторію. Пришествіе новыхъ племенъ размножаетъ, какъ показано выше, а не смѣшиваетъ типы, которыхъ число увеличивается по числу народовъ и вслѣдствіе ихъ смѣшеній между собою. Но старыя продолжаютъ существовать, хотя и въ меньшемъ объемѣ, по причинѣ распространенія среднихъ породъ. Такимъ образомъ, у народовъ болѣе или менѣе образованныхъ, первобытныя и возникавшія въ послѣдствіи типы, если они принадлежатъ значительнымъ частямъ населенія, могутъ существовать одновременно и не исключать другъ друга. Напротивъ, если они принадлежатъ малому числу, то они или исчезнутъ, или оставятъ мало слѣдовъ. Позволительно ихъ отыскивать, потому что есть причины способныя сохранить ихъ; но не должно удивляться отрицательному результату поисковъ. Успѣхъ былъ бы гораздо удивительнѣе.

Начала, которыя насъ привели къ общему выводу, помогутъ намъ также при его приложеніи. Прошу васъ не терять изъ виду то, что мы сказали выше о числительномъ отношеніи и географическомъ распределеніи племенъ на одной почвѣ. Черезъ наблюденіе мы узнаемъ настоящее; исторія сообщаетъ данныя о прошломъ; сравненіемъ опредѣляется отношеніе между тѣмъ и другимъ, когда у народовъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія, были и есть условія, необходимыя для удержанія прежнихъ типовъ. Мы видѣли, что эти условія преимущественно встрѣчаются въ большихъ массахъ; отсюда слѣдуетъ, что великіе народы древности легче другихъ могутъ быть узнаны въ своихъ потомкахъ. — Не будемъ же жалѣть о томъ, что отъ насъ ускользаютъ мелкія примѣсы, вошедшія въ составъ этихъ массъ и возбуждающія любопытство наше. Надобно уметь умѣрять собственную любознательность. За то опредѣленія наши будутъ точнѣе, потому что разнообразіе типовъ только сбиваетъ съ толку и затрудняетъ изслѣдователя. Такое дѣйствіе производитъ между прочимъ на умъ смутное воспоминаніе о разливѣ варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію, и долго потомъ не вошедшемъ въ обычные берега. Длинный списокъ народовъ пугаетъ воображеніе. Можно подумать, что обширныхъ владѣній имперіи было недостаточно для помѣщенія однихъ варваровъ. Читатель раздѣляетъ страхъ, наведенный ими на Римлянъ: они кажутся ему безчисленными. Однако нѣкоторые историки записали числа, или сообщили намъ данныя, на основаніи которыхъ

можно составить себѣ болѣе вѣрное понятіе. Вотъ что ускользаетъ отъ нашего вниманія, но чего не должно терять изъ виду. — Приведемъ главные примѣры: они послужатъ къ очищенію нашего ума отъ множества помрачающихъ его предубѣжденій. Ни греческихъ, ни латинскихъ писателей нельзя конечно упрекнуть въ намѣреніи уменьшить число враговъ. Напротивъ, они увеличивали его, дабы скрыть позоръ своего пораженія. Вестготы, Вандалы, Гунны, Герулы, Остготы, Лангобарды, Норманны, одни вслѣдъ за другими нападаютъ на Италію. Чтò осталось въ Италіи отъ этого множества варваровъ? Вестготовъ, Вандаловъ и Гунновъ не зачѣмъ даже считать, потому что они только прошли по полуострову. Я незнаю, какія были силы Геруловъ и Остготовъ, когда они вошли въ Италію, но для меня довольно того, что Герулы, тотчасъ по водвореніи своемъ въ Италіи, должны были вступить въ кровавую борьбу съ Остготами и потерпѣли пораженіе. Объ ослабленіи побѣдителей можно составить себѣ понятіе по той малочисленной рати, которую они противопоставили Велизарію, хотя у нихъ было время и средства оправиться. Ихъ было сначала 50000 человекъ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ семитысячный отрядъ, положившій оружіе и переведенный въ Константинополь (5). — Въ Италіи сохранились, безъ сомнѣнія, остатки этихъ народовъ, хотя о нихъ не упоминается болѣе; но какое значеніе могли они имѣть въ массѣ италіянскаго населенія, какъ бы ни было оно истощено предшествовавшими несчастіями? Долѣе другихъ удержались Лангобарды, которые владѣли значительною частію края, получившею отъ нихъ свое названіе. Но сколько ихъ было въ началѣ? Можетъ быть 100000 человекъ. Нормановъ, которые завоевали почти всю южную Италію, было также весьма немного; но въ этой горсти людей находились Роланды и Амадисы исторіи (6). Галлія получила новое имя и новыхъ властителей вслѣдствіе пришествія Франковъ; намъ однако извѣстно, какъ малочисленна была дружина Хлодвигъ. Впослѣдствіи Вильгельмъ Завоеватель покорялъ съ 60 т. человекъ всю Англію. Эти великія, достопамятныя завоеванія преобразили совершенно существовавшій до нихъ порядокъ вещей, но не могли произвести большихъ перемѣнъ въ типахъ покоренныхъ народовъ. Если потомки завоевателей частію сохранили физическія примѣты своихъ предковъ, то они составляютъ отдѣльныя небольшія группы и теряются въ массѣ населенія. Тѣже явленія повторяются и въ исторіи другихъ завоеваній, особенно та-

нихъ, которыя совершились посредствомъ одного нашествія. Вообще не цѣлый народъ, а только часть его, иногда очень малая, идетъ войною на другой и покоряетъ его.

Таковъ былъ обыкновенный ходъ вещей въ историческія, намъ хорошо знакомыя, времена. Здѣсь нѣтъ надобности входить въ разборъ цѣлей завоеванія. Но сколько завоеваній совершено съ цѣлями чисто политическими, для утвержденія собственнаго превосходства и преобладанія надъ другими государствами, а не для того чтобы согнать народъ съ его родной почвы и поселиться на ней. Вамъ извѣстно, что Римляне при основаніи своего владычества постоянно дѣйствовали такимъ образомъ. Я не безъ намѣренія привелъ въ примѣръ Римлянъ и варваровъ, разрушившихъ имперію. Вы, вѣроятно, напередъ угадали приложеніе.

Бываютъ однако завоеванія другого рода, производящія великія перемѣны чрезъ послѣдовательныя нашествія одного и того же народа. Ихъ волны идутъ одна за другою, и не смотря на значительныя промежутки и бѣдность самаго источника, постепенно накаплиются и образуютъ большія, существующія массы. Такъ Саксы овладѣли Британією, гдѣ порода ихъ продолжается до сихъ поръ. — Другая причина смѣшенія народовъ, не столь поражающая воображеніе, но столь же дѣйствительная, заключается въ древнемъ и средневѣковомъ рабствѣ. Если источникомъ рабства была война, которую вели между собою родственныя, но не слитыя въ одинъ народъ племена, то коренные типы не подвергались измѣненію. То же самое можно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда война шла между сосѣдними народами одной породы. Если же рабы доставлялись изъ чуждыхъ странъ посредствомъ военныхъ набѣговъ или торговли, то они, вслѣдствіе своего разнообразнаго и пестраго происхожденія, составляли смѣсь, принадлежавшую къ неопредѣлимой части населенія. Предположивъ даже, — ибо надобно имѣть въ виду всякую возможность, — что нѣкоторые изъ этихъ породъ рабовъ, по перевѣсу своему надъ другими, могли уцѣлѣть до нашего времени, мы найдемъ, что ихъ типы, составлявшіе принадлежность классовъ наименѣе многочисленныхъ, не представляютъ препятствій къ опредѣленію признаковъ, характеризующихъ цѣлый народъ. Разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ преимущественно о древнемъ невольникѣ, оторванномъ отъ своей родины и перенесенномъ на почву и къ племени, которыя ему равно чужды.

Мы обращались съ нашими вопросами къ исторіи естественной и къ исторіи гражданской. Изъ согласія обѣихъ видно, что прямые потомки всѣхъ великихъ народовъ, извѣстныхъ въ древности, должны существовать и теперь. — Замѣьте, что этотъ выводъ не перестаетъ быть истиннымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ нѣтъ средствъ его повѣрить на дѣлѣ, потому что происхожденіе отдѣльныхъ лицъ и ихъ сходство съ предками суть два различныхъ факта, которые могутъ быть соединены въ природѣ, но не должны быть смѣшиваемы между собою въ умѣ нашемъ. Я до сихъ поръ высказывалъ въ видѣ предположенія мою мысль, что у древнихъ народовъ были характеристическіе типы, потому что прежде всего намъ надобно было убѣдиться въ переходѣ этихъ типовъ къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, не смотря на дѣйствіе измѣняющихъ, нами уже рассмотрѣнныхъ, причинъ. Убѣдившись въ этомъ, мы перейдемъ къ другому вопросу. — Вотъ еще новая выгода, происходящая отъ принятаго нами взгляда на предметъ. — Изъ предшествующаго разсужденія ясно, что если такіе типы существовали прежде, то они существуютъ и въ наше время. Путь намъ предстоящій очевиденъ: мы должны сначала опредѣлить посредствомъ наблюденій, есть ли вообще и сколько различныхъ типовъ у народа, подлежащаго изученію. Открывъ такіе типы, слѣдуетъ восходить къ ихъ началу. Я могу наконецъ отдать вамъ отчетъ въ моихъ наблюденіяхъ, познакомивъ васъ напередъ съ тѣми основаніями, на которыя они опираются. Вы должны знать существенные внѣшніе признаки, изъ которыхъ слагается типъ.

Признаки, заимствованные изъ формъ и размѣровъ головы и чертъ лица, занимаютъ безъ сомнѣнія первое мѣсто. Вы тотчасъ поймете сами въ чемъ дѣло, безъ предварительнаго изложенія началъ классификаціи въ естественныхъ наукахъ. По какимъ примѣтамъ мы узнаемъ человѣка? Не по росту, не по дородству его, не по цвѣту кожи или волосъ, а по лицу, т. е. по формѣ головы и по отношеніямъ (пропорціямъ), существующимъ между чертами лица. Достаточно взглянуть на одну эту часть тѣла, чтобы узнать человѣка, котораго нельзя отличить отъ толпы, если будемъ на него смотрѣть съ другой стороны. Такъ ваятель изображаетъ человѣка въ бюстѣ. Сходство тотчасъ становится очевиднымъ. Возьмите, потомъ, составленное въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ описаніе того же человѣка; описаніе будетъ относиться къ нему, но не дастъ намъ вполне опредѣляющаго и от-

личающаго его отъ другихъ понятія. Слово не въ состояніи передать оттѣнковъ, составляющихъ особенность недѣлимаго, и описаніе относится ко всѣмъ созданнымъ по одному образцу, т. е. наиболѣе сходнымъ между собою индивидуумамъ. Другаго, лучшаго способа для точнаго опредѣленія тождества породъ, по моему мнѣнію, нельзя найти, потому что онъ ближе всякаго другаго представляетъ отличительные признаки недѣлимаго, отвлекая отъ названныхъ мною выше, какъ мнѣ кажется, преходящихъ оттѣнковъ (?). Ихъ перемѣна не измѣняетъ человѣка. Я принимаю къ соображенію видоизмѣненія волосъ, цвѣта кожи, роста: когда они составляютъ общую принадлежность, тогда они получаютъ даже большое значеніе; но взятые отдѣльно, они суть нѣчто второстепенное и никакъ не могутъ служить признаками породъ, кромѣ крайнихъ случаевъ. — Замѣьте, что чѣмъ строже я настаиваю на тождествѣ типовъ, тѣмъ болѣе должны вамъ внушать довѣріе мои приложенія къ исторіи. — Весьма можетъ быть, что природа, производя породы, дѣйствовала съ болѣею свободою. Я даже не сомнѣваюсь въ этомъ, потому что, придерживаясь преимущественно одного образца, она, вслѣдствіе причинъ намъ неизвѣстныхъ, уклоняется отъ него въ разныя стороны и доходитъ въ этихъ уклоненіяхъ до такъ называемыхъ уродовъ. Ограничивая такимъ образомъ типъ, устраняя сходства, не соединяющія въ себѣ всѣхъ существенныхъ признаковъ, мы уменьшаемъ число приложеній, но сообщаемъ имъ за то болѣе точности.

Чѣмъ обширнѣе группа съ опредѣленными уже признаками, тѣмъ достовѣрнѣе будутъ извлеченные нами выводы, потому что такую группу нельзя принять за случайное уклоненіе, не принадлежащее къ характеристикѣ народа. — Вотъ почему я старался въ разсказѣ о моихъ наблюденіяхъ дать вамъ понятіе о пестротѣ и разнообразіи однихъ и тѣхъ же впечатлѣній. Послѣ сказаннаго доселѣ, вы можете съ довѣріемъ слѣдовать за мною, ибо въ подобныхъ предметахъ участіе происходитъ отъ основанной на чемъ-нибудь надежды дойти до истины. Вы, можно сказать, будете моимъ спутникомъ въ моихъ странствованіяхъ по Франціи, Италіи и части Швейцаріи. Вы будете присутствовать при моихъ наблюденіяхъ, но мы приступимъ къ ихъ приложенію только тогда, когда соберемъ ихъ въ достаточномъ числѣ и въ надлежащемъ объемѣ. — Тотчасъ по прибытіи на границу Бургундіи, я началъ замѣчать совокупность формъ и чертъ, которыя со-

ставляли особенный типъ. Чѣмъ далѣе я ѣхалъ, тѣмъ рѣзче и чаще выдавался этотъ типъ. Онъ очень часто попадался мнѣ вдоль дороги отъ Оксера къ Шалону. Я пріѣхалъ въ послѣдній городъ въ торговый день и поспѣшилъ на рынокъ, дабы разсмотрѣть лица окрестныхъ поселянъ. Многія изъ этихъ лицъ, къ удивленію моему, вовсе не походили на тѣ, которыя я видѣлъ прежде. Типы тѣхъ и другихъ были до такой степени различны, что представляли совершенную противоположность между собою. Описывать ихъ здѣсь не мѣсто. Я это сдѣлаю въ послѣдствіи, когда рѣчь будетъ объ ихъ историческомъ названіи. Въ то время я не позволилъ себѣ никакихъ заключеній, потому что видѣлъ только небольшую часть провинціи и не могъ различать племенъ, которыми она была населена. Я довольствовался тѣмъ, что замѣтилъ эти факты и сохранилъ ихъ въ памяти, въ ожиданіи возможности употребить ихъ въ дѣло. Преобладающій и весьма характеристическій типъ, который я замѣтилъ до Шалона, попадался мнѣ часто на глаза во все продолженіе моей поѣздки по Бургундіи. Сущность его не измѣнилась въ Ліонской области, но оттѣнки были уже не тѣ. Тоже можно сказать о Дофинѣ. Тотъ же самый характеръ формъ и пропорцій, но съ перемѣною цвѣта кожи, продолжается въ Савоіи до Монъ-Сени. Признаюсь, такое сходство чертъ у значительнаго числа людей, живущихъ на пространствѣ между Оксеромъ и Альпами, меня не мало удивило, хотя оно согласовалось съ моими мнѣніями. Разумѣется, что не весь народъ былъ вылитъ въ одну форму; но я нашелъ только одинъ рѣзко обозначенный типъ, за исключеніемъ небольшой группы, видѣнной мною въ Шалонѣ.

Если бы, слѣдую другому плану, я положилъ въ основаніе моихъ наблюденій цвѣтъ кожи, а не формы и отношенія частей, то нашелъ бы на обширномъ пространствѣ между Оксеромъ и Монъ-Сени различныя племена Бургундовъ, Ліонцевъ, Дельфинатцевъ и Савояровъ, а не одноплеменный народъ съ разными оттѣнками цвѣта.

На этой землѣ жило въ глубокой древности одно изъ племенъ галльскихъ. Намъ все равно, какое именно. Въ послѣдствіи Римляне покорили этотъ народъ, смѣшались съ нимъ. Еслибы вамъ нужно было опредѣлить, какому изъ обоихъ племенъ принадлежитъ описанный мною типъ, вы не усомнились-бы признать его галльскимъ, потому что меньшее число не въ состояніи передать своихъ внѣшнихъ признаковъ большому. Но римское владычество уступаетъ мѣсто друго-

му — бургундскому. Вы должны будете однако остаться при прежнемъ выводѣ, не смотря на послѣдующее завоеваніе края Франками. Отношенія остаются тѣже.

Таково будетъ по необходимости ваше мнѣніе. Не скажу, что оно было и мнѣ, потому что у меня въ то время не образовалось еще никакого мнѣнія. Я былъ слишкомъ занятъ внѣшнею стороною моихъ наблюденій и не заботился о выводѣ заключеній. Предо мною лежала Италия, и общала мнѣ множество достойныхъ вниманія предметовъ. Я не хотѣлъ ни пройти равнодушно мимо произведеній древняго и новаго искусства, ни посвятить имъ исключительнаго изученія. Большая часть путешественниковъ заботятся только о томъ, какъ бы посмотрѣть на эти памятники, и довольствуются воспоминаніями, соединенными съ искаженными остатками минувшихъ вѣковъ. Но на этихъ самыхъ обломкахъ, на этомъ прахѣ древности, составляющихъ предметъ восторга и поклоненія для путешественниковъ, можетъ быть, существуютъ еще потомки людей, создавшихъ эти памятники, и напоминаютъ собою предковъ. Вотъ что мнѣ хотѣлось повѣрить, въ надеждѣ, что, въ случаѣ успѣха, изслѣдованія мои получатъ для меня такую же прелесть, какую имѣютъ для археолога самые счастливые поиски.

Проѣзжая чрезъ Флоренцію, я воспользовался случаемъ, какой доставляла герцогская галлерея, для изученія римскаго типа. Я обратилъ преимущественно вниманіе на бюсты первыхъ императоровъ, потому что они происходили отъ древнихъ семействъ и не принадлежали, какъ многіе изъ ихъ преемниковъ, къ чуждымъ племенамъ. Въ нихъ замѣчательно не только сходство формъ и пропорцій, которое существуетъ между многими, но характеръ до такой степени рѣзко опредѣленный, что его нельзя забыть и не узнать. Вы можете составить себѣ достаточное о немъ понятіе, взглянувъ на бюсты Августа, Секста Помпея, Тиверія, Германика, Клавдія, Нерона, Тита, которые находятся въ Парижскомъ Музеѣ и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ точное описаніе этого типа: вертикальный поперечникъ коротокъ, вслѣдствіе чего лице широко; такъ какъ верхушка черепа довольно плоская, а нижній край челюсти почти горизонтальный, то очеркъ головы подходитъ спереди къ формѣ четверугольника. Это очертаніе до такой степени существенно принадлежитъ типу, что таже, но вытянутая въ длину голова, сохраняя всѣ прочія черты и представляя совершенное

подобіе Римлянина, перестаетъ быть характеристическою. Боковыя части головы выше ушей выпуклы, лобъ низокъ, носъ настоящій орлиный, т. е. горбъ начинается сверху и оканчивается не доходя до конца; основа носа горизонтальная. Передняя часть подбородка округлена.

Вы узнаете эти примѣты на бюстахъ и статуяхъ лицъ, мною названныхъ, и другихъ, о которыхъ я не упомянулъ. Но вы не вездѣ найдете эти признаки, потому что типъ не можетъ быть всеобщимъ въ народѣ.

Эти замѣчанія глубоко врѣзались мнѣ въ память, хотя я не много о нихъ думалъ. Вниманіе мое было развлечено множествомъ предметовъ на пути изъ Флоренціи въ Римъ, черезъ Перуджію. Я полагалъ притомъ найти представителей древняго римскаго народа не на дорогѣ, а у цѣли моего путешествія. Но сверхъ ожиданія я узналъ ихъ, по поразительному сходству, уже на Монте-Джераландро, у самаго входа въ папскія владѣнія. Тѣ же самыя примѣты были мною замѣчены на значительномъ числѣ лицъ по всей дорогѣ, въ Перуджіи, Сполето и т. д. до Рима. Мы ѣхали цѣлымъ обществомъ, и всѣ мы должны были признать неоспоримое сходство. Не считаю нужнымъ прибавлять, что упомянутыя примѣты существуютъ и въ Римѣ, не смотря на пеструю смѣсь населенія. Объ этомъ уже говорили другіе. Но такихъ признаковъ типа не должно искать исключительно въ какомъ-нибудь одномъ предмѣстіи или уголкѣ Рима: они встрѣчаются вездѣ, у лицъ обоого пола и всѣхъ сословій. Сходство относится не къ одному только бюсту, но къ цѣлому стану. Вы знаете, что Римляне были средняго роста. Я не могу опредѣлительно сказать, какъ далеко этотъ типъ идетъ на югъ. Въ Неаполѣ онъ исчезаетъ или по крайней мѣрѣ не довольно рѣзко выступаетъ для того, чтобы его можно поставить въ числѣ характеристическихъ особенностей столицы. Тамъ преобладаетъ другая форма, о которой здѣсь не мѣсто говорить. Судя по нѣкоторымъ туземцамъ, я имѣю причины предполагать, что типъ, названный нами римскимъ, продолжается въ верхней части Неаполитанскаго королевства. Во всякомъ случаѣ онъ распространенъ къ сѣверу отъ Рима не только въ направленіи къ Перуджіи, какъ я сказалъ, но и въ другую сторону, къ Сиеннѣ, Витербо и далѣе.

Эти наблюденія, при всей ихъ ограниченности, доставляютъ намъ полезныя и приложимыя къ исторіи свѣдѣнія. Я вовсе не думаю ут-

верждать, что цѣлый народъ вылить въ одну форму. Достаточно и того, что есть такая общая большинству форма. Выше сказано, что черты, характеризующія нынѣшнихъ жителей этихъ странъ, принадлежали и древнему ихъ населенію. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что типъ императоровъ повторяется въ многочисленныхъ изображеніяхъ простыхъ воиновъ и частныхъ людей, которыхъ представляютъ найденные здѣсь барельефы и бюсты. Что же теперь думать о римскомъ народѣ? Можно ли допустить, что онъ произошелъ отъ Энея и Троянъ, образуя чуждое Италіи и заключенное въ предѣлахъ одного города племя? Городское населеніе обыкновенно выходитъ изъ сельскаго, особенно въ обширныхъ странахъ, и Римъ былъ населенъ такимъ же образомъ. Многіе изъ сосѣднихъ народовъ, между прочимъ Сабинны и большая часть Этрусковъ принадлежали тогда, какъ и теперь, къ одной породѣ съ Римлянами. Но политическое раздѣленіе италіянскихъ племенъ, различіе ихъ именъ и интересовъ были до такой степени значительны, что историки почти всегда приписывали имъ различное происхожденіе. Микали и Нибуръ вѣрнѣе поняли эти отношенія, и факты мною излагаемые должны служить къ подкрѣпленію ихъ мнѣній.

Иностранцы могутъ поселиться среди какого-нибудь народа, властвовать надъ нимъ, образовывать его, измѣнить его имя и языкъ, не касаясь его общихъ физическихъ отличій. Небольшое число людей въ состояніи одержать верхъ надъ толпою и дѣйствовать на ея мнѣнія; но мы уже видѣли, что организмъ не такъ уступчивъ. Я не знаю у какого, туземнаго или пришлаго, народа заимствовали Этруски языкъ свой, учрежденія и искусства. Вопросъ этотъ еще далеко не рѣшенъ (*). Очевидно только то, что часть населенія похожа на другія, названныя мною, племена. Исторія говоритъ намъ, что населеніе Этруріи было смѣшанное, а наблюденіе формъ подтверждаетъ ея свѣдѣтельство. Я не входилъ въ разборъ всѣхъ составныхъ элементовъ этой смѣси, но открылъ одинъ, котораго происхожденіе было для меня долгое время загадкою.

Одинъ изъ отличнѣйшихъ римскихъ живописцевъ, Агрикола, написалъ портреты четырехъ великихъ поэтовъ Италіи: Данта, Петрарки, Аріоста и Тасса. Этюды его были составлены по всѣмъ памятникамъ того времени. Онъ былъ такъ добрѣ, что показалъ мнѣ собраніе своихъ рисунковъ. Сравнивая ихъ между собою, я пришелъ къ заключе-

нію, что портреты Данта должны быть очень похожи, потому что они почти не разнились одинъ отъ другаго. Къ тому же пропорціи его лица были такъ опредѣлены, и черты такъ рѣзки, судя по описанію, составленному однимъ изъ друзей флорентинскаго поэта, что живописцу трудно было бы не попасть на сходство. У него была продолговатая и нѣсколько узкая голова, лобъ высокій и развитый, носъ загнутый концемъ къ низу съ вздернутыми поздрами (*ailes du nez relevées*), подборокъ выдающійся.

Этотъ крѣпко обозначенный образъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Я не искалъ, впрочемъ, въ Тосканѣ повторенія такого типа, но по странному случаю, пріѣхавъ на границу по сіенской дорогѣ, я встрѣтилъ, или можетъ быть впервые замѣтилъ въ Радикوفани нѣсколько сходныхъ съ нимъ лицъ. Одно изъ нихъ представляло живое подобіе Данта. Еще прежде, въ первый мой проѣздъ черезъ Флоренцію, я нашелъ въ галлерей великаго герцога нѣсколько такихъ фигуръ, между статуями и бюстами медичейской фамиліи. Онъ попадались мнѣ также въ тамошнемъ обществѣ. Но я въ то время не обратилъ должнаго вниманія на это явленіе и не могъ дать себѣ яснаго отчета въ совокупности чертъ. Последнее пребываніе мое въ Тосканѣ было продолжительнѣе, и я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что замѣченный мною прежде типъ есть настоящій тосканскій. Мы видѣли, что онъ существовалъ въ эпоху Данта; я прибавлю, что къ нему должно причислить многихъ великихъ мужей флорентинской республики. Даже на памятникахъ этрусскаго искусства онъ обратилъ на себя мое вниманіе. Я продолжалъ наблюдать его въ Болоньѣ, Феррарѣ, Падуѣ и въ селеніяхъ, лежащихъ между этими городами. Въ Венеціи онъ не только часто встрѣчается, но существовалъ постоянно въ удивительномъ количествѣ. Онъ выдается такъ рѣзко, что его нельзя не узнать. Доказательствомъ можетъ служить голова Данта. Сходство такъ велико, что поражаетъ даже людей, которые не знаютъ, что такое типъ или порода, и замѣчаютъ только отдѣльные явленія. Я стоялъ однажды въ Венеціи, въ галлерей венеціанской школы, передъ картиною, на которой изображенъ былъ одинъ изъ святыхъ, родившихся въ томъ краѣ. Видя, что я смотрю съ большимъ вниманіемъ, мой чичероне замѣтилъ мнѣ, что эта голова очень похожа на голову Данта. О количествѣ, въ какомъ этотъ типъ былъ распространенъ здѣсь прежде, я могъ судить по портретамъ дожей, собраннымъ

въ бывшемъ дворцѣ ихъ. Я былъ пораженъ лежащимъ на всѣхъ этихъ портретахъ отпечаткомъ одной породы.

По мѣрѣ приближенія моего къ Милану, типъ этотъ попадался мнѣ все чаще. Иногда характеристическія черты его являлись въ такихъ преувеличенныхъ размѣрахъ, что подходили къ каррикатурѣ. Разъ мнѣ случилось остановиться часа на два въ одномъ селеніи: я отправился на площадь, гдѣ было собрано много крестьянъ. Я не могъ наглядѣться на нихъ, по причинѣ ихъ совершеннаго сходства съ однимъ изъ типовъ, видѣнныхъ мною во Франціи. Мнѣ казалось, что я перенесся на шалонскій рынокъ, гдѣ, какъ я уже сказалъ вамъ, меня поразила у крестьянъ характеръ головы совершенно отличный отъ того, какой я до тѣхъ поръ видѣлъ въ Бургундіи. Тамъ меня изумило различіе, а здѣсь сходство. Ошибиться было невозможно. Вспомните, въ какой чистотѣ и какъ часто я находилъ этотъ типъ въ Италіи. Я долженъ былъ признать существованіе рѣзко отмѣченной и многочисленной породы, распространенной по всему сѣверу итальянскаго полуострова. Но развѣ я не въ Цизальпинской Галліи и не видалъ такого же народа въ настоящей Галліи, по ту сторону Альповъ? Почему же не признать его, согласно съ исторіею, за Галловъ? Для полнаго убѣжденія въ предполагаемомъ тождествѣ обоихъ населеній надлежало однако совершить много новыхъ наблюденій. Я долженъ былъ слѣдить за этимъ типомъ съ одного мѣста на другое, на какъ-можно большемъ пространствѣ.

Обратный путь мой шелъ черезъ ту часть Швейцаріи, которая нѣкогда принадлежала Галламъ. Я могъ, слѣдовательно, найти тамъ одну изъ двухъ породъ, а можетъ быть и обѣ.

Ронская долина начинается у сѣвернаго склона Симплона. Первые жители, встрѣчаемые путешественникомъ, даже на вершинѣ горы — Германцы. Они отличаются отъ сосѣдей наружностію и языкомъ, ибо говорятъ по нѣмецки. Далѣе, въ Вале, измѣняются въ одно время языкъ и черты. Я слышу уже французское нарѣчіе и узнаю племя, съ которымъ познакомился въ Савойѣ, съ тѣми же чертами и даже цвѣтомъ лица. Подъѣзжая къ Женевѣ, я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ съ другимъ типомъ. Въ самой Женевѣ ихъ уже было много: они совершенно походили на людей, видѣнныхъ мною въ сѣверной Италіи и Шалонѣ. Все населеніе очевидно принадлежало къ двумъ отдѣльнымъ, рѣзко противоположнымъ между собою породамъ: у одной го-

лова болѣе круглая, чѣмъ овальная, черты округленныя и ростъ средній; у другой продолговатая голова, высокій и широкій лобъ, носъ загнутый концемъ къ низу съ приподнятыми ноздрями (*ailes du nez*), подбородокъ сильно выдающійся и высокій ростъ. Необходимымъ слѣдствіемъ совокупнаго жительства этихъ породъ на одной почвѣ было образованіе многисленныхъ среднихъ формъ. Я съ удовольствіемъ отмѣчалъ въ помѣсяхъ характеристическія черты и искаженныя пропорціи чистыхъ типовъ. Слѣдуя порядку, въ какомъ они поставлены выше, я буду впредь называть эти типы первымъ и вторымъ. Имѣя въ виду продолжать тѣже наблюденія на новыхъ мѣстахъ, я рѣшился ѣхать къ Макону и Шалону черезъ Бресскую область (*Bresse*). Мнѣ хотѣлось, такимъ образомъ, связать цѣлью непрерывныхъ изслѣдованій часть населеній, принадлежащихъ ко второму типу. Я нашелъ действительно на большой дорогѣ, въ Бресской области, такую же смѣсь тѣхъ же элементовъ, но отношеніе частей было другое. Первый типъ преобладалъ до такой степени, что я едва могъ находить слѣды втораго. Но послѣдній явился снова близъ Макона, вдоль рѣчнаго берега и по поднимающейся въ гору дорогѣ къ Шалону. Къ счастью, я пріѣхалъ въ Шалонъ въ самый день рынка и получилъ возможность повѣрить мои воспоминанія чрезъ сравненіе съ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Изъ этихъ наблюденій и другихъ, сдѣланныхъ мною еще прежде въ прочихъ частяхъ Франціи, можно будетъ, если не ошибаюсь, извлечь столь же вѣрное, сколько неожиданное подтвержденіе главныхъ идей, высказанныхъ вами въ изданной вами «Исторіи Галловъ».

Но я долженъ предварительно означить въ Галліи границы, въ которыхъ находятся данныя для предпринятыхъ мною сближеній. Такъ какъ я не былъ въ южныхъ областяхъ, примыкающихъ къ Пиренейскимъ горамъ и Средиземному морю, то не буду говорить о племенахъ Басковъ и Лигуровъ, которые тамъ жили. Вы принимаете, что остальная Галлія принадлежала въ древности двумъ великимъ семьямъ народовъ, которые различались по языку, обычаямъ и общественному быту. Числительное отношеніе ихъ между собою намъ неизвѣстно, но изъ нихъ состояла вся масса населенія. Я съ своей стороны признаю, что настоящіе жители тѣхъ частей Франціи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, подходятъ подъ два до того опредѣленные и различные типа, что ихъ нельзя смѣшивать. Если бы съ той эпохи, когда,

но вашимъ словамъ, эти два племени стали единственными владѣтелями почвы, не было никакихъ инородныхъ примѣсей, то мы были бы въ правѣ принять оба типа за принадлежность двухъ семей галльскихъ народовъ. Но съ тѣхъ поръ многіе другіе народы покоряли цѣлый край или нѣкоторыя его части. Какъ же провести черту различія? Въ самомъ началѣ этого письма, при изложеніи общихъ понятій, мы постановили правило, имѣющее руководить насъ въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Оно уже не разъ было прилагаемо нами къ дѣлу. *Меньшее число никогда не передаетъ своего типа большому.* Вамъ извѣстно, какъ несоразмѣрно было отношеніе завоевателей, поселившихся въ Галліи, къ туземному населенію. Мы ограничимся пока этимъ замѣчаніемъ. Дальнѣйшіе доводы будутъ представлены послѣ.

Изъ двухъ племенъ, названныхъ вами галльскимъ и кимрскимъ, первое было вѣроятно самое многочисленное, потому что, по вашимъ словамъ, оно составляло древнѣйшее населеніе Галліи и занимало почти все ея пространство до появленія Кимровъ. Изъ этого начальнаго историческаго раздѣленія жителей Галліи я заключаю, что первый типъ, который показался мнѣ наиболѣе многочисленнымъ, принадлежалъ Галламъ, а второй Кимрамъ. Сравнивая ихъ географическое распредѣленіе, мы приходимъ къ тому же выводу. Вы говорите, что упомянутыя племена жили отдѣльно: 1) восточную Галлію занимали Галлы, въ тѣсномъ смыслѣ Цезаря, которыхъ вы называете тѣмъ же именемъ; 2) въ сѣверной Галліи, которая заключала въ себѣ Бельгику Цезаря и Арморикю, обитали племена, соединенныя вами подъ одно общее названіе Кимровъ. Изъ вашего изложенія событій, относящихся къ восточной части, видно, что между тамошними Галлами не могло быть большихъ чуждыхъ примѣсей, потому что Кимры никогда не врывались туда съ оружіемъ въ рукахъ. Замѣьте, что я нашелъ рѣзко означенный типъ, который мы признали галльскимъ, именно въ той части Франціи, которая соотвѣтствуетъ восточной Галліи въ ея протяженіи съ сѣвера на югъ, т. е. въ Бургундіи, Ліонской области, Дофинѣ и Савойѣ. Типъ этотъ такъ распространенъ тамъ, что я сначала не замѣтилъ никакого другаго, за исключеніемъ одной мѣстности. Только на возвратномъ пути, занимаясь исключительно этимъ предметомъ, я встрѣтилъ второй типъ въ другихъ мѣстахъ той же полосы.

Несмотря на черту, проведенную вами между землями, принадлежащими обомъ племенамъ, я полагаю, что вы не думаете раздѣлять

ихъ безусловно и не отрицаете возможности смѣшеній между ними. Такия смѣшенія были необходимы, что видно даже изъ вашихъ изслѣдованій, приписывающихъ религіозныя вѣрованія друидизма Кимраи, отъ которыхъ, по вашимъ словамъ, они были заимствованы обитавшими въ восточной полосѣ Галліи Галлами. Намъ дѣла нѣтъ до времени, когда они пришли въ соприкосновеніе. Довольно того, что мы знаемъ, что и тѣ и другіе были многочисленны, что они жили рядомъ и слились въ послѣдствіи въ одинъ народъ. Время, разумѣется, привело новыя переселенія и смѣшенія. Я буду держаться вашихъ названій для большаго согласія нашихъ розысканій. У перваго типа, которому вы дали имя галльскаго, голова округлена такъ, что приближается къ сферической формѣ; лобъ средний, немного выпуклый и опускающійся (*fuant*) къ вискамъ; глаза большіе и открытые. Носъ, начиная съ переносицы (*depression à la naissance*), почти прямой, т. е. въ немъ нѣтъ значительнаго сгиба; конецъ носа и подбородка закругленные; ростъ средний. Вы видите, что черты здѣсь совершенно согласуются съ формою головы, и что это подробное описаніе можетъ быть выражено немногими словами, такъ какъ я сдѣлалъ выше, сказавъ, что *голова болѣе круглая чѣмъ овальная, черты округленные и ростъ средний* ¹⁾).

Обратимся теперь къ сѣверной полосѣ Галліи, гдѣ были главныя жилища кимрскихъ племенъ. Мы найдемъ здѣсь поводъ къ удивительнымъ сближеніямъ съ тѣмъ, что было сказано прежде. Я объѣхалъ въ одномъ изъ предъидущихъ моихъ путешествій большую часть белгійской Галліи Цезаря, отъ устьевъ Соммы до устьевъ Сены. И что же? я замѣтилъ здѣсь въ первый разъ соединеніе чертъ, составляющихъ второй типъ. Иногда онъ являлся мнѣ въ такихъ рѣзкихъ очеркахъ, что поражалъ меня: голова продолговатая, лобъ возвышен-

¹⁾ Ни Г. Дюмуленъ, ни Бори де Санъ-Венсанъ не обратили вниманія на различія, существующія между древними жителями Галліи, и довольствовались общемъ характеристикою этихъ племенъ. Ихъ описанія должны, слѣдовательно, относиться къ типу, наиболѣе распространенному, т. е. къ чистымъ Галламъ Цезаря. Г. Дюмуленъ говоритъ положительно о головѣ болѣе круглой, чѣмъ овальной, что составляетъ признакъ перваго типа. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ нимъ; другихъ же противорѣчій быть не можетъ, ибо онъ не входитъ въ подробный разборъ чертъ. Г. Бори говоритъ, что лобъ опускается къ вискамъ. Это естественное слѣдствіе округленной формы головы. Вы видите согласіе этихъ писателей со моимъ описаніемъ.

ный и широкій, носъ горбатый и загнутый къ низу, ноздри вздернутыя, подбородокъ большой и выдающийся впередъ, ростъ высокій. Мы остаемся на этихъ основныхъ наблюденіяхъ; они занимательны и важны для нашихъ будущихъ изслѣдованій, по обширности своихъ приложений. Ограничимся пока одною Франціею, продолжая начатое нами сравненіе. Достоверно, что этотъ типъ, видѣнный мною потомъ въ Бургундіи, не могъ принадлежать германскому племени, отъ котораго эта провинція получила свое названіе, потому что онъ существуетъ на обширномъ пространствѣ въ Нормандіи и Пикардіи, куда никогда не проникали Бургунды. Съ другой стороны, онъ не можетъ принадлежать скандинавскимъ Норманамъ, потому что встрѣчается въ Бургундіи и другихъ областяхъ восточной Галліи, гдѣ вовсе не было норманскихъ поселеній. Такимъ образомъ существованіе одного и того же типа въ двухъ названныхъ нами провинціяхъ исключаетъ Бургундовъ и Нормановъ и заставляетъ насъ возвратиться другимъ путемъ къ Белгамъ Цезаря, которыхъ вы называете Кипрами. Другая галльская порода находится тамъ также съ своими характеристическими чертами.

Сколько мнѣ извѣстно, никто не думалъ утверждать, что Норманы истребили или выгнали вонъ все туземное населеніе Нейстріи. Кромѣ фактовъ, мною уже изложенныхъ, обсужденіе которыхъ необходимо приводитъ къ заключенію, что нынѣшніе жители края суть потомки древнихъ Галловъ (т. е. Кипровъ), есть еще одно историческое обстоятельство, которое совершенно согласуется съ нашимъ выводомъ. Норманы, какъ только они овладѣли Нейстріею и поселились въ ней, приняли языкъ новой родины и забыли свой собственный, скудные остатки котораго сохранились въ юридическихъ памятникахъ. При всей жестокости и даже кровожадности, какую они обнаруживали во время своихъ набѣговъ, Норманы въ устройствѣ гражданскаго быта могли служить образцомъ для другихъ народовъ Средняго вѣка. Они разоряли въ качествѣ непріятелей; сдѣлавшись владѣльцами, они начинаютъ беречь и совершенствовать приобретенное.

Я не знаю, сохранилась ли часть ихъ потомства съ отличительными признаками своего происхожденія. Ни въ какомъ случаѣ потомство это не могло быть многочисленно, потому что народъ-завоеватель далеко уступалъ числомъ покоренному имъ населенію. Мы уже показали въ началѣ нашихъ изслѣдованій, что древніе типы могутъ

быть находимы только въ большихъ массахъ, и имѣли возможность оправдать это мнѣніе на дѣлѣ. Надобно притомъ вспомнить, какія выгоды представляетъ Франція для успѣха подобныхъ розысканій: обширное пространство; населеніе значительное во все время, вслѣдствіе плодородной почвы и хорошаго климата; мнѣе чужеземныхъ примѣсей, чѣмъ у другихъ народовъ, у которыхъ находимъ тѣже составныя породы; наконецъ, болѣе точныя историческія свидѣтельства о различіи туземныхъ племенъ. Только однажды вся Галлія вела жестокою борьбу противъ чуждыхъ ей пришельцевъ, которые впрочемъ добивались политической власти, а не исключительнаго обладанія почвою. По окончаніи борьбы, она благоденствовала подъ римскимъ владычествомъ. Въмѣсто сопротивленія Франкамъ, она помогала имъ такъ, что, не утративъ ничего изъ собственнаго населенія, она получила незначительное приращеніе извнѣ. Такое стеченіе обстоятельствъ, содѣйствующихъ къ сохраненію внѣшнихъ признаковъ народа, должно внушить сильное довѣріе къ тѣмъ выводамъ, до которыхъ мы дошли, особливо когда вспомнимъ предосторожности, принятыя нами для избѣжанія ошибокъ при опредѣленіи рѣзкихъ признаковъ породъ.

Опираясь на эти основанія, мы можемъ спокойно продолжать наше сравненіе, не затрудняя себя розысканіями о различныхъ племенахъ, которыя тѣснились и смѣнялись другъ друга на одной и той же почвѣ. Опредѣливъ однажды физическія примѣты обѣихъ галльскихъ породъ, мы безъ труда узнаемъ ихъ въ другихъ, нѣкогда принадлежавшихъ имъ предкамъ земляхъ, если только онѣ сохранялись тамъ въ достаточномъ количествѣ.

Начнемъ съ Англіи. Южную часть Великобританіи, въ объемѣ, соответствующемъ нынѣшней Англіи въ собственномъ смыслѣ, занимали, по вашему мнѣнію, тѣже Кимры, которые владѣли сѣвѣрною Галліею. Надобно теперь узнать, были ли у нихъ одинакіе признаки. Но въ Англіи господствуетъ мнѣніе, что потомство этого народа не существуетъ болѣе. Я не считаю нужнымъ напоминать вамъ о томъ, что было сказано мною въ началѣ этого письма; выводы, мною представленные, до такой степени согласны съ законами человѣческой природы, что сами тотчасъ представляются вашему разуму. Къ тому же вопросъ становится въ настоящемъ случаѣ чисто фактическимъ и опирается на свидѣтельство чувствъ. Я васъ могу увѣрить, что характеристическій типъ народа, которому нѣкогда принадлежала сѣверная

Галлія, существуетъ до сихъ поръ въ Англіи, и что вообще онъ распространенъ по всему пространству саксонскихъ завоеваній. Онъ представляетъ намъ, слѣдовательно, древнихъ Британцевъ, владѣтелей края до пришествія Саксовъ. Вы называете ихъ Кимирами. Если о Британцахъ не говорится болѣе въ исторіи покоренныхъ Саксами земель, то это потому только, что у нихъ не было ни политической независимости, ни даже собственнаго гражданскаго быта. Они умерли для исторіи, особливо той, какую тогда писали, — но не погибли; остатки ихъ уцѣлѣли въ такихъ разбѣрахъ, какіе приличны великому, хотя постигнутому несчастіемъ народу. Я сказалъ уже, что въ Англіи утвердилось мнѣніе о совершенномъ истребленіи и изгнаніи тамошнихъ Британцевъ. Оно дѣйствительно основано на преувеличенныхъ свѣдѣніяхъ лѣтописей; однако, при болѣе внимательномъ чтеніи этихъ памятниковъ, мы найдемъ въ нихъ признаніе, что остатки покореннаго народа были обращены въ тяжкое рабство. Общій ходъ европейской исторіи въ теченіе Среднихъ вѣковъ доставилъ снова низшимъ, образовавшимся изъ завоеванныхъ нѣкогда племенъ, классамъ гражданскую свободу. Возвративъ по немногу, при содѣйствіи усиливавшейся промышленности, права свои, но утративъ прежнее имя, Британцы вступили во всѣ сословія общества. Успѣхи эти шли медленно; самое начало ихъ не было замѣчено, и потому гордость завоевателей и позоръ побѣжденных не изгладились: многіе прямые потоки Британцевъ гордятся до сихъ поръ своими истинными происхожденіемъ отъ Саксовъ или Нормановъ ¹⁾.

Мнѣ остается упомянуть о Швейцаріи и сѣверной Италіи. Вы принимаете, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, Гельветовъ за Галловъ; я не сомнѣваюсь въ истинѣ вашего предположенія, потому что нашелъ у нынѣшнихъ Швейцарцевъ отличительные признаки галльскаго племени. Вы не говорите, что они были смѣшаны съ Кимирами. Я не въ правѣ утверждать, что это смѣшеніе существовало прежде, но могу доказать его на дѣлѣ въ настоящее время и притомъ въ

¹⁾ Мы уже замѣтили, что когда двѣ породы живутъ рядомъ на одной почвѣ, то самая многочисленная изъ двухъ не всегда получаетъ перевѣсъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о небольшой части населенія, сохранившей въ какомъ-нибудь углу свое древнее нарѣчіе. Въ княжествѣ Валлисонъ, гдѣ были смѣшаны обѣ породы, типъ Кимровъ не такъ часто встрѣчается, какъ типъ Галловъ, которыхъ вы принимаете за древнѣйшихъ обитателей Великобританіи.

такихъ разбѣрахъ, которые заставляютъ предполагать, что оно произошло уже давно. Нынѣшняя Швейцарія раздѣляется на двѣ неравныя части: одну восточную; гдѣ, можно сказать, говорятъ только по нѣмецки; другую южную и западную, въ которой такъ же господствуетъ французскій языкъ, какъ въ самой Франціи; что весьма естественно, ибо населеніе вдвойнѣ принадлежитъ Галліи, по признанному мною происхожденію отъ Галловъ и Кимровъ.

Могли ли бы мы безъ предъидущихъ розысканій и открытыхъ нами фактовъ узнать Галловъ въ сѣверной Италіи, между Сиклами, Лигурийцами, Этруссками, Венетами, Римлянами, Готами и Лонгобардами? Но у насъ есть путеводная нить. Ваши изслѣдованія и согласіе всѣхъ историковъ неоспоримо доказываютъ, что галльскія племена нѣкогда владычествовали въ сѣверной Италіи между Альпами и Аппенинами. Мы находимъ тамъ ихъ постоянныя жилища при первыхъ лучахъ исторіи; самыя достовѣрныя свидѣтельства представляютъ ихъ намъ со всѣми признаками великаго народа, отъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ эпохъ Рима. Вотъ все, что мнѣ нужно; мнѣ нѣтъ надобности заниматься другими народами, которые послѣ смѣшались съ Галлами; не для чего говорить объ ихъ числительномъ отношеніи, о свойствѣ ихъ языка и продолжительности ихъ пребыванія въ Италіи. Достаточно того, что Галлы тамъ жили въ большомъ числѣ. Я видѣлъ черты ихъ соплеменниковъ въ Трансальпійской Галліи, и узнаю эти же черты въ Цизальпійской. Вотъ уже фактъ общій намъ обоимъ, относительно Италіи. Но такъ какъ вы отличаете отдѣльныя отрасли одного и того же племени, я съ своей стороны долженъ допустить такое же раздѣленіе. Вы отличаете въ Цизальпійской и Трансальпійской Галліи Галловъ и Кимровъ. Я видѣлъ Кимровъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вы имъ отводите, но въ другихъ, вами не показанныхъ. Положимъ, — не смотря на трудность сказать что-нибудь утвердительное о столь отдаленномъ времени, — что, въ эпоху своихъ первыхъ поселеній въ Италіи, Кимры и Галлы жили порознь, не соединяясь между собою. Изъ приведенныхъ вами свидѣтельствъ видно однако, что они вѣстѣ воевали противъ Римлянъ, и что, слѣдовательно, смѣшеніе ихъ могло произойти уже тогда. Циспаданская Галлія была, по вашимъ словамъ, во власти Кимровъ, которыхъ вы изображаете какъ народъ чрезвычайно безпокойный, постоянно занятый далекими и опасными походами. При первомъ столкно-

веніи Римлянъ съ Галлами въ Италіи, вы уже отличаете Кимровъ. Они были сосѣдями Этрусковъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляла незначительная для такого народа граница Аппенинскихъ горъ. Вѣроятно, что они не однократно переходили черезъ нее, прежде чѣмъ заставили трепетать Римлянъ; можно также предположить, что многіе изъ нихъ поселились среди Этрусковъ. Дѣло въ томъ, что я нашелъ ихъ племенной типъ въ сѣверной Тосканѣ и убѣдился изъ наблюденія памятниковъ, что онъ существовалъ уже въ древности. Вспомните, что сѣверная часть Италіи, лежащая между Альпами и Аппенинами, составляетъ обширную равнину, которую пересѣкаетъ рѣка По. Если Кимры сначала заняли только Циспаданскую Галлію, то неужели война, которая всегда почти ведетъ къ большому перемѣщеніямъ, и миръ, слѣдствіемъ котораго бывають обыкновенно сближеніе и сѣшеніе племенъ, не могли въ теченіи вѣковъ разсѣять этотъ народъ по всему пространству равнины. Ужасъ, наведенный грозившимъ нашествіемъ Аттилы, не заставилъ ли большую часть населенія искать убѣжища на островахъ Адриатическаго моря, находящихся у устьевъ По, по берегамъ котораго издревле жили Кимры? Вы вѣроятно не забыли, что я находилъ ихъ типъ на старыхъ портретахъ и между те-перешними жителями Венеціи.

Гораздо рѣже попадались мнѣ въ сѣверной Италіи признаки другой, т. е. чисто галльской породы. Въ этомъ случаѣ не можетъ даже быть сравненія. Конечно, я не могъ всего видѣть и всего изслѣдовать, но по этому самому и долженъ указать на пробѣлы, находящіеся въ моихъ наблюденіяхъ. Изъ сказаннаго мною не слѣдуетъ заключать, что галльскій типъ рѣдокъ въ Италіи; но въ чистотѣ и опредѣленности своей онъ мнѣ встрѣчался рѣдко. Судя по странному замѣчанію сдѣланному мною въ Миланѣ, можно подумать, что онъ болѣе распространенъ, чѣмъ мнѣ сначала показалось. Въ одной изъ миланскихъ книжныхъ лавокъ, я нашелъ календарь на одномъ листѣ, подъ названіемъ *Lunario*, съ картинкою, изображавшею два забавныя лица, которыя смѣялись другъ надъ другомъ. Это были самыя вѣрныя карикатуры галльского типа, принадлежавшаго жившему здѣсь въ древности населенію. Характеристическія черты были изображены въ особенно-преувеличенномъ видѣ, какъ бы съ намѣреніемъ выставить существенныя отличія. Для полной противоположности между обоими типами показано даже различіе роста: фигура Кимра отличается вы-

сокинь стеномъ, а Галлы средняго роста. Рисовальщикъ не думалъ, безъ сомнѣнія, ни объ естественныхъ наукахъ, ни о древности, но онъ изобразилъ въ смѣшномъ видѣ фигуры, которыя у него часто были передъ глазами и представляли рѣзкую между собою противоположность. Я замѣчу при этомъ, что когда Римляне говорятъ, по поводу первыхъ войнъ своихъ съ этими племенами, о чрезвычайномъ ростѣ Галловъ, то рѣчь, по всей вѣроятности, идетъ только о Кимрахъ.

Они сначала обитали въ Циспаданской области, и такъ какъ они были ближе къ Римлянамъ, то прежде другихъ на нихъ напали. Голова галльскаго исполина, нарисованная на вывѣскѣ, находившейся на римскомъ форумѣ, принадлежала этому племени. Когда вы приводите въ вашей исторіи свидѣтельство Римлянъ о высокомъ ростѣ Галловъ, вы относите эти слова къ Кимрамъ, не ради физиологическихъ причинъ, которыя вы вовсе не принимаете въ соображеніе, а вслѣдствіе историческихъ доводовъ, на которыхъ основано принятое вами различіе. Я не зналъ этихъ фактовъ, однако пришелъ съ своей стороны къ заключенію, что Кимры рѣзко отличались величиною отъ Галловъ, которые вообще были средняго роста. Древніе писатели упоминаютъ о ростѣ итальянскихъ Галловъ, Белговъ, Галатовъ; я нашелъ, что во Франціи, Англіи, Швейцаріи и Италіи высокій ростъ составляетъ обыкновенную принадлежность типа, который, по вашему указанію, я называю кимрскимъ. Итакъ этотъ внѣшній признакъ такъ же существовалъ въ древности, какъ онъ существуетъ въ наше время; такое сходство тѣмъ болѣе замѣчательно, что величина человеческого тѣла, по мнѣнію естествоиспытателей, легко подвергается измѣненіямъ. Приведенный мною фактъ не только любопытенъ самъ по себѣ, но онъ поучителенъ, ибо служитъ къ объясненію кажущагося противорѣчія между разсказами древнихъ историковъ и тѣмъ, что мы теперь находимъ во Франціи, гдѣ ростъ рѣдко бываетъ выше средняго. Не разъ уже предлагали вопросъ: гдѣ же тѣ великорослые Галлы, о которыхъ намъ говорятъ Римляне. Возстановивъ черту различія, проведенную природою, но сглаженную исторіею, которая смѣшала отрасли племени насъ занимающаго, мы устранимъ упомянутое противорѣчіе.

Вотъ два ряда выводовъ — вашихъ и моихъ — которые представляютъ неожиданное и поразительное согласіе между собою. Они при-

надлежать двумъ разнымъ наукамъ, составляютъ результатъ исследований, которыя съ обѣихъ сторонъ производились независимо; а между тѣмъ, сравнивая ихъ, мы находимъ очевидное отношеніе. Итакъ мы оба шли къ одной пѣлѣ, и наша встрѣча должна подкрѣпить наше убѣжденіе въ томъ, что мы нашли истину.

Вы могли замѣтить изъ моего разсказа, что у меня не было заранее составленныхъ мнѣній, когда я приступилъ къ своимъ наблюденіямъ; это обстоятельство весьма важно, потому что, предупрежденные въ пользу какой-нибудь идеи, умы очень склонны къ самообольщенію. Противъ такой опасности у меня была оборона: я искалъ не неопредѣленного сходства, но яснаго, существеннаго, основаннаго на точныхъ формахъ и размѣрахъ. Мѣра, надлежащимъ образомъ предлагаемая, служить лучшимъ подкрѣпленіемъ, или опроверженіемъ мнѣній.

Наблюденія, которыя я еще имѣю сообщить вамъ, не касаются болѣе предмета вашихъ исследований; тѣмъ не менѣе я думаю, что они обратятъ на себя ваше вниманіе, потому что изъ нихъ можно вывести новыя отношенія между науками, которыми мы оба занимаемся. До сихъ поръ рѣчь шла у насъ о народахъ, населяющихъ значительную часть западной Европы, т. е. большую половину Италіи, часть Швейцаріи, Франціи и Англіи. Я теперь буду бесѣдовать съ вами о жителяхъ восточной Европы: о Славянахъ и Венграхъ. Хотя мнѣ не случилось посѣтить ихъ родину, однако у меня была полная возможность наблюдать ихъ отличительные типы. Войска австрійскаго императора въ королевствѣ Ломбардо-Венеціанскомъ почти исключительно состоятъ изъ Силезцевъ, Чеховъ, Моравовъ, Поляковъ и Венгровъ. Во время моего пребыванія въ сѣверной Италіи, я воспользовался случаемъ для изученія этихъ народовъ. Комендантъ, баронъ Свинбургъ, принялъ меня весьма вѣжливо и благосклонно, и не только позволилъ мнѣ посѣщать казармы и производить нужные наблюденія, но даже разрѣшилъ мнѣ брать съ собою живописца, который долженъ былъ снимать портреты съ указанныхъ мною лицъ. Эти приказанія были въ точности исполнены, и я нашелъ всѣ удобства, какихъ могъ желать. Я прежде всего старался опредѣлять тѣ черты, которыми каждое племя отличается отъ другихъ. Австрійское начальство было такъ благосклонно ко мнѣ, что соединило въ одномъ мѣстѣ значительное число людей одного и того же происхожденія и языка. Я

могъ, такимъ образомъ, наблюдать ихъ на досугъ, вѣстривался въ совокупность господствующихъ чертъ и сравнивалъ между собою различные народы. Но мнѣ не удалось найти у нихъ отличительныхъ, племенныхъ знаковъ. Я скорѣ замѣтилъ, что многіе изъ этихъ людей походили другъ на друга, хотя были уроженцами разныхъ странъ, и наконецъ успѣлъ отличить общій этимъ народамъ типъ. Я не думаю утверждать, что всѣ славянскіе народы вылиты въ одну форму; но очевидно, что есть извѣстныя характеристическія примѣты, которыя часто повторяются у всѣхъ ихъ.

Очеркъ головы, взятый спереди, представляетъ почти фигуру четвероугольника, потому что длина не многимъ превышаетъ широту; макушка плоская, а направленіе челюсти горизонтальное. Носъ коротче разстоянія, отдѣляющаго его основаніе отъ подбородка; онъ идетъ почти прямо отъ переносицы, т. е. въ немъ нѣтъ опредѣленнаго сгиба. Тамъ, гдѣ такой сгибъ можно замѣтить, носъ является нѣсколько вогнутымъ, такъ что конецъ легко приподнять къ верху; нижняя часть довольно широка, оконечность закруглена. Глаза нѣсколько впалые, лежатъ на одной линіи, и когда въ нихъ есть нѣчто особенное, то они менѣе, чѣмъ имъ слѣдовало бы быть по общимъ размѣрамъ головы. Брови не густы и близко подходятъ къ глазамъ, особенно у внутренняго угла, отъ котораго они часто идутъ вносъ. Невыдающийся ротъ съ довольно тонкими губами гораздо ближе къ носу, чѣмъ къ концу подбородка. Къ этимъ признакамъ надобно прибавить еще одинъ весьма странный, хотя общій всему племени, именно: рѣдкую, за исключеніемъ усовъ, бороду.

Таковъ типъ, повторяющійся съ болѣею или менѣею определенностію у Поляковъ, Силесцевъ, Моравовъ, Чеховъ и венгерскихъ Славянъ. Онъ также весьма распространенъ въ Россіи. Я не видалъ самъ Русскихъ въ то время, но имѣлъ случай убѣдиться въ моемъ предположеніи потомъ. Въ особенности полагаюсь я на свидѣтельство одного русскаго путешественника, который принялъ показанные ему мною рисунки, изображающіе другихъ Славянъ, за портреты русскихъ крестьянъ. Конечно, у этихъ народовъ существуютъ и другія чертація головы, что я могъ замѣтить; но для опредѣленія этихъ признаковъ съ цѣлью, какую я изложилъ выше, и для изслѣдованія ихъ въ отношеніи къ вопросамъ, насъ занимающимъ, надобно было бы ѣхать самому въ славянскія земли и употребить много трудовъ и времени.

Я однако воспользовался этими наблюденіями для уясненія одного темнаго историческаго вопроса. Германія, даже въ наше время, можетъ относительно этнографіи быть раздѣлена на двѣ части: западную, занятую чистыми Германцами, и большую половину восточной, гдѣ населеніе смѣшанное изъ Германцевъ и Славянъ. При самомъ началѣ историческихъ временъ Эльба раздѣляла эти два племени. Собственная Австрія, которой жители говорятъ только по нѣмецки, лежитъ ниже Силезіи, Моравіи и Богеміи съ одной стороны; выше Каринтіи и Каріюдіи съ другой. Она, можно сказать, вставлена въ раму земель, которыхъ основное населеніе есть славянское. Я заключилъ отсюда, что Австрія въ древности, до покоренія ея Германцами, принадлежала Славянамъ, быть можетъ съ примѣсью какого-нибудь другаго племени. Вся эта восточная полоса досталась Германцамъ вслѣдствіе завоеванія. Нельзя ли предположить, что они смѣшались въ настоящей Австріи съ тамошними Славянами и истребили ихъ языкъ, такъ какъ на сѣверѣ они истребили языкъ Пруссовъ? Мнѣ хотѣлось найти подтвержденіе моей догадки въ народномъ австрійскомъ типѣ. Къ счастью, артиллерія состояла изъ настоящихъ Австрійцевъ. Я попросилъ, чтобы мнѣ показали уроженцевъ Вѣны и ея окрестностей, доказаннаго, по возможности, нѣмецкаго происхожденія. Ихъ собрали, и я тотчасъ отличилъ два рѣзко обозначенные типа: одинъ чисто славянскій, другой германскій. Для различенія ихъ между собою достаточно формы головы. Австрійцы съ славянскими примѣтами, безъ стороннихъ примѣсей, походили совершенно на портреты, списанные по моему порученію съ другихъ Славянъ.

Часть населенія Венгріи принадлежитъ, какъ я сказалъ, къ славянскому племени. Сколько я могъ замѣтить, широкая полоса этого края, захватывающая почти всю окружность и болѣе или менѣе заходящая внутрь, заселена Славянами, т. е. племенемъ, которое носитъ на себѣ признаки, выше мною описанные, и говоритъ славянскимъ языкомъ. Среднія же части Венгріи занимаетъ другой народъ, у котораго языкъ совершенно особенный. Онъ слыветъ у нихъ мадьярскимъ; мы называемъ его венгерскимъ.

Если замѣчаніе мое вѣрно, то изъ него слѣдуетъ, независимо отъ свидѣтельства исторіи, что между Славянами поселилось племя, нѣтъ чуждое. Извѣстно, что до нашествія варваровъ эти области были заселены Даками и пр. Но мы не знаемъ, какіе это были народы. Быть

можетъ, они принадлежали къ той же породѣ, которая до сихъ поръ сохранилась въ тѣхъ странахъ и занимаетъ цѣлую половину Европы. Я предлагаю, впрочемъ, этотъ вопросъ мимоходомъ и не намѣренъ поворачивать ему дальнѣйшихъ размысленій.

Что же за народъ, или смѣсь народовъ, господствуетъ нынѣ въ средней Венгріи, называетъ себя Мадырами и слыветъ у насъ подъ именемъ Венгровъ?

Я занимался этимъ вопросомъ со стороны отличій типа и пришелъ къ весьма любопытнымъ для меня выводамъ. Скажу вамъ прежде всего, что большая часть населенія, слывущаго за мадырское или за потомковъ древнихъ Венгровъ, принадлежитъ славянской породѣ. Я наблюдалъ людей, которыхъ родной языкъ былъ мадырскій, и нашелъ между ними много такихъ, которые, не смотря на языкъ свой, чертами лица обличали славянское происхожденіе. Древніе Мадыры конечно говорили не по славянски; я докажу также, что у нихъ были совсѣмъ другія черты лица. Вотъ новое доказательство въ пользу мнѣнія, что Славяне нѣкогда обладали нынѣшнею Венгріею. Они соединились съ пришельцами и приняли ихъ языкъ: съ другой стороны часть Венгровъ, вслѣдствіе несоразмѣрнаго смѣшенія, утратила свой народный типъ. Политическое преобладаніе Венгровъ доставило господство ихъ языку; числительный перевѣсъ Славянъ упрочилъ существованіе ихъ типа.

Я долго и напрасно искалъ между австрійскими войсками совокупности физическихъ признаковъ, отличныхъ отъ видѣнныхъ мною до того въ прилежащихъ къ древнимъ Венграмъ, или какому-нибудь другому племени, поселившемуся, по свидѣтельству исторіи, въ той странѣ. Мнѣ пришло наконецъ въ голову то, что я самъ видѣлъ въ другихъ мѣстахъ и слышалъ въ Миланѣ отъ одного итальянскаго ученаго, путешествовавшаго въ Венгрію. Онъ встрѣчалъ въ средней части края Венгровъ небольшого роста и особеннаго вида, которыхъ считалъ потомками древнихъ завоевателей, т. е. Гунновъ или Мадыровъ. При осмотрѣ тюрьмы (bagne) въ Венеціи; мнѣ показали нѣсколько Венгровъ, изъ которыхъ одинъ, ростомъ ниже средняго, поразилъ меня своей наружностію. Я не могъ не вскрикнуть: вотъ Гуннъ! извините меня за это преждевременное восклицаніе. Вы увидите, что оно было не совсѣмъ неосновательно. Мои воспоминанія навели меня наконецъ на настоящую дорогу. При наблюденіяхъ моихъ въ миланскомъ замѣ-

нѣ, о которыхъ я отдалъ вамъ отчетъ, я нигдѣ предъ собою только гренадеровъ и вообще великорослыхъ солдатъ. Я спросилъ: нѣтъ ли Венгровъ небольшого роста. Мнѣ показали одного; другихъ не было. Однако, я, къ великому удовольствію моему, узналъ тотъ же складъ головы, который поразилъ меня въ Венеціи. Черты были менѣе рѣзки, но сходство было очевидное. Тогда мнѣ указали на назармы Св. Франциска, гдѣ было много Венгровъ такого роста, какой мнѣ былъ нуженъ. Я тотчасъ туда отправился, и, благодаря любезности начальства, по распоряженію котораго люди были собраны, получилъ возможность удостовѣриться въ частомъ повтореніи искомаго типа. Ожиданія мои не были обмануты: я нашелъ его съ большими или меньшими измѣненіями на всѣхъ представившихся мнѣ лицахъ. Я выбралъ, для снятія съ него портрета, Венгра изъ окрестностей Дебречина, напоминавшаго формы и пропорціи, видѣнныя мною въ Венеціи. Когда живописецъ принялся за работу, за солдатомъ пришелъ унтер-офицеръ и вызвалъ его. Такое приназаніе показалось мнѣ сначала страннымъ: но потомъ, когда мнѣ объяснили поводъ къ нему, я нашелъ, что оно было довольно основательно. Меня обвиняли въ выборѣ самаго безобразнаго изъ солдатъ, котораго всадъ считали за уродъ, представителемъ венгерскаго народнаго типа. Правда, что онъ былъ не красивъ; но онъ представлялъ типъ во всей чистотѣ его, и я не могъ упустить случая. Къ счастью у меня были средства къ оправданію. Я послалъ офицерамъ портреты нѣсколькихъ прекрасныхъ собою Венгровъ, которые по моему желанію были срисованы въ замкѣ, съ означеніемъ ихъ именъ и мѣста рожденія. Я поручилъ сказать имъ при томъ, что послѣдній выборъ мой палъ на безобразнаго чело-вѣка потому только, что я принималъ его за потомка древняго, поселившагося между ними племени. Доводы мои были хорошо приняты и доставили мнѣ позволеніе кончить портретъ.

По описанію типа, вы можете, М. Г., судить объ его рѣзкомъ характерѣ и о тѣхъ слѣдахъ, какіе онъ долженъ былъ оставить въ своихъ естественныхъ видоизмѣненіяхъ или помѣсахъ. Голова круглая, лобъ мало развитый, низкій и уходящій назадъ; положеніе глазъ косое, такъ что внѣшній уголъ приподнять къ верху; носъ довольно короткій и сплюснутый, ротъ выдается впередъ; губы широкія; шея очень толстая, вслѣдствіе чего задняя часть головы кажется плоскою и какъ бы образуетъ прямую линію съ затылкомъ; борода жидкая;

рость малый. Вы согласитесь теперь, что восклицаніе, вырвавшееся у меня при видѣ Венгра въ Венеціи, было отчасти оправдано воспоминаніями, вызванными во мнѣ безобразіемъ этого лица и именемъ его родины. Конечно, отсюда нельзя еще заключать о тождествѣ этого типа съ гуннскимъ; но у меня есть въ запасѣ другіе доводы, столь сильныя, что послѣ нихъ не можетъ остаться никакого сомнѣнія. Мой портретъ писанъ съ натуры; я не заимствовалъ ни одной черты изъ книгъ; я даже не заглядывалъ въ нихъ въ то время. Сравните же составленное мною описаніе съ древними свидѣтельствами о Гуннахъ, которыя собраны г. Демуленомъ. Вотъ что Присяжъ говоритъ объ Аттілѣ: онъ былъ малъ ростомъ; грудь у него была широка; голова чрезвычайно большая; глаза маленькіе; *борода рѣдкая; носъ сплюснутый*; цвѣтъ лица смуглый. У Амміана Марцелина находимъ еще одну черту: Гунны старѣютъ безъ бороды; у нихъ всѣхъ члены широкіе и крѣпкіе, шея толстая. Юрнадъ представляетъ почти полное описаніе Гунновъ. Они, по его словамъ, безобразны, смуглы, малорослы; глаза у нихъ небольшіе и расположены криво; носъ сплюснутый; безбородое лицо походитъ на безобразный комъ мяса.

Вотъ точныя, подробныя и совершенно согласныя между собою описанія. Сравните ихъ съ тѣмъ, что я сказалъ объ одномъ изъ типовъ нынѣ существующихъ въ Венгріи. Слова мои могутъ быть приняты за древнее описаніе Гунновъ. Съ другой стороны, приведенныя мною свидѣтельства древнихъ писателей привѣняются съ небольшими измѣненіями къ породѣ людей, еще живущей въ Венгріи. Я не упомянулъ о цвѣтѣ кожи, потому что не нашелъ въ немъ ничего особеннаго; къ тому же эти оттѣнки цвѣта переходчивы и съ трудомъ сохраняются, какъ я замѣтилъ выше ¹⁾.

Итакъ теперь достоверно, что у древнихъ Гунновъ былъ тотъ же типъ, который я встрѣтилъ у Венгровъ. Отсюда слѣдуетъ, что часть нынѣшняго венгерскаго населенія происходитъ отъ Гунновъ; иначе надобно будетъ принять поселеніе въ этомъ краю другаго народа. За нашествіемъ Гунновъ въ 5-й столѣтіи (собственно въ 4-й) слѣдовало мадьярское въ 9-мъ. Мы можемъ убедиться въ сходствѣ или

¹⁾ Судя по дошедшимъ до насъ свидѣніямъ, Гунны были смуглаго или темнаго цвѣта. Большая голова Аттілы могла быть его личною особенностію. У того Венгра, котораго я видѣлъ въ Венеціи, голова была нѣсколько велика для его роста, но я не знаю, можно ли считать эту черту общою принадлежностію типа.

различіи внѣшнихъ признаковъ у этихъ двухъ народовъ только при пособіи тѣхъ началъ, которыя были выставлены мною во введеніи къ этому письму, при изложеніи общихъ понятій.

Надобно узнать, въ какой степени описанный нами гунскій типъ господствуетъ въ той части нынѣшняго венгерскаго населенія, которая говоритъ по мадьярски. Личныя мои наблюденія доказываютъ его существованіе и даже заставляютъ предполагать, что онъ весьма распространенъ. Я не утверждаю, что онъ существуетъ во всей чистотѣ своей; но его можно узнать при большихъ или меньшихъ измѣненіяхъ въ помѣсахъ, отъ него происходящихъ. Свидѣтельство двухъ знаменитыхъ естествоиспытателей убѣждаетъ меня въ этомъ окончательно. Проѣзжая черезъ Женеву, я показалъ мое собраніе портретовъ г. Декандолю, принимающему живое участіе въ этой отрасли естественныхъ наукъ, на которую онъ обращалъ постоянное вниманіе въ своихъ путешествіяхъ. Посмотрѣвъ рисунки, изображавшіе славянскія племена, онъ съ перваго взгляда узналъ фигуру малорослаго Венгра, который служилъ мнѣ типомъ и сказалъ, что въ самой Венгріи она встрѣчается очень часто. Г. Бѣдантъ (Beaudant), совершившій, какъ вамъ извѣстно, минералогическое путешествіе въ тотъ край, обратилъ вниманіе на множество предметовъ, между прочимъ на человѣческія породы; онъ также призналъ показанное ему мною изображеніе за мадьярское или чисто венгерское. Онъ замѣтилъ только, что верхняя округлость головы слишкомъ сглажена, но что, впрочемъ, существенные признаки отъ этого не измѣнились.

Этотъ типъ въ чистотѣ своей и смѣшеніяхъ слишкомъ распространенъ и потому не можетъ, на основаніи изложенныхъ нами общихъ началъ, быть принятъ за исключительно гунскій. Какъ ни многочисленно было это племя при вторженіи своемъ въ Европу, которой оно стало бичемъ, оно потомъ разсѣялось и понесло значительныя утраты; паденіе ихъ государства, вскорѣ послѣ смерти Аттілы, не мало содѣйствовало къ уменьшенію ихъ числа. Говорятъ даже, что они были совершенно истреблены въ то время; но мы знаемъ, какъ должно принимать подобныя выраженія. Надобно думать, что національныя черты Гунновъ были сохранены и распространены Мадыарами въ 9-мъ вѣкѣ.

Сильное впечатлѣніе, произведенное наружностію Гунновъ на народы, застигнутые ихъ нашествіемъ, объясняется, сверхъ страшнаго

безобразія пришельцевъ, еще и тѣмъ, что эта наружность была совершенно чужда не только европейскимъ, но даже извѣстнымъ въ то время азіатскимъ племенамъ. Нечего, слѣдовательно, удивляться тому, что современные лѣтописцы описали черты столь рѣзкія и отличительныя съ точностію, какой можно было бы требовать отъ новыхъ натуралистовъ. Васъ вѣроятно поразило сходство ихъ изображеній съ составленнымъ мною описаніемъ части нынѣшняго населенія Венгріи; но сходство это простирается, ни мало не ослабѣвая, еще далѣе, до другихъ весьма отдаленныхъ народовъ. Вы, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, хотя и не занимаетесь отдѣльно этими вопросами. Кому не извѣстно особенное устройство головы, которымъ отличается великая отрасль рода человеческого, названная именемъ монгольской. Тождество ея съ гуннскою очевидно и не требуетъ для подтвержденія знаній естествоиспытателя. Мнѣ не нужно ссылаться на славное имя Палласа, который узналъ въ описаніяхъ Гунновъ древними писателями признаки монгольской породы, ни приводить въ свидѣтели г. Демулена, который изъ такого же сравненія вывелъ тѣже заключенія.

Доказавъ сходство, мы должны извлечь изъ него полезныя для науки выводы. Въ основаніе мы положимъ нѣсколько новыхъ фактовъ и соображеній.

Вы знаете, что монгольскій типъ принадлежитъ не одному народу этого имени, а множеству другихъ, обитающихъ въ восточной Азіи. Онъ до такой степени распространенъ тамъ, что, по всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ, господствуетъ почти во всей восточной половинѣ этой части свѣта. Перерѣзавъ Азію вертикальною линією, проходящею между обими Индійскими полуостровами у устьевъ Гангеса, вы раздѣлите ее на двѣ почти равныя между собою половины. Эти половины представляютъ такія же рѣзкія различія въ своемъ географическомъ положеніи, какъ и въ наружномъ видѣ племень, ихъ населяющихъ. Почти на всѣхъ обитателяхъ восточнаго отдѣла лежитъ одинъ общій имъ отпечатокъ: голова у нихъ круглая, лобъ мало развитъ и загнутъ назадъ, носъ сплюснутый, скулы выдаются впередъ, ротъ нѣсколько выпуклый, губы толстыя, борода рѣдкая, ростъ средній или малый.

Черты племенъ, населяющихъ вторую половину, представляютъ въ совокупности признаковъ своихъ родственное сходство съ европейскими. Поэтому мнѣ нѣтъ надобности ихъ описывать.

Я вовсе не думаю утверждать, что проведенная нами мысленно линия совершенно разделяет двѣ большія семьи человѣческаго рода. На западъ отъ нея, мы найдемъ рядъ народовъ, совершенно сходныхъ съ монгольской породой. Ихъ можно встрѣтить не только на крайнихъ предѣлахъ Азіи, но даже въ Европѣ. Однако они такъ незначительны числомъ въ сравненіи съ облегающею ихъ массою остального, вовсе непохожаго на нихъ населенія, представляютъ столь поразительное сходство съ жителями восточной Азіи и тянутся такою непрерывною цѣпью отъ этихъ обширныхъ пространствъ, что мы не можемъ не отнести туда ихъ колыбели. Такой выводъ, извлеченный изъ естественныхъ наукъ, вполне подтверждается историческими преданіями и сравненіемъ языковъ, возводящими къ одному и тому же источнику всѣ народы монгольскаго типа, разсѣянные по западной Азіи и сосѣднимъ частямъ Европы. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ вѣтви этого племени, находимыя въ западной Азіи и въ Россіи, вышли изъ одного гнѣзда. Но что скажемъ мы, сдѣлавъ еще шагъ впередъ и встрѣтивъ тѣже общія черты у части жителей Венгріи? По аналогіи фактовъ, изложенныхъ нами выше, не въ правѣ ли мы заключить изъ такого сходства о единствѣ происхожденія, не справляясь ни съ языкомъ, ни съ преданіями, ни съ исторіею Мадьяровъ? Этотъ родъ наведенія не въ состояніи однако привести насъ къ дѣйствительнымъ результатамъ: онъ не можетъ открыть намъ ни времени переселенія ихъ предковъ, ни странъ ими занятыхъ, или пройденныхъ, ни обстоятельствъ ихъ исторіи, предшествующихъ ихъ появленію въ Венгрію. Мы должны искать въ другихъ наукахъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. По словамъ ученыхъ филологовъ, основа мадьярскаго языка есть финнская; но физическіе признаки настоящихъ Финновъ совсѣмъ другіе. Сравненіе народныхъ типовъ и языковъ приводитъ къ разнымъ, но не противоположнымъ между собою выводамъ. Въ настоящемъ случаѣ мы находимъ, что часть нынѣшняго населенія Венгріи пришла первоначально изъ восточной Азіи и что, съ другой стороны, она находилась въ тѣсной связи съ финскими племенами, отъ которыхъ заимствовала свой языкъ еще до пришествія своего на новую родину. Подтверждаетъ ли исторія такое происхожденіе Мадьяровъ и послѣдующія ихъ отношенія? Мы должны были бы принять и то и другое даже безъ ея положительныхъ свидѣтельствъ, но она, какъ вамъ извѣстно, обратила вниманіе на этотъ великій во-

просъ и собственнымъ путемъ пришла къ такимъ же заключеніямъ, какъ и мы. Задача была трудная. Дегинъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о народахъ восточной Азіи, показалъ намъ первобытныя жилища Гіонгъ-ну, ихъ могущество и упадокъ; онъ прослѣдилъ ихъ странствованія и сношенія съ финскими племенами и наконецъ узналъ ихъ въ тѣхъ Гуннахъ, которые овладѣли Венгрією (*).

Такимъ образомъ, исторія указываетъ намъ на восточную Азію, какъ на колыбель народа, поселившагося въ Венгріи и котораго предки были тѣсно связаны съ Финнами. Она, слѣдовательно, согласна съ физиологією относительно ихъ происхожденія и съ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ въ вопросѣ объ ихъ отношеніи къ Финнамъ.

Если бы исторія всегда была въ состояніи находить при пособіи памятниковъ, ей одной принадлежащихъ, достовѣрное начало и кровную связь народовъ, то мы не имѣли бы надобности въ дополнительныхъ объясненіяхъ другихъ наукъ. Не восходя къ этимъ вопросамъ, она часто подвергается опасности сбиться съ прямой дороги, и ея заключенія нерѣдко оставались бы сомнительными безъ новыхъ доводовъ, почерпнутыхъ изъ чуждыхъ ей источниковъ. Къ этому разряду принадлежатъ изслѣдованія Дегиня о Гуннахъ. Они приобрѣли сначала общее довѣріе, но потомъ, вслѣдствіе успѣховъ исторической критики, подверглись сомнѣнію. Абель Ремюза, котораго приговоръ имѣетъ большой вѣсъ, слѣдующимъ образомъ отозвался о мнѣніяхъ Дегиня: ихъ можно защищать, но трудностей много, и предметъ вообще требуетъ новаго пересмотра. Въ этомъ именно и состоитъ занимательность нашихъ розысканій. Съ одной стороны, Дегинъ, исходя изъ Монголіи, думаетъ слѣдить за однимъ и тѣмъ же народомъ въ его дальнихъ странствованіяхъ и сношеніяхъ съ Финнами до прихода въ Венгрію; съ другой, я узнаю, по отличительнымъ и рѣзкимъ признакамъ породы, въ той части нынѣшняго населенія Венгріи, которая говоритъ финскимъ нарѣчіемъ, потомковъ племени, вышедшаго изъ восточной Азіи. Но я иду еще далѣе. Я нахожу, что этотъ типъ распространенъ въ такомъ количествѣ, что его нельзя считать исключительно принадлежностію Гунновъ и ихъ потомства, но что онъ былъ у нихъ общій съ древними Мадьярами, народомъ, по языку близкимъ съ Финнами и поселившимся въ Венгріи четыре столѣтія послѣ Гунновъ. На этомъ основаніи я утверждаю, что между Гуннами и Мадьярами существовала родственная кровная связь.

По мадьярскимъ преданіямъ, вождь ихъ Арпадъ, который привелъ ихъ въ Венгрію, происходилъ отъ Аттилы. Народное преданіе подтверждается въ этомъ случаѣ свидѣтельствомъ физиологѣ. Что касается до собственно финнскаго типа, то онъ вѣроятно существуетъ въ томъ же населеніи, но еще не былъ описанъ, и я не имѣлъ случая изучить его.

Изъ сравненія языковъ, съ цѣлью составить ихъ классификацію, въ Германіи возникла въ наше время цѣлая наука лингвистики. Вамъ извѣстна важность этой науки при рѣшеніи многочисленныхъ историческихъ вопросовъ, ибо вы сами пользовались ею съ успѣхомъ. Она равно занимательна и для физиолога, потому что обращаетъ его мысль на великія задачи и служить ему проводницею въ его изслѣдованіяхъ о сродствѣ народовъ, хотя сродство языковъ не всегда совпадаетъ съ близостію породъ. Впрочемъ, оно очень часто ей соответствуетъ. При сравненіи языковъ почти исключительно разсматриваются: ихъ лексикографическое содержаніе, т. е. слова, способъ употребленія этихъ словъ, составляющій предметъ грамматики, и духъ языковъ — выраженіе недостаточно опредѣленное и ясное, вслѣдствіе чего я не буду на немъ останавливаться. Вниманіе филологовъ было также обращено и на произношеніе, но вообще имъ слишкомъ мало занимались. Такъ какъ оно нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ къ области физиологій, то изъ него можно извлечь нѣсколько соображеній относительно нашего предмета. Вотъ почему я не терялъ его изъ виду при изученіи породъ и дошелъ до результатовъ, которые не лишены занимательности. Начнемъ съ фактовъ общезвѣстныхъ. Взрослый человѣкъ можетъ научиться правильно говорить на иностранномъ языкѣ, но ему не такъ легко будетъ усвоить себѣ надлежащее произношеніе. Рѣчь его будетъ согласна съ грамматикою и обычаемъ, слогъ правиленъ и чистъ, но ему не удастся воспроизведеніе звуковъ въ должной чистотѣ. По строенію фразы, онъ можетъ показаться туземцемъ, но выговоръ почти всегда обличитъ иностранца. Употребляя слова и обороты чужаго языка, онъ сохранитъ часть звуковъ, свойственныхъ его родному. Онъ положитъ удареніе не на тотъ слогъ, или замѣнитъ звукъ для него непривычный и трудный другимъ, болѣе ему знакомымъ. Если бы онъ даже захотѣлъ отказаться совершенно отъ роднаго языка и забыть его, то въ голосѣ его сохранились неизгладимые слѣды прежней рѣчи, по которымъ можно будетъ узнать

его происхожденіе. Нѣтъ болѣе общаго и вѣрнаго способа отличить иностранца отъ туземца. Такимъ образомъ у отдѣльнаго человѣка выговоръ и особенности удареній переживаютъ слова и обороты забытаго имъ языка. Тоже самое, и еще въ большей степени, можно сказать о цѣломъ народѣ. Лице можетъ до безконечности разнообразить свои отношенія къ той средѣ, въ которую оно перенесено; цѣлому народу это невозможно.

Случается, что народъ принимаетъ новый языкъ отъ небольшого числа пришельцевъ; но по недостатку непосредственныхъ сношеній, ему трудно усвоить себѣ вполне и передать въ чистотѣ чуждое ему слово. Оно искажается въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, оборотахъ и выговорѣ своемъ. Принимая иностранный, живой языкъ, народъ поступаетъ съ нимъ такъ же, какъ мы поступаемъ съ мертвыми языками. Каждый произноситъ ихъ по своему: не трудно отличить въ этомъ случаѣ Англичанина, Француза, Нѣмца, Итальянца, или Испанца. Перемѣнивъ языкъ, народъ передаетъ своимъ потомкамъ часть первоначальнаго произношенія, котораго слѣды не стираются въ продолженіе многихъ вѣковъ, и при всемъ своемъ разнообразіи, могутъ служить признакомъ общаго происхожденія. Я обязанъ знаменитому Меццофанти, съ которымъ имѣлъ случай познакомиться въ Болоньѣ, подтвержденіемъ моихъ, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, мнѣній объ англійскихъ Британцахъ.

Самое рѣзкое отличіе англійскаго языка отъ другихъ, употребительныхъ въ новой Европѣ, заключается въ чрезвычайной неправильности выговора. Познакомившись съ основными звуками какого-нибудь другаго языка, можно, при пособіи нѣкоторыхъ правилъ, довольно хорошо произносить слова, даже не понимая ихъ значенія. Правильное произношеніе англійскихъ словъ возможно только при совершенномъ знаніи языка. Говоря со мною, Меццофанти сказалъ, что это свойство англійскаго языка досталось ему въ наслѣдство отъ галльскаго. Мнѣ не зачѣмъ было спрашивать его о томъ, какимъ путемъ совершилась эта передача, потому что мнѣ такъ же, какъ ему, извѣстно было отношеніе Британцевъ къ Галламъ. Такимъ образомъ, онъ сообщалъ мнѣ новое и нежданное доказательство въ подтвержденіе другихъ фактовъ, убѣдившихъ меня въ томъ, что Британцы не переставали существовать на англійской почвѣ, послѣ покоренія ея Саксами. Племя ихъ считали вымершимъ. Но филологъ узнаетъ ихъ по-

томковъ по звукамъ голоса, такъ какъ я узнаю ихъ по чертамъ лица. Этихъ доводовъ, кажется, достаточно.

Бъ сожалѣнiю, Меццофанти, превосходящiй всѣхъ современниковъ изумительнымъ знанiемъ языковъ, таитъ отъ насъ основу своего знанiя. Онъ обязанъ имъ не огромной памяти своей и не врожденной, можно сказать, способности замѣчать и удерживать въ головѣ отдѣльныя слова и ихъ сочетанiя, но уму въ высокой степени аналитическому, который проникаетъ въ духъ языковъ и усваиваетъ его себѣ. Онъ самъ сказалъ мнѣ, что болѣе изучаетъ духъ, чѣмъ букву. Чтo мы знаемъ о духѣ языковъ? Почти ничего. Если бы Меццофанти сообщилъ намъ результаты своихъ наблюденiй, изъ нихъ образовалась бы, быть можетъ, новая наука.

Изъ его словъ видно, какое влiянiе можетъ имѣть на произношенiе новаго языка другой давно умершiй, и какою прочностiю и живучестiю одарены звуки повидимому летучiе и проходящiе.

Наблюденiя, сдѣланныя мною надъ нарѣчiями сѣверной Италiи, доставятъ намъ еще одинъ примѣръ.

Нарѣчiя генуезское, пiемонтское, миланское и бресчанское принадлежатъ сѣверной Италiи, т. е. тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда жили Галлы. При всемъ разнообразiи, у нихъ есть общiе всѣмъ признаки, которыми они существенно отличаются отъ нарѣчiй южной Италiи. Нельзя ли найти въ этихъ общихъ и характеристическихъ чертахъ остатковъ прежняго, т. е. галльскаго языка? Удостовериться въ этомъ не трудно. Поселившiеся по обѣимъ сторонамъ Альповъ Галлы, отказавшись отъ собственнаго языка въ пользу латинскаго, должны были измѣнить послѣднiй сообразно съ началами, которые изложены нами выше. Мы сравнимъ эти обѣ отрасли галльскаго племени сначала относительно выговора, признака чрезвычайно важнаго для того, кто умѣетъ его цѣнить, и съ измѣненiемъ котораго искажается весь языкъ.

Французы, по крайней мѣрѣ Парижане, утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ особенности выговора, то-есть они не возвышаютъ голоса и не вкладутъ ударенiй преимущественно на извѣстные слоги. Тѣмъ не менѣе у нихъ есть такая особенность, которую люди хорошаго общества стараются, по возможности, не давать чувствовать. Ударенiе полагается вообще на послѣднiй слогъ; простой народъ значительно возвышаетъ, при этомъ голосъ, въ особенности сельскiе жители въ цѣ-

лой Франціи. На оборотъ, настоящіе Итальянцы отбрасываютъ удареніе на предпоследній слогъ; гласная, которою оканчивается слово, представляетъ латинское склоняющееся окончаніе. Французы, замыкая слово удареніемъ, сократили его. Таково направленіе языка даже въ тѣхъ словахъ, гдѣ за удареніемъ слѣдуетъ еще слогъ; въ такомъ случаѣ онъ не выговаривается и его по справедливости называютъ нѣмымъ. Это свойство, сообщенное транзальпинскими Галлами принятому ими латинскому нарѣчію, доведено, кажется, до еще большей степени у ихъ цизальпинскихъ соплеменниковъ. Когда я пріѣхалъ въ Италію черезъ Піемонтъ, меня приводила въ отчаяніе привычка жителей сокращать латинскія слова, ставя удареніе на последнемъ слогѣ. Слова нѣ весьма извѣстныя подвергались тамъ такимъ устѣченіямъ, что я не успѣвалъ ихъ разслушать.

Изъ всѣхъ свойствъ языка, ударенія, несмотря на свою важность, наименѣе обращаютъ на себя вниманіе, и потому мы перейдемъ къ другимъ болѣе замѣтнымъ признакамъ. Во французскомъ языкѣ есть нѣсколько звуковъ, которыми онъ существенно отличается отъ кореннаго итальянскаго. Въ томъ числѣ французское U. Вамъ извѣстно, какъ трудно южнымъ Итальянцамъ выговорить этотъ звукъ, котораго у нихъ не существуетъ. Онъ могъ бы служить для нихъ тѣмъ, чѣмъ шиболетъ былъ для Іудеевъ. Однако принадлежащее Транзальпинской Галліи и произносится и въ Цизальпинской, отъ западныхъ Альповъ до рѣки Минчіо, въ нарѣчіяхъ генуезскомъ, піемонтскомъ, миланскомъ, бресціанскомъ и т. д. Въ этихъ же нарѣчіяхъ мы находимъ даже французское *eu*, выраженное тѣми же буквами, еще болѣе трудное для Итальянца, чѣмъ U. Есть слова, въ которыхъ оно звучитъ такъ, какъ во французскихъ *feu*, *reu*, *neuf* и т. д. Если бы намъ не было извѣстно происхожденіе этихъ народовъ, то можно было бы подумать, что они заимствовали приведенные нами звуки. Но они были сами Галлы и потому не имѣли надобности въ такомъ заимствованіи. Принявъ латинскій языкъ, Галлы, жившіе по обѣимъ сторонамъ Альповъ, видоизмѣнили его по однимъ и тѣмъ же началамъ. Другая особенность французскаго выговора относительно итальянскаго заключается въ богатствѣ и разнообразіи такъ называемыхъ носовыхъ звуковъ. У Итальянцевъ, живущихъ къ югу отъ Аппенинскихъ горъ, этихъ звуковъ нѣтъ вовсе. Въ нарѣчіяхъ сѣверной Италіи они встрѣчаются очень часто.

Я собралъ много другихъ фактовъ такого рода, но не считаю нужнымъ приводить ихъ, полагая, что сказаннаго уже достаточно.

Не могу оставить Италиі, не упомянувъ о небольшомъ народѣ, котораго предки, говорятъ, играли великую роль въ исторіи и особенно занимаютъ васъ. Въ горахъ между Виченцою и Вероною живетъ инноплеменное населеніе. Его принимаютъ за остатокъ разбитыхъ Маріемъ Кимбровъ. Ихъ называютъ даже этимъ именемъ, а также жителями семи или тринадцати общинъ, смотря по провинціи. Знакомство съ ними было для меня заманчиво во всѣхъ отношеніяхъ, и потому я принялъ намѣреніе посѣтить ихъ если можно лично, или по крайней мѣрѣ собрать о нихъ самыя точныя свѣдѣнія. Говорятъ, что какой то датскій принцъ былъ у нихъ и узналъ своихъ соплеменниковъ. Если они въ самомъ дѣлѣ говорятъ датскимъ нарѣчіемъ и происходятъ отъ Кимбровъ, которые сражались съ Маріемъ, то ихъ нельзя смѣшивать съ отраслю Галловъ, которую вы называете кимрскою. Въ противномъ случаѣ надобно предположить, что они перемѣнили языкъ еще во времена Маріа, съ чѣмъ вы конечно не согласитесь. Не доѣзжая еще до тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ, я убѣдился, что ихъ нельзя считать за выходцевъ изъ Херсонеса кимврійскаго. Въ Болонѣ Меццофанти показалъ мнѣ написанную на ихъ языкѣ молитву Господню. Судя по образцу, нарѣчіе это вовсе не датское, а нѣмецкое, до такой степени чистое и легкое, что я не нашелъ ни одного непонятнаго мнѣ слова.

Когда я пріѣхалъ въ Виченцу и потомъ къ Верону, время года не благоприятствовало путешествію въ горы. Ледъ, снѣга и дурныя дороги заставили меня отказаться отъ моего намѣренія. Молодой веронскій графъ Орти въ нѣкоторой степени вознаградила меня за эту неудачу, приказавъ отыскать въ городѣ нѣсколько изъ этихъ горцевъ, которые часто тамъ бываютъ. Мнѣ доставлена была возможность ихъ видѣть и говорить съ ними. Не позволяя себѣ никакихъ заключеній о ихъ наружномъ видѣ, по причинѣ малого числа видѣнныхъ мною лицъ, я могу сказать мое мнѣніе объ ихъ языкѣ. Я заговорилъ съ однимъ изъ нихъ по нѣмецки: онъ отвѣчалъ мнѣ по своему, и мы совершенно понимали другъ друга. Я удостовѣрился окончательно, что ихъ нарѣчіе отнюдь не скандинавское, а нѣмецкое.

Эти соображенія, извлеченныя изъ сравненія языковъ, достаточно доказали мнѣ, что горцы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не могутъ

быть потомками Маріевыхъ Кимировъ. Мнѣ еще не были извѣстны историческія изслѣдованія, изданныя въ то время графомъ Джіованелли объ этихъ мнимыхъ Кимирахъ¹⁾. Графъ Орти былъ такъ любезенъ, что сообщилъ ихъ мнѣ. Въ послѣдствіи докторъ Лабю доставилъ мнѣ экземпляръ этой книги. Графъ Джіовачелли, руководимый побужденіями, сходными съ тѣми, которыя я изложилъ выше, и другими, о которыхъ я умалчиваю, искалъ въ писателяхъ, принадлежащихъ временамъ упадка Римской имперіи, слѣдовъ нѣмецкаго народа, поселившагося въ сѣверной Италіи до пришествія Лонгобардовъ. Онъ нашелъ достовѣрные свидѣтельства объ этомъ событіи, съ точнымъ опредѣленіемъ времени, обстоятельствъ и причинъ. Въ панегирикѣ Эннопія Теодориху остготскому находятся слѣдующія слова: «Ты принялъ безъ ущерба для римскихъ землевладѣльцевъ въ предѣлы Италіи цѣлое племя Аллемановъ, которые, лишившись по собственной винѣ прежняго короля своего, пріобрѣли такимъ образомъ новаго. Племя, постоянно грабившее наши области, стало стражемъ Римской имперіи; бѣгство изъ родины обратилось ему въ пользу, ибо оно нашло себѣ у насъ болѣе богатую землю». Письмо, написанное Кассіодоромъ отъ имени Теодориха, короля Остготскаго, къ Хлодвигу, королю Франковъ, объясняетъ причины и обстоятельства, при которыхъ совершилось это переселеніе Аллемановъ: «Побѣдоносная десница ваша покорила племена Аллемановъ, пораженные уже другими тяжкими для нихъ событіями.... Остановите напоръ вашъ противъ изнуренныхъ остатковъ, ибо они пріобрѣли право на пощаду, потому что, какъ сами видите, бѣжали подъ защиту вашихъ родственниковъ. Будьте милосерды къ тѣмъ, которыхъ страхъ заставилъ укрыться въ вашихъ владѣніяхъ... Достаточно и того, что царь ихъ палъ вмѣстѣ съ гордынею своего народа»²⁾.

Отсюда ясно, что мнимые Кимиръ суть южные Германцы, принадлежавшіе къ союзу Аллемановъ, которыхъ имя распространилось потомъ на всѣ племена германскія. Такимъ образомъ опровергается сильное возраженіе противъ родства, предполагаемаго вами между Кимирами и Кимирами⁽¹⁰⁾. Впрочемъ, изслѣдованія мои о физіологическихъ

¹⁾ Delle origine delle sette et tredici comuni e d'altre popolazioni Allemane abitanti fra l'Adige e la Brenta nel Trentino nel Veronese e nel Vicentino. Memoria del Bened. Giovanelli. Trento, 1828.

²⁾ Cassiod. Variar. 11. 41.

признакахъ народовъ не имѣютъ ничего общаго съ этою частію вѣ-
шей исторіи и совершенно отъ нея независимы.

Я исполнилъ обѣщанія, высказанныя мною въ началѣ этого письма
и въ самомъ заглавіи, доказавъ, что у народовъ, которыхъ я имѣлъ
случай наблюдать, существуютъ опредѣленные типы, переходящіе отъ
одного поколѣнія къ другому. Выводы мои подтверждаются свидѣтель-
ствами исторіи. Я постановилъ начала и приложилъ ихъ къ народамъ,
занимающимъ большую часть Европы; всѣми силами стараясь найти
истину, я не позволялъ себѣ рѣзкихъ, догматическихъ приговоровъ
и не отступалъ отъ осторожности, необходимой при обсужденіи пред-
мета столь новаго и труднаго. Поэтому смѣю надѣяться, что мои убѣ-
жденія будутъ приняты вами, и что они возбудятъ участіе не въ од-
нихъ васъ. Я могъ бы распространить объемъ моей статьи, увеличивъ
число приводимыхъ доказательствъ, но вопросъ отъ этого не сталъ бы
яснѣе. Къ тому же я берегъ время моихъ читателей. Предметы, обра-
щающіе на себя и дробящіе ихъ вниманіе, такъ многочисленны и раз-
нообразны, что писатель долженъ заботиться о краткости изложенія.
Иначе его не станутъ читать. Вотъ почему я приводилъ только самые
сильные доводы, стараясь впрочемъ о томъ, чтобы сжатость не вре-
дила ясности.

Вы не будете, слѣдовательно, обвинять меня въ поверхностномъ
изложеніи предмета, тотому что я на небольшомъ числѣ страницъ
коснулся столь многихъ вопросовъ.

Возможныя приложенія такъ многочисленны, что, при настоящемъ
состояніи нашихъ свѣдѣній, превышаютъ силы отдѣльнаго лица. Я
ограничился тѣми, за которыя могъ отвѣчать. У насъ нѣтъ еще ма-
теріаловъ для полнаго обзора европейскихъ народовъ (?). Сколько
любопытныхъ вопросовъ могло бы рѣшить изученіе древности Гер-
манскаго народа, занимающаго пространство отъ Альповъ до Сканди-
навій, и которому мы обязаны столь многими стихіями новой образо-
ванности. Какъ желательно было бы узнать покороче живущія въ юж-
ной Франціи и въ сѣверной части Пиренейскаго полуострова племена,
которыхъ, по имени ихъ предковъ, начинаютъ называть Иберами.
Критическое изученіе языковъ и историческія изслѣдованія уже до-
ставили намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, но никто еще не пытался опре-
дѣлить различные типы, характеризующіе отдѣльныя семьи европей-
скаго населенія. Я достаточно видѣлъ этихъ типовъ для того, чтобы

сказать утвердительно, что ихъ существуетъ нѣсколько, но не довольно для распредѣленія ихъ на группы и для уясненія ихъ отношеній къ исторіи. До сихъ поръ не описанъ даже типъ Басковъ, хотя высокая древность этого народа и его владычество въ Иберіи доказаны знаменитымъ ученымъ ¹⁾, хотя вы говорите о немъ въ вашей исторіи Галловъ, хотя труды г. Фориеля обѣщаютъ пролить на него новый свѣтъ ⁽¹¹⁾.

Можно надѣяться, что такіе пробѣлы скоро исчезнутъ. Эти народы — сосѣди Франціи и почти со всѣхъ сторонъ прилегаютъ къ ней. Надобно только внимательно изслѣдовать ихъ и не довольствоваться поверхностнымъ обзоромъ. Намъ лучше извѣстны наши антиподы, чѣмъ сосѣди, — дикія племена, чѣмъ народы съ древнею образованностію, — такіе, у которыхъ вовсе нѣтъ историческихъ памятниковъ, чѣмъ другіе, озарившіе свѣтомъ исторію не только своей, но и чужой древности.

Ученые, принимавшіе участіе въ послѣднихъ, предпринятыхъ съ цѣлью открытій, путешествіяхъ, обращали особенное вниманіе на наблюденія такого рода. Благодаря ихъ трудамъ, жители многочисленныхъ острововъ Тихаго океана лучше и тщательнѣе описаны, чѣмъ обитатели почти всѣхъ остальныхъ частей свѣта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наука болѣе бы выиграла чрезъ собраніе точнѣйшихъ свѣдѣній о народахъ и земляхъ Старого материка.

Двѣ ученныя экспедиціи отправлены въ Грецію и Египетъ.

Если меня не обманываетъ память моя, то на гробницѣ египетскаго царя, о которой я говорилъ вамъ выше, представлены два весьма различные, существовавшіе въ Египтѣ, типа: одинъ, принадлежавшій простому народу, другой — высшимъ сословіямъ. Доселѣ обращали вниманіе только на послѣдній. Онъ, говорятъ, еще существуетъ у Коптовъ. Вѣроятно между ними сохранился и другой; я предложу этотъ вопросъ ученымъ, которые могутъ рѣшить его на мѣстѣ. Сравненіе этихъ двухъ типовъ съ прочими, которые находятся въ самомъ Египтѣ у Коптовъ или у Феллаховъ, въ Нубіи, въ Абиссиніи, даже быть можетъ въ Аравіи, населеніе которой, по моему мнѣнію, не есть однородное, можетъ привести къ разрѣшенію важныхъ вопросовъ.

¹⁾ Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittels der Baskischen Sprache; von Wilh. von Humboldt. Berlin. 1821.

Другая экспедиція отправленная въ Морею, по малому объему отмѣреннаго для ея наблюденій пространства, едва ли будетъ въ состояніи отличить въ нынѣшнемъ населеніи потомство Пеласговъ отъ настоящихъ Эллиновъ. Невѣроятно, чтобы первые были совершенно истреблены или вытѣснены изъ всѣхъ частей Греціи. Малтъ-Брунъ, опираясь на собственные и чужія розысканія, нашелъ слѣды Пеласговъ въ языкѣ ихъ прежней родины (?). Можетъ быть теперь или въ послѣдствіи, по заключенію мира и открытію болѣе обширныхъ сношеній, представится возможность возстановить, посредствомъ основательнаго, соединеннаго съ здравою критикою изученія типовъ, первоначальное различіе между Пеласгами и Эллинами въ новой Греціи, такъ какъ мы возстановили различіе Галловъ и Кимвровъ во Франціи.

Между тѣмъ я могу сообщить вамъ о жителяхъ Морей нѣсколько новыхъ свѣдѣній, которыми подтверждаются мои общіе выводы. У насъ обыкновенно толкуютъ о характеристическихъ признакахъ греческой головы безъ точныхъ и ясно опредѣленныхъ понятій. Однако точность въ этомъ случаѣ тѣмъ необходимѣе, что памятники греческаго искусства не представляютъ одного общаго имъ всѣмъ характера и отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ.

Большая часть боговъ и лицъ, принадлежащихъ героическому времени, изображены по одному образцу, составляющему такъ называемый идеалъ красоты. Формы и размѣры головы и чертъ до того правильны, что ихъ можно описать съ математическою точностію. Типъ этотъ узнается тотчасъ по правильному овалу лица, прямому лбу и носу и отсутствію раздѣляющей ихъ впадины. Въ цѣломъ такъ много гармоніи, что существованіе означенныхъ чертъ необходимо условливаетъ прочія имъ соотвѣствующія. Но не таковъ характеръ лицъ, принадлежащихъ историческому періоду. Почти всѣ они, философы, ораторы, воины, поэты отличаются отъ описаннаго выше типа и составляютъ отдѣльную группу. Она столько же далека отъ первой, сколько приближается къ обыкновеннымъ европейскимъ лицамъ. Я не считаю нужнымъ говорить о ней подробнѣе.

Если бы у насъ не было другихъ средствъ, кромѣ памятниковъ греческаго искусства, то мы были бы въ правѣ принять героическій или мифическій типъ, вслѣдствіе его противоположности съ дѣйствительностію, за чисто-идеальный. Но воображеніе наше легче создаетъ уродовъ, чѣмъ образцы красоты. Это начало такъ вѣрно, что оно одно

въ состояніи убѣдить насъ въ дѣйствительномъ существованіи означеннаго типа въ древней Греціи и тѣхъ странахъ, которыя заимствовали отъ нея свое населеніе. Быть можетъ, онъ существуетъ и доселѣ. Можно только предположить, что онъ былъ всегда весьма рѣдокъ, а теперь, если сохранился, сталъ еще рѣже.

Гг. Штапельбергъ и Бронштедъ, путешествовавшіе въ Морей, сообщили мнѣ весьма любопытныя для меня наблюденія. Они утверждаютъ, что героическій типъ уцѣлѣлъ тамъ во всей чистотѣ своей и въ такомъ количествѣ, что составляетъ отличный характеръ части населенія. Въ горахъ Аркадіи живутъ теперь Влахи, которыхъ языкъ смѣшанный съ ново-греческимъ вошелъ въ употребленіе у окрестныхъ жителей. Горные пастухи даже носятъ имя Влаховъ, что подало поводъ къ заключенію объ ихъ происхожденіи отъ этого народа, а не отъ древнихъ Аркадцевъ. Я не могу допустить такого мнѣнія. Г. Штапельбергъ нашелъ между ними много чисто греческихъ лицъ; а Г. Бронштедъ увѣрялъ меня, что прекрасныя формы греческаго типа встрѣчались ему если не чаще, то столь же часто у пастуховъ Аркадіи, какъ у Майнотовъ, которые представляютъ потомство Лакедемонцевъ. Итакъ не смотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, типъ этотъ сохранился на небольшомъ пространствѣ многократно опустошенномъ мечемъ, огнемъ, голодомъ и язвою, среди населенія, которое никогда не было многочисленно, и въ продолженіе, долгой своей зависимости отъ жестокихъ властителей не разъ вызывало и испытывало всѣ ужасы ихъ мести.

Но число настоящихъ потомковъ древнихъ Эллиновъ еще значительнѣе, чѣмъ можно думать, судя по тому что я сказалъ выше.

Мы видѣли, что въ Греціи сверхъ героическаго существовалъ еще другой типъ, представителей котораго находимъ въ большей части великихъ людей историческаго времени. Послѣдній типъ былъ особенно распространенъ въ древности, чему доказательствомъ служатъ тѣже памятники. Онъ преобладаетъ и въ настоящее время. Меня убѣждаетъ въ этомъ все, что я видѣлъ лично или слышалъ отъ другихъ. Впрочемъ здѣсь не нужно доказательствъ, потому что явленіе это есть необходимый выводъ изъ предъидущаго. Едва ли какой народъ сохранилъ съ такою вѣрностію, какъ Греки, языкъ своихъ предковъ. Ни у одного не найдемъ большаго количества древнихъ обычаевъ, нравовъ и преданій. Стѣны Аргоса, Микенъ и Тиринея, которыхъ древ-

ность была признана въ гомерическія времена, стоятъ донынѣ. Странствующіе рапсоды до сихъ поръ поютъ тѣмъ же напѣвомъ и тѣми же словами о достопамятныхъ событіяхъ; они сами представляютъ живое подобіе тѣхъ предшественниковъ, о которыхъ вызываютъ воспоминаніе; сходство наружныхъ чертъ подтверждается въ этомъ случаѣ сходствомъ происшествій. Новые Греки стоятъ относительно образованности ниже своихъ предковъ, жившихъ въ лучшія времена ихъ исторіи; но ихъ можно смѣло сравнить съ предшествовавшими поколѣніями, которыя приготовили позднѣйшую славу. Природа осталась таже. При равно благоприятныхъ условіяхъ, она способна къ такому же развитію. Необразованныя и грубыя поколѣнія, подъ вліяніемъ Финикійцевъ и Египтянъ, развили, съ безпримѣрною у другихъ народовъ быстротою, науки и искусство. Почему же потомкамъ ихъ не совершить, при пособіи окружающаго ихъ европейскаго просвѣщенія, еще болѣе скорыхъ успѣховъ.

Не подумайте, что, указывая на существованіе въ Греціи двухъ типовъ, я отношу ихъ къ двумъ историческимъ породамъ той страны. Подобныхъ вопросовъ нельзя рѣшать съ такою поспѣшностію. У меня были подъ рукою всѣ нужныя данныя, когда дѣло шло объ отысканіи связи между историческими наименованіями галльскихъ племенъ и рѣзкими типами, которые я нашелъ между ними. Въ настоящемъ случаѣ такихъ данныхъ недостаточно; поэтому я ограничусь немногими замѣчаніями, могущими принести пользу тѣмъ изслѣдователямъ, которые займутся этимъ вопросомъ на мѣстѣ.

Первый изъ означенныхъ типовъ безъ сомнѣнія чистый; этого нельзя сказать утвердительно о второмъ. Онъ могъ произойти отъ соединенія перваго съ какимъ-нибудь другимъ, намъ неизвѣстнымъ. Въ немъ нѣтъ ни однообразія, ни оригинальности. Его надлежало бы прослѣдить по всему пространству Греціи, принимая это имя въ самомъ обширномъ его значеніи. Мы, между прочимъ, встрѣтимъ тамъ народъ еще недостаточно изслѣдованный. Онъ говоритъ языкомъ ему одному принадлежащимъ, пришелъ неизвѣстно откуда, и неизвѣстно когда занялъ настоящія жилища свои. Покрайней мѣрѣ люди, въ которыхъ я предполагалъ наиболѣе свѣдѣній по этому предмету, не могли сказать мнѣ ничего достовѣрнаго. Албанцы суть, вѣроятно, остатки древнѣйшаго населенія. Они въ Греціи тоже что Баски по обѣимъ сторонамъ Пиренеевъ, Бретанцы во Франціи, Валлисцы въ Англіи, нас-

лѣдники зрѣсшаго языка въ Шотландіи и Ирландіи. Такъ какъ иностранное происхожденіе Албанцевъ не можетъ быть доказано ни преданіями, ни исторією, ни сравненіемъ языковъ, то почему не принять ихъ за Пеласговъ ¹⁾. Я видѣлъ Албанцевъ въ Венеціи и заказалъ съ нихъ портреты; но я не рѣшусь высказать идей, пришедшихъ мнѣ тогда въ голову, пока не увѣрюсь положительно, что видѣлъ настоящій албанскій типъ, и пока приведенныя выше догадки о происхожденіи этого народа не будутъ признаны истинными или ложными ⁽¹²⁾.

Аравія, Персія и Индія требуютъ также особеннаго вниманія. Великіе результаты, къ которымъ привело насъ въ недавнее время изученіе языковъ Индійскаго полуострова, заставляютъ желать, чтобы путешественники, или Европейцы, поселившіеся въ томъ краѣ, занялись опредѣленіемъ преобладающихъ въ Индіи типовъ. Можно думать, что основное различіе тамошнихъ языковъ, показанное Г. Бюрнуфомъ (сыномъ), совпадаетъ отчасти съ различіемъ этимологическихъ примѣтъ, которыми отмѣчены отдѣльныя индійскія племена. Такая аналогія замѣтна съ самаго начала исторіи, свидѣтельствующей, что два древнѣйшіе народа Индіи представляли рѣзкую противоположность по цвѣту кожи и географическому положенію ⁽¹³⁾.

Потомки Персовъ существуютъ до сихъ поръ подъ именемъ Парсовъ или Гебровъ. Сравнительное изученіе типа Гебровъ и тѣхъ народовъ, среди которыхъ они теперь живутъ, при пособіи данныхъ, заимствованныхъ изъ сродства языковъ, вѣроятно содѣйствовало бы къ уясненію темныхъ историческихъ вопросовъ ²⁾. Я сказалъ выше, что на-

¹⁾ Господство славянскаго языка въ сѣверной и западной Греціи можетъ привести къ мнѣнію о преобладаніи славянскаго типа. Но я ниѣлъ случай замѣтить, что этого типа нѣтъ ни у Кроатовъ, ни у Далматинцевъ. Г. Боданъ сдѣлалъ тоже замѣчаніе. Все это заставляетъ насъ думать, что потомки древнихъ Грековъ существуютъ въ большомъ числѣ даже между народами, говорящими другими языками. Впрочемъ исторія и языкъ Албанцевъ доказываютъ, что и они не чистой породы. Вы утверждаете, что нѣкогда земли ихъ была заселена Галлами. Я самъ видѣлъ въ Далмации кинровъ лица. Исконный нами типъ будетъ только тогда достоверно опредѣленъ, когда его найдутъ въ другихъ частяхъ Греціи или въ странахъ, гдѣ прежде жила Пеласги. Къ тому же, надобно, чтобы отъ соединенія его съ германскими типомъ происходили признаки, характеризующіе лица историческаго періода.

²⁾ Г. Бюрнуфъ (сынъ), изучая отношенія языковъ санскритскаго и Zendскаго къ европейскимъ, нашелъ, что первый ближе къ греческому, а второй къ германскимъ. Не странно ли, что я, съ своей стороны, нѣкогда причаюсь думать, что идеалъ греческой красоты существуетъ или существовалъ въ Индіи. У меня подъ глазами

селеніе Аравіи, по моему мнѣнію, не есть однородное. Какая другая страна представляетъ любителямъ этнографіи болѣе обширное поле для изслѣдованій? Изъ всѣхъ народовъ, пріобрѣтшихъ громкое имя въ исторіи, можетъ быть одни Арабы никогда не подвергались чужеземному игу; немногіе народы ходили такъ далеко отъ своей родины и расселились на такомъ обширномъ пространствѣ; близкое сходство арабскаго языка съ другими расширяетъ еще болѣе сферу этихъ отношеній.

Въ предлагаемыхъ вамъ изслѣдованіяхъ я строго воздерживался отъ всякихъ уклоненій отъ моего предмета. Я бралъ типы въ томъ видѣ, въ какомъ они дѣйствительно существуютъ; указывалъ на совокупность и свойство признаковъ, изъ которыхъ они состоятъ; рассматривалъ ихъ существованіе въ данномъ періодѣ, а не въ безграничномъ времени; однимъ словомъ, я довольствовался тѣмъ, что могъ узнать положительно, и не заходилъ далѣе. Очевидно, что собранные мною факты и извлеченные изъ нихъ выводы могутъ быть замѣнены другими; я самъ указалъ на условія ихъ существованія и видоизмѣненій. Ограниченный такимъ образомъ предметъ представляетъ, въ своихъ предѣлахъ, полный просторъ мнѣніямъ всякаго рода.

Называя типомъ совокупность опредѣленныхъ признаковъ, я употребляю слово, имѣющее одно и то же значеніе въ разговорномъ языкѣ и въ естественныхъ наукахъ, и такимъ образомъ устраняю возможность какого либо недоумѣнія относительно мѣста, принадлежащаго въ общей классификаціи тѣмъ группамъ, къ которымъ относится это выраженіе. Оно равно прилично породѣ и ея отрасли, роду и виду и т. д. Подъ первобытнымъ или чистымъ типомъ, я разумѣю такой, который образовался не изъ соединенія другихъ, намъ извѣстныхъ. Болѣе общаго значенія я не даю этому выраженію.

Первобытные типы опредѣляются слѣдующимъ образомъ. Надобно замѣтить самыя рѣзкія различія отдѣльныхъ лицъ и потомъ привести въ извѣстность дѣйствительно ли эти особенности повторяются довольно часто для образованія группъ, болѣе или менѣе значительныхъ, смотря по объему населенія. Результатомъ существованія нѣ-

памятнику. Между тѣмъ, видѣнный мною на гробницѣ египетскаго царя фигуры, которыхъ Бельцони называетъ Персами, представляютъ величайшее сходство съ однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ германскихъ типовъ. Фигуры эти, впрочемъ, изображены въ атласѣ Бельцони.

сколькихъ типовъ на одной и той же почвѣ будутъ многочисленныя помѣси, составныя стихіи которыхъ узнать не трудно, если число стихій ограничено. Правда, что отъ двухъ породъ могутъ произойти множество промежуточныхъ оттѣнковъ. Не предупрежденный наблюдатель не будетъ знать, на чемъ ему остановить глаза; безконечная смѣсь и пестрота явленій, особенно тамъ, гдѣ преобладаютъ смѣшанныя породы, заставятъ его думать, что общихъ и постоянныхъ признаковъ нѣтъ вовсе. Лица, принадлежащія къ чистымъ породамъ, покажутся ему въ такомъ случаѣ новыми видоизмѣненіями, усложняющими безвыходный хаосъ. Но хаосъ этотъ уяснится и придетъ въ порядокъ, когда вниманіе изслѣдователя обратится на крайнія противоположности. Тогда онъ получитъ возможность усмотрѣть, что онѣ повторяются часто съ однообразными признаками. Обѣ крайнія группы увеличиваются въ объемѣ по мѣрѣ усиленныхъ наблюдений, и чѣмъ рѣзче высказывается противоположность ихъ формъ, тѣмъ несомнѣннѣе становится ихъ первобытность. Поднявшись такимъ образомъ до основныхъ типовъ, мы, для достиженія послѣдней степени достовѣрности, должны прослѣдить ихъ въ разнообразныхъ оттѣнкахъ, которые образуются отъ ихъ совокупленій.

Мы упомянули о возможности преобладанія смѣшанныхъ породъ. Случиться можетъ, что отъ двухъ чистыхъ типовъ произойдетъ, вслѣдствіе ихъ постоянныхъ и равномѣрныхъ соединеній, третій средний, наиболѣе распространенный. Поэтому не должно принимать числительный перевѣсъ породы за доказательство ея первобытности, но надобно употребить средства, мною указанныя, для рѣшенія вопроса объ ея происхожденіи.

Я не говорилъ въ этомъ письмѣ о нравственныхъ и умственныхъ свойствахъ, особенно характеризующихъ тѣ группы, которыхъ внѣшніе признаки мною описаны. Предметъ этотъ входилъ въ составъ моихъ изслѣдованій и находится въ связи съ ихъ цѣлью, но его можно было на время оставить въ сторонѣ. Если бы я былъ въ состояніи въ немногихъ словахъ удовлетворить любознательности читателей, то конечно не усомнился бы сообщить вамъ мои замѣчанія. Но вопросъ этотъ труднѣе всѣхъ тѣхъ, о которыхъ шла рѣчь въ моемъ письмѣ, отчасти по самой природѣ своей, но особенно по разнообразію точекъ зрѣнія, съ которыхъ его можно разсматривать. Есть, впрочемъ, одна общая: вездѣ и во всѣ времена приписывались отдѣльнымъ народамъ

особенныя нравственныя свойства и наклонности ума. Причины этихъ отличій не входили въ соображеніе. Для упрощенія задачи надобно, слѣдовательно, устранить всякое изслѣдованіе о причинахъ и довольствоваться рѣшеніемъ вопроса о существованіи нравственныхъ отличій, соответствующихъ внѣшнимъ признакамъ, которыми отиѣчены отдѣльныя группы рода человѣческаго. Но въ такомъ случаѣ мы придемъ не къ необходимой связи, а къ простому совпаденію, открывающему поприще самымъ произвольнымъ толкованіямъ. Тѣмъ не менѣе определенное наблюденіемъ отношеніе между нравственнымъ характеромъ и физиологическими признаками лица или народа могло бы, независимо отъ вопроса о причинахъ, доставить любопытныя и удовлетворительныя для всѣхъ выводы (¹⁴).

Даже при такой наружной простотѣ, задача эта слишкомъ сложна, и я не могу приступить къ ней въ настоящемъ случаѣ. Я поставилъ себѣ цѣлю разобрать физиологическіе признаки человѣческихъ породъ въ связи ихъ съ исторіею и указалъ только на самыя очевидныя и положительныя изъ нихъ. Желая скрѣпить новый союзъ исторіи съ физиологіею, я боялся поколебать его разборомъ неясныхъ и отвлеченныхъ отношеній.

ПРИМѢЧАНІЯ ГРАНОВСКАГО.

1) Греческій писатель, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть Геродотъ, доказывающій происхожденіе жителей Колхиды отъ Египтянъ сходствомъ внѣшнихъ признаковъ и общимъ этимъ народамъ обычаемъ обрѣзанія. Кн. II, гл. 104. Свидѣтельства Геродота и другихъ писателей привели Вольнея къ заключенію, что Египтяне принадлежали къ черной, эіопской породѣ. Неосновательность этого мнѣнія теперь не подлежитъ сомнѣнію. Уже Blumenbachъ утверждалъ, что въ Египтѣ существовали три различные типа: эіопскій, индійскій и бараберскій или берберскій ¹⁾, который встрѣчается чаще другихъ. Первый подтверждаетъ слова Геродота и другія извѣстія древнихъ о Египтянахъ. Онъ отличается выдающимися впередъ челюстями, толстыми губами, широкимъ и плоскимъ носомъ и выпуклыми глазами. Характеристическіе признаки втораго состоятъ изъ длиннаго и тонкаго носа, продолговатыхъ глазъ, которыхъ вѣки идутъ подымаясь отъ переносицы къ вискамъ; высоко стоящихъ ушей; короткаго туловища и длинныхъ ногъ. Третій или берберскій типъ, въ которомъ многіе видятъ результатъ смѣшенія арабской и эіопской крови, представляетъ нѣчто среднее между двумя первыми. Въ немъ особенно замѣтны полнота мягкихъ частей, короткій подбородокъ, повислыя щеки, глаза на выкатѣ и вообще наклонность къ тучности ²⁾. Новѣйшія изслѣдованія неос-

¹⁾ Племя Барабра, по мнѣнію многихъ этнографовъ, въ томъ числѣ Риттера, родное Берберамъ сѣверной Африки, живетъ въ нижней Нубіи. Впрочемъ, оно не похоже на Blumenbachovo описаніе. Барабра или Берберины (такъ называютъ ихъ въ Капръ) отличаются стройнымъ и худощавымъ тѣлосложеніемъ. Prichard, II. 184. Вотъ что говоритъ о нихъ русскій путешественникъ, Г. Рааковичъ: тѣлосложеніе ихъ они худощаваго и весьма стройнаго; верхнія и нижнія конечности у нихъ нѣсколько длинны, но отличаются художественнымъ совершенствомъ контуровъ; руки и ноги малы и красивой щегольской формы, какъ у Египтянъ; мускулы развиты бѣдно, крѣзь почти нѣтъ; шкура въ подкожной вѣтчатѣ не встрѣчается. Записки Геогр. общества, кн. IV стр. 171.

²⁾ Prichard, *Naturgeschichte des Menschengeschlechts, nach der dritten Auflage des Englischen Originals mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben von R. Wagner*. T. II. стр. 252.

поримо доказываютъ, что населеніе древняго Египта было смѣшанное, съ преобладаніемъ однако кавказской породы, измѣнившей подъ вліяніемъ климата бѣлый цвѣтъ кожи на мѣдио-красный и темно-желтый. «Нынѣшніе Копты», говоритъ Шамполліонъ младшій, «представляютъ пеструю смѣсь всѣхъ народовъ, которые одинъ за другимъ владычествовали въ Египтѣ. У нихъ напрасно ищутъ отличительныхъ признаковъ настоящей египетской породы ¹⁾». Богатая, съ трехъ сторонъ открытая врагу долина Нила искони манила къ себѣ восточныхъ завоевателей и хищныя племена Африки. Отличный знатокъ африканской этнографіи, Давезакъ, находитъ въ чертахъ Коптовъ явные слѣды монгольской крови, указывающіе на событія, воспоминаніе о которыхъ не сохранилось въ исторіи ²⁾.

Изображенія, находящіяся на древнихъ памятникахъ Египта, представляютъ поразительное разнообразіе народныхъ типовъ, довольно вѣрно переданныхъ художниками. Негры постоянно являются въ видѣ побѣжденныхъ, данниковъ, рабовъ или даже приносимыхъ богамъ жертвъ. Весьма замѣчательны въ этнографическомъ отношеніи рисунки, найденныя въ большомъ храмѣ Ибсамбульскомъ (въ Нубіи), представляющіе царя (Сезостриса), который держитъ въ рукѣ одиннадцать головъ побѣжденныхъ имъ непріятелей. Здѣсь соединены различныя племенные типы западной Азіи и Африки. Характеристическія черты Семита, вѣроятно Еврея, тотчасъ бросаются въ глаза зрителю. Лице царя (судя по рисунку, находящемуся въ извѣстномъ атласѣ Розелини, № 79) отличается выраженіемъ того спокойствія, которое составляетъ постоянную принадлежность фигуръ, изображающихъ высшія сословія египетскаго народа. Продолговатые съ узкими отверстіями вѣкъ глазъ и толстыя, рѣзко обозначенныя губы суть единственныя уклоненія отъ главныхъ признаковъ кавказской породы.

Винкельманъ замѣтилъ, что уши египетскихъ статуй постоянно выше, чѣмъ у греческихъ. Это замѣчаніе страннымъ образомъ подтверждается въ изслѣдованіяхъ Дюро-де-ла-Маль, который, разсматривая черепа египетскихъ мумій, нашелъ, что въ нихъ слуховой проходъ лежитъ на одной линіи съ глазами. Въ послѣдствіи, Де-ла-Маль встрѣтилъ въ Парижѣ Копта, занимавшагося преподаваніемъ арабска-

¹⁾ Champollion-Figeac, *Egypte ancienne* p. 27.

²⁾ *Esquisse générale de l'Afrique*, p. 18

го языка, и могъ повѣрить на живомъ лицѣ наблюденія свои надъ муміей. Уши этого Копта стояли такъ высоко, что ихъ можно было принять за небольшіе рога. Трудно, впрочемъ, сказать на сколько этотъ признакъ былъ общимъ всему народу, составленному изъ самыхъ разнородныхъ частей ¹⁾. Нѣкоторые натуралисты замѣтили въ муміяхъ особенную форму зубовъ, но теперь доказано, что это явленіе было слѣдствіемъ свойства пищи, которую употребляли Египтяне, или обычая подпиливать зубы, существующаго и у другихъ народовъ ²⁾. Нельзя также не вспомнить о самомъ древнемъ изъ извѣстныхъ намъ египтологическихъ наблюденій. Осматривая поле битвы при Пелузіумѣ, Геродотъ нашелъ, что черепа Персовъ, которые были здѣсь убиты и погребены отдѣльно отъ побѣжденныхъ ими противниковъ, значительно уступали въ твердости и крѣпости черепамъ послѣднихъ. Персидскій черепъ, говоритъ онъ, можно пробить насквозь маленькимъ камешкомъ; египетскій едва можно разбить большимъ камнемъ; кн. III, гл. 12. Исслѣдованія новыхъ ученыхъ служатъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ сказаннаго нами о пестромъ составѣ египетскаго населенія. Изъ четырехъ египетскихъ череповъ, описанныхъ Зѣммерингомъ (Sommering), два нисколько не отличаются отъ европейскаго, и одинъ представляетъ чисто африканскую форму. Въ собраніи Блауенбаха находились три черепа египетскихъ: одинъ изъ нихъ носилъ на себѣ большую часть признаковъ эфиопской породы; другой походилъ совершенно на черепъ бенгальскаго Индійца ³⁾.

2) Причардъ ⁴⁾ повидимому противорѣчатъ Эдвардсу, говоря, что Евреи болѣе или менѣе приняли вѣншіе признаки тѣхъ народовъ, среди которыхъ живутъ съ давняго времени. Въ сѣверныхъ странахъ Европы они обыкновенно русы. У англійскихъ Евреевъ — голубые глаза и свѣтлые волосы; у нѣмецкихъ и польскихъ очень часто встрѣчаются рыжія бороды. Въ Индіи можно видѣть совершенно черныхъ Евреевъ. Но Эдвардъ допускаетъ перемѣну въ цвѣтъ кожи и волосъ и доказываетъ только неизмѣняемость формъ и пропорцій.

3) Гуанчами назывались древніе жители Канарійскихъ острововъ, принадлежавшіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, атлантической или бербер-

¹⁾ Prichard, II, 267.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. II, 249.

⁴⁾ III, 2. 615.

ской породѣ ¹⁾. Самые достовѣрные и полныя свѣдѣнія о племени Гуанчей собраны Сабинномъ Бертело (Sabin Berthelot) въ этнографическомъ отдѣлѣ его сочиненія: *Histoire naturelle des Iles Canaries*. Бертело доказываетъ, между прочимъ, что Гуанчи не были совершенно истреблены Испанцами, и говорить по этому поводу слѣдующее: «три столѣтія иноплеменнаго владычества не могли изгладить народныхъ чертъ. Онѣ сохранились въ нѣкоторыхъ округахъ у горныхъ пастуховъ и въ живущихъ на возвышенностяхъ земледѣльческихъ семействахъ. Африканскій типъ, господствуетъ въ массѣ населенія и даетъ себя тотчасъ замѣтить. У мужчинъ загорѣлый, болѣе или менѣе смуглый цвѣтъ кожи; овальное, костливое лице; черты правильныя; лобъ выпуклый и нѣсколько узкій; большіе живые глаза темнаго, иногда зеленоватаго цвѣта; волосы густые, часто вьющіеся и переходящіе отъ черныхъ къ темно-рыжимъ; носъ орлиный, но безъ горба; ноздри широкія; губы толстыя; ротъ большой; бѣлые и правильно расположенные зубы; тѣлосложеніе сухое и крѣпкое. Мускулы рѣзко обозначены; ростъ вообще выше средняго ²⁾».

Остатки Караибскаго племени, которому нѣкогда принадлежали Антильскіе острова и значительная часть противоположнаго материка, разсѣяны теперь вдоль приморскихъ странъ, лежащихъ между устьями Оrenoко и Амазонской рѣки. Число Караибовъ замѣтно уменьшается.

4) Туземнымъ племенамъ Новаго-свѣта повидимому не суждено совершить того перехода отъ дикаго быта къ образованности, о которомъ говоритъ Эдвардсъ. Они представляютъ намъ теперь другое, не менѣе любопытное, хотя скорбное зрѣлище цѣлой породы, постепенно сходящей съ лица земли.

Число Индійцевъ въ Сѣверной-Америкѣ было уже весьма незначительно, когда туда прибыли первые европейскіе переселенцы. Все туземное населеніе едва ли превышало 200000 душъ; самое могущественное изъ краснокожихъ племенъ, жившихъ къ сѣверу отъ Мексики, не могло выставить пяти тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе ³⁾. Судьба сѣверо-американскихъ Индійцевъ съ XVI столѣтія

¹⁾ Мы употребляемъ названіе Гуанчей въ смыслѣ, который ему обыкновенно дается, хотя это имя принадлежало собственно только жителямъ одного острова Teneriffe.

²⁾ *Mémoires de la société ethnologique*, T. I. стр. 146.

³⁾ Andree, *America in geographischen und historischen Umrissen*. T. I, стр. 232.

извѣстна. Въ ожесточенной борьбѣ съ бѣлыми пришельцами погибли цѣлые народы, до послѣдняго человѣка. Другіе до того ослабѣли, что въ настоящее время состоятъ изъ немногихъ семействъ. Въ 1849 году, по сию сторону Миссиссипи (т. е. между этою рѣкою и Атлантическимъ океаномъ), считалось только 30000 Индійцевъ. Остальные ушли далѣе на западъ отъ преслѣдующаго ихъ разлива англо-американской породы. Но обширныя пустыни, тянущіяся у подошвы Скалистыхъ горъ, не спасутъ своихъ краснокожихъ жителей отъ предстоящей имъ неизбѣжной гибели. Брѣвкіе напитки, оспа и безсмысленное истребленіе дичи, составляющей почти исключительную пищу племенъ, которыя не могутъ отрѣшиться отъ охотничьей жизни, довершаютъ дѣло, начатое европейскимъ оружіемъ. Въ одномъ 1838 году оспа похитила около 40, по другимъ показаніямъ — до 60 тысячъ степныхъ Индійцевъ.

Читатели наши могутъ найти въ извѣстномъ сочиненіи Кетлина о нравахъ и обычаяхъ сѣверо-американскихъ туземцевъ потрясающій рассказъ о гибели народа Мандановъ, нѣкогда сильнаго и многочисленнаго. Въ 1838 году ихъ оставалось только 2000. Оспа истребила ихъ; послѣдній оставшійся въ живыхъ вождь племени добровольно уморилъ себя голодомъ.

Благія вліянія европейской образованности мало замѣтны въ бытѣ сѣверо-американскихъ дикарей. Скорѣе можно принять, что она противна ихъ нравственной природѣ и дѣйствуетъ на нихъ разрушительно. Примѣры, впрочемъ рѣдкіе, племенъ, ведущихъ осѣдную жизнь подъ надзоромъ и властію Вашингтонскаго правительства и занимающихся земледѣліемъ и ремеслами, не могутъ служить опроверженіемъ указанныхъ нами фактовъ ¹⁾. Благородныя и самоотверженныя усилія христіанскихъ миссіонеровъ не были до сихъ поръ увѣнчаны желаннымъ успѣхомъ. Изъ однообразныхъ жалобъ католическаго духовенства и проповѣдниковъ, принадлежащихъ ко всѣмъ сектамъ протестантства, видно, что христіанство распространяется только внѣшнимъ образомъ, не проникая въ глубину одичалыхъ и загрубѣвшихъ въ язычествѣ сердецъ. Основываясь на собственныхъ и сдѣланныхъ другими учеными наблюденіяхъ такого же рода, извѣстный естествоиспы-

¹⁾ Кетлинъ и другіе отдають рѣшительное преимущество дикимъ и свободнымъ Индіанцамъ надъ тѣми, которые живутъ подъ властію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и приняли уже нѣкоторую образованность.

татель и путешественник Марціусъ говоритъ, что семейство чисто американской крови не можетъ существовать среди бѣлаго населенія долѣе 4-го или 5-го поколѣнія; что оно обыкновенно вымираетъ ранѣе, какъ бы отравленное несродною ему образованностію. Съ другой стороны, многочисленные остатки древности, находимые на огромномъ пространствѣ между Висконсиномъ и Флоридою, служатъ явнымъ доказательствомъ, что здѣсь нѣкогда жили земледѣльческіе народы, знакомые съ употребленіемъ серебра, мѣди и свинца; колоссальныя развалины городовъ и памятниковъ всякаго рода въ Средней и Южной Америкѣ еще громче говорятъ о прошедшей цивилизаціи и способности краснаго человѣка къ высшей гражданственности. Астрономическія свѣдѣнія Мексиканцевъ и Перуанцевъ не подлежатъ сомнѣнію. У бразильскихъ дикарей сохранились юридическіе символы, въ которыхъ нельзя не узнать обломковъ цѣлой системы сложныхъ общественныхъ отношеній. Сличеніе этихъ данныхъ съ настоящимъ бытомъ американскихъ туземцевъ привело Марціуса къ слѣдующему заключенію, которое, въ случаѣ если вѣрность его будетъ доказана, выражаетъ великій и общій всему человѣчеству законъ историческаго развитія. Такъ называемое дикое состояніе бываетъ двоякое; одно предшествуетъ образованности, какъ первая, соотвѣтствующая дѣтству народной жизни. Степень развитія; другое наступаетъ для народа въ послѣдствіи, тогда, когда онъ истощилъ до дна запасъ отжѣренныхъ ему провидѣніемъ духовныхъ силъ и, какъ отжившій организмъ, разлагается на стихійныя части свои. Американцы прошли, по мнѣнію Марціуса, чрезъ возможный для нихъ, по природнымъ условіямъ, періодъ образованности и находятся теперь во второмъ состояніи дикости, изъ котораго нѣтъ другаго выхода, кромѣ смерти. Коренное американское населеніе представляетъ явные признаки такого разложенія. Оно распалось на дробныя части, составляющія около 1400 отдѣльныхъ народовъ и племенъ, имѣющихъ свои языки и нарѣчія. Нѣкоторые языки сдѣлались исключительнымъ достояніемъ немногихъ семействъ. Рядомъ живущія племена, состоящія изъ нѣсколькихъ сотъ душъ, не понимаютъ другъ друга. Этотъ процессъ разложенія, очевидно, начался много вѣковъ тому назадъ. Мексико и государство перуанскихъ Инковъ приходили уже къ упадку въ эпоху покоренія ихъ Испанцами. На сѣверѣ, первые англійскіе мореходы нашли дикарей, жившихъ охотою и неспособныхъ даже отвѣчать на вопросы о загадочныхъ строителяхъ огромныхъ

земляныхъ укрѣпленій, насыпей и кургановъ, которыми устѣяна равнина Миссиссипи ¹⁾).

Опровергая мнѣніе Марціуса, другой ученый путешественникъ, Чуди ²⁾, говоритъ, что оно можетъ быть допущено только относительно Сѣверной Америки, но что на югѣ, особенно въ Перу, туземная порода не только не вымираетъ, но даже грозитъ истребленіемъ потомкамъ бѣлыхъ завоевателей края. На это можно возразить тѣми же цифрами, какія находятся въ сочиненіи самого Чуди (стр. 367) и ясно свидѣтельствуя объ уменьшеніи индійскаго населенія въ теченіи трехъ послѣднихъ вѣковъ. Но еще важнѣе въ этомъ отношеніи сильное возростаніе смѣшанныхъ или цвѣтныхъ породъ, происходящихъ отъ соединеній европейской, африканской и американской крови. Разнообразныя помѣси, составляющія результатъ такихъ соединеній, уже получили рѣшительный перевѣсъ надъ настоящими креолами, т. е. потомками Европейцевъ, и должны, повидимому, рано или поздно образовать господствующее населеніе Южной Америки. Фактъ этотъ былъ замѣченъ еще Азарою (D. Felix de Azaga, Voyage en Amérique méridionale. Paris, 1809), который говоритъ, по поводу парагвайскихъ метисовъ: «метисы (происходящіе отъ соединенія европейской и индійской крови) составляютъ въ Парагваѣ большинство такъ называемыхъ Испанцевъ. Мнѣ кажется, что они превосходятъ европейскихъ Испанцевъ ростомъ, красотою формъ и даже бѣлизною кожи. Эти факты заставляютъ думать, что породы облагораживаются вслѣдствіе смѣшенія, и что европейская возьметъ верхъ надъ американскою». Определить движеніе цвѣтнаго населенія въ республикахъ Южной-Америки невозможно по недостатку точныхъ статистическихъ свѣдѣній. Мы приведемъ однако нѣсколько цифръ, заимствованныхъ нами изъ путешествія въ Бразилію Rugendas'a (Voyage dans le Brésil, Paris, 1825).

	Бѣлыхъ.	Цвѣтныхъ.	Негровъ.	Индійцевъ.
Въ 1824 г., въ Мексикѣ считалось:	1360000;	2070000;	8400;	3430000.
Въ Гватемалѣ	190000;	320000;	10000;	965400.
Въ Колумбіи	600000;	720000;	470000;	854000.
Въ Ла-Платѣ	475000;	305000;	70000;	1150000.
Въ Бразиліи	843000;	628000;	1987500;	300000.

¹⁾ Martius, die Vergangenheit und Zukunft der amerikanischen Menschheit въ Deutschen Vierteljahrsschrift. 1839. Ч. II. стр. 235—270.

²⁾ Peru. Т. II стр. 369.

Надобно при этомъ замѣтить, что въ жилахъ бѣльшей части лицъ, причисляющихъ себя къ бѣлой, т. е. аристократической породѣ, течетъ также смѣшанная кровь. О разнообразіи и числѣ помѣсей такого рода можно судить по длинному списку ихъ названій, который помѣщенъ въ упомянутомъ нами сочиненіи Чуди о Перу. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ названій.

Плодъ бѣлаго человѣка и Негритянки называется: Mulato.

- бѣлаго и Индіанки Mestizo.
- Индійца и Негритянки Chino.
- бѣлаго и Мулатки Cuarteron.
- бѣлаго съ Местичею Creole.
- бѣлаго съ Чиною China blanca.
- бѣлаго съ Квартероною Quintero.
- Негра и Мулатки Zambo negro.
- Негра и Местичи Mulato oscuro.
- Негра съ Чиною Zambo chino.
- Индійца съ Мулаткою China oscura и т. д.

Мы кончимъ наши замѣчанія словами одного изъ отличнѣйшихъ знатоковъ предмета, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. «Не подлежитъ сомнѣнію», говоритъ Пѣппигъ, что краснокожій человѣкъ не выноситъ близости европейской образованности и умираетъ въ ея атмосферѣ, какъ отъ ядовитаго дуновенія, безъ содѣйствія крѣпкихъ напитковъ, заразныхъ болѣзней или войны. Многократныя попытки правительства не въ силахъ были водворить въ этой породѣ привычекъ нравственно-гражданской жизни, ибо ей недостаетъ способности къ самоусовершенствованію. Такой недостатокъ дѣлаетъ бесполезными глубоко-обдуманые и человеколюбивые планы воспитанія, которые изложены въ сочиненіяхъ даровитыхъ и благонамѣренныхъ людей, и оправдываетъ сравненіе американскихъ туземцевъ съ тою низшею, но отмѣченною особенною фязіономіею растительностію, которая развивается на почвахъ только что возникшихъ изъ моря и исчезаетъ при появленіи растений высшаго рода. Какъ ни возмущаетъ наше чувство подобнаго предположенія, но тѣмъ не менѣе мы смотримъ на Американцевъ какъ на обреченную гибели отрасль человѣчества. Опустѣвшія пространства займетъ другая болѣе крѣпкая духомъ, дѣятельная семья народовъ, идущихъ съ Востока. Повинуясь своему призванію, она постоянно подвигается впередъ и покоряетъ себѣ самыя от-

даленныя и дикія пустыни Новаго-міра, между тѣмъ какъ туземное племя ложится къ смертному сну и скоро исчезнетъ даже изъ памяти новаго народа. Быть можетъ, что менѣе, чѣмъ черезъ столѣтіе, изслѣдованія о первыхъ жителяхъ цѣлой части свѣта сдѣлаются частію археологін, и только тогда будетъ возможно понять и почувствовать вполне трагическую и загадочную сторону исторіи американскихъ племенъ ¹⁾.

5) Изъ рѣчей, которыя Прокопій (de Bel. Goth. III. 4. 21.) влагаетъ въ уста Тотилѣ, видно, что у Готовъ было до 200000 человекъ способныхъ носить оружіе. Вообще число Готовъ въ Италіи было гораздо значительнѣе, чѣмъ полагаетъ Эдвардъ. Тоже самое можно сказать и о Лонгобардахъ.

6) Число Нормановъ, основавшихъ государство Обѣихъ Сицилій, было въ самомъ дѣлѣ ничтожно въ сравненіи съ объемомъ покоренныхъ ими областей. Но въ дружинѣ и совѣтѣ норманскихъ князей было мѣсто всякому сиѣлому и даровитому человеку, несмотря на его родину и происхожденіе. Фридрихъ II (Гогенштауфенъ), въ войскѣ котораго были всегда большіе отряды, составленные изъ однихъ могомеданъ, наследовалъ политику своихъ норманскихъ предшественниковъ.

7) Исторія подтверждаетъ мнѣніе Эдвардса о томъ, что цвѣтъ кожи и волосъ не можетъ служить надежнымъ признакомъ породы и подверженъ значительнымъ перемѣнамъ. Въ сочиненіи Причарда, гдѣ собрано наиболѣе относящихся къ нашему предмету фактовъ и наблюденій, приведено много примѣровъ такого перехода волосъ и кожи отъ одного цвѣта къ другому. Греческіе и римскіе писатели говорятъ о галло-кимрскихъ племенахъ, что они были блѣлокеры. Древніе ирландскіе памятники называютъ Ирландцевъ русыми и блѣлоголовыми. Но теперь во Франціи, въ Ирландіи и въ сѣверной Шотландіи, именно тамъ, гдѣ наиболѣе сохранялось остатковъ древнѣйшаго, т. е. кельтическаго или галло-кимрскаго населенія, темные волосы составляютъ господствующій признакъ, а свѣтлые — исключеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, особенно въ городахъ, замѣчено тоже явленіе ²⁾. Между финскими племенами есть русые и черно-волосые.

¹⁾ Статья «Indier» въ энциклопедіи Эрша и Грубера.

²⁾ Prichard. T. III. отд. 1. стр. 211—223.

8) Оставляя въ сторонѣ неразрѣшенный и едва ли разрѣшимый на основаніи чисто историческихъ свидѣтельствъ вопросъ о происхожденіи Этрусковъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о внѣшнихъ признакахъ этого загадочнаго народа, на сколько мы можемъ судить о нихъ по изображеніямъ, сохранившимся на памятникахъ этрусского искусства, въ особенности на саркофагахъ. Изображенныя лица представляютъ полныя, округленныя формы; глаза у нихъ большіе; носъ довольно короткій и широкій; подбородокъ толстый и нѣсколько выдающийся впередъ. Вообще въ этихъ малорослыхъ и даже неуклюжихъ фигурахъ съ большими головами, короткими и толстыми руками, можно, говоритъ Причардъ, узнать «obesos et pingues Etruscos» ¹⁾. Борода у нихъ бритая. Въ положеніяхъ видно спокойствіе и даже нѣкоторая изнѣженность. Типъ, замѣченный Эдвардсомъ, очевидно пришлый и привился въ послѣдствіи, потому что масса тосканскаго населенія сохраняетъ до сихъ поръ главныя характеристическія черты древнихъ Этрусковъ. «Изумительно», говоритъ Нибуръ, «до какой степени рѣзко отличаются другъ отъ друга, даже въ настоящее время, различныя племена, составлявшія населеніе древней Италіи. Другъ мой Арнтъ обратилъ мое вниманіе на этотъ предметъ. Когда вы будете въ Италіи, сказалъ онъ мнѣ, замѣтьте на тосканской границѣ различіе породъ. Эта граница отдѣляла Этрусковъ отъ Лигуровъ. Къ крайнему удивленію моему, я встрѣтилъ у Этрусковъ тѣ же формы, тѣ же круглыя и полныя лица, какія находятся на древнихъ памятникахъ ²⁾».

9) Предположеніе Дегиня о тождествѣ Гунновъ и Гюн-ну обязано своимъ распространеніемъ Гиббону, который принялъ его на слово и внесъ, какъ доказанный фактъ, въ свое великое твореніе о паденіи Римской имперіи. Самъ Дегинъ былъ такъ убѣжденъ въ истинѣ своей гипотезы, что не считалъ даже нужнымъ подкрѣпить ее положительными доводами. Ему достаточно было сходства звуковъ и нѣкоторыхъ внѣшнихъ сближеній. Позднѣйшія изслѣдованія объ этотъ предметъ были по видимому неизвѣстны Эдвардсу. Мы изложимъ въ немногихъ словахъ ихъ результаты. Народъ, который подъ именемъ Гунновъ навелъ ужасъ на Европу въ IV-мъ столѣтіи, а въ V-мъ грозилъ ей совершеннымъ порабощеніемъ, состоялъ изъ пестрой смѣси племенъ

¹⁾ Prichard, T. III отд. 1. стр. 287.

²⁾ Vorträge über alte Länder und Völkerkunde, стр. 329.

турко-монгольского и финского происхожденія. Ихъ смѣшеніе произошло у подножія Уральскихъ горъ, исконной родины Финновъ, куда зашли племена, вытѣсненные войною и другими неизвѣстными намъ причинами изъ жилищъ своихъ въ Средней Азіи. Опредѣлить время прихода невозможно. Настоящіе Гунны, въ тѣсномъ смыслѣ, были по всей вѣроятности Монголы. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приведемъ слова извѣстнаго нашего оріенталиста, отца Іакина. «Поколѣніямъ, т. е. владѣтельнымъ домамъ (родамъ), занимающимъ Монголію, даемъ нынѣ названіе Монголовъ, не потому, чтобы они происходили изъ дома Монголовъ, но потому, что сей домъ, усилившись, наконецъ всѣ прочія поколѣнія своего племени покорилъ своей власти и составилъ какъ бы новое государство, которое мало по малу пріобыкли называть Монголами же, по прозванію господствующаго дома. Сямъ образомъ разныя монгольскія поколѣнія и прежде назывались общими именами: Татанцевъ, Киданей, Хойхоровъ (Уйгуровъ), Тулгасцевъ, Саньбійцевъ, Хунновъ и проч.» ¹⁾. Владычество Хунновъ или Гунновъ въ Монголіи, носившей такимъ образомъ ихъ имя, продолжалось отъ 214 г. до Р. Х. — 93 г. по Р. Х.; съ другой стороны, надобно замѣтить, что это имя было далеко распространено на востокъ. Оно находится, между прочимъ, въ клинообразной надписи персепольской, содержащей въ себѣ названія народовъ, входившихъ въ составъ персидскаго государства, и разобранной Лассеномъ. Гунны (Huná), о которыхъ здѣсь говорится, занимали область, лежащую къ югу отъ Колхиды ²⁾. По словамъ Козьмы, собравшаго въ VI-мъ столѣтіи по Р. Х. особенныя свѣдѣнія о тогдашней Индіи ³⁾, такъ называемые бѣлые Гунны жили вдоль сѣвернаго берега рѣки Инда и составляли могущественный народъ. Когда распалось государство Атилы, имя Гунновъ перешло на многія изъ племенъ ему подвластныхъ, хотя эти племена по происхожденію своему и не принадлежали къ грознымъ пришельцамъ IV-го вѣка. Подобное явленіе повторилось въ исторіи монгольскихъ завоеваній. Современники называли Монголами не однихъ только соплеменниковъ Чингисъ Хана, но всю разнородную массу, изъ которой слагались его ополченія. Атилла и его

¹⁾ Записки о Монголіи, 1. 157.

²⁾ Ritter, Erdkunde VII, 93—95.

³⁾ Въ извѣстномъ сочиненіи: Christiana topographia.

племя принадлежать очевидно къ монгольской породѣ (замѣтить впрочемъ, что Причардъ причисляетъ Финновъ къ одной породѣ съ Монголами). Описанія современныхъ писателей, на которыхъ ссылается Эдвардъ, такъ положительны и согласны между собою, что не позволяютъ сомнѣваться въ своей вѣрности. Монгольскій типъ выступаетъ передъ нами во всей своей опредѣленности. Иорнандъ какъ бы предвидѣлъ будущія возраженія и споры и заключилъ, заимствованное имъ у Приска изображеніе наружности гуннскаго царя, слѣдующими словами, которыхъ нельзя не принять въ соображеніе: «онъ носилъ на себѣ признаки своего происхожденія (*originis suae signa gestituens*)». Слѣдовательно Аттила можетъ служить намъ представителемъ цѣлаго типа, котораго характеристическія черты въ немъ сошлись. Клапротъ ¹⁾ говоритъ, что страхъ, наведенный Гуннами, имѣлъ вліяніе на древнихъ писателей и былъ отчасти причиною того, что они представили намъ черты этого народа въ искаженномъ и обезображенномъ видѣ. Но описанія Ам. Марцеллина, Приска, Сидонія Аполлинарія, Иорнанда соотвѣтствуютъ совершенно настоящему монгольскому типу, и если мы будемъ смотрѣть на нихъ съ этой точки зрѣнія, то не найдемъ въ нихъ ничего преувеличеннаго или каррикатурнаго. Мы укажемъ нашимъ читателямъ на записки о Монголіи отца Іакинна. Тамъ находится (Т. I. стр. 169) описаніе Монголовъ, которое совершенно сходно съ тѣмъ, что Иорнандъ говоритъ объ Аттилѣ и Гуннахъ вообще.

Связь Мадьяровъ съ Гуннами доказать не трудно. Мадьяры принадлежатъ, какъ извѣстно, къ финнскому (чудскому) племени, которое составляло значительную часть гуннскаго народа, или, правильнѣе сказать, ополченія. Выше сказано, что имя Гунновъ пережило ихъ государство. Оно досталось, между прочимъ, въ наслѣдство нѣкоторымъ изъ финнскихъ племенъ, которыя вообще не заявили въ исторіи воинственнаго характера, сообщеннаго имъ временнымъ соединеніемъ съ Турко-Монголами. Угры или Венгры, именующіе себя Мадьярами, долѣ другихъ сохранили этотъ характеръ и память о связи своей съ Гуннами. Извѣстный францисканскій монахъ Рюйсбрѣкъ, ѣздившій въ 1253 году посломъ къ монгольскому хану, говоритъ о народѣ Паскатаровъ (Башкировъ), у которыхъ одинъ языкъ съ Вен-

¹⁾ Tableaux historiques de l'Asie, стр. 236.

грамм. Изъ земли Башкировъ, по словамъ этого путешественника, вышли Гунны, въ послѣдствіи названные Венграми.

Мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь мнѣніе ученыхъ, принимающихъ Гунновъ за Славянъ. Что Гунны увлекли въ своемъ движеніи Славянъ, не подлежитъ сомнѣнію; равно достовѣрно и то, что имя Гунновъ осталось во многихъ Славянскихъ мѣстностяхъ, нѣкогда имъ подвластныхъ; но смѣшивать эти два племени невозможно.

10) Лучшее изслѣдованіе о «Семи и тринадцати общинахъ» принадлежитъ Шмеллеру (Schmeller, über die sogenannten Cimbern der VII und XIII Communen und ihre Sprache) помѣщено въ запискахъ Баварской Академіи наукъ, 1838. Т. II. отд. 3. стр. 557 и д. Мы занимаемся изъ этого изслѣдованія слѣдующіе факты. Тринадцать веронскихъ общинъ (tredecim comuni) занимаютъ самыя возвышенныя мѣста въ горахъ, изъ которыхъ вытекаетъ рѣка Проньо. Этотъ небольшой народъ состоитъ изъ 9000 душъ нѣмецкаго происхожденія; подъ владычествомъ венеціанской республики онъ пользовался многими нынѣ несущестующими правами. Еще въ концѣ VIII столѣтія, всѣ чиновники 13-и общинъ должны были разумѣть нѣмецкій языкъ, который употреблялся и въ проповѣдяхъ духовенства. Въ настоящее время нѣмецкій языкъ сохранился только въ двухъ мѣстечкахъ, Гиаццѣ и Кампо-Фонтано, въ которыхъ считается виѣсть около 1800 душъ. На востокъ отсюда, на высотѣ между Астиго и Брентою, лежатъ семь общинъ (sette comuni), образовавшія подъ владычествомъ Венеціи родъ небольшой, одаренной значительными правами республики. Населеніе состоитъ изъ 30000 душъ. Въ южной части этихъ общинъ нѣмецкій языкъ уже вышелъ или выходитъ изъ употребленія. Онъ сохранился только въ немногихъ мѣстностяхъ и то преимущественно у женщинъ и дѣтей. Мужчины всѣ могутъ говорить по итальянски. Богатые и почетные люди даже не употребляютъ другаго языка. Жители тринадцати и семи общинъ выдають себя за потомковъ тѣхъ Бимировъ, которыхъ Марій разбилъ при Веронѣ. Но языкъ ихъ обличаетъ другое происхожденіе. Шмеллеръ, отличный знатокъ этого предмета, нашелъ, что жители общинъ говорятъ баваро-тирольскимъ нарѣчіемъ верхне-нѣмецкаго языка, которое соответствуетъ XII-у и XIII-у столѣтіямъ. По всей вѣроятности, эти колоніи составились изъ вызванныхъ тріентскими епископами, которые много занимались горными промыслами, нѣмецкихъ рудокоповъ. Окрестные жи-

тели до сихъ поръ называютъ жителей общинъ потомками рудокоповъ (Сапорі — Кпаррен, Bergkпаррен).

11) Кромѣ приведеннаго Эдвардсомъ сочиненія В. Гумбольдта, читатели наши найдутъ нѣсколько дѣльных замѣчаній объ исторіи Басковъ въ «Исторіи южной Галліи подѣ германскимъ владычествомъ» Фориеля (Т. II. 340—357). Но знаменитый авторъ не успѣлъ изложить въполнѣ своихъ изслѣдованій объ этомъ народѣ, быть можетъ, древнѣйшемъ обладателѣ галльской почвы, отнятой у него Кельтами.

12) Въ 1835 году вышло сочиненіе Ксиландера: *Die Sprache der Albanesen oder Schkipetaren*, изъ котораго видно, что языкъ Албанцевъ не походитъ на греческій и не обличаетъ вовсе близкаго родства между этими народами.

13) Лассенъ въ своемъ классическомъ твореніи объ Индійскихъ древностяхъ (*Indische Alterthumskunde*, стр. 361) принимаетъ также двѣ главные породы въ восточной Индіи, арійскую и деканскую, которыхъ фیزیологическія отличія еще не были достаточно опредѣлены. Но кромѣ этихъ двухъ породъ, Индійскій полуостровъ заключаетъ въ себѣ много племенъ неизвѣстнаго намъ происхожденія.

14) Эдвардсъ поступилъ благоразумно, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о нравственныхъ свойствахъ отдѣльныхъ человѣческихъ породъ. При настоящемъ состояніи наукъ нельзя ожидать удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса; но нельзя также не признать, что опредѣленіе фیزیологическихъ признаковъ народа тогда только получить настоящее значеніе для исторіи, когда будетъ показана связь этихъ признаковъ съ духовными и нравственными особенностями даннаго племени. Эдвардсъ доказываетъ неизмѣняемость породъ въ фیزیологическомъ отношеніи. Тоже самое начало можно провести и въ исторіи нѣкоторыхъ народовъ, сохранившихъ основныя черты своего первобытнаго характера чрезъ всѣ перевороты и внѣшнія вліянія, которымъ они подвергались въ теченіи столѣтій. Надобно пока собирать факты для соображеній. Въ одной изъ слѣдующихъ частей сборника мы представимъ нашимъ читателямъ сводъ современныхъ свидѣтельствъ о характерѣ Галловъ отъ выступленія ихъ на театр исторіи до новыхъ временъ ¹⁾.

¹⁾ Отсюда видно, что авторъ предполагалъ написать о характерѣ Галловъ особую статью для «Магазина», но въ сомнѣніи не успѣлъ исполнить своего обещанія.

РОДОВОМЪ БЫТЪ У ДРЕВНИХЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

(С. М. Соловьёву и К. Д. Кавелину.)

Вопросъ о родовомъ бытѣ, подавшій у насъ поводъ къ такимъ жаркимъ и плодотворнымъ прѣніямъ, былъ поднятъ почти въ одно время въ русской и въ нѣмецкой ученой литературѣ. Мнѣніе, высказанное еще въ прошломъ столѣтіи Мёзеромъ (Möser, Osnabrückische Geschichte), о различіи между осѣдлыми, преданными земледѣлію племенами Саксовъ и воинственными, полукочевыми Суевами имѣло, какъ извѣстно, продолжительное вліяніе на историческія изслѣдованія о древнемъ германскомъ бытѣ. Двойственный характеръ этого быта, представляющаго съ одной стороны поселянъ, крѣпко привязанныхъ обычаями и учрежденіями къ родной почвѣ, съ другой — многочисленныя, находящіеся въ постоянномъ движеніи толпы бездомныхъ удалцовъ, ищущихъ войны и новыхъ жилищъ, получилъ въ предположеніи Мёзера готовое и удобное, хотя не подкрѣпленное достаточными свидѣтельствами объясненіе.

Нынѣ рѣчь идетъ уже не о различіи между Саксами и Суевами (хотя еще недавно Гауптъ построилъ на этомъ различіи всю свою теорію племенныхъ германскихъ правъ), а объ общинномъ и дружинномъ устройствѣ вообще. Мысль Мёзера въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ обратилась въ цѣлое, систематическое ученіе, завершителемъ котораго былъ Эйхгорнъ. Знаменитый историкъ нѣмецкаго права опредѣляетъ характеръ древнихъ германскихъ общинъ внѣшними отношеніями собственности и сосѣдства, и только мимоходомъ, но съ

свойственною ему дальновидностію, намекаетъ на возможное значеніе родовыхъ или кровныхъ связей ¹⁾). Съ необыкновенною ясностію изображаетъ онъ отличія общиннаго быта отъ дружиннаго и выводитъ отсюда главные явленія германской исторіи.

Немногія ученныя книги нашего вѣка приобрѣли такую огромную и притомъ вполне заслуженную извѣстность, какъ «Исторія нѣмецкаго государственнаго и гражданскаго права» Эйхгорна. Пять изданій обширнаго и дорогаго сочиненія свидѣтельствуютъ о запросѣ публики и о неусыпныхъ стараніяхъ автора, не перестававшаго пополнять и исправлять трудъ свой. Эйхгорнъ основалъ цѣлую историко-юридическую школу, послѣдователи которой принадлежатъ не одной Германіи. Во всѣхъ странахъ Европы ученые заговорили объ общинахъ и дружинахъ, прилагая эти готовые формы къ исторіи собственнаго отечества. Явленія, найденныя Эйхгорномъ въ германской старинѣ, были признаны всеобщими, типическими. Весьма немногимъ приходило въ голову сомнѣніе въ дѣйствительномъ сходствѣ древне-германской общины съ ея новыми изображеніями.

Нельзя не замѣтить однако, что національныя предубѣжденія и твердая увѣренность въ собственномъ превосходствѣ надъ другими народами имѣли большое вліяніе на господствующія въ Германіи понятія о родной старинѣ. Нѣмецкіе писатели утверждаютъ, что, въ эпоху ихъ первыхъ столкновеній съ Римлянами, Германцы уже далеко оставили за собою дикое состояніе, и вслѣдствіе особенныхъ свойствъ, которыми исключительно надѣлила ихъ природа, стояли несравненно выше прочихъ народовъ, проходившихъ чрезъ тѣ же ступени развитія. Всякая попытка объяснить отдѣльныя явленія древне-германскаго характера или быта аналогіями, заимствованными извнѣ, долгое время считалась признакомъ исторической тупости, неспособной оцѣнить германизмъ въ его самостоятельной красотѣ. Остроумное сближеніе Вилькена германскихъ учреждений съ аеганскими не только не обратило на себя должнаго вниманія, но даже было дурно принято; Гизо подвергся самымъ рѣзкимъ нареканіямъ за то только, что привелъ для сравненія съ Германцами отзывы путешественниковъ о нравахъ дикихъ племенъ Америки. Современные Цезарю Германцы жили, по словамъ ихъ ученыхъ потомковъ, общинами, въ маркахъ,

¹⁾ Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. § 18, Примѣчаніе.

которыя раздѣлялись на находившіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга и на составлявшія частную собственность отдѣльныхъ членовъ пашни и усадьбы. Поземельная собственность опредѣляла гражданское значеніе лица и вообще служила основою общинныхъ отношеній. Съ другой стороны, воинственные наклонности Германцевъ находили себѣ просторъ и удовлетвореніе въ дружинѣ, которая принимала въ ряды свои юношей, скучавшихъ мирнымъ бытомъ общины, безземельныхъ людей, которые надѣялись приобрести войною собственность и права, съ нею соединенныя; наконецъ, всѣхъ тѣхъ, кому нельзя было оставаться дома, вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, всѣхъ уходившихъ отъ кровавой мести, преслѣдованій закона, и т. д. При такомъ, можно сказать, симметрическомъ порядкѣ вещей, въ которомъ самыя противоположныя учрежденія были искусно прилажены одно къ другому, Германцы получили возможность самаго полнаго и разнообразнаго развитія. Они соединяли въ себѣ качества, которыя рѣдко или почти никогда не встрѣчаются въ одномъ и томъ же народѣ: высокую нравственную чистоту, возможную только при условіяхъ острѣдой, семейной жизни, и блестящую, жаждавшую опасностей всякаго рода удачу, которую находимъ у юныхъ, полукочевыхъ, стоящихъ на порогѣ исторіи и гражданственности народовъ. Система, которой выводы мы здѣсь въ немногихъ словахъ представили, сложилась изъ ученыхъ трудовъ и патріотическихъ мечтаній; но ей нельзя отказать въ строгой послѣдовательности, а главнымъ защитникамъ ея — въ глубокомъ знаніи. Къ сожалѣнію, ученики Мёзера и Эйхгорна довольствовались приращеніемъ и разработкою матеріаловъ, но не умѣли выработать изъ новыхъ матеріаловъ новыхъ идей.

Такимъ образомъ важный вопросъ о родовомъ бытѣ, съ котораго начинается исторія всякаго народа, остался внѣ сферы ихъ изслѣдованій. Примѣромъ можетъ служить Вайцъ, авторъ еще неоконченной и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной исторіи нѣмецкаго права, написанной съ явною цѣлю дополнить результатами новѣйшихъ розысканій пробѣлы, находящіяся въ трудѣ Эйхгорна. Онъ между прочимъ нѣсколько разъ упоминаетъ и о родовомъ бытѣ, но относитъ его къ доисторическому порядку вещей. «Неоспоримо», говоритъ онъ, «что община и государство выросли изъ семейства; но исторіи нѣтъ дѣла до этихъ переходовъ: она припимаетъ общину уже готовую, со-

вершившую предшествовавшее развитие¹⁾. Такой отзывъ, неудовлетворительный самъ по себѣ, ибо онъ просто обходитъ трудность, становится еще страннѣе, когда вспомнимъ, что важность родовыхъ отношеній въ государственной жизни древнихъ давно уже была всѣми признана. Извѣстно, какъ много занимался Нибуръ составомъ римскихъ родовъ. Еще ближе къ намъ, въ исторіи древнѣйшаго русскаго права, коснулся того же вопроса незабвенный Эверсъ. Между Германцами, если не ошибаемся, Вильда первый посвятилъ этому предмету нѣсколько замѣчательныхъ страницъ въ своей «Исторіи нѣмецкаго уголовного права». Но первое полное и систематическое изслѣдованіе о родовомъ бытѣ у Германцевъ вышло не ранѣе 1844 года. Мы говоримъ о книгѣ Зибеля, котораго труды поставили въ затрудненіе послѣдователей старой историко-юридической школы и уже вынудили у нихъ нѣсколько значительныхъ уступокъ²⁾. Не всѣ выводы Зибеля могутъ быть впрочемъ приняты наукою. Въ увлеченіи полемики, онъ зашелъ слишкомъ далеко, и не довольствуясь указаніемъ на неоспоримые слѣды родового быта въ позднѣйшихъ учрежденіяхъ, предпринялъ построеніе родового государства, основанное, разумѣется, не на положительныхъ данныхъ, а на аналогіяхъ и наведеніи. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ этихъ уклоненіяхъ отъ настоящей цѣли изслѣдованія и ограничимся разборомъ историческихъ свидѣтельствъ, которыми доказывается существованіе у Германцевъ родового быта со всѣми его послѣдствіями.

Начнемъ съ вопроса о томъ, дѣйствительно ли у германскихъ племенъ была въ то время, когда съ ними познакомились Римляне, настоящая поземельная собственность? Съ этимъ вопросомъ, очевидно, связанъ другой — о внутреннемъ устройствѣ общинъ.

Источниками въ этомъ случаѣ намъ могутъ служить только извѣстія, находимыя у Цезаря и Тацита. Другихъ свидѣтельствъ рѣшительно нѣтъ. Ссылки на памятники, возникшіе въ послѣдствіи, въ эпоху переселенія народовъ и образованія новыхъ государствъ на римской почвѣ не должны быть допускаемы. Четырехъ-вѣковыя сношенія съ

¹⁾ Waltz, Deutsche Verfassungsgeschichte, I. 44.

²⁾ Sybel, Entstehung des Deutschen Königthums, 1844. Сравн. разборъ этой книги, написанный Вайценъ и помѣщенный въ историческомъ журналѣ Шмидта (Schmidt, Zeitschrift für Geschichtswissenschaft) 1845 года, Т. III, 13—41. Тамъ же помѣщенъ и отзывъ Зибеля на эту критику. Т. III. 294—346.

Римомъ не могли не имѣть вліянія на Германію и не произвести въ бытіе ея населенія значительныхъ перемѣнъ.

Выслушаемъ прежде относящіяся къ нашему предмету слова названныхъ выше писателей.

Цезарь говоритъ о племени Суевовъ: «*privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet. Neque multum frumento, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque eunt in venationibus*», т. е. у нихъ нѣтъ вовсе частной, раздѣленной межами поземельной собственности; они не остаются болѣе года на одномъ мѣстѣ для обработки полей своихъ. Хлѣба употребляютъ мало, но болѣею частию питаются молокомъ и мясомъ стадъ своихъ; также много промышляютъ охотою. De B. G. IV. 1. Далѣе говорится о Германцахъ вообще, при сравненіи ихъ съ Галлами: «*Agriculturae non student: majorque pars victus eorum in lacte, caseo, carne consistit: neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios: sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum qui una coierint quantum ex quo loco visum est, agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt*». Земледѣліемъ мало занимаются; пища ихъ состоитъ преимущественно изъ молока, сыра и мяса; ни у кого изъ нихъ нѣтъ опредѣленныхъ, отмежеванныхъ участковъ земли; начальники и старшины выдѣляютъ ежегодно землю, опредѣляя по собственному усмотрѣнію мѣсто и количество отдѣльнымъ родамъ и семействамъ, живущимъ вмѣстѣ. Черезъ годъ они заставляютъ мѣнять участки. Ibid. VI, 22.

Полтора вѣка спустя, Тацитъ пишетъ: «*agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant et superest ager*». Владѣніе землею переходитъ поочередно отъ одного земледѣльца къ другому, по числу ихъ; отдѣльные участки выдѣляются соразмѣрно съ достоинствомъ каждаго изъ участниковъ. Обширные пространства облегчаютъ раздѣлъ; пашни мѣняются ежегодно, но земли остается еще довольно. Germ. стр. 26.

Свидѣтельства эти достаточно ясны. Изъ нихъ видно состояніе народа, только что переходящаго отъ кочевой къ осѣдлой жизни, еще незнакомаго съ настоящею поземельною собственностію. Описывая образъ жизни свободныхъ Германцевъ, Тацитъ говоритъ, что они стыдились добывать потомъ то, что можно было приобрести кровью, и

возлагали полевые работы на женщин и рабовъ. Главнымъ занятіемъ Германца была война. Въ мирное время онъ ходилъ на охоту, или предавался праздности ¹⁾. Какъ же согласить съ этими показаніями великаго римскаго историка описаніе земледѣльческой общины, обличающей своимъ устройствомъ и господствующими въ ней правами высокую степень гражданскаго развитія, на которой Римляне нашли Германцевъ? Но Мёзеръ, Эйхгорнъ и, по ихъ слѣдамъ, другіе толкуютъ извѣстія Цезаря и Тацита сообразно съ требованіями собственной системы. Они относятъ все сказанное завоевателемъ Галліи о Германцахъ къ однимъ Суевамъ, которые подъ начальствомъ Аріовиста перешли на лѣвый берегъ Рейна и сошлись тамъ съ римскими легіонами; слѣдовательно, говорятъ нѣмецкіе ученые, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, изъ всѣхъ Германцевъ одни Суевы находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Цезаремъ; прочія же, жившія за Рейномъ племена были ему извѣстны только по слухамъ. Ошибочныя извѣстія, вравшіяся въ записки о галльской войнѣ, перешли къ позднѣйшимъ писателямъ, между прочимъ и къ Тациту, который въ 26 й главѣ своего сочиненія о Германцахъ повторилъ, не повѣривъ ихъ надлежащимъ образомъ, слова Цезаря, принявшаго учрежденія отдѣльнаго племени за характеристическое отличіе цѣлаго народа. Онъ вѣрно описалъ бытъ дружинный, но не имѣлъ понятія объ общинѣ. Не трудно замѣтить, сколько произвольно натянутого въ такомъ толкованіи, отвергающемъ *оба главныхъ изъ упомянутыхъ свидѣтельствъ* о земледѣліи у древнихъ Германцевъ. Цезарь принадлежитъ къ числу самыхъ положительныхъ, можно сказать, математически точныхъ писателей древности. Описанія его кратки, но всегда содержатъ въ себѣ все существенное о данномъ предметѣ. Зарейнскіе Германцы были ему извѣстны не по однимъ слухамъ, потому что онъ лично былъ за великою рѣкою, воевалъ съ сѣверными Германцами и сверхъ того могъ въ самой Галліи собрать подробныя свѣдѣнія объ обычаяхъ народа, тѣсная связь котораго съ галльскими Белгами не подлежитъ сомнѣнію. Можно ли предположить со стороны этого гениальнаго и лю-

¹⁾ *Pigrum quin immo et iners videtur sudore acquirere quod possis sanguine parare* Germ 14. — *Quotiens bella non ineunt, multum venatibus, plus per otium transigunt dediti somno ciboque — delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia.* C. 15. — Ср. Цезаря de B. G. VI. 21.

бознательнаго ума грубое невѣжество или непростительное равнодушіе къ вопросу о политическомъ и гражданскомъ бытѣ племенъ, съ которыми судьба уже не разъ сводила Римлянъ, и которыя, въ слѣдствіе новыхъ завоеваній республики, сдѣлались ея ближайшими и опаснѣйшими сосѣдями въ Европѣ. Еще съ меньшимъ правомъ заподозрѣна достовѣрность Тацитава показанія. Знаменитый историкъ жилъ около 150 лѣтъ послѣ Цезаря. Въ теченіи этого времени Римляне почти не переставали воевать съ Германцами и узнали ихъ хорошо. Тациту могли служить источниками: изустные рассказы римскихъ воиновъ, которые не только участвовали въ зарейнскихъ походахъ, но бывали въ плѣну у Германцевъ и своими глазами видѣли образъ жизни Варовыхъ побѣдителей; рассказы многочисленныхъ Германцевъ, находившихся въ имперской службѣ; наконецъ сочиненія, въ родѣ потерянной исторіи германскихъ войнъ, написанной Плиніемъ старшимъ, который, кромѣ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ событій, вѣроятно имѣлъ подъ руками другіе письменные матеріалы. Нельзя же допустить, что Тацитъ, осмотрительности и добросовѣстности котораго отдають полную справедливость всѣ изслѣдователи нѣмецкой старины, разобравшіе каждую строку его Германіи, списалъ буквально извѣстія Цезаря о поземельной собственности у Германцевъ и не далъ себѣ труда глубже вникнуть въ дѣло, котораго важность не могла однако ускользнуть отъ него. Нужно ли говорить здѣсь о покушеніяхъ насильственно измѣнить ясный смыслъ тацитовыхъ словъ и вложить въ нихъ прямое противорѣчіе Цезарю ¹⁾? Многіе объясняютъ ежегодную мѣну полей системою плодоперемѣннаго хозяйства ²⁾.

Изъ всего вышесказаннаго выходитъ, что мы по необходимости должны ограничиться относительно времени, предшествующаго переселенію народовъ, извѣстіями, которыя находятся у Цезаря и у Тацита, и принять ихъ въ ближайшемъ, буквальный смыслѣ, не прибѣгая къ искусственнымъ, болѣе или менѣе произвольнымъ и затемняющимъ сущность дѣла объясненіямъ.

¹⁾ Waitz I. 23.

²⁾ Eichhorn I. § 14. Landau, die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwicklung. 1854. Стр. 52—63. Въ книгѣ Ландау собрано все, что можно сказать о существованіи трехпольнаго хозяйства у Германцевъ. Но доводы его не убѣдительны. Онъ заключаетъ отъ позднѣйшаго къ предыдущему.

Ни у того, ни у другого изъ этихъ писателей не упоминается о маркѣ, составляющей, по мнѣнію Эйхгорна и его школы, краеугольный камень древне-германскаго политическаго и земскаго устройства. Слово марка имѣетъ нѣсколько значеній ¹⁾. Собственно оно означаетъ границу, *limes*. Но сверхъ того подъ нимъ разумѣются: а) служащіе границею, находящіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга ²⁾; б) совокупность земель, принадлежащихъ общинѣ, и наконецъ в) самая община, которой члены называются потому *commarchani*. Занятый исключительно мыслию о родовомъ бытѣ и опираясь на молчаніе римскихъ памятниковъ, Зибель, безъ всякой надобности, относитъ марку къ позднѣйшимъ временамъ ³⁾. Допуская вполне достовѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ намъ Цезаремъ и Тацитомъ, мы однако не въ правѣ отрицать все то, о чемъ не говорятъ эти писатели. Мѣзеръ и Эйхгорнъ не безъ основательныхъ причинъ принимаютъ глубокую древность марки и причисляютъ ее къ кореннымъ германскимъ учрежденіямъ; но ихъ взглядъ на самую марку невѣренъ, потому что они не хотятъ признать перемѣнъ, которыя произошли въ ея внутреннемъ устройствѣ со временъ Цезаря до того времени, когда она предстаетъ намъ въ полномъ историческомъ свѣтѣ. Мы привели уже Эйхгорново опредѣленіе марки. Это первоначальная германская община, члены которой, или *commarchani*, суть простые сосѣди, соединенные землею, на которой они вмѣстѣ живутъ, и отъ нея заимствующіе свое гражданское значеніе. Только тотъ настоящій, полноправный членъ общества, у кого есть своя собственная земля. Юридическія отношенія полноправныхъ жителей марки основаны на договорѣ, ибо ихъ нельзя ни откуда вывести, кромѣ предварительнаго соглашенія участниковъ. Имѣли ли Эйхгорнъ и его послѣдователи въ виду такой договоръ, очевидно противорѣчащій господствующему между Германистами воззрѣнію на государство, мы не знаемъ, но обойтись безъ него

¹⁾ Нама древняя *сереѣ* представляетъ нѣчто соответствующее германской маркѣ.

²⁾ Обыкновенно границею марки былъ лѣсъ. Яковъ Гриммъ (*Deutsche Rechtsalterthümer*, Berl. 1844) полагаетъ, что марка означала первоначально просто лѣсъ. Рубежъ или граница есть позднѣйшее, производное значеніе. На голландскомъ языкѣ *Mörk* значить лѣсъ, а *Mark* — рубежъ.

³⁾ Надобно впрочемъ сказать, что самъ Эйхгорнъ въ 5-мъ изданіи (стр. 57) своего сочиненія счелъ нужнымъ оговориться и нѣсколько ограничить значеніе, какое онъ прежде давалъ маркѣ. Вѣдъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, полагающее ее въ основаніе политическаго устройства у Германцевъ, I. 31.

нить невозможно. Ихъ марка есть не органическій начатокъ гражданскаго развитія, а искусственное произведеніе человѣческой воли. Sie ist nicht naturwüchsig, по нѣмецкому выраженію.

Предъ авторитетомъ славныхъ именъ Мёзера, Эйхгорна и примыкающаго къ нимъ Я. Гримма (Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 405 и слѣд.) умоляли на время прямыхъ свидѣтельства источниковъ. А между тѣмъ многіе изъ новыхъ изслѣдователей чувствовали недостаточность господствующаго понятія о маркѣ. Примѣромъ можетъ служить Кембль, авторъ превосходнаго сочиненія объ Англо-Саксахъ ¹⁾. Кембль обладаетъ высокими учеными достоинствами. Съ обширными историческими и филологическими знаніями у него соединяется глубокое и живое пониманіе германской древности. Тѣмъ не менѣе онъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, хотя съ другой стороны это противорѣчіе показываетъ его вѣрный историческій смыслъ. Принимая, по примѣру Мёзера и Эйхгорна, марку за основу общественнаго устройства у Германцевъ, Кембль (стр. 54) называетъ ее «добровольнымъ союзомъ свободныхъ людей». Такой добровольный союзъ предполагаетъ, какъ мы уже замѣтили, предварительное соглашеніе, нѣчто въ родѣ *contrat social*. Но на предыдущихъ и слѣдующихъ страницахъ той же книги мы находимъ совсѣмъ другое. «Марка содержитъ въ себѣ совокупность земель, принадлежащихъ коренной (original) *cognatio*, роду или колѣну» (стр. 43). Далѣе (на стр. 56) эта мысль высказана еще яснѣе и обстоятельнѣе: «Марка представляется мнѣ большимъ союзомъ или соединеніемъ семействъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ богатства, значенія и вліянія: нѣкоторые изъ этихъ семействъ ведутъ свое происхожденіе прямо отъ общаго родоначальника или отъ племеннаго героя; родство другихъ сомнительнѣе, потому что чѣмъ болѣе растетъ населеніе и увеличивается число родичей, тѣмъ далѣе отходятъ они отъ общаго корня; сверхъ того можно вступить въ общину посредствомъ брака, усыновленія, даже чрезъ отпущеніе на волю; но всѣ члены признаютъ соединяющую ихъ связь братства, родства или *sibbschaft* ²⁾. Всѣ они составляютъ одну единицу относительно другихъ, такихъ же общинъ». Здѣсь дѣло идетъ не просто о сосѣдяхъ, а о родичахъ, т. е. о родо-

¹⁾ Kemble, The Saxons in England. London, 1849. 2 тома.

²⁾ Замѣтимъ что *sippe*, родство и родня, означаетъ также миръ. Въ англо-саксонскомъ переводѣ Евангелія слово миръ передано чрезъ *sybbe*.

вомъ бытъ, при которомъ марка получаетъ иное значеніе. Къ социальнѣю Кемблѣ не пошелъ далѣе: у него не достало мужества отказаться отъ вѣры въ существованіе собственности и цвѣтущаго земледѣлія у древнихъ Англо-Саксовъ. Можно подумать, что онъ, подобно большей части нѣмецкихъ ученыхъ, разсматриваетъ этотъ вопросъ не столько съ научной, сколько съ національной точки зрѣнія. Иначе трудно понять его нерѣшительность: опровергая главные изъ отдѣльныхъ положеній старой системы, онъ остается ей вѣренъ въ цѣломъ.

Шаткія опоры, поддерживающія зданіе, воздвигнутое нѣмецкимъ патріотизмомъ, ищущимъ въ прошедшемъ оправданія своимъ настоящимъ притязаніямъ, съ каждымъ днемъ оказываются несостоятельными. Теперь трудно доказать, что Германцы были изобрѣтателями земледѣлія въ сѣверной Европѣ, что они довели его до высокой степени и передали потомъ Славянамъ. Еще недавно, въ числѣ немногихъ и весьма неубѣдительныхъ доводовъ въ пользу этого мнѣнія, находилось распространеніе германскаго плуга и его названія между славянскими племенами. Однако Яковъ Гриммъ сомнѣвается въ германскомъ происхожденіи слова плугъ, котораго онъ не нашелъ вовсе въ древнѣйшихъ памятникахъ (готскихъ), гдѣ оно замѣнено другими, совсѣмъ не похожими на него словами: *Noha* и *Suhl* (*Deutsche Grammatik*. III, 414). Лео (*Malberg. Glosse*) идетъ еще далѣе: онъ утверждаетъ, что Германцы заимствовали и орудія и выраженія, относящіяся къ земледѣлію, у Кельтовъ.

Слова Цезаря: *gentibus cognationibusque hominum qui una coierint* указываютъ намъ на составъ населенія первоначальной германской общины или марки. Семьи и цѣлые роды живутъ вмѣстѣ. Только родичь, членъ рода, есть настоящій членъ общины. Противники родового быта, утверждающіе, что только обладаніе землею сообщало Германцу значеніе полноправнаго члена марки, напрасно ссылаются на Тацита. Изъ его словъ трудно вывести такое заключеніе. У него сказано прямо, что до совершеннолѣтія или торжественнаго принятія оружія, юноши составляютъ часть отцовскаго дома, потомъ часть общины, т. е. становятся ея членами. *Ante hoc (до совершеннолѣтія) domus pars videntur. mox reipublicae.* Germ. с. 13. Черезъ четверста лѣтъ послѣ Тацита, Готы еще держались этого правила; юноша, способный носить оружіе, пользовался у нихъ полными правами сво-

боднаго челоуѣка или гражданина: Sic juvenes nostri qui ad exercitum probantur idonei *indignum est ut ad vitam suam disponendam dicantur infirmi*, et putentur domum suam non regere, qui creduntur bello posse tractare. Gothis aetatem legitimam virtus facit, et qui valet hostem confodere, ab omni se jam debet tuitione vindicare. Cassiodori Var. 1, 38. Вообще, мы желали бы встрѣтить хотя одно положительное свидѣтельство источниковъ въ пользу поземельной собственности и ея вліянія на общественное значеніе лица у древнихъ Германцевъ. На это можно сказать, что у дошедшихъ къ намъ римскихъ писателей и въ другихъ памятникахъ очень мало данныхъ относительно родоваго быта у Германцевъ. Конечно, такихъ данныхъ мало, но они существуютъ и притомъ въ количествѣ, достаточномъ для совершеннаго оправданія опирающейся на нихъ системы, хотя эта система, независимо отъ частныхъ историческихъ фактовъ, истекаетъ изъ общихъ законовъ, которымъ подчинено въ развитіи своемъ всякое гражданское общество. Родовой бытъ не только стоитъ въ началѣ такого развитія, но дѣйствуетъ на него въ послѣдствіи и отражается въ учрежденіяхъ позднѣйшаго, чисто государственнаго порядка.

Приведемъ однако главныя изъ касающихся нашего предмета свидѣтельствъ.

Сверхъ приведенныхъ выше словъ Цезаря о родахъ и семьяхъ вмѣстѣ живущихъ, онъ говоритъ, что дружины Аріовиста, располагаясь въ боевомъ порядкѣ, становились родъ къ роду, по родамъ. *Germani suas copias eduxerunt, generatimque constituerunt...* De B. G. I. 51. Тоже самое, но еще опредѣлительнѣе и яснѣе, показываетъ Тацитъ. «Идя въ битву, Германцы строились клиномъ, при чемъ соблюдался извѣстный порядокъ: у каждаго рода и у каждой семьи было свое опредѣленное мѣсто. *Non casus nec fortuita conglobatio turmarum aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates.* Germ. 7. У Лонгобардовъ, по словамъ Павла Діакона, *фага* означало часть дружины и въ то же время родъ. II, 9. Подтверженіе этому находимъ въ лонгобардскихъ словаряхъ, гдѣ *фага* = *genealogia, generatio, parentella* ¹⁾. Законъ Алемановъ упоминаетъ о спорахъ, возникающихъ между родами: *Si qua contentio orta fuerit inter duas genealogias de termino terrae*

¹⁾ Waitz. I. 221.

eorum. Tit. 84. Законъ Вестъ-Готовъ не различаетъ сосѣдства отъ родства и соединяетъ ихъ подъ одни опредѣленія: *pec pater pro filio*, *pec filius pro patre*, *pec uxor pro marito*, *pec maritus pro uxore*, *pec frater pro fratre*, *pec vicinus pro vicino*, *pec propinquus pro propinquo* ullam calumniam pertimescat. (VI. 1. 8.).

Собранныя здѣсь свидѣтельства принадлежатъ нѣсколькимъ столѣтїямъ и доказываютъ не только существованіе родовыхъ формъ, но даже ихъ положительное вліяніе на жизнь германскаго народа какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Но запасъ нашъ еще не истощенъ. Германскія нарѣчія сохранили неизгладимые слѣды давно умершаго порядка вещей. Вотъ нѣсколько сюда принадлежащихъ словъ:

Въ древнихъ рукописныхъ саксонскихъ словаряхъ латинское *fratruales* переведено: *gelondan*, что собственно значить: люди, живущіе вмѣстѣ, на одной землѣ ¹⁾. Это Цезаревы *gentes cognationesque qui una coierint*, родичи — сосѣди. У тѣхъ же Англо-Саксовъ слово *maeghte* употребляется въ двоякомъ значеніи: родственниковъ или родичей и земли завоеванной и заселенной членами одного рода ²⁾. Укажемъ также на тѣсно связанныя между собою слова: *Adel*, *Adal* и *Odel* (*Huodal*). Первое означаетъ родъ, второе — владѣнія рода ³⁾. Другія выраженія, характеризующія самый составъ родовыхъ общинъ и слагающагося изъ нихъ государства, будутъ приведены ниже.

Изъ сказаннаго доселѣ мы позволимъ себѣ вывести слѣдующія заключенія объ образѣ жизни и бытѣ древнихъ Германцевъ.

Древне-германская община есть нечто иное, какъ родъ. Члены рода живутъ сосѣдями въ деревняхъ, или отдѣльными дзорами на общей землѣ, паркѣ, обнесенной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ или другою природною границею ⁴⁾. Это граница рода: на нее положено закліятіе. Ее охраняютъ языческіе боги (являющіеся демонами послѣ введенія христіанства) и безчеловѣчно жестока постановленія исключительно родовой общины ⁵⁾. Смерть ожидаетъ инородца, самовольно

¹⁾ Kemble, the Saxons in England, I. 56, 89.

²⁾ Lappenberg, Geschichte von England, I. 583.

³⁾ Waitz, I. 66.

⁴⁾ Это зависѣло отъ мѣстности. Понятно, что когда Германія была покрыта густыми лѣсами, и по словамъ нѣмецкой поговорки бѣгла бѣгала по сани иль, прыганъ съ дерева на дерево, т. е. не спускаясь на землю, жили мѣста находились въ полянахъ, окруженныхъ лѣсомъ.

⁵⁾ Grimm, deutsche Rechtsalterthümer, 518—20.

переступающаго завѣтный рубежъ. Земля марки окружена гибелью, по словамъ древней, приведенной Камблемъ пѣсни ¹⁾). Все лежащее въ предѣлахъ марки принадлежитъ роду. Почва дѣлилась на двѣ части; одна содержала въ себѣ усадьбы и пашни, въ которыхъ родичи должны были ежегодно мѣняться участками; въ другой заключались общіе выгоны, луга и лѣса. Въ первой половинѣ могъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій, совершиться постепенный переходъ къ полной частной собственности; вторая несравненно долѣ носила характеръ общаго владѣнія. Слѣды этого быта сохранялись особенно долго на скандинавскомъ полуостровѣ и до сихъ поръ еще не совершенно изгладились въ Германіи, не смотря на длинный рядъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, когда Цезарь и Тацитъ записали извѣстія, собранныя ими о Германцахъ. Сказанное ими объ отсутствіи поземельной собственности у Германцевъ отнюдь не противорѣчитъ первоначальному, чисто родовому устройству марки, но даже можетъ служить къ объясненію ея позднѣйшей формы, которая описана Эйхгорномъ, и гдѣ частная собственность отдѣльных членовъ общины, образовавшаяся изъ участковъ, прежде переходившихъ изъ рукъ въ руки, существуетъ рядомъ съ общимъ владѣніемъ лугами и лѣсомъ. На вопросъ о возможности такого порядка вещей, о какомъ намъ говорятъ Цезарь и Тацитъ, можно отвѣчать многочисленными аналогіями, заимствованными изъ быта другихъ народовъ. Не считаемъ нужнымъ указывать на всѣмъ извѣстные, представляющіе большое сходство съ германскими, обычаи славянскихъ племенъ. Оранскій Арабъ считаетъ своею собственностію только сѣмяна, употребленные имъ на посѣвъ, а не самую пашню. Въ ягирскомъ округѣ Мадрасской области землевладѣльцы ежегодно мѣняются землями; афганскія племена подвергаются новому раздѣлу земель даже по истеченіи десятилѣтняго срока владѣнія. Страбонъ и Діодоръ упоминаютъ о подобномъ обычаѣ, существовавшемъ у нѣкоторыхъ племенъ Илиріи и Пиренейскаго полуострова ²⁾). Цейссъ весьма вѣрно характеризуетъ древне-германскій бытъ словами: «прочной опредѣленной собственности еще нѣтъ. Человѣкъ еще не привязался къ почвѣ, которая находится въ общемъ владѣніи. Пищу ему доставляютъ домаш-

¹⁾ The Saxons, I. 47.

²⁾ Припѣры эти собраны у Камбля. I. 39.

ній скоть и охота. Земледѣліе снабжаетъ только необходимѣйшими средствами существованія; война составляетъ любимое занятіе. Но эту подвижную, непостоянную жизнь нельзя однако назвать кочевой. Она занимаетъ средину между земледѣльческою и кочевой. У подобныхъ народовъ есть родина и жилища, но они легко ихъ покидаютъ ради новыхъ страпъ¹⁾. Не собственность, а происхожденіе, принадлежность къ роду опредѣляли значеніе лица въ такой общинѣ. Инородцу не было въ ней мѣста. Но родовыя связи заключались не въ одномъ кровномъ родствѣ: родъ увеличивался не чрезъ народженіе только. Въ составъ его можно было вступить извнѣ, посредствомъ усыновленія или брака. Вообще женщины служили часто посредницами и примирительницами родовъ, смягчая ихъ начальную исключительность. Англо-саксонская поэзія не даромъ называетъ женщину *freodowebbe*, ткущую миръ. Этотъ превосходный эпитетъ показываетъ ея значеніе въ основанномъ на родовыхъ отношеніяхъ обществѣ. Приобщенный посредствомъ брака или другимъ образомъ къ чуждой ему дотолѣ общинѣ, инородецъ становился ея родичемъ, потомкомъ ея родоначальника. Вымышленное, искусственное родство заступало мѣсто кровнаго. Исторія древней Греціи и Рима представляетъ множество аналогическихъ явленій²⁾, дающихъ намъ возможность вполне понять переходъ отъ естественнаго, основаннаго на единствѣ крови, рода къ искусственному, который обыкновенно является уже частію государства. Такимъ полукочевымъ бытомъ германскихъ народовъ можно объяснить ихъ блужданія съ мѣста на мѣсто, постоянную тревогу, въ которой они находятся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ перваго ихъ появленія въ исторіи, т. е. съ нашествія Кимбровъ и Тевтоновъ. Родина Германца заключалась не въ данной мѣстности, а въ родѣ его. Она была подвижная; не мѣстность сообщала названіе роду, поселившемуся въ ней на болѣе или менѣе долгій срокъ и обратившему ее въ свою временную марку, а на оборотъ имя рода переносилось съ одного конца Германіи на другой. Имена урочищъ могутъ служить полезнымъ, хотя въ болѣе части случаевъ недостаточнымъ, пособіемъ для изученія германскихъ переселеній. Эта путеводная нить часто рвется въ рукахъ изслѣдователя, и нѣтъ ника-

¹⁾ Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, 52 и 53 стр.

²⁾ См. Niebuhr, Röm. Geschichte 1, 345 и слѣд. — Fr. Herman, Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer, §§ 5, 99, 101.

кой возможности связать порванные концы. «Мы не должны удивляться, говорить Кембль, встрѣчая среди такого безостановочнаго, обширнаго и общаго движенія, каковы были переселенія нашихъ предковъ, родовыя имена Германіи, Норвегіи, Швеціи и Даніи на нашихъ (т. е. англійскихъ) берегахъ. Не только небольшое число странниковъ, носившихъ знаменитое родовое имя, но одинъ человекъ могъ собрать вокругъ себя толпу товарищей, охотно соединявшихся подъ прославленное героическими преданіями имя рода (т. е. образовать искusstвенный родъ). Такимъ образомъ, Гарлинги и Вельзинги, имена, тѣсно связанныя съ великимъ эпосомъ германскихъ и скандинавскихъ народовъ, повторяются во многихъ мѣстахъ Англіи» ¹⁾. Ученый историкъ Англо-Саксовъ полагаетъ, что большая часть мѣстныхъ названій произошла отъ родовыхъ, и потому приложилъ въ концѣ I-го тома своей книги цѣлый списокъ такихъ названій. — Когда улеглось великое движеніе народовъ, и Германцамъ закрылась прежняя возможность переселеній на югъ или на западъ, ихъ связь съ родною почвою стала крѣпче. Значеніе марки измѣнилось. Она перестала быть мѣстомъ только временнаго пребыванія рода. Прикованный къ отцовской почвѣ Германецъ требовалъ болѣе прочныхъ и опредѣленныхъ отношеній собственности. Ежегодный обмѣнъ пашень находился въ очевидномъ противорѣчій съ выгодами и цѣлями отдѣльныхъ владѣльцевъ. Во томъ же направленіи дѣйствовали римскія вліянія и христіанство, которое, усиливая значеніе семейства, тѣмъ самымъ ослабляло родовое начало. Сказать, когда и какъ именно совершилась перемѣна у каждаго германскаго народа порознь, нельзя, по недостатку источниковъ, но можно догадываться, что мѣсто ежегодныхъ раздѣловъ заступили болѣе продолжительные сроки владѣнія, вытѣсненные въ свою очередь наслѣдственностію участковъ. Между памятниками, принадлежащими этой переходной эпохѣ, особенно важенъ для насъ эдиктъ франкскаго короля Хильпериха, изданный въ 574 году:

a) *Placuit atque convenit, ut si quis vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitutus fuerit, quamdiu filii aduxerint, terra habeant sicut et lex salica habet.* b) *Et si subito filias defuncti fuerint, filia simili modo terras accipiat istas, sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitutus fuerit*

¹⁾ The Saxons, 1. 58.

terras accipiant, non vicini. (Pertz Monumenta, IV. 10.). Этотъ законъ отмѣняетъ прежній порядокъ наслѣдства, предоставляя ближайшимъ родственникамъ, т. е. дѣтямъ умершаго право наслѣдовать предпочтительно предъ сосѣдами, т. е. родичами. Семейство выделяется изъ рода ¹⁾).

Мы сказали выше, что слѣды первоначальной, т. е. родовой марки долго существовали въ Скандинавіи и еще не совершенно исчезли въ германіи. Въ XI столѣтіи сельское устройство въ Даніи было еще основано на началѣ общаго владѣнія. Мы постараемся изложить главныя черты этого устройства. Каждое селеніе или деревня состояла изъ *тофтовъ*, расположенныхъ вдоль двухъ крестообразно пересѣкавшихся улицъ. Подъ именемъ тофта разумѣлись: домъ, хозяйственные строенія, дворъ и садъ поселенина, обнесенные тыномъ или другою оградю. Улицы и перекрестокъ посрединѣ селенія находились въ общемъ владѣніи и не могли быть застроены или заняты другимъ образомъ. Принадлежавшія такой общинѣ пашенныя земли были разбиты на нѣсколько клиновъ. Всякій клинъ (Kamp) былъ тщательно измѣренъ веревкою, и въ немъ выдѣлены участки всѣмъ владѣльцамъ тофтовъ. Участки эти были иногда крайне малы, но отъ правила нельзя было отступить, и больсманъ (землевладѣлецъ или жилище, отъ boel, bool = жилище) имѣлъ клочекъ земли въ каждомъ клинѣ. Когда деревня не представляла болѣе достаточнаго простора своимъ жителямъ, и въ ней нельзя было устроить новыхъ тофтовъ, избытокъ населенія (по всей вѣроятности младшіе сыновья больсмановъ) уходилъ изъ деревни и строилъ себѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, новыя жилища. Такой выселокъ назывался *торпе* и находился въ зависимости отъ аделъби (Adelbye) или старой общины. Родовая связь между ними была такъ крѣпка, что послѣдній,

¹⁾ Sybel, Entstehung des deutschen Königthums, стр. 25—27. Эдмунтъ Хильперихъ содержитъ въ себѣ неоспоримыя доказательства въ пользу родоваго быта. Доказательства эти тѣмъ убѣдительнѣе, что самый памятникъ возникъ на римской почвѣ. Видно, что Вейцъ не знаетъ, какъ примирить такое рѣшительное свидѣтельство съ собственною теоріею. Waitz, das alte Recht der Salischen Franken, стр. 130. Мы не привели нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, на которыя ссылается Зибель, напр. франкскій законъ de chrenescruda, потому что смыслъ его намъ не ясенъ и едвали можно безъ наташаи слушать подтвержденіемъ Зибелевой системы. Тоже самое скажемъ и о замѣчательной статьѣ «Si de parentilla». Здѣсь трудно рѣшить, о чемъ идетъ рѣчь, о семьѣ или о родѣ.

оставшіяся въ живыхъ большманъ стараго селенія могъ, въ теченіе трехлѣтняго срока, принудить переселенцевъ къ возврату на прежнія мѣста ¹⁾. Въ изложенномъ нами устройствѣ датскаго селенія уже нѣтъ ежегодныхъ раздѣловъ земли, но всѣ послѣдствія этого древнѣйшаго обычая сохранились. Стѣснительныя опредѣленія родовой собственности еще не изгладились. Каждый клинъ или *Kamp* обведенъ межею, но между отдѣльными участками нѣтъ рубежей. Датское правительство рано вступило въ борьбу съ этимъ порядкомъ вещей: оно предоставило большману право обмѣна земли съ сосѣдями, вслѣдствіе чего онъ получилъ возможность собрать въ одно цѣлое свои разбросанные въ нѣсколькихъ клинахъ участки. Кромѣ того, ему разрѣшено было приобрѣтать земли за предѣлами общиннаго владѣнія. Такая собственность называлась *ornit* и ставила своего владѣльца въ положеніе, совершенно отличное отъ того, какое онъ занималъ въ родномъ селеніи. Онъ выходилъ изъ-подъ опеки родовой общины и дѣлался полнымъ хозяиномъ, собственникомъ въ настоящемъ значеніи слова.

Еще большее подтвержденіе Цезаревыхъ и Тацитовыхъ извѣстій находимъ мы въ самой Германіи. Въ прошедшемъ столѣтіи крестьяне Фрикгофской общины (Frickschhofen), въ Нассаускомъ герцогствѣ, ежегодно дѣлили по жребію принадлежавшія имъ общинныя земли. На Гундсрюкенѣ подобный обычай сохранился до сихъ поръ: тамъ, въ округахъ Мерцигъ, Отвейлеръ и Саарлуи, есть общины, въ которыхъ земля переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, въ опредѣленные сроки отъ 3-хъ до 18-ти лѣтъ. Она не составляетъ частной собственности и принадлежитъ селенію или общинѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Въ рейнской Баваріи встрѣчаемъ такіе же явленія ²⁾. Наконецъ, недалѣе какъ въ 1805 году, крестьяне селенія Трантовъ, что на рѣкѣ Пенѣ, въ сѣверной Германіи, еще смотрѣли на землю какъ на общую собственность и ежегодно дѣлили ее между

¹⁾ Dahlmann, Geschichte von Dänemark, T. I стр. 133—37. Къ сожалѣнію, у меня не было превосходной статьи Ганссена (Hanssen, Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit, у Фалла, Neues Staatsb. Magazin, T. III et VI), которую пользовался Дальманъ и почти всѣ новѣйшіе исследователи германской и скандинавской древности.

²⁾ Maurer, Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung. München, 1864. стр. 6.

собою. Въ раздѣлѣ участвовалъ также пасторъ селенія ¹⁾. Очевидно, это слѣды родового владѣнія.

Не смотря на многочисленныя, изъ историческихъ памятниковъ и языка заимствованныя данныя, свидѣтельствующія о преобладаніи родовыхъ формъ у Германцевъ долгое время послѣ ихъ вступленія въ исторію, мы считаемъ однако невозможнымъ полное и подробное изображеніе этихъ формъ. Попытку, сдѣланную Зибелемъ, нельзя назвать удачною, хотя отдѣльныя части его изслѣдованія заслуживаютъ большаго вниманія и обнаруживаютъ значительный критическій талантъ. Едвали найдемъ у кого другаго болѣе вѣрное и отчетливое опредѣленіе родового государства. Зибель находитъ совершенно безплоднымъ споръ, когда-то поднятый о различіи рода естественнаго отъ искусственнаго, ибо эти формы равно часто встрѣчаются намъ въ исторіи и основаны на одномъ и томъ же началѣ. Главное здѣсь состоитъ въ правильномъ пониманіи рода вообще и въ умѣнны отличить значеніе родового старшины отъ власти отца семейства.

Въ такомъ смѣшеніи заключается основной недостатокъ книги, впрочемъ превосходной, въ которой впервые и притомъ непревзойденнымъ до сихъ поръ образомъ сближены для взаимнаго уясненія древности славянскаго и германскаго права. Эверсъ (*das aelteste Recht der Russen*) начинаетъ вездѣ съ отца семейства, у котораго рождаются сыновья и внуки и такимъ образомъ расширяютъ домашній кругъ; но онъ упускаетъ изъ виду, что семейство до или внѣ государства основано на нравственныхъ, а не на юридическомъ законѣ, и потому развиваетъ нравственныя, а не юридическія отношенія. Государства никакъ нельзя вывести изъ семьи, тѣмъ болѣе что послѣднія являются вполнѣ только въ государствахъ, отъ котораго она получаетъ нужныя для ея внѣшняго существованія юридическія опредѣленія. Семейство превращается въ государство не вслѣдствіе увеличивающагося числа членовъ, а чрезъ духовное усиленіе понятія о правѣ, сознательную или безсознательную волю участниковъ руководствоваться не одною родственною любовью, но еще гражданскими постановленіями. Такое стремленіе предполагается въ родѣ (*gens*), и потому мы можемъ назвать его прямо государствомъ; мы знаемъ, что родовая связь

¹⁾ Статья: *Ueber die Feldordnung und den Ackerbau der alten Germanen*, въ Историческомъ журналѣ Шмита. 1845 г. III, 253.

часто основана на вымыслѣ, но родовыя отношенія чрезъ это нисколько не слабѣютъ. Такъ какъ внутреннее начало этого союза есть нѣчто духовное, относящееся къ области воли и договора, то оно также можетъ быть выражено настоящими родственниками, какъ и посторонними, дѣйствующими въ духѣ родства. Вотъ въ чемъ заключается различіе между родовымъ государствомъ и всѣми другими гражданскими союзами. Но не должно думать, что этотъ вымыслъ возникъ изъ потребности сообщить союзу благозвучное имя, торжественное богослуженіе, или неопредѣленное чувство единства; напротивъ, онъ долженъ служить руководительною нитью во всѣхъ отношеніяхъ новаго государства, которое свято чтить образецъ свой и не отступаетъ отъ него. Существенный признакъ и законъ родового государства состоитъ въ томъ, что всѣ его гражданскія учрежденія облечены въ формы семейства; отсюда заимствуетъ оно свой характеръ даже тамъ, гдѣ родовые и мѣстные союзы внѣшнимъ образомъ совпадаютъ между собою. Это первый шагъ, означающій въ естественномъ развитіи народовъ пробужденіе политическаго сознанія. Народъ ищетъ соотвѣствующихъ его потребностямъ формъ, и ему прежде всего представляется та, въ которой замкнута была его доисторическая жизнь — форма семейства. На нее опираются общества, находящіеся въ дѣтскомъ возрастѣ; изобиліе мифовъ, возникающихъ именно на этой почвѣ, очень понятно. Можно сказать, что основная мысль такой системы, принимающей государство за семейство, содержитъ въ себѣ мифическую истину; поэтически прекрасный и глубокий смыслъ; но тѣмъ очевиднѣе становится, по достиженіи высшей ступени, ограниченность этой системы и ея неудовлетворительность для разума. Итакъ сравненіе государства съ семействомъ можетъ быть вѣрно, но понятіе, выводящее государство изъ семейства, какъ естественнаго основанія, ложно. Всѣ отношенія, истекающія изъ такого чувства, должны исчезнуть и сокрушиться при первомъ столкновеніи съ развитымъ чисто гражданскимъ порядкомъ вещей, т. е. съ настоящимъ государствомъ¹⁾.

Соединеніе нѣсколькихъ родовъ составляетъ высшее политическое единство сотни или гау²⁾). Начальниками какъ отдѣльныхъ родовъ,

¹⁾ Entstehung des d. Königthums, 17.

²⁾ Забѣль принимаетъ сотню за первоначальное соединеніе нѣсколькихъ родовъ, стале-

такъ и высшихъ, изъ нихъ соединенія образовавшихся союзовъ были *старшины*. Здѣсь возникаетъ вопросъ о происхожденіи и объемѣ власти этихъ старшинъ и объ отношеніи ихъ къ древне-германскому дворянству, той *nobilitas*, о которой говоритъ Тацитъ, не оставившій, къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этомъ сословіи.

Прежде всего замѣтимъ, что древніе Германцы обыкновенно соединяли понятіе о власти съ понятіемъ старшинства. Англо-саксонское *Kaldordom* равно означаетъ отношенія короля къ подданнымъ, вождя дружины къ его воинамъ, мужа къ женѣ ¹⁾. Беда, въ церковной исторіи Англо-Саксовъ, говоритъ, что у Саксовъ не было куниговъ или королей, *sed satrapas plurimos suae genti praepositos*. Въ саксонскомъ переводѣ этого сочиненія Альфредомъ Великимъ слово *satrapae* передано чрезъ *ealdormen*. Эти же саксонскіе *satrapy* называются иногда *majores natu* (*annales Petavienses*). У Франковъ выраженіе *senior* и *majore natu* означаетъ вообще человѣка, занимающаго высокое положеніе въ государствѣ. Старшины племени Узинетовъ называются у Цезаря *majores natu*. У Фризовъ *aldirman* есть судья; *atha* (отцы, см. фризскій словарь Рихтгофена) — начальники вообще. Этихъ прииѣровъ, полагаемъ, достаточно, хотя ихъ можно было бы привести гораздо болѣе. Такое соединеніе понятій власти и физическаго старшинства не можетъ быть случайнымъ. Оно указываетъ на родовое устройство, въ которомъ власть находится въ рукахъ старѣйшинъ. Но кто же были эти старѣйшины?

Цезарь нѣсколько разъ упоминаетъ объ нихъ, употребляя выраженіе *magistratus* и *principes*. *Magistratus ac principes* заведуютъ ежегоднымъ раздѣломъ полей. B. G. VI. 22. *In pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum et pagorum inter suos jus dicunt, contraversiasque minuunt... quum bellum civitas aut inlatum defendit aut infert, magistratus qui eo bello praesint, ut vitae necisque habeant potestatem, deliguntur*. VI. 23. Надобно, слѣдовательно, отличать три рода властей: *principes regionum* и *principes pagorum* въ мирное время и *magistratus*, избираемые для войны съ несравненно большими правами. Споръ о значеніи округовъ, которые Цезарь разумѣлъ

нея отъ ея числительнаго значенія. Сотня слѣд. не есть *gau* — округъ, каковыя она является въ послѣдствіи (франконая *centena*, и т. д.), а союзъ. — Eichhorn, § 14 п. а. Grimm. R. A. 496.

¹⁾ Sybel, 43.

подъ словами *pagus* и *regio*, удовлетворительно рѣшается параллельнымъ мѣстомъ у Тацита: *principes qui iura per pagos vicosque reddunt*. Germ. 13. *Vicus* соответствуетъ отдѣльной общинѣ, роду. *Regio* въ такомъ случаѣ есть округъ, занимаемый родомъ или общиною, марка; *pagus* обыкновенно = гап, вмѣщающей въ себя, какъ уже сказано, нѣсколько родовъ или марокъ. Свидѣтельство Цезаря тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно вполне подтверждается позднѣйшими источниками. Извѣстно, что изъ всѣхъ германскихъ народовъ Саксы наименѣе подвергались внѣшнимъ влiянiямъ: они позже другихъ приняли христіанство и долѣе сохранили древнiй бытъ и обычаи. Беда говоритъ объ нихъ: *non habebant regem iidem antiqui Saxones, sed satrapas plurimos suae genti praepositos, qui ingruente belli articulo mittunt aequaliter sortes et quemcumque sors ostenderit, hunc tempore belli ducem* (Heretogan, въ переводѣ Алереда В.) *omnes sequuntur et huic obtemperant. Peracto autem bello rursus aequalis potentiae omnes sunt satrapae*, Hist. Eccl. V. 10. Сочинитель житiа св. Лебуина, жившiй послѣ Беды и пользовавшiйся его сочиненiемъ, говоритъ о Саксахъ: *Singulis pagis principes praeeerant singuli*. Pertz, Mon. II. 361. Изъ словъ Беды видно, что въ военные вожди избирались тѣже *principes* или, какъ онъ ихъ называетъ, *satrapae*, которые въ мирное время судили и рядили каждый въ своемъ округѣ. Мы едва ли ошибемся, принявъ это показанiе Беды за правило, котораго держались древнѣйшiе Германцы, современники Цезаря и Тацита.

Вникая въ смыслъ извѣстiй, сообщаемыхъ авторомъ «Германинъ», мы должны признать, что начало свободнаго избранiя вообще преобладало у Германцевъ. О «*principes qui iura reddunt*» сказано прямо, что они избираются въ народныхъ собранiяхъ. Нельзя иначе объяснить и другаго знаменитаго мѣста: *reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*. Germ. с. 7. Такой обычай повидимому противорѣчитъ общепринятымъ понятiямъ о родовомъ бытѣ. Для устраненiя возможныхъ по этому поводу возраженiй, необходимо уяснить себѣ Тацитово слово *nobilitas*. Это тѣмъ труднѣе, что въ самыхъ творенiяхъ великаго историка мало данныхъ для рѣшенiя имъ заданной загадки. Мы должны объяснить ее извнѣ, т. е. при пособiи стороннихъ источниковъ и болѣе или менѣе произвольныхъ и удачныхъ соображенiй.

Вайцъ посвятилъ значительный отдѣлъ своей Исторiи германскаго государственнаго права разбору многочисленныхъ системъ, налагаю-

ныхъ происхожденіе германскаго дворянства. Но его критика неудовлетворительна, ибо она довольствуется опроверженіемъ чужихъ мнѣній и не находитъ прочнаго основанія для собственной теоріи. Ближе другихъ подошелъ къ истинѣ, намъ кажется, Зибель, которому впрочемъ много помогъ Эйхгорнъ, съ обычнымъ мастерствомъ своимъ консувшійся значенія древней германской аристократіи, но оставившій въ сторонѣ вопросъ объ ея происхожденіи. Въ настоящее время едва ли кому придетъ въ голову отрицать существованіе отдѣльнаго благороднаго сословія у древнихъ Германцевъ. Сверхъ многочисленныхъ мѣстъ у Тацита, гдѣ *nobiles* прямо отдѣляются отъ остальной массы свободныхъ Германцевъ, мы можемъ указать на положительные свидѣтельства писателей позднѣйшаго времени, какъ-то Нитарда, Гукбальда, сочинителя житія св. Лебуина, на *translatio S-ti Alexandri*, и т. д. Изъ этихъ памятниковъ видно, что Саксы въ IX-мъ столѣтіи еще раздѣлялись на благородныхъ, свободныхъ и лассовъ, т. е. полусвободныхъ (*sunt qui eorum lingua edelingui, sunt qui frilingui, sunt qui lassi dicuntur*). У Саксовъ, какъ мы уже видѣли, долѣе чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Германіи сохранились обычаи старины; у нихъ никакъ не могло образоваться позднѣйшее служебное дворянство, слѣдовательно саксонскіе эделинги соответствуютъ Тацитовымъ *nobiles*. Этого мало. Почти у каждого германскаго племени существуютъ знаменитые роды, изъ которыхъ избираются кунинги или цари: *reges ex nobilitate*. У Франковъ Меровинги, у Остѣ-Готовъ Амалы, у Вестѣ-Готовъ Балты, у Лангобардовъ Гунгинги и Лятинги, у Баваровъ встрѣчаемъ даже пять знатныхъ родовъ: *Huosidroza, Fagana, Habilinga, Anpiona; isti sunt quasi primi post Agilolfingos, qui sunt de genere ducali*. *Lex Bajuvariorum*, tit. 2. c. 20. Замѣчательно, что такіе царственные роды, *stirpes regiae*, встрѣчаются у племенъ, не знавшихъ надъ собою царской власти. У Херусковъ, сколько намъ извѣстно, не было царей. Славный вождь ихъ Арминій никогда не носилъ этого титула, хотя начальствовалъ надъ всѣми силами народа. Страбонъ называетъ его просто полемархомъ (*dux, Heretog, воевода*). Онъ даже палъ жертвою своего честолюбія, *regnum affectans*, но когда въ возникшихъ послѣ него междоусобицахъ погибло все дворянство Херусковъ (*amissis per interna bella nobilibus*), народъ отправилъ пословъ въ Римъ за Италикомъ, послѣднюю отраслю царственнаго рода. *Tacit. Ann. XI. 16*. У Батавовъ насъ поражаетъ тоже явленіе. Въ источни-

нах нѣтъ ни одного намека на существованіе у нихъ царей; тѣмъ не менѣе Тацитъ, которому такъ хорошо были извѣстны происходившія въ Германіи событія, говоритъ по поводу батавскаго возстанія, что *Julius Paulus et Claudius Civilis, regia stirpe, multo ceteros anteibant*. Hist. IV. 13. Объяснить это странное противорѣчіе можно только не опредѣленною терминологіею римскихъ писателей, не отличавшихъ настоящихъ царей, которымъ повиновались цѣлые народы (напр. Геты), отъ областныхъ князей или старшинъ, т. е. *principes*. Доказательства, приводимыя Зибелемъ, не допускаютъ никакого сомнѣнія ¹⁾. Вотъ почему слово *гех* такъ часто встрѣчается и такъ мало имѣетъ значенія подъ перомъ писателей IV-го и V вѣка. Въ войскѣ Теодориха Великаго было такъ много куниговъ (*gegēs*), по словамъ Эвродія, что число ихъ равнялось почти числу простыхъ воиновъ ²⁾. По занятіи германскими племенами римскихъ провинцій являются начала настоящей монархіи, и слово *гех* получаетъ важность, какою оно до-тогда на имѣло.

Мы сказали выше, что *Adal* или *Adel* первоначально значило родъ, *genus*, *progenia*. См. Grimm, R. A. 265. Аделингъ или эделингъ значить собственно родичъ, членъ рода. Тоже самое можно сказать и о германскомъ имени царя. Англо-саксонское *суп* = родъ, *genus*; отсюда прилагательное *супе*, *genegosus* и существительное *супинг*, *гех*. На древнемъ верхне-германскомъ языкѣ *супинс* происходитъ отъ *супи*, родъ. Кунингъ и адалингъ суть по преимуществу родичи, представители рода, наиболее близкіе къ родоначальнику. Изъ этихъ семействъ состоитъ древне-германская аристократія; изъ ея родовъ избираются вожди цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ родовъ. Весьма любопытны въ этомъ отношеніи сохранившіяся генеалогіи англо-саксонскихъ государей. Онѣ всѣ восходятъ до Водана. Даже во времена христіанства англо-саксонскіе короли дорожили этими свидѣтельствами своего происхожденія отъ языческаго божества, которому поклонялись ихъ предки.

Исслѣдованія о родовомъ бытѣ и его вліяніе на дальнѣйшее развитіе германскаго государства еще далеко не замкнуты. Мы указали здѣсь только на главные изъ выработанныхъ уже результатовъ и на важнѣйшіе вопросы. Много любопытныхъ частныхъ оставлено нами

¹⁾ Sybel, 96—116.

²⁾ Michelet, Hist. de France. I. 198.

въ сторонѣ, потому что онѣ заслуживаютъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Сюда принадлежитъ система взаимнаго ручательства (*Gesamtbürgschaft*), въ которой есть очевидные слѣды родоваго быта и значеніе позднѣйшихъ, искусственныхъ родовъ (напр. дитмарсенскихъ), являющихся въ германской исторіи. Сближеніе германскаго родоваго быта съ тѣмъ же порядкомъ у Славянъ и Кельтовъ можетъ привести къ самымъ плодотворнымъ для науки выводамъ. Но для такого изслѣдованія не довольно однихъ историческихъ знаній. Здѣсь необходимо содѣйствіе филологів. Г. Буслаевъ, котораго прекрасные труды на этомъ поприщѣ уже принесли столько пользы, могъ бы значительно подвинуть вопросъ, насъ занимающій, простымъ собраніемъ и сличеніемъ словъ, относящихся къ родовому быту у главныхъ европейскихъ народовъ. Заслуга была бы великая и доставила бы совершившему ее полное право на глубокую признательность историковъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА

ОТЪ НАДПИСИ МАККАВІЕВЪ ДО ИЗЪЗАНІЯ ВРЕМЯ ¹⁾.

«Съ удивленіемъ и почтеніемъ смотрю я, говоритъ Ватсонъ, на народъ еврейскій, разстѣянный по земной поверхности; я вижу въ немъ звѣно, которое соединяетъ насъ съ колыбелью рода человѣческаго». Кромѣ этого уваженія, столь сильнаго для христіанина, гражданское и политическое значеніе шести милліоновъ отверженныхъ обществомъ людей, которые всегда составляли въ массѣ европейской людности нравственное пятно и настоящую касту паріевъ, очень достойно быть предметомъ соображеній философа и государственнаго человѣка. Многія другія обстоятельства призываютъ еще наше вниманіе къ этому народу въ минуту, когда мы принимаемся за перо: Россія, которая даетъ въ своихъ владѣніяхъ убѣжище цѣлой четверти еврейскаго населенія Европы, послѣ разныхъ опытовъ улучшить судьбу своихъ Жидовъ и сдѣлать ихъ полезными членами общества, оказала въ нынѣшнемъ году торжественное правосудіе ихъ долгому несчастію постановленіемъ, которое пребудетъ памятникомъ въ нашемъ законодательствѣ и состоитъ въ связи съ важными выгодами, государственными и частными. Многіе извѣстные писатели посвящали въ послѣднее время перья свои исторіи страданій и заблужденій Евреевъ; года три тому назадъ Парижская академія Надписей предлагала этотъ

¹⁾ Первая, по времени, изъ историческихъ статей Т. Н. Грановскаго. Она была напечатана въ Библіотекѣ для Чтенія за 1835 годъ. Мы предлагаемъ ее безъ всякихъ измѣненій.

самый предмет дѣятельности сопскаателей ея вѣнцовъ, и наконецъ, послѣ превосходнаго сочиненія Петра Бера (Beer) «Опытъ о Жидакъ, 1825», и трудовъ Мало и миссіонера Вольфа, изысканія двухъ весьма уважаемыхъ нами ученыхъ, гг. Капфлинга и Деппинга, пролили новый свѣтъ на вопросъ, который мы избрали заглавіемъ для этого разсужденія ¹⁾. Столько соединенныхъ поводовъ, изъ которыхъ каждый входитъ въ разрядъ фактовъ, любопытныхъ для наблюдателя современныхъ занятій въ области европейскаго ума, рѣшаютъ насъ представить здѣсь результатъ нашего чтенія.

Въ числу самыхъ благодѣтельныхъ слѣдствій возрастающаго просвѣщенія безспорно принадлежитъ практическое приложеніе къ отношеніямъ лицъ и народовъ началъ вѣротерпимости и истинной любви ближняго, составляющихъ отличительный характеръ христіанской религіи. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изглаживаются враждебные предразсудки сектъ и вѣрованій; часть отъ часу становится тѣснѣе союзъ между членами огромнаго семейства, которое называютъ человѣчествомъ. Удивительная перемѣна, которая въ послѣдніе годы совершилась въ состояніи европейскихъ Евреевъ, служить самымъ очевиднымъ примѣромъ этого обличенія. Очень недавно сыны Израиля были среди нашей образованности несчастіе японскихъ кожевниковъ. Разсѣянные по всѣмъ краямъ, безъ отечества, безъ политическаго быта, они не находили у другихъ народовъ ни безопаснаго пріюта, ни сочувствія къ своимъ страданіямъ. Церковь громила ихъ своими проклятіями; народъ ихъ ненавидѣлъ, правительства презирали ихъ и грабили; даже ученые, которые занимались ихъ исторіею, раздѣляли общее предубѣжденіе и, казалось, искали въ лѣтописяхъ этихъ несчастныхъ изгнанниковъ только новыхъ причинъ ненависти и новыхъ поводовъ къ обвиненію. Вольфъ (старшій), Бартоллоцци Банжъ, люди исполненной учености, собрали всѣ факты, исследовали всѣ отдѣльныя явленія жизни Евреевъ, но значеніе этой жизни въ общемъ бытіи человѣчества не обратило на себя ихъ вниманія. Они безъ должнаго сочувствія изучали чудную исторію народа, который, утративъ всѣ условія отдѣльной народности, неизмѣнно пронесть черезъ длинный рядъ вѣковъ и переворотовъ, свои религіозныя вѣрованія,

¹⁾ Histoire philosophique des Juifs, depuis la décadence des Machabbes jusqu'à nos jours. par M. Capellague, 1833. — Des Juifs dans le moyen-Âge; essai sur leur état commercial, civil et littéraire, par R. B. Depping, 1834.

свой первобытный характеръ, свои преданія о мишувшемъ и надежды на будущее. Наконецъ, къ славъ и пользѣ христiанской Европы, обстоятельства измѣнились. Два тысячелѣтiя тяжкихъ страданiй и бѣдствiй изгладили кровавую черту, отдѣлявшую Евреевъ отъ челоуѣчества. Честь этого примиренiя, которое день ото дня становится прочтѣе, принадлежитъ нашему вѣку. Нынче, въ болѣе части европейскихъ государствъ, гражданское состоянiе Евреевъ обезпечено, и въ самыхъ запоздалыхъ положенiе ихъ улучшено, если не законами, то просвѣщенiемъ.

Мiры, принятыя разными правительствами въ пользу Евреевъ, составляютъ предметъ краткаго очерка въ концѣ статьи. Займемся прежде исторiей этого народа. Здѣсь мы послѣдуемъ преимущественно за гг. Капонгомъ и Дешпингомъ, стараясь также познакомить читателей и съ содержанiемъ ихъ сочиненiй, столько же примѣчательныхъ своей эрудицiей, сколько любопытныхъ. Книга г. Дешпинга посвящена въ особенности изысканiямъ положенiя Евреевъ въ Среднiе вѣка. Рама г. Капонга гораздо обширнѣе: онъ предпринялъ описать судьбы народа Израилева съ того времени, когда римскiе орлы впервые явились въ покоренной Палестинѣ, до XIX столѣтiя. Этотъ важный и превосходно начатый трудъ еще не оконченъ: мы имѣемъ только первый томъ, въ которомъ событiя доведены до царствованiя Юстинiанова.

Владычество Грековъ въ Сирiи и влiянiе Селевкидовъ на Палестину совершенно преобразовали наружный видъ «народа Божiя». Придерживаясь еще библейскихъ ученiй, Евреи уже заключали свою національность въ одной только вѣрѣ. Языкъ пророковъ оставался въ книгахъ Св. Писанiя и былъ забытъ народомъ. Чернь говорила болѣею частiю по-сирiйски, а высшiе классы употребляли греческiй языкъ и подражали обычаямъ азиатскихъ Грековъ. Даже имена израильскихъ государей заимствовались изъ языка Гомера и Платона, котораго философiя подкапывала Слово Божiе и смѣшивалась съ догматами вѣры Авраама. Еврейскiе ученые писали по-гречески. Къ этимъ именамъ разрушенiя народнаго быта скоро присоединились нравы развращенныхъ владыкъ мiра, которые изъ Италiи безпрестанно бросали массы своихъ войскъ въ Азiю.

Начало влiянiя Рима на Иудею современно упадку могущества дома Маккавеевъ. По смерти Александра Iанея, сыновья его, Гирканъ и

Аристовулъ, представители или, лучше сказать, орудія двухъ враждебныхъ сектъ, Фарисеевъ и Саддукеевъ, растерзали свое несчастное отечество кровавыми распрями за престолъ, и наконецъ, послѣ долгой борьбы, рѣшились предоставить участь свою волѣ Помпея, который въ то время воевалъ въ Азіи съ Митридатомъ. Буйство Аристовула было причиною паденія этого дома и поводомъ къ порабощенію Палестины. Римскіе легіоны овладѣли Іерусалимомъ; Іудея сохранила наружную независимость, верховная власть отдана была Гиркану съ титуломъ главнаго жертвоприносителя, но дѣйствительное правленіе перешло въ руки сирійскихъ проконсуловъ. Среди этихъ переворотовъ возвысился иноземецъ, Грекъ, принявшій или исповѣдовавшій еврейскую вѣру, которому суждено было сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи царей іудейскихъ: Литипатеръ — такъ назывался этотъ иностранецъ, — умѣлъ пріобрѣсти довѣренность безпечнаго Гиркана и покровительство Рима. Сынъ его Иродъ сдѣлалъ еще болѣе: когда Антигонъ, сынъ умершаго въ изгнаніи Аристовула, съ толпами Пареевъ явился подъ стѣнами Іерусалима, и Гирканъ, позорно изувѣченный жестокимъ побѣдителемъ, сошелъ со сцены, Иродъ успѣшилъ воспользоваться обстоятельствами, отправился въ Италію, прибѣгнувъ къ покровительству Антонія и скоро возвратился въ Палестину въ вѣнцѣ Давида и Саломона. Іерусалимъ былъ опять взятъ Римлянами послѣ кроваваго приступа; бѣжавшій Антигонъ былъ распятъ въ Антиохіи — неслыханный примѣръ поношенія царскаго сана, потому что этотъ родъ казни присвоенъ былъ только невольникамъ, — и единственною отраслю фамиліи Маккавеевъ осталась Маріамна, супруга новаго царя іудейскаго и истребителя ея дома.

Битва при Акціумѣ измѣнила судьбы древняго міра. Иродъ, во время борьбы державшій сторону Антонія, явился въ Родось, сложилъ съ себя предъ побѣдителемъ порфиру и скипетръ, и былъ осыпанъ его милостями. Признательность царя іерусалимскаго не имѣла предѣловъ. Несмотря на законъ Израилевъ, воспрещавшій народныя игры, врѣлища и поклоненія другимъ богамъ кромѣ Іеговы, Иродъ посвятилъ Августу цирки и храмы, учредилъ въ честь его игры и заставилъ народъ свой присутствовать на нихъ. Не довольствуясь этими доказательствами лести, онъ строилъ цѣлые города и называлъ ихъ именемъ своего могущественнаго благодѣтеля. Такъ, на развалинахъ древней Самаріи возникла юная Севастія (греческій переводъ слова

«Августа»), и на берегах Финикии явилась великолѣпная Кесарія. Сокровища, сокрытыя въ гробницахъ Давида и Саломона, пошли на украшенія капищъ языческихъ боговъ, и драгоценныя одежды, въ которыхъ почивали древніе цари іудейскіе, были распроданы для блистательнаго возстановленія Олимпійскихъ игръ, давно уже утратившихъ прежнюю знаменитость. Благодарные Греки назвали Ирода покровителемъ этихъ игръ.

Во время долгаго владычества монарховъ ассирійскихъ, между Евреями возникли двѣ враждебныя между собою секты, которыхъ раздоры вспыхивали при всѣхъ важныхъ событіяхъ и переворотахъ Іудеи въ эпоху ея политической независимости. Фарисеи, еврейскіе патріоты, могущественные числомъ и вліяніемъ на чернь, которая съ благоговѣйнымъ изумленіемъ смотрѣла на ихъ строгость въ соблюденіи обрядовъ, предписанныхъ закономъ, вѣрили въ будущую жизнь, допускали, кромѣ книгъ Моисеевыхъ, изустныя преданія или законы, сообщенныя, по ихъ мнѣнію, пророкомъ-законодателемъ словесно вождемъ народа. Они составляли настоящую національную партію и подъ религіознымъ фанатизмомъ таили честолюбивые замыслы; цѣлію ихъ было установленіе еократическаго образа правленія. Высшіе классы народа принадлежали, напротивъ, къ сектѣ Саддукеевъ, которыхъ можно угодить словесію французскихъ философовъ прошедшаго столѣтія: они отвергали безсмертіе души, принимали только пять книгъ Моисеевыхъ и считали толкованія «учителей Закона» и изустныя преданія выдумкою Фарисеевъ; когда храмъ іерусалимскій находился во власти Ассиріянъ, священники саддукейской секты вѣнчали голову свою цвѣтами, подобно жрецамъ Венеры ассирійской, и приносили запрещенныя жертвы передъ Скиніей Завѣта. Распри этихъ двухъ сектъ приняли скоро политическій характеръ: возведеніе на престолъ фамиліи Маккавеевъ было торжествомъ Фарисеевъ надъ Саддукеями, племена священниковъ надъ племенемъ царей, восторженной тайны надъ вольнодумствомъ и философіею. Маккавеи пали, и власть опять перешла къ партіи вольнодумцевъ и нововводителей, къ которымъ принадлежалъ самъ Иродъ. Новый царь, покровительствуемый всемогуществомъ Рима, сѣлъ на престолъ своихъ государей, облитый ихъ кровью, но вражда двухъ партій не угасала: она воплотилась въ лицѣ самого Ирода и супруги его Маріамны, преемницы правъ угашенной династіи, строгой наблюдательницы закона предковъ, равно не-

навидѣвшей въ Иродѣ и ревниваго старика, и губителя родныхъ, и раболовнаго угодника языческихъ божествъ. Зная непріязненное расположение своихъ подданныхъ, Иродъ старался сблизиться съ ними — и храмъ Іеговы въ дивномъ великолѣпіи возникъ изъ развалинъ. Но время примиренія уже прошло безвозвратно. Терзаемый подозрѣніями и страхомъ, онъ предѣлъ смерти Маріамну; двое сыновей, прижитыхъ съ нею, нѣли ту же участь. Еврейскіе историки съ горестію повѣствуютъ о кровавомъ правленіи «вѣнценоснаго преступника», и христіанская церковь сохранила память избіеніи младенцевъ, въ числѣ которыхъ долженъ былъ находиться Мессія, возвыщенный волхвами. Въ послѣдніе дни своей жизни, онъ принялъ намѣреніе, которому подобнаго нельзя найти въ исторіи самыхъ безумныхъ тирановъ: онъ приказалъ собрать на ипподромѣ всѣхъ Іудеевъ знатнаго происхожденія и умертвить ихъ въ часъ своей кончины, для того, чтобы возбудить непритворную скорбь въ Израилѣ и сдѣлать этотъ день днемъ плача для народа. Сестра его, которой вѣрено было исполненіе этого приказанія, не осмѣлилась повиноваться ему. Нельзя не вспомнить грубыхъ, но выразительныхъ словъ одного нѣмецкаго историка, который говоритъ что Иродъ достигъ могущества какъ лисица, царствовалъ какъ тигръ, и умеръ какъ бѣшеная собака.

Августъ раздѣлилъ владѣнія Ирода въ Сиріи и Палестинѣ на три епархіи и отдалъ ихъ сыновьямъ Ирода. Архелай, которому досталась собственная Іудея, напомнилъ народу злодѣйства отца, былъ позванъ на судъ римскаго императора, признанъ виновнымъ и сосланъ въ заточеніе въ Галлію. Отдѣльное существованіе Іудеи кончилось: она сдѣлалась римскою провинціею. Исторія еще упоминаетъ о нѣкоторыхъ царяхъ іудейскихъ, мнимыхъ потомкахъ Маккавеевъ или Ирода, но эти цари были просто намѣстниками императоровъ и болѣею частію жили въ Римѣ.

Евреи впервые явились въ Европѣ около ста лѣтъ до Р. Х., въ то время, когда Помпей овладѣлъ ихъ отечествомъ. Множество іудейскихъ плѣнниковъ, осужденныхъ на рабство, было распродано на рынкахъ Италіи. Въ царствованіе Августа число выходцевъ изъ Іудеи чрезвычайно увеличилось: въ одномъ Римѣ ихъ было до двадцати тысячъ человекъ; они занимали особую часть города, за Тибромъ. Любопытно сличить баснословныя преданія раввиновъ съ показаніями римскихъ историковъ. Раввины приписываютъ самое основаніе

Рима какому-то Жиду, Цезю, и очень важно увѣряють, что Ромулъ, одинъ изъ его преемниковъ, велъ кровопролитныя войны съ Давидомъ и угощалъ при дворѣ своимъ бѣглыхъ вельможъ царя Соломона. Въ нѣмецкихъ городахъ Ворисъ и Ульмъ, Жиды хвастають тѣмъ, что здѣсь были ихъ синагоги еще при Августѣ.

Достовѣрно, что прежде всего Іудеи явились въ Италію, и что уже оттуда разсѣялись по остальной Европѣ. Евреи знали, кажется, искусство быть ненавистными всѣмъ народамъ, и во время своей незасимости, и послѣ паденія своего отечества. Нельзя не замѣтить глубокаго отвращенія, съ какимъ говорятъ объ нихъ римскіе писатели. Ихъ вѣрованія, обряды и народный характеръ составляютъ предметъ самыхъ жестокихъ насмѣшекъ, самыхъ ядовитыхъ намековъ. Одна изъ причинъ очевидна. Въ то время, когда римскій Пантеонъ былъ гостепріимно открытъ для боговъ всѣхъ подвластныхъ народовъ, когда политика завоевателей старалась соединить въ одну обширную систему полнотензма всѣ отдѣльныя религіи языческаго міра и положить въ основаніе государственнаго единства единство религіи, Іудеи одни упорно уклонялись отъ такого сближенія и по прежнему молились только Іеговѣ; даже утративъ самобытность своего отечества, они твердо стояли за самобытность своихъ вѣрованій. Строго соблюдая свой законъ, они не присутствовали на народныхъ играхъ, которыя имѣли такое важное вліяніе на общественность древнихъ; они избѣгали всякихъ сношеній съ иновѣрцами и платили ненавистью за презрѣніе.

Но сверхъ-того, и занятія ихъ были такого рода, что не давали имъ большаго права на уваженіе. Они издревле промышляли за границею своего отечества мелочною торговлею и гаданіемъ, и тѣмъ же ремесломъ занимались преимущественно въ столицѣ тогдашняго міра. Ворожба впрочемъ доставляла имъ таинственное и мрачное вліяніе на суевѣрныхъ жителей Рима, которые, при всемъ своемъ отвращеніи къ Евреямъ, приходили къ нимъ съ глубокою вѣрою въ ихъ знаніе будущаго, и въ награду за удачныя отвѣты становились ихъ покровителями. Главною причиною терпимости, которою Іудеи пользовались въ этомъ городѣ, была огромная подать, платимая императорамъ.

Въ царствованіе кровожаднаго безумца, Калигулы, александрійскіе Евреи прислали депутатовъ просить его о сохраненіи приви-

ществъ, дарованныхъ Августомъ и нарушенныхъ суевѣрною чернью. Филонъ, старшій изъ депутатовъ, оставилъ намъ чрезвычайно занимательное сочиненіе о пребываніи своемъ въ Римѣ.

«Мы прибыли, говорить онъ, въ Римъ съ надеждою найти во влстителя міра судью справедливаго и неподкупнаго. Калигула принялъ насъ при выходѣ изъ плѣнительныхъ садовъ Агриппины, тамъ, гдѣ Тибръ катитъ величественныя волны. Лице его было весело, и глаза, исполненные кротости, служили для насъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Когда мы объяснили ему цѣль нашего путешествія, онъ знакомъ руки показалъ, что будетъ къ намъ благосклоненъ; и вскорѣ Гемъ, одинъ изъ любимыхъ его отпущенниковъ, пришелъ сказать намъ, что императоръ приметъ насъ во дворцѣ. Тогда каждый изъ братій нашихъ возрадовался; но опытность, которую приобрѣлъ я въ дѣлахъ міра, заставила меня сомнѣваться въ томъ, что радовало другихъ. Изъ всѣхъ пословъ, бывшихъ тогда въ Римѣ, намъ однимъ даровалъ императоръ аудіенцію во дворцѣ, и мнѣ казалось, что Евреи не могутъ сдѣлаться предметомъ особеннаго благоволенія римскаго владыки; что намъ должно считать за счастье и то, если съ нами будутъ обходиться такъ, какъ съ другими послами. Въ самомъ дѣлѣ, мы узнали, что императоръ отправился въ Путеоль, великолѣпный дворецъ, который близость богатаго рыбою моря дѣлаетъ любимымъ жилищемъ цезарей. Наслаждаясь удовольствіями стола, Калигула вовсе не думалъ о нашихъ жалобахъ. Когда мы прохаживались подъ лимонными деревьями, которыя окружаютъ дворецъ, одинъ изъ нашихъ братій подошелъ къ намъ съ смущеннымъ лицомъ. «Іерусалимъ! Іерусалимъ!» вскричалъ онъ, «твой храмъ, святыня святыхъ, будетъ поруганъ! Братья, императоръ приказалъ поставить свою статую въ святилищѣ Іеговы, подъ именемъ Юпитера Статора». Горесть сдѣлала насъ безмолвными, и мы ушли домой. Наконецъ, нѣсколько молодыхъ людей, въ упоеніи сладострастія, увѣнчанные цвѣтами, пришли насмѣшливо возвѣстить намъ, что императоръ готовъ выслушать наши жалобы. Мы явились во дворецъ: двери были всѣ отворены, потому что Калигула объявилъ своимъ отпущенникамъ желаніе гулять въ садахъ Мецената и Ламіи. Увидѣвъ его, мы пали лицомъ къ землѣ и привѣтствовали его именами Августа и императора. «Не вы ли», сказалъ онъ съ горькою улыбкою, «тѣ враги боговъ, которые не хотятъ мнѣ воздавать жертвенниковъ и предпочитаютъ

мнѣ неизвѣстное божество?» Тогда молодые отпущенники, изъ лести, стали величать его названіями всѣхъ боговъ Олимпа. «Ты Ваххъ, насадившій виноградъ; ты Иракль, символъ могущества; ты Марсъ, отецъ ужасныхъ битвъ; ты Зевсъ, владыка Олимпа». Слыша эти слова, императоръ пріятно усмѣхнулся.

«Одинъ отпущенникъ, родомъ Египтянинъ, по имени Изидоръ, исполненный жесточайшей ненависти къ народу нашему, вскричалъ: «Ты еще болѣе разгнѣвался бы на этихъ людей, цезарь, если бы ты зналъ ихъ презрѣніе къ твоей власти. Изъ всѣхъ народовъ они одни не хотятъ приносить въ честь тебѣ жертвъ и проливать на алтари своего Бога кровь посвященныхъ телицъ и дикаго быка». — Это клевета, отвѣчали мы твердымъ, но почтительнымъ голосомъ: мы приносимъ жертвы за благоденствіе твое, властитель міра. Трижды, со дня восшествія твоего на престолъ, струилась кровь на помостъ храма въ честь тебѣ. Правда, что мы не вкушаемъ отъ посвященныхъ мясъ, мы предаемъ ихъ огню; но жертва тѣмъ совершеннѣе и пріятнѣе вѣчному Богу. — «Вѣчному Богу? вскричалъ онъ, а развѣ я не божество? Чтò мнѣ до жертвъ, которыя вы приносите другому? Какая мнѣ честь отъ нихъ?» При этихъ словахъ кровь застыла въ жилахъ нашихъ; мы собирали силы для отвѣта, но цезарь вдругъ оставилъ насъ и пошелъ по богатымъ переходамъ своихъ чертоговъ, гдѣ золото, слоновая кость и мраморъ сіяли самымъ яркимъ блескомъ. Мы шли за нимъ среди насмѣшекъ всѣхъ отпущенниковъ, которые, желая угодить императору, оскорбляли насъ всякими средствами, какъ шуты на театрѣ. Мы молчали, потому что молчаніе иногда лучшій отвѣтъ. Императоръ, быстро повернувшись къ намъ, спросилъ меня, какъ старшаго изъ депутатовъ, почему мы воздерживаемся отъ мяса свиньи, и при этомъ вопросѣ неумѣренно расхохотался, какъ-будто пьяный. Мы отвѣчали, что таковъ былъ обычай нашихъ предковъ, и что у каждаго народа есть свои нравы и законы, достойные уваженія. Отпущенникъ въ женоподобной одеждѣ прибавилъ, что мы также не ѣдимъ ягнятъ. «Они хорошо дѣлаютъ», сказалъ Каллигула, «это дрянное мясо; я самъ не люблю ягнатины». Потомъ онъ кроткимъ голосомъ спросилъ у насъ, какъ-будто не зная причины нашего посольства, какой предметъ нашихъ желаній и жалобъ, и когда мы сказали и повторили, что просимъ древняго права гражданства для еврейскаго народа въ Александріи, онъ побѣждалъ по комнатамъ; лишь-только мы настигали его,

онъ уходилъ снова; наконецъ, видя, что мы изнемогаемъ отъ усталости, онъ удалился въ тайныя отдѣленія дворца, сказавъ своимъ отпущенникамъ: «Эти люди болѣе несчастны нежели виновны, что не вѣруютъ въ божественность моей природы».

Кровавая смерть Калигулы остановила исполненіе его безумныхъ намѣреній. Опасенія Евреевъ разсѣялись, но положеніе ихъ не улучшилось при новомъ императорѣ. Со временъ Клавдія начинается для нихъ новый, столѣтній періодъ самага бѣдственнаго и унижительнаго рабства. Презрѣніе, котораго они прежде были предметомъ, перешло въ рѣшительную вражду; насмѣшки превратились въ гоненія. Перемѣна эта произошла отъ двухъ главныхъ причинъ — отъ заблужденія язычниковъ, которые смѣшивали Евреевъ съ христіянами, и отъ изступленнаго фанатизма самихъ Евреевъ, которые требовали отъ своихъ побѣдителей не одной терпимости, но еще уваженія къ своимъ обрядамъ, и безпрестанными возмущеніями заставляли императоровъ прибѣгать къ мѣрамъ жестокости.

Первые христіане называли божественное ученіе Спасителя только очищеніемъ Вѣтхаго Закона, почти не вводили новыхъ обрядовъ, соблюдали день субботній и праздновали пасху въ одно время съ Евреями. Первые христіане отличались отъ Евреевъ однимъ поклоненіемъ Мессіи; они подвергались даже обрѣзанію, равнымъ образомъ убѣгали языческихъ празднествъ, не носили жертвъ на алтари боговъ римскихъ. На глаза язычниковъ, между Синагогою и Церковью не было никакого различія. Это обстоятельство вѣрно не имѣло бы вліянія на судьбу Іудеевъ, еслибы христіанская религія при самомъ началѣ не обратила на себя подозрительнаго вниманія римскаго правительства. Одною изъ причинъ терпимости, которою Жиды пользовались въ Римѣ, было то отрицательное положеніе, въ которое они поставили себя относительно религіи побѣдителей; довольствуясь строгимъ соблюденіемъ своего зкона, они не заботились о доставленіи ему новыхъ приверженцевъ. Обращеніе иноувѣрца вовсе не возбуждало радости въ членахъ синагоги, которые съ чуднымъ эгоизмомъ старались, напротивъ, ограничивать число призванныхъ къ наслѣдованію благъ, обѣщанныхъ народу Израилеву. Совсѣмъ другое предназначеніе было опредѣлено Всемогушамъ церкви христіанской: каждый день ея былъ ознаменованъ новыми завоеваніями и побѣдами надъ язычествомъ. Небесный глаголъ Спасителя нашелъ скоро поклонниковъ въ самомъ

дворцѣ цезарей. При Клавдіи успѣхи церкви сдѣлались такъ явны, что императоръ изгналъ изъ Рима Жидовъ «за безпорядки, производимые ими по наущенію христіанъ». Не видя внѣшняго различія между ученіемъ Богочеловѣка и законами Моисея, римское правительство было изумлено новымъ характеромъ прозелитизма, который такъ неожиданно приняли послѣдователи Ветхаго Заветъ. Не прежде какъ въ половинѣ втораго столѣтія римскіе судьи стали отличать проповѣдниковъ Новаго Слова, открыто грозившихъ богамъ Капитолія, отъ Евреевъ, которые просили только терпимости для своихъ обрядовъ.

Это открытіе, избавивъ Жидовъ отъ обвиненій въ содѣйствіи дѣлу, котораго успѣхъ былъ для нихъ болѣе ненавистенъ, чѣмъ для самихъ язычниковъ, не принесло впрочемъ имъ большой пользы: оно не ослабило строгости римскихъ императоровъ, раздраженныхъ частыми возмущеніями въ Іерусалимѣ и Александріи. Первое и самое гибельное для Евреевъ возстаніе произошло при Неронѣ, во время губернаторства надъ Іудеею Гессія Флора, достойнаго исполнителя повелѣній этого тирана. Выведенные изъ терпѣнія рядомъ несправедливостей, оскорбленій и злодѣйствъ, поджигаемые изступленными совѣтами фарисеевъ, ненавидѣвшихъ могущество Рима, жители Іерусалима изгнали Флора и съ дивною, хотя безумною, отвагою рѣшились сбросить съ себя иго «жестокаго царства эдомскаго». Покушенія сирійскаго правителя усмирить мятежъ были неудачны; вѣсть о всеобщемъ возстаніи Палестины встревожила Нерона до того, что онъ самъ хотѣлъ принять начальство надъ войсками, которыя отправлялись противъ Евреевъ. Но эта рѣшимость скоро оставила его; онъ не могъ оторваться отъ привычныхъ забавъ и поручилъ Веспасіану наказать непокорныхъ.

Іосифъ, очевидецъ и дѣятельный участникъ въ событіяхъ этой отчаянной войны, оставилъ ея описаніе. Веспасіанъ сдѣлалъ свое дѣло только въ половину: призываемый голосомъ войска на престолъ цезарей, онъ поручилъ своему сыну Титу довершить покореніе Іудеи и отправился въ Римъ. Въ 71 году по Р. Х. Іерусалимъ палъ, облитый кровью своихъ защитниковъ; храмъ Саломоновъ былъ преданъ пламени и уже не возникалъ болѣе изъ пепла. Милліонъ сто тысячъ Евреевъ погибло въ битвахъ, девяносто семь тысячъ распроданы въ рабство, остальные разсѣялись по всѣмъ краямъ земли. Одни поселились въ римской имперіи, другіе удалились на Востокъ, особливо въ Персію,

гдѣ еще со временъ плѣненія вавилонскаго оставалось много ихъ соотечественниковъ. Нѣкоторые проникли въ Китай и основали тамъ въ Ка-ниъ-фу колонію, которая существуетъ до сихъ поръ. Всѣ эти изгнанники твердо увѣрены, что рано или поздно настанетъ день, когда разсѣянные сыны Израиля соединятся въ одинъ народъ и снова войдутъ въ землю предковъ.

Чудесное мужество, съ которымъ Іудеи отстаивали независимость своихъ вѣрованій и политическаго быта, не доставило имъ ни уваженія, ни даже состраданія языческой черни. Паденіе священнаго города было гибельно не для однихъ Евреевъ палестинскихъ; оно имѣло непріязненное вліяніе на участь ихъ соотечественниковъ въ разныхъ областяхъ римской имперіи. Мѣры правительства сдѣлались строже: Титъ приказалъ взимать съ нихъ дидрахмѣй въ пользу Юпитера капитолийскаго, обложилъ ихъ постыдною податью наравнѣ съ развратными женщинами, и надзоръ за ними былъ ввѣренъ тому же претору, который имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ питейные дома и тибрскихъ лодочниковъ, самую презрительную часть римскаго населенія. При Домиціанѣ строгость усилилась; для облегченія сбора податей, Жидовъ подвергали публично отвратительному осмотру: знакъ обрѣзанія служилъ неопровержимому уликомъ противъ тѣхъ, которые втайнѣ исповѣдывали вѣру отцовъ и уклонялись отъ платежа. Нерва смягчилъ нѣсколько эти безчеловѣчныя постановленія, но его благодѣтельность встрѣтила сопротивленіе въ народѣ. Въ особенности сильно было противодѣйствіе жителей Египта и Малой Азіи: въ Александріи и въ Антиохіи Жиды подвергались ежедневнымъ оскорбленіямъ. Самая жизнь ихъ была часто въ опасности, тѣмъ болѣе, что виновники почти всегда были увѣрены въ безнаказанности. Это тягостное положеніе, эти обиды черни и жестокое равнодушіе римскихъ проконсуловъ не могли измѣнить наклонностей Евреевъ, и напротивъ, поддерживали въ нихъ духъ матажа и вражды къ властителямъ. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ взятія Іерусалима Титомъ, три новыя возмущенія вспыхнули одно за другимъ, въ ливійскомъ городѣ Киренѣ, въ Месопотаміи и на островѣ Кипрѣ. Последнее сопровождалось ужаснѣйшими обстоятельствами: Евреи, подъ начальствомъ одного изувѣра, по имени Андрея, умертвили около двухсотъ сорока тысячъ Грековъ и Римлянъ. Въ ожесточеніи своемъ, они ѣли мясо несчастныхъ, которые попадались имъ въ руки, сдирали съ нихъ кожу и дѣлали изъ нея себѣ одежду. Укротивъ ихъ,

Адрианъ подъ смертною казнію запретилъ Жидамъ посѣщать островъ Кипръ; даже выброшенные на берегъ бурю немедленно лишались жизни. Но эти остальные мятежи были ничтожны въ сравненіи съ общи́мъ возстаніемъ Евреевъ при ложномъ Мессіи Баръ-Хохебъ.

Преданія раввиновъ содержатъ въ себѣ много чудесъ и басенъ объ этомъ обманщикѣ. Они утверждаютъ, что онъ родился отъ небывалаго царя іудейскаго Козибы, носилъ прежде имя своего отца, но при началѣ поприща назвался Баръ-Хохебоу, или «Сыномъ планеты». Предтечею его были старый Акиба, котораго рѣшенія до сихъ поръ благоговѣнно чтить синагога, «потому что Богъ открылъ ему сокрытое отъ Моисея». Несмотря на свою глубокую старость — ему было около ста лѣтъ, — Акиба съ двадцатью четырьмя тысячами учениковъ явился въ станъ самозванца и былъ назначенъ начальникомъ всей конницы. Въ Талмудѣ сказано, что войска Баръ-Хохебы простирались до двухсотъ тысячъ человѣкъ; онъ избралъ мѣстомъ пребыванія крѣпкій городъ Виееръ, или Беторонъ, гдѣ былъ помазанъ на царство. Кроваво-пролитныя неудачи римскихъ полководцевъ вызвали въ Палестину самого Адриана; Беторонъ былъ осажденъ, Баръ-Хохеба погибъ во второй мѣсяцъ осады, и съ нимъ исчезли надежды мятежниковъ. Акиба, главный помощникъ лжемесіи былъ, по словамъ Мишны, разодранъ желѣзнымъ гребнемъ; другіе «учители Закона» сожжены были вмѣстѣ съ ихъ книгами, и болѣе полумилліона Іудеевъ заплатили жизнью за роковое заблужденіе. Воспоминаніе объ этомъ бѣдствіи сохранилось въ синагогахъ: она до сихъ поръ призываетъ въ молитвахъ мщеніе Іеговы на голову Адіана и оплакиваетъ участь собратьевъ, падшихъ жертвою его жестокости.

Еще до этой войны, Адрианъ населилъ Іерусалимъ греческими и сирійскими выходцами и назвалъ его Эліа-Капитолина. Въ стѣнахъ священнаго города, какъ будто для большаго уничтоженія побѣжденныхъ, воздвигнутъ былъ великолѣпный циркъ, гдѣ язычники отправляли свои торжества и предавались забавамъ. На воротахъ Эліи поставлено было изображеніе свиньи, и многочисленная стража наблюдала за тѣмъ, чтобы ни одинъ Еврей не могъ приблизиться къ городу. Цѣлю римскаго императора было совершенное уничтоженіе религіи Моисеевой; поэтому онъ запретилъ Іудеямъ возлагать на себя знакъ соединенія. Законъ этотъ, который впрочемъ имѣлъ силу уже при прежнихъ императорахъ, былъ отиѣменъ Антониномъ Кроткимъ: онъ-то

облегчилъ тяжелую участь народа Израилева; онъ — единственный государь, о которомъ съ похвалою отзываются баснословныя преданія синагоги. Раввины повѣствуютъ, что онъ самъ подвергался обрѣзанію, былъ другомъ іудейскаго патріарха, святаго Іуды (Іегуда Ганази), участвовалъ въ составленіи Мишны и въ глубинѣ души исповѣдывалъ Бога Авраама и Іакова.

Впрочемъ, достовѣрно, что, со временъ Антонина Бродкаго, въ состояніи Евреевъ, разсѣянныхъ по римской имперіи произошла самая благопріятная перемена. Явленія этого нельзя объяснить личнымъ характеромъ государей, занимавшихъ престолъ цезарей; причины болѣе общія дѣйствовали на законодательство императоровъ и міѣнія народа: онѣ заключались въ новомъ направленіи философіи.

Направленіе это обнаружилось во второй столѣтіи. Блестящее, но непрочное зданіе римскаго политезма клонилось къ паденію; прежнія вѣрованія отжили вѣкъ свой и не удовлетворяли болѣе потребностямъ общества, которое стояло выше ихъ по своей образованности. Съ другой стороны, надобно было противопоставить какой-нибудь оплотъ успѣхамъ христіанскаго ученія; однимъ словомъ, должно было создать новую религію; философія взялась совершить это. При самомъ началѣ своихъ очевидно бесплодныхъ усилій, она развѣтвилась на двѣ обширныя теоріи — эклектизмъ, который состоялъ въ томъ, чтобы изслѣдовать всѣ прежнія и современныя ученія и соединять благороднѣйшія и лучшія ихъ части въ одну стройную систему, и неоплатонизмъ, пытавшійся сочетать ученія Платона и Пифагора съ таинственными египетскими Востока. Обѣ эти теоріи вели къ одному результату — къ сближенію, примиренію долготѣ враждебныхъ вѣрованій, и обѣ были проникнуты равнымъ благоговѣніемъ къ религіознымъ системамъ Азіи. Законы Моисеевы, прежде почти неизвѣстныя языческому міру, сдѣлались предметомъ ревностныхъ изученій, и вошли въ число матеріаловъ, изъ которыхъ отважные мыслители предполагали воздвигнуть свой величественный чертогъ. Вѣра Іудеевъ не только перестала возбуждать отвращеніе и ненависть, но даже возвысила ихъ въ обществѣ міѣнія. Таинственныя ученія раввиновъ чудно согласовались съ стремленіемъ умовъ, съ жаднымъ любопытствомъ людей, которые изумлялись во мракѣ метафизическихъ отвлеченностей; самые обряды Евреевъ, нѣкогда источникъ насмѣшекъ надъ ними, приняли въ глазахъ политеиста, насмѣливавшаго своими богами, характеръ святости и

высокое символическое значеніе. Можно видѣть въ исторіи примѣры практическаго приложенія этихъ теорій: въ храмѣ, который Гелиогабалъ воздвигнулъ самъ себѣ, предполагалось сліяніе всѣхъ вѣрованій въ общее исповѣданіе Гелиогабала. Северъ Александръ каждый день приносилъ жертвы на алтаряхъ разныхъ боговъ. Въ то самое время, въ Греціи и Италіи множились храмы «неизвѣстному божеству», безъ живописныхъ изображеній и мраморныхъ статуй. Несмотря на заповѣдь Іеговы — не заимствовать у другихъ народовъ ни боговъ, ни религіозныхъ понятій, Евреи не устояли противъ общаго направленія и участвовали въ великомъ обмѣнѣ идей. Они познакомились съ философами и поэтами древней Греціи, и въ нѣдрахъ синагоги образовались секты терапевтовъ и эссеніянъ, которыхъ ученія чрезвычайно сходны съ ученіемъ Пифагора. Сверхъ того, Евреевъ соединяла съ язычниками общая ихъ ненависть къ религіи Спасителя. Изучая развитіе этого новаго вѣрованія, защитники политезма усмотрѣли, что, кромѣ философскихъ началъ, которыми они старались опровергнуть христіанство, имъ можно съ пользою прибѣгать къ историческимъ преданіямъ синагоги, опередившей ихъ враждою противъ церкви.

Эта вражда началась съ того времени, какъ Богочеловѣкъ началъ проповѣдывать Слово спасенія. Еще при земной жизни Ісуса Христа, оно уже было предметомъ опасеній и ненависти Фарисеевъ, какъ совершенно противное ихъ пользамъ и понятіямъ. Ожесточеніе, съ которымъ синагога преслѣдовала Учителя, обратилось и на учениковъ. Въ преданіяхъ христіанской церкви сохранились имена первыхъ мучениковъ, запечатлѣвшихъ кровью вѣрность свою святому дѣлу. Въ послѣдствіи, во время гоненій, поднятыхъ на христіанъ римскими императорами, Евреи были постоянно ихъ жестокими врагами, и языцкіе жрецы не разъ изъявляли Жидамъ признательность за усердіе. Эти долги и тяжкія обиды оставили и глубокіе слѣды въ сердцахъ христіанъ.

Одною изъ главныхъ причинъ непримиримой ненависти послѣдователей двухъ религій были ихъ пламенные пренія, продолжавшіяся до четвертаго столѣтія. Среди быстрыхъ завоеваній своихъ церковь приходила въ соприкосновеніе со всѣми вѣрованіями древнаго міра, побѣдно боролась со всѣми, но борьба ея съ синагогою носитъ на себѣ характеръ особенной силы.

Политеисты и христiане не имѣли общихъ преданiй единого Бога. Ихъ пренiя были просто философскiя, въ которыхъ истина выводилась по началамъ разума и нравственности; они не могли обвинять другъ друга въ отступленiи отъ закона отцевъ или въ непризнанiи божественнаго Откровенiя, дарованнаго послѣ этого закона. Совсѣмъ не таковы были отношенiя христiанъ и Евреевъ: они мѣнялись упреками, сражались доводами, почерпнутыми изъ общихъ книгъ и преданiй. Ихъ полемика не была философскою: спорили не о началахъ, но о фактахъ; это была междоусобная война, пламенная и непримиримая. Вотъ почему языческiе писатели влагаютъ самыя рѣзкiя, самыя ядовитыя свои возраженiя противъ христiанства въ уста Евреевъ.

Слѣдствiемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ была безопасность, можно сказать даже уваженiе, которымъ пользовались Жиды въ римской имперiи отъ Антонина до Константина Великаго. Первые законы этого монарха носятъ на себѣ отпечатокъ терпимости: они только ограждаютъ христiанъ отъ преслѣдованiй со стороны Евреевъ; но подъ конецъ царствованiя онъ запретилъ Жидамъ обрѣзывать своихъ рабовъ и заставилъ ихъ нести тягостныя обязанности декурiоновъ, отъ которыхъ они были избавлены Септимiемъ Северомъ. Вообще законодательство Константина и его сыновей имѣло цѣлю болѣе поощренiе новообращенныхъ разными гражданскими преимуществами, нежели стѣсненiе упорствующихъ въ невѣрiи. Царствованiе Юлиана Отступника доставило Евреямъ мгновенное торжество надъ противниками. Руководимый глубокою ненавистью къ ученiю Христову, онъ рѣшился соединить разсѣянный народъ Израилевъ и возстановить храмъ iерусалимскiй въ прежнемъ величiи въ улику христiянамъ. Въ первомъ пылу торжества, Евреи разрушили церкви въ нѣкоторыхъ городахъ Сирiи: Газа, Аскалонъ и Дамаскъ долго представляли слѣды ихъ опустошенiй. Вѣсть о возобновленiи храма Соломонова быстро разнеслась на востокъ и западъ, и изгнанники тысячами стекались къ священному городу. Но надеждамъ ихъ не суждено было исполниться: отцы церкви и языческiе писатели единогласно повѣствуютъ о чудесномъ явленiи, которое принудило оставить безплодныя усилiя; страшныя землетрасенiя и огненные шары, носившiеся въ воздухѣ, разрушали начатыя работы и истребили строителей. При преемникахъ Юлиана, особливо при императорахъ Феодосiева рода, состоянiе Евреевъ было довольно сносно. Имъ дозволено было свободное управленiе религiи;

Гонорій разрёшилъ имъ имѣть рабовъ христіанъ; запрещеніе вступать въ военную службу было для нихъ болѣе выгодно, нежели унижительно. Когда Готы овладѣли Италіею, они сохранили всѣ преимущества тамошнихъ Жидовъ.

Этотъ ходъ дѣлъ совершенно измѣнился при Юстиніанѣ. Его законодательство проникнуто духомъ непріязни и презрѣнія къ Евреямъ. Они лишились всѣхъ гражданскихъ преимуществъ; объявлены неспособными къ свидѣтельству противъ христіанъ; даже ихъ семейственные права были сгѣснены до того, что родителямъ запрещалось лишать наслѣдства дѣтей, измѣнившихъ своей религіи. Самыя выраженія закона, кажется, имѣютъ цѣлію унизить ихъ въ общемъ мнѣніи. Въ дѣлахъ вѣры имъ еще позволено было судиться собственнымъ судомъ, но эта уступка ничтожна въ сравненіи съ преимуществами, которыми они пользовались при прежнихъ императорахъ.

Послѣ взятія Титомъ Іерусалима, утративъ политическое единство, разбѣянные по Европѣ и Азіи, Евреи сохраняли долго родъ есократическаго правленія, снисходительно терпимаго правительствами. Западные Евреи повиновались патріарху тиверіадскому; восточные «Князю плѣнненія», который постоянно жилъ въ Вавилонѣ. Когда именно произошли эти званія, неизвѣстно. Патріархъ, Іуда святой, современникъ Антонина Кроткаго составилъ знаменитое собраніе законовъ и приговоровъ раввинскихъ, извѣстное подъ названіемъ Мишны; раввинъ Іоханамъ продолжалъ его и назвалъ свое дополненіе Гемаррою. Такимъ образомъ образовался Талмудъ іерусалимскій. Въ началѣ пятаго столѣтія явился Талмудъ вавилонскій: онъ состоитъ изъ Мишны патріарха Іуды и дополненій или Гемарры раввина Асція. Эти книги, наполненныя самыми страшными вымыслами восточнаго воображенія, самыми нелѣпыми баснями и толкованіями закона, пользуются благоговѣніемъ Евреевъ: ихъ ставятъ выше книгъ Моисеевыхъ. Патріархамъ тиверіадскимъ предоставлены были большія права; императоры давали имъ титулъ «знаменитыхъ», *illustris*; они разбирали дѣла своихъ соотечественниковъ и нерѣдко занимали должности при дворѣ. Санъ ихъ переходилъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, и былъ уничтоженъ въ 429 году. Около того же времени была ограничена власть Санхедрина или совѣта старшинъ іудейскихъ, котораго главою былъ патріархъ. Впрочемъ, вліяніе Санхедрина на дѣла единовѣрцевъ и права его были весьма важны до самаго царствованія Юстиніана.

Суровыя постановленія этого императора были началомъ и юридическимъ оправданіемъ жестокихъ преслѣдованій, которыхъ Жиды сдѣлались предметомъ. Въ Восточной имперіи участь ихъ становилась день ото дня нестерпимѣе. Въ Италіи строгая справедливость папы Григорія I и большей части его преемниковъ едва защищала ихъ отъ фанатизма черни и духовенства. Положеніе ихъ въ Испаніи было еще хуже: вестъ-готскіе короли отличались духомъ нетерпимости и насильственно заставляли Евреевъ принимать христіанскую вѣру. Одинъ Сивебуръ, по словамъ испанскихъ историковъ, обратилъ такимъ образомъ девяносто тысячъ людей. Благородное сопротивленіе святаго Изидора, епископа толедскаго, не послужило ни къ чему. Отнимая у Жидовъ всѣ права, гражданскіе законы вестъ-готскихъ королей, по странному противорѣчію, позволяли имъ торговать рабами христіанами; надобно замѣтить, что торгъ рабами составлялъ главную промышленность Жидовъ, пока они не нашли новаго средства добывать деньги посредствомъ отдачи ихъ въ ростъ. Въ 672 году, Вамба, по требованію толедскаго Собора, изгналъ изъ своихъ владѣній всѣхъ Жидовъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ своей религіи. Они перешли за Пиреней и возмущили противъ Вестъ-Готовъ Септиманію, но война эта кончилась несчастливо для нихъ. Вскорѣ они опять явились въ Испанію и сильно содѣйствовали успѣхамъ Мавровъ. Толедо, гдѣ ихъ наиболѣе угнетали, была предана ими Аравитянамъ; въ Вербное воскресенье они отворили ворота мусульманамъ и вѣстѣ съ ними перерѣзали всѣхъ христіанъ, которые въ то время были въ церковной процессіи.

При новыхъ обладателяхъ Пиренейскаго полуострова, Жиды отдохнули отъ прежнихъ страданій. Магометане презирали ихъ какъ и христіане, но это презрѣніе было холодно и рѣдко обнаруживалось въ преслѣдованіяхъ. Впрочемъ, халифы кордовскіе не упускали случаевъ поживиться на счетъ невѣрныхъ, какового бы рода они ни были: въ 723 году, обманщикъ, именемъ Захарій, явился въ Сирію и выдавалъ себя за Мессію; множество испанскихъ Жидовъ отправились къ нему, въ надеждѣ снова покорить землю отцевъ; мечтанія ихъ скоро разсѣялись; они возвратились въ Испанію, но халифъ не возвратилъ имъ оставленныхъ имуществъ.

Короли Меровинги и духовенство французское не ласковѣе Вестъ-Готовъ обходились съ изгнанниками. Отвращеніе, которое всѣ къ

нимъ питали, увеличилось еще болѣе, когда они занесли во Францію проказу: зараженныхъ этою болѣзнію заключали въ особыя дома, и надзоръ за ними былъ порученъ епископамъ. Соборы предписывали христіанамъ набѣгать съ Жидами всякихъ сообщеній; но частое повтореніе этихъ наказовъ показываетъ, какъ трудно было приводить ихъ въ исполненіе. Евреи были исключены изъ всякихъ должностей; имъ запрещено садиться въ присутствіи священниковъ, и браки ихъ съ христіанами объявлены недействительными. Франція была раздроблена на нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, и законы эти не вездѣ имѣли одинаковую силу. Впрочемъ, фанатизмъ и жестокость французскихъ епископовъ простирались до такой степени, что папы неоднократно принуждены были увѣщевать ихъ, предписывая поступать снисходительнѣе съ бѣдными Евреями.

Въ VII столѣтіи, Король Дагобертъ I предоставилъ имъ на выборъ, креститься или оставить его владѣнія. Жиды переселились въ южную Францію, но не надолго; въ началѣ царствованія второй династии мы находимъ ихъ снова въ прежнихъ жилищахъ. При Карлѣ Великомъ они пользовались полною безопасностью и даже благоволеніемъ императора: многіе Евреи были облечены его особенною довѣренностію; посолъ его ко двору Гарунъ-аль-Рашида былъ Жидъ; другой Жидъ находился при его особѣ въ качествѣ доктора. Но никогда положеніе ихъ не было такъ блѣстательно во Франціи, какъ въ царствованіе Людовика-Добраго. Преимущества и богатство ихъ были чрезмѣрны: они имѣли право провозить свои товары безпошлинно; торговали рабами, которымъ безъ ихъ позволенія запрещено было принимать другую вѣру, и въ случаѣ споровъ съ покупателями судились общимъ судомъ, составленнымъ изъ трехъ христіанъ и трехъ Евреевъ. Они же завѣдывали сборомъ податей. Лучшимъ доказательствомъ ихъ силы служить тщетная борьба съ ними Агобарда, епископа ліонскаго: при всемъ своемъ умѣ и влияніи на народъ, онъ растратилъ жизнь въ безплодныхъ усиліяхъ прекратить гнусный торгъ людьми, который производили Евреи.

Впрочемъ, слѣды прежняго унижительнаго состоянія Евреевъ существовали еще въ нѣкоторыхъ позорныхъ обрядахъ. Въ Тулузѣ они навлекли на себя подозрѣніе въ намѣреніи предать городъ во власть Мавровъ: въ наказаніе за эту мнимую или дѣйствительную измѣну, они были обязаны ежегодно, въ страстную пятницу, представлять отъ

себя депутата, который публично получалъ пощечину у дверей соборной церкви. Вообще страстная недѣля была для нихъ во всей Европѣ временемъ оскорбленій и опасностей. Въ городѣ Безіе существовалъ до половины XI столѣтія еще страннѣйшій обычай: всякій годъ, въ Вербное воскресенье, тамошній епископъ всходилъ на кафедру и обращался къ народу съ слѣдующими словами: «Вы живете съ потомками людей, которые распяли Іисуса Христа: будьте вѣрны обычаямъ вашихъ отцевъ, вооружитесь съ Божіею помощію камнями, бросайте ихъ въ Жидовъ и отищите мужественно за оскорбленіе Спасителя». Потомъ онъ благословлялъ своихъ слушателей; они вооружались камнями и отправлялись въ дома Евреевъ, которымъ, къ удивленію, предоставлено было право защищаться такимъ же оружіемъ. Война эта продолжалась до Свѣтлаго Воскресенія.

При послѣднихъ Карловингахъ нападенія Норманновъ и другія смутныя обстоятельства не позволяли обращать большаго вниманія на Евреевъ. Впрочемъ, положеніе ихъ сдѣлалось несравненно хуже: ихъ даже не считали за людей. Бозонъ, король арльскій, подарилъ епископу своего города не только имущества Жидовъ, но и ихъ самихъ. Такія же понятія царствовали и въ Германіи: Отонъ I уступилъ въ 955 году магдебургской церкви всѣхъ Евреевъ этого города.

Но въ это самое время, въ южной Европѣ, подъ покровительствомъ халифовъ испанскихъ, заря лучшей будущности восходила для народа іудейскаго.

Городъ Гренада, Севилла, Толедо, Кордуа были наполнены ими. Случайныя гоненія, виною которыхъ были фанатизмъ черни или прихоти правителей, рѣдко возмущали ихъ спокойствіе, и были ничтожны въ сравненіи съ бѣдствіями собратій ихъ въ остальной Европѣ, Азіи и Африкѣ. Эти бѣдствія даже обратились въ пользу Евреевъ испанскихъ. Ученые раввины и изгнанные изъ Вавилона, Помбедиты и Мегазіи, гдѣ были дотолѣ знаменитыя академіи, удалились въ Испанію и основали тамъ новыя училища. Главою перваго и самаго знаменитаго заведенія, учрежденнаго въ Кордовѣ, былъ Рабби-Моуши, который ввелъ въ общее употребленіе Талмудъ, до тѣхъ поръ мало известный на Западѣ. XII столѣтіе можно назвать золотымъ вѣкомъ еврейской литературы. Тогда процвѣтали Абенъ-Эзра и Маймонидъ, два свѣтила въ мрачной ночи тогдашняго невѣжества; Іегуда Галеви, сочинитель любопытной книги *Сеферъ-Ховри*, которой предметъ —

обращеніе хазарскаго хагана къ еврейской вѣрѣ; Абенъ-Зоары, которому Аверроэсъ приписываетъ успѣхи медицины у Аравитянъ, Беніаминъ тудельскій, и многіе другіе ученые и философы. Жи́ды лечили вельможъ, государей и даже папъ, упражнялись во всѣхъ наукахъ, и въ то же время занимались религіозной полемикой. Особенно жаркія пренія возбудило появленіе въ Испаніи секты Караймовъ, которыхъ можно назвать еврейскими протестантами. Они отвергаютъ Талмудъ и преданія Раввиновъ и понимаютъ Священное Писаніе буквально ¹⁾. Авраамъ Бенъ Діоръ написалъ противъ нихъ знаменитое сочиненіе свое о каббалѣ. Но Караймы не вдавались въ споры: они отличались строгостью нравовъ и очень рано исчезли изъ Испаніи. Въ Литвѣ, близъ Вильно, и въ Крыму, въ трехъ верстахъ отъ Бакчисарая, находятся ихъ колоніи, гдѣ они извѣстны своей честностью, говорятъ по татарски и имѣютъ Библию на этомъ языкѣ. Литовскіе Караймы вышли изъ Крыма и поселены Витовтомъ, какъ и литовскіе Татары, плѣненные имъ въ войнахъ съ Тохтамышемъ; но замѣчательно, что тогда какъ мусульманскіе поселенцы совершенно забыли свой языкъ и нынче знаютъ только по-польски, эти Евреи сохранили въ своей маленькой колоніи языкъ, которымъ говорили они въ царствѣ Гиревъ. Г. Вольфъ, извѣстный евреофилъ, нашелъ Караймовъ въ кочевомъ состояніи неподалеку отъ Багдада, въ пустынѣ Хитъ. Впрочемъ, не должно думать, чтобы и православные Евреи занимались вездѣ однимъ только торгашествомъ и грабежемъ своихъ должниковъ: въ пустыняхъ Аравіи есть цѣлыя поколѣнія кочующихъ Жи́довъ, которые славятся наѣздничествомъ и грабятъ васъ по правиламъ военной чести — съ саблею въ рукѣ. Беніаминъ тудельскій нашелъ въ XIII вѣкѣ близъ Мекки еврейское поколѣніе *Рехаба*, котораго древность восходитъ до временъ Моисея, и Г. Вольфъ видѣлъ одного изъ этихъ «сыновъ Рехава» на борзомъ арабскомъ конѣ, вооруженнаго страшнымъ копьемъ Бедуина. Они отличаются огромностью роста и воинственнымъ видомъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ Басоры тотъ же миссіонеръ встрѣтилъ улусъ Бени-Кетура, а въ Хеджазѣ, близъ Ханбара, живетъ многочисленное поколѣніе независимыхъ Евреевъ, которые управляются собственными своими шейхами; но Бургардтъ полагаетъ, что они должны быть Караймы. Въ Испаніи, кромѣ Караймовъ,

¹⁾ Слово *караймы* значитъ — чтенцы, то есть, чтенцы Библии.

была еще секта саддукеевъ, которыхъ съ жаромъ преслѣдовали рабиниты, выѣшніе фарисеи.

Цвѣтущее состояніе еврейской литературы въ Испаніи и даже во Франціи, гдѣ нарбонская синагога славилась своими Давидомъ и Моисеемъ Бимхи, Саломономъ Ярхи, и проч., служить лучшимъ доказательствомъ спокойствія, которымъ они тамъ пользовались. Халифы и христіанскіе государи болѣею частію покровительствовали имъ. Но простой народъ нерѣдко давалъ чувствовать Жидамъ свою ненависть. Эта часть исторіи Евреевъ состоитъ изъ безконечной цѣпи ужасовъ и насильствъ, которые останутся навсегда памятникомъ варварства тогдашнихъ Европейцевъ. Подданные Альфонса IX, короля кастильскаго, умертвили въ глазахъ его прекрасную Жидовку, и убійцы не были даже наказаны. Въ сѣверныхъ областяхъ Франціи и въ Германіи, несмотря на запрещенія правительствъ и даже духовныхъ, чернь грабила и убивала ихъ, оправдывая свои неистовства слѣпыми подозрѣніями въ святотатствѣ и добываніи крови изъ христіанскихъ младенцевъ для своихъ обрядовъ. При началѣ Крестовыхъ Походовъ участь ихъ сдѣлалась еще ужаснѣе: отправляясь въ Палестину крестоносцы считали святымъ дѣломъ убить нѣсколько «враговъ Христа». Фанатизмъ дошелъ до того, что, въ половинѣ XIII столѣтія, святой Бернардъ долженъ былъ ходить изъ области въ область для укрощенія ярости народа. Въ первые годы царствованія Филиппа Августа половина Парижа принадлежала Жидамъ: они промышляли отдачею денегъ въ ростъ и имѣли въ числѣ должниковъ своихъ вельможъ и знатнѣйшее духовенство. Лица, принадлежавшія къ послѣднему словію, отдавали имъ нерѣдко въ залогъ церковныя утвари. Подъ предлогомъ оскверненія ими этой святыни, Филиппъ ограбилъ и выгналъ Жидовъ изъ своихъ владѣній. Такимъ же образомъ поступали съ ними и другіе государи, которые попеременно то изгоняли ихъ изъ своихъ владѣній, то призывали назадъ, когда случалась нужда въ деньгахъ. Вильгельмъ Рыжій въ Англіи покровительствовалъ имъ, и даже обѣщалъ принять ихъ религію, если они докажутъ превосходство ея надъ христіанскою, но его наслѣдники угнетали ихъ болѣе и болѣе. Во время коронаціи Ричарда I, народъ разграбилъ великолѣпныя дома лондонскихъ Евреевъ и умертвилъ многихъ, а отряды крестоносцевъ, собираясь во святую землю, истребляли всѣхъ Жидовъ на пути, здѣсь, въ Италіи и въ другихъ мѣстахъ, какъ въ послѣдствіи

запорожскіе козаки и гайдамаки въ Польшѣ. Іоаннъ Безземельный, который сначала жаловалъ Жидовъ и писалъ къ Лондонскому лорду-меру, что еслибъ онъ, Іоаннъ, «удостоилъ своей милости *даже собаку*, эта собака должна пользоваться совершенною безопасностью», въ послѣдствіи давалъ своимъ вельможамъ грамоты, которыми освобождалъ ихъ на всю жизнь или на извѣстное число лѣтъ отъ уплаты долговъ Евреямъ и самъ безжалостно конфисковалъ имущества этихъ несчастныхъ для удовлетворенія своей расточительности. Европейцы вообще почти не считали ихъ за людей: Жидъ составлялъ собственность феодалнаго владѣльца, который торговалъ имъ какъ скотомъ и грабилъ какъ непріятеля; Жидъ приносилъ ему ежегодно извѣстный доходъ, а въ случаѣ надобности его можно было продать или заложить. Генрихъ III продалъ всѣхъ живущихъ въ Англіи Жидовъ брату своему Ричарду. Для отличія Евреевъ отъ христіанъ, имъ приказано было носить рогъ на шляпѣ и нашивки на платьѣ: эти знаки выдавались имъ за деньги изъ государственной казны. Филиппъ Прекрасный, конфисковавъ всѣ имущества Жидовъ, жившихъ во Франціи, подъ смертною казнію запретилъ имъ жить въ государствѣ и подарилъ парижскую синагогу своему кучеру. Допущенные снова по необходимости въ ихъ деньги, они подверглись новымъ преслѣдованіямъ. Шайки крестьянъ и пастуховъ, извѣстныя подъ названіемъ *pastoureaux*, разсѣялись по Франціи въ началѣ XIV столѣтія, истребляя все на пути своемъ. Въ Лангедокѣ и Гасконіи онѣ умертвили множество Жидовъ. Этотъ примѣръ нашелъ подражателей въ Наваррѣ, и десять тысячъ Евреевъ сдѣлались жертвами фанатизма народа. Ужасная язва, опустошившая въ 1348 году всѣ три части Стараго свѣта, была поводомъ къ новымъ неистовствамъ: Евреевъ обвиняли въ отравленіи рѣкъ и источниковъ, въ распространеніи заразы посредствомъ волшебныхъ заклинаній, и убивали ихъ тысячами. Напрасно ссылались они на свидѣтельство ученѣйшихъ врачей того времени: никто не хотѣлъ вѣрить. Устрашенные общимъ волненіемъ, правительства не смѣли защищать ихъ противъ невѣжества и суевѣрія. Германія, Швейцарія, Брабантъ особенно были театромъ этихъ кровавыхъ побоищъ. Читая современныхъ историковъ, съ трудомъ вѣришь ихъ разсказамъ; они возмущаютъ душу своими отвратительно ужасными подробностями. Толпы фанатиковъ, называемыхъ бичующимися, ходили изъ города въ городъ, истязая себя самымъ безчеловѣчнымъ

образомъ, проповѣдуя покаяніе и истребленіе Жидовъ. Евреи, избѣгая мученій, которымъ подвергала ихъ одичавшая чернь, часто предупреждали ихъ самоубійствомъ. Достаточно было малѣйшаго подозрѣнія для ихъ гибели. Въ городѣ Монсѣ, одного Еврея обвинили въ поруганіи иконы. Никакія пытки не могли вырвать у него признанія въ преступленіи. Назначили «Судъ Божій»: обвиненный долженъ былъ драться съ кузнецомъ, который вызвался быть защитникомъ истины обвиненія. Бойцы явились за городскими воротами и въ присутствіи многочисленныхъ жителей начали битву. Первый взмахъ палки, которою былъ вооруженъ кузнецъ, рѣшилъ участь бѣднаго противника. Жидъ палъ, — другихъ доказательствъ преступленія не нужно было. Его тотчасъ схватили, повѣсили за ноги; къ бокамъ его привязали двухъ голодныхъ собакъ, а внизу разложили огонь, на которомъ онъ медленно изжарился. Спустя нѣсколько лѣтъ по томъ подобное приключеніе случилось въ Белгій. Память казней и мученій, которымъ тамъ подвержены были Евреи, опредѣляли праздновать одинъ разъ въ каждомъ столѣтіи. Жители города Брюсселя торжествовали этотъ благородный праздникъ не далѣе какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1820 году.

Средь этихъ ужасовъ только изрѣдка примѣчаются проблески челоувѣколюбія и справедливости къ угнетеннымъ въ постановленіяхъ и прокламаціяхъ нѣкоторыхъ государей. Въ этомъ отношеніи особенно памятна Евреямъ грамота, дарованная имъ въ 1264 польскимъ герцогомъ Болеславомъ, и милости Казимира Великаго, который, по любви къ своей Эстерѣ, предоставилъ имъ значительныя преимущества. Казимиръ прижилъ съ ней многихъ дѣтей, и дочерямъ дозволилъ даже сохранить религію матери. Папы, которые въ Средніе вѣка вообще являлись покровителями угнетенныхъ и защитниками челоувѣчества, безпрерывно метали проклятiями противъ ихъ гонителей. Не должно однакожъ думать, чтобы въ самой Италіи и въ Польшѣ имъ было легче отъ этихъ доказательствъ благорасположенія верховной власти. Не одинъ санатизмъ преслѣдовалъ ихъ въ Италіи: они должны были бороться тамъ съ мѣстными ростовщиками; Итальянцы едва ли не хуже ихъ жадностью къ прибыли, и подрываемые такимъ образомъ Жиды жили тамъ въ крайней бѣдности. Въ одномъ Римѣ они наслаждались нѣкоторою безопасностью, и въ этой столицѣ католическаго міра сохранили они по-сю-пору право подносить торжественно новому

папѣ экземпляръ Ветхаго Завета, что однакожъ не освобождаетъ ихъ и теперь отъ обязанности посылать каждое воскресенье депутацію въ соборную церковь для слушанія проповѣди противъ заблужденій ихъ вѣры.

Въ Польшѣ, куда покровительство Казимира Великаго привлекало сонмы ихъ изъ Германіи, обливавшейся ихъ кровію, они скоро овладѣли всей торговлею и откупами; безпечный и вѣтренный характеръ народа охотно предоставилъ имъ всѣ хлопоты финансовой части; Жидъ сдѣлался первою потребностью жизни для Поляка; избирательные короли изъ природныхъ дворянъ не могли даже править государствомъ безъ «фактора», и извѣстно, что побѣдитель Турокъ, Іоаннъ III (Собѣскій), былъ совершенно преданъ двумъ своимъ Евреямъ. Однако они всегда находились тамъ въ крайнемъ угнетеніи, и паны позволяли имъ грабить своихъ поселенъ только для того, чтобы, при первой надобности въ деньгахъ, исторгнуть всю поживу оптомъ у грабителя. Въ Польшѣ упоминають по-сю-пору имена вельможъ изъ весьма извѣстныхъ фамилій, которые не далѣе прошедшаго столѣтія приказывали Жидамъ представлять кукушекъ, для того, чтобы стрѣлять въ нихъ. Два несогласные въ мнѣніяхъ дворянина нерѣдко обнаруживали свои непріязненные чувства тѣмъ, что одинъ изъ нихъ старелся поймать Жиду, проживающаго на землѣ другаго, и по крайней мѣрѣ прибить его, если не повѣсить; обиженный такою несправедливостію противникъ, само собою разумѣется, въ благородномъ негодованіи платилъ тою же монетою его Жидамъ. Въ числѣ жестокихъ обидъ, которыя Малороссія претерпѣла отъ польскаго правительства, обыкновенно выставляють отдачу русскихъ церквей на откупъ Евреямъ, какъ доказательство неслыханнаго своевольства со стороны тамошнихъ католическихъ пановъ, но мы думаемъ, что эта статья не была понята нашими писателями. Отдача церковныхъ доходовъ на откупъ болѣе принадлежитъ къ исторіи Жидовъ, чѣмъ къ малоросійской. Невозможно предполагать, чтобы въ этомъ заключалось со стороны польскихъ католиковъ намѣреніе обиды православію; они почти вездѣ отдавали такимъ же образомъ еврейскимъ спекуляторамъ собственныя свои церкви. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка обычай этотъ былъ довольно извѣстенъ въ Литвѣ. Это показываетъ только, въ какой степени польское дворянство не могло обойтись безъ Жидовъ въ самаго малѣйшихъ денежныхъ сдѣлкахъ.

Во Франціи участь Евреевъ сдѣлалась опаснѣе по причинѣ взятія Англичанами въ плѣнъ короля Іоанна: нужны были деньги для его выкупа. Карлъ V, король французскій, постоянно покровительствовалъ имъ; имъ даже дано было право брать, вмѣсто прежнихъ сорока, восемьдесятъ процентовъ. Евреямъ показалось, что этого мало; они испросили себѣ позволеніе брать проценты на проценты. Слабость правительства была удивительна: оно предоставило въ ихъ власть личную свободу несостоятельныхъ должниковъ и даровало имъ множество другихъ столь же незаконныхъ преимуществъ. Положеніе Евреевъ было завидное; но неожиданный указъ Карла VI лишилъ ихъ въ 1394 году большей части имущества и даже права жить во Франціи. Они разсѣялись по окрестнымъ государствамъ и на этотъ разъ не могли обвинять своихъ враговъ въ несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ ихъ жадность къ деньгамъ не шѣла предѣловъ: ограбленные ими народы употребляли всѣ мѣры, чтобы избавиться отъ ихъ притѣсненій, и въ половинѣ XIV столѣтія жители города Саленса учредили для этого первый заемный банкъ въ Европѣ.

Въ Испаніи однакожь они продолжали заниматься науками. Въ XIV и XV столѣтіяхъ ученые Евреи принимали дѣятельное участіе въ составленіи знаменитыхъ таблицъ короля кастильскаго Альфонса IX; тогда жили астрономъ и врачъ Абрагамъ бенъ-Вирга и профессоръ астрономіи Абрагамъ бенъ-Закутъ, тогда же процвѣталъ Іосифъ Альбо, авторъ книги *Сеферъ иккаримъ*, и знаменитый въ учености и политическомъ отношеніи Абарбанель, комментаторъ нѣсколькихъ книгъ Ветхаго Закона; другіе труды Евреевъ по части философіи, этиологии, правовѣдѣнія и особенно математики даютъ тоже довольно выгодное понятіе объ ихъ просвѣщеніи. Но объ ихъ литературѣ должно вообще замѣтить, что она отличается восточною напыщенностью выраженій, многословіемъ, чрезвычайною пылкостью воображенія и часто безпорядкомъ идей. Въ одной книгѣ той-же эпохи находимъ извѣстіе о важномъ открытіи, сдѣланномъ Евреями совершенно въ иномъ родѣ: они играли въ карты еще въ XIII вѣкѣ. Вообще по сочиненіямъ тогдашнихъ Жидовъ можно составить себѣ довольно ясное понятіе объ ихъ образѣ жизни и отношеніяхъ къ Испанцамъ, которые уже овладѣли большаю частію полуострова. Многое покажется страннымъ теперь: Евреи славились тогда щегольствомъ одежды, занимались музыкою и были очень неравнодушны къ прелестямъ прекраснаго пола. Мужъ-

ить христіанамъ часто приходилось очень плохо отъ послѣдователей Ветхаго Завета. Въ Толедо они до того зазнались, что на улицахъ задирали и били природныхъ жителей; правительство принуждено было защищать послѣднихъ отъ ихъ нападеній. Но они и здѣсь не помядали всегдашней страсти своей къ деньгамъ и безжалостно грабили православныхъ должниковъ, не довольствуясь 33 1/2 со ста, законными въ то время процентами. Всѣ капиталы и промышленность перешли въ ихъ руки. Управление таможами было ввѣрено Жидамъ; они занимали главные должности въ чертогахъ государей и домахъ вельможъ, которые обходились съ ними съ величайшимъ почтеніемъ, они составляли даже сильную политическую партію. Когда Петръ Жестокій былъ умерщвленъ Генрихомъ Транстамаромъ, они остались вѣрными его памяти и въ Бургосѣ выдержали осаду противъ войска новаго короля.

Возрастающее вліяніе Евреевъ обратило наконецъ на себя вниманіе испанскаго духовенства: оно старалось вооружить противъ нихъ народъ. Возникли жаркія пренія; ученые расточали, въ полемическихъ сочиненіяхъ, ругательства. Въ 1413 году анти-папа Петръ де Лука, извѣстный подъ именемъ анти-папы Бенедикта XIII, положилъ созвать въ Тортозу на публичное преніе знаменитѣйшихъ раввиновъ и ученыхъ богослововъ христіанскихъ. Диспутаціи продолжались нѣсколько мѣсяцевъ; съ обѣихъ сторонъ было показано много учености и еще болѣе нетерпимости: въ заключеніе, анти-папа издалъ буллу, которая не оставила бы Евреямъ ни убѣжища, ни средствъ къ существованію, еслибы власть его была вездѣ признана. Главныя статьи ея повторены въ послѣдствіи на Соборѣ базельскомъ, и папами Павломъ IV и Піемъ V. Къ обращенію Жидовъ въ христіанскую религію, послѣ тортовскихъ совѣщаній, наиболѣе содѣйствовали усилія Доминиканцевъ. Они отличались въ этомъ дѣлѣ талантами своими и жестокимъ фанатизмомъ. Знаменитѣйшимъ миссіонеромъ того времени былъ Винцентъ Жеррье: онъ одинъ обратилъ болѣе двадцати тысячъ чело-вѣкъ. Его краснорѣчіе было увлекательно, но страхъ, внушаемый народомъ, который съ изступленнымъ восторгомъ слушалъ его проповѣди, былъ еще сильнѣе. Участь новыхъ христіанъ была вовсе незавидна. Церковь не имѣла къ нимъ довѣренности, а синагога предавала проклятію какъ отступниковъ. Марраны — такъ назывались они, — принуждены были жить отдѣльно, и по словамъ современни-

ковъ, отличались своимъ развратомъ и пороками. Въ числѣ этихъ новообращенныхъ находились нѣсколько уроженцевъ острова Бандін, которые исповѣдывали особенную религію — смѣсь закона Моисеева съ обрядами язычества. Въ Толедо они вынимали вечеромъ изъ скрытнаго мѣста пять черныхъ фигуръ, изъ которыхъ четыре представляли молодыхъ дѣвъ, повергались предъ ними на колѣна и читали молитвы на арабскомъ языкѣ до первыхъ пѣтуховъ. Но умнѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ Маррановъ предстояла блистательная будущность; они могли вступать въ духовное званіе, гдѣ ихъ свѣдѣнія давали имъ возможность и право достигать высшихъ отличій. Нѣкоторые изъ нихъ занимали важныя мѣста въ католической церкви и прославились ревностью, съ какою преслѣдовали прежнихъ единовѣрцевъ. Особенную извѣстность приобрѣлъ францисканскій монахъ Альфонсъ де-Спина, пламенный авторъ книги *Fortalitium Fidei*, въ которой обвиняетъ онъ Жидовъ въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ. Онъ утверждаетъ, между прочимъ, что они ежегодно умерщвляютъ по одному христіанскому ребенку. Примѣръ, который онъ приводитъ, наполненъ самыми отвратительными и ужасными подробностями; надобно однакожь замѣтить, что самъ онъ не былъ свидѣтелемъ этого случая, и что рассказъ его есть только повтореніе признанія одного крещенаго Жида какому-то епископу.

Наконецъ наступилъ бѣдственный для народа Израилева 1492 годъ. Мавры лишились послѣдняго своего владѣнія въ Испаніи, и Евреи получили приказаніе тотчасъ оставить этотъ край, или припять христіанскую религію. Отчаяніе изгнанниковъ было невыразимо: они такъ долго благоденствовали подъ небомъ Испаніи. Имъ дано было три мѣсяца сроку на приготовленія къ пути; золото и серебро должны они были оставить въ Испаніи; съ собою имъ позволялось взять векселя и товары. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, четыреста тысячъ человѣкъ оставили такимъ образомъ владѣнія Фердинанда и Изабеллы. Большая часть удалилась въ Португалію, гдѣ ихъ братія пользовались большими правами и честностью своею заслужили общее уваженіе. Они гостепріимно приняли изгнанниковъ. Надежда лучшей участи оживила сердца ихъ, но не надолго. Въ Лиссабонѣ процвѣтала еврейская академія; заведено было много типографій, изъ которыхъ вышли превосходныя изданія книгъ Моисеевыхъ и разныхъ произведеній еврейской литературы: въ 1496 году все это рушилось — ихъ

выгнали изъ Португаліи. Замѣтимъ одинъ любопытный этнографическій фактъ: въ прежнихъ португальскихъ владѣніяхъ, въ Малабарѣ, есть два рода Жидовъ, черные и бѣлые. Тогда какъ реформація облегчала участь ихъ въ Германіи и готовила съвернымъ Жидамъ, вообще нечуждымъ и низшимъ, лучшую будущность, самая просвѣщенная и нравственная часть ихъ народа выброшена была изъ Пиренейскаго полуострова въ африканскія пустыни и Турцію, гдѣ грубый деспотизмъ Оттомановъ долженствовалъ довести ихъ до послѣдней степени униженія и несчастія. Они разсѣялись по африканскимъ городамъ и основали многочисленныя посады въ Константинополѣ, Солоникѣ, Смирнѣ, и проч., гдѣ сохраняютъ до сей поры языкъ прежнихъ своихъ гонителей, Испанцевъ и Португальцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ однакожъ перешли въ Италію, гдѣ Медичисы отдали имъ часть города Ливорно и допускали ихъ даже къ должностямъ въ своихъ владѣніяхъ; здѣсь они опять занимались съ успѣхомъ литературою, имѣли отличныя типографіи и библіотеки въ разныхъ городахъ Италіи, и грабительства ихъ ростовщиковъ не производили такихъ вредныхъ послѣдствій, какъ во Франціи или Испаніи, по причинѣ размножившихся заемныхъ банковъ, которые ссужали деньгами за самыя умѣренныя проценты. Учредителями этихъ заведеній были большею частію монахи францисканскаго ордена, считая богоугоднымъ дѣломъ отнятіе у Евреевъ способовъ вредить христіанамъ. Подъ тяжестью бѣдствій и среди благоденствія, синагога нигдѣ и никогда не теряла надежды на блистательный конецъ своего «послѣдняго плѣненія»: она всегда съ нетерпѣніемъ ожидала прішествія Мессіи, и это вѣрованіе одно заставляло Евреевъ переносить мужественно неслыханныя жестокости, которыми обременяли ихъ иновѣрцы на Западѣ и Востокѣ. Восторженное суевѣріе Азіи еще болѣе расположило турецкихъ Жидовъ къ ожиданію скорой помощи истиннаго и справедливаго неба. Обманщики и фанатики часто пользовались такимъ состояніемъ умовъ, и въ XVII столѣтіи пламенные надежды Евреевъ всѣхъ странъ были обмануты самымъ горестнымъ образомъ. Смирнскій Жидъ, Забатай Зевинъ, или Тевинъ, человѣкъ необыкновенно хитрый и краснорѣчивый, пробудилъ мужество ихъ своими пламенными проповѣдями. Радость іудейскаго міра была чрезвычайна. Евреи собирались вездѣ оставить бѣдственную чужбину и летѣть въ обѣтованную землю, какъ Турки посадили мессію Забатая въ тюрьму.

Однако единовѣрцы не переставали вѣрить въ его божественное назначеніе. Тогда султанъ Магометъ IV приказалъ ложному «помазаннику» принять магометанскую религію: самозванецъ сосланъ и скоро потомъ былъ казненъ. Между Жидами многіе до сихъ поръ думаютъ, что онъ живъ и рано или поздно совершитъ подвигъ искупленія.

Не отъ мессіи своего, но отъ успѣховъ просвѣщенія, которое смягчаетъ нравы и дѣлаетъ человѣка послушнымъ голосу разума, слѣдовало имъ ожидать своего благополучія. Дѣйствительно, XVIII вѣкъ былъ источникомъ всѣхъ благъ, которыми они теперь наслаждаются въ цѣлой Европѣ. Усовершенствованіе правительственныхъ формъ доставило имъ первое и важнѣйшее изъ нихъ — безопасность. Скоро Франція и Голландія даровали имъ полныя права гражданскія и политическія и сравнили съ христіанскими подданными.

Въ Англіи, гдѣ число ихъ не превосходитъ десяти тысячъ человѣкъ, большею частію иностранцевъ, такое же уравненіе было весьма недавно утверждено Нижнею Палатою. Въ Австріи Іосифъ II былъ ихъ благодѣтелемъ: онъ уничтожилъ установленное для нихъ различіе одежды и налоги, основалъ училища, открылъ имъ университеты и старался всячески возвысить ихъ до степени гражданъ. Францъ II слѣдовалъ его примѣру и выполнилъ многія его предположенія. Въ Германіи положеніе ихъ постепенно облегчалось, и шестнадцатая статья Акта Союза обезпечила имъ еще большія выгоды. «Сеймъ Германскаго Союза, говоритъ она, обдумаетъ и разсмотритъ приличнѣйшія способы улучшенія судьбы жителей, исповѣдующихъ еврейскую вѣру, и дарованія имъ полныхъ правъ гражданскихъ въ замѣнъ тѣхъ обязанностей, которыя они должны были бы нести какъ подданные. Между тѣмъ они будутъ пользоваться во всѣхъ государствахъ Союза всѣми преимуществами, какія дарованы имъ доселѣ». Извѣстно какихъ богатствъ достигли нѣкоторые изъ нихъ въ этомъ краю. Со времени знаменитаго Мендельсона, краснорѣчиваго толкователя Платоновой мысли, выраженной въ Федонѣ, они съ успѣхомъ посѣщали университеты, дали имъ изъ среды себя множество профессоровъ и нѣмецкой словесности нѣсколько остроумныхъ писателей, и особенно отличались въ медицинѣ и музыкѣ. Еврейское юношество не отстало отъ своихъ христіанскихъ сверстниковъ въ общемъ патріотическомъ движеніи, которое въ 1813 году такъ сильно способствовало къ освобожденію Германіи. Образовалась также секта такъ называемыхъ Новыхъ Жидовъ — слѣд-

ствіе распространеннаго между ними просвѣщенія, — которая отвергаетъ Талмудъ подобно Каранмамъ, признаетъ одинъ только текстъ Св. Писанія закономъ своей вѣры и соединяетъ простые догматы Ветхаго Завета съ ученіемъ чистой нравственной философіи ¹⁾. Однако не далѣе, какъ въ 1820 году, германскіе Жиды подвергались опасной грозѣ. Бѣдствія, которыя удручали Пруссію по случаю занятія ея Французами, передали въ руки Евреевъ множество ленныхъ имѣній, обремененныхъ долгами. Когда народъ увидѣлъ готическіе замки во владѣніи «нехристей», которые, по праву бароновъ, естественно могли бы утверждать приходскихъ пасторовъ въ ихъ званіи, онъ обнаружилъ завистливое негодованіе. Наглость нѣкоторыхъ обогатившихся Евреевъ — а это обыкновенная ихъ черта въ счастіи, — довершила раздраженіе черни. Ея нетерпимость вспыхнула въ Мейнингенѣ, Вюрцбургѣ и Рейнскихъ областяхъ; возстаніе распространилось до самаго Копенгагена, и германскіе Жиды услышали вновь роковой крикъ *seps! seps! seps!* которымъ сопровождался избіеніи ихъ въ Среднихъ вѣкахъ.

Польскіе раввины славятся своей богословской ученостью въ еврейскомъ мірѣ. Яковъ Полякъ есть Іоаннъ Скоттъ науки Талмуда: тонкость его софизмовъ, туманная глубокомысленность его рассужденій, его пустыя пренія о словахъ, привлекли къ нему несмѣтное множество молодыхъ германскихъ Евреевъ, которые для него оставляли университетскія чтенія. Эти «талмудисты» налетѣли съ сѣвера, какъстая совѣ, на Германію и основали свои академіи во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Фюртѣ и Прагѣ, распространяя между юношествомъ фанатизмъ и невѣжество въ полезныхъ наукахъ, отличающее польскихъ раввиновъ. Г. Беръ собралъ множество любопытныхъ подробностей о вредномъ вліяніи этихъ раввиновъ на еврейское населеніе въ Германіи и Польшѣ, о деспотизмѣ, съ какииъ они управляютъ своими общинами, и о средствахъ, которыя употребляютъ для поддержанія фанатизма и слѣпago повиновенія своей власти. Этому-то вліянію должно приписать то рѣшительное отвращеніе, какое обличаютъ польскіе

¹⁾ Въ Германіи есть еще секта, основанная нѣкоторыми Франкомъ, изъ Нюрнберга, которая наружно исполняетъ всѣ обряды христіанства, отъ крещенія до исповѣди, а тайно исповѣдуетъ еврейскую вѣру. Члены этой секты нѣредко занимаютъ высшія должности въ нѣкоторыхъ правительствахъ и пользуются всеми выгодами усовершенствованнаго лицензирова. Ихъ называютъ *Мехесаи*.

Жиды въ хлѣбопашествѣ: обнадеживаемыя своими законоучителями въ скоромъ пришествіи Мессіи, они не хотятъ вѣрять своихъ капиталовъ землѣ, чтобы быть всегда готовыми удалиться въ обѣтованную землю по первому призванію возстановителя ихъ народа. Многіе рѣшаются даже упредить его въ Палестину, и мѣстечко Сафетъ, гдѣ лѣтъ за двадцать было ихъ нѣсколько сотенъ, теперь считаетъ болѣе двѣнадцати тысячъ выходцевъ изъ польскихъ областей. Не нужно объяснять, сколько подобное расположеніе умовъ мѣшаетъ самымъ благимъ видамъ правительства въ ихъ пользу. Блаженной памяти Императоръ Александръ I, извѣстясь о важныхъ злоупотребленіяхъ власти со стороны раввиновъ, повелѣлъ уничтожить ихъ санхедрины и учредить думы изъ знатнѣйшихъ членовъ общины, для заведыванія имуществомъ синагоги и доходами кагаловъ. Евреи сочли это нарушеніемъ ихъ вѣры. Еще съ 1810 года правительство пыталось въ разные времена и подъ различными видами привести въ исполненіе проектъ переселенія Жидовъ изъ западныхъ губерній въ Новороссію, гдѣ бы они могли предаться земледѣлію, и всѣ его старанія остались безуспѣшными. Въ 1825 году учреждена была въ Варшавѣ коммиссія, имѣющая цѣлію изысканіе средствъ улучшенія гражданского и нравственнаго состоянія этой части народонаселенія. Она учредила для нихъ училище, которое было посѣщаемо даже сыновьями богатыхъ Израильтянъ, и предполагала даже устроить полную систему народнаго воспитанія Евреевъ. Безъ сомнѣнія, эта мѣра могущественно способствовала бы къ преобразованію ихъ предразсудковъ, которые дѣлаютъ ихъ даже неспособными пользоваться благомъ даруемыхъ имъ выгодъ: пустая талмудная ученость до того поглощаетъ ихъ вниманіе, что многіе молодые раввины не знаютъ ни одного слова мѣстнаго языка, чтобы не имѣть ничего общаго съ христіанами. Указъ, который великодушно открылъ имъ поприще военной славы и отличій въ русскихъ рядахъ и былъ первымъ шагомъ къ важнѣйшимъ благотвореніямъ закона, изданнаго въ нынѣшнемъ году, долженъ навсегда упрочить ихъ судьбу. Нынче отъ нихъ самихъ зависитъ ихъ благоденствіе. Желательно, чтобы они умѣли оцѣнить вполне выгоды правъ своихъ.

ВОЛИНЪ, ІОМСВУРГЪ

и

В И Н Е Т А.

Историческое изслѣдованіе ¹⁾).

Со второй половины IX-го столѣтія начинается въ жизни скандинавскихъ племенъ великій переломъ, кончившійся паденіемъ древняго языческаго быта. При крѣпости и неуступчивости сѣвернаго духа, переломъ этотъ не могъ совершиться скоро и безъ мучительныхъ потрясеній организма, въ которомъ онъ происходилъ. Предъ паденіемъ своимъ Единизмъ еще вспыхнулъ яркимъ и грознымъ блескомъ, и въ то самое время, когда первые христіанскіе проповѣдники проникли въ лѣса и пустыни скандинавскаго міра, у береговъ западной Европы явились гости другого рода, послѣдніе ратники и истребители вездѣ побѣжденнаго язычества, норманскіе викинги. Но не одно христіанство грозило разрушеніемъ древнему скандинавскому быту: его колебали другія перемѣны и обновленія въ народной жизни. Въ X столѣтіи мелкія владѣнія (fylki), на которыя дотошъ былъ разбитъ полуостровъ, стали слагаться въ три большія политическія массы. Переворотъ государственный совершался современно съ религіознымъ. Гаральдъ Прекрасноволосый, истребитель самостоятельныхъ норвежскихъ ярловъ и прежней вольности народа, совершилъ свое дѣло въ одно время и можетъ быть по примѣру Горна Стараго въ Даніи и

¹⁾ Диссертація на степень магистра. Печѣна въ сборникѣ г. Валуева: «Архивъ ист. и ст. свѣдѣній о Россіи».

Эйриха Эймундарсона въ Швеціи ¹⁾. Тогда европейскія моря покрывались судами бездомныхъ витязей, которыхъ начальники большею частью принадлежали къ древней языческой аристократіи, ведшей свой родъ отъ Одина и другихъ Азовъ и вытѣсненной изъ прежняго положенія возникшимъ единодержавіемъ. Часть этихъ изгнанниковъ жила и погибла на морѣ въ мятежной участи викингства; другіе основали множество поселеній — *Норманій*, которыя стали пріютомъ для ихъ земляковъ, недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей. Они перенесли на чуждую почву вѣру и обычай, отъ котораго отпадала ихъ родина, и искусственно продали ветхій сокрушавшійся въ ней бытъ. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи норманскихъ поселеній былъ Юмсбургъ на вендскомъ Поморѣ.

Исторія скандинавскаго Юмсбурга тѣсно связана съ славянскимъ Волиномъ или Юиномъ. Ихъ рѣдко различаютъ лѣтописи, народное преданіе соединило ихъ участь въ одинъ фантастическій образъ, наконецъ наука, на этотъ разъ, согласная съ преданіемъ, вскорѣ превзошла его смѣлостію своихъ построеній и создала изъ норманской крѣпости и вендскаго города величественную Винету, сѣверную Венецію, поглощенную моремъ за гордость, рожденную въ ней безмѣрнымъ богатствомъ. Только въ нашъ недовѣрчивый вѣкъ удалось ученымъ исследователямъ ²⁾ разсѣять поэтическій полумракъ, въ которомъ скрывался этотъ эпизодъ сѣверной исторіи. Они разложили на составныя стихіи дошедшія до насъ свѣдѣнія и поставили отдѣльно Волинъ, Юмсбургъ и баснословную Винету.

¹⁾ Норманка Гида отвѣчала присланнымъ за ней посланцъ молодого Гаральда: «странно мнѣ, что въ Норвегіи не нашлось еще конунга съ волею покорить Норвегію и владѣть ею, какъ Горизъ въ Даніи или Эйрихъ уисальскій. Snorri Sturluson: Heimskringla, Haralds Saga, с. 3.

²⁾ Сюда преимущественно принадлежать: *Lindfors*, dissert. de civitate Jomensii Lundae, 1811. *Веделъ Симонсенъ* изслѣдованіи о Юмсбургѣ, переведенныя съ датскаго Гизебрехтомъ: *Geschichtliche Untersuchungen über Jomsburg im Wendenlande. Neue Pommersche Provincialblätter. T. II. стр. 3—175.* Критическія замѣчанія на эту статью П. Ф. Мюллера, напечатанныя въ томъ же журналѣ, Т. III. стр. 150—176. *C. Fr. von Rümohr, Sammlung für Kunst und Historie Hamburg, 1816. 1. 9—123. Barthold, Geschichte von Rügen und Pommern. Hamburg. T. 1—3. 1839—1843. Giesebrecht: Wendische Geschichte, 3 тома. Berlin, 1842—1843.* Я ограничился указаніемъ на главныя сочиненія Веделъ подробное изчисленіе литературныхъ носовъ можно найти въ упомянутой книгѣ Бартольда Т. I. стр. 301.

I. ЮЛИНЪ.

geheisyn Julin, — nu nennet man Wollyn.

Ernesti de Kirchberg chronicon Meklenburgicum, ap. Westptalen, Mon. ined. T. IV p. 597.

Волинъ, Юлинъ, Юмна, Юмнета, Юмета и Юминъ, — подъ этими именами является въ исторіи славянскій городъ, котораго происхождение различно объясняется лѣтописцами средняго вѣка и позднѣйшими писателями. «Наста» или «columna Julii», огромный столбъ съ ржавымъ копьемъ вверху, бывшій предметомъ народнаго поклоненія, и самое названіе «Юлинъ» подали поводъ къ сказанію, что городъ былъ построенъ Юліемъ Цезаремъ. Сказаніе это разумѣется образовалось не въ народѣ, а принадлежитъ къ числу ученыхъ сказокъ, посредствомъ которыхъ монахи лѣтописцы любили связывать современную имъ исторію съ преданіями далекой, классической древности. Это былъ какой-то самовольный и простодушный прагматизмъ, которому достаточно было небольшого сходства звуковъ для соединенія самыхъ отдаленныхъ и несоединяемыхъ предметовъ. Кому не извѣстны примѣры такого рода ¹⁾. Приведенное извѣстіе встрѣчается первоначально только въ жизнеописаніяхъ ²⁾ Св. Оттона, епископа бам-

¹⁾ Напр. Волгастъ въ Помераніи «apud urbaniores vocatur Julia Augusta, propter urbis conditorem Julium Caesarem». Helmoldi Chronicon Slavorum ex recens. Bangerti. Lübeck, 1702. L. 1 p. 93. Понятно, кого Гельмольдъ называетъ urbaniores У Кадлуба Chron. Poloniae. L. 1. c. 16 читаемъ о двухъ польскихъ городахъ Julia (нынѣ Лебусъ) и Julinum, (нынѣ Люблинъ), такъ названныхъ въ честь сестры Юліи Цезари. Подобныхъ примѣровъ множество. Я привелъ ближайшіе къ предмету изслѣдованія.

²⁾ Изъ этихъ жизнеописаній, три первыхъ составлены вскоре послѣ смерти св. Оттона, около половины XII вѣка, но они дошли къ намъ въ переделкахъ, принадлежащихъ позднѣйшему времени. Самая важная изъ этихъ компиляцій составлена въ концѣ XV-го вѣка бамбергскимъ Аббатомъ Андреемъ. Клеппингъ доказалъ недавно возможность возстановить чистый текстъ первоначальныхъ источниковъ. См. Die Biographien des Bischoff Otto und deren Verfasser. Baltische Studien, T. IX. p. 1—245. Вотъ что говорится въ этихъ памятникахъ объ Юлинѣ и его загадочномъ столбѣ: «servus Dei Bernhardus correpta securi columnam mirae magnitudinis, Julio caesari, a quo urbs Julin nomen sumpsit, dicatam, exci-

бергскаго, принесшаго христіанство въ Поморье. Изъ этихъ источниковъ перешло оно въ другіе позднѣйшіе памятники. Но оно не знакомо Адаму Бременскому, Гельмольду и Саксону Грамматику.

Въ началѣ XVI вѣка (1518) знаменитый своимъ участіемъ въ реформаціи Іоаннъ Бугенгагенъ написалъ исторію Помераніи ¹⁾, книгу важную, не смотря на множество странностей и грубыхъ ошибокъ. Онъ утверждаетъ, между прочимъ, ссылаясь на Тацита, что, въ правленіе Августа, его полководецъ Домицій доходилъ до острова Волина, который въ то время носилъ имя Австравіи (Austravia) и поставилъ тамъ столбъ въ честь Юлія Цезаря. Толпы окрестныхъ жителей поселились въ послѣдствіи около этого, обоготвореннаго ими по невѣжеству, столба и основали городъ, названный Юлиномъ отъ «columna» или hasta Julii.

Въ 1735 году профессоръ Шварцъ издалъ свои изслѣдованія о Іомсбургѣ ²⁾ и выставилъ новое мнѣніе, по которому Юлинъ обязанъ своимъ происхожденіемъ основанному на религіозномъ единствѣ союзу сени суевскихъ племенъ, поклонявшихся Гертѣ ³⁾. Правдоподобіе и лучше предыдущихъ обставлена учеными свидѣтельствами гипотеза Веделя Симонсена ⁴⁾. Вотъ въ короткихъ словахъ его положенія.

Еще до пришествія Славянъ, частыя нападенія скандинавскихъ пиратовъ побудили Германцевъ, жителей балтійскаго Поморья, построить городокъ или небольшое укрѣпленіе у самаго устья Свины въ С. З. части острова Волина. Удобство мѣста, откуда легко было слѣдить и предупреждать враждебныя покушенія, богатство рыбной ловли, наконецъ совершавшіяся здѣсь весенній праздникъ въ честь

dere aggressus est. Andreas, lib. II. ap. Ludewig, Scriptt. rerr. Bambergensium. p. 462. — «Julin a Julio caesare condita et nominata in qua etiam lancea ipsius mirae magnitudinis ob memoriam ejus infix a servabatur». Ibid. L. III, p. 490. «Julin a Julio Caesare vocabulum trahens». Anonymus Sanceruciarus, Neue Pomm. Provincialblatt. T. IV. p. 334. Julinensibus venerabiliter reservata Julii Caesaris lancea colebatur quam ita rubigo consumerat ut ipsa ferri materies nullis jam usibus esset profutura. Ibid. 335.

¹⁾ Io. Bugenagii Pomerania, ex manuscripto edidit J. N. Balthasar. Gryphisw. 1728. 4.

²⁾ A. S. Schwartz, comment. critic. historica de Joms Burgo Pomeraniae. Gryphiae, 1835.

³⁾ Тацитъ о Германцахъ с. 40.

⁴⁾ Geschichtliche Untersuchung über Jomsburg. N. P. Provincialbl. T. II. p. 9—60.

германо-скандинавскаго бога Юла-Солнца ¹⁾ рано привлекли многочисленное народонаселение. Праздникъ Юла, при которомъ происходила ярмарка, бывшая началомъ юлинской торговли, сдѣлался причиною быстрого возрастанія города и сообщилъ ему имя Юлина. Столбъ съ водруженнымъ въ него копьемъ, подавшій поводъ жизнеописателямъ св. Оттона къ такимъ страннымъ толкованіямъ, былъ ничто иное, какъ Юловъ идолъ. Пришедшіе въ послѣдствіи Венды наслѣдовали покинутыя Германцами жилища и поклоненіе Юлу. При большей наклонности къ общественной жизни, они усилили значеніе Юлина и дали ему новое названіе: Юмъ, Юмъ, или Юмна, которое перешло потомъ на цѣлый островъ Волинъ. Веделъ полагаетъ, что слова Юмъ или Юмъ въ связи съ финскимъ, но, по его мнѣнію, славянскимъ божествомъ Юмалою. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ историческихъ событій славянское имя города перешло къ Скандинавамъ, между тѣмъ какъ прежнее осталось въ употребленіи у Германцевъ. Въ VII столѣтіи Юлинъ былъ покоренъ Датчанами, и «*Toki provincia Juthensi ortus*» участвовалъ въ битвѣ бравальской ²⁾. Въ концѣ VIII столѣтія, около 796, Юмна была совершенно разрушена Скандинавами по причинѣ возникшихъ въ ней междоусобій. Часть жителей переселилась въ Бирку въ Швецію, остальная выстроила другой городъ также на островѣ Волинѣ, на восточной сторонѣ его, тамъ, гдѣ нынѣ Вольмерштеть. Новая Юмна или Юлинъ скоро стала на ряду съ старою чрезъ богатство и промышленность жителей и не разъ подвергалась нападеніямъ сѣверныхъ грабителей. Въ X вѣкѣ она подпала подъ власть Гаральда Блаатанда, конунга датскаго.

Всѣ вышеприведенныя мнѣнія весьма не крѣпки въ основахъ своихъ, не исключая даже послѣдняго. Нужно ли доказывать, что Цезарь не могъ быть строителемъ городовъ на балтійскомъ поморьѣ, и что объясненія Бугенгагена и его послѣдователей принадлежать къ числу тѣхъ странныхъ гипотезъ, которыя разлетаются при первомъ прикосновеніи къ нимъ строгаго изслѣдователя? Тацитъ не говоритъ ни слова о томъ, что влагаетъ ему въ уста померанскій историкъ. У Плинія встрѣчается дѣйствительно островъ Австралія ³⁾, но по всей

¹⁾ Julin.... cujusdam idoli celebritatem initio aetatis maximo tripudio et concursu agere solebat. Andreas, I. III. ap. Ludew. 490.

²⁾ Saxo Grammaticus, ed. Stephanus. p. 144.

³⁾ Historia natural. lib. 38.

вѣроятности этотъ островъ лежалъ на нѣмецкомъ, а не балтійскомъ морѣ, и къ берегамъ его приставалъ не Домицій, а Германикъ. Этими ограничиваются извѣстія Плинія объ Австравіи, между которою и Волиномъ нѣтъ ничего общаго ¹⁾). Слѣдовательно, Бугенгагенъ смѣшалъ Тацита съ Плиніемъ и сочинилъ самъ остальные факты, связывающіе пришествіе римскаго полководца съ началомъ вѣндскаго города, которому онъ старался дать знатную генеалогію. Шварцъ не объяснилъ ничего: имя города, *hastia Julii* и проч. остались для него загадкой, ключемъ къ которой не могло служить поклоненіе Гертѣ ²⁾). Да и могъ ли быть у древнихъ Германцевъ, незнавшихъ городской жизни, городъ съ именемъ, славно перешедшимъ въ исторію? Обширная начитанность Ведела Симонсена не спасла его отъ значительныхъ недосмотровъ и ошибокъ. Въ пользу его мнѣнія, что Юлинъ былъ основанъ Германцами за долго до пришествія Вендовъ въ Поморье, нѣтъ ни одного историческаго свидѣтельства. Придуманная имъ связь Юлина съ Юломъ болѣе чѣмъ сомнительна. П. Э. Мюллеръ, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ скандинавской древности, замѣтилъ Веделю, что настоящая, употребительная форма была Іолъ, а не Юлъ, и что окончаніе *im* почти не встрѣчается въ именахъ городовъ скандинавскихъ, между тѣмъ какъ оно безпрестанно попадаетъ у Славянъ вообще и у Поморянъ въ особенности, напр. Каминъ, Демянъ, Стетинъ и т. д. ³⁾). Ира въ словарь своемъ ⁴⁾) утверждаетъ даже, что самое названіе Іола или Юла было чуждо языческому періоду. Славянское происхожденіе слова «Юина» доказать довольно трудно. О Юмалѣ, котораго Веделъ и Мюллеръ, по незнанію, присвоили Славянамъ, нечего и говорить, а другаго объясненія въ этомъ смыслѣ нѣтъ. Сверхъ того, какимъ образомъ славянское названіе «Юина» могло войти исключительно въ употребленіе у Скандинавовъ, тогда какъ нѣмецкіе лѣтописцы продолжали писать коренное скандинавское Юлинъ ⁵⁾). Покореніе Юлина Гаральдомъ Гильдетандомъ въ VII сто-

¹⁾ Ср. Schöning über der Griechen und Römer Kenntniss von den nordischen Landen, у Шацера Allgemeine nordische Geschichte, p. 88.

²⁾ Самая богиня Герта и поклоненіе ей — вопросъ очень темный. Ср. разборъ извѣстій о Гертѣ у Бартольда, Gesch. von Pom. und Rügen. 1. 109—121.

³⁾ Müller über Wedel Simonsen. N. P. Provinzialblatt III. 150.

⁴⁾ Glossarium Suevo-Gothicum.

⁵⁾ Но Датчанинъ Саксонъ пишетъ вездѣ «Юлинъ», а не Юина, а въ нѣкоторыхъ, и какъ замечетъ, лучшихъ рукописяхъ Адама Бременскаго находится Юина или Юмалъ.

лѣтѣмъ основано только на гипотезѣ Сума, которая въ свою очередь основана на прорѣхѣ въ исландской рукописи Sögubrot. Сумъ замѣнилъ по догадкамъ то, чего не доставало въ текстѣ, и Датчане явились ранними завоевателями вендскаго Поморья ¹⁾). Конечно предположенія Сума подтверждаются словами Саксона Грамматика о Токи и другихъ Славянахъ, участвовавшихъ въ бравальской сѣчѣ, но извѣстно, какъ Саксонъ смѣшивалъ событія и переносилъ новыя отношенія въ глубокую древность ²⁾). Извѣстіе о междоусобіяхъ юлиньскихъ въ концѣ VIII вѣка и о разореніи города шведскимъ конунгомъ Геродомъ и датскимъ Геммингомъ взято Веделемъ изъ Вандалин Кранца, писателя, жившаго въ началѣ XVI вѣка, который не можетъ служить свидѣтелемъ для исторіи столь отдаленнаго отъ него времени и пустилъ въ ходъ, какъ увидимъ далѣе, не одну историческую басню. — Наконецъ, переселеніе части жителей разрушеннаго Юлина въ Вольмерштетъ основано только на весьма шаткой этимологической догадкѣ, что Wolmerstaedt есть сокращенное Wollinerstaedt.

Остается сказать о томъ, что сдѣлали для рѣшенія спорнаго вопроса два новѣйшіе ученые: Бартольдъ и Гизебрехтъ. Мы постараемся изложить ихъ мнѣнія въ связи съ собственными розысканіями.

Острова, образуемые тремя истоками, которыми Одеръ входитъ въ Балтійское море, по удобствамъ своимъ для жизни должны были рано обратить на себя вниманіе поморскихъ Вендовъ. Одно изъ самыхъ выгодныхъ для поселенія мѣстъ представлялъ юго-восточный уголъ острова, лежащаго между Свиною и Дивеновымъ. На послѣднемъ рукавѣ Одера возникъ славянскій городъ. Съ одной стороны жители могли здѣсь пользоваться всѣми выгодами, какія доставляетъ близкое море, съ другой — мелкое и песчаное дно Дивенова ³⁾ предохраняло ихъ отъ опасныхъ посѣщеній скандинавскихъ судовъ. Древнѣйшее имя города, время основанія котораго опредѣлить даже приблизительно невозможно, по совершенному отсутствію свидѣтельствъ, было Волинъ,

¹⁾ Suhm, Danske Hist. 1. 498. Müller über Wedel Simonsen, 155.

²⁾ См. превосходное изслѣдованіе о Саксонѣ Грамматикѣ у Дальмана: Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte, I. 150 и слѣд. Сказанное мною въ текстѣ относится только къ первымъ 8-ми книгамъ Саксоновой исторіи. Его разсказъ о современныхъ ему событіяхъ вѣренъ и точенъ.

³⁾ Въ XII-мъ вѣкѣ Дивеновъ уже былъ недоступенъ для большихъ судовъ, какъ видно изъ разсказовъ Саксона о походахъ Вальдемара I-го.

то самое, которое онъ носить теперь. Откуда происходитъ оно? Отъ слова волъ, означая скотоводство, какъ промыслъ жителей ¹⁾, или отъ имени жившаго тутъ Вендскаго племени — трудно рѣшить. Лѣтописцу X вѣка Видукинду извѣстны были между Вендами «*Slavi qui Vuloini dicuntur*» ²⁾, быть можетъ, тожественные съ Вилинами (Wilini) Гельмольда ³⁾. Г. Касторскій ⁴⁾ полагаетъ, что «Волинъ» могъ произойти отъ Волоса или Велеса, бога общаго всѣмъ славянскимъ племенамъ. Познанскій епископъ Богуфалъ (XII вѣка) называетъ Волинъ Валгемомъ ⁵⁾, но это имя, у него одного встрѣчаемое, едва ли не есть ошибка писца. Что Волинъ подъ перомъ лѣтописцевъ (*urbaniogres* Гельмольда) могъ обратиться въ латинское *Julinum*, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для того, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіографіею среднихъ вѣковъ. Близкій Волгастъ, въ имени котораго звучитъ тотъ же корень, испыталъ и не такое превращеніе: изъ него вышла *Julia Augusta*. Wel и здѣсь перешло въ *Jul*. Вообще надобно замѣтить, что корень *sal*. повторяется въ именахъ значительнаго числа урочищъ вендскихъ ⁶⁾, не говоря уже о другихъ земляхъ славянскихъ. Педантизму лѣтописцевъ не удалось вытѣснить даже изъ письменнаго употребленія народнаго имени города, переименованнаго ими въ Юлинъ. Въ одной изъ первыхъ грамотъ, относящихся къ христіанскому періоду померанской исторіи, уже читаемъ «Волинъ» и «Волгастъ» въ ихъ собственной, чистой формѣ. Этою грамотою основалъ папа Иннокентій II, въ 1140 году, октября 14-го, волинское епископство ⁷⁾. Около ста лѣтъ спустя, Богуфалъ говорилъ о Юлинѣ, какъ о прежнемъ, болѣе

¹⁾ Barthold, *Gesch. von Pom. und Rügen*, 1. 296.

²⁾ *Ibid.* III. с. 69.

³⁾ *Ibid.* 1. с. 2. «Leubuzi et Wilini». Шварцъ рѣшительно считаетъ Вулоиновъ или Вилуиновъ за Волинцевъ. *Slowanske Starozitnosti*, 892.

⁴⁾ *Начертаніе славянской исторіи*. СПб. 1841. стр. 177.

⁵⁾ *Boguphali episcopi Poznaniensis Chronicon Poloniae ap. Sommersberg Scriptt. rerum Silesiacarum*. II, 24. «Walmieg quod alias Julin dicebatur».

⁶⁾ Barthold, 1. 296.

⁷⁾ «Venerabilis frater Alberte Episcopo tuis justis postulationibus annuimus et commissam tibi Pomeranensem ecclesiam sub beati Petri et nostra protectione suscipimus et presentis scripti privilegio eommunimus. Statuentes ut in civitate Wolinensē in ecclesia beati Alberti episcopalis sedes perpetuis temporibus habeatur.... civitatem ipsam Wolin.... Castra haec scilicet Dymmin, Treboese, Chork, Wolgast etc. Dreheri Codex Pommeraniae diplomaticus, nr. 1.

неупотребительномъ названіи города *Julin dicebatur*. Въ XIV вѣкѣ, славянское названіе получило перевѣсъ надъ латинскимъ даже въ литературѣ, чему служатъ доказательствомъ взятые мною въ эпиграфъ къ этой главѣ слова Эрнста фонъ Кирхберга, который писалъ свою Мекленбургскую Хронику около 1378 года: «*su wart geheisyin Julin, — ni peppet man su Wolun*». Избѣгая гипотезъ, неподкрѣпленныхъ сильными доводами, мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о юловомъ или юліевомъ столбѣ. Очевидно, что это былъ кумиръ какого нибудь славянскаго божества. Но кто скажетъ какого именно? Гизебрехтъ ¹⁾, основываясь на весеннемъ праздникѣ, который ежегодно совершался въ Волинѣ, полагаетъ, что столбъ съ копьемъ былъ посвященъ Яровиту. Съ другой стороны можно замѣтить, что копье есть постоянная принадлежность Радегаста. Но все это не болѣе какъ догадки, которыя по свойству источниковъ едва ли могутъ быть возведены въ степень положительныхъ заключеній.

Какъ бы ни рѣшался споръ о происхожденіи слова Волинъ, самый фактъ существованія основаннаго задолго до историческихъ свѣдѣтельствъ объ немъ славянскаго города, сообщившаго свое имя цѣлому острову, лежащему между Свиною и Дивеновыми, не подлежитъ сомнѣнію. Въ X столѣтіи этотъ городъ былъ уже богатъ и велъ значительную торговлю, чему служатъ доказательствомъ арабскія монеты (диргемы), въ очень большомъ количествѣ находимыя на островѣ, котораго онъ былъ главнымъ пунктомъ. Нынѣ неоспоримо доказано, что между берегами Балтійскаго моря и могомеданскимъ Востокомъ происходила очень дѣятельная торговля чрезъ посредство Хазаръ, Болгаръ и Славянъ русскихъ ²⁾. Эта торговля, которая шла до Скандинавіи, куда ее проводили Поморяне и преимущественно Волинцы, судя

¹⁾ Ueber die Religion der Wendischen Völker an der Ostsee. Baltische Studien, VI. 136.

²⁾ Bohlen, Ueber den wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen, въ IV-мъ собраніи трудовъ кирхбергскаго нѣмецкаго общества. 1836. стр. 3—56. Rasmussen, Über den Handel des Morgenlandes mit Russland und Scandinavien im Mittelalter, перев. съ датскаго въ N. Pomme Provinzialbl II. 366. Исслѣдованіе о торговыхъ путяхъ и сношеніяхъ сѣв. Европы съ могомеданскимъ востокомъ, въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ Гедшры, можетъ рѣшить много историческихъ загадокъ. Мы не правъ ожидать такихъ рѣшеній отъ русскаго ученаго Г. Григорьева, который давно занимается этимъ предметомъ.

по сказаніямъ объ ихъ богатствѣ и предпріимчивости, остановилась уже въ первой четверти XI-го столѣтія. Покрайней мѣрѣ, всѣ найденныя доселѣ диргеи принадлежать только двумъ династіямъ: калифамъ Абассидамъ и Саманидамъ самаркандскимъ, и самыя новѣйшія изъ нихъ относятся къ первымъ десяти годамъ XI го вѣка. А между тѣмъ извѣстенъ обычай могомеданскихъ государей перечекивать, по вступленіи на престолъ, монеты своихъ предшественниковъ, отъ чего происходитъ и рѣдкость древнихъ арабскихъ денегъ. Основываясь на этихъ данныхъ, можно съ полною достовѣрностію предположить сильную для того времени торговую дѣятельность города Волина, предшествовавшую построенію Іомсбурга въ его окрестностяхъ и датскому владѣчеству надъ устьями Одера. Эти послѣднія событія внесли Волинъ въ бурное движеніе скандинавской исторіи, откуда онъ вынесъ новый характеръ, чуждое ему имя и странныя преданія, противъ которыхъ доселѣ борется наука. Слѣдующіе отдѣлы этого разсужденія содержатъ въ себѣ разсказъ о Іомсбургѣ, не надолго, но грозно сверкнувшемъ надъ вендскимъ Поморьемъ, и разборъ извѣстій, которыми исландскія Саги и фантазія померанскихъ историковъ исказили истинныя преданія о старинѣ волинской. Но возвратимся еще разъ къ Волину.

Около 1070 года, каноникъ бременскій Адамъ написалъ исторію гамбургскихъ епископовъ, въ которой находятся драгоцѣнныя свѣдѣнія о землѣ вендской. Онъ разсказываетъ между прочимъ, что за Лутичами, которые иначе называются Вильцами, течетъ Одеръ, величайшая рѣка земли славянской, при устьѣ которой въ синею болота лежитъ благородный городъ Юмна (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: Юлвинъ), знаменитое мѣсто сборища окрестныхъ варваровъ и Грековъ. Въ этомъ городѣ, о которомъ ходитъ великая, почти невѣроятная молва, какъ о самомъ большомъ изъ всѣхъ городовъ Европы, живутъ Славяне и другія племена греческія и варварскія. Даже выходцамъ саксонскимъ дано право жительства тамъ, съ условіемъ не обнаруживать христіанскихъ вѣрованій. Всѣ жители погружены въ язычество; впрочемъ нѣтъ племена болѣе честнаго, кроткаго и гостепріимнаго. Этотъ городъ богатъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, и нѣтъ ничего рѣдкаго или пріятнаго, чего бы тамъ не было. Тамъ находится *olla vulcani*, которую жители называютъ греческимъ огнемъ, и о которой упоминаетъ Солинъ. Тамъ является также тройственнаго свойства Нептунъ, ибо островъ омывается тремя морями, изъ которыхъ одно, говорятъ,

совѣтъ зеленое, другое бѣловато, третье свирѣпствуетъ въ непрерывныхъ буряхъ и страшно волнуетъя. Изъ Юмны (или Юлина) гребные суда ходятъ въ короткое время въ Дамминъ, суда на парусахъ въ прусскую Земландію; также на западъ въ Шлезвигъ и Алденбургъ, а въ противоположномъ направленіи они доходили въ 14 (43) дней отъ Юмны до Острогарда въ Россіи. Сухимъ путемъ можно въ 8 дней достигнуть до Гамбурга или до Эльбы ¹⁾. Это важное свидѣтельство перешло съ большими или меньшими искаженіями въ другіе историческіе памятники и подало поводъ къ безчисленному множеству толкованій и выводовъ. Мы разберемъ его подробнѣе. Главные вопросы, возникающіе изъ словъ Адама, суть слѣдующіе: 1) гдѣ находился знаменитый городъ Юмна, величайшій въ цѣлой Европѣ, о которомъ не упоминаетъ однако ни одинъ изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ до бременскаго каноника? 2) кого онъ называетъ Греками? 3) что такое olla vulcani, тройственного свойства Нептунъ и т. д.

1. Газебрехтъ, которому, кромѣ исторіи Вендовъ, мы обязаны очень дѣльными изслѣдованіями о географическихъ извѣстіяхъ Адама Бременскаго ²⁾, полагаетъ, что Юмна лежала у устья рѣки Свины, и что, слѣдовательно, Юмна и Волинъ—два разные города ³⁾. Онъ опирается на слѣдующіе доводы: торговля и судоходство Юмны предполагаютъ удобную гавань, которой существованіе на Дивеновѣ близъ Волина невозможно по мелководію, между тѣмъ какъ устье Свины совершенно соответствуетъ такому назначенію ⁴⁾. Св. Оттонъ посѣтилъ Юлинъ въ 1124 году, а Юмна, по свидѣтельству Гельмольда, была разрушена Датчанами до, или покрайней мѣрѣ, около 1120 ⁵⁾. Наконецъ, Саксонъ и нѣкоторые другіе лѣтописцы смѣшали, по незнанію, Юмну съ мѣнѣе значительнымъ Волинномъ и подали примѣръ неосновательнымъ толкамъ позднѣйшихъ историковъ ⁶⁾. Такія предположенія рѣшительно противорѣчатъ указаніямъ источниковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ не-

¹⁾ Adam. Brem. II. 66. Наме будетъ праведно все это мѣсто Адамовой лѣтописи въ подлинникѣ.

²⁾ Ueber die Nordlandskunde des Adam von Bremen, in den hist. litter. Abhandl. der K. D. Gesellschaft zu Königsberg. III. Sammlung.

³⁾ Wendische Geschichten I. 27—29, III. 366. Cp. Ueber die Nordlandskunde des Adam von Bremen p. 169—174.

⁴⁾ Wend. Geschicht I, 27.

⁵⁾ Ibid. II 214. III. 369.

⁶⁾ Ibid. III. 366—368; 385.

оспоримое тожество городов Волина и Юмны. Что русло Дивенова было песчано и мелководно, преимущественно близъ моря, это намъ извѣстно; но извѣстны также и выгоды, которыя сопряжены были съ положеніемъ Волина на этомъ рукавѣ Одера. Эти выгоды изчислены выше. Съ другой стороны, море было такъ близко, что доставка товаровъ съ судовъ была весьма не затруднительна. Отъ устья Свины до города Волина не болѣе трехъ нѣмецкихъ миль. Впрочемъ выгрузка товаровъ могла совершаться и въ другомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что торговля Волина имѣла только относительную важность, и вовсе не предполагаетъ необходимості условіемъ близость большой гавани. Болѣе значительные торговые города Средняго вѣка, Гамбургъ, Любекъ лежатъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своихъ гаваней. Гребныя суда могли ходить и по Дивенову ¹⁾. Свидѣтельство Гельмольда очень подезительно. Весь рассказъ этого лѣтописца о Юмнетѣ Юмнѣ (Винетѣ) цѣликомъ взятъ изъ Адама; вставлено только одно мѣсто, на которое ссылается Гизебрехтъ. Доказательства предъ глазами: Adam (с. 66). *In cujus ostio, qua scythicas alluit paludes, nobilissima civitas Jumne (al. Julinum) celeberrimam barbaris et Graecis, qui in circuitu, praestat stationem. De cujus preconio urbis, quia magna quaedam et vix credibilia recitantur, volupe arbitror pauca inserere digna relatu.*

Helmold (1. 2.). *In cujus ostio, qua balticum alluit pelagus (въ предыдущей главѣ Гельмольдъ говорить о Балтійскомъ морѣ: idemque mare barbarum, seu pelagus scythicum) quondam fuit nobilissima Vineta (правильнѣе Jumneta), praestans celeberrimam stationem barbaris et Graecis, qui sunt in circuitu. De cujus praeconio urbis, quia magna quaedam et vix credibilia recitantur, libet aliqua commemorare digna relatu.*

Ad. ibid. Est sane maxima omnium, quas Europa claudit, civitatum, quam incolunt Slavi cum aliis gentibus Graecis et barbaris. Nam et advenae Saxones parem cohabitandi legem acceperunt, si tamen Christianitatis titulum ibi morantes non publicaverint. Omnes enim adhuc paganis ritibus oberrant, ceterum moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior poterit inveniri.

¹⁾ Interea rex, Rugianomm classe auctus perque ostia amnis Zwinoe Pomeraniam ingressus, Julini oppidi, ipso intacto, confinia populatur. Deinde ad fluvium Juline Caminoque junctum... ostiis bipertitum, Regia classe progreditur. Saxo Gram. p. 333. Cp. стр. 347.

Helm. I. c. *Fuit* sane maxima omnium, quas Europa claudit civitatum, quam *incolunt* (безсмыслица: fuit.... quam incolunt) Slavi cum aliis gentibus permixtis, Graecis et barbaris. Nam et advenae Saxones parem cohabitandi licentiam acceperunt, si tantum Christianitatis titulum ibi commorantes non publicassent. Omnes enim *usque ad excidium ejusdem urbis* paganis ritibus oberrarunt. Caeterum moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri.

Ad. I. c. Urbs illa, mercibus omnium septentrionalium nationum locuples, nihil non habet jucundi aut rari. Ibi est olla vulcani, quod incolae Graecum vocant ignem, de quo etiam meminit Solinus.

Helm. I. c. Civitas illa, mercibus omnium nationum locuples, nihil non habuit jucundi aut rari. Извѣстіе объ olla vulcani Гельмольдъ выпустилъ. Онъ или не понялъ этого мѣста или, что вѣроятнѣе, не нашелъ его въ бывшей у него рукописи. За то онъ вставилъ нѣсколько строкъ недостающихъ у Адама: Hanc civitatem opulentissimam, quidam Danorum rex maxima classe stipatus *funditus evertisse refertur*. Praesto sunt adhuc antiquae illius civitatis monumenta.

Adam. I. c. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturae: tribus enim fretis alluitur illa insula, quorum unum viridissimae ajunt speciei; alterum subalbidae. Tertius vero motu furibundo perpetuis saevit tempestatibus.

Helm. I. c. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturae. Tribus enim fretibus alluitur illa insula, quorum ajunt unum viridissimae esse speciei, alterum subalbidae. Tertius motu furibundo perpetuis saevit tempestatibus ¹⁾.

¹⁾ Не одинъ Гельмольдъ списалъ рассказъ Адама о чудесахъ Юмны. Это было сдѣлано еще прежде безъименнымъ саксонскимъ лѣтописцемъ. Annalista Saxo въ Essardi Corpus historicum medii aevi T. I. p. 339. Другіе хронисты пользовались большею частію Гельмольдомъ, котораго искаженные слова легли въ основаніе всѣхъ басенъ о Волнѣ. Исторію этихъ басенъ я разскажу въ третьемъ отдѣленіи моего разсужденія. Здѣсь укажу на одинъ только примѣръ такого искаженія Адамовыхъ и Гельмольдовыхъ извѣстій. Г. профессоръ Моршнинъ приводитъ въ доказательство важности города Юмны свидѣтельство двухъ компиляторовъ новаго времени Сев. Мунстера и Давида Хитрея, Критико историческія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ, стр. 52. Почтенный изслѣдователь, въ трудахъ котораго нельзя не питать уваженія, не замѣтилъ, что приведенные имъ писатели переизвѣровали Адама, вставляя сверхъ того самовольно извѣстія, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ источникѣ. Профессоръ Моршнинъ переводитъ изъ космографии Мунстера слѣдующее мѣсто: «Славянскій городъ Юмнъ на Балтійскомъ морѣ не уступаетъ ни одному городу своею значимостію, славный по своимъ богатствамъ и зданіямъ,

Изъ нѣсколькихъ строкъ, прибавленныхъ Гельмольдомъ къ разсказу Адама, рѣшительно невозможно вывести никакого заключенія. *Quidam rex Danorum, refertur*, наконецъ совершенное отсутствіе хронологическаго опредѣленія даютъ полное право предположить, что бозовскій лѣтописецъ основалъ это извѣстіе на какихъ нибудь неясно дошедшихъ до него слухахъ о войнахъ Датчанъ съ Волиномъ. Развалины «*antiquae illius civitatis*» онъ, разумѣется, не видалъ, а говорить о нихъ также по наслышкѣ, что ясно слѣдуетъ изъ предыдущаго. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ часто повторялись датскія нападенія на Волинь; Гельмольдъ, вѣроятно, разумѣетъ походъ короля Нильса (Николая), который дѣйствительно ходилъ войною на Поморье и взялъ около 1120 года Волинь. Но ни датская исторія Саксона Грамматика, ни Книтлинга-сага не говорятъ о разореніи имъ этого города, хотя сообщаютъ другія, менѣе важныя подробности похода. Умолчать же о такомъ событіи они рѣшительно не могли, особливо Саксонъ, который вскорѣ потомъ опять упоминаетъ о Волинѣ, но на этотъ разъ уже

благородное торжище Вандазовъ: имѣть города подобнаго ему, исключая Константинополя. Тамъ Руссы, Датчане, Сербы, Саксонцы и Вандавы имѣли свои улицы и базары. Юлинь много потерялъ отъ Датчанъ. Вальдемаръ, король датскій, чрезъ полководца Свена, сжегъ его и опустошилъ. Послѣдній ораза не совсѣмъ вѣрно передана; въ подлинникѣ: *Waldemarus quoque rex Daniae—classe per Zvenum fluvium ingressus terram, Julinum oppidum captum direptumque incendit. Cosmograph. Lib. 3. p. 771.* Рѣчь идетъ не о полководцѣ Свенѣ, а о рѣкѣ Свинѣ. Читатели легко замѣтятъ, что принадлежитъ Адаму Бременскому, и что прибавили отъ себя изобрѣтательные компиляторы XVI и XVII вѣка. Разсказъ Хитрей также не безъ украшеній. Онъ говоритъ: «*Портѣ Юлина былъ первый посоль Константинопольскаго!* Въ Юлинь не одно племя, а многіе народы, языки, вѣры и торговли, Виниты, Винны, Генецы, Свіоны, Славны, Вандавы, Датчане, Шведы, Камбрівы, Цирциане, Іудеи, язычники, Рутены греческой вѣры и многіе другіе. Всѣ сіи народы получали охранныя грамоты (*salvus dabatur conductus*), и каждый народъ имѣлъ свои базары, посвященныя имени.... смѣшеніе подополонства произвело развратъ народовъ и тиранію и причинило гибель цвѣтущему городу Юлину. Сперва онъ былъ наказанъ небесной молніею, что побуждало Рутеновъ переселиться въ свое отечество и съ своими товарищами вслѣдъ нимъ жилища въ Россіи, гдѣ они и основали княжество волинское (*ducatum Wulinenzem*), существующее до сего дня». Все это сказаніе о Волини основано на томъ, что на простомъ созвучіи именъ Волинь и Волинь. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ источникахъ нѣтъ слова, которое бы оправдывало эту выдумку. Во всякомъ случаѣ Хитрей очень ненадежный проводникъ въ Средніе вѣка. Еще одно замѣчаніе, относящееся къ изслѣдованіямъ профессора Морозкина. На страницѣ 32-й сказано: «городъ Волинь что нынѣ Вольгастъ». Это старое, нынѣ нигдѣ не поддерживаемое мнѣніе.

не смѣшивая его, по мнѣнію автора вендской исторіи, съ Юмною ¹⁾. Толкованіе совершенно самовольное! Слова лѣтописца: «inde (Nicolaus rex) Julinum navigans Bogislavum (польскій Болеславъ) magna manu instructum obvium habuit. Cujus copiis auctus celerem oppidi exruptionem peregit» ²⁾ вовсе не даютъ права предположить совершенное разореніе Юмны-Волина. А что часть города сгорѣла или была разрушена при этомъ случаѣ, это видно изъ разсказовъ Саксона о войнахъ съ Вендами Вальдемара I. Около 50 лѣтъ послѣ Нильсова нашествія, Вальдемаръ разрушилъ дѣйствительно вновь обстроенный Волинъ: Julinique vacuas defensoribus aedes incendio adortus *rehabitatae urbis novitatem iterata penatium strage* consumpsit ³⁾. Большая часть жителей удалились тогда въ Каминъ, куда перенесено было также мѣстопробываніе епископа земли Померанской. Слава и значеніе Волина минули невозвратно; онъ сошелъ на ту степень, которую занимаетъ доселѣ. Напечатанныя курсивомъ слова намекаютъ очевидно на происшествія Нильсова похода, потому что въ промежуткѣ 1120 — 1176 Волинъ не былъ ни разу взятъ врагами, хотя суда Вальдемара съ крайнею для себя опасностью заходили изъ Свины въ Дивеновъ еще въ 1169 году ⁴⁾. Слѣдовательно, догадка Гизебрехта, что Саксонъ въ первыхъ книгахъ датской исторіи подъ именемъ Юлина разумѣетъ Юмну Адама бременскаго, а въ 14 й говоритъ о настоящемъ Волинѣ, оказывается неосновательною. Въ томъ, что въ жизнеописаніяхъ Св. Оттона не упоминается о Юмнѣ, нѣтъ ничего удивительнаго: составители этихъ памятниковъ употребляютъ вездѣ латинизированное ими славянское имя города, котораго скандинавское названіе могло имъ даже быть неизвѣстно. Молчаніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи пояснить для насъ загадочныя извѣстія Гельмольда, который вообще можетъ служить неопровержимымъ источникомъ только относительно Рюгена и тѣхъ частей земли Вендской, которыхъ коснулись походы Генриха Льва. О прочихъ онъ или повторяетъ то, что прежде его говорилъ Адамъ бременскій, или разсказываетъ по дошедшимъ до него болѣе или менѣе вѣрнымъ слухамъ. Намъ остается теперь рассмотретьъ, въ какой степени справед-

¹⁾ Wend. Gesch. II. 214.

²⁾ Saxo Gram. p. 235.

³⁾ Saxo, p. 347.

⁴⁾ Id. p. 333—35. Knytlinga-Saga, c. 124.

ливо утверждение Гизебрехта, что летописцы смѣшивали, по незнанію, Волинъ съ Юмною, принимая два города за одинъ.

Главные извѣстія о Юмнѣ находятся у Адама Бременскаго, летописца правдиваго, но невольна запутавшаго занимающій насъ вопросъ. Въ существующихъ изданіяхъ его исторіи имена Юлинъ и Юмна встрѣчаются равно, но относятся оба къ одному и тому же городу. Гизебрехтъ, предполагая порчу текста, читаетъ вездѣ Юмна. Гораздо правдоподобнѣе, что Адамъ употреблялъ безразлично оба названія, изъ которыхъ одно дошло къ нему черезъ Саксовъ и видѣнныхъ имъ Славянъ, другое слышано имъ изъ устъ датскаго короля Свейна Астридзона ¹⁾, которому бременскій каноникъ обязанъ своими свѣдѣніями о Скандинавіи и вѣроятно о тѣхъ частяхъ Поморья, гдѣ лежала Юмна. Сличеніе уцѣлѣвшихъ рукописей для новаго изданія, которое войдетъ въ составъ Перцовыхъ «Monumenta» и поручено Лаппенбергу, не можетъ доказать противнаго, потому что всѣ эти рукописи, сколько извѣстно, не старѣе XIII вѣка. Въ одномъ изъ списковъ, которымъ пользовался Лангебекъ, постоянно употребляется «Юмне» ²⁾. Быть можетъ, есть другіе такіе же, но эти списки, сдѣланные на скандинавскомъ полуостровѣ, не могутъ служить основою для возстановленія подлиннаго текста. Скандинавскіе переписчики, естественнымъ образомъ, вставляли вездѣ для однообразія имя, подъ которымъ Волинъ долго былъ извѣстенъ въ ихъ отечествѣ, между тѣмъ какъ въ нѣмецкихъ спискахъ столь же часто встрѣчается славянское, болѣе знакомое Саксамъ, названіе. Во всякомъ случаѣ не трудно доказать, что Адамъ разумѣлъ подъ Юмною тотъ же городъ, который у Саксона Грамматика называется Julinum, у Свейна Аказона Hunnisburg, въ исландскихъ сагахъ Jomsborg. Источники, изъ которыхъ черпалъ Адамъ, намъ почти всѣ извѣстны. Событія вендо-скандинавской исторіи переданы имъ большею частію со словъ Свейна Астридзона, правнука Гаральда Блаатанда. Смерть послѣдняго разсказана слѣдующимъ образомъ: разбитый сыномъ Гаральдъ «vulneratus ex acie fugiens, ascensa navi elapsus est ad civitatem Slavorum quae Jumne (al. Julinum) dicitur» ³⁾. Саксонъ, около 130 лѣтъ позже опасывая, по на-

¹⁾ Ad. Br. ed. Lindenbr. p. 32, 52, 59, 92. Адамъ говоритъ о Свейнѣ: qui omnes barbarorum res gestas, ac si scripta essent, memoria tenuit.

²⁾ Scriptores rerum Danicarum medii aevi, I. p. 51. примѣчаніе h.

³⁾ Adam. 70.

роднымъ преданіямъ, ту же самую борьбу, говорить о побѣжденномъ Гаральдѣ: «saucius a suis Julinum relatus, celerem vitae exitum habuit»¹⁾. Но по исландскимъ преданіямъ Гаральдъ умеръ отъ раны своей въ Юмбургѣ²⁾, а Юмбургъ у Саксона вездѣ называется Юмномъ. Что Hynisburg Свейна Аказона есть не что иное, какъ искаженная форма Юмсбурга, въ этомъ согласны всѣ, не исключая Гизебрехта. Между тѣмъ разсказъ о Юмбургѣ Свейна, современника Вальдемара и, подобно Саксону, писавшаго по порученію епископа Авессалона, оканчивается извѣстіемъ, что этотъ городъ былъ разрушенъ въ его время³⁾. Наконецъ, Кnytлинга-сага, памятникъ, возникшій во второй половинѣ XIII столѣтія, называетъ прямо Юмсбургомъ городъ Волинъ на Дивеновѣ⁴⁾. Всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ противорѣчитъ Гизебрехтъ, утверждая, что Саксона и Свейна ввелъ въ заблужденіе лундскій архіепископъ Авессалонъ, герой вендской войны, съ разсказовъ котораго они писали⁵⁾. Кnytлинга-сага только повторила укоренившуюся историческую ложь⁶⁾. Но дѣдъ Авессалона, Снiальмъ Бѣлый, дѣятельно участвовалъ въ нападеніяхъ на Юмну Эриха Эйгода⁷⁾, и образованный, умный внукъ его не могъ впасть въ грубую ошибку, которую ему приписываютъ, потому что земля вендская ему была хорошо знакома изъ семейныхъ преданій и собственныхъ походовъ. Въ свидѣтельствахъ лѣтописцевъ есть конечно ошибка, но все не та, въ какой ихъ обвиняетъ Гизебрехтъ. Они смѣшали не два различные города, а славянскій городъ и близкую отъ него норманскую крѣпость, которыхъ судьба была впрочемъ такъ тѣсно связана, что смѣшеніе именъ понятно и извинительно. Этотъ

¹⁾ Saxo, p. 186.

²⁾ См. Fragmentum historiae Daniae Islandicum ap. Langebek, II. 149. Haraldus rex saucius in Vindlandiam fugit et prope Iomsborgum festo omnium Sanctorum expiravit. Сочинитель пользовался Адамомъ, потому что ссылается на Historiam Hamburgensem ib. 146. Другой Исландецъ, современникъ Вальдемара II-го, говоритъ: Haraldus rex saucius factus in Vandaliā, Iomsburgum fugit ubi omnium Sanctorum festo mortuus est. Langebek II. 425.

³⁾ Haraldus.... primus urbem fundasse dicitur quae Hynisburg nuncupatur, cujus moenia ab Archipraesule Absalone ego Sueno solo conspexi aequari. Langebek I. 51.

⁴⁾ Knytlinga-Saga c. 24.

⁵⁾ Wend. Gesch. III. 366.

⁶⁾ Ibid. III, 385.

⁷⁾ Ibid. II, 156.

вопросъ былъ почти рѣшевъ Бартольдъ ¹⁾ еще до появленія «Вендской Исторіи». Адамъ, руководствуясь сѣверными сказаніями, назвалъ городъ именемъ памятной грозой своихъ подвиговъ скандинавской колоніи, которой слѣды и вліяніе уцѣляли въ Волинѣ. Саксонъ поступилъ на оборотъ: онъ перенесъ названіе славнаго въ его время торговаго и разбойничьяго города на крѣпость, уже давно разрушенную. Оба были правы предъ современнымъ употребленіемъ слова. Названіе Іомъ ²⁾ или Юмъ (отсюда Юмна), возникшее и прошедшее вѣстѣ съ датскимъ владычествомъ на Поморьѣ, равно относилось къ цѣлому острову и къ главному его мѣсту, также какъ славянское «Волинъ». Имя крѣпости объясняется положеніемъ: *Ioms-borg* Гиперболическія слова «*тахіа оппіум quae Еуропа claudit civitatum*» не должны возбуждать недоувѣрчивости читателей къ бременскому лѣтописцу. Въ этомъ отношеніи честь его нашла усерднаго и счастливаго заступника въ Гизебрехтѣ ³⁾, который указываетъ на другихъ писателей Средняго вѣка, принимавшихъ Европу въ другомъ смыслѣ, нежели мы. Они, по примѣру географа Равенскаго, понимали подъ Европою міръ языческій въ противоположность міру христіанскому ⁴⁾.

2 Вопросъ о Грекахъ, жившихъ въ Волинѣ, рѣшаетъ самъ лѣтописецъ въ слѣдующей же главѣ, называя Кіевъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Греціи. Его Греки суть русскіе Славяне, принадлежащіе къ греческой церкви.

3. Темныя выраженія «*ibi est olla vulcani quod incolae Graecum vocant ignem, de quo et iam meminit Solinus*» вызвали множество толкованій, въ томъ числѣ нѣсколько отдѣльныхъ разсужденій, болѣе запутавшихъ чѣмъ уяснившихъ дѣло, потому именно, что они придали ему слишкомъ много важности. Гизебрехтъ между прочимъ выставилъ двѣ, одна другой противорѣчащія, гипотезы. Въ особливомъ

¹⁾ Gesch. von Rügen und Pommern I. 303 и слѣд.

²⁾ Происхожденіе слова неизвѣстно. Я не считаю нужнымъ вычислять всѣ удачныя и неудачныя попытки объяснить его. Вотъ новѣйшее предположеніе Петерсена. Іомъ отъ неозготскаго *hiuhmas, hiuma, fem. jumja*, т. е. толпа и земля вообще Отсюда неландск. *heimr*, Авг. *home*. Die Züge der Dänen nach Wenden, Mémoires de la Société R. des antiquaires du Nord. 1836 — 37. p. 123. Неландскія саги принимаютъ Іомъ въ смыслѣ земли, новія славяновъ — въ смыслѣ города.

³⁾ Wend. Gesch. I. 28.

⁴⁾ Chronogr. Saxo 991. *Ad. an. 995, etc.*

изслѣдованіи «о Вулкановомъ горшкѣ въ Юлинѣ» ¹⁾ онъ доказывалъ, что въ основаніи всего спора лежитъ простая ошибка Адама, который, припоминая слышанное имъ отъ Свейна Астридзона объ Исландіи, смѣшалъ этотъ островъ съ Волиномъ, ему также мало знакомымъ. По этому, говоря объ Исландіи, онъ не упоминаетъ о тамошнихъ вулканахъ, которые перенесены имъ на вендскій берегъ. Подъ словами *olla vulcani*, которыя въ нѣкоторыхъ памятникахъ средняго времени означаютъ чистидище, разумѣетъ Адамъ Геклу или другую огнедышащую гору. Гораздо правдоподобіе изложенное авторомъ «Вендской Исторіи» второе предположеніе ²⁾, по которому текстъ Адама испорченъ невѣжественными писцами. Они вставили въ него примѣчанія древняго, почти современнаго лѣтописцу схоласти и самовольно измѣнили порядокъ, въ какомъ одно извѣстіе слѣдовало за другимъ. Такимъ образомъ описаніе исландскихъ примѣчательностей очутилось въ главѣ о Юмнѣ. Сюда же принадлежитъ и *triplicis naturae Neptunus*. За вѣрность этой догадки мы не ручаемся, но она возможна, хотя съ другой стороны *olla vulcani*, быть можетъ, не что иное, какъ риторическая фигура, которой простой смыслъ для насъ потерянъ. Полмигисторъ Солинъ, на котораго ссылается Адамъ, не говоритъ, разумѣется, ни объ *olla vulcani*, ни о греческомъ огнѣ, изобрѣтеніи позднѣйшаго времени, но онъ описываетъ въ 5 и 6 главахъ своей компиляціи особенности Сициліи и вулканическихъ острововъ вообще.

Остановимся на этой точкѣ. Положительный выводъ изъ предыдущаго изслѣдованія заключается, слѣдовательно, въ неподлежащемъ сомнѣнію существованіи вендскаго города Волина на Дивеновѣ, котораго жители вели значительную по времени торговлю. Въ X столѣтіи, переворотъ, совершившійся на скандинавскомъ полуостровѣ, обнаружилъ вліяніе и на вендское Поморье. Сынъ стараго Горма, Гаральдъ Блаатандъ «*armis Slavia potitus apud Julinum, nobilissimum illius provinciae oppidum, competentia militum praesidia collocavit* ³⁾». Таково было начало Юмсбурга.

¹⁾ Von den Töpfenvulkanns in Julin, Hakens Pomm. Prov. Bd. IV 151.

²⁾ Ueber die Nordlandskunde des Adam von Bremen. 169 — 74. Ср. того же автора, Zur Beurtheilung Adams von Bremen. Baltische Studien, VI 183 — 204. Разборъ Гезебрехтовыхъ гипотезъ написалъ Ланненбергъ: von den Quellen, Handschriften und Bearbeitungen des Adam von Bremen. Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte VI, p. 776 Sqg.

³⁾ Saxo, p. 182.

II. ИОМСБУРГЪ.

Каждое лѣто ходили они на разные земли
и собрали много славы.

ИОМСБУРГСКАЯ САГА, гл. 8.

Когда именно Гаральдъ Блаатандъ построилъ у устьевъ Свинны крѣ-
пость, которой исторія составляетъ содержаніе этого отдѣла моихъ
ислѣдованій, сказать трудно. Гизебрехтъ полагаетъ, на основаніи до-
вольно вѣрныхъ соображеній, начало Іомсбурга въ промежуткѣ 935—
966 годовъ ¹⁾. Оставляя въ сторонѣ хронологическій вопросъ, кото-
раго удачное рѣшеніе, предположивъ его возможность, едвали возна-
градитъ за трудное ислѣдованіе, приступаю къ самой исторіи Іомс-
бурга. Источники этой исторіи двоякіе: съ одной стороны рассказы
Саксона, писавшаго съ изустныхъ преданій, сохранившихся въ юж-
ныхъ областяхъ Даніи, съ другой — исландскія саги, въ основаніи
которыхъ лежатъ свидѣтельства, принесенныя на далекій островъ
современниками іомсбургской славы. Слова Саксона часто противоре-
чатъ іомсбургской сагѣ. У него есть многое, чего нѣтъ въ послѣдней,
и на оборотъ. Причины такого разногласія раскрыты Гизебрехтомъ съ
большимъ остоуміемъ и знаніемъ дѣла. Это едвали не лучшая часть
его сочиненія. Онъ прослѣдилъ все движеніе саги отъ первыхъ извѣ-
стій, принесенныхъ въ Исландію скальдами Ярла Гаральда и Іомсви-
кингомъ Біорномъ, до послѣдней письменной редакціи въ XIII сто-
лѣтіи ²⁾. Благодаря его трудамъ, у насъ есть Аріаднина нить, и мы

¹⁾ Wend. Geschich. 1. 206.

²⁾ Іомсбургская сага, въ необыкновенной оорнѣ своей, рассказываетъ о подвигахъ Саг-
валды и его товарищей до гіорунгской битвы. Пальнатоги ей неизвестны. Въ по-
слѣдствіи сага о Пальнатоги вошла въ составъ іомсбургской и извѣстна ея, преимуще-
ственно въ хронологическомъ отношеніи Wendische Geschichten III. 376—78,
386—88. Въ послѣдней, испорченной оорнѣ дошла въ намъ Іомсб. сага. Есть
нѣсколько редакцій, но онѣ отличаются одна отъ другой только болѣе или менѣе
подробнымъ изложеніемъ однихъ и тѣхъ же событій. Существеннаго различія нѣтъ.
Я пользовался нѣмецкимъ переводомъ Гизебрехта: Geschichte der Freibeuter von
Jom. N. Pomm. Provinzialbl. 1. 90—139. Изъ всѣхъ изданныхъ редакцій
это, вѣроятно, древѣйшая.

съ меньшемъ противъ прежняго опасностію пускаемся нынѣ въ лабиринтъ мутныхъ, одно другому противорѣчащихъ извѣстій. Строго разобранная, очищенная отъ чуждыхъ ей примѣсей іомсбургская сага, въ смыслѣ частнаго источника, конечно утратила много изъ прежняго своего значенія. Но въ цѣлой исландской литературѣ найдется немного намятниковъ, въ которыхъ общій бытъ скандинавскаго викингства переданъ съ такою вѣрностію и силою. Я буду говорить собственными словами саги, тамъ гдѣ ея показанія оправданы критикою и свидѣтельствами другихъ болѣе сухихъ, но положительныхъ источниковъ.

По всей вѣроятности, первый славный вождь іомсбургскихъ викинговъ былъ Сигвальди, съ острова Зеландіи ¹⁾. Его посадилъ на это мѣсто, сколько извѣстно, не Гаральдъ, занятый датскими смутами. Эти смуты доставили Іомсбургу почти полную независимость отъ роднаго края. Самые крѣпкіе приверженцы старины языческой, на которую поднималъ руку датскій конунгъ, собрались около Сигвальда: его родной братъ Торкель, Буй и Сигурдъ, сыны ярла борнгольмскаго, Вагнъ, сынъ ярла оуненскаго. Сага приписываетъ имъ много чудныхъ дѣлъ, но извѣстія ея мутны. Изъ нихъ видно только, что Іомсвикинги держали въ покорности островъ Волинъ или землю Іомъ, что они грабили остальное Поморье, нерѣдко подымали оружіе на собственную родину, въ судьбахъ которой не перестали принимать участіе, и вели дружбу съ вендскимъ царемъ Буриславомъ ²⁾. Сигвальди

¹⁾ Wend. Gesch. 1. 207.

²⁾ Вопросъ о томъ, кто былъ этотъ Буриславъ, царь земли вендской, много стоилъ труда историкамъ. Сужъ полагаалъ, что Исландцы соединили въ одно царствованіе польскихъ Мечислава и сына его Болеслава. D. Hist. III. 172. 188. Это мнѣніе болше всего въ истинѣ. Дѣйствительно, завоеванія Мечислава и въ особенности сына его сблизили ихъ съ волинскими викингими. Болеславъ былъ владѣтелемъ значительной части земли вендской. Свидѣтельства лѣтописей многочисленны. Martinus Gallus, p. 37: «ipse (Boleslaus) namque Selenciam, Pomeraniam et Prussiam usque adeo vel in perfidia resistentes, vel conversa in fide solidavit.... Kadlubek 1. p. 39: «Selenciam, Pomeraniam, Prussiam, Russiamque suas subiciens ditioni»... Helmold 1. c. 15: «Eodem quoque tempore, Bolizlaus Polonorum christianissimus rex... omnem Slaviam quae est ultra Odoram, tributis subiecit.... Скелтицкимъ Гизебрехта здѣсь неумѣстенъ (Wend. Gesch. 1. 232). Отъ исландской саги, по самому способу ея происхожденія, нельзя требовать точности хронологической и мѣстной. Впрочемъ въ пользу Сумова предположенія есть еще доводъ: іомсб. сага говоритъ, гл. 13, что Свейнъ датскій и Сигвальди были женаты на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ Бурислава. У Татнара

былъ женатъ на дочери Бурислава, Астридѣ. Около 980 года умеръ отецъ Сигвальди, Струтгаральдъ, ярлъ зelandскій. Сыновья его отпраздновали его тризну по скандинавскому обычаю. Они привели съ собою 170 судовъ къ Зеландіи и пригласили къ торжеству Гаральда. Конунгъ явился. У него были хитрые замыслы. Онъ хотѣлъ употребить отвагу и силу Юмсвинкинговъ въ пользу собственного дѣла. Сага ошибочно упоминаетъ здѣсь о Свейнѣ, смѣшивая его, на перекоръ хронологіи, съ отцемъ его Гаральдомъ, но разсказъ ея прекрасенъ простотою. Я постараюсь передать его съ возможною точностію, замѣняя только имя Свейна именемъ его отца.

«Конунгъ Гаральдъ велѣлъ на первый вечеръ подать юмсбургскимъ викингамъ самаго крѣпкаго питья, и они пили черезъ мѣру много. Конунгъ Гаральдъ замѣтилъ, что они упились смертельно и стали очень многорѣчивы. Тогда обратился къ нимъ конунгъ съ такими словами: здѣсь становится скучно. Хорошо было бы выдумать, для увеселенія мужей, такую забаву, о которой долго помнили бы люди. — Сигвальди отвѣчалъ: намъ кажется что всего пристойнѣе и лучше начать тебѣ. Мы отъ тебя не отстанемъ. — Конунгъ сказалъ: я знаю, что есть у мужей обычай давать при такихъ пиршествахъ обѣты себѣ во славу; вы прославились во всѣхъ странахъ, и обѣты ваши должны быть также знамениты. Я подамъ примѣръ. Я клянусь, что до начала третьей зимы выгоню Этельреда (?), короля англійскаго, изъ его царства, или убью его и овладѣю его землями. Теперь твоя очередь Сигвальди. Обѣдай не менѣе. Тотъ отвѣчалъ, что такъ и поступить. Я клянусь, молвилъ онъ, что до начала третьей зимы я приведу въ Норвегію всю силу, какую могу собрать, и выгоню Гакона ярла изъ земли его, или убью его, или самъ лягу. — Конунгъ сказалъ: ты началъ хорошо, и хорошъ обѣтъ твой. Да поможетъ тебѣ счастье свершить обѣщанное! Тебѣ говорить теперь, Торкель Высокій. Тебѣ приличны смѣлые замыслы. — Торкель молвилъ: я далъ себѣ слово идти за братомъ моимъ Сигвальди и не обращаться вспять, доколѣ не увижу въ тылъ корабля его. — Смѣла была рѣчь твоя, и смѣло исполнишь ты сказанное. Ну, Буй Толстый, за тобою очередь. Обѣтъ твой долженъ

Мерзебургскаго, лѣтописца строгаго и правдиваго, встрѣчаемъ извѣстіе, что Свейнъ былъ точно женатъ на дочери Мечислава, сестрѣ Болеслава, которыхъ Исландцы смѣшивали, такъ какъ они смѣшивали и въ болѣе близкихъ и извѣстныхъ Гаральда и Свейна. См. Thietm. Merseb. VII. c. 28.

быть замѣтенъ. — Я клянусь помогать Сигвальди въ походѣ его, на сколько у меня есть отваги и не отставать отъ него, доколѣ на это не будетъ его воли. — Я зналъ напередъ, сказалъ конунгъ, что ты хорошее молвишь намъ. За братомъ слѣдуетъ говорить тебѣ, Сигурдъ Каппе. — Рѣчь моя коротка, отвѣчалъ Сигурдъ: я пойду за братомъ и не обращусь назадъ, пока братъ будетъ стоять на мѣстѣ, или пока онъ не ляжетъ мертвый. — Этого надобно было ждать отъ тебя, сказалъ конунгъ; за тобою дѣло теперь, Вагнъ. Любопытно намъ услышать объѣтъ твой. Вы сильные бойцы друзья. — Вагнъ сказалъ: клянусь слѣдовать за Сигвальди и другомъ моимъ Буюмъ въ походѣ ихъ и не отступать, пока не захочетъ того Буй, если онъ останется въ живыхъ. Кромѣ того есть у меня другой объѣтъ: если я буду въ землѣ норвежской, то убью Торкеля Лейру и лягу на ложе дочери его Ингеборги, не въ обиду друзьямъ ея. Біорнъ Британецъ былъ съ Вагномъ. Конунгъ спросилъ: каковъ будетъ твой объѣтъ, Біорнъ? Этотъ отвѣчалъ, что онъ послѣдуетъ за воспитанникомъ своимъ Вагномъ, на сколько у него достанетъ отваги! — Бесѣда кончилась ¹⁾. На другое утро Сигвальди, проснувшись, узналъ отъ жены своей Астриды о томъ, что было наканунѣ. Хмѣль его прошелъ, но отступить отъ обѣщанія было невозможно. По совѣту жены, Сигвальди поступилъ слѣдующимъ образомъ при свиданіи съ Гаральдомъ. Конунгъ спросилъ Сигвальди, помнитъ ли онъ объ обѣтѣ своемъ. Сигвальди отвѣчалъ, что не помнитъ. Тогда конунгъ повторилъ ему сказанное наканунѣ. Сигвальди молвилъ: пьяный человекъ не то что трезвый. Что дашь ты за исполненіе обѣщаннаго? Конунгъ сказалъ, что онъ намѣренъ дать двадцать кораблей, когда Сигвальди будетъ готовъ къ походу. Сигвальди замѣтилъ: прибавка хорошая для мужа, для конунга этого мало. — Гаральдъ наморщилъ немного брови и спросилъ: сколько кораблей нужно тебѣ. — Сигвальди сказалъ ему: шестдесятъ большихъ судовъ — ни много, ни мало. Мой собственный участокъ будетъ не менѣе твоего, если бы у меня было даже менѣе судовъ; потому что не всѣмъ суждено вернуться назадъ. — Конунгъ отвѣчалъ: суда будутъ готовы, когда ты будешь готовъ. — Это хорошая прибавка, сказалъ Сигвальди. Исполни слово твое, потому что я пус-

¹⁾ Iomsvik. Saga, cap. 13. Обѣтъ конунга — очевидный анахронизмъ. Сага сѣмилетъ Гаральда съ Свейномъ, который действительно воевалъ съ Этельраномъ.

наюсь въ путь тотчасъ по концѣ пира. — Конунгъ задумался и молвилъ: я исполню какъ можно скорѣе, но я не думалъ, чтобы ты такъ скоро собрался! — Астрида, жена Сигвальди, сказала тогда: нѣтъ надежды, чтобы вы побѣдили ярла Гакона, если онъ узнаетъ заранѣе о вашемъ приходѣ, и вы не въ распахъ на него нападете. — Они стали готовиться къ отплытію еще во время пира. Това, дочь ярла Гаральда, сказала мужу своему Сигурду: прошу тебя помогать всѣми силами брату твоему Бую, потому что онъ оказалъ мнѣ много добра, и я хотя малымъ хочу отплатить ему. Вотъ два человѣка, которыхъ я даю тебѣ, Буй: одного зовутъ Гавардомъ, другаго Аслакомъ. — Буй взялъ этихъ людей и благодарилъ Тову. Аслака онъ тотчасъ отдалъ другу своему Вагну. Такъ кончился пиръ, и Юмсвингинги отправились немедля въ путь. У нихъ было сто большихъ судовъ» (Iomswik. Saga, с. 13).

Но имъ не удалось застать въ распахъ ярла Гакона. Увѣдомленный о прибытіи страшныхъ гостей, онъ собралъ около трехсотъ судовъ и разставилъ ихъ, въ выгодномъ порядкѣ для боя, въ небольшомъ заливѣ, который образуетъ море у утесовъ гіорунгскихъ. Сюда заманилъ ярлъ неосторожныхъ враговъ. Между ними началась сѣча, одна изъ самыхъ ужасныхъ и самыхъ знаменитыхъ въ преданіяхъ скандинавскихъ. Четыре исландскіе скальда бились за Гакона въ битвѣ и пѣли дѣла его. Одинъ изъ нихъ, Эйнаръ, хотѣлъ перейти къ Юмсвингингамъ, жалуюсь на скупость норвежскаго владыки, но ярлъ удержалъ его даромъ великолѣпной серебряной чаши. Не смотря на перевѣсъ числа, на выгоду положенія своего, Норвежцы должны были уступить дикой отвагѣ противниковъ и подались назадъ. Тогда ярлъ Гаконъ сошелъ на землю, удалился въ лѣсъ и принесть въ жертву богинѣ Торгердѣ лучшее сокровище свое, самое драгоценное изъ всего, чѣмъ обладалъ онъ — семилѣтняго сына своего Эрлунга. Его кровью купилъ онъ побѣду. Поднялась страшная буря. Гредъ билъ въ лице Юмсвингингамъ, вѣтеръ относилъ назадъ пущенныя ими стрѣлы. Сигвальди сказалъ тогда, что онъ обѣщалъ биться съ людьми, а не съ духами, и обратилъ корабль свой назадъ. Вагнъ послалъ ему въ слѣдъ копьѣ свое и оскорбительную пѣснь:

«Сигвальди привелъ насъ подъ удары,
а самъ бѣжалъ малодушно. Онъ
торопится въ домъ свой; онъ спѣшитъ
часть на грудь жены своей».

Примѣру Сигвальда послѣдовали Торкель высокій и Сигурдъ Каппе, по смерти брата. Сильный ударъ меча отсклъ у Буя верхнюю губу и весь подбородокъ. Онъ молвилъ: не сладко будетъ теперь цѣловать меня дѣвамъ борнгольскимъ, схватилъ остатками обрубленныхъ рукъ ларецъ съ золотомъ своимъ и бросился съ нимъ въ море. Вагнъ съ семьюдесятью товарищей были взяты въ плѣнъ ¹⁾. Они подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Ярлъ хотѣлъ всѣхъ ихъ предать смерти. Вотъ какъ рассказываетъ объ нихъ сага. Узники были всѣ связаны одной большой веревкой. Торкель Лейра былъ избранъ исполнителемъ казни. «Сначала къ нему подвели трехъ человекъ; они были тяжело ранены, но къ нимъ были приставлены воины для стражи и для вилетанія имъ вѣнковъ въ волосы. Торкель Лейра подошелъ къ нимъ, отрубилъ имъ головы и спросилъ у бывшихъ при этомъ: не находите ли вы во мнѣ какой-нибудь перемѣны послѣ этой работы? Говорятъ, что это бываетъ со всякимъ кто убьетъ трехъ человекъ. — Ярлъ Эйрихъ (сынъ Гакона) сказалъ: мы не видимъ глазами перемѣны въ тебѣ, но намъ кажется однако, что ты много намѣнился. — Тогда подвели четвертаго человека отъ веревки и вилели ему вѣнокъ въ волосы. Онъ былъ крѣпко израненъ. Торкель спросилъ: каково тебѣ умирать? — Смерть вещь хорошая. Со мною должно случиться то, что случилось съ отцомъ моимъ. — Торкель спросилъ: что съ нимъ случилось? — Руби. Онъ умеръ. — Торкель срубилъ ему голову. Подвели пятаго и Торкель повторилъ вопросъ: каково ему умирать? Тотъ отвѣчалъ: я забылъ бы о законахъ іомсбургскихъ викинговъ, если бы испугался смерти и молвилъ робкое слово. Умереть долженъ каждый. — Торкель зарубилъ его до смерти. Потомъ Норвежцы рѣшили испытывать всѣхъ узниковъ вопросами. Имъ хотѣлось искусить ихъ отвагу — такъ ли они смѣлы, какъ говорила молва объ нихъ, не вымолвятъ ли робкаго слова предъ смертію. Привели шестаго плѣнника и вѣнчали его. Торкель говорилъ ему тоже, что прежнимъ. Онъ отвѣчалъ: я радъ честной смерти. А ты, Торкель, будешь жить съ позоромъ. — Торкель убилъ его. Тогда подошелъ седьмой и услышалъ обычный вопросъ. «Умирать мнѣ весело. Руби только скорѣе. Я держу ножъ въ рукахъ, потому что мы часто толковали съ товарищами, іомсвиками, о томъ, помнитъ ли и знаетъ ли что-нибудь человекъ, когда у него только что срублена

¹⁾ Iomsvik. Saga, c. 13.

голова. Это будетъ знакомъ: я подыму ножъ къ-верху, если у меня останется память, иначе онъ упадетъ на землю.—Торкель Лейра ударилъ въ него, голова отлетѣла прочь, но ножъ упалъ на землю. Привели восьмого плѣнника, и Торкель спросилъ у него тоже, что у другихъ. Онъ отвѣчалъ, что смерть не противна ему, а когда мечъ поднялся надъ нимъ, онъ сказалъ еще: баранъ! Торкель остановилъ ударъ и спросилъ, какъ это слово пришло ему на языкъ. — Отвѣтъ былъ: я не изъ числа тѣхъ овечекъ, которыхъ вы, люди ярла, призывали вчера, когда мы рубили васъ.—Жалкій! молвилъ Торкель и опустилъ ударъ. Развязали десятого. Онъ отвѣчалъ на обычный вопросъ: смерть отрадна мнѣ, также какъ товарищамъ моимъ; но я не хочу умирать какъ овца, я сяду передъ тобою, а ты руби меня прямо въ лице, да замѣчай, вздрогну ли я. Мы объ этомъ часто толковали. — Такъ и было сдѣлано. Онъ сѣлъ напротивъ Торкеля, который подошелъ и ударилъ прямо въ лице. Но онъ не вздрогнулъ, только глаза закрылись, когда смерть сошла на него. Потомъ подвели молодого человѣка: у него были густые, какъ шелкъ золотистые волосы. Торкель обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ своимъ. Онъ отвѣчалъ: жизнь моя была очень хороша до сихъ поръ, но вчера и нынче умерли такіе люди, что мнѣ уже, кажется, не изъ чего жить. Я хочу только, чтобы меня вели на смерть не рабы, а воинъ не хуже тебя. Я думаю, что такіе не рѣдки;—пусть онъ нагнетъ мнѣ голову и держитъ волосы къверху, чтобы они не намокли въ крови. Подошелъ норвежскій воинъ, схватилъ волосы и обмоталъ ихъ около рукъ своихъ; когда Торкель занесъ мечъ, онъ нагнулъ голову узнику, но ударъ попалъ въ того, кто держалъ, и отсѣкъ ему обѣ руки у самыхъ локтей. Викингъ вскочилъ и спросилъ: чьи руки въ волосахъ моихъ?—Ярль Гаконъ сказалъ: намъ приключилось большое горе. Убей скорѣй этого и потомъ другихъ, которые близко стоятъ. Это люди опасные, и отъ нихъ не всегда можно остережся. Ярль Эйрихъ молвилъ: надобно прежде узнать, кто они такіе. Какъ зовутъ тебя, молодой человѣкъ? — Меня зовутъ Свейномъ. — Кто отецъ твой? — Говорятъ, что я сынъ Буя. — Сколько лѣтъ тебѣ? — Если переживу эту зиму, то мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ. — Ты переживешь эту зиму, сказалъ ярль Эйрихъ и взялъ его себѣ. Ярль Гаконъ былъ этимъ очень недоволенъ.... Затѣмъ развязали еще человѣка, но ноги его занутались въ веревкѣ, и онъ сидѣлъ неподвижно. Онъ былъ молодъ, великъ и черезъ мѣру отваженъ. Торкель

сказалъ: каково тебѣ умирать? Онъ отвѣчалъ: умирать было бы хорошо, если бы я только исполнилъ обѣтъ свой. — Ярль Эйрихъ спросилъ: какъ зовутъ тебя? — Вагномъ. — Кто твой отецъ? — Аки. — Какой же обѣтъ далъ ты, по совершении котораго тебѣ хорошо было бы умереть? — Я далъ обѣтъ лечь на ложе Ингеборги, дочери Торкеля Лейры, не въ обиду друзьямъ ея, и убить его самого, когда буду въ Норвегii. — Изъ обѣта твоего ничего не выйдетъ, сказалъ Торкель, бросился на него и обѣими руками занесъ ударъ. Но Британецъ Біорнъ далъ Вагну такой толчекъ ногою, что онъ упалъ. Ударъ Торкеля пролетѣлъ мимо, онъ самъ спотыкнулся и выронилъ мечъ, который перерубилъ веревку, державшую Вагна. Этотъ сталъ на ноги, схватилъ мечъ и убилъ Торкеля. — Теперь обѣтъ мой въ половину совершился; мнѣ стало веселѣе на сердцѣ. — Ярль Гаконъ вскричалъ: не упускайте его, убейте его скорѣе! Но ярль Эйрихъ молвилъ: ему также слѣдуетъ жить какъ и мнѣ. — Тогда сказалъ Гаконъ: намъ, кажется, не зачѣмъ болѣе метать жребій, потому что ты все рѣшаешь одинъ. Эйрихъ отвѣчалъ: Вагнъ хорошее приобрѣтеніе, и обмѣнъ былъ бы выгодный, если бы онъ заступилъ мѣсто Торкеля Лейры. — Такимъ образомъ взялъ ярль Эйрихъ Вагна себѣ. Вскорѣ всѣ плѣнники были освобождены, благодаря великодушiю Эйриха ¹⁾, но они возвратились къ себѣ на родину, а не въ Iомсбургъ, на время опустѣвшій. О гіорунтской битвѣ сохранился двойкій рассказъ: пѣсни бывшихъ при ярлѣ Гаконѣ скальдовъ перешли въ Исландію и составили основу первобытной Iомсбургской саги, между тѣмъ какъ Сигвальди и другіе бѣглецы, удалившіеся на островъ Зеландію, оставили инныя преданія, въ которыхъ ихъ участіе въ роковой битвѣ выставлено съ самой блестящей стороны. Этими преданіями воспользовался Саксонъ Грамматикъ ²⁾.

Опустѣніе Iомсбурга продолжалось не долго. Исландецъ Біорнъ Асбрандзонъ засталъ тамъ въ 983 или 984 году ³⁾ новыхъ жителей — Пальнатоки и его викинговъ. Съ именемъ Пальнатоки связана, хотя и не совсѣмъ справедливо ⁴⁾, вся слава Iомсбурга. По словамъ саги,

¹⁾ Iomsvik. Saga, с. 15.

²⁾ Saxo, p. 183.

³⁾ Wend. Gesch. I. 222. Въ 980 Сигвальди былъ еще въ Iомсбургѣ.

⁴⁾ Исландецъ Біорнъ привнесъ на родину первые рассказы о Пальнатоки. Изъ нихъ сложилась особая сага, которую въ послѣдствіи соединили съ Iомбургскою. Но сага о Пальнатоки, помѣщенная въ началѣ наперекоръ хронологической точности, погледѣ

онъ устроилъ внутри самой крѣпости огромную гавань, которая вмѣщала въ себѣ триста большихъ судовъ. Входъ въ гавань защищали каменные, устроенныя сводомъ ворота съ желѣзными затворами. Надъ воротами возвышалась башня, изъ которой можно было метать стрѣлы и камни въ нападающихъ ¹⁾. Это описаніе очевидно возникло въ позднѣйшія времена; оно рѣшительно не могло принадлежать первобытной, еще неискаженной чуждыми ей вставками сагъ. Не говоря о трудности такихъ построекъ для того времени, замѣтимъ, что каменные своды вовсе неизвѣстны древнему водчеству Скандинавовъ ²⁾, и что еще въ XII вѣкѣ норвежскія крѣпости строились изъ большихъ связанныхъ канатами бревенъ ³⁾. Пальнатоки также приписываютъ законы, которыми управлялись іомсбургскіе викинги. Эти законы замѣчательны; они напоминаютъ во многомъ Запорожскую Сѣчь.

«Таково было начало этихъ законовъ: никто не можетъ быть принятъ въ Іомсбургъ старѣе пятидесяти, или моложе осьмнадцати лѣтъ. На родство и кровную связь не должно обращать вниманія при приѣмѣ викинговъ, а на законъ. Никто не долженъ отступать предъ равно вооруженнымъ противникомъ. За смерть павшаго товарища каждый долженъ мстить, какъ за смерть брата своего. Ни въ какомъ случаѣ, ни при какой опасности не позволяются малодушныя слова и знаки робости. Вся добыча взятая въ походѣ, все что можетъ быть оцѣнено деньгами, должно приноситься на копье, къ дѣлежу. Нарушитель этого постановленія исключается изъ братства. Никто не долженъ лгать и сообщать другимъ полученныя имъ вѣсти, не передавъ ихъ прежде вождю Пальнатоки. Никому не позволено вводить въ крѣпость женщинъ или отсутствовать болѣе трехъ ночей сряду. Если откроется, что новопринятый викингъ убилъ прежде отца или брата одного изъ товарищей, то споръ между ними рѣшаетъ Пальнатоки. Онъ рѣшаетъ и другія распри. Такимъ образомъ жили они въ крѣпости своей и держали законъ свой» ⁴⁾.

тѣла, такъ сказать, остальное содержаніе. Пальнатоки является главнымъ, почти единственнымъ виновникомъ іомсбургской славы. Савсонъ Грамматикъ разсказываетъ объ немъ только какъ объ отличномъ стрѣлкѣ и убійцѣ Гаральда Блаатанда.

¹⁾ Iomsvik. Saga, c. 7.

²⁾ Leiflæden zur nordischen Alterthumskunde, herausgegeben von der königl. Gesellschaft für nordische Alterthumskunde. Kopenhagen. 1837 стр. 69.

³⁾ Einerson not. ad speculum Regale Norweg. p. 35.

⁴⁾ Iomsvik. Saga, c. 8.

Громкая известность Пальнатоки *) основана преимущественно на томъ участіи, которое онъ принялъ въ кровавой распрѣ между Гаральдомъ Блаатандомъ и сыномъ его Свейномъ. Подъ старость Гаральдъ сдѣлался ревностнымъ заступникомъ нѣкогда гонимаго имъ христіанства. Главою языческой партіи былъ Свейнъ. Разумѣется, что Пальнатоки и юмбургскіе викинги стояли на сторонѣ послѣдняго. Разсказъ Саксона снова противорѣчитъ сагѣ. Подобно ей, онъ приписываетъ юмбургскому вождю личныя причины ненависти къ Гаральду; но событія, о которыхъ онъ говоритъ, неизвѣстны Исландцамъ. По его словамъ, Токи или Пальнатоки былъ знаменитый стрѣлокъ изъ лука. Конунгъ Гаральдъ подвергъ его искусство страшному испытанію: онъ заставилъ его сбить стрѣлою яблоко съ головы роднаго сына. Недовольный этимъ первымъ опытомъ, Гаральдъ принудилъ Пальнатоки спуститься на лыжахъ съ крутаго утеса †). Объ всемъ этомъ

*) Самое подробное изслѣдованіе о Пальнатоки находится въ упомянутомъ мною изслѣдованіи Ведела Симонсена объ Юмбургѣ. Основываясь преимущественно на словахъ Саксона: «*Toki provincia Iumensi ortus*», Веделъ полагаетъ, что Пальнатоки, потомокъ этого Токи, былъ Славянинъ. Невѣрность такого предположенія доказана П. Э. Мюллеромъ: *Ueber Wedel Simonsen, N. Pomm. Provinzialbl.* III. 161.

†) Сахо, р. 184—6. Невѣроятность Саксоновыхъ разсказовъ бросается въ глаза. Во первыхъ, какъ могли умолчать Исландцы о такихъ событіяхъ, которыя сверхъ своей важности, по самому характеру своему принадлежать сагѣ; во вторыхъ, откуда взялъ Гаральдъ власть, которая давала ему возможность подвергать свободныхъ Скандинавовъ такимъ испытаніямъ? Едва ли не правъ П. Э. Мюллеръ, утверждающій, что весь этотъ разсказъ взятъ изъ какого нибудь восточнаго, зашедшаго на сѣверъ преданія. Быть можетъ также, что источникомъ этого преданія былъ Геродотъ. III. 34. 35. Но не у одного Саксона встрѣчается оно. Исландскія саги приписываютъ подобию подобныя подвигу Пальнатоки другимъ лицамъ, жившимъ прежде и послѣ юмбургскаго вождя. Р. Е. Müller, *Sagabibliothek*, II. 172 слѣд. III. 359. Эти басни нашли далекій отголосокъ. Онъ повторился потомъ въ исторіи Вильгельма Телля. Кому незнакома эта исторія? Сомнѣнія въ достовѣрности событія, не засвидѣтельствованнаго ни однимъ современникомъ, считались грѣхомъ противъ народной славы Швейцарской. Уривъ Фрейденбергеръ, авторъ изслѣдованія *Guillaume Tell, fable danoise*, Bern, 1760, былъ судимъ за оскорбленіе отечества, и лишился, по судебному приговору, сохиною рукою палача. Не смотря на опасности грознаго скептицизма, не смотря на ученость защитниковъ преданія о Теллѣ, изъ которыхъ достаточно назвать Іоанна Мюллера (*Sämmtliche Werke*, T. VIII. р. 308), потопство иначе рѣшило это дѣло и оправдало Фрейденбергера. Въ 1835 году появились *Urkunden zur Geschichte der eidgenössischen Bünde*, издавныя Коппомъ. Это собраніе грамотъ и другихъ актовъ доказало, во первыхъ, что извѣстія о началахъ швейцарскаго союза искажены писателями позднѣйшими, и что до 1743

молчать юмсбургская сага. Въ ней Пальнатоки является воспитателемъ покинутого и презрѣннаго отцемъ Свейна. Онъ главный виновникъ войны, которая кончилась смертію Гаральда. Последнее дѣло сага и Саксонъ Грамматикъ согласно приписываютъ Пальнатоки, хотя совершенно расходятся въ разсказѣ подробностей. Раненый стрѣлою оскорбленнаго имъ викинга, Гаральдъ умеръ въ Юмсбургѣ или Волинѣ. Здѣсь впервые показывается тѣсная связь между крѣпостію и вендскимъ городомъ. Источники уже не различаютъ ихъ ¹⁾. Дальнѣйшая участь Пальнатоки теряется въ туманѣ странныхъ преданій. Мы даже не знаемъ достовѣрно, когда онъ умеръ или оставилъ Юмсбургъ ²⁾. Въ исходѣ X-го столѣтія Сигвальди снова правилъ тамошними викингами. Последній знаменитый въ скандинавской исторіи подвигъ совершили они 9 сентября, 1000 года, въ битвѣ при Свольдѣ или при Гельзингборгѣ, гдѣ палъ норвежскій конунгъ Олафъ Тригвезонъ. Сигвальди и въ этомъ случаѣ игралъ роль предателя, но онъ рѣшилъ участь битвы ³⁾. Волинскіе Венды не были праздными зрителями грабежей и войнъ сосѣдняго Юмсбурга ⁴⁾. Они рано соедини-

года, когда была издана исторія Швейцаріи Чуди, въ народѣ существовали другія преданія, несходныя съ тѣми, которыя образовались изъ разсказовъ названнаго лѣтописца. Корр. 44 — 45. Во вторыхъ, Гесслеръ, играющій столь важную роль въ сказаніяхъ о Телѣ, никогда не былъ еоттомъ юссенскимъ. Id. p. 63. Наконецъ, Гизели въ своихъ *Recherches critiques sur l'histoire de Guillaume Tell* показавъ, какъ простымъ пѣсни народа о стрѣлкѣ Вильгельмѣ (Телѣ есть имя нарицательное: простыя) подъ перомъ лѣтописца соединились съ скандинавскими сагами. Какъ и когда эти саги пришли въ Швейцарію, сказать трудно. Быть можетъ, этимъ фактомъ доказывается скандинавское происхожденіе, которое себѣ приписываютъ жители кантона Швица. Аристократическая фамилія Чуди, въ которой принадлежалъ знаменитый лѣтописецъ, жившій въ XVI вѣкѣ и давшій разсказы о Телѣ ту форму, въ какой они дошли къ намъ, веда свой родъ изъ далекихъ, восточныхъ странъ.

¹⁾ Доказательства приведены выше. Ср. Barthold, *Gesch. von Pommern und Rügen*, I. 315.

²⁾ Веделъ Симонсенъ говоритъ, что Пальнатоки умеръ въ 999 году, но его предположенія основаны только на свидѣтельствѣ юмсбургской саги, источники весьма недостовернаго относительно хронологическихъ опредѣленій. По словамъ саги, Пальнатоки поссорился съ питомцемъ своимъ Свейномъ, получилъ отъ вендскаго царя Бурислава землю Юмъ и умеръ воемъ Юмсбурга и врагомъ Даниа. *Iomsv. Saga* с. 7—12.

³⁾ Snorri Sturluson, *Saga af Olafi konungi Tryggwasini*, cap. 118—131. Saxo p. 190—191. Adam. Brem. 82. Сводъ и повѣрка противорѣчащихъ одно другому свидѣтельствъ у Гизебрехта, *Wend. Gesch.* I. 240—250.

⁴⁾ *Wend. Gesch.* I. 250. Wedel Simonsen, p. 9. Объ отношеніяхъ Волина въ

лись съ норманскими викингами, переняли ихъ жестокіе обычаи и послѣ окончательнаго опустѣнія Іомсбурга ¹⁾ продолжали грабить берега Балтійскаго моря. Рюгенскіе и волинскіе разбойники въ свою очередь посѣтили берега Скандинавіи ²⁾. Въ XI столѣтіи городъ Волинъ получилъ еще другое значеніе: онъ сдѣлался надежнымъ пристанищемъ для всѣхъ изгнанниковъ и удалцовъ датскихъ и, быть можетъ, норвежскихъ ³⁾. Этимъ объясняются частыя нападенія датскихъ государей на Волинъ въ эпоху, когда древній викингскій бытъ былъ уже предметомъ гоненій и почти исчезъ на скандинавскомъ сѣверѣ. Около 1100 года, король Эрихъ Эйегодъ долженъ былъ отпра-

Іомсбургу у насъ нѣтъ хорошихъ извѣстій. Вѣроятно, что Волинцы были сначала подвластны датскимъ вождямъ Іомсбурга, но когда эта крѣпость отложила отъ датскихъ конунговъ, Волинцы стали союзниками и сподвижниками бывшихъ господъ своихъ. Изъ словъ Тореевъ: «adiunctum muneri honore mistum opus, sub custodis limitum titulo arcendi a finibus etc.» Hist. rer. Norvegie. Part. II. lib. VII. c. 5. можно заключить, что Іомсвикинги служили Волинцамъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, если дѣло идетъ объ XI вѣкѣ. Впрочемъ истину Тореевыхъ предположеній повѣрить трудно, но недостатку пособій.

¹⁾ Въ 1043 году, Магнусъ Добрый, король датскій и норвежскій, взялъ и сжегъ Іомсбургъ. «Magnus autem rex, posteaquam in Vindlandiam venit, Iomshorgum aggressus, oppidi munimentis mox expugnatis, incolarum plurimos occidit, oppidum ipsum subiecto igne cremavit, ruraque late vicina incendiis vastavit, maxima belli foeditate grassatus». Snorri Sturluson, Saga af Magnusi Goda, c. 25. Опустошеніе окрестностей свидѣлствуетъ о союзѣ соединившемъ въ одному дѣлу викинговъ и волинскихъ Вендовъ. Snorri даже жителей Іомсбурга называетъ Вендами: «Vendas Iomshorgum habitantes». I. c. Схолиастъ Адама Бременскаго № 44 говоритъ о томъ же событіи, но не въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ: «Magnus rex classe magna stipatus Danorum, opulentissimam Slavorum obsedit civitatem luminem. Clades par fuit. Magnus omnes terruit Slavs». Быть можетъ, Магнусъ подходилъ къ самому городу Волину. Приведенныя въ первомъ отдѣлѣ слова Гельмольда: «hanc civitatem opulentissimam, quidam Danorum rex maxima classe stipatus etc.» очень близки къ словамъ стараго схолиаста. Не передѣлалъ ли Гельмольдъ этихъ извѣстій, вследствие какихъ нибудь недоразумѣній? Ср. Dahlmann, Gesch. von Dänemark, I. 121.

²⁾ «Piraticae usus nostris creber, Sclavis perrarus... ob hoc latius ad eos manare coepit quod Iulini oppidi piratae patriis studiis adversum patriam usi, eo maxime Danis, quod ab ipsorum ingeniis traxerant, nocuerunt». Saxo. p. 186. — «Ea tempestate Sclavorum insolentia diu Danicae rei miseriis alita... piratica nostras acerrime lacescebat». Id. p. 225.—Magnus... Slavis terribilis qui post mortem Knut Daniam infestabant». Adam. Brem. 114.

³⁾ Iulinum certissimum Danorum perfugium proscriptorum Saxo, 225.

вить сильный флотъ противъ Волина, котораго жители, руководимые отчасти недовольными Датчанами, дѣлали почти невозможнымъ сообщеніе между островами, изъ которыхъ состояла Данія ¹⁾). Въ приготовленіяхъ къ походу игралъ главную роль Скьяльмъ Бѣлый, дѣдъ знаменитаго архіепископа Авессалона ²⁾). Этому роду суждено было нанести страшные удары Вендамъ вообще и Волину въ особенности. Городъ принужденъ былъ выдать Эриху укрывавшихся здѣсь Нормановъ и заплатить дань ³⁾). Но такое смиреніе было непродолжительно. Судя по словамъ датскаго лѣтописца, Эрихъ Эйегодъ долженъ былъ предпринять еще два похода противъ того же врага ⁴⁾). Успѣхи были, по всей вѣроятности, незначительные, потому что король Нильсъ вскорѣ послѣ Эриха (около 1120 года) опять ходилъ на Волинъ и частію сжегъ его, но не могъ прекратить разбой. Этотъ подвигъ совершили Вольдемаръ 1-й и архіепископъ лундскій Авессалонъ ⁵⁾). Волинъ, ослабленный долгими борьбами, палъ и не подымался болѣе. Силы его были истощены. Лѣтописцы не сообщаютъ подробностей о послѣднихъ битвахъ знаменитаго города и мимоходомъ говорятъ о его паденіи ⁶⁾). Въ нынѣшнемъ Волинѣ ничто не напоминаетъ великой старины. Путешественнику, случайно заброшенному въ небольшой и

¹⁾ *Alli et Herri Scaniae oriundi sed eius usum facinoribus demeriti.... maritimis patriam latrociniis incessantes rem Danicam atrocius profligare coeperunt.* Saxo, *ibid.*

²⁾ Saxo, *ibid.*

³⁾ *Tunc Danica juvenfus Julinum adorta fractos obsidione cives, quotquot intra moenia piratas habebant, cum pecunia pactionis nomine praebere coegit. Quibus nostri in potestatem acceptis, laesae patriae poenas crudelissima mortis ratione expetendas duxerunt.* Saxo, *ibid.* За сими слѣдуетъ описаніе ужасной казни.

⁴⁾ *Nec semel quidem Ericus Sclavici roboris amplitudinem pressit et nervas debilitavit sed iterum ac tertio effrenatae gentis illius ingenia tanto terrore retodit, ut nulla eum ulterius piratici aestus procella pulsaret.* Saxo, *ibid.*

⁵⁾ *Quem incursionis morem nostris annis Waldemari regis maximique pontificis Absalonis propensae pro civibus excurbiae domuerunt. Quorum strenuo interventu tranquillius terris cultus geritur, tuta aquis navigatio celebratur.* Saxo, 187.

⁶⁾ Saxo, p. 347. Svein Aggeson apud Langebeck *Scriptores rerum Dan. med. aevi*. I. 15. Значительная часть жителей разореннаго Волина удалилась въ Каминъ, куда была перенесена также кафедра епископа. См. Barthold, *Gesch. von Pom. und Rügen*. II. 232. Giesebrecht, *Wend. Gesch.* III. 225. Волинъ былъ въ послѣдній разъ разоренъ Датчанами въ 1177 году.

бѣдный городокъ померанскій, едвали придуть въ голову пышнымъ описанія Адама Бременскаго. Слѣдовъ Юмсбурга также не найти ему. Только путемъ ученыхъ изслѣдовацій можно опредѣлить приблизительно мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла крѣпость норманскихъ викинговъ. Имена Юмсбурга и Юмны не встрѣчаются въ мѣстныхъ преданіяхъ. Слава древняго Волина забыта опѣмеченнымъ народонаселеніемъ. Но рыбаки волинскіе и узедомскіе рассказываютъ чудную повѣсть о царственной Винетѣ, о богатствахъ ея и гибели. По ихъ словамъ, море бережно хранитъ поглощенный имъ городъ. Въ ясные дни можно отличить, сквозь прозрачныя волны, развалины величавыхъ зданій, верхи церквей и башенъ, огромныя груды камней, расположенныхъ правильными рядами съ запада на востокъ. Иногда со дна морскаго подъежмются странные звуки: то гудятъ колокола винетскіе во славу Бога и земли вендской. Эти рассказы поморскихъ рыбаковъ исполнены поэзіи. Но откуда взялись они? Гдѣ историческая основа прекраснаго преданія? Какъ могло существованіе такого города, каковымъ описываютъ Винету, укрыться отъ вниманія лѣтописцевъ до Гельмольда, который въ исходѣ XII вѣка первый назвалъ это таинственное имя?

III. ВИНЕТА.

«Sie ward zerstört und heist
jetzt Wollin».

Nicolaus Marschalch ap. Westphalen
Mon. ined. I. 579

Изслѣдованія ученыхъ о Винетѣ составляютъ любопытный и поучительный эпизодъ въ самой исторіи науки. Сто лѣтъ тому назадъ такъ же крѣпко вѣрили въ существованіе Винеты, какъ въ подвигъ Вильгельма Теля. Всякое сомнѣніе казалось, если не преступнымъ, то по крайней мѣрѣ невѣжественнымъ и дерзкимъ отрицаніемъ очевидныхъ истинъ. Дѣло критики было трудное и опасное: она должна была

спорить противъ дорогихъ народу повѣрій, опровергать свидѣтельства лѣтописей и уличать съ легкомыслии людей съ громкими именами и великими заслугами въ области науки. То, что теперь намъ кажется обыкновеннымъ ученымъ трудомъ, было сто лѣтъ тому назадъ подвигомъ мужества и самоотверженія въ пользу истины. У сочинителя книги «Guillaume Tell, fable danoise» было вѣрно не менѣе смѣлости, чѣмъ у горнаго стрѣлка, въ дѣлахъ котораго онъ усомнился, и люцернскій совѣтъ, требовавшій казни наглаго скептика, едвали былъ лучше Геслера. Жизнь ученыхъ, которые начали критическое разложеніе сказаній о Винетѣ, конечно не подвергалась опасности, но имъ также не легко, не безъ тяжкихъ трудовъ и оскорбленій всякаго рода досталась побѣда надъ вѣковымъ предрасудкомъ. Бартольдъ разсказалъ подробно странное рожденіе и быстрый ростъ басенъ о Винетѣ ¹⁾. Имъ остается только дополнить его прекрасный трудъ нѣкоторыми, ускользнувшими отъ его вниманія фактами и выводами послѣднихъ, окончательныхъ розысканій.

Имя Винеты встрѣчается въ первый разъ въ лѣтописи Гельмольда, писанной около 1170 года. Выше показано, что бозовскій священникъ повторилъ, говоря о Винетѣ, слова Адама Бременскаго о Юмнѣ или Волинѣ. Изъ Гельмольдовой лѣтописи имя Винеты и ея описаніе перешли въ другіе письменные памятники Средняго вѣка. Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, никто не думалъ отличать Винеты отъ Юлины. Полагали, что это были два имени одного и того же города. Во второй половинѣ XIV вѣка ученый рыцарь Эрнстъ фонъ Кирхбергъ написалъ стихотворную хронику земли мекленбургской ²⁾. Очевидно, что для древнѣйшихъ временъ онъ почти исключительно пользовался Гельмольдомъ. Но извѣстія, сообщенныя послѣднимъ, уже дополнены и развиты историкомъ поэтомъ. Въмѣсто неопредѣленнаго *aliae gentes*

¹⁾ Gesch. von Pom. und Rügen. I. 404—423.

²⁾ Ernesti de Kirchberg Cronic. Mecklenburg. ap. Westphalen, Mon. ined. IV. 593—840. Кирхбергъ еще принимаетъ Винету, Юлину и Волину за названіе того же города.

Als Wynneta wart verstört
ich habs gelesen und gehört
Daz sy widder buwese sus.
mechtig der keysir Iulius,
und nante sy do Iulyn,
nu nennet man sy Wollin. p. 614.

regimētae» явились Чехи и Поляки. Явились также Евреи, потому что, по мнѣнію Эрнста фонъ Кирхбѣрга, ихъ не могло не быть въ торговомъ городѣ. Эти измѣненія были конечно неважны. Они въ сущности не искажали древняго текста, но первый шагъ на поприщѣ произвольныхъ толкованій и дополненій былъ сдѣланъ. При томъ направленіи, какое приняла историческая наука въ исходѣ XV и XVI столѣтій, сѣмя, брошенное Кирхбергомъ, не могло не принести богатыхъ плодовъ.

Реформація положила конецъ единству католическаго христіанства, въ которомъ дотолѣ жили и сознавали себя народы западной Европы. По самому свойству своему, такой переворотъ долженъ былъ обнаружить сильное вліяніе на всѣ отрасли человѣческаго знанія. У католическаго міра было свое пониманіе исторіи. Всѣ событія, всѣ народности были связаны одною идеей и одною цѣлью. При такомъ подчиненіи общему, частности болѣе или менѣе сглаживались. Но католическое воззрѣніе на исторію не могло быть принято поколѣніями XVI вѣка. Народы, выступивъ изъ связывавшаго ихъ прежде единства, потребовали каждый-своей особенной, ему исключительно посвященной исторіи. Множество ученыхъ взялось за это дѣло. Они принесли къ нему умы, настроенные къ смѣлымъ соображеніямъ великими событіями современности, огромную начитанность въ древнихъ классикахъ и въ лѣтописяхъ Средняго вѣка, пламенный патріотизмъ и совершенное отсутствіе всякихъ началъ критики. Скажемъ болѣе: у нихъ не было простаго смысла истины и правдоподобія. Чудовищныя компіляціи того времени поражаютъ нынѣшняго читателя нестройною ученостію, которая видна на каждой страницѣ, и страннымъ разгуломъ ничѣмъ не сдержаннаго воображенія ¹⁾. Разумѣется, есть исключенія, но ихъ немного. Это уже не простодушное невѣжество Средняго вѣка, а самовольная игра историческими фактами, наглый умыселъ передѣлать прошедшее сообразно съ личною прихотью или народнымъ самолюбіемъ.

Басня о Винетѣ въ ея постепенномъ развитіи служить разительнымъ доказательствомъ сказаннаго.

¹⁾ Ranke, Deutsche Gesch. im Zeitalter der Reformation. V. 492. Я надѣюсь представить подробную характеристику этого періода въ исторіи науки, въ приготовленной мною біографіи Ульриха фонъ Гуттена. Ср. также Бартольда Gesch. von Rom. II. R. I. 408.

Первый, кто пошелъ по слѣду, проложенному Кирхбергомъ, былъ Албрехтъ Кранцъ, (ум. 1517) писатель не безъ значительной учено-сти и не безъ дарованія, но зараженный общою болѣзнію вѣка. Подъ названіемъ «Вандалинъ», написалъ онъ исторію сѣверной Германіи, смѣшавъ, по примѣру многихъ предшественниковъ, Вендовъ съ Винулами и Вандалами, и принявъ Винету за отдѣльный отъ Юлина городъ. Но его Винета находилась также при рѣкѣ Дивеновѣ и была въ сущности старый Волинъ, на развалинахъ котораго, или, по крайней мѣрѣ, очень близко отъ нихъ, выстроился новый городъ. Описание Винеты заимствовано Кранцемъ изъ Гельмольда. Сочинитель Вандалинъ прибавилъ отъ себя извѣстіе о разореніи города Шведами и Датчанами, во времена Карла Великаго ¹⁾). Причиною этого бѣдствія были раздоры, возникшіе между жителями. Сказаніе это было принято за достовѣрный фактъ позднѣйшими историками, Сумомъ ²⁾, Веделемъ Симонсеномъ ³⁾ и т. д. Но откуда взялъ его самъ Кранцъ? Слова Гельмольда «quidam Danorum rex» вовсе не уполномочивали его къ такимъ выводамъ. Другіе, болѣе ранніе источники не упоминаютъ вовсе о Винетѣ. Веделъ Симонсенъ въ оправданіе Кранца ссылается на житіе св. Ангарія, составленное въ IX вѣкѣ ученикомъ его Римбертомъ. Не понимаю, какъ могло ученому изыскателю придти въ голову такое неудачное оправданіе. Кранцъ называетъ по имени конунговъ Гемминга и Герода, говорить о междоусобіяхъ жителей и т. д. Римбертъ рассказываетъ совсѣмъ другое. Изгнанный изъ родины шведскій конунгъ Анундъ просилъ помощи у Датчанъ и обѣщалъ имъ въ награду отдать на разореніе городъ Бирку. Жители умѣли отклонить отъ себя грозившую имъ бѣду, и датскіе викинги рѣшились вознаграждать себя другою добычею. «Ceciditque sors quod ad urbem quamdam longius inde positam in finibus Slavorum ire deberent. Hoc ergo illi, videlicet Dani, quasi divinitus sibi imperatum credentes, a loco memorato recesserunt et ad urbem ipsam directo itinere properarunt, innuentesque super quiete et secure habitantes, improvise civitatem illam armis ceperunt et captis in ea spoliis ac thesauris multis ad sua reversi sunt ⁴⁾». Здѣсь даже не названо имя взятаго города, не говоря

¹⁾ Alberti Crantzii Wandalia, II. c. 19. 20.

²⁾ Dansk. hist. I. 499. II. 159—162.

³⁾ Geschichtl. Untersuchung. ueber Iomsburg. p. 59.

⁴⁾ Vita S-ti Angarii c. 19, ap. Pertz, II. 704.

уже о другихъ подробностяхъ. Но этимъ не ограничился Кранцъ. У Адама Бременскаго, у Саксона Грамматика читалъ онъ о богатствѣ и значеніи древняго Юлина. Онъ пользуется описаніемъ, которое составилъ первый изъ этихъ двухъ лѣтописцевъ, не замѣчая, что тоже самое сказано имъ прежде о Винетѣ, со словъ Гельмольда. Потомъ онъ сообщаетъ новыя, у него перваго находимыя подробности, что Юлинъ уступалъ одному только Цареграду, что у каждаго изъ жившихъ тамъ торговыхъ народовъ были свои улицы, торжища и т. д. Короче, онъ рассказываетъ о Волинѣ то, что онъ зналъ о болѣе близкихъ ему по времени городахъ ганзейскихъ въ Россіи и Норвегіи ¹⁾. Слѣдовательно, Бартольдъ не правъ, называя Николая Маршалъха «отцемъ лжи» о Винетѣ. Маршалъхъ былъ только сумасброднѣе, смѣлѣе Кранца, но не ему принадлежитъ честь начинанія.

Вскорѣ послѣ Кранцовой «Вандалинъ» написалъ свою исторію Помераніи Іоаннъ Бугенгагенъ, уроженецъ волинскій. Въ первомъ отдѣлѣ своего разсужденія я упомянулъ объ его книгѣ и о сочиненной имъ генеалогіи для роднаго города. Онъ уже принимаетъ Винету за отдѣльный городъ и переноситъ ее съ Дивенова на сосѣдній съ Волиномъ островъ Узедомъ ²⁾. Разсказъ Гельмольда онъ относитъ исключительно къ Винетѣ. Преданіе о поглощеніи этого города моремъ ему еще не извѣстно, но онъ упоминаетъ объ уцѣлѣвшихъ развалинахъ. Впрочемъ Бугенгагенъ приводитъ другое мнѣніе, утверждавшее тожество Винеты и Волина, и признается, что оно также не безъ основанія ³⁾. Вопросъ этотъ повидимому его занималъ немного. Сочиненіе

¹⁾ Wandalia, c. 33.

²⁾ Wineta nobilissima Europae civitas fuisse creditur in terra Usedomensi in Pomerania, ubi adhuc prope Swinam cujusdam nobilis civitatis ostenduntur reliquiae. Pomerania, I. c. 6. Но подводные утесы, которые принимались за развалины Винеты, лежатъ не близъ Свины, а слишкомъ три мили далѣе на западъ, у Дамерова.

³⁾ Quidam vero ex ipso situ Winetam dicunt fuisse, quae nunc dicitur Wolin. Nec vanis ducuntur argumentis. Ibid. Меланхтонъ, который коротко зналъ Бугенгагена и, безъ всякаго сомнѣнія, читалъ его сочиненіе о Помераніи, полагалъ, что это Волинъ стоялъ на мѣстѣ Винеты. Вотъ слова его: «non procul a Stettino oppidum est Iulinum, ubi portus commodissimus, quare ibi propter mercatum fuisse olim ajunt amplam urbem, quam Uenetam nominant et ruinae adhuc cernuntur.» Oratio de vita Bugenbagii in praef. «Portus commodissimus» очевидно нейдетъ къ положенію Волина на Дивеновѣ, но подтверждаетъ мое мнѣніе, что устье Свины служило гаванью для торговаго города.

Бугенгагена не могло имѣть большаго вліянія, не смотря на то, что оно было гораздо лучше всего, что написано о томъ же предметѣ его современниками и вообще учеными XVI вѣка. Оно пролежало болѣе двухсотъ лѣтъ въ рукописи и напечатано не прежде, какъ въ 1728 году. Тѣмъ болѣе читались сочиненія въ родѣ *Annales Herulorum et Vandalorum* I. VII, Николая Маршалъха ¹⁾. Не считаю нужнымъ передавать содержаніе этихъ бредней. Достаточно слѣдующаго: по свѣдѣтельству лѣтописей (?), въ Винету, гдѣ жили Птолемеевы Венеты, ходили товары изъ Индіи, Азіи, Греціи. Торговля сношенія происходили тогда съ большимъ удобствомъ и простирались отъ Вандаловъ къ Сарматамъ, отъ Сарматовъ къ Скиѣмъ, потомъ къ Каспійцамъ, Сирамъ, Бактріанамъ и Индѣйцамъ. Когда погибла Винета, на ея мѣстѣ возникъ Юлинь, что доказывается древними памятниками ²⁾. Какими?

Но мы еще далеко отъ берега. Намъ еще предстоитъ длинное плаваніе въ этомъ океанѣ нелѣпостей, въ которомъ потонуло такъ много неосторожныхъ историковъ прошедшаго и даже нынѣшняго столѣтія.

Окончательно утвердилъ вѣру въ существованіе и значеніе Винеты сочинитель извѣстной померанской хроники Тома Канцовъ. Его нельзя упрекнуть въ умышленномъ обманѣ. Онъ былъ обманутъ собственнымъ воображеніемъ ³⁾. Собирая матеріалы для своей книги, онъ рѣшился повѣрить на мѣстѣ истину сказаній о развалинахъ Винеты. Въ промежуткѣ 1520 — 30 были совершены имъ эти розысканія. Онъ нашелъ въ морѣ противъ деревни Дамерова, лежащей на островѣ Узедомѣ, ряды камней, расположенныхъ въ порядкѣ съ В. на З. и заключилъ, что въ этомъ направленіи шли улицы погибшаго города. Камни онъ принялъ за фундаментъ смытыхъ моремъ домовъ. Въ трехъ или четырехъ мѣстахъ утесы возвышались надъ поверхностію воды. Канцову показались они главами церквей и ратуши. Глубина не позволяла ему кончить изслѣдованій, но довольно было и найденнаго. Открытая имъ часть Винеты равнялась величиною Любеку и, безъ сомнѣнія, превосходила его во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Ры-

¹⁾ Ap. Westphalen, Mon. ined. I. 168. Сочиненіе это написано около 1521 года.

²⁾ *Annales Herulorum et Vandalorum*, p. 198.

³⁾ Здѣсь дѣло идетъ только о Винетѣ. Вообще Канцовъ не отличался строгимъ уваженіемъ къ истинѣ. Доказательства находятся въ III томѣ Бартольдовой исторіи Помераніи и Рюгена.

баки, провожавшіе Канцова, рассказывали ему между прочимъ, что улицы Винеты были вымощены камнемъ, и что эту мостовую, обросшую мохомъ, можно опустать посредствомъ длинныхъ шестовъ ¹⁾. Вопросъ былъ рѣшенъ. Канцовъ внесъ въ свою хронику результаты сдѣланныхъ имъ открытій. На небольшомъ островѣ Волинѣ явились современно два богатые и сильные города: Волинѣ и Винета. Последняя была, впрочемъ, могущественнѣе своего соперника ²⁾. Болѣе подробныхъ извѣстій объ ней не сообщаетъ Канцовъ. Онъ довольствуется буквальныймъ переводомъ извѣстнаго мѣста Гельмольдовой лѣтописи и заимствованнымъ у Кранца предположеніемъ, что Визби въ Готландіи возникъ вслѣдствіе гибели Винеты. Книга Канцова имѣла большой успѣхъ. Она ходила въ многочисленныхъ спискахъ, была дополняема и сокращаема учеными ³⁾ и вообще считалась лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету. Не удивительно, что его рассказы о подводныхъ развалинахъ привлекли къ тому мѣсту, гдѣ они находились, много любознательныхъ посѣтителей. Умершій въ 1560 году герцогъ померанскій Филиппъ приказалъ измѣрить пространство, занимаемое мнимыми остатками Винеты. Оказалось, что они шли на полмилю въ длину и на три четверти милю въ ширину ⁴⁾. Вскорѣ по-

¹⁾ Aber kein maurwerk ist mehr dar;... Allein seint die grossen fundamente steine noch vorhanden und liegen noch so an der Rege, wie sie unter einem Hause ligen pflegen, eins neben dem andern, und an etlichen ortern andere noch droben. Darunter seint so grosse steine, an drey oder vier orten, dass sie wol ellen hoch über Wasser scheinen, als das man achtet, es werden da ire kirchen oder ratsheuser gestanden sein.... Und die fischer des orts sagten uns, das noch gantze steinpfaster der gassen da weren, und weren übermoset, das man sie nicht sehen könnte; sunst wan man einen spitzen stungen oder spies hinein stiesse, so könnte mans wol fülen.... Aber was wyr sahen, deuchte uns das es wol so gross war als Lübeck. • Thomas Kanzow's Chronik von Pommern, in hochdeutscher Sprache, herausgegeben von Fr. L. B. von Medem, Anclam, 1841, p. 34—35.

²⁾ Dan ob wol Wollin zu der zeit ein mechtige stat gewest, so ist doch Wineta viele mechtiger gewest.... Id. p. 33.

³⁾ Теперь, когда, благодаря трудамъ Бемера и Медема, изданы оба текста хроники Канцова, очевидно, что «Pomerania», изданная Козегартеномъ и приписанная имъ Канцову, состояла, равно какъ и многіе сборники того же имени и сходнаго содержанія, изъ настоящаго сочиненія Канцова и многочисленныхъ дополненій и вставокъ, сдѣланныхъ въ послѣдствіи учеными, которые занимались тѣмъ же предметомъ. Были также и сокращенія.

⁴⁾ Zedlers Universallexicon, Томъ 57, стр. 819.

слѣ 1560 года, въ Дамеровѣ были для осмотра загадочныхъ камней, молодой герцогъ брауншвейгскій и Іоаннъ Луббекъ, бюргермейстеръ трептовскій. Оба они слышали отъ проводниковъ своихъ много подробностей о великолѣпнѣ утонувшаго города. Пасторъ сосѣдняго Волгаста сказалъ даже герцогу, что послѣ бѣдствія, постигшаго Винету, Шведы увезли къ себѣ всѣ мраморные обломки. По словамъ какой-то старой пѣсни, металлическія ворота, которыми красовался Виаби въ Готландѣ, составляли часть этой добычи ¹⁾). Луббекъ нашелъ камни почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ оставилъ лѣтъ за тридцать или болѣе Ванцовъ. Опираясь на прежнія изслѣдованія, на пѣсни и сказанія рыбаковъ и наконецъ на найденныя имъ въ монастыряхъ древнія рукописи, трептовскій бюргермейстеръ сообщилъ въ своемъ письмѣ къ Давиду Хитрею слѣдующія извѣстія. Городъ Винета былъ богатъ и славенъ еще до походовъ Гейариха вандальскаго въ Африку и Одоакра герульскаго въ Италію. Причиною его гибели было не нашествіе враговъ, а наводненіе. Это бѣдственное событіе случилось въ царствованіе Лудвига Благочестиваго ²⁾). Нельзя не подивиться такой изобрѣтательности и смѣлости догадокъ. Кромѣ самого Луббека, никто не могъ воспользоваться источниками, на которые онъ ссылается. Положимъ что онъ, какъ думаютъ нѣкоторые, дѣйствительно читалъ какія нибудь монастырскія лѣтописи о Юмбургѣ, передѣланныя изъ сагъ, но онъ вовсе не говоритъ о норманской крѣпости, а толкуетъ о Вандалахъ, Герулахъ и такой древности, до какой вѣрно не доходили ни видѣнные имъ письменные памятники, ни изустныя преданія дамеровскихъ рыбаковъ. На старыя пѣсни ссылается не онъ одинъ; но странно, что ни одинъ изъ защитниковъ Винеты не привелъ хотя двухъ стиховъ изъ слышанной имъ пѣсни. Эти соображенія не помѣшали однако, нѣсколько десятилѣтій спустя, Микрелію внести въ свою подробную исторію Земли померанской всѣ басни о Винетѣ, которыя накопились въ теченіе цѣлаго столѣтія, и замкнуть изслѣдованіе великими открытіями трептовскаго бюргермейстера. Существенно новыхъ фактовъ Микрелій не прибавилъ къ исторіи, и безъ того уже богатой подробностями. Но онъ развилъ и пояснилъ дошедшія до него свѣдѣнія. Такимъ образомъ ему извѣстно,

¹⁾ Barthold, *Gesch. von Pom. und Rugen* I. 414.

²⁾ Dahnert, *Pom. Bibl.*, III, 128. Ср. *Chytraci prooem.* p. 33.

что въ Винетѣ были металлическія ворота, что серебро находилось тамъ въ такомъ изобиліи, что его употребляли на самыя ничтожныя вещи и т. д. Далѣе рассказываетъ Микрелій, что въ ясную погоду можно видѣть на днѣ морскомъ уцѣлѣвшіе остатки города и замѣтить прекрасное расположеніе улицъ. Разумѣется, что, послѣ гибели Винеты, ея мѣсто заступилъ Волинъ и въ свою очередь сталъ соперникомъ Цареграда ¹⁾. Я не считаю нужнымъ говорить въ этомъ обзорѣ ни о Мунстерѣ, ни о Хитреѣ и другихъ того же разряда писателяхъ, которые заимствовали у своихъ предшественниковъ готовый матеріалъ и только повторили въ своихъ книгахъ прочитанное ими прежде.

Въ XVII столѣтіи басни о Винетѣ получили окончательную форму. Имя вендской столицы явилось на географическихъ картахъ того края и перешло изъ частныхъ изслѣдованій въ учебныя книги. Известный своими историческими и географическими трудами Албрехтъ Шварцъ былъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ фактовъ, переданныхъ Кранцомъ, Канцовымъ и Микреліемъ. Онъ старался доказать возможность современнаго существованія двухъ великихъ городовъ, каковы были, по общему мнѣнію, Волинъ и Винета, на томъ тѣсномъ пространствѣ, какое отвели имъ народныя преданія и наука. Іомсбургъ, о которомъ Шварцъ узналъ изъ скандинавскихъ источниковъ и написалъ отдѣльное разсужденіе, онъ относилъ къ Ямундскому озеру, въ окрестности Кестлина ²⁾. Въ 1741 году два голландскія купеческія судна потерпѣли кораблекрушеніе близъ Дамерова. Тотчасъ распространился слухъ, что они разбились о каменные развалины Винеты. Нашлись даже люди, которые увѣряли, что они собственными глазами видѣли надъ поверхностію моря три алебастровыя или мраморныя колонны, изъ которыхъ одна покосилась отъ толчка, даннаго ей голландскимъ судномъ. Тогдашніе разказы передалъ намъ Штолле въ «Исторіи города Деммина». Онъ сообщалъ своимъ читателямъ, что стѣны города Винеты лежатъ на десять футовъ ниже морской поверхности, а упомянутыя выше колонны только на шесть. Но когда убываетъ вода, верхи этихъ блестящихъ бѣлизною колонъ выходятъ наружу, и рыбаки раз-

¹⁾ Ioh. Micraellii sechs Bücher vom alten Pommerlande. 1723. I. 97. Первое изданіе вышло въ 1640 году.

²⁾ Geographie von norder Deutschland, стр. 123. Geschichte der Pommerschen und Rugianischen staedte стр. 617.

стилають на них сѣти свои для сушенія. Стѣны очень широки и крѣпки. Форма города овальная; величиною онъ болѣе Штетина. Вблизи отъ развалинъ, магнитная стрѣлка приходитъ въ странное колебаніе, что было причиною 8 кораблекрушеній въ теченіе 26 лѣтъ, т. е. съ 1745 по 1771 годъ ¹⁾. На основаніи всѣхъ изчисленныхъ данныхъ, написалъ прусскій президентъ Кессербринкъ нанечатанное въ VIII томѣ Бюшингова магазина изслѣдованіе о Винетѣ или старомъ Волинѣ ²⁾. Здѣсь примирены всѣ противорѣчія, разрѣшены всѣ недоразумѣнія. Іомсбургъ былъ не что иное, какъ цитадель винетская, «тоже что Бирса при Кароагенѣ ³⁾». Приведенныя выше слова саги объ укрѣпленіяхъ іомсбургскихъ не кажутся Кессербринку преувеличенными. Онъ даже снабдилъ ихъ слѣдующимъ комментариемъ: «въ этой крѣпости (Іомсбургѣ) находится арсеналъ для тяжелыхъ орудій; тамъ также были приличные комнаты для постоянного жилища коменданту и остальнымъ высшимъ офицерамъ.... Можно заключить, что и въ казармахъ для простыхъ солдатъ не было недостатка ⁴⁾». Есть наконецъ цѣлая глава объ отношеніяхъ вендскаго двора и великаго Бурислава къ сосѣднимъ державамъ. Тутъ, между прочимъ, находится извѣстіе, что въ Іомсбургѣ былъ даже «первый министръ для придворныхъ и государственныхъ дѣлъ ⁵⁾». Сколько мнѣ извѣстно, слова ученаго президента не возбуждали недоувѣрчивости въ современныхъ ему ученыхъ. Около десяти лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ VIII тома Бюшингова магазина, сказалъ о Винетѣ Іоаннъ Мюллеръ: «она была средоточіемъ, гдѣ произведенія пастушеской жизни и еще незначи-

¹⁾ Stolle, Beschreibung und Geschichte von Demmin. Greifsw. 1772. стр. 466.

²⁾ Büschings Magazin, VIII. Geschichte der Stadt Iulin. стр. 389.

³⁾ Ibid. стр. 393.

⁴⁾ Ibid. стр. 399.

⁵⁾ Президентъ Кессербринкъ говоритъ, что дочь великаго Бурислава, Гейра, была назначена отцомъ вице-королемъ Померя. Приведу слова его въ подлинникъ. Der Geira war einer mautens Dixin zum ersten minister in Hof und Staatsangelegenheiten an die seite gesetzt Als nun eben in diesem Jahr 884 eine fremde Flotte bei dem Vindlandischen oder Julinschen Werder anlangte, deren mannschaft mit den anwohnern der küste nicht feindselig umging, sondern sich vielmehr *ungemein sittsam und angenehm* aufführte; so übernahm es gedachter Premier ministre selbst diesen gästen im Namen der vice königin die Ueberwinterung anzutragen .. Стр. 482. Эти люди, которые такъ пріятно и нравственно вели себя, были Норманы Олава Триггвассона, одного изъ самыхъ честныхъ»

тельного ремесленного труда обмѣнивались на товары купцовъ, посѣщавшихъ поморье. Но внезапно опустилась почва, на которой стоялъ городъ, въ море; великая Винета исчезла; развалины ея суть подводные утесы, но мраморъ и алебастръ свидѣлствуютъ со дна морскаго о прошедшемъ величїи ¹⁾).

Не говоря о бредняхъ, возникшихъ въ началѣ XVI вѣка и завершенныхъ въ статьѣ президента Кеффербринка, самый фактъ существованія Винеты доказывается слѣдовательно: 1) свидѣтельствомъ Гельмольда; 2) народными преданїями; 3) развалинами города, о которыхъ у насъ есть рассказы людей, видѣвшихъ ихъ собственными глазами. Сверхъ того защитники Винеты ссылаются на такъ называемый *Codex Oldenburgensis*, гдѣ встрѣчается странное извѣстїе, что въ 1158 и 1176 годахъ въ любскомъ городовомъ совѣтѣ засѣдали люди изъ городовъ Волина и Винеты. Такимъ образомъ существованіе Винеты относится къ позднѣйшему времени, и она ясно отдѣляется отъ Волина, съ которымъ ее смѣшивали ²⁾).

Я разберу порознь все эти доказательства. Ихъ опровергнуть не трудно:

I. Выше показано, что Гельмольдъ переписалъ почти отъ слова до слова описаніе Юмны Адама Бременскаго, но вмѣсто Юмны у него явилось новое имя — Винета, о которой до того времени не упоминали лѣтописцы. Далѣе, говоря о смерти Гаральда Блаатанда, Гельмольдъ повторяетъ опять сказанное Адамомъ; но мѣсто, гдѣ умеръ раненный стрѣлою Пальнатоки конунгъ, названо у него Винетою ³⁾. Ясно, что подъ этимъ именемъ онъ разумѣетъ Юмну бременскаго лѣтописца или Юлинь Саксона Грамматика, которыхъ тожество несомнѣнно. Нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Цельнеръ ⁴⁾, Линдфорсъ ⁵⁾

¹⁾ Vier und zwanzig Bücher Allgemeiner Geschichte, въ полномъ собранїи сочиненій, томъ III, 218. При этомъ нельзя не вспомнить строгаго и отчасти справедливаго приговора, который произнесъ надъ Мюллеромъ другой болѣе великій историкъ, Хабуръ.

²⁾ Этотъ «Codex», который служитъ дополненіемъ къ «*vusticia Lubicensis*» напечатанъ у Вестеалена, Mon. ined. 111. p. 632.

³⁾ Ipse vero Haraldus graviter sauciatus fugit ex acie, ascensaque navi elapsus est ad civitatem opinatissimam Slavorum, nomine Winnetam. Helmold. I. 15. Ср. Adam. Brem. 70.

⁴⁾ Zöllners Reise durch Pommern nach Rügen, стр. 505.

⁵⁾ Lindfors de civitate Iomensis, p. 72.

и наконецъ Шафарикъ, полагаютъ, что слово Винета въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ и грамотахъ означаетъ просто городъ Вендовъ — *civitas Venetorum*. Шафарикъ привелъ даже нѣсколько примѣровъ такого рода. Но дѣло идетъ о другихъ вендскихъ городахъ, другихъ Винетахъ, а не о Волинѣ, который подъ этимъ именемъ является впервые у Гельмольда. Во многихъ актахъ, относящихся къ 936 году, встрѣчается «*Groninche quod dicitur Wenethen*»; въ грамотахъ 937, 1022, 1062 годовъ — «*Winethahusum*» (*Wendenhausen*); въ грамотахъ 1022, 1064 и т. д. — «*Winethe*» ¹⁾. Замѣтимъ только, что это названіе употреблялось Нѣмцами, а не Славянами, которые сами никогда не называли себя Вендами, и слѣдовательно для нихъ слово «*Vineta*» было чуждый, иноплеменный звукъ ²⁾. Есть другое мнѣніе, высказанное первоначально, если не ошибаюсь, Лангебекомъ ³⁾, по которому «Винета» есть не что иное, какъ ошибка самого Гельмольда, не разобравшаго въ бывшемъ у него спискѣ Адамовой лѣтописи имени *Jumpe* (въ латинизированной формѣ — *Jumpea*) и замѣнившего его другимъ, ему болѣе знакомымъ; или, что еще вѣроятнѣе, эта ошибка принадлежитъ позднѣйшимъ переписчикамъ «Славянской Хроникѣ». Совершенно сходный случай повторился съ «Церковною исторіею Англовъ» Беды, въ которой переписчики замѣнили известное имя племени «*Juti*» другимъ, вовсе бессмысленнымъ — «*Viti*». Мнѣніе Лангебека очень правдоподобно. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Гельмольдовой лѣтописи нѣтъ совсѣмъ слова Винета, которое находится во всѣхъ доселѣ вышедшихъ изданіяхъ. Въ одномъ спискѣ читается: *Jumeta*; въ другомъ: *Jumpeveta*; въ третьемъ: *Niniveta* ⁴⁾. Бангертъ, въ примѣчаніяхъ къ своему изданію Гельмольда, упоминаетъ объ одномъ спискѣ, гдѣ онъ нашелъ *Jumpea* ⁵⁾. У позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые пользовались Гельмольдомъ, такъ какъ онъ пользовался Адамомъ, встрѣчается странное разнообразіе именъ тамъ, гдѣ они просто переписываютъ известное намъ описаніе Юмны. Такимъ образомъ у лѣтописца саксонскаго читаемъ вмѣсто Юмны или Винеты: *Wimpe* ⁶⁾; у Германа

¹⁾ *Slowanské starozitnosti*, p. 894

²⁾ *Ibid.* 69.

³⁾ *Scriptores rer. Danic. medii aevi* I. 51—50.

⁴⁾ См. примѣчанія въ Штенрейнесу изданію Гельмольдовой лѣтописи, p. 561.

⁵⁾ *Chronicon Slavorum* Helmoldi ex recensione Henr. Bangerti, p. 48.

⁶⁾ *Eccardi Corp. hist. medii aevi*, I. 339.

Корнера: Nyniveta или Nyumeta ¹⁾; въ Chronicon Slavicum: Luniveta ²⁾. Всѣ эти варианты происходятъ отъ одной причины, оттого, что переписчики и позднѣйшіе лѣтописцы, не разобравъ имени города, о которомъ говорить Гельмольдъ, писали его каждый на свой ладъ.

II. Безсмысленно отвергать свидѣтельство народнаго преданія потому только, что въ этомъ преданіи вымыслы и историческіе факты сплелись въ густую ткань, которой отдѣльныя нити почти неуловимы для глазъ. Но не всегда такъ называемое преданіе переходитъ изъ устъ народа въ книгу, иногда оно идетъ обратнымъ путемъ — изъ книги въ народъ. Такихъ примѣровъ можно привести много. Сказаніе о Винетѣ едва ли первоначально вышли изъ народа. Быть можетъ, подводные камни подали поводъ къ какимъ нибудь слухамъ между рыбаками, но окончательную форму преданіе приняло вслѣдствіе догадокъ и разсказовъ, пущенныхъ въ ходъ Канцовымъ и его послѣдователями. Частыя посѣщенія и разспросы любознательныхъ людей не могли не подѣйствовать на воображеніе дамеровскихъ рыбаковъ. Оно въ свою очередь стало помогать соображеніямъ ученыхъ изслѣдователей и снабжать ихъ новыми, хотя очень не крѣпкими доводами. Что сказаніе о Винетѣ не было туземное, вендское — это ясно изъ самаго имени города, которое могло возникнуть только у Нѣмцевъ. И имя и преданіе произошли на чуждой, не славянской почвѣ. Это искусственно воспитанная растенія, безъ внутренней силы, которую сообщаетъ народный духъ всему, что выходитъ изъ глубины его.

III. Защитники Винеты приписываютъ великую важность списку членовъ любскаго городского совѣта, въ которомъ сказано, что въ 1158 и 1176 годахъ въ этомъ совѣтѣ засѣдали люди родомъ изъ Винеты и Юлина ³⁾. Такое извѣстіе доказываетъ съ одной стороны дѣйствительное существованіе Винеты, съ другой — ея различіе отъ Юлина. Но по словамъ самого Гельмольда, Винета уже не существовала во второй половинѣ XII столѣтія: quondam fuit — сказалъ онъ около 1170 года. Памятникъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, весьма сомнительнаго свойства. Онъ возникъ не прежде, какъ въ XIV или даже быть можетъ въ XV вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, существующій

¹⁾ Ibid. II.

²⁾ Lindenbrogii Scriptores rer. Septentrionalium, p. 189. Эту Луннету смѣнивали многіе съ скандинавскимъ Лундомъ, противъ чего возставала еще Бугенгагенъ.

³⁾ Westphalen, Mon. ined. III. 632.

списокъ весь писанъ одною рукою и доведенъ до 1416 года. Невѣжественный составитель явно обличаетъ желаніе угодить тщеславію любскихъ патриціевъ, которыхъ родамъ приписываетъ глубокую древность. Нижне-нѣмецкій языкъ этой компіаціи принадлежитъ довольно позднему времени ¹⁾. Наконецъ, допустивъ невозможную древность и достовѣрность любскаго списка, мы должны вспомнить, что въ окрестности Любека могла быть не одна Винета. Ведель Симонсенъ ²⁾ приводитъ одну грамоту императора Генриха IV, въ которой читаемъ: «in loco Winethe dicto in pago Lascne in comitatu Henrici comitis». Эта Винета находилась недалеко отъ Гамбурга и по самому положенію своему могла быть въ тѣсной связи съ Любекомъ.

IV. Остается разобрать послѣднее доказательство — дѣйствительное существованіе подводныхъ развалинъ славянскаго города. Молва о знаменитыхъ развалинахъ побудила берлинскаго ученаго Цѣльнера посѣтить въ 1795 году деревню Дамеровъ. При пособіи зрительной трубы, онъ замѣтилъ въ морѣ два мѣста, гдѣ волны разбивались съ особеннымъ плескомъ и шумомъ; рыбаки сказали ему, что причиною этого явленія была большая кирпичная стѣна, въ четыре фута толщиною, которая удерживала натискъ воды. Цѣльнеръ слышалъ также отъ нихъ, сверхъ извѣстныхъ разсказовъ, что часть этой кирпичной стѣны возвышается до самой поверхности моря. Онъ не могъ ничего подобнаго замѣтить и отправился изъ Дамерова съ недоувѣрчивостію къ мѣстному преданію и къ самымъ развалинамъ ³⁾. Тѣмъ не менѣе онъ предложилъ собрать по подпискѣ деньги, нужныя для произведенія изслѣдованій на днѣ морскомъ съ помощію водолазнаго колокола. Собрана была довольно значительная сумма, но Цѣльнеръ умеръ, и предпріятіе остановилось ⁴⁾. Въ 1798 опытъ былъ однако сдѣланъ, благодаря любознательности нѣкоторыхъ жителей Штеттина и Свиенмюнде и датскаго шкипера Финка. По ихъ желанію, Шотландецъ Бусъ (Boos) опускался на морское дно въ означенномъ мѣстѣ, и хотя

¹⁾ Barthold, Gesch. von Pom und Rügen. I. 420. Руморъ видѣлъ въ любскомъ архивѣ ненапечатанный списокъ членовъ городского совѣта, въ которомъ вовсе не упоминается о Юлиѣ и Винетѣ. Sammlung für Kunst und Historie, I. 79.

²⁾ Geschichtl. Untersuchungen über Iomshurg, p. 37. Грамота Генриха IV отъ 1064 года. Она напечатана у Лиденбюрга Scriptores rerum germanicarum Septentrionalium etc. p. 142, № 28.

³⁾ Zöllner, Reise nach Rügen, 123, 522, 523.

⁴⁾ Vedel Simonsen, Gesch. Untersuchungen über Iomshurg. p. 44.

бура не позволяла ему повторить опыта, но изъ словъ его оказалось несомнѣннымъ, что изслѣдованная имъ часть мнимыхъ развалинъ была не что иное, какъ обыкновенныя груды подводнаго гранита ¹⁾. На основаніи этихъ данныхъ написалъ профессоръ Вреде въ Берлинѣ отдѣльное разсужденіе, въ которомъ онъ доказываетъ неосновательность слуховъ о поглощенной волнами Винетѣ ²⁾.

Послѣднимъ защитникомъ Винеты и ея развалинъ явился извѣстный своими трудами на другомъ поприщѣ пасторъ Мейнгольдъ. Онъ опирается не столько на свидѣтельство Гельмольда, сколько на слѣдующіе доводы: 1) на древнее преданіе; 2) на правильно расположенныя ряды камней, видѣнныхъ Канцовымъ и Луббехомъ; 3) на найденный въ морѣ, въ 1836 году, при постройкѣ свинемюндской гавани, обточенный человѣческими руками камень; 4) на множество черепковъ отъ языческихъ урнъ, употреблявшихся при погребеніяхъ, которые находятся близъ Дамерова; 5) на значительное число золотыхъ монетъ, около сорока лѣтъ тому назадъ тамъ же найденныхъ и немедленно пропавшихъ, такъ что надъ ними не произведено никакого изслѣдованія; наконецъ 6) на разорванный берегъ острова Узедома близъ устья Свины, обличающій древній, сильный переворотъ, совершенный раздраженнымъ моремъ ³⁾.

Всѣ эти доводы, за исключеніемъ втораго, достаточно опровергнуты Бартольдомъ ⁴⁾. Но пасторъ Мейнгольдъ обратился самъ къ Обще-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ueber die Gebirgstrümmer einer vorgeblich von der See verschlungenen Stadt Vineta, Zach: Monathl. Correspondenz. 1802. Mai, стр. 438. October, стр. 347.

³⁾ Humoristische Reisebilder 1838, p. 75 — 98.

⁴⁾ Gesch. von Rügen und Pommern, I. 420. Примѣчаніе. Вотъ въ короткихъ словахъ опроверженіе Мейнгольдовыхъ положеній: иностранное слово Винета не могло быть основой народнаго преданія; если бы въ самомъ дѣлѣ море поглотило каменный городъ, то развалины его по прошествіи столѣтій не могли бы остаться въ томъ правильномъ расположеніи, какое замѣтили Канцовъ и Луббекъ; камень, найденный близъ Свинемюнде, самъ по себѣ ничего не доказываетъ, а сверхъ того, его нѣтъ въ виду въ Штеттинѣ, куда, по словамъ г. Мейнгольда, онъ былъ посланъ; черепки отъ урнъ встрѣчаются не въ однихъ окрестностяхъ Дамерова; найденныя золотыя монеты, даже если бы этотъ фактъ былъ достовернъ, недостаточное свидѣтельство. Такіе влады попадались не разъ въ разныхъ мѣстахъ острова Волина. Что море въ глубокой древности измѣнило форму острова и оторвало даже часть берега — это возможно и даже вѣроятно; но этихъ не доказывается существованіе поглощеннаго города.

ству померанской исторіи и древностей съ просьбою о пособіи для новыхъ опытовъ посредствомъ водолазнаго колокола Общество съ своей стороны сдѣлало предварительно нѣсколько запросовъ и изслѣдованій, которыхъ результатомъ были слѣдующія показанія. 1) Тайный коммерціи совѣтникъ Краузе сообщилъ обществу, что, еще за сорокъ лѣтъ до сего, находясь въ Свинемюнде, онъ встрѣтилъ тамъ на одномъ англійскомъ суднѣ матроса, отличнаго пловца, который прежде занимался ловлею жемчужныхъ раковинъ. Г. Краузе предложилъ ему отправиться съ нимъ къ развалинамъ Винеты и опуститься тамъ нѣсколько разъ на дно моря для узнанія его свойства. Опыты эти начались на глубинѣ 9 футовъ и продолжались далѣе въ морѣ. Неутомимый матросъ 7 или 8 разъ опускался въ разныхъ мѣстахъ на дно, оставался долгое время подъ водою и каждый разъ выносилъ горсть морскаго песку и увѣреніе, что кромѣ обыкновенныхъ камней онъ не находилъ ничего. По всей вѣроятности, г. Краузе сообщилъ обществу только новыя подробности о томъ предпріятіи, которое, какъ выше сказано, совершено было 14 августа 1798 года нѣкоторыми свинемюндскими и штетинскими гражданами. 2) Г. Скабель въ Штетинѣ, который завѣдывалъ постройкою свинемюндской гавани, письменно отвѣчалъ въ то время на вопросъ покойнаго президента Геринга о расположеніи винетскихъ развалинъ, что онъ самъ дважды осматривалъ каменную гряду, известную подъ этимъ именемъ и при столь ясной погодѣ, что на глубинѣ 12 футовъ можно было отличать камешки величиною съ орѣхъ, но ничего похожаго на развалины или на правильное расположеніе массъ не замѣтилъ. Поставщики камня для гавани, которые ломали въ самомъ этомъ мѣстѣ гранитъ и доставали его изъ глубины отъ 6 до 12 футовъ, подтвердили тоже самое. Однимъ словомъ, слѣдовъ каменнаго города подъ водою не оказалось никакихъ ¹⁾).

Вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ предварительныхъ справокъ, Общество померанской исторіи сочло себя въ правѣ отказать пастору Мейнгольду въ его просьбѣ, потому что всѣ дальнѣйшіе опыты были бы излишніи и бесполезны. Вопросъ рѣшенъ окончательно. Деревяннаго Воина не удалось превратить въ мраморную Винету. Она существовала толь-

¹⁾ XIV-й отчетъ общества Померанской исторіи и древностей. Baltische Studien, VII. 249—353.

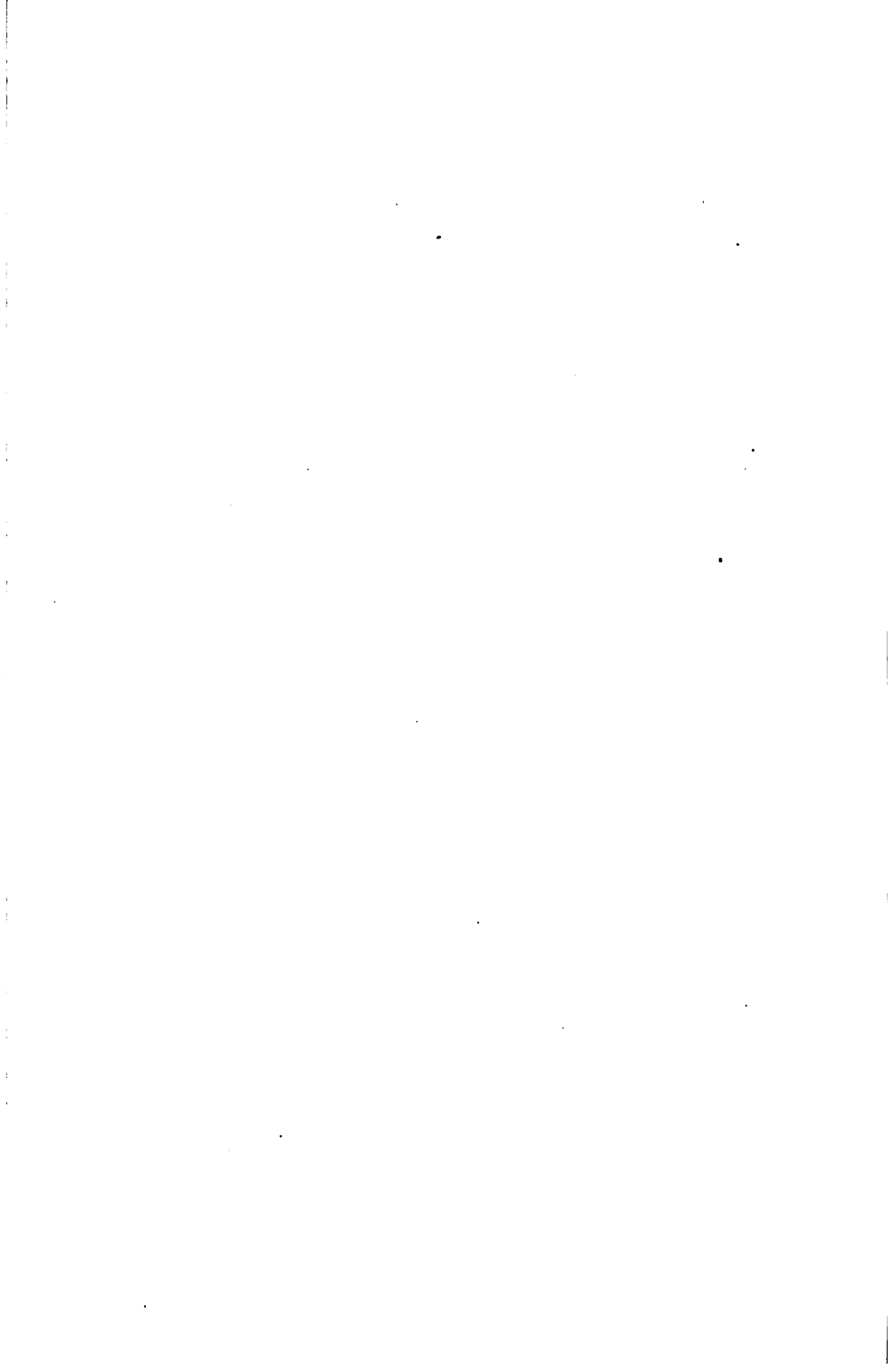
ко въ воображеніи ученыхъ и рыбаковъ дамеровскихъ, которые долго не откажутся отъ прекраснаго преданія. Подобное сказаніе существуетъ и въ другой части Померанціи ¹⁾). Пусть народъ вѣритъ въ эти рассказы: для него они составляютъ исторію и поэзію; они могутъ быть приняты и въ настоящую, чистую отъ вымысловъ исторію; но ихъ не надобно ставить на ряду съ строгою дѣйствительностію. У нихъ есть свой смыслъ, свое независимое достоинство и значеніе.

Найдутся и кромѣ дамеровскихъ рыбаковъ люди, которые еще не отступятся отъ Винеты, которымъ предъ лицомъ сухой, критикою добытой истины, станетъ жаль изящнаго вымысла; но противъ ихъ возраженій наукѣ говорить нечего.

Въ заключеніе должно упомянуть о поэтическомъ предположеніи Гизебрехта ²⁾). Онъ не вѣритъ въ существованіе Винеты; но ему кажется, что въ основаніи преданій объ ней лежитъ историческая истина, скрытая въ символическихъ обрядахъ. Гудящій колоколами церкви своихъ подводный городъ есть, по его словамъ, поэтическое изображеніе христіанской церкви въ землѣ вендской, во дни отпаденія Саксовъ отъ Генриха IV.

¹⁾ Wend. Gesch. II. 129.

²⁾ Ibid.

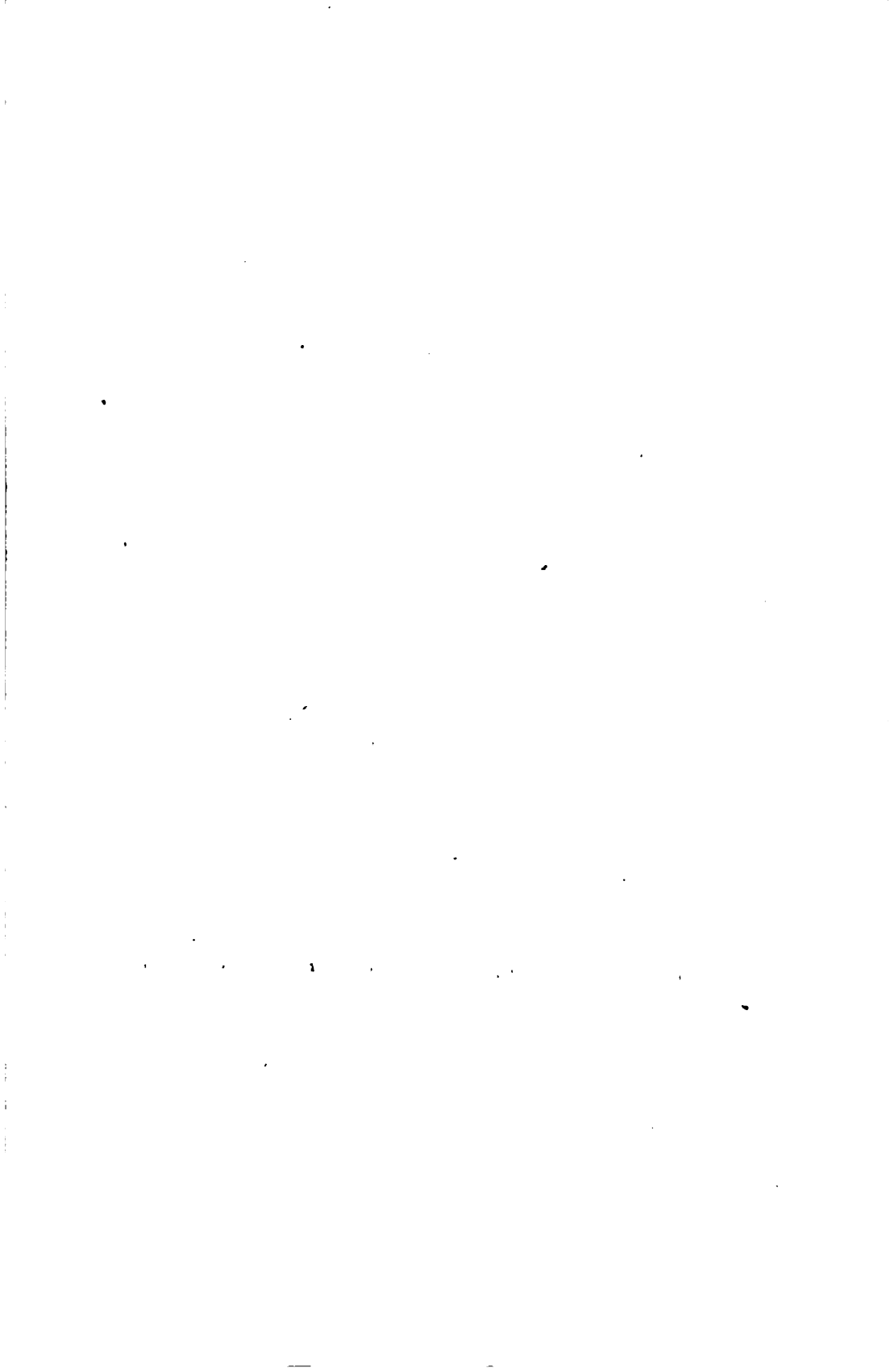
АББАТЪ СУГЕРІИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

De ces monuments le plus instructif, le plus authentique, est, sans contredit, la vie de Louis le Gros, par Suger. On ne saurait l'étudier avec trop de soin et de trop près. Elle repend des lumières infinies sur l'état de la société française à cette époque. J'en tirerai presque tout ce que je vais mettre sous vos yeux.

Guizot, *Hist. de la civilisation en France*. Leçon 42.

(Диссертация на степень доктора. Напечатана особою книгою въ 1849 году)

При бѣдности нашей исторической литературы, при недостаткѣ книгъ, удовлетворяющихъ существеннымъ потребностямъ русскихъ читателей, каждое новое историческое сочиненіе должно оправдать свое появленіе важностію своего содержанія. Нуждаясь въ необходимомъ, мы не имѣемъ права на ученую роскошь. Германія справедливо гордится отдѣломъ своей литературы, доступнымъ однимъ специальнымъ ученымъ, безчисленными монографіями, въ которыхъ разобраны мельчайшія подробности каждой науки. Но намъ еще далеко до такого богатства. Ученая производительность идетъ у насъ не въ уровень съ требованіемъ читающей публики. У насъ нѣтъ не только хорошихъ оригинальныхъ, но даже переводныхъ книгъ объ исторіи главныхъ народовъ древняго и новаго міра. Нѣтъ значительныхъ произведеній, къ которымъ могли бы примкнуть частныя изслѣдованія. При такомъ положеніи литературы монографіи не могутъ имѣть большаго значенія, принести существенной пользы. Онѣ по необходимости получаютъ характеръ отрывковъ, незанимательныхъ для публики, мало знакомой съ содержаніемъ цѣлаго.

Къ чему же послужить въ такомъ случаѣ изслѣдованіе объ аббатѣ Сугеріи? Мало ли именъ болѣе громкихъ, съ большимъ правомъ на общее вниманіе сохранила исторія? Стоило ли писать разсужденіе о предметѣ, не имѣющемъ для насъ никакого, по крайней мѣрѣ признаннаго, значенія? Частная цѣль автора — полученіе высшей ученой степени — не можетъ служить оправданіемъ безплодному для другихъ труду. Скажемъ болѣе: чѣмъ значительнѣе начитанность, обнаруженная въ такомъ трудѣ, тѣмъ строже долженъ быть падающій на него приговоръ. Сухое, не приложенное къ пользѣ общества знаніе, въ наше время не высоко цѣнится. Оно слишкомъ легко достается. Если увеличился матеріалъ науки, то съ другой стороны еще въ большей степени усили-

лись средства, которыми его можно себя усвоивать. Современниковъ Гримма, Неандра, Шлоссера трудно удивить одною ученостію.

Не приписывая особенной важности изслѣдованію, которое предлагаю теперь на судъ русскихъ читателей, я смѣю думать, что оно, именно по предмету своему, не лишено нѣкоторой занимательности.

Исторію не безъ основанія обвиняютъ въ несправедливости. Она часто даетъ успѣхъ неправому дѣлу, часто возлагаетъ вѣнецъ побѣды на недостойное чело. Иногда слава подвига достается не самому совершителю, а другому, заслонившему его случайно или умышленно. Исторія довольствуется осуществленіемъ законовъ, которымъ подчинено ея движеніе, и предоставляетъ нашему нравственному чувству приговоръ надъ людьми, избранными ею для достиженія ея цѣлей. Благо тому, кто явнымъ дѣломъ, или невѣдомымъ, духовнымъ участіемъ содѣйствовалъ осуществленію историческаго закона. Въ наслажденіи подвигомъ онъ обрѣлъ себя высшую награду, какую даетъ жизнь. Но совершенное имъ не всегда по достоинству оцѣнено современниками, и ния его можетъ не дойти до потомства. Въ славѣ болѣе случайнаго, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ исправленіи такихъ несправедливостей исторія заключается одна изъ самыхъ благородныхъ обязанностей историка. Онъ долженъ поставить на видъ забытыя заслуги, уличить незаконныя притязанія. Это нравственная, въ высшемъ значеніи слова юридическая часть его труда. Нужно ли доказывать ея важность? Исторія можетъ быть равнодушна къ орудіямъ, которыми она дѣйствуетъ, но человѣкъ не имѣетъ права на такое безстрастіе. Съ его стороны оно было бы грѣхомъ, признакомъ умственного или душевнаго безсилія. Мы не можемъ устранить случая изъ отдѣльной и общей жизни, но нельзя допустить его тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ людей, на которыхъ лежитъ великая отвѣтственность исторической роли. Приговоръ долженъ быть основанъ на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла. Онъ проносится не съ цѣлію тревожить могильный сонъ подсудимаго, а для того, чтобы укрѣпить подверженное безчисленнымъ искушеніямъ нравственное чувство живыхъ, усилить ихъ шаткую вѣру въ добро и истину. Да будетъ же воздано каждому по заслугамъ: признательность разнороднымъ труженикамъ, въ потѣ лица работавшимъ на человѣчество, удовлетворившимъ какому-нибудь изъ его требованій; строгое осужденіе людямъ, обманувшимъ современниковъ счастливою отвагою, или

геніальнымъ эгоизмомъ. Въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнію.

Аббата Сугерія конечно нельзя поставить на ряду съ великими двигателями всемірной исторіи. Онъ принадлежитъ исключительно одному народу, одному вѣку. Въ числѣ его современниковъ встрѣтимъ людей съ болѣе обширнымъ кругомъ вліянія, съ болѣе глубокимъ умомъ. Но можно смѣло сказать, что онъ положилъ первый камень политическаго зданія, достроеннаго Людовикомъ XIV, т. е. французской монархіи. До него король былъ только вождемъ феодальной аристократіи. Вліяніе Сугерія, или лучше сказать, церкви, которой онъ былъ органомъ въ государствѣ, заставило Людовика VI стать въ иное положеніе. Явилась новая теорія монархической власти. Государямъ Капетингской династіи была указана новая цѣль, новая дѣятельность. Политическая исторія этой эпохи, столь важной по своимъ отношеніямъ къ дальнѣйшимъ судьбамъ Франціи, изложена мною въ настоящемъ изслѣдованіи. Сугерію принадлежитъ въ немъ первое мѣсто. Онъ имѣетъ на него двойное право: какъ дѣйствующее лице и какъ историкъ. Въ «Жизни Людовика Толстаго», написанной аббатомъ Сугеріемъ, находится не только подробный разсказъ о незамѣченной другими лѣтописцами борьбѣ обновленной монархіи съ непокорными ей стихіями общества, но въ ней высказана самая мысль, вызвавшая борьбу. Главнымъ представителемъ этой мысли былъ не кто другой, какъ аббатъ Св. Діонисія.

Въ заключеніе считаю нужнымъ отдать отчетъ въ тѣхъ ученыхъ пособіяхъ, какими я пользовался при составленіи моего изслѣдованія.

Наиболѣе обязанъ я знаменитому собранію памятниковъ французской исторіи, изданному бенедиктинскими монахами конгрегаціи Св. Мавра (*Recueil des Historiens des Gaules et de la France*). Для краткости я привожу въ ссылкахъ только имя Буке (*Bouquet*), перваго изъ издателей. Я нашелъ здѣсь не одни только тексты источниковъ, но множество указаній всякаго рода. Къ сожалѣнію нѣкоторые памятники, важные для исторіи Франціи въ XI и XII вѣкѣ, напечатаны въ этомъ собраніи не вполне. Я прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ другимъ сборникамъ, находящимся въ бібліотекѣ Московскаго университета, особенно къ изданнымъ Дюшенемъ (*Duchesne*): *Historiae Francorum scriptores*, въ IV томѣ которыхъ помѣщено почти все непосредственно

касающееся до Сугерія, и къ сдѣланному подъ надзоромъ Гизо переводу французскихъ лѣтописей (*Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au XIII siècle*). Съ равной признательностію долженъ я упомянуть о другомъ превосходномъ трудѣ тѣхъ же Бенедиктинцевъ, о начатой ими *Histoire littéraire de la France*. Подобной исторіи отечественной литературы нѣтъ ни у одного народа. Она замѣнила мнѣ много книгъ, которыхъ нельзя достать ни въ нашихъ бібліотекахъ, ни черезъ книгопродавцевъ. Изъ монографій, относящихся къ моему предмету, у меня была только большая статья объ аббатѣ Сугеріи графа Карне, напечатанная имъ въ I-мъ томѣ *Etudes sur les fondateurs de l'unité nationale en France*, Paris, 1848. Она написана умно, съ вѣрнымъ взглядомъ на аббата Св. Діонисія, но въ сущности есть болѣе литературное, чѣмъ ученое произведеніе. Изъ великихъ недосмотровъ автора, изъ многорѣчивыхъ, не всегда нужныхъ описаній и отступленій можно заключить, что онъ не далъ себѣ труда подробно изучить время Сугерія. Другой, вышедшей еще въ XVIII вѣкѣ, болѣе обширной біографіи Сугерія (*Histoire de Suger* par D. Gervaise, 3 volumes), которою много пользовался Карне, я не видалъ, и знаю ее только по его ссылкамъ и строгому, но повидимому справедливому отзыву Бенедиктинцевъ (*Histoire littéraire de la France*, XII, 362, 403).

Такое лице, какъ Сугерій, не могло не обратить на себя вниманіе новѣйшихъ писателей французской исторіи. Гизо посвятилъ ему нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ Исторіи французской цивилизаціи. Сисмонди и Генрихъ Мартенъ довольно подробно говорятъ о немъ, рассказывая царствованіе Лудовика Толстаго. Заслуги и недостатки женевского историка и его взглядъ на событія довольно извѣстны образованнымъ читателямъ. Можно напередъ угадать его воззрѣніе на аббата Св. Діонисія. Онъ смотритъ на него какъ моралистъ женевской школы. Простой, не столь подробный, но вѣрный источникъ разскажъ Мартена, по моему мнѣнію, выше. Странно, что Мишле почти не коснулся Сугерія и его дѣятельности. Онъ едва упомянулъ о немъ.

Начало Капетингской династіи не предвѣщало той великой будущности, которая была суждена этому роду. Гугомъ Капетъ и его ближайшіе преемники почти не выдвигались изъ рядовъ феодальной аристократіи, которой они считались главами. Въ числѣ ихъ вассаловъ были владѣльцы, далеко превосходившіе ихъ своимъ могуществомъ и вліяніемъ на современныя событія. Четыре поколѣнія Капетинговъ сошли въ могилу, не совершивъ ни одного памятнаго народу дѣла. Ихъ нельзя сравнивать съ послѣдними государями вытѣсненной ими династіи. Потомки Карла великаго пали не вслѣдствіе личныхъ ошибокъ или недостатковъ, а подъ бременемъ тяжелаго наслѣдія, завѣщаннаго имъ предкомъ. Это наслѣдіе заключалось въ идеяхъ государственнаго единства и порядка, взятыхъ у римскаго міра и неприменимыхъ къ обществу, которое разлагалось на самыя дробныя части свои. Феодализмъ одолѣлъ, потому что другой политической формы не могли вынести тогдашніе народы западной Европы; но паденіе Каролинговъ не было постыдно. Они сдѣлали все, что могли сдѣлать воля и силы одного рода противъ неотразимаго движенія событій. Гугомъ Капетъ поднялъ вѣнецъ, свалившійся съ головы умершаго на двадцатомъ году отъ рожденія Лудвига V. Дѣло было не трудное. Кромѣ слабаго Карла лотарингскаго, дяди Лудвига, у Гугона не было соперниковъ. Изъ другихъ вассаловъ французскаго короля никто не искалъ безплодной чести быть первымъ между равными (*primus inter pares*). Монархическія понятія предыдущей и послѣдующей эпохи были чужды феодальной Франціи X вѣка. Король былъ для нея не выраженіемъ народнаго единства, а представителемъ прошлаго, враждебнаго настоящему, порядка вещей. Его значеніе основывалось на преданіи, а не на живыхъ потребностяхъ общества. Вѣрная союзница монархіи, церковь испытала въ X столѣтіи такую же участь; она должна была уступить феодализму, заключивъ съ нимъ невыгодную для себя сдѣлку.

Этимъ объясняется равнодушіе, обнаруженное современниками при переворотѣ 987 года. Лейными владѣльцами нечего было жалѣть о паденіи прежней династіи, за которую они сознавали много нарушенныхъ ими правъ. Новая династія была ровесница новому обществу. Она стояла въ уровень съ нимъ и не внушала ему никакихъ опасеній, потому что не могла ничего требовать во имя прошедшаго. Ея родоначальникъ принадлежалъ самъ къ сословію, положившему конецъ государству Карла Великаго. Отношенія Гугона къ вассаламъ лучше всего высказались въ извѣстныхъ словахъ Альдеберта, графа перигорскаго. На вопросъ разгнѣваннаго короля: кто поставилъ тебя графомъ? онъ отвѣчалъ другимъ: кто поставилъ тебя королемъ? Есть причины думать, что Гугонъ не былъ лично убѣжденъ въ законности своихъ правъ на престолъ. Онъ царствовалъ девять лѣтъ, но не носилъ вѣнца королевскаго, говорятъ о немъ лѣтописи ¹⁾. Введенный имъ и болѣе двухъ сотъ лѣтъ существовавшій во Франціи ²⁾ обычай короновать наслѣдника престола при жизни отца можетъ въ свою очередь служить доказательствомъ непрочнаго положенія первыхъ Капетинговъ. Только церковь имѣла возможность дать своимъ признаніемъ и благословеніемъ нравственную основу ихъ сомнительному праву.

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что Капетинги XI вѣка мало заслуживали покровительства церкви. Господствующимъ явленіемъ этого столѣтія богатаго событіями вѣка было освобожденіе церкви изъ подъ феодальной опеки. Изъ государей тогдашней Европы французскіе короли всѣхъ менѣе приняли участія въ великой распрѣ между свѣтскою и духовною властію. Причастные симоніи не менѣе другихъ князей ³⁾, они ни разу не обнаружили намѣренія стать въ ряды противниковъ, или заступниковъ папы. Проклятіе, произнесенное главою Западной церкви надъ сыномъ и правнукомъ Гугона Капета ⁴⁾, не было слѣдствіемъ ихъ сопротивленія его волѣ: оба они навлекли на себя праведный гнѣвъ папъ личными страстями своими, проступками, въ кото-

¹⁾ Et dominatus est annis IX, non tamen diademate regio usus.... Chron. Wilhelmi Godelli. ap. Bouquet, X, 259. Chron. Autissiodorensis. Ibid. 275.

²⁾ До 1223 года, т. е. до вступленія на престолъ Людовика VIII.

³⁾ Francorum regem Henricum.... quia multum erat cupidus et episcopatum venditionibus assuetus ... Guiberti abbatis de Novigento de vita sua, ap. Bouquet, XII, 241 ... Regem Philippum hominem in Dei rebus venalissimum, Ibid.

⁴⁾ Надъ королями Робертомъ и Филиппомъ I-мъ.

рыхъ не было ничего общаго съ религіозно-политическимъ движеніемъ той эпохи.

Отзывы лѣтописцевъ о короляхъ Робертѣ, Генрихѣ I-мъ и Филиппѣ I-мъ доказываютъ, что ихъ бездѣйствіе было съ негодованіемъ замѣчено современниками. «Мы видѣли», говоритъ лѣтопись анжуйская, «праздное правленіе короля Роберта. Сынъ его, нынѣшній король (regulus) Генрихъ, не уступаетъ отцу въ постыдной лѣни ¹⁾». Преемникъ Генриха, Филиппъ I-й подвергся еще болѣе жестокимъ нареканіямъ. Въ 1074 году, Григорій VII писалъ французскимъ епископамъ: «государство французское, нѣкогда столь славное и могущественное, давно уже сошло съ высоты своего величія и, при возрастающей порчѣ нравовъ, утратило важнѣйшія добродѣтели. Но въ настоящее время достоинство и честь государства окончательно погибли. Законы презрѣны, право попорано. Дѣла позорныя, жестокія, невыносимыя совершаются безнаказанно и обратились въ обычай. Виною всему наущаемый дьяволомъ король, или лучше сказать, притѣснитель вашъ. Жизнь его опозорена постыдными и преступными поступками, правленіе бесплодно, достойно жалости и презрѣнія. Такого правителя нельзя найти даже въ басняхъ ²⁾». Въ этихъ обвиненіяхъ, безъ сомнѣнія, много преувеличеннаго. Король Филиппъ былъ слабый, но отнюдь не жестокій государь. Генрихъ IV началъ великую борьбу имперіи съ папствомъ; французскій вассалъ завоевалъ Англію; начались крестовые походы, а французскій король не двигался, и среди всѣхъ этихъ происшествій, только однажды заставилъ говорить о себѣ, когда женился на Бертрадѣ, графинѣ анжуйской, увезенной имъ отъ живаго мужа, Фулькона угрюмаго. Церковь расторгла незаконный бракъ, но связь продолжалась къ соблазну цѣлой Европы. Бертрада примирила своихъ супруговъ: она не рѣдко являлась съ обоими народу. Король садился съ нею рядомъ, графъ на скамьѣ, у ея ногъ. Много всякаго рода оскорбленій вынесъ Филиппъ въ теченіе сорока-восьмилѣтняго царствованія своего отъ духовенства и вассаловъ, но онъ не пытался стать выше, оградить себя отъ возможности подобныхъ обидъ. Быть можетъ, не одно нравственное безсиліе было причиною его терпѣнія. Стоитъ взглянуть на карту Франціи предъ кон-

¹⁾ Ap. Bouquet, VIII, 252

²⁾ Epistolae, II. 5.

цемъ XI вѣка, для того, чтобы убѣдиться въ рѣшительномъ перевѣсѣ властей феодалныхъ надъ королевскою ¹⁾).

Изъ 86 департаментовъ нынѣшней Франціи, около двадцати принадлежали тогда къ совершенно другой политической системѣ. Изъ нихъ образовались герцогства Лотарингскія, графство Бургундское и королевство Арелатское, которыя входили въ составъ Германской имперіи. Болѣе тридцати ²⁾ департаментовъ, лежащихъ къ югу отъ Луары, принадлежали герцогамъ Аквитанскимъ, графамъ Тулузскимъ и другимъ туземнымъ династямъ, вслѣдствіе географическаго положенія своихъ владѣній мало доступныхъ вліянію короля. Бнязья южной Франціи упоминали его имя въ своихъ грамотахъ, изрѣдка призывали его въ посредники между собою, но въ сущности пользовались полною

¹⁾ Гуговъ Капетъ, принявъ королевскій титулъ, заложилъ въ нѣдрахъ феодализма первый ямень новой монархіи, но для него лично этотъ титулъ не имѣлъ опредѣленнаго смысла и значенія. У него не было довольно силъ, не видно даже, чтобы у него было намѣреніе возвысить королевскую власть надъ леннымъ господствомъ (*suzeraineté*) и связать въ одно цѣлое разбросанные члены народа. Престолъ болѣе и болѣе унижался при его преемникахъ. При Робертѣ, Генрихѣ I и Филиппѣ I едва запытавъ остатки народнаго и монархическаго единства. Самобытность въ независимость не только даламъ и могущественныхъ вассаловъ, но самыхъ мелкихъ и сосѣднихъ королю ленниковъ возрастаетъ. Изъ всѣхъ связей общества, сохранилась только феодальная, дѣйствительная и драгоценная, потому что она единственно поддерживаетъ тѣнь союза подъ однимъ вождемъ и предотвращаетъ совершенное разложеніе власти и страны. Но значеніе феодальной связи болѣе нравственное, чѣмъ политическое. Она уступаетъ всякому толчку и готова каждую минуту разорваться. Guizot, notice sur Suger. Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France, T. VIII. 8.

²⁾ У Смонди (*Hist. des Français* V, 8) опредѣлено число нынѣшнихъ департаментовъ въ каждомъ изъ великихъ ланъ французскихъ. Но это опредѣленіе приближенное и неточное. Объемъ великихъ ланъ безпрестанно измѣняется. Земли приходили и уходили вслѣдствіе войнъ, брачныхъ союзовъ, раздѣленія феодальныхъ династій на ланіи. Возьмемъ наприм. графство Фландрское. Смонди говорятъ, что оно заключало въ себѣ четыре департамента. До отдѣленія отъ него Артуа, перешедшаго къ Капетнигамъ въ 1180 году, графство Фландрское состояло изъ департаментовъ: Сѣвернаго, Па-де-Кале и части Соммаго (*de la Somme*). Собственная Фландрія состояла изъ одного департамента Сѣвернаго. Но кромѣ того графы фландрскіе владѣли значительнымъ участкомъ земли на правомъ, имперскомъ берегу Шельды и неоднократно присоединяли въ областяхъ своихъ Геннегау. Еще труднѣе опредѣлять границы земель, принадлежавшихъ въ XI вѣкѣ двумъ ланіямъ графовъ Шампаніи. Здѣсь дѣлаемъ и сдѣлаемъ не было конца. Вообще составленіе географическихъ картъ для средневѣковой Франціи сопряжено съ величайшими трудностями. Нужны отдѣльныя карты для каждого пятидесятилѣтія, съ точнымъ означеніемъ непосредственныхъ и заднихъ ланъ (*arrière fiefs*).

независимостію. Только къ сѣверу отъ Луары могла бы утвердиться власть первыхъ Капетинговъ, если бы ея развитіе не было сдержано сосѣдствомъ такихъ сильныхъ вассаловъ, какими были герцоги нормандскій и бургундскій, графы Фландріи, Вермандуа, Шампани, Анжу и другіе менѣе сильные, но столь же гордые вассалы, наравнѣ съ королями носившіе титулъ свой «Божіею милостію». Родовыя владѣнія Капетинговъ, или герцогство Франція, заключали въ себѣ не болѣе пяти департаментовъ (Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, Уазы, Луары). Но и на этомъ ограниченномъ пространствѣ не всегда была признаваема воля Филиппа I; не только купцы и путешественники, но онъ самъ подвергался опасности быть захваченнымъ въ плѣнъ при переѣздѣ изъ одного города своей области въ другой. Между этими городами возвышались многочисленные замки бароновъ капетингскаго герцогства. Владѣльцы Куси, Монсюръ, Монлери, Пуизе, Монморанси, графы Мелана и Корбеля безнаказанно грабили церковныя и королевскія имѣнія. Они стояли долгое время наравнѣ съ великими вассалами, потому что, подобно имъ, находились въ непосредственномъ ленномъ отношеніи къ королю. Въ послѣдствіи установилось справедливое различіе между владѣльцами великихъ коронныхъ ленъ и владѣльцами ленъ, лежавшихъ въ родовой области короля. За крѣпкими стѣнами своихъ замковъ имъ нечего было бояться малочисленной королевской дружины. Уцѣлѣвшіе вблизи отъ Парижа остатки этихъ зданій, безъ которыхъ былъ бы невозможенъ феодальный порядокъ вещей, служатъ лучшимъ обличеніемъ насильственной, безправной эпохи. Башня замка Куси, котораго часть взорвана на воздухъ по приказанію кардинала Мазарини, другая разрушена землетрясеніемъ 1692 года, стоитъ до сихъ поръ. Она имѣетъ 305 ф. въ объемѣ и 172 въ вышину. Съ высоты такихъ башенъ бароны Куси не безъ презрѣнія смотрѣли на беззащитный міръ, который лежалъ у ихъ ногъ ¹⁾).

Въ наше время видъ средневѣковыхъ укрѣпленій приводитъ къ инымъ мыслямъ: глядя на нихъ и вспоминая ихъ назначеніе, можно вполне оцѣнить переворотъ, произведенный введеніемъ огнестрѣль-

¹⁾ Гордый девизъ бароновъ Куси извѣстенъ:

Je ne suis roi ne duc, prince ne comte aussi.

Je suis le sire de Couci.

Art de verifier les dates. XII, 251.

наго оружія въ общественныхъ отношеніяхъ западной Европы. Только пушка могла вразумить феодалнаго хищника и доказать ему существованіе обязательнаго даже для него закона.

Но послушники королевской власти жили не въ однихъ замкахъ. Въ городахъ видимъ тоже насиліе, тоже угнетеніе слабого сильнымъ. Король принадлежалъ къ числу первыхъ, потому что онъ одинъ долженъ былъ, по положенію своему, защищать порядокъ противъ цѣлаго общества, преданнаго безначалію, мѣрившаго право силою. Жители Лаона неоднократно отнимали лошадей и били слугителей короля Филиппа, когда онъ пріѣзжалъ въ ихъ городъ ¹⁾. Тотъ же свидѣтель, который передалъ намъ эти подробности, рассказываетъ, что окрестные поселяне, приходившіе за покупками на лаонской рынокъ, подвергались многочисленнымъ опасностямъ. Городскіе сановники, пользуясь самыми ничтожными предлогами, брали ихъ подъ страхъ и держали въ тюрьмѣ до выкупа; еще чаще попадались они въ руки простыхъ гражданъ, которые, подъ видомъ торга, приводили ихъ къ себѣ въ домъ, запирали и выпускали на волю только тогда, когда бѣдные земледѣльцы соглашались удовлетворить ихъ требованіямъ уступкою значительной части своего имущества. Жаловаться было некому. «Воровство и разбой совершались явно вельможами и ихъ прислужниками», прибавляетъ Гибертъ Ногентскій. «Ночному страннику не было спасенія: онъ былъ обреченъ на разграбленіе, плѣнъ или смерть ²⁾». Къ совершенному безсилію исполнительной власти должно прибавить отсутствіе законодательной. Постановленія короля были обязательны только для его собственныхъ владѣній. Сеймы каролингскаго періода давно вышли изъ употребленія и не были замѣнены другимъ соответственнымъ учрежденіемъ. Не только у отдѣльныхъ сословій, но у отдѣльныхъ мѣстностей были свои особенныя права, своенравные, противорѣчившіе одинъ другому юридическіе обычаи. Племенные законы предыдущаго періода уступили мѣсто мѣстнымъ, еще болѣе противнымъ государственному единству. Чтò ни колокольня, то особый законъ, говоритъ старая французская пословица.

Таково было во Франціи, въ исходѣ XI вѣка, положеніе монархической власти, на судьбу которой Сугерію было суждено имѣть такое

¹⁾ Guiberti ab. de Novigento de vita sua, ap. Bouquet, XII, 249.

²⁾ Bouquet, XII, 250.

сильное вліяніе. Онъ родился около 1081 года, близъ Сентъ-Омера ¹⁾. Отецъ его Гелинандъ, человѣкъ низкаго происхожденія, сложилъ съ себя рано заботы о воспитаніи сына, ввѣривъ его учсть монастырю Св. Діонисія. Передача малолѣтнихъ дѣтей ихъ родителями церкви совершалась посредствомъ особеннаго обряда (*oblatio*), которымъ навсегда разрывались связи младенца съ семействомъ и съ міромъ. Сугерію было вѣроятно не болѣе пяти лѣтъ, когда церковь приняла его подъ покровъ свой ²⁾. Монастырь Св. Діонисія былъ уже давно знаменитъ своими святынями, могуществомъ и богатствомъ. Онъ могъ содержать доходами съ земель своихъ до ста тысячъ человѣкъ въ годъ, и самъ король находился въ числѣ его ленниковъ. Но благочестіе братіи далеко не соответствовало славѣ обители: ихъ слишкомъ занимали управленіе монастырскими имѣніями, постоянныя распри съ враждебными сосѣдями и непокорными вассалами. Льготы и права обители, изъятая изъ-подъ епископскаго надзора и подчиненной прямо папѣ, ставили ея аббата на ряду съ знатнѣйшими духовными сановниками и князьями Франціи.

Наружность мальчика, принесеннаго Гелинандомъ въ даръ Св. Діонисію, не предвѣщала ничего особеннаго. Природа вложила великую, твердую и прекрасную душу въ тѣло малое и щедушное, говорить современный біографъ ³⁾. Но аббатъ Ивонъ замѣтилъ способности Сугерія и не далъ имъ заглухнуть въ праздности. Онъ отправилъ его въ подвѣдомое ему пріорство Лотрейское. Здѣсь получилъ Сугерій первое образованіе. Въ 1095 году онъ возвратился въ монастырь по распоряженію Ивонова преемника Адама. Обстоятельство это показываетъ, что Сугерій уже обратилъ на себя вниманіе, что успѣхи, имъ сдѣланные, были значительны. Его вызвали съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ свои занятія вмѣстѣ съ наследникомъ французскаго престола

¹⁾ Изъ всѣхъ мнѣній о мѣстѣ рожденія Сугерія это самое правдоподобное. См. доказательства въ *Histoire littéraire de la France*, XII, 361.

²⁾ По мнѣнію Карне (*Etudes sur les fondateurs de l'unité nationale en France*, I. 75) Сугерію было около 10 лѣтъ въ 1091 году, когда отецъ привелъ его въ монастырь Св. Діонисія. Но Сугерій провель десять лѣтъ въ пріорствѣ Лотрейскомъ и возвратился оттуда въ 1095 году, слѣд. онъ вступилъ въ монастырь не въ 1091 году, а ранѣе.

³⁾ in tam brevi corpuseculo talem natura collocaverit animum, tam formosum, tam magnum... *Wilhelmi San. Dionisiani Vita Sugerii* Ap. Bouquet, XII, 112.

Лудовикомъ, котораго Филиппъ поручилъ на три года аббату Адаму. Не смотря на различіе характеровъ и состояній, между обоими юношами образовалась тогда тѣсная, до смерти обоихъ продолжавшаяся связь. Сугерій былъ немного моложе ¹⁾, но зрѣлѣе умомъ; вообще даровитѣе и образованнѣе своего друга. Заимствуемъ нѣкоторыя черты изъ составленнаго имъ въ послѣдствіи, быть можетъ, не совсѣмъ безпристрастнаго описанія молодаго Лудовика. На тринадцатомъ году онъ уже общался государству, котораго былъ наслѣдникъ, скорое приращеніе, церкви и бѣднымъ надежнаго заступника. Онъ отличался красивыми чертами лица, высокимъ и стройнымъ станомъ, скромнымъ нравомъ. Охота и дѣтскія забавы рано перестали занимать его и отвлекать отъ воинственныхъ упражненій. Крайнюю доброту его многіе принимали за признакъ умственной простоты. Къ Св. Діонисію и основанной въ честь его обители питалъ онъ особенное уваженіе и нерѣдко изъявлялъ желаніе вступить въ число братіи этой обители ²⁾. Чему и какъ учились юноши, соединенные подъ надзоромъ аббата Адама, объ этомъ не говорятъ скудные подробности такого рода источники. Вопросъ о воспитаніи мало занималъ людей XI-го вѣка. Основательное образованіе было нужно только высшему духовенству. Умственные потребности другихъ сословій легко удовлетворялись. Но дѣятельность Лудовика Бодраго свидѣтельствуетъ о томъ вліяніи, какое на него имѣло пребываніе въ монастырѣ Св. Діонисія. Онъ вынесъ оттуда понятіе о правахъ и долгѣ монарха, чуждое его предшественникамъ и феодальному міру вообще ³⁾. Новая, по возможности приложенная имъ къ дѣйствительности, теорія могла образоваться только въ церкви, изъ которой исходили всѣ великія идеи того времени. Она или сберегла ихъ какъ преданія, или выработала самобытно, озирая событія съ недоступной прочимъ элементамъ средневѣковаго общества высоты ея основнаго начала. Написанная Сугеріемъ

¹⁾ Лудовикъ VI родился въ 1077 или 1078 году. *Art de ver. les dates.* V, 512.

²⁾ *Sugerii, Vita Ludovici Grossi*, ap. Bouquet, XII, 11, 12, 13.

³⁾ Эта мысль уже была высказана графомъ Карне. «Очевидно, говоритъ онъ, что въ монастырѣ Св. Діонисія для него (т. е. Лудовика VI) составила теорію королевской власти, что онъ приписываетъ себѣ новыя права, возложилъ на себя новыя обязанности. На всѣхъ важныхъ поступкахъ его явны отразилось вліяніе церковныхъ идей, постоянно присущихъ, постоянно вопрошаемыхъ. Онъ живетъ на конѣ, во всей суровости феодальныхъ нравовъ, но его предпріятія обличаютъ систему, свидѣтельствуютъ о предусмотрительности, чуждой тому времени. I. 86.

«Жизнь Людовика VI» имѣетъ для исторіи весьма важное значеніе ¹⁾. Съ одной стороны это единственный памятникъ, показывающій намъ героическій періодъ юной монархіи, обновленной и освященной нравственными идеями, которыя она заимствовала у церкви; съ другой, здѣсь обличается словами самого біографа вліяніе его и цѣлаго сословія, которому онъ принадлежалъ, на ходъ происшествій. Несмотря на общія большей части тогдашнихъ лѣтописей недостатки формы, это произведеніе отмѣчено опредѣленнымъ, ему исключительно принадлежащимъ характеромъ. Видно, что оно написано человѣкомъ, который смотрѣлъ на міръ не изъ монастырскаго окна и не довольствовался однимъ описаніемъ видѣннаго. Замѣчанія, вставленныя имъ въ подробный разсказъ о войнахъ Людовика Бодраго съ мелкими вассалами герцогства Франціи, для историка важнѣе самыхъ войнъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ заключаются главныя черты новаго воззрѣнія на государство, той монархической теоріи, которой дальнѣйшее развитіе принадлежитъ Филиппу Августу, Св. Людовику и ихъ преемникамъ. Аббатъ Сугерій имѣлъ полное право поставить эпиграфомъ къ своему сочиненію: *quodam rege magna fui*. Онъ не сдѣлалъ этого и вообще осторожно говорить о собственной политической дѣятельности, какъ

¹⁾ Не только сочиненія, но самый характеръ и дарованіе Сугерія подвергались не разъ строгимъ приговорамъ. Не считаемъ нужнымъ приводить до недобросовѣстности пристрастные отзывы объ немъ писателей XVIII вѣка. Одинъ изъ его тогдашнихъ біографовъ обвинялъ его даже въ томъ, что онъ во время своего пребыванія въ школѣ ничего не дѣлалъ, а только спалъ, да пѣлъ (Dauvigny Hist. des hommes illustres, I, 6.). Онъ не далъ себѣ впрочемъ труда назвать источникъ, изъ втораго заимствовалъ такія подробности. По мнѣнію Скемюди, сочиненія Сугерія вовсе не показываютъ государственнаго, или вообще великаго человѣка (Hist. des Français, V. 69). Отзывъ Гизо имъ взятъ эпиграфомъ къ этому изслѣдованію. Но знаменитый историкъ былъ неправъ, говоря о Людовикѣ Толстомъ: изъ его правленія не было ничего систематическаго. Мало заботясь о теоріи и о будущемъ, онъ удовлетворялъ, соображаясь только съ здравымъ разсудкомъ, требованіямъ настоящаго. По возможности, онъ поддерживалъ и восстанавливалъ всюду правосудіе и порядокъ. Онъ вѣрилъ, что получалъ призваніе и право такъ дѣйствовать, но не связывалъ ихъ ни съ какими общими началами, не преслѣдуетъ никакой великой цѣли (Hist. de la civilisation en France. 42 leçon). Внимательное изученіе «Жизни Людовика Толстаго» приводитъ къ другимъ заключеніямъ. Я ихъ высказалъ выше. Впрочемъ противъ Гизо можно привести его собственныя слова, сказанныя имъ въ краткой біографіи Сугерія, напечатанной при французскомъ переводѣ его сочиненій (Collect. des mémoires, VIII, IX). Это замѣчательное мнѣніе будетъ приведено нами.

бы изъ опасенія затмить чужую, болѣе дорогую ему славу. Но не трудно отдѣлать его участокъ изъ суммы сдѣланнаго при немъ во Франціи. Онъ былъ посредникомъ между государствомъ и церковію, главнымъ представителемъ вышепоказанныхъ нами направлений. Лудовику VI принадлежала только честь смѣлаго и дѣятельнаго исполненія идей, данныхъ ему его наставниками въ монастырѣ Св. Діонисія, и въ особенности другомъ, котораго онъ тамъ же нашелъ. Въ 1098 году Лудовикъ возвратился ко двору отца и около того же времени былъ признанъ соправителемъ ¹⁾. Старый король, исключительно занятый своей страстію къ Бертрадѣ, жилъ подъ бременемъ церковнаго проклятiя, не обращалъ вниманія на то, что дѣлалось кругомъ его, и охотно передавалъ управленіе сыну, котораго первое появленіе на политическомъ поприщѣ доставило ему прозваніе бодрого и воинственнаго (*éveillé et batailleur*). Преемникъ Вильгельма-Завоевателя, Вильгельмъ Рыжій, думалъ воспользоваться безпечностію короля Филиппа и отнять у него принадлежавшую ему часть графства Вексинскаго (*Vexin*) ²⁾. Сугерій приписываетъ ему даже болѣе обширные замыслы: намѣреніе овладѣть всѣмъ королевствомъ французскимъ. Но такъ какъ «несправедливо и неестественно было бы Французамъ повиноваться Англичанамъ, или Англичанамъ Французамъ, событія обманули его ненавистную надежду», и Лудовикъ отразилъ всѣ его нападенія. Споръ былъ весьма неравный. Съ одной стороны опытный, богатый, самовольно располагающій средствами могущественнаго государства король, съ другой — юноша и нѣсколько сотъ рыцарей, которыхъ онъ созвалъ и удерживалъ при себѣ только личнымъ вліяніемъ ³⁾. Неожиданная смерть Вильгельма ⁴⁾ положила конецъ этой войнѣ, но не

¹⁾ Въ 1098 или 1099 году. *Art de vérifier les dates*. VIII. 512.

²⁾ Область Вексинская (*pagus Vilcassinus*) лежала между рѣками Уазою и Анголемъ и была уступлена монастырю Св. Діонисія еще королемъ Дагобертомъ, или однимъ изъ его преемниковъ въ VII вѣкѣ. Послѣ пришествія Нормановъ въ 912 году, эта область раздѣлилась на двѣ части. Сѣверная отошла къ герцогству Норманскому, южная (между Эптою и Уазою) осталась леномъ Св. Діонисія. Въ 1076 году послѣдній графъ вексинскій померъ въ монастырѣ. Мѣсто его занялъ король Филиппъ I, вслѣдствіе чего онъ сталъ ленинкомъ Св. Діонисія.

³⁾ *Vita Ludovici Grossi*, p. 12. Орденикъ Виталий въ X вѣ. Церковной исторіи Нормандіи говоритъ, что вексинскіе бароны вели эту войну безъ содѣйствія французскаго королевскаго дома. Сугерію эти дѣла были извѣстны.

⁴⁾ Вильгельмъ былъ убитъ на охотѣ, стрѣлою, неизвѣстно кѣмъ нанесенною. Подосрѣніе кале на Валтора Тирела, бѣжавшаго во Францію. Но Сугерій разсказываетъ,

воинственными трудами его молодого противника. Лудовикъ былъ первый изъ Капетинговъ, обнажившій мечъ для защиты королевскаго права и общественнаго порядка, равно нарушаемыхъ феодализмомъ. Въ 1101 году ему удалось отплатить монастырю Св. Діонисія за полученное тамъ образованіе. Вассалъ монастырскій, Бушаръ, баронъ Монморанси, отказался отъ исполненія своихъ ленныхъ обязанностей. Король Филиппъ потребовалъ, по жалобѣ аббата, Бушара къ суду, составленному изъ его перовъ, т. е. бароновъ королевской области. Судъ приговорилъ ослушника, за котораго стояли графъ Бомона и баронъ Муши (Mouchy le Chatel), но позволилъ ему, сообразно съ обычаемъ Франковъ, безпрепятственно возвратиться домой ¹⁾. Сугерій посвятилъ три главы (II—IV) описанію войны Лудовика съ Бушаромъ и его союзниками. Замѣчательнѣе всего въ этомъ разсказѣ слѣдующія слова: Бушаръ испыталъ въ скоромъ времени всѣ тревоги, всѣ бѣдствія, которыми королевская власть караетъ непокорныхъ подданныхъ ²⁾. Такихъ выраженій не встрѣтимъ у французскихъ лѣтописцевъ, повѣствующихъ дѣла предшественниковъ Лудовика VI. Подданными короля можно было назвать только жителей принадлежавшихъ ему городовъ. Относительно вассаловъ онъ былъ ленный господинъ (seigneur), первый между равными ему. Новыя притязанія Лудовика были оправданы побѣдою. Мятельные бароны смирились.

За первоею удачею послѣдовали другія. Церковь рейсская давно жаловалась на притѣсненія Эбала, барона Руси, и его сына Гишара. Эбаль принадлежалъ къ числу самыхъ предприимчивыхъ и сильныхъ бароновъ сѣверной Франціи. Онъ ходилъ съ цѣлою имъ собранною арміею въ Испанію для войны съ тамошними Маврами. Соединенный родствомъ съ главными феодалными династіями Шампаніи и Лотарингіи, онъ опустошалъ, не встрѣчая почти сопротивленія, Реймскую епархію, находившуюся подъ непосредственнымъ покровительствомъ и господствомъ короля. Жалобы, принесенныя на него Филиппу, остались безъ отвѣта со стороны слабаго государя. Лудовикъ рѣшился на опасную борьбу. Съ 700 рыцарей, составлявшихъ вооруженную свиту

что Тарель, въ то время, когда ему уже нечего было бояться или надѣяться, утратилъ его вѣрность въ своей невинности. Ibid.

¹⁾ Non tentus, neque enim Francorum mos est. Sugerii Vita Lud. Grossi, 13.

²⁾ Quid incommodi, quid calamitatis a regia maiestate subditorum mereatur contumacia. Ibid.

короля (*maison armée du roi*), онъ пошелъ на Эбала. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ успѣлъ нѣсколько разъ разбить Эбала и его союзниковъ, разорилъ ихъ земли огнемъ и мечемъ и отплатилъ грабителямъ разграбленіемъ ихъ собственныхъ владѣній, говоритъ Сугерій. Доставивъ выгодный миръ реймской епархіи, Лудовикъ долженъ былъ немедленно идти на помощь орлеанской. Леонъ, вассалъ тамошняго епископа, отнялъ у него два замка. Королевская дружина возвратила ихъ законному владѣльцу, самъ Леонъ погибъ, защищаясь въ укрѣпленной имъ церкви ¹⁾.

Какъ ни маловажны эти военные предпріятія въ сравненіи съ современными имъ крестовыми походами, или войнами нѣмецкихъ императоровъ, они имѣютъ большое значеніе для Франціи и, слѣдовательно, для остальной Европы. Наслѣдникъ французскаго престола явился въ нихъ рыцаремъ церкви, ея защитникомъ противъ феодализма. Слѣдствія такого союза опредѣлить не трудно. Всѣ угнетенныя сословія обратились съ надеждой на помощь къ королевской власти. Феодализмъ былъ общій притѣснитель. Двухсотлѣтній, рѣшительный перевѣсъ надъ другими силами государства укрѣпилъ въ немъ врожденныя ему привычки насилія, сообщилъ имъ даже видъ законности. Вотъ почему попытка Лудовика поразила ту часть Франціи, которая была театромъ его дѣятельности, своею новизною и смѣлостію. Давно уже свѣтская власть не вступалась за слабыхъ и бѣдныхъ, только церкви оказывала имъ участіе и посланное пособіе. Ей принадлежало благотворное учрежденіе «Божьяго мира», вырвавшего нѣсколько дней изъ феодальной недѣли. Но она была не въ силахъ принудить къ строгому соблюденію Божьяго мира, получившаго вслѣдствіе этого характеръ болѣе нравственнаго, чѣмъ политическаго учрежденія. Надобно притомъ замѣтить, что французское духовенство въ эпоху, о которой здѣсь говорится, было не такъ сильно, какъ нѣмецкое или даже итальянское. Архіепископы, епископы, аббаты значительныхъ монастырей въ Германіи были настоящіе князья, ни въ чемъ не уступавшіе герцогамъ и графамъ. Они сами вели въ битву многочисленныя дружины свои. У французскихъ прелатовъ не было ни такихъ правъ, ни такого воинственнаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ являлись обширными епархіями и стояли на верхней ступени ленной

¹⁾ Suger. de Vita Lud. Gr. 15.

лѣстницы, т. е. принадлежали къ непосредственнымъ ленникамъ короля, къ его перамъ. Но ихъ могущество было ограничено не только хищными сосѣдями, не упускавшими, какъ мы видѣли, случаевъ пограбить въ церковныхъ владѣніяхъ, а собственными сановниками, которымъ были ввѣрены, по обычаю, мірской судъ и расправа, вѣсть съ начальствомъ надъ дружиною епископа или монастыря. Эти вѣдѣлы и адвокаты церквей (*advocati ecclesiarum*, *avoués*) угнетали ленныхъ господъ своихъ и всѣми силами старались обратиться къ сановниковъ въ владѣльцевъ, т. е. присвоить себѣ данныя имъ въ управление или въ ленъ земли. Различное положеніе французскаго и нѣмецкаго духовенства объясняется исторіею развитія центральной власти въ обѣихъ странахъ. Еще въ X столѣтіи императоры Саксонской династіи противопоставили сдерживаемой ими свѣтской аристократіи духовную, болѣе надежную, потому что въ ней не было наслѣдственности. Этой политикѣ держались нѣмецкіе государи вообще, до спора за инвеституру. У первыхъ преемниковъ Гугона не было ни такихъ замысловъ, ни силъ, необходимыхъ для ихъ осуществленія¹⁾.

Между тѣмъ Сугерій продолжалъ заниматься науками²⁾. Не ранѣе 1103 года явился онъ при дворѣ. Дружба, соединявшая его съ наслѣдникомъ престола, и обширныя знанія доставили ему тотчасъ положеніе и вліяніе, несоотвѣтственныя его лѣтамъ и происхожденію. Сверхъ богословія, составлявшаго главный предметъ изученія въ монастырскихъ школахъ, Сугерій обладалъ основательными свѣдѣніями въ философіи, риторикѣ и — что было тогда весьма рѣдко — хорошо зналъ исторію своего народа. Крѣпкая память его равно хранила тексты Священнаго писанія и отрывки изъ классическихъ писателей, особенно Горація, читанныхъ имъ въ ранней молодости. Въ болѣе зрѣлые годы онъ читалъ почти исключительно творенія отцовъ церкви

¹⁾ Warnkœnig, *Französische Staats- und Rechtsgeschichte*. I. 218—231. Здѣсь коротко, но отчетливо изложены отношенія французскаго духовенства, отъ вступленія на престолъ Гугона-Капета до Филиппа Красиваго (1285).

²⁾ Въ школѣ Сожской, по мнѣнію издателей *Histoire littéraire* (XII, 362), принятому Гаво. Они ссылаются на 88 письмо Сугерія, изъ котораго нельзя вывести положительнаго заключенія (Duchesne, *Historiae Francorum scriptores* IV. 522). Впрочемъ, на основаніи собственныхъ словъ Сугерія, можно предположить, что въ 1105 или даже 1106 году онъ опять посѣщалъ новую набудъ школу. Сугерій говоритъ о соборѣ въ Пуатье (26 іюня 1106 года): *cui et nos interfuimus quia recenter a studio redieramus*. *Vita Lud. Gr.* 18.

и книги, относившіяся къ церковной исторіи. Краснорѣчіе его было увлекательно. Но онъ не довольствовался, какъ большая часть его собратій, употребленіемъ латинской рѣчи; онъ заботился объ изяществѣ и правильности роднаго языка. *Sermone Cicero*, говоритъ объ немъ восторженный современникъ ¹⁾).

Онъ прибылъ въ пору ко двору короля Филиппа. Лудовикъ только что избѣжалъ двойной опасности. Въ 1103 году онъ ѣздилъ въ Англію; вмѣстѣ съ нимъ прибылъ тайно отъ него отправленный гонецъ его отца съ письмомъ къ королю Генриху. Филиппъ приглашалъ соеѣда оставить у себя молодого гостя и держать его въ заточеніи. Сыновья Вильгельма Завоевателя не отличались строгою нравственностію, но такое нарушеніе правилъ рыцарской чести было не подъ силу даже Генриху I. Онъ рассказывалъ все Лудовику и далъ ему возможность тотчасъ возвратиться въ Парижъ. Здѣсь раскрылись вполнѣ малодушіе Филиппа и злоба Бертрады. Она уже успѣла сбѣжать съ рукъ старшаго пасынка своего, прижитаго въ первомъ бракѣ Фулькономъ анжуйскимъ, Готфрида Мартега, и такимъ образомъ доставила граство своему сыну отъ Фулькона, носившему имя отца. Ей хотѣлось достигнуть той же цѣли относительно королевства французскаго и возвести на престолъ Филиппа или Флора, сыновей своихъ отъ короля. Для этого надобно было устранить Лудовика. Когда онъ возвратился изъ Англіи, Бертрада подкупила трехъ чернокошниковъ, которые взялись известить его въ теченіе 9 дней, но ихъ замысль от-

¹⁾ *Scripturae divinae ita erat lectione plenissimus, ut undecumque interrogatus fuisset, paratum haberet competens absque dilatione responsum. Gentilium vero poetarum ob tenacem memoriam oblivisci usquequaque non poterat, ut versus Horatianos utile aliquid continentes usque ad vicanos, saepe etiam ad tricenos memoriter nobis recitaret. Ita perspicaci ingenio et felici memoria quidquid semel apprehenderat, elabi illi ultra non poterat. Quod cuncti norunt quid memorem, hunc videlicet summum oratorem claruisse temporibus? Re etenim vera, juxta illud Marrii Catonis, erat vir bonus dicendi peritus. Tantam si quid in utraque lingua, materna scilicet et latina, facundiae possidebat gratiam, ut quidquid ex illius ore audisses non eum loqui, sed legi crederes. Erat illi historiarum summa notitia et quemcumque illi nominasses Francorum regem, vel principem, statim ejus gesta inoffensa velocitate percurreret. Vita Sugerii a Wilhelmo San-Dionysiano ejus discipulo. Ap. Bouquet, XII, 104. Erat Caesar animo, sermone Cicero. Id. 106. Lectio enim erat de libris Patrum authenticis, aliquando de ecclesiasticis aliquid legebatur historicis. Id. 107.*

крылся ранѣ и не удался. Нетерпѣливая мачиха прибѣгла къ послѣднему средству — къ отравѣ. Лудовикъ былъ спасенъ искусствомъ врача, учившагося у Мавровъ; однако оставшаяся на цѣлую жизнь болѣзненная блѣдность лица свидѣтельствовала о силѣ даннаго ему яда. Филиппъ принялъ роль примирителя между наложницею и сыномъ. Онъ своими просьбами смягчилъ праведный гнѣвъ послѣдняго, отдалъ ему въ полное владѣніе Понтуазъ и графство Вексинское и вообще пересталъ вмѣшиваться въ дѣла королевства ¹⁾. Можно предположить, что примиреніе Филиппа съ церковью было слѣдствіемъ этой сдѣлки. Въ декабрѣ 1104 года онъ принесъ торжественное покаяніе въ грѣхахъ своихъ и клятвенно обѣщалъ прервать сношенія съ Бертрадою. Папскій легатъ снялъ съ него тяготѣвшее надъ нимъ отлученіе отъ церкви. Несмотря на клятву свою, Филиппъ остался вѣренъ прежнему образу жизни. Бертрада даже приняла титулъ королевы. Но церковь не тревожила ихъ болѣе. Съ этой эпохи разсказъ Сугерія становится подробнѣе, личное участіе его въ событіяхъ замѣтнѣе.

Въ числѣ крестоносцевъ, макодушно бѣжавшихъ изъ Антиохіи, осажденной Кербогою, былъ Гвидонъ Труссель, владѣлецъ замка Монлери, между Парижемъ и Орлеаномъ. Пользуясь этимъ положеніемъ, Гвидонъ и его предки часто прерывали сообщенія между обоими городами, обирали прохожихъ и вообще сильно тѣснили Капетинговъ, которые безъ ихъ согласія или военнаго прикрытія не могли посѣтить лежавшихъ на югъ отъ столицы своихъ владѣній; постыдное бѣгство изъ Антиохіи положило неизгладимое пятно на честь Гвидона. Оставленный, презираемый всѣми, онъ боялся за участь единственной дочери своей и потому охотно согласился на предложеніе короля, хотѣвшаго женить на ней Филиппа, старшаго сына своего отъ Бертрады. Бракъ совершился, но замокъ Монлери достался не новобрачнымъ, а Лудовику, который далъ брату въ замѣнъ графство Мантское въ Вексинѣ. Радость Капетинговъ была велика; точно у нихъ вынули соломенку изъ глаза, или сняли ограду, въ которой они до того времени были заключены, замѣчаетъ Сугерій ²⁾. Онъ самъ слышалъ слова,

1) У Сугерія нѣтъ объ этихъ происшествіяхъ ни слова. Весь разсказъ находится у Ордена Витализа, *Hist. ecclesiastica*; ap. Bouquet, XII, 693—4. Другой авторъ, Ротеръ Говеденскій, говорить, что Лудовикъ былъ въ Англіи въ 1101 году.

2) *Vita Ludovici Grossi*, 16.

сказанныя Филиппомъ Лудовику: «сынъ мой, береги эту башню. Отъ нея было мнѣ много обидъ; отъ нея я преждевременно состарѣлся. Она не давала мнѣ отдохнуть въ мирѣ» ¹⁾. Другое счастливое обстоятельство значительно содѣйствовало къ водворенію спокойствія въ южной части королевской области. Родной дядя Труссея, Гвидонъ, графъ Рошфора и Шатофора, дотолѣ непокорный и враждебный королю ²⁾, возвратился со славой и богатствомъ изъ Іерусалима. Онъ занялъ при французскомъ дворѣ должность сенешала и помолвилъ свою дочь за наследника престола. Сенешаль стоялъ въ то время выше всѣхъ прочихъ сановниковъ по вліянію и власти. Онъ заступалъ мѣсто короля въ судѣ, мѣсто конетабля въ войскѣ, и сверхъ того имѣлъ надзоръ надъ преводами (*prevots*, *praepositi*). Должность сенешала была наследственная въ родѣ графовъ анжуйскихъ, но они рѣдко управляли ее сами и обыкновенно предоставляли ее другимъ, не столько важнымъ владѣльцамъ ³⁾. Въ продолженіи двухъ лѣтъ Гвидонъ вѣрно служилъ королю Филиппу.

Изъ приведенныхъ словъ Сугерія «*nobis audientibus*» видно, что онъ былъ свидѣтелемъ описываемыхъ имъ въ VIII главѣ событій. Положительнаго участія его въ совѣщаніяхъ, происходившихъ по поводу замка Монлери, мы не въ правѣ предположить, не смотря на авторитетъ ученыхъ Бенедиктинцевъ ⁴⁾. Впрочемъ поприще практической дѣятельности открылось для него скоро. Въ іюлѣ 1106 года онъ присутствовалъ, вѣроятно въ свитѣ своего аббата, на соборѣ, созванномъ папскимъ легатомъ Брунономъ въ Пуатье, для обсужденія мѣръ къ поддержанію королевства іерусалимскаго. Менѣе чѣмъ черезъ годъ, въ мартѣ 1107 года, ему досталась честь защищать предъ лицомъ папы Пасхалія II, прибывшаго во Францію, права и льготы монастыря Св. Діонисія противъ епископа парижскаго Галона, который ихъ оспаривалъ. Каноническій приговоръ состоялся въ пользу мо-

¹⁾ Ibid. Age, inquietus, illi Ludovici, serva excubans turrini, cujus devexatione pene consenui, cujus dolo et fraudulenta nequitia nunquam pacem hominum et quietem habere potui.

²⁾ Vita Lud. Grossi, 17.

³⁾ Warnkoenig Franz. Staats-und Rechtsgeschichte I, 210—11.

⁴⁾ Hist. Littéraire, XII, 363. C'est encore de lui que l'on tient qu'il avoit assisté deux ans auparavant au conseil d'Etat où l'on delibera sur le mariage de la fille de Gui Trussel. Но Сугерію вовсе не упоминается о своемъ участіи.

даго инока, глубоко изучившаго грамоты и другіе акты, хранившіеся въ монастырскомъ архивѣ ¹⁾). Пасхалій посѣтилъ обитель Св. Діонисія. Свидѣтельство Сугерія объ его пребываніи тамъ показываетъ, какое мнѣніе распространено было во Франціи о римскомъ духовенствѣ. «Онъ (т. е. папа) оставилъ потомству единственный, достопамятный и небывалый у Римлянъ примѣръ, ибо не только не требовалъ, какъ этого боялись, ни золота, ни серебра, ни драгоценныхъ камней, принадлежавшихъ монастырю, но даже не удостоилъ ихъ взглядомъ ²⁾». Подобныхъ выраженій о римской куріи и Римлянахъ въ «Жизни Лудовика Толстаго» встрѣчается не мало. Причиною прибытія папы во Францію была его распря съ имперією. Послы Генриха явились въ свою очередь въ Шалонъ на Марнѣ. Здѣсь, на нейтральной землѣ, должны были происходить переговоры. Аббатъ Адамъ и Сугерій провожали Пасхалія II въ Шалонъ. Французовъ удивилъ рѣзкій до угрозы языкъ нѣмецкихъ пословъ, стоявшихъ за права своего государя. Эти строптивые люди, казалось, были присланы для того, чтобы внушить страхъ противникамъ, а не для разумныхъ соображеній. Особенно отличался герцогъ Вельфъ, исполннъ ростомъ и великій крикунъ, передъ которымъ всюду и всегда носили мечъ его. На рѣчь епископа піяченскаго, говорившаго въ пользу римской церкви, они отвѣчали съ германскимъ неистовствомъ (*Theutonico impetu*): не здѣсь, а въ Римѣ, мечемъ рѣшимъ мы этотъ споръ, и вообще едва воздерживались отъ насильственныхъ поступковъ ³⁾. По ихъ удаленіи, папа отправился въ Труа, гдѣ держалъ соборъ. Оттуда онъ возвратился въ Римъ, «исполненный любви къ Французамъ, которые служили ему всѣми силами, и страха и ненависти къ Нѣмцамъ ⁴⁾».

Таково было первое знакомство Сугерія съ папскимъ дворомъ, первое вмѣшательство его въ великіе вопросы, занимавшіе тогда церковь. Соборъ въ Труа объявилъ между прочимъ недействительнымъ брач-

¹⁾ Hist. Litt. XII, 363.

²⁾ Vita Lud. Grossi, 19.

³⁾ Ibid, 20.

⁴⁾ Ibid. Cum amore Francorum quia multum servierant et timore et odio Theutonicorum. Концовка этой (9-й) главы посвящена описанію похода Генриха V въ Римъ и его дальнѣйшимъ сношеніямъ съ папою Пасхаліемъ. Французскій историкъ стоитъ за папу противъ императора. Впрочемъ, эта часть его труда бѣдна подробностями и ничего не прибавляетъ къ извѣстнымъ нѣмецкимъ и итальянскимъ лѣтописцамъ.

ное обѣщаніе, данное Лудовикомъ дочери графа рошеорскаго. Предлогомъ служило дальнее родство между женихомъ и невѣстою; въ самомъ дѣлѣ рѣшеніе собора состоялось подѣ влияніемъ враговъ и за-
вистниковъ ¹⁾ сенешала, во главѣ которыхъ стояли три брата Гарландъ. Обиженный отецъ не только самъ взялся за оружіе, но побуждалъ къ возстанію многочисленныхъ родственниковъ и друзей своихъ, въ томъ числѣ молодаго Теобальда, графа Шартра и Блуа. Театромъ военныхъ дѣйствій были окрестности замка Гурне на Марнѣ. Счастіе было постоянно на сторонѣ Лудовика; онъ разбилъ своихъ противниковъ, взявъ Гурне и вслѣдъ за тѣмъ совершилъ походъ въ Берри, гдѣ личною отвагою, «неприличною царственной особѣ» ²⁾, положилъ конецъ непослушанію барона Сентъ-Севера. Чѣмъ ниже падалъ въ общественномъ мнѣніи король Филиппъ, исключительно занятый Бертрадою, тѣмъ выше подымался его наслѣдникъ, на плечахъ котораго лежала давно вся тяжесть государственнаго управленія. Съ 1108 начинается его настоящее царствованіе. Филиппъ умеръ 29 іюня этого года.

Личная связь Сугерія съ новымъ королемъ и роль, которую онъ игралъ при его дворѣ, объясняютъ многіе пропуски и намеки въ «Жизни Лудовика Толстаго». Мы видѣли выше, что въ ней даже не упомянуто о покушеніяхъ Бертрады на жизнь пасынка; о разрывѣ брака между Луціею Рошеоръ и Лудовикомъ говорится мелькомъ; съ такою же осторожностію говорить біографъ о событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ его героя. Сугерій очевидно зналъ болѣе, чѣмъ передавъ намъ. Онъ не искажаетъ событій, но умалчиваетъ о тѣхъ подробностяхъ, которыя по чему нибудь считаетъ оскорбительными для чести королевскаго дома или для сильныхъ современниковъ. Въ такихъ случаяхъ политикъ обыкновенно беретъ верхъ надъ лѣтописцемъ.

Смерть короля Филиппа оживила надежды партіи, враждебной законному наслѣднику престола, опасавшейся его смѣлости и дѣятельности. Душою этой партіи стала Бертрада, не забывшая прежнихъ замысловъ. Сыновья ея отъ обоихъ мужей, Филиппъ мантскій (которому, неизвѣстно когда и какъ, но еще при покойномъ королѣ, Лудо-

¹⁾ Aemulorum machinatione. Vita Lud. Gr. 22.

²⁾ Quod regem dedecerat. Ibid. 24.

внѣ возвратилъ Монлери) и Фульконъ, графъ анжуйскій, ея братъ, графъ Амальрихъ монфорскій, соединились съ возставшими прежде вассалами короля, бывшимъ сенешаломъ Гвидономъ, котораго мѣсто при дворѣ заступилъ Ансельмъ гарландскій, и его родственниками. Ихъ владѣнія со всѣхъ сторонъ облежали Парижъ ¹⁾. Опасность была велика, но Лудовикъ зналъ цѣну времени и не терялъ его. По совѣту друзей, въ особенности Ивона, епископа шартрскаго, знаменитѣйшаго богослова той эпохи ²⁾, онъ вѣнчался на царство черезъ пять дней послѣ смерти отца. Обрядъ вѣнчанія происходилъ не въ Реймсѣ, гдѣ обыкновенно короновались короли французскіе, а въ болѣе близкомъ и надежномъ Орлеанѣ. Присутствіе многочисленныхъ прелатовъ служило доказательствомъ участія, какое духовенство принимало въ судьбѣ молодого государя. Архіепископъ санскій (Sens) «снялъ съ него мечъ мірскаго воинства и опоясалъ его другимъ, благословеннымъ церковью на защиту храмовъ и бѣдныхъ, и на казнь преступниковъ» ³⁾. Протестація реймскаго архіепископа пришла поздно. Ивонъ шартрскій написалъ возраженіе противъ требованій реймской епархіи, въ которомъ говоритъ прямо о «кромольникахъ, имѣвшихъ въ виду или вручить королевскую власть другому лицу, или умалить ее» ⁴⁾. Мы не послѣдуемъ за лѣтописцемъ въ изложеніи войны Лудовика съ его вассалами. Онъ еще разъ отнялъ Монлери у непокорнаго брата; Бертрада удалась въ монастырь, гдѣ вскорѣ умерла; графъ рошеорскій и сынъ его Гугонъ крессійскій, послѣ неоднократныхъ пораженій, были усмирены, но самые успѣхи короля вызывали противъ него новыхъ враговъ. Не одни владѣльцы его родовой области, герцогства Франціи, ихъ сосѣди, бароны Нормандіи и Шампаніи при-

¹⁾ Ibid., 31. 36.

²⁾ Potissimum dictante venerabili et sapientissimo viro Ivone Carnotensi episcopo. Ibid. 25.

³⁾ Vita Ludov. Grossi, 25.

⁴⁾ Erant enim quidam regni perturbatores, qui ad haec omni studio vigilabant, ut aut regnum in aliam personam transferretur, aut non mediocriter minueretur. Ivonis episcopi Carnotensis epist. XL, ap. Duchesne, Hist. Francorum scriptt. IV. 237. Цырепій говоритъ по тому же поводу: Ludovicus, Deo annuente ad regni fastigia sicut honorum voto adsciscitur, ita malorum et impiorum votiva machinatione si fieri potest excluderetur. Vita L. G. 25. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 31) онъ явнѣе облачаетъ анды Бертрады на престолъ французскій для Филиппа мавтскаго въ случаѣ смерти Лудовика.

няли участіе въ борьбѣ, развязка которой не могла не обнаружить вліянія на ихъ собственное положеніе. Это было общее дѣло феодализма. Генрихъ I, строгій блюститель королевской власти въ Англіи, охотно помогалъ французскимъ мятежникамъ. Въ 1109 году онъ взялъ обманомъ Живоръ и отвѣчалъ насмѣшкою на рыцарское предложеніе своего леннаго господина кончить споръ поединкомъ ¹⁾. О состояніи тѣхъ частей Франціи, гдѣ шла война, о феодалныхъ нравахъ первой половины XII вѣка вообще, можетъ дать понятіе слѣдующій эпизодъ, заимствуемый нами изъ «Жизни Лудовика Толстаго» ²⁾.

На одномъ изъ возвышеній, образуемыхъ берегами Сены, находилось странное и грозное феодалное жилище, неправильно названное замкомъ Рошъ-Гюонъ (*Rupes Guidonis, Roche Guyon*). Замокъ этотъ состоялъ изъ обширнаго подземелья, высѣченнаго въ крутой скалѣ. Узкій, удобный къ защитѣ входъ велъ въ этотъ вертепъ, котораго владѣльцы вполнѣ пользовались выгодами своего положенія на счетъ бѣдныхъ жителей окрестныхъ селеній и городовъ. Въ началѣ XII вѣка Рошъ-Гюонъ принадлежалъ Гвидону, кроткому юношѣ, непричастному злобѣ и хищничеству предковъ. Къ несчастію у него былъ тестъ другаго нрава (*proditor incomparabilis*), Вильгельмъ, родомъ Норманъ. Ему давно хотѣлось отнять у зятя безполезное въ его рукахъ пристанище. Однажды, во время вечерней службы, онъ пришелъ въ церковь, которая соединялась съ замкомъ тѣснымъ проходомъ, пробитымъ въ скалѣ, впустилъ туда своихъ сообщниковъ и потомъ напалъ на Гвидона. Жена послѣдняго, дочь Вильгельма, надѣялась спасти мужа, закрывъ его своимъ тѣломъ. Ее убили вмѣстѣ съ нимъ. Таже участь постигла ихъ дѣтей, которыхъ убійцы разбивали о камни. Выбросивъ трупы, Вильгельмъ спѣшилъ усилить дружину свою и сталъ громко звать испуганныхъ свидѣтелей кроваваго дѣла. Онъ общалъ имъ богатую добычу и всякаго рода награды за оказанную ему помощь. Подъ первымъ впечатлѣніемъ ужаса никто не рѣшился пристать къ нему. Между тѣмъ вексинское рыцарство, которое боялось, чтобы король Генрихъ, бывшій въ то время въ Нормандіи, не пришелъ на помощь Вильгельму, заняло всѣ пути къ Рошъ-Гюону, заставило убійцъ, не успѣвшихъ запастись съѣстными припасами, сдаться и предало ихъ

¹⁾ Vita Lud. Grossi, 29.

²⁾ Ibid.

мучительной смерти. У Вильгельма живо вырзали изъ груди сердце. Лѣтописецъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ рассказываетъ объ этой казни, не менѣе самаго преступленія характеризующей эпоху.

По всей вѣроятности, Сугерій рѣдко бывалъ при дворѣ въ первые годы правленія Лудовика. Онъ былъ слишкомъ занятъ вѣтраннымъ ему управленіемъ двухъ изъ важнѣйшихъ помѣстій, принадлежавшихъ монастырю Св. Діонисія. Аббатъ Адамъ назначилъ его прево-томъ Берневала въ Нормандіи и Тури, между Этампомъ и Орлеаномъ. Такія должности доставляли лицамъ, которымъ онъ поручались, возможность жить внѣ монастырскаго правила и часто возлагали на нихъ обязанности, приличныя только мірянамъ. Сугерій долженъ былъ отстаивать права своего монастыря противъ притязаній норманскихъ чиновниковъ въ Берневалѣ; еще съ гораздо болѣе опасностями пришлось ему бороться въ Тури. Здѣсь у него былъ сосѣдемъ Гугонъ Красивый, владѣтель замка Пюизе, смѣлый и жестокий рыцарь, наводившій такой страхъ на весь край, что многіе ненавидѣшіе его, служили ему изъ одного опасенія навлечь на себя его гнѣвъ ¹⁾. Въ особенности терпѣли отъ него земли графа Теобальда шартрскаго и церковныя ²⁾. Тури было богатое, со всѣхъ сторонъ открытое, беззащитное мѣсто. Обстоятельства требовали отъ монастырскаго превода не одной хозяйственной или административной дѣятельности. Ему часто приходилось самому садиться на коня и отражать хищниковъ. Настоянія Сугерія, склонившаго окрестное духовенство и графа шартрскаго дѣйствовать за одно съ нимъ ³⁾, побудили наконецъ Лудовика принять строгія мѣры противъ владѣльца Пюизе. Въ 1111 году онъ созвалъ нарочно по этому поводу парламентъ въ Меленъ (Melun). Съѣхавшіеся прелаты на колѣняхъ молили короля, «какъ намѣстника Божія, какъ живой образъ Божества» ⁴⁾, избавить ихъ отъ притѣсне-

¹⁾ Hugo Puteolensis vir nequam et propria et antecessorum tyrannide sola opulentus Vita L. G. p. 32. Дѣдъ и отецъ Гугона безпрестанно воевали съ норманомъ Филиппомъ и не разъ захватывали на дорогѣ и держали въ темницахъ своего замка не только людей, стоявшихъ выше ихъ въ ленной іерархіи, но епископовъ. Такую участь испыталъ между прочими славный ученостію и вліяніемъ на дѣла западной церкви епископъ Ивоизъ шартрскій.

²⁾ Ibid.

³⁾ Sugerii ab. S. Dionysii liber de rebus in administratione sua gestis, ap. Duchesne. Hist. Franc. scriptt. IV. 336.

⁴⁾ Dei, cujus ad vivificandum rex portat imaginem, vicarius ejus. Vita Lud.

ній новаго Фараона. Приглашенный къ отвѣту Гугонъ не хотѣлъ повиноваться. Надобно было прибѣгнуть къ силѣ.

Осада замка Пюизе принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ военныхъ предпріятій Лудовика Толстаго. Сугерій принялъ рѣшительное участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ укрѣпилъ Тури и снабжалъ отсюда королевскія войска всѣмъ нужнымъ ¹⁾. Главныя силы Лудовика состояли изъ церковныхъ дружинъ ²⁾, которыми онъ былъ обязанъ успѣшнымъ окончаніемъ осады. Гугонъ отбилъ два приступа; попытка Сугерія заечь замокъ, посредствомъ придвинутыхъ къ стѣнѣ тележекъ съ сухимъ хворостомъ, пропитаннымъ саломъ и запекшеюся кровью ³⁾, не удалась; при третьемъ приступѣ, старый священникъ, приведшій лично своихъ прихожанъ, подошелъ, закрываясь отъ стрѣлъ простою доскою, къ самой оградѣ и началъ вытаскивать изъ нея кольца. Его примѣру послѣдовали другіе и ворвались съ разныхъ сторонъ въ укрѣпленіе. Замокъ былъ взятъ, и владѣлецъ его заключенъ въ Шато Ландонъ. Но эта побѣда вовлекла Лудовика въ новую распрю. Графъ шартрскій, которому онъ оказалъ помощь противъ Гугона, потребовалъ себѣ часть отнятыхъ у послѣдняго владѣній и вступилъ въ тѣсный союзъ съ дядею своимъ, Генрихомъ англійскимъ ⁴⁾. Всѣ прежніе враги короля охотно примкнули къ этому союзу. Смерть Одона, графа корбельскаго, увеличила трудности и опасность. Ближайшимъ наслѣдникомъ умершаго былъ Гугонъ Красивый, котораго Лудовикъ держалъ подъ стражею въ Шато-Ландонѣ. Ему была возвращена свобода съ слѣдующими условіями: онъ отказался отъ Корбея, обѣщалъ болѣе не тревожить своими требованіями церковныя имѣнія и не возстановлять безъ королевскаго согласія скрытыхъ укрѣпленій своего замка. Сугерій, присутствовавшій при всѣхъ переговорахъ съ Гугономъ, не вѣрилъ его обѣщаніямъ и противъ воли согласился на до-

Grossi, 33. Эти выраженія очень важны подъ перомъ лѣтописца, жившаго въ первой половинѣ XIII вѣка, когда монархія носила еще вполне феодальный характеръ. Церковь поднимаетъ ее высоко надъ феодализмомъ.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Communitates parochiarum, Ibid. 34.

³⁾ Carros etiam, quos multa congerie siccorum lignorum, adipis et sanguinis, cito fomento flammis accendendis onerari feceramus (erant enim excommunicati et omnino diabolici) Ibid. Замѣтимъ, что большая часть враговъ Лудовика были въ раздорѣ съ церковью, прокляты ею.

⁴⁾ Vita Lud. Gr. 35.

говоръ съ нимъ ¹⁾. «Онъ обманулъ насъ», говоритъ онъ, «не искусствомъ, а коварствомъ своимъ» ²⁾.

Поведеніе барона Пюизе оправдало эти предсказанія. Тотчасъ по освобожденіи, онъ приступилъ къ исправленію своего замка, упростилъ Сугерія ѣхать съ порученіемъ отъ него къ королю, который въ то время находился во Фландріи, и пользуясь его отсутствіемъ, осадилъ Тури. Къ счастью, осторожный превотъ оставилъ здѣсь надежныхъ защитниковъ, отразившихъ первое нападеніе. Самъ Сугерій, узнавъ о случившемся, поспѣшилъ возвратиться, и подвергаясь опасности быть взятымъ или убитымъ, пробрался въ Тури, вмѣшавшись при приступѣ въ ряды непріятеля ³⁾. Король не замедлилъ придти къ нему на выручку. Пюизе подвергся новой осадѣ. Лудовикъ по обычаю бился храбро, такъ что лѣтописецъ опять упрекаетъ его въ отвагѣ, болѣе приличной простому вѣвну, чѣмъ государю ⁴⁾. Въ самомъ дѣлѣ, его запальчивость была причиною сильнаго пораженія его войскъ, при чемъ онъ самъ едва избѣжалъ плѣна, который при тогдашнихъ обстоятельствахъ могъ имѣть огромное вліяніе на судьбу французской монархіи. Эта неудача была впрочемъ заглажена рѣшительною побѣдою и вторичнымъ взятіемъ Пюизе. Побѣдители разрушили его до основанія, какъ «мѣсто, преданное божественному проклятію». Всѣ остальные члены феодалнаго союза испытали въ этой войнѣ болѣе или менѣе неудачъ, и лѣтописецъ, переходя къ описанію другихъ событій, заключаетъ многозначительными словами: обязанность государей по-

¹⁾ Quia non potuimus quod voluimus, voluimus quod potuimus Ibid. 37. Отзывъ Сугерія объ Одонѣ корбильскомъ заслуживаетъ вниманія: hominem non hominem, quia non rationalem sed res cogitem. Одонъ вѣрно слушалъ королю противъ родственниковъ своихъ. Въ этомъ и другихъ мѣстахъ «Жизни Лудовика Толстаго», у Сугерія, быть можетъ, невольно высказалось презрѣніе мыслящаго и образованнаго человѣка къ людямъ, преклонявшимся только предъ грубою силою.

²⁾ «Perfidia non arte delusi».

³⁾ Vita L. G. 38.

⁴⁾ Et ultra quam regiam deceret majestatem miles emeritus, militis officio non regis singulariter decetabat. Ibid. 39. Рыцарскія свойства Лудовика обнаруживались вполнѣ при двукратной осадѣ замка Пюизе. Въ 1113 году (т. е. во время второй осады) здѣсь были собраны всѣ его главные враги: противъ Гугона Пюизе, Гвидонъ роменорскій, Гуговъ Крессн. Милонъ, владѣлецъ Монларійской башни, графъ Теобальдъ шартрскій и блуасскій, наконецъ пятьсотъ норманскихъ рыцарей, присланныхъ королемъ Генрихомъ. Къ сожалѣнію, изъ длиннаго, но реторическаго, напыщеннаго разсказа Сугерія нельзя извлечь характеристическихъ подробностей.

давить могущественною рукою, но *первобытному праву сердецъ должности* ¹⁾, кичливость тирановъ, раздражающихъ государство безконечными войнами, полагающихъ наслаждение въ грабительствѣ, разорителей бѣдныхъ и разрушителей храмовъ Божіихъ..... ²⁾). Въ послѣдствіи Гугону еще разъ удалось овладѣть развалинами своего замка и даже убить въ единоборствѣ сенешала Франціи, Ансельма гарландскаго ³⁾, но у него уже не было силъ для дальнѣйшей борьбы не только съ королемъ, но съ Сугеріемъ, возвысившимся до званія оббата Св. Діонисія. Бывшій баронъ Пюизе кончилъ жизнь въ Палестинѣ, гдѣ послѣ такихъ же дѣлъ умеръ отецъ его. Такъ обыкновенно заключали свое поприще защитники феодальнаго порядка въ эпоху, о которой идетъ рѣчь ⁴⁾. Въ крестовомъ походѣ они находили удовлетвореніе двоякой потребности: войны и покаянія. Кровью Магомеданъ душали они смыть съ себя пятна, наложенныя другою кровью. Въ монастыри и государства крестоносцевъ сбывала Европа Среднихъ вѣковъ избытокъ беспокойныхъ, неугомонныхъ силъ, при вольной игрѣ которыхъ невозможно было бы утвержденіе правильныхъ, подчиненныхъ строгому закону обществъ.

Почти въ одно время (около 1120 г.) съ Гугономъ Красивымъ сошелъ со сцены другой опасный противникъ капетингскаго дома, Гугонъ крессійскій, сынъ бывшаго сенешала Гвидона. Онъ вступилъ въ братство Ключійское ⁵⁾.

Мы видѣли, что Сугерій участвовалъ въ послѣднихъ событіяхъ не однимъ совѣтомъ. Онъ дѣятельно помогалъ Лудовику и безъ сомнѣнія ускорилъ паденіе замка Пюизе. Но его вліяніе уже простиралось за тѣсныя предѣлы капетингскихъ владѣній. Въ 1112 году онъ былъ въ Римѣ на соборѣ, который предалъ проклятію императора Генриха V и объявилъ недѣйствительнымъ договоръ, заключенный съ нимъ въ

¹⁾ «Officii jure votivo».

²⁾ Vita Ludov. Gr. 41.

³⁾ Cum dapiferum ejus (regis) Ansellum Garlandensem baronum strenuum propria lancea perforasset. Ibid.

⁴⁾ Сугерій говоритъ о Гугомъ Красивомъ: *nativam et assuetam dediscere prodicionem non voluit; donec via Hierosolymitana sicut et multorum nequam aliorum, ejus omni veneno inflammata nequitiam vitae ereptione extinxit.* Ibid.

⁵⁾ Chronicon Mauriniacense, ap. Bouquet, XII, 72. Art de vérifier les dates, XII, 136.

предыдущемъ году папою Пасхалиемъ, относительно инвеституры ¹⁾. Тогда же король французскій оставилъ роль празднаго зрителя въ спорѣ между церковью и имперіей. Онъ сталъ явно на сторонѣ папы. Собранное, по его совѣту и при его пособіи, въ Вьеннѣ (1112 года 16 сентября) духовенство Франціи повторило прознесенное въ Римѣ надъ Генрихомъ проклятіе ²⁾. Рѣшеніе Лудовика и путешествіе Сугерія ко двору папы совпадаютъ не безъ причины. Между этими властителями, столь неравными по объему и характеру ихъ могущества, образовалась съ той поры тѣсная связь, начало которой французскіе историки напрасно ищутъ въ каролингскомъ періодѣ, или при первыхъ преемникахъ Гугона Капета. Отношенія Карла Великаго къ епископѣ Св. Петра были другаго рода; въ нихъ подразумевалось подчиненіе церкви главѣ свѣтскаго государства. Языкъ, которымъ римскіе епископы говорили съ сыномъ и правнукомъ Гугона Капета, показываетъ, что они не высоко цѣнили ихъ вражду или пріязнь. Во второмъ десятилѣтіи XII вѣка, когда споръ за инвеституру принялъ столь грозный для Пасхалія оборотъ, Франція явилась самой вѣрной заступницею угнетенной церкви. Нѣсколько областныхъ соборовъ въ теченіе немногихъ лѣтъ выразили ея мнѣнія. Король, духовенство и народъ стояли за одно. Болѣе всего выиграло въ этомъ случаѣ нравственное значеніе короля. Его не заслоняли болѣе предъ Европою сильные или даровитые вассалы: онъ лично стоялъ во главѣ движенія, поднимавшагося въ пользу папы. Степеніе благопріятныхъ обстоятельствъ доставило ему вліяніе на развязку тяжбы, въ которой рѣшалась судьба Запада. Нельзя не признать, что Лудовикъ умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Онъ однимъ разомъ возвратилъ все утраченное его предшественниками въ общественномъ мнѣніи Европы. Но былъ ли онъ самъ въ состояніи понять важность событій, въ средоточіи которыхъ его поставила исторія, или на его долю остается только

¹⁾ Vita Lud. Gr. 21.

²⁾ Ludovici suffragio et consilio in Gallicana celebri concilio collecta ecclesia, imperatorem tyrannum anathemate innodantes mucrone beati Petri perfoderunt. Vita Lud. Gr. 22. Агты этого собора утрачены, но вѣрно, въ которыхъ изложены его дѣйствія, написанное Гандономъ, архіепископомъ вьенскимъ, въ папѣ сохранилось. См. Bouquet, XV, 51. Sim. de Sismondi, Hist. des Français, V, 114. Впрочемъ, промѣ въенскаго, во Франціи было, около того же времени и по тому же поводу, нѣсколько соборовъ. Нигдѣ оскорбленія, нанесенныя Генрихомъ V главѣ западной церкви, не возбуждали такого негодованія.

честь осуществленія чужой, подсказанной ему мысли—вотъ вопросъ, для разрѣшенія котораго необходимо составить себѣ ясное понятіе о личномъ характерѣ и степени даровитости Лудовика Толстаго. Жизнь его, написанную Сугеріемъ, часто и не совсѣмъ безъ основанія называютъ панегирикомъ. Мы выше замѣтили, что при несомнѣнномъ пристрастіи біографа къ царственному другу, онъ осторожно, нехотя горитъ о собственной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, читая внимательно этотъ памятникъ, сличая его съ показаніями другихъ не столь подробныхъ источниковъ, невольно приходишь къ такому заключенію: преемникъ Филиппа былъ добродушный, храбрый, дѣятельный государь; трехлѣтнее пребываніе въ монастырѣ Св. Діонисія обогатило его многими идеями, чуждыми феодальному міру, развило въ немъ чувство высшей справедливости, требованіе лучшаго государственнаго порядка, но онъ не принадлежалъ къ числу людей съ крѣпкою волею и независимымъ, самостоятельнымъ убѣжденіемъ. Его воля была почти всегда подчинена чужой; его убѣжденіе доставалось ему извнѣ. Его біографъ дважды упрекаетъ его въ томъ, что онъ велъ себя болѣе какъ простой воинъ, чѣмъ какъ полководецъ. Лудовикъ не могъ поступать иначе. Онъ былъ не что иное какъ исполнитель, но исполнитель усердный и смѣлый, прикрывшій блескомъ рыцарскихъ доблестей политическую теорію, которую чрезъ него проводилъ въ жизнь аббатъ Св. Діонисія. «Съ Лудовика Толстаго начинается новая эра; объемъ его власти, самая сфера его дѣятельности еще очень ограничены; результаты его усилій незначительны, по крайней мѣрѣ для настоящаго. Театромъ его подвиговъ почти всегда окрестности Парижа: онъ упражняетъ свое мужество и умъ противъ владѣльцевъ простыхъ замковъ, ограждая безопасность дорогъ, защищая купцовъ. Однако въ этихъ мелкихъ и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе значительныхъ предпріятіяхъ можно замѣтить намѣреніе утвердить правильное, центральное правительство. Королевская власть отдѣляется отъ леннаго господства (*suzeraineté*) и требуетъ, хотя робко, но отъ собственного имени, правъ другаго рода. Она выступаетъ какъ высшая общественная власть, призванная поддерживать въ пользу всѣхъ и противъ всѣхъ справедливость и порядокъ. Эта власть еще недостаточна для осуществленія такой задачи, но въ ней самой и въ умахъ ея подданныхъ уже пробуждается сознаніе ея достоинства и призванія. Таковъ характеръ царствованія Лудовика Толстаго. Онъ мало сдѣ-

лалъ для гражданской свободы, но много для образованія государства и національнаго правительства; онъ первый вывелъ монархію изъ феодальнаго порядка, сообщилъ ей новое начало, новое положеніе. Въ этомъ дѣлѣ, котораго развитіе опредѣлило судьбу Франціи, могущественно участвовалъ Сугерій, въ теченіе двадцатипятилѣтняго управленія своего» ¹⁾. — Прибавимъ, что современники называли аббата Св. Діонисія Салономъ и отцомъ отечества ²⁾. Они не могли не знать, кто правилъ государствомъ, на комъ лежала главная отвѣтственность и кому слѣдовала награда за великія перемѣны, совершенныя во Франціи въ первой половинѣ XII столѣтія.

Съ 1112 года Сугерій, оставаясь въ званіи превота турійскаго, велъ исключительно всѣ переговоры французскаго короля съ папскимъ дворомъ. Когда заступившій на мѣсто Св. Петра мѣсто Паскалія (умершаго въ генварѣ 1118 г.) Гелазій II былъ изгнанъ изъ Рима императорскою партіею и прибылъ на островъ Магалоуъ просить, по примѣру предшественниковъ своихъ, покровительства у короля Лудовика и состраданія у французской церкви, Сугерій былъ отправленъ къ нему на встрѣчу съ дарами и привѣтомъ своего государя ³⁾. Въ Везеле должны были съѣхаться Гелазій и Лудовикъ, который, судя по выраженіямъ его біографа, намѣренъ былъ оказать папѣ дѣйствительную помощь противъ непокорныхъ Римлянъ ⁴⁾. Свиданіе это не состоялось, по случаю смерти Гелазія, скончавшагося въ Ключійскомъ монастырѣ. На французской землѣ происходило избраніе его преемника. Выборъ кардиналовъ палъ на Гвидона, архіепископа вьеннскаго, человека рѣдкихъ дарованій, близкаго родственника и друга

¹⁾ Guizot, notice sur Suger. Collection des mémoires relatifs à l'hist. de France, VIII, p. IX. Этотъ отзывъ противорѣчитъ другому того же историка, приведенному выше, но онъ ближе къ истинѣ.

²⁾ Joseeli, episcopi Sareshiriensis epistola ad Sugerium, ap. Duchesne script. rerum francie. IV. 503. Wilhelmi San-Dionysiani Vita Sugerii, ap. Bouquet, XII, 110.

³⁾ Gelasius.... ad tutelam et protectionem serenissimi regis Ludovici et Gallicanae ecclesiae compassionem, sicut antiquitus consueverunt, confugit. Vita Lud. Gr. 46. A domino rege.... destinati, mandata deposuimus. Ibid.

⁴⁾ Tam Romanis quam Francis vitae depositione pepercisse. Ibid. Гиде переводитъ: et avait ainsi, en quittant la vie, épargné une querelle aux Français et aux Romains. Coll. des mémoires, VIII. 114. Въ древнемъ переводѣ «Жизни Л. Т.», который находится въ Chroniques de St. Denys, это мѣсто выпущено.

Лудовика Толстаго ¹⁾. Онъ принялъ имя Калиста II и въ этомъ же 1119 году созвалъ въ Реймсѣ соборъ, которому предстояло рѣшеніе главныхъ церковныхъ и политическихъ вопросовъ, занимавшихъ западную Европу. Не говоря о дѣлахъ меньшей важности, прелаты, созванные въ Реймсѣ, должны были разсудить папу съ императоромъ, Лудовика французскаго съ Генрихомъ англійскимъ.

Мы уже упоминали о вмѣшательствѣ англійскаго короля въ распри его леннаго господина съ мятежными вассалами. Генрихъ былъ постоянно на сторонѣ послѣднихъ. Случай, очень обыкновенный при феодалномъ устройствѣ государствъ, доставилъ наконецъ Лудовику возможность употребить въ свою пользу орудіе, которымъ его противникъ дотолѣ дѣйствовалъ противъ него. Онъ объявилъ себя защитникомъ племянника Генриха, Вильгельма Клитона, законнаго наслѣдника герцогства норманскаго, отнятаго силою у его отца Роберта Генрихомъ, который прежде такимъ же образомъ присвоилъ себѣ самое королевство англійское. Вильгельмъ былъ еще ребенкомъ во время бѣгства при Теншбре ²⁾, рѣшившей судьбу Нормандіи и Роберта, приговореннаго братомъ къ вѣчному заточенію. Рыцарь, которому поручено было его воспитаніе, увезъ его вскорѣ отъ жестокаго и подозрительнаго дяди. Они вмѣстѣ переходили отъ одного феодалнаго двора къ другому, часто жили на счетъ монастырей, гдѣ имъ оказывали гостепріимство, пока наконецъ не нашли надежнаго пристанища и даже помощи у Лудовика Толстаго. Въ свою очередь, король французскій обратился къ норманскимъ баронамъ, склоняя ихъ стать подъ знамя настоящаго господина. На это воззваніе отозвались не одни приверженцы бывшаго герцога, а всѣ недовольные строгимъ правленіемъ Генриха. Такихъ было много въ странѣ, гдѣ ленныя учрежденія обнаружили болѣе вліянія на нравы, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Европѣ. Покорность, которой Генрихъ требовалъ отъ своихъ вассаловъ, казалась Норманамъ оскорбительнымъ нововведеніемъ. Самые пороки храбраго, но расточительнаго, безпечнаго Роберта являлись блестящими качествами, въ сравненіи съ мелочною расчетливостію и осторожностію его брата, наслѣдовавшаго впрочемъ всю дѣятельность,

¹⁾ Лудовикъ былъ женатъ на родной племянницѣ Калиста II, Аделаидѣ, дочери Гумберта II, графа норіенскаго или самойскаго. *Art de vérifier les dates*, V, 513.

²⁾ Робертъ былъ разбитъ при Теншбре (Tinchebray) и взятъ въ плѣнъ 28 сентября, 1106 года.

свирѣпость и дикія страсти Вильгельма Завоевателя. Вообще потомки Роберта Дьявола рѣдко измѣняли родовому характеру ¹⁾). Война съ Лудовикомъ началась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для англійскаго короля. Къ его многочисленнымъ внутреннимъ врагамъ присоединились внѣшніе. Графы анжуйскій, бретанскій, фландрскій стали также за Вильгельма Клитона и съ разныхъ сторонъ вступили въ Нормандію. Въ цѣлой исторіи Среднихъ вѣковъ, можетъ быть, не найдется войны, до такой степени выражающей во всѣхъ своихъ частныхъ явленіяхъ характеръ эпохи ²⁾). Великихъ битвъ, которыми

¹⁾ Пристрастный къ Генриху Ордериъ слѣдующими словами описываетъ его характеръ: заботясь о доставленіи мира своимъ подданнымъ, Генрихъ сурово называлъ нарушителей закона. Среди изобилія, богатствъ и наслажденій, онъ сличкомъ предавался страстямъ своимъ. Съ ранней молодости до ирреконныхъ лѣтъ преступно утопая въ развратѣ, онъ принялъ отъ разныхъ наложницъ нѣсколько дѣтей своего пола. Его жестоное искусство увеличило значительно доходы казны... присвоивъ себѣ право охоты въ цѣлой Англіи, онъ дошелъ до того, что приказалъ отрубить по ногѣ всѣмъ собакамъ, находившимся въ соседствѣ лѣсовъ... Сифло могу сказать, что, насчетъ дѣлъ свѣтскаго правленія, въ Англіи не было государя богаче и могущественнѣе Генриха. *Hist. ecclesiastica*, ap. Bouquet, XII, 703. Guizot, *Collect. des mémoires*, XXVIII, 207. Не съ собаками только поступалъ такъ жестоко Генрихъ. Рыцарь Луа де-ла-Барръ, храбрый воинъ и остроумный труверъ, осмѣливалъ его въ своихъ пѣсняхъ. Въ послѣдствіи несчастный поэтъ попалъ въ руки Генриху, и не смотря на то, что онъ былъ чужой подданный, не смотря на ходатайство графа фландрскаго и на собственную славу, онъ подвергся страсшному наказанію. Ему выкололи глаза. *Ord. Vitalis*, ap. Guizot, XXVIII, 395. Впрочемъ, стоитъ только заглянуть въ извѣстное сочиненіе Тьерри «О завоеваніи Англіи Норманами», чтобы получить ясное понятіе о характерѣ сыновей Вильгельма Завоевателя. Факты, мною приведенные, ничего не значатъ въ сравненіи съ собранными тамъ свидѣтельствами.

²⁾ У Сугерія эта война разсказана пороче, нежели мелкія войны Лудовика съ вассалами, напр. съ Гандономъ ротморовичемъ и Гугономъ Пуэво. Дальновидный лѣтописецъ понималъ, что покореніе замковъ, отгнанныхъ Паризъ отъ другихъ городовъ напентикской области, для настоящаго важнѣе войны за норманское герцогство. Недостатокъ подробностей у Сугерія съ избыткомъ вознаграждаетъ Церковная исторія Ордериана Виталия, современника и отчасти свидѣтеля событій, о которыхъ здѣсь говорится. Ордериъ родился въ Англіи въ 1075 году, но прожилъ большую часть жизни и умеръ въ Нормандіи, въ половинѣ XII вѣка. Подъ именемъ церковной исторіи онъ составлялъ обширное сочиненіе, котораго первыя книги содержатъ въ себѣ пратую исторію христіанской церкви, а остальныя — подробную исторію Нормандіи и Англіи. Несмотря на множество мелочныхъ оцѣнокъ, о которыхъ разсказываетъ Ордериъ, его лѣтописъ въ высшей степени замѣнительна и научительна. Онъ часто противорѣчитъ Сугерію, но свидѣтельство его важнѣе только для дѣлъ норманскихъ и англійскихъ. Промежутки во Франціи и остальной

народы древняго и новаго міра привыкли рѣшать свои споры, нѣтъ вовсе. Военныя дѣйствія заключаются въ мелкихъ стычкахъ, осадахъ замковъ и укрѣпленныхъ городовъ, разграбленіи деревень, опустошеніи полей, принадлежащихъ непріятелю. Вся тяжесть войны падаетъ на однихъ поселенъ. Горожанинъ находилъ убѣжище за стѣною роднаго города; у рыцаря, сверхъ каменнаго замка, въ которомъ онъ не боялся врага, въ десять разъ болѣе многочисленнаго, былъ другой, подвижной, желѣзный — его доспѣхъ. Безъ замка, безъ рыцарскаго вооруженія феодальный порядокъ вещей былъ бы невозможенъ. Эти чисто вѣщныя, вещественныя условія опредѣляли на нѣсколько вѣковъ перевѣсъ ленной аристократіи надъ угнетенными ею классами общества. Они находились одни къ другимъ почти въ томъ же отношеніи, въ какомъ Испанцы Кортеса или Пизаро къ мексиканскимъ и перуанскимъ воинамъ. Средневѣковыя общины отстаивали свою независимость потому только, что у нихъ были свои укрѣпленія, глубокіе рвы, высокія башни и стѣны, съ вершинъ которыхъ жителямъ легко было отражать нападенія; но въ полѣ городскія дружины рѣдко рѣшались на битву съ феодальной конницею и не выдерживали натиска закованныхъ въ сталь коней и всадниковъ. Подобно греческому Ахиллу или Огигериду нѣмецкой эпопеи, феодальный воинъ былъ почти неуязвимъ. Только чрезъ немногія отверстія, оставленныя между отдѣльными частями доспѣха, могли достать его непріятельскій мечъ и копьѣ. Глядя на полныя вооруженія той эпохи, хранимыя въ европейскихъ музеяхъ, можно подумать, что люди, ихъ носившіе, принадлежали породѣ крѣпче сложенной, чѣмъ наша. Надобно много силы и навыка, чтобы выдержать на плечахъ такую массу желѣза ¹⁾. За то

Варенъ лучше извѣстенъ аббату Св. Діонисію. Я пришелъ къ этому убѣжденію послѣ внимательнаго слѣженія ихъ связей. У меня не было подъ рукою ни стараго изданія Дюмана (въ *Historiae Normannorum scriptores antiqui*), ни новаго, выходящаго стараніемъ Общества любителей французской исторіи. Тамъ какъ у Буве помѣщены только отрывки, я пользовался очень хорошимъ и полнымъ переводомъ, напечатаннымъ Гизо въ *Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France*.

¹⁾ Слово навязъ здѣсь у нѣта. Такия вооруженія могли носить только люди, причисленные къ нимъ съ ралинахъ лѣтъ. Въ запискахъ Буонго находится любопытный разсказъ объ его воспитаніи. Изъ него можно видѣть до какой степени феодальное барство заботилось о развитіи силы и ловкости въ сивельяхъ своихъ. Въслѣдствіе такого воспитанія рыцари были физически сильнѣе и крѣпче сложены, не говоря о превосходствѣ оружія, съ которымъ они могли обращаться. Надобно при-

рыцарскія битвы XII вѣка, не смотря на несомнѣнное мужество бойцовъ, рѣдко бывали кровопролитны. Главную опасность представляла возможность попасть въ плѣнъ. Сбитому съ коня всаднику трудно было снова стать на ноги. Выкупъ свободы стоилъ дорого, но и въ этомъ случаѣ отвѣчалъ за леннаго господина его виланъ, съ котораго взыскивалась нужная сумма. Въ сраженіи при Бреннмюль¹⁾, 20 августа 1106, гдѣ король Генрихъ, начальствуя лично надъ своими войсками, разбилъ Лудовика Толстаго, побѣдители взяли 140 рыцарей въ плѣнъ, а убитыхъ съ обѣихъ сторонъ было только три²⁾. «Въ самомъ дѣлѣ, говорить современный лѣтописецъ, они были закованы въ желѣзо и щадилъ другъ друга столько же изъ страха Господня, сколько по причинѣ братства по оружію. Они болѣе старались брать, чѣмъ убивать бѣглецовъ». Словомъ: война представляла леннымъ владѣльцамъ не столько опасностей, сколько случаевъ выказать блестящую ловкость и силу; они находили въ ней сверхъ развлеченія отъ скуки, какую неизбежно наводила однообразная, праздная жизнь въ замкѣ, средства къ достиженію извѣстности, богатства и могущества. Когда не было настоящей войны, ее замѣняла искусственная — турниры. Но каменные и металлическія твердыни, въ которыхъ жили и двигались эти люди, имѣли, какъ замѣчено выше, не одно внѣшнее значеніе. Онѣ-то дали возможность развиться вполне тѣмъ неукротимымъ характерамъ, тѣмъ своенравнымъ личностямъ, которыя смѣло противопоставляли свой произволъ требованіямъ цѣлаго общества и закону. Самое свойство леннаго договора, въ который, кромѣ положительнаго, юридическаго, входило другое, не столь опредѣленное, большею частію отрицательно выраженное начало, подчинявшее господина и его вассала обязанностямъ чисто нравственнымъ, открывало широкое поприще личному толкованію и прихоти. Условное понятіе чести не всегда удерживало рыцаря подъ знаменемъ вѣжды, которому онъ далъ нѣкогда клятву служить. Этимъ самымъ понятіемъ часто оправдывалъ онъ свой переходъ въ враждебный прежнему господину станъ.

токъ понимать, что Бусино шло въ XIV вѣкѣ, слѣдовательно въ эпоху упадка рыцарства и свойстванныхъ ему доблестей.

¹⁾ Обыкновенно говорится при Бренневиллѣ (Brenneville). Я слѣдую мнѣнію Дюбуа, переведшаго Ордерика для собранія Гизо. У него была рукопись, которыми не воспользовались прежніе издатели.

²⁾ Orderic Vital, Guizot, Coll. des mémoires XXVIII, 309.

Изъ бароновъ, которые въ 1116 году подняли оружіе за Вильгельма Блיתона, большая часть кончили войну въ рядахъ его противниковъ. Другіе перешли отъ Генриха къ Лудовику. Такимъ измѣнамъ не было конца. Общественное мнѣніе не осуждало ихъ. Изъ многочисленныхъ случаевъ такого рода, о которыхъ рассказываетъ Ордерикъ Виталій, возьмемъ только слѣдующій. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ и богатыхъ бароновъ норманскихъ, Евстафій бретельскій, женатый на побочной дочери короля Генриха, Юліанѣ, просилъ у него башню Иврійскую, которая нѣкогда принадлежала его предкамъ. Генрихъ, дорожившій преданностію и службою Евстафія, обѣщалъ ему исполнить со временемъ его просьбу и въ обезпеченіе далъ ему заложникомъ сына рыцаря Рауля, которому вѣрено было храненіе Иврійской башни. Въ несчастіи на барона бретельскаго имѣлъ большое вліяніе графъ Амальрихъ монфорскій, «искусный изобрѣтатель преступныхъ козней». По его совѣту Евстафій вырѣзалъ глаза у своего заложника и послалъ ихъ его отцу. Рауль отправился къ королю и рассказалъ ему о несчастіи своего сына. Онъ требовалъ мести. Разгнѣванный Генрихъ выдалъ истцу воспитывавшихся при его дворѣ двухъ дочерей Евстафія, родныхъ внуковъ своихъ. «О горе!» восклицаетъ лѣтописецъ: «невинныя дѣти жестоко искупили преступленіе родителя». Рауль немилосердно воспользовался своимъ правомъ: онъ поступилъ по закону возмездія. Внукамъ короля выкололи глаза и отрѣзали носы. Можно себя представить, съ какимъ чувствомъ узналъ баронъ бретельскій о свирѣпомъ правосудіи тестя. Онъ тотчасъ объявилъ ему войну и привелъ въ оборонительное состояніе свои многочисленные замки. Въ самомъ Бретелѣ приняла начальство противъ отца Юліана. Окруженная со всѣхъ сторонъ его войсками, безъ надежды на помощь извнѣ, она рѣшилась на страшное дѣло: пригласила отца къ стѣнамъ замка для переговоровъ о сдачѣ и изъ собственныхъ рукъ пустила въ него стрѣлу. Отцеубійство не удалось. Генрихъ избѣжалъ опасности, ему грозившей. По взятіи Бретеля, онъ подвергъ дочь свою наказанію, страннымъ образомъ замыкающему эту кровавую драму. Въ виду войска и жителей, Юліана, по приказанію Генриха, обнаженная до пояса, спустилась по веревкѣ съ городской стѣны въ ровъ, наполненный холодною водою. Это происходило въ февралѣ мѣсяцѣ. «Несчастная вонзельница, покрытая стыдомъ, кое какъ выбралась изъ рва, удалилась къ супругу въ Пасси и рассказала ему во всей истинѣ свои печаль-

ныя приключенія» ¹⁾). Въ послѣдствіи Евстаѣій снова перешелъ на сторону Генриха; его супруга умерла въ монастырѣ ²⁾). Сраженіе при Брениюлѣ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ было убито три человѣка, имѣло однако рѣшительное вліяніе на ходъ войны. Счастіе повернулось спиною къ Лудовику. Лучшіе его рыцари были въ плѣну, норманскіе бароны, приставшіе сначала къ Вильгельму Клитону, испуганные неудачей французскаго короля, или утомленные борьбою, которой развязка была далеко, примкнули болѣею частью снова къ Генриху. Изъ великихъ вассаловъ, вторгнувшихся въ Нормандію, Фульконъ анжуйскій еще прежде заключилъ миръ съ англійскимъ королемъ и помолвилъ свою дочь за его сына ³⁾). Графъ Балдуинъ фландрскій ⁴⁾ умеръ отъ раны, полученной имъ при осадѣ замка Э (Ка). Лудовикъ принужденъ былъ оставить Нормандію и помышлять объ оборонѣ собственныхъ земель. Возвратившись въ Парижъ, онъ горько жаловался на свое несчастіе графу Амальриху монферскому, достойному прадѣду тѣхъ Монферовъ, которымъ суждено было въ слѣдующемъ столѣтіи достигнуть такой славы и вліянія на судьбу Франціи и Англіи. Совѣтъ, данный Амальрихомъ французскому королю, не уступаетъ въ историческомъ значеніи битвамъ, выиграннымъ его потомками. «У васъ мало рыцарей, сказалъ онъ: обратитесь къ простому народу. Пусть священники ведутъ на помощь вамъ противъ общаго врага прихожанъ своихъ» ⁵⁾). Исполненный радости король рѣшился послѣдовать этому совѣту. Онъ разослалъ быстрыхъ ген-

¹⁾ Orderici Vitalis Hist. ecclesiastica, ap. Bouquet, XII, 716. Guizot, Coll. des mémoires, XXVIII, 287—290.

²⁾ Id. Guizot, XXVIII, 338. Въ замѣну отнятаго Бретѣля и погибшихъ дочерей Генрихъ обѣщалъ Евстаѣію триста марокъ серебра ежегодно. «Тогда этотъ рыцарь укрѣпилъ стѣны и окопани Пасси, и окопанный богатствами, прожилъ болѣе двадцати лѣтъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Юліана, отказавшись отъ порочной жизни, наняла вола до тѣхъ поръ, вступила въ новый монастырь въ Фонтевро и стала слушать Бога».

³⁾ Vita Lud. Gros. 45.

⁴⁾ Ibid. Современники подозревали врачей, присланныхъ Генрихомъ англійскимъ въ раненому Балдуину, въ отравленіи послѣдняго. Балдуинъ VII умеръ молодъ и безъ наследниковъ. Онъ былъ строгій блюститель правосудія, не поминалъ его по имени. Его прозвали Топорикъ, потому что онъ постоянно ходилъ съ этимъ орудіемъ и часто стѣбчалъ имъ дровяки, годныя для воеводъ. Kervyn de Lettenhove, Histoire de Flandre. Bruxelles. 1847. I, 349.

⁵⁾ Ord. Vitalis, ap. Bouquet, XII, 723; Guizot, XXVIII, 342.

цовъ съ повелѣніями къ епископамъ. Епископы охотно повиновались и предали проклятію, каждый въ своей епархіи, тѣхъ священниковъ, равно и прихожанъ ихъ, которые въ назначенный срокъ не явились для сопровожденія короля въ походъ противъ мятежныхъ Нормановъ ¹⁾. Можно смѣло сказать, что въ этихъ немногихъ словахъ Ордерика Виталія разсказано главное событіе Лудовикова царствованія. Мы полагаемъ важность этого событія не въ томъ только, что оно громче, чѣмъ всѣ предыдущія, свидѣтельствовало о замѣченномъ уже современниками союзѣ между церковью и капетингской монархіею, а въ выступленіи на театрѣ феодалныхъ войнъ забытаго Европою, несогласнаго съ ленными учрежденіями народнаго ополченія. Идея народности въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее принимаютъ новые народы и отчасти принимали древніе, была совершенно чужда феодализму, полагавшему съ свойственной ему точки зрѣнія, что защита государства оружіемъ составляетъ не общую обязанность гражданъ, а привиллегію, исключительное право одного сословія. Старапія Карла Великаго и его преемниковъ, особенно въ Германіи, сохранить народное ополченіе, вытѣсняемое дружинами вассаловъ, оказались безсильными. Послѣднія взяли верхъ повсюду, къ равному ущербу монархій и національностей. Только въ Германіи оставались слѣды учрежденія, безъ котораго невозможно государство. Но подобно всѣмъ остальнымъ явленіямъ феодальнаго порядка, военная форма, имъ созданная, его дружина была ненадежна и своевольна. Она рѣдко служила противъ внѣшнихъ враговъ, за то поддерживала постоянныя междоусобицы во всѣхъ концахъ западной Европы. Опытъ, сдѣланный Лудовикомъ Толстымъ въ 1119 году, не могъ имѣть полнаго успѣха. Массы, имъ призванныя къ оружію, были слишкомъ непривычны къ этому дѣлу. Буйныя толпы ринулись на Нормандію и грабили гдѣ могли, не щадя даже церквей и духовенства. Епископы нойонскій, лаонскій и другіе, участвовавшіе въ походѣ, не останавливали хищниковъ изъ ненависти къ Норманамъ. Дабы удержать ихъ подъ знаменами, они предоставили имъ полный произволъ ²⁾. Но фактъ этотъ не остался безъ слѣдовъ.

¹⁾ Ord. Vital. ap. Bouquet, XII, 723. Guizot. XXVIII, 312.

²⁾ Noviomensis episcopus et Laudunensis, alique plures in ille expeditione fuerunt et pro malivolentia quam in Normannos habebant, suis omne nefas permiserunt. Sacra etiam loca quasi ex divina auctoritate violari concesserunt; ut ita legiones suas pluribus modis leniendo multiplicarent, fas-

Черезъ пять лѣтъ народное ополченіе Франціи стояло вмѣстѣ съ рыцарствомъ противъ нѣмецкаго императора, грозившаго государству. Въ XV-мъ вѣкѣ оно въ свою очередь смѣнило феодалную дружину, которой несостоятельность оказалась вполне при Креси и Азенкурѣ. Изъ ополченія образовалось постоянное войско.

Мы оставили Калиста II въ Реймсѣ, куда съѣхались 15 архіепископовъ, болѣе двухсотъ епископовъ и множество другихъ важныхъ церковныхъ сановниковъ. Въ послѣднихъ числахъ октября 1119 года папа открылъ засѣданія собора. Лудовикъ Толстый явился лично съ жалобой на Генриха. Онъ былъ краснорѣчивъ, высокъ ростомъ, дороденъ и блѣденъ, по словамъ Ордерика Виталія ¹⁾, сохранившаго намъ рѣчь, произнесенную имъ при этомъ случаѣ. Она содержитъ въ себѣ изложеніе обидъ, нанесенныхъ ему королемъ англійскимъ и племянникомъ его, графомъ шартрскимъ. Эту рѣчь приписываютъ нѣкоторые историки Сугерію, не приводя впрочемъ никакихъ доказательствъ ²⁾. Современники молчатъ. Можно однако предположить, что Сугерій находился въ Реймсѣ въ свитѣ своего государя, или аббата Св. Діонисія, хотя онъ самъ не упоминаетъ о своемъ присутствіи при соборѣ. Папа осторожно отсрочилъ до другаго времени рѣшеніе спора между королями англійскимъ и французскимъ. Его и все собранное въ Реймсѣ духовенство слишкомъ занимали—дѣло объ инвеститурѣ, требованія императора, который стоялъ въ Страсбургѣ, грозилъ и ждалъ отвѣта. Отвѣтъ состоялъ въ новомъ отлученіи отъ церкви, произнесенномъ надъ нимъ съ соблюденіемъ страшныхъ, потрясавшихъ самыя крѣпкіе умы обрядовъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ папа имѣлъ свиданіе съ англійскимъ королемъ въ Живорѣ ³⁾, и вѣроятно былъ посредни-

que nefasque illis annuentes in adversarios animarent. Ord. Vitalis, ap. Bouquet, XII, 724.

¹⁾ Erat enim ore facundus, statura procerus, pallidus et corpulentus. Ap. Bouquet, XII. 726.

²⁾ Gervaise, Vie de Suger, II, 157. Карпе, который много пользовался сочиненіемъ Жервеа, думаетъ также, что рѣчь Лудовика была внушена ему Сугеріемъ: Les paroles et la conduite du roi furent visiblement inspirées par son conseiller habituel. Etudes, I, 104. Гдѣ доказательства? Я привожу сочиненіе Жервеа, котораго у меня не было, по ссылкамъ Карпе в Histoire littéraire de la France. Ученые составители очень строго отыскиваются объ этихъ писателяхъ и называютъ его книгу романомъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ часто выдаетъ свои догадки за факты.

³⁾ Ord. Vitalis, ap. Guisot, XXVIII, 342.

комъ мира, заключеннаго нѣтъ съ Лудовикомъ въ началѣ 1120 года. Въ продолженіе войны, конченной этимъ миромъ, Лудовикъ успѣлъ совершить нѣсколько походовъ въ области, лежашія къ югу отъ родовыхъ капетингскихъ владѣній и рѣзко отдѣленныя отъ сѣверной Франціи характеромъ народонаселенія и всѣмъ развитіемъ своей исторіи со временъ Меровинговъ. Говоря объ одномъ изъ такихъ предпріятій, которыми поддерживалась слабая связь между землями, расположенными по 'обѣимъ сторонамъ Луары, Сугерій употребилъ выраженіе, не безъ причины обратившее на себя вниманіе знаменитаго автора «Исторіи французской цивилизаціи» ¹⁾: *Scitur enim regibus longas esse manus* ²⁾. Мы знаемъ, что такой образъ безъ горькой ироніи нельзя было приложить ни къ Филиппу I, ни къ отцу его. Очевидно, что съ 1108 года положеніе короля измѣнилось, что монархическая власть получила новое значеніе, оправдывающее слова лѣтописца.

Около двухъ лѣтъ послѣ рейнсскаго собора, Сугерій вторично отправился въ Италію съ порученіями къ папѣ отъ Лудовика Толстаго. Какого рода были эти порученія, мы не знаемъ ³⁾. Достоверно только то, что Каликстъ II принималъ пословъ съ большими почестями и даже выразилъ желаніе удержать при себѣ Сугерія ⁴⁾. На возвратномъ пути во Францію послѣдній встрѣтилъ гонца, который привезъ ему вѣсть о смерти аббата Св. Діонисія, Адама, и объ избраніи его самого преемникомъ умершему. Но къ этимъ извѣстіямъ гонецъ прибавилъ, что король недоволенъ совершеннымъ безъ его вѣдома и предварительнаго согласія выборомъ, и посадилъ въ орлеанскій замокъ лионовъ и ленинговъ Св. Діонисія, явившихся съ просьбою объ утвержденіи новаго аббата ⁵⁾. Положеніе Сугерія было крайне затруднительно.

¹⁾ Hist. de la civilisation en France. 42 leçon

²⁾ Vita L. G. 42.

³⁾ Карло справедливо замѣчаетъ по этому поводу: l'auteur de la vie de Louis le Gros garde en general une très grande réserve sur les négociations dont il est chargé lorsque celles ci touchent aux intérêts de l'église. Etudes I, 106. Мы уже нѣтъ случаевъ указать на осторожность Сугерія. Жераръ (Vie de Suger, II, 170) говоритъ, что Сугерій ѣздилъ въ Римъ по поводу спора о первенствѣ, возникшаго между архіепископомъ самосвѣтъ (Sens) и лионскимъ. У насъ лѣтъ нѣсколько данныхъ въ пользу этого предположенія.

⁴⁾ Vir Apostolicus... honorifice nos recepit, et diutius retinere vellet. .. Vita L. G. 47.

⁵⁾ Ibid 48.

Принятіемъ высокаго сана, въ который возвелъ его довѣріе братій, онъ подвергалъ себя гнѣву короля, отказомъ—гнѣву папы. Поручивъ одному изъ друзей своихъ, ѣхавшему въ Римъ, узнать мнѣніе Каликста II объ этомъ дѣлѣ, онъ медленно продолжалъ свое путешествіе, въ надеждѣ получить болѣе благопріятныя извѣстія. Негодованіе Лудовика не могло быть продолжительно: оно было вызвано не лицомъ избраннаго, а формою избранія. Дѣйствительно Сугерій узналъ, еще находясь въ дорогѣ, объ освобожденіи депутатовъ монастырскихъ изъ орлеанскаго замка и о готовности короля признать его въ званіи аббата. Лудовикъ лично ожидалъ его въ монастырѣ Св. Діонисія и встрѣтилъ какъ друга. Обрядъ посвященія совершилъ архіепископъ буржскій ¹⁾. Въ 1123 году Сугерій снова ѣздилъ въ Римъ, дабы изъявить свою признательность главѣ церкви. Онъ провелъ шесть мѣсяцевъ при дворѣ Каликста, пользуясь его милостями и довѣріемъ, участвовалъ въ великомъ латеранскомъ соборѣ, утвердившемъ Вормскій конкордатъ, заключенный между императоромъ и папою, и посѣтивъ знаменитѣйшіе своими святынями монастыри Италіи, возвратился на родину ²⁾, которой угрожала опасность, призывавшая къ дѣлу всѣ силы юной монархіи. Въ Вормскомъ конкордатѣ высказалась болѣе усталость, нежели искреннее желаніе мира со стороны заключившихъ его. Ни императоръ, ни папа не рассчитывали на продолжительное перемиріе, но оба они думали воспользоваться этимъ временемъ для приготовленій къ будущей борьбѣ. Генрихъ не забылъ участія, принятаго Франціею въ дѣлѣ инвеституры, явнаго покровительства, оказаннаго ею его противникамъ ³⁾. Женатый на Матильдѣ, единственной дочери и наслѣдницѣ англійскаго короля ⁴⁾, онъ надѣялся по смерти тестя присоединить къ своимъ владѣніямъ Нормандію, въ которой опять поднялась партія Вильгельма Клитона, и такимъ образомъ стѣснить и задавить въ зародышѣ государство Капетинговъ. Въ 1124

¹⁾ Vita L. G. 48.

²⁾ Vita Lud. Gros 49.

³⁾ Imperator Henricus, collecto longo animi rancore contra dominum regem Ludovicum, eo quod in regno ejus, Remis, in concilio domini Calixti anathemate innodatus fuerat. Vita L. G. 49.

⁴⁾ Единственный законный сынъ Генриха, Вильгельмъ, носившій титулъ герцога норманскаго и присягнувшій на это лено Лудовику, утонулъ въ 1120 году. Его смерть усилила число приверженцевъ Вильгельма Клитона, которые въ 1123 начали открыто дѣйствовать противъ англійскаго короля.

году императоръ и его тесть объявили войну Франціи и повели съ двухъ сторонъ нападеніе. Поручивъ оборону графства Вексинскаго и всей сѣверной границы Амальриху монфорскому, съ которыми соединились возставшіе въ Нормандіи бароны, Лудовигъ обратился къ остальной Франціи съ требованіемъ помощи противъ императора. Это было первое дѣло, собравшее цѣлое государство подъ одно знамя. Споръ шелъ не о перевѣсъ той или другой феодалной династіи, а о національной независимости, объ отраженіи иноплеменнаго владычества. Со всѣхъ сторонъ шли на зовъ Лудовика рыцарскія дружины и народное ополченіе. Герцогъ Вильгельмъ аквитанскій привелъ войско изъ-за Луары. Теобальдъ шартрскій, дѣйствовавшій въ Нормандіи за одно съ дядею Генрихомъ англійскимъ, служилъ вѣрно въ походѣ противъ Генриха нѣмецкаго, отдѣлая отъ этой войны распрю свою съ ленными господиноу. Послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго въ монастырѣ Св. Діонисія, защитника и покровителя капетинскаго королевства ¹⁾, Лудовикъ поднималъ съ алтаря орлеану, знамя Вексинскаго графства, сдѣлавшееся потомъ знаменемъ монархин ²⁾, и принималъ подъ личное начальство «сильную и преданную престолу» монастырскую дружину, состоявшую изъ людей, среди которыхъ прошло его дѣтство. «Они не выдадутъ меня ни живаго ни мертваго», сказалъ онъ ³⁾. У Реймса, назначеннаго сборнымъ мѣстомъ, собралось такое множество конныхъ и пѣшихъ воиновъ, что ихъ можно было принять за тучи саранчи, покрывшія поверхность земли ⁴⁾. Для

¹⁾ Покровителемъ Франціи при первыхъ двухъ династіяхъ считался Св. Мартинъ Турскій.

²⁾ Мы видѣли, что вексинское графство было древнее лено Св. Діонисія. Орлеаномъ (*auri-flamma*) называлось знамя графовъ вексинскихъ. Въ рыцарскихъ романахъ и лѣтописяхъ это слово встрѣчается нерѣдко въ смыслѣ знамени вообще. Du Cange, dissert. XVIII, sur l'hist. de Saint Louis: de la bannière de Saint Denis et de l'oriflamme. Henri Martin, Hist. de France, III, 373. Contra Imperatorem insurgentem in regnum Francorum, in pleno capitulo B. Dionysii professus est se ab eo habere (*Vulcassinum*) et jure signiferi, *et Rex non esset hominum et debere*. Sugerii liber de reb. in administratione sua gestis, ap. Duchesne, IV, 333.

³⁾ Beati Dionysii copioso exercitu et coronae devoto. Hac, inquit, acie tam secure quam strenue dimicabo, cum praeter sanctorum dominorum suorum protectionem, etiam qui me compatriotae familiariter educaverunt aut vivum juvabunt aut mortuum conservantes reportabunt. Vita L. G. 51.

⁴⁾ Vita L. G. 50. Впрочемъ Сугерій приводитъ очевидно слишкомъ значительныя числа. По его расчету французское войско состояло изъ 300,000 человекъ, по край-

продовольствія войскъ приняты были необычайныя въ то время мѣры ¹⁾. Императоръ, не ожидавшій подобной встрѣчи, поспѣшно отступилъ. Просьбы епископовъ, говоритъ Сугерій, отклонили Французовъ отъ преслѣдованія непріятеля и отъ вторженія въ Германію. Но никогда, продолжаетъ онъ, не покрывалась Франція такимъ блескомъ, никогда не обнаруживала она съ такою славою могущества соединенныхъ частей своихъ. Ея король лично побѣдилъ императора Германіи, заочно—короля англійскаго ²⁾. Земля умолила предъ Франціею, и гордыня враговъ ея смирилась ³⁾. «Въ этихъ словахъ лѣтописца впервые сказалось народное чувство Француза, впервые выразилось сознаніе единой, не феодальной Франціи. Богатые дары Лудовика засвидѣтельствовали его признательность Св. Діонисію и аббату Сугерію. Онъ уступилъ монастырю доходы съ ярмарки, происходившей внѣ его ограды, сборъ съ дорогъ, и сверхъ того одарилъ его землями и другими богатствами ⁴⁾. Аббать Св. Діонисія дѣйствуетъ уже не однимъ вліяніемъ на друга, не однимъ совѣтомъ—онъ занялъ мѣсто между великими сановниками государства и принимаетъ явное участіе во всѣхъ значительныхъ событіяхъ не только своей родины, но западной Европы. Немедленно послѣ окончанія войны съ Генрихомъ, онъ былъ вызванъ письмомъ Каликста II въ Римъ, гдѣ его, вѣроятно, ожидало кардинальство ⁵⁾. Но прибывъ въ Лукку, Сугерій узналъ о смерти папы и не продолжалъ путешествія, опасаясь возбудить всегдѣшнее корыстолюбіе Римлянъ (*Romanorum veterem et novam avaritiam devitando*). Изъ грамоты, подписанной имъ 1125 года въ Майнцѣ, видно, что онъ былъ въ этомъ городѣ въ самое время избранія нѣмецкими князьями преемника умершему Генриху. Авторъ «Жизни Лудовика Толстаго» не счелъ нужнымъ сообщить своимъ читателямъ причинъ своей поѣздки въ Майнцъ. Но ихъ не трудно угадать, зная участіе духовенства въ выборѣ Лотара Саксонскаго, и въ устраненіи

ней мѣръ. Такого ополченія не могла выставить тогдашняя Франція. Но для насъ важно не число воиновъ, а самый характеръ этого движенія.

¹⁾ Vita L. G. 51.

²⁾ Последнее не совсѣмъ справедливо. Генрихъ одолѣлъ норманскихъ италянковъ.

³⁾ Vita L. G. 52.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Cum autem et alio vice... nos dulcissime, ut magis honoraret et sicut in literis suis continebatur libenter exaltaret, ad curiam revocasset. Vita L. G. 49. Hist. littéraire, XII, 367.

отъ нѣмецкаго престола Гогенштауфеновъ. Сугерій былъ очевидно на имперскомъ сеймѣ въ качествѣ французскаго посла и дѣйствовалъ въ видахъ папской партіи, согласной съ выгодами его правительства. На этотъ разъ догадка Д. Жервеза, приписывающаго Сугерію рѣшительное вліяніе на дѣйствія сейма, оказывается близкою къ истинѣ ¹⁾. Его дарованія уже были оцѣнены римскими дворомъ, который охотно употреблялъ ихъ въ дѣло. Число подписей подъ упомянутою грамотою показываетъ, что Сугерій былъ въ Майнцѣ не одинъ, а съ большою свитою, состоявшею изъ духовныхъ лицъ и свѣтскихъ ленинковъ его монастыря. Этотъ актъ свидѣтельствуеетъ вообще объ уваженіи и особенныхъ правахъ, какими пользовался лично новый аббатъ Св. Діонисія. Графы морсехскіе въ Германіи незаконно владѣли землями, принадлежавшими его обителя, за что и были отлучены отъ церкви. Въ Майнцѣ, Сугерій, удовлетворенный уступками и покорностію графа Майнарда, принялъ его снова въ лоно церкви, не смотря на присутствіе папскаго легата и майнцаго архіепископа, которымъ собственно принадлежало такое право ²⁾. Эти прелаты даже подписались въ числѣ свидѣтелей подъ мировою грамотою.

Частыя отлучки Сугерія изъ Франціи и вѣрныя исключительно ему сношенія съ римскою куріею не отвлекали его отъ внутреннихъ дѣлъ королевства и отъ управленія собственными монастырями. Мы укажемъ только на выданную имъ въ 1125 году жителямъ города С.

¹⁾ Грамота, о которой здѣсь идетъ рѣчь, напечатана въ Исторіи аббатства Св. Діонисія Фелиппина (Hist. de l'abbaye de St. Denys, par D. Michel Felibien. Paris, 1706) и известна имъ только по извлеченію, которое находится въ Hist. Littéraire, XII, 401. Составитель статьи о Сугеріи не входитъ даже въ разборъ предположеній Жервеза и ограничивается краткими привѣщеніемъ, въ которомъ сказано, что Жервезъ выдумалъ все, что написано имъ по поводу пребыванія Сугерія въ Майнцѣ. Конечно лѣтъисся не упоминаютъ о ролѣ, какую аббатъ Св. Діонисія игралъ на имперскомъ сеймѣ, но нельзя предположить, чтобы его пребываніе въ Майнцѣ въ такое важное время было дѣломъ случая. Франція не могла смотрѣть равнодушно на выборъ новаго императора. Ея было слишкомъ нанятно погуманіе Генриха V. Жервезъ безъ сомнѣнія приписываетъ Сугерію слишкомъ большое вліяніе на нѣмецкихъ избирателей, но онъ правъ, утверждая, что аббату Св. Діонисія, другу Лудовика Толстаго, пользовавшемуся особенными расположеніемъ къ своимъ папѣ, были даны важныя порученія. Иначе нельзя объяснить его позданія въ Майнцѣ въ такое время и съ такою влиятельною свитою.

²⁾ Hist. Littéraire, XII, 402. Составители объясняютъ этотъ случай тѣмъ, что Сугерій обращался прямо къ папѣ съ жалобою на графовъ морсехскихъ и вѣроятно получилъ отъ него особую полномочіе.

Дени и принадлежавшаго къ нему округа льготную грамоту, въ которой онъ освободилъ ихъ отъ мертвой руки, одной изъ худшихъ повинностей, тяготѣвшихъ на виланахъ ¹⁾, и на походы, совершенный имъ при особѣ Лудовика VI въ Овернь. Сугерій не принадлежалъ къ числу воннственныхъ прелатовъ, которыми такъ богатъ XII вѣкъ, но въ случаѣ нужды онъ не отставалъ отъ другихъ, садился на коня и смѣло велъ въ бой дружину Св. Діонисія. Это испыталъ на себѣ Гугонь Пюизе. Поводомъ къ войнѣ съ графомъ Вильгельмомъ VI оверньскимъ была ссора послѣдняго съ епископомъ клермонскимъ. Король, «не терявшій случаевъ служить церкви», уже помирилъ ихъ однажды ²⁾. Въ 1126 году онъ долженъ былъ снова идти за Луару для усмиренія графа оверньскаго, не слушавшаго его приказаній. Въ экспедиціи участвовали лично знатнѣйшіе владѣльцы сѣверной Франціи, между прочими графы: Карлъ фландрскій, Фульонъ анжуйскій, Конанъ бретанскій, Амальрихъ монфорскій. Даже Генрихъ вспомнилъ обязанности вассала и прислалъ ленному господину отрядъ норманскихъ рыцарей. Войновъ было болѣе, чѣмъ нужно для завоеванія всей Испаніи ³⁾, говорить «Жизнь Лудовика Толстаго». Но не изъ одного усердія къ королю шли такъ охотно за Луару бароны сѣверной Франціи. Ихъ вела туда давнишняя непріязнь къ богатымъ, промышленнымъ, болѣе образованнымъ племенамъ Юга. Походами Лудовика Толстаго открывается движеніе, законченное альбигенскими войнами. Амальрихъ монфорскій прокладываетъ дорогу внуку своему Симону. Вильгельмъ IX, герцогъ аквитанскій, понялъ опасность, грозившую южной Франціи съ сѣвера, и пришелъ было на помощь леннику своему, графу оверньскому. Но силы были слишкомъ неравны. Герцогъ присягнулъ въ ленной вѣрности Лудовику и просилъ мира. «Графъ Вильгельмъ, сказалъ онъ при свиданіи съ королемъ, получилъ отъ меня Овернь въ лено, такъ какъ я принялъ ее отъ тебя; если ты считаешь его винов-

¹⁾ Подъ мертвой рукою (*manus mortua*) въ тѣсномъ смыслѣ разумѣется исключительное право господина на оставшуюся по смерти его вилана собственность. *Ducange, Glossarium mediae et infimae latinitatis, sub voce „manus mortua“*. Warnkoenig, *Französische Staats- und Rechtsgeschichte*, II. 151—166. Сугерій говоритъ объ этомъ правѣ: *exactio consuetudinis pessimae, quae mortua manus dicitur. Constitutio de hominibus villae B. Dionysii libertati traditis*, ap. Duchesne, *Hist. Franc. script.* IV, 548.

²⁾ *Vita Lud. Gros.* 53.

³⁾ *Qui etiam Hispaniam perdomare sufficerent. Ibid.*

нымъ, моя обязанность представить его къ суду твоему; я отъ этого не отказываюсь и готовъ дать заложниковъ ¹⁾». Лудовикъ приказалъ епископу клермонскому и графу оверньскому явиться въ сопровожденіи аквитанскаго герцога къ суду въ Орлеанъ и возвратился съ торжествомъ въ Парижъ, заставивъ признать власть свою въ областяхъ, на которыя его предки не имѣли никакого вліянія. При осадѣ замка Монсераана, близъ Клермона, аббатъ Св. Діонисія занималъ самое опасное мѣсто въ лагерѣ и, какъ простой воинъ, долженъ былъ укрываться за щитомъ отъ сыпавшихся на него стрѣлъ. Одинъ только Стефанъ гарландскій, съ 1107 года канцлеръ Франціи, заступившій по смерти двухъ старшихъ братьевъ своихъ мѣсто сенешала ²⁾, въ продолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ не выходившее изъ ихъ рода, пользовался повидимому наравнѣ съ Сугеріемъ довѣренностію и милостію Лудовика VI. Определить долю участія каждаго изъ нихъ въ отдѣльныхъ событіяхъ было бы невозможно, но кажется нетрудно показать отношеніе аббата Сугерія къ одному изъ самыхъ важныхъ явленій той эпохи — къ освобожденію городскихъ общинъ.

Знакомымъ съ развитіемъ исторической литературы во Франціи читателямъ извѣстно, до какой степени неосновательны были толки писателей прошлаго вѣка о роли, какую Лудовикъ Толстый игралъ въ спорѣ между французскими городами и ихъ притѣснителями. Его называли виновникомъ этого движенія, ему приписывали положительное вліяніе на самое образованіе новыхъ городскихъ учреждений. Доказывать или оспаривать подобныя мнѣнія, послѣ всѣхъ изслѣдованій, совершенныхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ ³⁾,

¹⁾ Vita Ludov. Gros. c. 54.

²⁾ Chronicon Mauriniacense, ap. Bouquet, XII, 76 Стефанъ получалъ сенешалство послѣ Вильгельма, умершаго въ 1120 году. Ансельмъ былъ убитъ Гугономъ Плеще въ 1118. По словамъ приведенной нами лѣтописи монастыря Морини, Стефанъ болѣе повѣдывалъ, чѣмъ слушалъ Лудовику VI. Занимая высшія государственныя должности, онъ безъ успѣха добивался епископскаго сана. Высокопріемъ своимъ и образомъ жизни онъ навлекъ на себя непріязнь самыхъ замѣчательныхъ лицъ между тогдашнихъ духовенствомъ Франціи. Ивоизъ шартрскій и Бернардъ клервальскій принадлежали къ числу его противниковъ. Hist. littéraire, XIII, 105—108.

³⁾ Ясный и удовлетворительный выводъ изъ всѣхъ новѣйшихъ разсужданій объ общинахъ французскихъ находится въ «Исторіи Француз. государств. права» Вариньенга, I, 260—332. Здѣсь названы также всѣ важныя сочиненія по этому предмету. Последнее по времени, значительное изслѣдованіе о происхожденіи городскихъ учреждений во Франціи принадлежитъ Гегелю (смыслу енисосеа) и составляетъ

было бы смѣшно. Мишеле выразилъ результатъ этихъ изслѣдованій рѣзкими, но недалекими отъ истины словами: во Франціи общины основали монархію, а не на оборотъ. Лудовикъ VI явился только посредникомъ, иногда пристрастнымъ участникомъ въ борьбѣ, которая началась до него, шла независимо отъ его воли и привела къ результатамъ, которыхъ конечно ни онъ, ни кто другой изъ его современниковъ не могъ предвидѣть. Въ его вѣншательствѣ въ дѣла городовъ нѣтъ ничего систематическаго, ничего обличающаго дальновидный расчетъ или политическую цѣль. Ему, очевидно, не приходило въ голову ослабленіе феодализма посредствомъ общинъ. Тоже самое можно сказать о сынѣ его. Только Филиппъ Августъ оцѣнилъ важность новаго элемента, вошедшаго въ феодальное государство и понималъ пользу, какую этотъ элементъ могъ принести монархіи. Дѣдъ его имѣлъ въ виду другую пользу — денежную. Онъ просто продавалъ свою подпись подъ грамотами, въ которыхъ опредѣлялись отношенія возникавшихъ общинъ къ ихъ владѣльцамъ. Вліяніе его не простиралось на самое содержаніе этихъ актовъ; онъ только скрѣплялъ ихъ и ругался за точное исполненіе обоюдныхъ условій. Въ случаѣ нарушенія договора, обиженная сторона обращалась къ нему съ жалобой и имѣла право на его помощь. Грамоты, такимъ образомъ подписанныхъ Лудовикомъ Толстымъ, мало, не болѣе осьмь. Замѣтимъ, что великіе вассалы учреждали въ своихъ владѣніяхъ общины, не спрашивая согласія короля, и не считали его посредничества нужнымъ для проч-

особый отдѣлъ его сочиненія о городахъ итальянскихъ: *Geschichte der Städteverfassung von Italien*, II, 329 — 378. Авторъ опровергаетъ извѣстное мнѣніе Савиньи, отрицаетъ связь римскихъ муниципальных формъ съ средневѣковыми общинами и выводитъ послѣднія изъ германскаго начала. Теорія, защищаемая имъ съ рѣдкимъ талантомъ и ученостію, едва ли можетъ быть безусловно принята наукою. Превосходные рассказы Авг. Тьері (въ «Письмахъ о французской исторіи») обратили общее вниманіе на борьбу, предшествовавшую образованію общинныхъ учреждений во Франціи, но эти же рассказы пустали въ ходъ много ложныхъ представлений. Великій историкъ обработалъ только драматическую часть предмета. Не всѣ города прошли черезъ такіе перевороты какъ Лаонъ, Везоле и другіе, выбранные имъ для своего повѣствованія. Большая часть городовъ приобрѣла себѣ льготы и даже общинныя грамоты безъ правовыхъ потрясеній, безъ особеннаго героизма со стороны гражданъ, прямо сдѣланъ съ господствомъ, куплею. Только во введеніи въ послѣднее обширное сочиненіе своею, въ «Рассказахъ о временахъ Мерovingовъ», коснулся Тьері настоящаго образа вопроса о городахъ и представилъ попытку объяснить ихъ происхожденіе и постепенный ростъ до начала ихъ спорахъ съ феодальными владѣльцами.

ности договора ¹⁾). Не говоря о Лангедокѣ и Провансѣ, гдѣ, при усилившейся въ XI вѣкѣ промышленности, уцѣлѣвшіе остатки римскихъ учреждений всплыли наружу и незамѣтно, почти безъ противодѣйствія со стороны властей, развились въ богатые муниципальныя уложенія, многіе города сѣверной Франціи вытребовали или получили отъ милости своихъ князей значительныя льготы и даже общинныя права, еще до вступленія на престолъ Лудовика VI. Сочувствіе, показанное послѣднимъ къ положенію нисшихъ классовъ, страдавшихъ отъ притѣсненій феодализма, его дѣятельность въ пользу порядка и общественной безопасности заставили историковъ XVIII вѣка приписать ему дѣло, значеніе котораго они сами поняли только изъ его послѣдствій. Освобожденіе городовъ вовсе не входило въ ту политическую теорію, которую сынъ Филиппа I вынесъ изъ монастыря Св. Діонисія. Напротивъ, духовенство съ рѣшительною непріязнію смотрѣло на движеніе, которое обнаружилось преимущественно въ городахъ, ему принадлежавшихъ. Возстанія противъ свѣтскихъ владѣльцевъ были гораздо рѣже, можетъ быть потому, что свѣтскіе бароны, особенно во время крестовыхъ походовъ, часто нуждались въ деньгахъ и охотно заключали сдѣлки съ своими подданными, продавая имъ дорогою цѣною равныя льготы, изъ которыхъ постепенно слагались городовыя уложенія ²⁾). Болѣе богатое и менѣе расточительное духовенство не такъ легко отказывалось отъ своихъ правъ. Здѣсь споръ обыкновенно рѣшался оружіемъ или личнымъ вѣншательствомъ короля. Хартін, сарѣпленныя Лудовикомъ Толстымъ, принадлежатъ всѣ епископскимъ или аббатскимъ городамъ. Гибертъ, аббатъ ногентскій (Nogent), писавшій въ первой четверти XII вѣка, посвятилъ важнѣйшую часть своей автобіографіи подробному и въ высшей степени занимательному описанію смутъ, происходившихъ въ Лаонѣ между жителями и епископомъ. Изъ этого повѣствованія, которое цѣлкомъ перешло въ сочиненія французскихъ историковъ, касавшихся вопроса о происхожденіи

¹⁾ «Вообще льготы и учрежденія городовъ исходили прямо отъ земныхъ владѣльцевъ. Только въ епископскихъ и въ некоторыхъ монастырскихъ городахъ средней Франціи является королевская власть участвующею.... Warnkoenig, Franz. Staats- und Rechtsgechichte, I, 961. Тоже говоритъ Гизо, Hist. de la civilisation en France, leçon 46.

²⁾ Warnkoenig, Franz. Staats- und Rechtsgechichte, I. 279. Лудовикъ VII далъ жителямъ Коммьена общинную грамоту ob enormitates clericorum. Такия жалобы и выраженія очень редки.

общинъ, я возьму только опредѣленіе общины, важное потому, что оно принадлежит современнику, и нѣсколько фактовъ, характеризующихъ образъ дѣйствія Лудовика Толстаго. Подъ ненавистнымъ и новымъ именемъ общины, говоритъ Гибертъ, разумѣется слѣдующее: податные жители города платятъ своему господину однажды въ годъ обычныя подати и налоги; въ случаѣ преступленія они вносятъ опредѣленную закономъ пеню. На такихъ условіяхъ, они совершенно свободны отъ всѣхъ другихъ взысканій и повинностей, каковыя обыкновенно подлежатъ рабы. Простой народъ охотно пользуется всякою возможностью откупиться и даетъ за это большія деньги ¹⁾. Городъ Лаонъ много терпѣлъ отъ епископа своего Галдериха, воинственнаго прелата, взявшаго своими руками въ плѣнъ Роберта, герцога норманскаго, въ сраженіи при Теншбрѣ. Ходатайство Генриха англійскаго и не честно нажитое богатство доставили ему лаонскую епархію. Онъ былъ крайне легкомысленный и жестокій человѣкъ, по словамъ лѣтописца, и болѣе занимался войною и охотою, чѣмъ своими дѣломъ. Подданныхъ онъ обложилъ неслыханными налогами. Не довольствуясь обыкновенными источниками доходовъ, онъ изобрѣталъ небывалые дотошъ, между прочимъ чеканилъ фальшивую монету, которую, подъ опасеніемъ строгихъ наказаній, должны были принимать бѣдные жители его епархіи. Даже лица высшихъ сословій испытывали на себѣ его жестокость. Жераръ де Шеризи или Керзи, известный своимъ мужествомъ рыцарь, былъ убитъ въ церкви по его приказанію. Другому Жерару онъ велѣлъ выколоть глаза. Обыкновеннымъ исполнителемъ его безчеловѣчныхъ приказаній былъ негръ, котораго онъ выписалъ съ Востока и держалъ при себѣ въ должности палача. Въ 1109 году Лаонцы воспользовались его отсутствіемъ и безъ его вѣдома склонили деньгами Лудовика Толстаго выдать имъ грамоту на учрежденіе общины ²⁾. Богатыми дарами удалось имъ снискать на время самого Галдериха. Въ продолженіе трехъ лѣтъ городъ нирно пользовался купленными имъ правами. Но въ 1112 году епископъ, которому наскучилъ порядокъ вещей, стѣсняяшій его произволъ, обратился къ королю съ предложеніемъ семи сотъ ливровъ за уничтоже-

¹⁾ Guiberti abbatís de Novigento de vita sua, ap. Bouquet, XII, 250.

²⁾ Compulsus et rex est largitione plebeia. Guibertus de Novigento, ap. Bouquet, XII, 250.

ніе Лаонской общины. Граждане, узнавъ объ этихъ переговорахъ, обѣщали внести, сверхъ прежде уплаченныхъ, еще четыреста ливровъ за сохраненіе своихъ правъ. Лудовикъ не долго колебался между этими предложеніями: онъ взялъ назадъ свое слово и возвратилъ епископу прежнюю неограниченную власть. «Сынъ Филиппа былъ мужественъ на войнѣ, дѣятеленъ, твердъ сердцемъ въ несчастіи, добръ, но слишкомъ довѣрялъ людямъ низкимъ и корыстолюбивымъ. Этотъ порокъ одѣлался для него обильнымъ источникомъ неудачъ и нареканій», прибавляетъ аббатъ ногентскій ¹⁾. Крутыя шѣры Галдериха провозвели наконецъ кровавое возстаніе, стоившее ему жизни. Лаонъ, навлекшій на себя гнѣвъ короля, принужденъ былъ прибѣгнуть къ покровительству Томы Марнского, одного изъ самыхъ свирѣпыхъ бароновъ XII вѣка. Кромѣ его никто не хотѣлъ помочь несчастнымъ гражданамъ Лаона. Послѣ долгихъ и разнообразныхъ бѣдствій, они наконецъ успѣли умилостивить Лудовика и въ 1128 году купили себѣ новую хартію, получившую имя *institutio pacis*. Замѣчательно, что въ то самое время, когда Лудовикъ воевалъ съ Лаонцами и призваннымъ ими Томою Марнскимъ, онъ защищалъ Аміенскую общину противъ того же Томы и отца его графа Энгера. Побудительнымъ поводомъ ко внимательству короля были и въ этомъ случаѣ деньги, данныя ему гражданами Аміена ²⁾. Приведенные примѣры достаточно показываютъ, что въ отношеніяхъ своихъ къ городамъ Лудовикъ VI руководствовался не политическими видами, а денежнымъ расчетомъ или другими минутными выгодами, хотя въ предѣлахъ собственныхъ владѣній онъ не терпѣлъ общиннаго устройства и допустилъ его только въ Мантѣ, который, по положенію своему на границѣ Нормандіи и военнаго характера жителей, требовалъ въ свою пользу исключенія изъ общаго правила. Другіе королевскіе города, напримѣръ Парижъ, Орлеанъ, Этанъ, получили разныя льготы и привилегіи, улучшившія бытъ жителей, но безъ всякаго политическаго характера. Аббата Оугерія конечно нельзя причислить къ тѣмъ низкимъ и корыстолюбивымъ людямъ, о вліяніи которыхъ на Лудовика Толстаго упоминаетъ Гибертъ ногентскій. Нельзя также представить его равнодушнымъ свидѣтелемъ городскихъ смутъ, происходившихъ на всѣхъ концахъ

¹⁾ Ibid. 251.

²⁾ Ambiani rege illecto pecuniis fecere communiam. Guib. de Novigento, 260.

Франціи. Человѣкъ съ его умомъ и властію долженъ былъ по необходимости принять участіе въ общемъ движеніи и выразить, словомъ или дѣломъ, свое мнѣніе въ пользу какой нибудь изъ двухъ сторонъ. Изъ «Жизни Лудовика Толстаго» видно, что авторъ не любитъ общинъ и какъ бы не считаетъ нужнымъ говорить объ нихъ. Рассказывая довольно подробно всѣ войны своего героя, онъ упомянулъ и о войнѣ его съ Оомою Марнскимъ, но умолчалъ объ ея причинахъ. Лудовикъ является, какъ вездѣ, защитникомъ порядка и церкви противъ хищнаго, преданнаго проклятію феодальнаго владѣльца. Это повтореніе исторіи съ Бушаромъ Монморанси или съ Гугономъ Пюизе. Только мимоходомъ сказано, что въ одномъ изъ замковъ Оомы скрывались люди, убившіе епископа Галдериха «по поводу королевскаго приказанія уничтожить общину», и что они жестоко наказаны ¹⁾. Между тѣмъ событія эти важны, они обращали на себя вниманіе цѣлой Франціи, тѣмъ болѣе что со временъ послѣднихъ Каролинговъ Лаонъ считался столицею государства. Объ Амьенѣ тоже осторожное молчаніе. По словамъ лѣтописца, Лудовикъ водворилъ въ этомъ городѣ миръ, изгнавъ оттуда графа Энгерана, его сына и кастелана Аду (Ада); но причины изгнанія и предшествовавшей ему двухлѣтной войны означены общими выраженіями: ограбленія церквей и всѣхъ окрестныхъ мѣстъ ²⁾. Объ общинѣ нѣтъ и помину. Самое слово это одинъ только разъ встрѣчается подъ перомъ Сугерія ³⁾, несмотря на то, что оно громко раздавалось кругомъ его. Понятно, почему аббатъ Св. Діонисія

¹⁾ Vita L. G. 42.

²⁾ Ibid. 42.

³⁾ Гр. Карне приписываетъ Сугерію рѣшительное сочувствіе къ дѣлу возставшихъ общинъ и говоритъ, что въ жизни Л. Т. слово община не встрѣчается вовсе. Все это несправедливо. На стр. 42, по поводу Лаона, сказано: «amissae communiae». У Сугерія встрѣчается впрочемъ еще другое выраженіе: *communitas*, принятое многими, напр. Гюльманомъ (*Städtewesen des Mittelalters* III, 7), почти за равносильное общинѣ. Мнѣ кажется, что между *communio* и *communitas* большое различіе. Первое слово означаетъ городскую общину въ обыкновенномъ смыслѣ, подъ вторымъ Сугерій и Ордерикъ Виталій разумѣютъ просто вооруженныхъ прихожанъ, ходившихъ на войну за своимъ священникомъ, безъ различія между сельскими и городскими населеніями. *Communitates parochiarum* въ жизни Л. Т. стр. 34. *Tunc ergo communitas in Francia popularis statuta est a praesulibus, ut presbyteri comitarentur regi ad obsidionem vel pugnam cum vexillis et parochianis omnibus.* Ord. Vitalis ap. Bouquet, XII, 705. Вообще сказанное Карне (*Etudes*, I, 126) объ отношеніи Сугерія къ общинамъ поверхностно и обличаетъ недостаточное знакомство съ источниками.

не благоволилъ къ нему: онъ былъ по преимуществу мужъ порядка, строгій блюститель государственнаго единства. Въ немъ уже замѣтно то стремленіе къ централизаціи, къ подчиненію частей цѣлому, которое составляетъ отличительный характеръ государственныхъ людей Франціи во всѣ эпохи ея исторіи. Съ этой точки зрѣнія, одаренный политическими правами, укрѣпленный, располагавшій собственною дружиною городъ былъ немногимъ лучше феодалнаго замка. И тотъ и другой упрямо отстаивали свою самостоятельность, свое частное существованіе, и тѣмъ мѣшали успѣхамъ великаго дѣла, начатаго капетингской монархіею при Лудовикѣ VI, т. е. образованію французской національности. Для достиженія такой цѣли надобно было, чтобы распустились и исчезли въ общемъ упорныя особенности, какими такъ богатъ феодално-общинный міръ. Изъ этого не слѣдуетъ, что Сугерій былъ врагъ городовъ вообще. Напротивъ, онъ заботился объ ихъ благосостояніи и объ отиѣнѣ стѣснявшихъ промышленность злоупотребленій, чему служитъ доказательствомъ льготная грамота, выданная имъ отъ себя Сенъ Дени, и состоявшіяся не безъ его содѣйствія распоряженія Лудовика Толстаго для городовъ королевской области. Но всякое движеніе, къ которому примѣшивалось насиліе, было ему противно. Вотъ почему онъ съ такою похвалою отзывался о походѣ короля противъ убійцъ графа фландрскаго. По его мнѣнію, «это самый благородный изъ подвиговъ, совершенныхъ Лудовикомъ Толстымъ»¹⁾.

Смерть Карла Добраго, графа фландрскаго, и ея послѣдствія составляютъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ въ исторіи XII столѣтія. Это происшествіе произвело глубокое впечатлѣніе на умы современниковъ, привычныхъ впрочемъ къ кровавымъ зрѣлищамъ, и было ими подробно описано. Изъ трехъ памятниковъ такого рода самый полный и лучшій есть дневникъ синдика брюггскаго Гальберта. Гальбертъ писалъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ страшныхъ событій, совершавшихся предъ его глазами, и живо передалъ оригинальныя черты страны, въ которой съ особеннымъ остервененіемъ боролись всѣ враждебныя между собою элементы средневѣковаго общества.

Краткій рассказъ «Жизни Лудовика Толстаго» почти во всемъ согласенъ съ показаніями брюггскаго синдика.

¹⁾ Vita L. G. 54.

Не многіе князья той эпохи стояли во мнѣніи европейскихъ народовъ на ряду съ Карломъ фландрскимъ. Отецъ его, Енудъ Святой, король датскій, умеръ смертію мученика, въ храмѣ, во время молитвы, подъ ударами убійцы¹⁾. Спасшійся, но лишенный отцовскаго наслѣдія, Карлъ подвигами личной доблести добылъ себѣ громкую славу въ Палестинѣ и въ войнахъ, которыхъ театромъ была Франція. Умирая, графъ Балдуинъ VII фландрскій назначилъ его своимъ преемникомъ. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Но Карлу предстояла трудная задача: водворить порядокъ въ такой землѣ, какова была Фландрія. Топоръ Балдуина VII притупился, не достигнувъ этой цѣли. Гентъ, Брюгге, Иперъ и другіе города, купившіе или завоевавшіе себѣ значительныя права, мало заботились объ исполненіи графской воли. Феодалыне бароны не стыдились здѣсь вступать въ службу богатыхъ горожанъ и водить ихъ дружины противъ общаго господина. Сѣверная или приорская Фландрія занята была полудикими, сохранившимъ много языческихъ обычаевъ племенамъ Фламинговъ, потомками тѣхъ Саксовъ, которые въ III и IV вѣкахъ грабили берега Римской имперіи и сѣлились на нихъ. Въ началѣ XII вѣка они еще смущали благочестивыхъ странниковъ, посѣщавшихъ ихъ по дѣламъ церкви, наготово тѣла и безстыдствомъ рѣчей²⁾. Частыя распри ихъ между собою и съ сосѣдями были кровопролитны. Прирѣзанные къ верхушкѣ ихъ огромныхъ палицъ зажженные смоляныя лучины давали знакъ къ войнѣ³⁾. Усилія графовъ и духовенства смягчить ихъ нравы были до тѣхъ поръ безуспѣшны. Старанія Карла Добраго увѣнчались по видимому большимъ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ это можно заключить изъ словъ Гальберта: при немъ народъ началъ благодествовать и вкушать отъ благъ справедливости и мира. Когда графъ

¹⁾ 10 іюля, 1086 года.

²⁾ *Barbarorum, maritimos Flandriae partes inhabitantium, incommittam feritatem, assuetam crudeliter fundere sanguinem*, — говоритъ одинъ изъ биографовъ и современниковъ Карла Добраго, Валтеръ Теруанскій, de Vita Caroli Boni, ap. Bouquet, XIII, 338. Другой современникъ, Филиппъ Гарвензонскій (Harven-gus), отзывается объ нихъ: *cum fratres nostri, pro utilitate ecclesiae missi in quasdam partes Flandriae, aestatis tempore, devenirent, viderunt plerosque viros non solum feminalibus, sed omni genere vestium, refrigerii gratia denudatos per vicos passim et plateas incedere propriis operibus nudos insistere...* Kervyn de Lettenhove, Histoire de Flandre, I, 356.

³⁾ Gualterius Teruanensis de Vita Car. Boni ap. Bouquet, XIII, 323.

ушестрѣлъ, что выгоды такого порядка всѣми оцѣнены, онъ рѣшилъ, что никто не долженъ ходить съ оружіемъ на рынокъ или около замковъ, и что всякій, недоувѣряющій общественной безопасности, подлежитъ наказанію собственнымъ оружіемъ. Въ послѣдствіи онъ запретилъ носить луки, стрѣлы и другое оружіе внѣ городовъ ¹⁾. Но другой современникъ, которому мы также обязаны исторіею Карла Доброго, прибавляетъ къ этой картинѣ безмятежнаго спокойствія многозначительный намекъ: «мужи благоразумные радовались усердію графа, но порочные нетерпѣливо сносили его власть, ибо видѣли, какъ справедливость его охраняла жизнь людей, имъ ненавистныхъ, и противилась всѣмъ ихъ покушеніямъ. Не имѣя болѣе средствъ къ свободному удовлетворенію своихъ страстей, они полагали, что благосостояніе графа несовмѣстно съ ихъ собственнымъ» ²⁾. Изъ любви къ своимъ подданнымъ, Карлъ отказался отъ двухъ предложенныхъ ему царскихъ вѣнцовъ: іерусалимскаго и нѣмецкаго ³⁾. Къ безпорядкамъ, съ которыми онъ боролся, принадлежала неопредѣленность въ правахъ сословіи, естественное слѣдствіе частыхъ смутъ, черезъ которыя прошла Фландрія. Люди, вышедшіе изъ крѣпостнаго состоянія, занимали мѣста, приличныя только людямъ свободнымъ, и наоборотъ. Карлъ учредилъ нарочные суды для разбора такихъ дѣлъ и поручилъ имъ привести въ извѣстность, кто къ какому классу общества принадлежитъ, дабы никто не уклонялся отъ обязанностей своего званія ⁴⁾. Въ числѣ тѣхъ, на которыхъ особенно падала тяжесть этой мѣры, былъ Бертульсъ, превоть имѣній, принадлежавшихъ капитулу Св. Доната въ Брюгге. Его могущество мало уступало графскому и опиралось, сверхъ огромнаго богатства, на многочисленныхъ родственникахъ, братьяхъ и племянникахъ, которые также обладали обширными владѣніями и занимали важныя должности. Диздиръ Гакетъ, братъ Бертульса, былъ кастеляномъ брюггскаго замка. Но древность ихъ рода не соответствовала его богатству и силѣ ⁵⁾. Отецъ Бертульса, Эрен-

¹⁾ Galberti, Notarii Brugensis, Vita Car. Boni, ap. Bouquet, XIII, 348.

²⁾ Gualterii, Vita Car. Boni, l. c.

³⁾ Galberti. Vita Car. Boni, 349, 350.

⁴⁾ Volens itaque comes pius iterum revocare honestatem regni, perquisivit qui fuissent de pertinentia sua proprii, qui servi, qui liberi in regno. Galbertus, de Vita C. B. 350. Графъ часто судилъ самъ въ учрежденныхъ имъ судахъ, потому что «liberi responsa non dignabantur reddere servis». Ibid.

⁵⁾ Ibid.

балдъ, былъ простой Фламингъ и служилъ брюггскому кастелану. Умертвивъ тайнымъ образомъ своего господина, онъ женился на его вдовѣ, которая принесла ему въ приданое между прочимъ должность, которую занималъ ея первый супругъ ¹⁾. Сыновья Эрмбальда пошли по его слѣдамъ. Дабы укрѣпить свое могущество сильными связями и заставить умолкнуть толки о своемъ происхожденіи, они старались породниться посредствомъ браковъ съ знатыми фамиліями Фландріи. Но это средство не помогло. Одинъ изъ рыцарей, женатыхъ на племянницахъ престола Св. Доната, хотѣвшій кончить какую-то тяжбу судебнымъ поединкомъ, получилъ отъ своего противника отказъ, основанный на неравенствѣ состояній, ибо по фландрскому закону мужъ рабыни по истеченіи года самъ обращался въ рабство. Карлъ очевидно принималъ въ этихъ спорахъ не безпристрастное участіе. Ему хотѣлось сломить опасное могущество рода, котораго глава хвастался тѣмъ, что посадилъ Датчанина на графство ²⁾. Въ 1125 и слѣдующемъ году жители Фландріи подверглись страшнымъ бѣдствиямъ отъ неурожая. Въ то время, вѣроятно, признательность народа дала Карлу названіе Добраго. Онъ дѣлился съ немущими собственнымъ столомъ, приказалъ проаводить на свой счетъ ежедневную выдачу хлѣба во всѣхъ городахъ графства и вообще принялъ противъ голода мѣры, свидѣтельствующія не объ одномъ милосердіи его, но о рѣдкой въ ту эпоху предусмотрительности. Среди заботъ о народномъ продовольствіи, онъ узналъ, что одинъ изъ братьевъ Бертульфоа скупилъ, для перепродажи по высшей цѣнѣ, значительный запасъ хлѣба въ монастырскихъ мѣнницахъ и у иностранныхъ купцовъ. Графъ велѣлъ ему продать этотъ хлѣбъ по той же цѣнѣ, по какой онъ былъ купленъ ³⁾. Ненависть росла съ обѣихъ сторонъ. Однажды, въ порывѣ неосторожнаго гнѣва, у Карла вырвалась угроза сварить въ котлѣ престола Св. Доната ⁴⁾. Въ кровопролитной распрѣ послѣдняго съ семействомъ Ванъ Стратенъ ⁵⁾, онъ сталъ на сторонѣ послѣднихъ и наказалъ Буркарда, племянника Бертульфова и зачинщика вражды, сож-

¹⁾ Kervyn de Lettenhove, Hist. de Flandre, I, 365.

²⁾ Galbertus, Vita C. B. 351.

³⁾ Kerv. de Lett. I, 564.

⁴⁾ Id. 368.

⁵⁾ Многие историки по ошибкѣ полагаютъ, что потомки Эрмбальда носили фамилію Ванъ Стратенъ. Kerv. de Lett. I. 369.

женіемъ его дома. Но дѣтямъ и внукамъ Эрембальда угрожала еще большая опасность: приговоръ суда могъ свести ихъ разомъ съ высоты блестящаго, почти княжескаго положенія, на низшую степень общественной іерархіи. Они рѣшились отвратить отъ себя бѣду преступнымъ дѣломъ, которое отозвалось далеко за предѣлами ихъ родины и долго жило въ преданіяхъ фландрскаго народа.

Второго марта 1127 года, рано утромъ, Карлъ Добрый молился въ церкви Св. Доната. Берегись, графъ, сказала позади его нищая старуха, которой онъ протягивалъ руку съ подавніемъ. Графъ обернулся: за нимъ уже стоялъ Буркардъ, самый свирѣпый изъ племянниковъ престола, исполнивъ ростомъ, наводившій ужасъ однимъ взглядомъ своимъ, по словамъ лѣтописи. Двумя ударами меча убилъ онъ обреченную его нести жертву. Въ храмѣ раздавалось между тѣмъ пѣніе псалма Давидова. Карлъ испустилъ духъ при словахъ: ты окропишь меня иссопомъ, и очистишь, ты смоешь меня, и стану бѣглою сѣнью. «Онъ смылъ съ себя грѣхъ своимъ рѣкомъ собственной крови», прибавляетъ Гальбертъ. Онъ умеръ смертью отца. Западная церковь помнитъ ихъ обоихъ въ молитвахъ своихъ. Исторія также творитъ ему поминки: она чтитъ въ немъ мученика великихъ идей порядка и цивилизаціи, падшаго въ борьбѣ съ неукротимыми страстями похотѣній, считавшихъ общественный порядокъ несовершеннымъ съ ихъ личнымъ правомъ, а цивилизацію тяжкимъ гнетомъ ¹⁾.

За смертью графа послѣдовалъ цѣлый рядъ убійствъ, сначала въ самомъ храмѣ Св. Доната, потомъ въ городѣ, гдѣ заговорщики искали и преслѣдовали людей, извѣстныхъ своею преданностію ему. Многіе изъ нихъ успѣли скрыться. Граждане смотрѣли на происходившее съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ, котораго источникомъ былъ вѣроятно испугъ, а можетъ быть нѣчто худшее — желаніе поренійны, пристрастіе къ убійцамъ, до для провавой измѣны пользовавшимся хорошею славою ²⁾. На другой день они однако опомнились: начали соби-

¹⁾ Kerv. de Lettenhove, I. 376. Смерть Карла подробно разсказана Гальбертомъ, Валтеромъ и безыменнымъ истопомъ. Важнѣйшія современныя лѣтописи говорятъ объ ней.

²⁾ Гальбертъ не скрываетъ участія, которое граждане Брюгге принимали въ оудѣ престола и его семействъ: *cives nostri nimis indoluerant, eo quod praepositus et sui ante tempus traditionis viri essent religiosi amabilius se habentes erga eos.* Bouquet, XIII, 362.

ратся толпы и разсуждать о томъ, что надлежало дѣлать при такихъ обстоятельствахъ. Надъ трупомъ графа уже плакали и молились жены брюггскія. Онѣ были сильнѣе мужей и не робѣли предъ ненавистію Бертудьова семейства ¹⁾). Превотъ думалъ положить конецъ опасному для него плачу перенесеніемъ тѣла въ Гентъ, но ему не дали исполнить этого намѣренія. Черезъ нѣсколько дней онъ долженъ былъ запереться со всѣми сообщниками своими въ замкъ, котораго кастеланомъ былъ братъ его Днидиръ Гакетъ. Большая часть города Брюгге уже была во власти сбиравшихся со всѣхъ сторонъ приверженцевъ убитаго графа. Кто станеть мстить за него, когда его не будетъ, говорилъ Буркардъ, готовая къ преступленію. На этотъ вопросъ отвѣчало все фландрское рыцарство, хотя въ его рядахъ было много тайныхъ друзей, даже соумышленниковъ Бертудьова. Но они не смѣли признаться въ этомъ, видя общее возстаніе. Читатели могутъ прочесть у Гальберта непринадлежація сюда подробности осады брюггскаго замка, замѣчательной упорствомъ обѣихъ сторонъ, въ особенности достойнымъ лучшаго дѣла мужествомъ осажденныхъ. Отразивъ нѣсколько приступовъ, они должны были удалиться въ церковь, гдѣ совершилось злодѣяніе, и держались здѣсь до послѣдней крайности. Въ жителяхъ города не разъ обнаруживалось сожалѣніе къ нимъ, желаніе облегчить ихъ участь: многіе изъ заговорщиковъ, въ томъ числѣ самъ Бертудьовъ, воспользовались этимъ и бѣжали; но Буркардъ не терялъ надежды, бился днемъ и приказывалъ играть на трубахъ, въ знакъ побѣды, ночью. Онъ даже прибѣгалъ къ другимъ средствамъ: къ заклинаніямъ, показывающимъ, какъ много еще было языческаго въ нравахъ Фландріи. Въ ночь на 3 марта убійцы совершили надъ тѣломъ убитаго ими графа родъ языческой гризны. Они сѣли кругомъ своей жертвы, ѣли хлѣбъ и пили пиво изъ общаго кубка, думая тѣмъ смягчить гнѣвъ покойника и отвратить отъ себя возмездіе ²⁾).

Но дѣло ихъ принимало со дня на день худшій оборотъ. Вильгельмъ, кастеланъ испернскій, потомокъ графовъ фландрскихъ, въ надеждѣ получить наслѣдіе Карла Добраго, обѣщавшій скорую помощь превоту Св. Доната, перешелъ на сторону его враговъ, видя, что они сильнѣе. Много другихъ бароновъ поступила также. Король француз-

¹⁾ Mulieres solae, говоритъ Гальбертъ.

²⁾ More paganorum et incantatorum, по выраженію Гальберта.

ский уже стоялъ въ Аррасѣ и звалъ къ себѣ перовъ графства фландрскаго, для назначенія имъ новаго господина. Выборъ Лудовика палъ на Вильгельма Клитона, которому онъ нѣкогда безуспѣшно старался доставить герцогство норманское. Теперь обстоятельства были благоприятны. Во Фландріи, раздираемой междоусобіемъ, некому было противиться. Генрихъ англійскій, который конечно не безъ опасенія смотрѣлъ на возвышеніе племянника и предвидѣлъ новыя возстанія въ Нормандіи, на этотъ разъ былъ побѣжденъ счастіемъ и быстрыми дѣйствіями Лудовика Толстаго. Внукъ Вильгельма Завоевателя былъ признанъ графомъ баронами и городами фландрскими. Первымъ онъ обѣщалъ всѣ имѣнія Бертальфова семейства, а городамъ — уступки повинностей и налоговъ ¹⁾. Пятаго апрѣля Лудовикъ вступилъ въ Брюгге; десять дней спустя, сдались осажденные, у которыхъ наконецъ оставалась одна подкопанная и разбитая стѣнобитными орудіями колокольня. Ихъ было всего двадцать семь человѣкъ. Прочіе погибли или бѣжали. Граждане брюггскіе просили помилованія Роберту, племяннику превода, юношѣ рѣдкихъ достоинствъ, великодушно ставшему за родственниковъ, въ преступленія которыхъ онъ не участвовалъ. Лудовикъ согласился только на смягченіе наказанія: Робертъ былъ битъ розгами, потомъ ему отрубили голову. Прочіе подверглись болѣе жестокимъ казнямъ. Бертальфъ, пойманный стараніями бывшего союзника своего, Вильгельма шпернскаго, былъ повѣшенъ рядомъ съ голодною, терзавшею его собакою. Буркардъ умеръ на колесѣ. Передъ смертью онъ самъ просилъ, чтобы ему отрубили руку, поднятую имъ на Карла. Многіе были свергнуты съ башни брюггскаго замка, или заживо погребены въ болотѣ. Родъ Эрембальда палъ съ высоты непродолжительнаго величія, но имена пережившихъ его паденіе членовъ встрѣчаются въ послѣдствіи снова въ исторіи фландрскихъ смутъ. Правленіе Вильгельма Клитона продолжалось недолго. Жизнь, проведенная въ битвахъ и перѣздахъ отъ одного феодалнаго двора къ другому, не могла воспитать въ немъ качествъ, которыя были необходимы владѣтелю страны, не умѣвшей вынести Карла Добраго. По совѣту окружавшихъ его рыцарей, новый графъ взялъ назадъ обѣщанія, данныя имъ гражданамъ Брюгге. Лиль и Сентъ-Омеръ, оказавшіе ему сопротивленіе, были наказаны тяжелыми пенями. Вильгельмъ

¹⁾ Kerv. de Letten., I. 405.

думалъ одною строгостію подавить неудовольствіе своихъ подданныхъ. Онъ не зналъ, съ какими людьми имѣлъ дѣло. Не смотря на видѣнные имъ примѣры, многолюдный, безпокойный Гентъ отказалъ въ повиновеніи графскому кастелану. Рыцарь Иванъ, изъ Алоста, говорилъ съ графомъ отъ имени гражданъ. Онъ предлагалъ ему разорвать ихъ споръ судомъ выборныхъ изъ духовенства и народа, громко обвинялъ въ нарушеніи клятвеннаго обѣщанія и заключилъ требованіемъ: «откажитесь отъ графскаго сана, если наши обвиненія справедливы; мы призовемъ на ваше мѣсто человека болѣе способнаго и съ болѣешими правами ¹⁾». Вильгельмъ былъ смѣлъ. Онъ переломилъ бы соломенку въ знакъ разрыва ленной связи, но его остановилъ ропотъ и говоръ окружавшей ихъ толпы, говорить лѣтописецъ ²⁾. Вѣрный феодальнымъ преданіямъ, не понимая новыхъ отношеній, въ какія его поставила игравшая имъ судьба, онъ въ свою очередь предложилъ рыцарю Ивану изъ Алоста кончить споръ поединкомъ. Какъ будто такая побѣда могла упрочить его шаткое положеніе! Болѣе всѣхъ могъ бы помочь ему и совѣтомъ и дѣломъ Лудовикъ Толстый. Но Лудовика занимала вспыхнувшая опять война съ Герихомъ I и Теобальдомъ шартрскимъ, которому съ 1125 года принадлежала вся Шампанія. Генрихъ поддерживалъ духъ неудовольствія во Фландріи. Враги его племянника получали отъ него всякаго рода пособія ³⁾. Преемникъ Карла едва не испыталъ участи своего предшественника. Въ Ипернѣ, готовилось повтореніе кровавой драмы, которой свидѣтелемъ былъ Брюгге. Вильгельмъ, не подозревавшій опасности, сидѣлъ у ипернской дѣвницы, съ которою былъ въ связи. «Она по обычаю вынула ему голову, потомъ, зная о заговорѣ, стала плакать. Молодой графъ спросилъ любовницу о причинѣ ея слезъ и искусно склонилъ ее просьбами и угрозами открыть ему всѣ подробности, какія она

¹⁾ *Convenient principes utrimque nostrique compares ac universi sapientiores in clero et populo in pace et sine armis... et dijudicent. Si potueritis, salvo honore terrae, deinceps obtinere volo ut obtineatis: sin vero talis estis, sicut et lex, sine fide, dolosus, perjurus, discedite a comitatu et eum nobis relinquitte idoneo et legitimo alicui viro commendandum. Galbertus, 377.*

²⁾ *Comes prosiliens exfestucasset Iwannum si ausus esset pro tumultu civium. Id. 380.* О значеніи этого обряда см. Ducange, *Glossarium*, s. v. *Festuca*.

³⁾ Вильгельмъ Кантонъ поддерживалъ съ своей стороны опасенія и вражду въ себѣ для. Въ грамотахъ, выданныхъ, во Фландрію, онъ упоминаетъ о правахъ своихъ на англійскій престолъ. Kervyn de Lettenhove, I, 421.

узнала отъ его непріятелей относительно назначенной ему смерти. Тогда, не разсчитавъ даже волею своихъ, онъ схватилъ оружіе и увезъ съ собою ту дѣвицу, дабы избавить ее отъ всякой опасности. Въ послѣдствіи онъ отправилъ ее въ сопровожденіи нѣкотораго аббата въ Вальгелму, герцогу аквитанскому, своему сверстнику и брату по оружію. Онъ просилъ его выдать ее честнымъ образомъ замужъ, нагъ сестру и избавительницу свою. Воля его была исполнена ¹⁾). Черезъ годъ по смерти Карла Добраго жители брюггскіе привѣтствовали уже третьяго графа, Дитриха альвасскаго, въ свѣтъ котораго вошли въ городъ многіе, успѣвшіе спасти жизнь свою, члены Бертульова рода. Ихъ вліяніе на Фландинговъ не мало помогло Дитриху, признанному почти на всѣхъ концахъ Фландріи. Генрихъ англійскій стоялъ у цѣли. Король французскій, вызванный убѣдительными просьбами Вильгельма Клитона ²⁾), пришелъ поспѣно. На его требованіе, прислать въ Аррасъ выборныхъ отъ земли фландрской, городъ Брюгге отвѣчалъ вычисленіемъ всѣхъ проступковъ и ошибокъ низложеннаго графа. «Да будутъ вѣдомо королю и всѣмъ князьямъ, современникамъ и потомству, писали сѣльные горожане, что французскому королю нѣтъ дѣла до избранія фландрскаго графа. Это право перовъ и гражданъ Фландріи. Обязанность графа относительно короля заключается только въ военной службѣ за тѣ лена, которыя принадлежатъ Франціи ³⁾». Всѣ результаты блестящаго похода, совершеннаго Людовикомъ въ 1127 году, были потеряны. 22-го іюля 1128 года Вильгельмъ Клитонъ въ сшибкѣ съ приверженцами Дитриха былъ раненъ копьемъ въ руку. Боль прошла до самаго сердца, сказалъ онъ ⁴⁾), удаляясь съ поля сраженія. Черезъ пять дней послѣ полученной раны — его не стало. Ему было только двадцать семь лѣтъ отъ роду. На смертномъ одрѣ онъ просилъ дядю о прощеніи и наградѣ слугамъ своимъ. *Guillelmus pœnitere, miser*

¹⁾ Ord. Vitalis ap. Bouquet, XII, 745.

²⁾ Вильгельмъ писалъ своему покровителю: «старый и могущественный врагъ мой, король англійскій, собралъ несчетное войско и огромныя сокровища. Онъ хочетъ отнять у насъ и у меня самую вѣрную и самую сильную часть нашего государства. Онъ утѣрпѣлъ въ усилкахъ войска своего, но еще болѣе дѣлать деньги, ибо надѣется соблазнить дарами сердца Фландинцевъ». Duchesne, Hist. Franc. script. IV, 447.

³⁾ Notum igitur facimus universis... quod nihil pertinet ad regem Franciae de electione vel positione comitis Flandriae. Galbertus, 384.

⁴⁾ Corde tenusque dolens, plangere coepit. Ord. Vitalis, ap. Bouquet, XII, 745.

согпоміне (нимъ ему было Вильгельмъ, прозваніе злосчастный), по выраженію лѣтописца, оставилъ по себѣ поэтическое воспоминаніе ¹⁾. Его молодость, мужество, рыцарское великодушіе, самыя несчастія прикрыли недостатокъ болѣе положительныхъ правъ на участіе. Смерть его была важною утратою для Лудовика Толстаго, потерявшаго въ немъ орудіе, которое онъ всегда съ успѣхомъ противопоставлялъ Генриху англійскому. Теперь Генриху нечего было опасаться съ этой стороны. Фландрія до такой степени подчинялась его вліянію, что современники считали его графомъ, а Дитриха — только намістникомъ его ²⁾.

Авторъ «Жизни Лудовика Толстаго» не говоритъ о несчастной развязкѣ фландрскихъ дѣлъ и обращаетъ вниманіе своихъ читателей на войну, которую французскій король долженъ былъ въ то же время вести съ возставшими противъ него Стефаномъ гарландскимъ и Амальрихомъ монецорскимъ. Оба они принадлежали дотолѣ къ самымъ вѣрнымъ слугамъ капетингской монархіи. Поводомъ къ враждѣ была совершенная Стефаномъ безъ королевскаго согласія передача должности сенешала графу монецорскому, который женился на его племянницѣ ³⁾. Не смотря на помощь, поданную его ослушникамъ изъ Англіи и изъ Шампаніи, Лудовикъ принудилъ ихъ уступить и отказаться навсегда отъ всякихъ притязаній на наследственность сенешальства въ ихъ родѣ. Въ 1130 году Лудовикъ Толстый положилъ конецъ злодѣйствамъ и грабительствамъ Гома марискаго. Около двадцати лѣтъ сряду держалъ Гома въ страхѣ почти всю Пикардію. Замокъ его Куси считался неприступнымъ. Лудовикъ рѣшился однако осадить его, но Гома, избалованный долгою безнаказанностію, самъ пошелъ на встрѣчу неприятелямъ. Въ схваткѣ онъ былъ смертельно раненъ и взятъ. «Ни

¹⁾ Unicus ille ruit cujus non terga sagittam,
Cujus nosse pedes non potuere fugam;
Nil nisi fulmen erat, quotiens res ipsa monebat,
Et si non fulmen, fulminis instar erat.

Roberti de Monte Chronica, ap. Pertz. Scr. Rer. Germ. VI. 489.

²⁾ Rex Henricus — comitatum sub se disponendum tradidit Theodoro (т. е. Дитриху). Simeonis Dunelmensis, Historia de gestis regum anglorum, ap. Bouquet, XIII. 83. Kerv. de Lettenhove, I. 430.

³⁾ Stimulante Stephano Garlandensi. Vita L. G. 56. Своею наглостію на себя личную ненависть королевы, супруги Лудовика VI. Chron. Mauriniacense, ap. Bouquet, XII, 77.

раны, ни оковы, ни угрозы, ни просьбы не могли склонить занесёнаго преступника къ освобожденію купцовъ, которыхъ онъ съ безчестнымъ коварствомъ ограбилъ на большой дорогѣ и держалъ въ темницѣ. Съ трудомъ уговорили его приобщиться Св. Тайнъ предъ смертію ¹⁾.

Монастырь Св. Діонисія былъ центромъ политической дѣятельности въ тогдашней Франціи. Здѣсь обсуживались и рѣшались всѣ важныя предпріятія, сюда сходились всѣ нити управленія. Тишина, приличная священной обители, смѣнилась шумомъ рыцарскихъ ширевъ, говоромъ просителей, громкими преніями тяжущихся. Даже женщины получили свободный доступъ въ монастырь ²⁾. Аббатъ любилъ великолѣпіе, держалъ, какъ мы выше видѣли, княжескую свиту и не чуждался мірскихъ забавъ. Въ сопровожденіи Амальриха монтеорскаго и другихъ знатныхъ сосѣдей, онъ проводилъ цѣлыя недѣли на охотѣ, которой добыча дѣлилась между больными братьями, бѣдными и лежничниками монастырскими ³⁾. Озирая съ вершины своего могущества путь, пройденный имъ со дня, когда отецъ его Геллигандъ принесъ его, бѣднаго и хилаго ребенка, въ даръ Св. Діонисію, Сугерій вѣроотно не разъ увлекался естественнымъ чувствомъ гордости и заслужилъ не одинъ справедливый упрекъ. Не даромъ говорили объ его надменности ⁴⁾. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, завистники и недовольные старались унижить его намеками на его происхожденіе ⁵⁾. Распускали слухи о проискахъ, посредствомъ которыхъ онъ достигъ своего сана и былъ избранъ на мѣсто аббата Адама ⁶⁾. Но душа его

¹⁾ Vita L. G. 56. О томъ чарскомъ или марльскомъ много характеризующихъ эпоху подробностей у Габерта Ногентскаго.

²⁾ S-ti Bernardi epistola 78.

³⁾ Per continuam septimanam ascitis nobis approbatis amicis et hominibus nostris, videlicet comite Ebroicensi Amalrico de Monteforte, Simone de Nielpha, Ebrardo de Villaperosa, et aliis quamplurimis, in tentoriis demorantes, singulis diebus totius hebdomadae cervorum copiam ad S-tum Dionysium non levitate sed pro jure ecclesiae reparando (чтобы удержать за монастыремъ принадлежащее ему право охоты въ одномъ изъ опрестныхъ владѣній) transferri et fratribus infirmis et hospitibus in domo hospitali nec non et militibus per villam, ne deinceps oblivioni traderetur, distribui fecimus. Sugerii liber de reb. in admin. sua gestis, ap. Duchesne, IV, 334.

⁴⁾ Tua illa pristinae tuae conversationis insolentia. S-ti Bernardi epistola 78.

⁵⁾ . . illustri viro ab aemulis humilitas objicitur generis, Wilhelmi Vita Sugerii, ap. Bouquet, XII, 108.

⁶⁾ Verum quia falsam de illo opinionem in quorundam cordibus convulsasse

не успѣла очерствѣть, не подавила въ себѣ ежедневною заботою нравственныхъ требованій. Согрѣтая, невѣдомымъ его современникамъ, гражданскимъ чувствомъ, неотступною мыслию о благѣ Франціи, она хранила въ себѣ до случая сѣмя еще не обнаруженныхъ, чисто христіанскихъ добродѣтелей. Случай явился: за инокомъ Сугеріемъ давно слѣдили строгія очи другого инока. Когда всѣ соблазны великой власти обступили аббата Св. Діонисія, когда душа его повидимому задремала подъ лстивый говоръ свѣта, ее пробудилъ повелительный и страстный голосъ, предъ глаголами котораго понижали главою вожди народовъ и самые гордые умы тогдашней Европы, голосъ Бернарда клервальскаго. Трудно себѣ представить два характера болѣе противоположные. Одинъ былъ по преимуществу мужъ практической дѣятельности, гражданскихъ подвиговъ. Онъ рано усвоилъ себѣ политическую теорію и твердымъ шагомъ шелъ къ ея осуществленію. Въ разрѣшеніи этой задачи сосредоточилъ онъ всѣ свои помыслы, цѣлое существованіе свое. Его не развлекали отвлеченные вопросы науки, хотя знанія его были обширны и любознательность велика. Покорный признаннымъ его церковью ученіямъ, онъ не вступалъ въ богословскіе споры вѣка, начатаго Абелардомъ и законченнаго Альбигенцами, возраставшаго схоластику до совершеннѣйшаго, любившаго войну во всѣхъ сферахъ и видахъ. Счастливый случай, а не собственное, неотразимое призваніе, привелъ его въ монастырь. Но онъ былъ вѣренъ, какъ немногіе въ его время, невольнымъ, въ дѣтствѣ произнесеннымъ обѣтамъ. Церковь наградила его: она дала ему знанія и возвышенное понятіе объ обществѣ, о гражданскомъ порядкѣ и справедливости. Онъ сталъ посредникомъ между ею и государствомъ. Здѣсь обнаруживается оригинальность этого яснаго, но не поражающаго особенною глубиною ума: онъ не уступилъ искушенію, которому поддавалась большая часть людей его званія, дѣйствовавшихъ на театрѣ европейской исторіи. Онъ умѣлъ отдѣлать вѣчныя идеи, къ принятію и приложенію которыхъ церковь воспитывала народы, отъ частныхъ цѣлей западной іерархіи. Другъ Лудовика VI, наставникъ и намѣстникъ Лудовика VII не всегда смотрѣлъ на отношенія Франціи съ точки зрѣнія аббата Св. Діонисія. Не таковъ былъ основатель Клервальской обители. При

scio, illud sciendum, absentem hunc et longe positum ad regimen vocatum fuisse, nil tale suspicantem sed et accessisse invitum. Ibid.

самомъ вступленіи въ жизнь, на ея пороги, его уже тревожилъ вопросъ о цѣли земнаго существованія. Bernardus, quid venisti (зачѣмъ пришелъ ты, Бернардь)? говорилъ онъ себѣ. Видя, что окружающій его міръ не въ состояніи ему дать отвѣта, онъ отрекся отъ него. Старый отецъ, пять братьевъ, сестра убѣждали его остаться съ ними. Они были знатны и богаты, общали ему все, что могло пѣнить воображеніе красиваго и даровитаго юноши. Онъ устоялъ и удалился въ Сито. Но они не безнаказанно бесѣдовали съ нимъ, слушали его рѣчи. Одинъ за другимъ, всѣ они — отецъ, братья и сестра пошли ему во слѣдъ. Въ стѣнахъ монастыря Бернардь не нашелъ того удивленія, какого жаждала его душа. Онъ основалъ новую обиталь въ страшной пустынѣ, среди лѣсовъ, гдѣ до него жили только разбойники. Ему было тогда двадцать четыре года отъ рожденія. Постояннымъ постомъ и созерцаніемъ онъ убилъ въ себѣ плотскія побужденія, потерялъ способность замѣчать внѣшніе предметы и чувство вкуса до того, что не различалъ масла отъ воды ¹⁾. Но нѣсколько дней сразу проводилъ онъ безъ сна и безъ пищи, погруженный въ таинственный восторгъ, бесѣдуя съ видѣніями своими. Священное писаніе онъ изучалъ внимательно, но рѣдко прибѣгалъ къ комментаріямъ и толкованіямъ, довольствуясь текстомъ ²⁾. Къ наукѣ вообще питалъ недовѣріе. Онъ писалъ англичанину Мурдаху, который не рѣшался вступить въ его монастырь, потому что боялся разлуки съ своими книгами: въ лѣсахъ найдешь болѣе чѣмъ въ книгахъ; деревья и камни скажутъ тебѣ то, чего не услышишь отъ ученыхъ ³⁾. Сочиненія его не даютъ, впрочемъ, понятія о томъ краснорѣчій, которое, по словамъ его біографа, исходило изъ его устъ огненнымъ закономъ ⁴⁾. Всѣ современ-

¹⁾ Guillelmus de S. Theodorico, Vita Bernardi; у Гизо Collect. des mémoires. X, 172, 188. Gaufredi, Vita Bernardi, ibid, 322. Не имѣя подъ рукою Мабиллонава изданія твореній Св. Бернарда, гдѣ помѣщены его біографіи, составленныя его учениками и современниками, я пользовался французскимъ переводомъ, помѣщеннымъ въ собраніи лѣтописей Гизо.

²⁾ «Онъ однако читалъ со искреннимъ трудомъ святыхъ и пророковскихъ толкователей, не думая раниваться съ ними; но подчиняя ихъ разуму свой собственный и чувству по ихъ слѣданію, онъ часто черпалъ изъ того же источника, изъ котораго черпали они». Guillelm. de S. Theodorico, у Гизо, X, 176.

³⁾ Ligna et lapides docebant te quod a magistris audire non possis. Epist. 106. Онъ самъ охотно не только и изучалъ Св. Писаніе въ полѣ или въ лѣсу. У него не было другихъ наставниковъ, кромѣ дубовъ и буковъ, говорилъ онъ друзьямъ своимъ. Guillelm. de S. Theodorico, 175.

⁴⁾ Siquidem diffusa erat gratia in labili ejus et ignitum eloquium ejus vehem-

ные памятники свидѣтельствуютъ о неодолимой силѣ его рѣчей. Однажды онъ встрѣтилъ ѣхавшихъ на турниръ рыцарей. Бернардъ началъ имъ доказывать грѣхъ, сопряженный съ этою кровавою игрою. Рыцари смѣялись, потомъ стали внимательнѣе слушать и кончили тѣмъ, что сложили съ себя оружіе и перешли изъ рати земной «въ рать небесную», т. е. постриглись ¹⁾. Когда вѣсть о пришествіи Бернарда приходила въ какой нибудь городъ или селеніе, испуганныя жены и матери спѣшили удалить супруговъ и дѣтей своихъ. Иначе они пошли бы въ слѣдъ за проповѣдникомъ ²⁾. Онъ не занималъ высшихъ должностей, не хотѣлъ быть ни епископомъ, ни кардиналомъ, но никто не имѣлъ такого вліянія на дѣла Западной церкви и не говорилъ такимъ языкомъ съ папами и государями. Тайна его могущества заключалась въ непреклонномъ, неувѣдавшемъ уступокъ убѣжденіи. Все, что было отъ міра, мало имѣло значенія въ его глазахъ. Государство и семейство казались ему мимолетными формами, годными только для падшаго, слабаго человѣка. Не смотря на любовь къ уединенію и созерцательной жизни, онъ долженъ былъ часто покидать клервальскую келью и дѣйствовать въ виду цѣлой Европы, ибо Западная церковь призывала его на помощь во всякой опасности, во всѣхъ борьбахъ своихъ. Къ его мнѣнію прислушивались католическіе народы при спорномъ выборѣ папы, его слово громомъ падало на каждую ересь. Этому слову должны были уступить отважная мысль Абеларда и вѣршая воля Арнольда бресчанскаго, по словамъ самого Бернарда «не знавшаго обыкновеннаго голода и жажды, алкавшаго и жаждавшаго только крови душевной ³⁾». При такомъ взглядѣ на жизнь, аббатъ клервальскій не могъ высоко цѣнить политическую дѣятельность Сугерія, хотя питалъ къ нему личное уваженіе и пріязнь. Неизвѣстно, по какому именно случаю и когда онъ обратился къ Сугерію съ упрекомъ и увѣщаніемъ; но изъ одного письма Св. Бернарда ⁴⁾ видно, что въ 1128 году аббатъ Св. Діонисія уже оправдался передъ

menter, ut non posset ne ipsius quidem stilus, licet eximius, totam illam dulcedinem, totum retinere fervorem. Mel et lac sub lingua ejus, nihilominus in ore ejus ignea lex. Gaufridi: Vita Bernardi, p. 1135. Wilken, Geschichte der Kreuzzüge, III, 73. Guisot, Coll. des mem. X, 329.

¹⁾ Guil. de S. Theod. 208.

²⁾ Id. 166.

³⁾ Epist. 195, ap. Bouquet, XV, 575.

⁴⁾ Epist. 78, ap. Bouquet, XV. 546. Письмо это писано въ концѣ 1127 года или

нимъ переменою жизни. Бернардъ не себя приписываетъ эту неожиданную, внезапную перемену ¹⁾, но радостное чувство, какимъ проникнуто его письмо, показываетъ, что въ его глазахъ оно было великимъ событіемъ. Сугерій началъ съ самого себя преобразование вѣрной ему обители. Не переставая заниматься дѣлами государства, онъ удалилъ отъ себя всѣ вѣншіе признаки своего могущества, все, что могло напомнить людямъ его близость къ престолу. Въ жизнеописаніи его, составленномъ монахомъ Вильгельмомъ, читается любопытныя подробности о принятіи имъ съ 1128 года образъ жизни. Никто изъ братіи не превосходилъ его ревностнымъ исполненіемъ монастырскаго правила. Значительную часть дня онъ проводилъ въ молитвѣ, орошая слезами помость храма ²⁾; остальное время посвящалось разнообразнымъ трудамъ. Пищу онъ употреблялъ самую простую; трапезу дѣлалъ постоянно съ нищими; воздерживался, когда былъ здоровъ, отъ мяса; вино пилъ не иначе, какъ съ водою ³⁾. За ужиномъ ему читали вслухъ творенія Отцовъ церкви. Иногда онъ самъ изучалъ присутствовавшихъ разсказами о достопамятныхъ происшествіяхъ и дѣлахъ великихъ мужей. Бесѣда эта часто продолжалась до глубокой ночи ⁴⁾. Потомъ онъ удалялся въ келью, нарочно имъ для себя устроенную. Она состояла изъ пятнадцати футовъ въ длину и десяти въ ширину ⁵⁾. «Здѣсь то, говоритъ Вильгельмъ, предавался онъ на досугѣ чтенію, слезамъ и размысленію; сюда уходилъ отъ шума и мірской бесѣды; въ этомъ одиночествѣ онъ, какъ сказано о мудромъ, наименѣе былъ одинокъ, ибо здѣсь его разумъ упражнялся въ изученіи великихъ писателей всѣхъ вѣковъ ⁶⁾». Немногіе часы, проведенные имъ на жесткомъ ложѣ, восстанавливали его силы, изнуренныя непрерывнымъ трудомъ. Онъ любилъ подчиненныхъ ему, какъ дѣтей своихъ, заботился

въ началѣ 1128, до войны Лудовика со Стефаномъ гарландскимъ. Бернардъ жестоко порицаетъ послѣднѣго и обвиняетъ Сугерія въ дружбѣ съ нимъ.

¹⁾ Quis tibi hanc perfectionem proponebat? Ego tanta fateor, audire de te etsi desiderabam, non tamen sperabam. Ep. 78.

²⁾ Pavimenta lacrymis humectabat — Wilhelmi, Vita Sugerii, ap. Bouquet, XII, 107.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid. 108.

⁶⁾ Ad optimos quosque, quocumque fuerint saeculo, animum intendebat; cum his illi colloquium, cum his studium erat. Ibid.

объ ихъ здоровьѣ ¹⁾ и не щадили для этого издержекъ. Къ наказаніямъ прибѣгалъ рѣдко и только въ случаѣ совершенно дознанной вины. За то былъ расточителенъ на награды и пособія бѣднымъ ²⁾. Вообще онъ былъ правомъ веселъ и избѣгалъ всего изысканнаго или неестественнаго въ привычкахъ и поступкахъ своихъ ³⁾.

Замѣчательно, что въ томъ же году, къ которому всѣ издатели относятъ 78 письмо Св. Бернарда, онъ велъ переписку совсѣмъ другаго рода съ Лудовикомъ Толстымъ, по поводу распри, возникшей между епископомъ парижскимъ Стефаномъ и капитуломъ парижскаго собора. Король принялъ сторону канониковъ, за что епископъ наложилъ на его владѣнія церковное запрещеніе. Папа Гонорій II, рассмотрѣвъ дѣло, снялъ съ Лудовика тяготѣвшее надъ нимъ отлученіе, къ крайнему негодованію клервальскаго аббата, который въ рѣшеніи Гонорія видѣлъ вредную для церкви уступчивость свѣтской власти. Письма, написанныя имъ по этому случаю отъ собственного лица и отъ всего ордена Сито, представляютъ любопытный образецъ его языка. Онъ горько обвиняетъ папу въ слабости и требуетъ отъ короля, во имя «дружбы и братства ⁴⁾», чтобы онъ подчинился приговору парижскаго епископа. Но Лудовикъ твердо стоялъ за неокрѣпшія еще, почти невысказанныя его предками, права монархіи. Въ 1129 году онъ потребовалъ къ своему суду епископа санскаго, обвиненнаго въ святокупствѣ.

Голосъ Бернарда раздавался снова: въ письмѣ къ Гонорію II, онъ называлъ Лудовика Толстаго вторымъ Иродомъ, гонителемъ Хри-

¹⁾ *Quorum curationi et medicos non modicis sumptibus praevidit ... Id. 107.* Св. Бернардъ, напротивъ, запрещалъ монахамъ прибѣгать къ пособіямъ медицины: *species emere, quaerere medicos, accipere potiones, religioni indecens est et contrarium puritati. Ep. 345.* Даже въ этихъ мелочахъ рѣзко обозначаются характеры аббатовъ Св. Діонисія и Клервальскаго.

²⁾ *Wilhelmi Vita Sugerii, 106.*

³⁾ *Humanus satis et jocundus. Id. 105.... ut erat jocundissimus Id. 107.* *Illud declinabat summopere, ne quidquam agere videretur quod in habitu vel vitae genere appareret notabile. Viro quippe bono simulationem judicabat indignam. Ibid.* Св. Бернардъ превосходилъ Сугерія доведеніемъ до крайняго аскетизма простотою жизни. Онъ не могъ сдѣлаться безъ внутренняго усилія, и вообще считалъ сѣихъ и веселость неприличными человеку. *Gaufrédi, Vita Bernardi, у Гизо, X, 327.*

⁴⁾ *Monentes et rogantes per illam invicem amicitiam nostram et fraternitatem. Ep. 45. ap. Bouquet, XV, 544.*

ста ¹⁾). Принявши въ соображеніе, что Стефанъ гарландскій былъ въ это время въ немилости и далеко отъ двора, что, слѣдовательно, король руководился не его совѣтомъ, мы въ правѣ допустить вліяніе Сугерія и при этихъ столкновеніяхъ молодой монархіи съ ееоократическими притязаніями, которыхъ представителемъ былъ аббатъ клервальскій. Такая роль вполне соотвѣтствовала положенію, какое занималъ Сугерій, и его воззрѣнію на государство. Защищая гражданское общество противъ несправедливыхъ домогательствъ католической іерархіи, онъ всѣми силами поддерживалъ и старался укрѣпить отношенія, въ которыя, какъ мы видѣли, Западная церковь вступила къ капетингской династіи. Смерть папы Гонорія II-го едва не сдѣлалась причиной раскола для католическихъ народовъ. Несогласные между собою кардиналы выбрали двухъ папъ: Анаклета и Иннокентія II. За перваго стояли большинство кардиналовъ, Рогеръ II сицилійскій и римскій народъ ²⁾). Избраніе его, по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, совершилось съ соблюденіемъ законныхъ формъ. Но личныя свойства Анаклета не внушали довѣрія людямъ, наиболѣе дорожившимъ внѣшнимъ достоинствомъ и чистотою церкви. Кромѣ нареканій, падавшихъ на его образъ жизни, ему ставили въ вину огромное богатство, наслѣдованное имъ отъ дѣда Еврея и содѣйствовавшее, по общему мнѣнію, къ его возвышенію на престолъ Св. Петра. Иннокентій не могъ держаться въ Римѣ противъ могущественнаго соперника. Онъ уступилъ ему на время перевѣсъ въ Италіи и, по примѣру Гелазія, искалъ убѣжища во Франціи, отъ которой ожидалъ себѣ помощи. Немедленно по его прибытіи, Лудовикъ созвалъ соборъ въ Этампъ. Въ виду опасности, которая предстояла католическому міру, святой Бернардъ подалъ королю руку примиренія и убѣдилъ собравшихъ въ Этампѣ прелатовъ принять сторону Иннокентія. Его мнѣніе основывалось не столько на формальной законности выбора, сколько на нравственной оцѣнкѣ личностей обоихъ папъ ³⁾). Можно безъ преувеличенія сказать, что въ этой великой тяжбѣ клервальскій аббатъ игралъ роль судьи, и что

¹⁾ Et alter Herodes Christum non jam in cunabulis habet suspectum sed in ecclesiis invidet exaltatum. Bouquet, XV, 549.

²⁾ Относящаяся къ этому избранію мѣста лѣтописей собраны у Bouquet, XV, 344 и слѣд. См. также Baronii Annales ecclesiastici ad an. 1130. Raumer, Gesch. der Hohenst., I, 343.

³⁾ Magis de persona quam de electione investigans. Vit. L. G. 57.

его приговоръ болѣе, чѣмъ все остальное, рѣшилъ участь Анаклета. Король англійскій еще колебался: святой Бернардъ вывелъ его изъ недоумѣнія предложеніемъ взять на себя грѣхъ, сопряженный съ признаніемъ Иннокентія II ¹⁾; за Генрихомъ послѣдовали вскорѣ и другіе европейскіе государи. Но честь поданнаго примѣра и великодушнаго гостепріимства, оказаннаго изгнанному намѣстнику Св. Петра, осталась за Лудовикомъ. Изъ «Жизни Лудовика Толстаго» видно, что Сугерій былъ въ этомъ дѣлѣ помощникомъ Св. Бернарда и дѣйствовалъ въ томъ же направленіи. По окончаніи этапскаго собора, онъ отправился въ Кляуни, гдѣ жилъ тогда Иннокентій, съ вѣстію о состоявшемся въ его пользу рѣшеніи и съ предложеніемъ услугъ всякаго рода отъ имени короля. Признательный папа посѣтилъ въ свою очередь монастырь Св. Діонисія и съ большимъ великолѣпіемъ праздновалъ тамъ Пасху ²⁾.

Слѣдуя завѣщанному Гугономъ Капетомъ обычаю, Лудовикъ призналъ еще въ 1129 году соправителемъ и вѣнчалъ на царство старшаго сына своего Филиппа, умнаго и любимаго народомъ юношу. Тринадцатаго октября 1131 года Филиппъ упалъ съ лошади и вслѣдствіе ушиба умеръ ³⁾. Эта потеря страшно подѣйствовала на удрученнаго болѣзненною тучностью короля. Онъ впалъ въ совершенное отчаяніе. Только настоянія и совѣты Сугерія заставили его наконецъ обратить вниманіе на состояніе Франціи и принять мѣры противъ несчастій, которыя въ случаѣ его кончины ей грозили ⁴⁾. Его династія ~~еще~~ по прѣмѣ сидѣла на престолѣ, при каждой перемѣнѣ царствованія ей предстояла новая опасность. Ея враги были всегда наготовѣ. Они ждали только случая, первой ослѣпленности, чтобы возвратить все, отнятое у нихъ Лудовикомъ въ теченіе тридцатилѣтней, непрерывной дѣятельности. Не только между феодалными баронами, но въ духовенствѣ была сильная партія, которая рассчитывала на смерть хвораго

¹⁾ Ernaldi ab. Bonaevallis Vita Bernardi, ap. Bouquet, XV, 345. примѣч. а. Guizot, X, 239. Vita L. G. 58.

²⁾ Vita Lud. Gros. 58.

³⁾ Vita L. G. ibid. Art de ver. les dates. V, 516.

⁴⁾ Qui ergo intimi ejus et familiares eramus formidantes ob jugem debilitati corporis molestiam ejus subitum defectum, consuluimus ei quatenus filium Ludovicum pulcherrimum puerum, regio diademate coronatum sacri liquoris unctione regem secum *ad refellendum aemulorum tumultum* constitueret. Vita L. G. 59.

короля и надѣялась замѣнить наследственную монархію избирательною ¹⁾. Это значило отбросить общество на полтора столѣтія назадъ, поставить его въ то самое положеніе, въ какомъ оно находилось при паденіи Каролинговъ. Сугерій посовѣтовалъ Лудовику ²⁾ почти тоже, что въ 1108 году, при сходныхъ обстоятельствахъ, совѣтовалъ Ивонъ шартрскій. 25 октября, слѣдовательно черезъ двѣнадцать дней по смерти Филиппа, папа Иннокентій совершилъ лично надъ его младшимъ братомъ Лудовикомъ VII обрядъ помазанія и возложилъ на него королевскій вѣнецъ. Многіе роптали на эту поспѣшность, говорить Ордерикъ Виталій ³⁾; но цѣль Сугерія была достигнута: вопросъ о престолонаслѣдіи былъ устраненъ, и права капетингской династіи обезпечены на цѣлое поколѣніе.

Взятіемъ замка Брисона на Луарѣ, котораго владѣлецъ грабилъ вунцовъ, заключается рядъ подвиговъ, совершенныхъ Лудовикомъ Толстымъ въ пользу общественнаго порядка и безопасности. Ядъ, данный ему въ молодости Бертрадою, и постоянные военные труды окончательно разстроили его здоровье. Возвратясь изъ подъ Брисона, онъ вручилъ (1133) сыну королевской перстень, передалъ ему управленіе и изъявилъ желаніе провести остатокъ жизни въ монастырѣ ⁴⁾. Новыя событія заставили его однако переимѣнить намѣреніе. Мы видѣли выше, какъ опасно было для капетингской монархіи соперничество норманскихъ герцоговъ, присоединившихъ къ своимъ обширнымъ владѣніямъ во Франціи цѣлое государство по ту сторону пролива. Король англійскій остался ленникомъ французскаго, но далеко превосходилъ его богатствомъ и силою. Смерть Генриха I представила случай положить конецъ этому неравенству. Внуки Вильгельма Завоевателя заспорили между собою объ его наслѣдіи. Послѣ кровавой междоусобицы Нормандія досталась Матильдѣ, графинѣ анжуйской, дочери Генриха I; Стефанъ, графъ булонскій, удержалъ за собою Англію ⁵⁾. Ему помо-

¹⁾ *Quidam enim laicorum post mortem principis spem augendi honoris habebant: quidam vero clericorum jus eligendi et constituendi principem regni captabant.* Ord. Vitalis Hist. eccl. ap. Bouquet. XII, 750.

²⁾ *Consiliis nostris acquiescens.* Vita L. G. 59.

³⁾ *Nonnulli de ordinatione pueri mussitabant, quam procul dubio impedire, si potuissent summopere flagitabant.* ap. Bouquet, XII, 750.

⁴⁾ Vita L. G. 61.

⁵⁾ Эти событія, т. е. развѣсная война за наслѣдіе Генриха I, относятся къ царствованію Лудовика VII.

галь Лудовикъ, отъ котораго конечно не скрылась вся важность та-кого дѣла. Но одновременно съ ослабленіемъ норманской династіи произошло неожиданное усиленіе Капетинговъ. Герцогъ аквитанскій Вильгельмъ, умершій въ 1137 году въ Кампостеллѣ, куда онъ ходилъ на поклоненіе мощамъ Св. Іакова, оставилъ старшей дочери своей Элеонорѣ герцогство Аквитанію и графство Пуату и завѣщалъ ей выдти, съ согласія бароновъ ¹⁾, замужъ за наследника французскаго престола. Не смотря на свидѣтельство Сугерія и другихъ лѣтописцевъ, можно усомниться въ подлинности этого духовнаго завѣщанія ²⁾. Легко было впрочемъ обойтись и безъ него. Лудовикъ, въ качествѣ леннаго господина, былъ законный опекунъ Элеоноры и, слѣдовательно, имѣлъ право располагать ея рукою ³⁾. Онъ тотчасъ отправилъ сына въ Бордо въ сопровожденіи многочисленной, походившей на армію свиты. При Лудовикѣ VII находились графы Вермандуа и Шампани, аббатъ Сугерій и пятьсотъ знатныхъ рыцарей. Сверхъ того женихъ получилъ на дорогу значительныя суммы денегъ ⁴⁾. Бракъ, слѣдствіемъ котораго было соединеніе земель, лежавшихъ по обѣимъ сторонамъ Луары, и народонаселеній, которыя въ продолженіе слѣдующихъ трехъ вѣковъ жили совершенно отдѣльною, различною жизнію,

¹⁾ Si baronibus meis placuerit. Chron. comitum Pictaviae, ap. Bouquet, XII, 409.

²⁾ Оно находится въ лѣтописи графовъ Пуату и герцоговъ аквитанскихъ, на которую я сослался въ предыдущемъ примѣчаніи. Подлинность этого завѣщанія, котораго важность для Капетинговъ очевидна, отрицалъ еще Бели (Besly, hist. des comtes de Poitou et des ducs de Guienne, Paris 1647), утверждавшій существованіе другого, нямъ впрочемъ неизвѣстнаго, завѣщанія. Доказательства, приводимыя Бенедиктинцами въ пользу подлинности, очень слабы (Recueil des historiens des Gaules, XII; preface, XXXII — XXXVI). На Сугерія, на другіе лѣтописцы, говорящіе о бракѣ Лудовика VII, не упоминаютъ о писанномъ завѣщаніи. Vita L. G. 62. Chron. Maurinacense, ap. Bouquet, XII, 83. ср. D. Vaissète, Hist. générale du Languedoc, II, 324. Замѣтимъ, что лѣтописцы не согласны между собою на счетъ мѣста смерти герцога Вильгельма. Одни говорятъ, что онъ умеръ на дорогѣ, другіе — въ Кампостеллѣ. Распоряженіе его въ пользу Лудовика очень сомнительно. Проще всего предположеніе, что Лудовикъ VI воспользовался неожиданною смертію Вильгельма и молодостію его дочерей, склонилъ на свою сторону часть бароновъ, и опираясь на феодальное право опеки и на нѣкое завѣщаніе, устроилъ выгодный для капетинговъ бракъ.

³⁾ Это высказано прямо въ Grandes chroniques de France: et porceque la Duchée estoit demorée sanz hoir mâle la tint li Rois en sa main. Bouquet, XII, 198.

⁴⁾ Vita L. G. 62.

былъ великолѣпно отпразднованъ въ Бордо, куда собрались по этому случаю многочисленные вассалы Элеоноры. Но общаго согласія бароновъ, о которомъ, какъ условіи брака, упомянуто въ минимомъ завѣщаніи Вильгельма, не было и не могло быть. Племенные ненависти между сѣверными и южными Французами, мѣстные интересы еще были слишкомъ сильны и не могли подчиниться отвлеченному понятію политическаго единства Франціи. Сугерій прямо говоритъ, что при возвращеніи они принуждены были силою очистить себѣ дорогу въ Пуатье и вели настоящую войну съ врагами ¹⁾. Эти враги были подданные Элеоноры, недовольные ея замужествомъ. Лудовикъ Толстый не дождался прибытія сына. Онъ умеръ 1-го августа 1137 года ²⁾. Его смертію заключается сочиненіе Сугерія, служившее главнымъ источникомъ для нашего разсужденія. Не считаю нужнымъ говорить подробнѣе объ этомъ памятникѣ: его важность и особенное значеніе должны были обнаружиться читателямъ изъ предъидущаго. Похвалы, расточаемыя Сугеріемъ царственному другу, могутъ показаться преувеличенными; слогъ его напыщенъ; о многихъ примѣчательныхъ событіяхъ не упомянуто вовсе или говорится мелькомъ, съ очевидною осторожностію; но «Жизнь Лудовика Толстаго» даетъ ясное понятіе объ общемъ характерѣ тогдашней Франціи и о господствующемъ надъ всѣми другими явленіями, т. е. о первомъ, рѣшительномъ выступленіи монархін на то поприще, на которомъ дотола происходила анархическая борьба вытѣснившихъ ее феодалныхъ властей.

Потеря начатой Сугеріемъ Жизни Лудовика VII оставила значительный пробѣлъ въ бѣдной источниками исторіи этого царствованія. Надобно собирать въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ отрывочныя, часто противорѣчащія одно другому извѣстія. Имя аббата Св. Діонисія рѣдко въ нихъ встрѣчается, хотя присутствіе его въ совѣтѣ молодого короля, привыкшаго съ дѣтства «уважать его какъ руководителя и любить какъ отца» ³⁾ не подлежитъ сомнѣнію. Но ходъ, принятый событіями, показываетъ, что дѣйствительное вліяніе Сугерія на дѣла было далеко не такъ значительно, какъ прежде, и обнаружилось только въ немногихъ случаяхъ. Лудовикъ наследовалъ бле-

¹⁾ Et si qui erant hostes prosternentes. Vita L. G. 62.

²⁾ Id. 63. Art de ver. les dates V, 517.

³⁾ Wilhelmi Vita Sugerii, 103.

стящую храбрость отца, но у него не было вовсе других, болѣе нужныхъ главѣ государства качествъ. Не смотря на природное добродушіе, онъ ознаменовалъ начало своего правленія дѣломъ опрометчивой и бесполезной жестокости, казню гражданъ орлеанскихъ, которыхъ вина заключалась въ томъ, что они просили себѣ общинныхъ учрежденій, возникавшихъ, съ согласія, даже съ одобренія короля, въ другихъ городахъ Франціи ¹⁾. Походъ предпринятый противъ графа тулузскаго, кончился неудачно, къ ущербу королевскаго вліянія въ областяхъ за Луарою. Важнѣе всѣхъ другихъ происшествій, относящихся къ періоду 1137—1144, была распря Лудовика VII съ папою Иннокентіемъ II, нарушившимъ его право самовольнымъ назначеніемъ Петра-ла-Шатра архіепископомъ въ Буржъ. Король, у котораго былъ въ виду другой кандидатъ, протестовалъ и поручился честнымъ словомъ, что не впустилъ Петра въ неправедно полученную имъ епархію ²⁾. Къ этой причинѣ несогласія присоединилась другая: одинъ изъ самыхъ близкихъ Лудовику людей, Рауль графъ Вермандуа, женился на меньшей дочери Вильгельма X аквитанскаго, Алисъ или Петрониѣ, которая принесла ему въ приданое большія лена въ Бургундіи. Съ этою цѣлью Рауль предварительно развелся съ первою женою своею, сестрою Теобальда, графа Шампаніи. Папа, по жалобѣ Теобальда, объявилъ разводъ и новый бракъ Рауля недействительными и отлучилъ его самого отъ церкви. Такая же участь постигла горячо принявшаго его сторону Лудовика. Спорившіе между собою партіи прибѣгли даже къ оружію. Война въ Шампаніи приняла самый жестокой характеръ. Владѣнія Теобальда были разорены огнемъ и мечемъ. Примѣромъ можетъ служить городъ Витри, взятый королемъ лично и сожженный. Между прочимъ сгорѣла соборная церковь и въ ней 1300 искавшихъ убѣжища и спасенія жителей ³⁾. Это зрѣлище произвело глубокое впечатлѣніе на молодого побѣдителя и заставило его подумать о мирѣ. Если бы не молитвы и заслуги благочестивыхъ

¹⁾ Gesta Ludovici VII, ap. Bouquet, XII, 196. Grandes chroniques de France, ibid.

²⁾ Sismondi, Hist. des Français, V, 260.

³⁾ Et in ea mille trecentae animae diversi sexus et aetatis sunt igne consumptae. Super quo rex Ludovicus, misericordia motus, plorasse dicitur. Hist. Francorum, ap. Bouquet, XII, 116. Безымянный лѣтописецъ жилъ въ половинѣ XII вѣка.

мужей, въ ней нѣкогда жившихъ, говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ, Оттонъ фрейзингенскій, Франція погибла бы вслѣдствіе междоусобій, возникшихъ при сынѣ Лудовика Толстаго ¹⁾ Изъ писемъ Св. Бернарда, который не одобрялъ назначеніе Петра ла Шатра архіепископомъ буржскимъ, но ревностно защищалъ друга своего, графа Теобальда, видно, что Сугерій принималъ нѣкоторое участіе въ этихъ событіяхъ и что онъ былъ противникомъ папскихъ притязаній. Отъываясь съ привычною жестокостію о Лудовикѣ VII, не оправдавшемъ его надеждъ ²⁾, аббатъ клервальскій осторожно и почтительно обращается къ Сугерію и предлагаетъ ему и Йоселину, епископу суассонскому, вопросъ: не они ли поддерживаютъ короля въ враждебномъ расположеніи противъ церкви и графа Шампани? «Если все это дѣлается безъ вашего совѣта, странно; еще страннѣе и хуже, если вы подали совѣтъ, ведущій къ новому расколу и порабощенію церкви.... Поступки юнаго государя вѣнчаются въ вину его старымъ совѣтникамъ ³⁾». Въ отвѣтъ на потерянное, къ сожалѣнію, письмо Сугерія, Бернардъ оправдываетъ передъ нимъ рѣзкость своихъ выраженій дошедшими до него слухами и желаніемъ высказать и передать другимъ собственное чувство. «Не думайте, прибавляетъ онъ, что я приписываю вашему совѣту или вашей волѣ бѣдствія, которыя мы оплакиваемъ ⁴⁾». Изъ этихъ словъ можно заключить, что не аббатъ Св. Діонисія пользовался главнымъ вліяніемъ на короля, и что правленіе государствомъ перешло въ другія руки. Иннокентій II не дожидъ до конца этихъ смутъ. Преемникъ его снялъ отлученіе отъ церкви, произнесенное надъ Лудовикомъ, который вслѣдъ за тѣмъ заключилъ въ монастырь Св. Діонисія, при дѣятельномъ посредничествѣ Сугерія ⁵⁾, миръ съ Теобальдомъ.

¹⁾ Ottonis episc. Frisingensis Chron. I. VII, c. 21.

²⁾ Timeo autem ne sine causa laboraverimus in vobis, ep. 219, Bouquet, XV. 587. Dico vobis incipio poenitere super insipientia mea priori quā plus justo adolescentiae vestrae hucusque favi.... raptoribus et praedonibus (sicut dicitur) adhaeretis, juxta illud prophetae: si videbas furem, curebas cum eo et cum adulteris portionem tuam ponebas. Ibid.

³⁾ Epist. 222. Bouquet, XV, 589.

⁴⁾ Illud enim credatis nunquam me male sensisse de vobis: novi enim vos et puritatem vestram. Ep. 381, Bouquet, XV, 591. Впрочемъ, въ томъ же письмѣ Бернардъ совѣтуетъ Сугерію отойти отъ совѣта нечестивыхъ.

⁵⁾ Hunc (т. е. Cyregis).... comes Theobaldus modis omnibus honorabat, hunc apud regem Francorum *advocatum producebat unicum*. Wilh. Vita Sug. 105.

Многочисленные и разнообразные труды, совершенные Сугеріемъ въ первые годы царствованія Лудовита VII показываютъ въ свою очередь, что у него было много свободного времени, и что государственныя дѣла перестали быть его главною заботою. Въ 1140 году онъ приступилъ къ перестройкѣ церкви, посвященной Св. Діонисію. Старая церковь, основанная Дагобертомъ въ VII вѣкѣ, съ пристройками государей каролингской династіи, была мала и ветха. Король Лудовикъ заложилъ первый камень. Черезъ четыре года уже было готово новое, великолѣпное зданіе, свидѣтельствовавшее о богатствахъ монастыря. Работы, подъ личнымъ надзоромъ аббата, производились художниками и ремесленниками, вызванными съ разныхъ концовъ Франціи ¹⁾. Но цѣнность матеріаловъ далеко превосходила достоинство отдѣлки. Количество драгоценныхъ камней и металловъ, употребленныхъ на украшеніе храма, въ самомъ дѣлѣ изумительно ²⁾. Подъ аллегорическими и заимствованными изъ Священнаго писанія изображеніями на окнахъ и стѣнахъ храма Сугерій помѣстилъ надписи въ стихахъ собственнаго сочиненія. Въ образецъ его поэтическаго таланта приводимъ слѣдующее четверостишіе подъ изображеніемъ Апостола Павла, вращающаго мельничный жерновъ, и пророковъ, несущихъ ему мѣшки съ пшеницею:

Tolis agendo molam de fursure, Paule, farinam,

Mosaicae legis intima nota facis.

Fit de tot granis verus sine fursure panis,

Perpetuusque cibus noster et angelicus ³⁾.

Выстроенная Сугеріемъ церковь была предметомъ общаго удивленія въ продолженіе всего XII столѣтія. Во второй половинѣ XIII-го, аббаты Св. Діонисія, Одонъ и Матвѣй, предприняли новыя передѣлки и оставили весьма немного изъ построекъ ихъ знаменитаго предшественника ⁴⁾. Но сверхъ этихъ остатковъ у насъ есть любопытное, самимъ Сугеріемъ составленное описаніе воздвигнутаго имъ храма и принадлежавшихъ монастырю имѣній. Въ 1144 году, черезъ двадцать

¹⁾ Id. 107.

²⁾ Замѣчательно, что въ числѣ перечисленныхъ Сугеріемъ драгоценныхъ камней не встрѣчается алмаза. Его не уцѣли гранить.

³⁾ Sugerii de rebus in administratione sua gestis, ap. Duchesne, IV. 348.

) Hist. litteraire, XII, 398.

два года послѣ смерти аббата Адама, его преемникъ написалъ, по просьбѣ братіи, довольно подробное изложеніе своей дѣятельности въ пользу обители. Сочиненіе это, изданное въ послѣдствіи подъ названіемъ *Sugerii Abbatis St. Dionysii liber de rebus in administratione sua gestis*, состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой содержится опись монастырскихъ имѣній и объясненіе мѣръ, принятыхъ аббатомъ къ ихъ улучшенію. Это весьма замѣчательный статистическій памятникъ, показывающій, что Сугерій былъ, при другихъ дарованіяхъ, отличный администраторъ и хозяинъ. Онъ удвоилъ доходы монастыря и притомъ нашелъ средство облегчить состояніе принадлежавшихъ Св. Діонисію вилановъ. Вторая часть посвящена описанію новопостроенной церкви¹⁾. Къ этой половинѣ приписывается и служить ей дополненіемъ небольшое повѣствованіе объ освященіи храма и перенесеніи въ него мощей Св. Діонисія и его сподвижниковъ, Рустика и Элевтерія (*libellus de consecratione ecclesiae a se edificatae et translatione corporum St. Dionysii ac sociorum ejus*²⁾). Около того же времени было написано главное по объему и содержанію сочиненіе Сугерія «Жизнь Лудовика Толстаго».

Вѣсть о паденіи Эдессы, взятой Мусульманами, вызвала Сугерія снова на театръ политической дѣятельности. Пораженные ужасомъ палестинскіе князья просили помощи у западныхъ народовъ, въ особенности у Французовъ, «ради ихъ дивной храбрости»³⁾. Лудовикъ съ радостію принялъ этотъ призывъ къ подвигамъ, которыми онъ надѣялся смыть съ себя грѣхи, навлекшіе на него церковное проклятіе, и загладить воспоминаніе о кровавомъ событіи въ Витри. Папа Евгений III, бывшій монахъ клервальскій, ученикъ Св. Бернарда, благословилъ напередъ будущихъ воиновъ новаго крестоваго похода. Болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ оживленію охладѣвшаго участія къ судьбѣ Палестины самъ Бернардъ. Никогда слово его не дѣйствовало такъ сильно на умы. Въ мартѣ 1146 года онъ склонилъ большую часть собранныхъ нарочно по этому поводу въ Везель бароновъ французскихъ

¹⁾ Это сочиненіе напечатано въ IV томѣ Дюшена и въ приложеніяхъ къ *Histoire de S. Denys*, par D. Felibien. Въ собраніи Бенедиктинцевъ помѣщена только вторая часть.

²⁾ Duchesne, VI, 350—358.

³⁾ *Ut Francorum mirabilis probitas periculum, quod evenerat, emendaret et futura repelleret*. Chron. Maur. ap. Bouquet XII, 68.

возложить на себя крестъ ¹⁾. Оттуда онъ отправился въ Германію. Проповѣднику предстояло здѣсь трудное дѣло: онъ не зналъ языка своихъ слушателей и долженъ былъ бороться съ равнодушіемъ, которое до тѣхъ поръ нѣмецкій народъ показывалъ къ крестовымъ походамъ. Проповѣдь и успѣхъ Св. Бернарда въ Германіи принадлежать къ числу самыхъ характеристическихъ явленій Среднихъ вѣковъ. Аббатъ клервальскій обращался къ толпамъ собиравшагося вездѣ вокругъ него народа съ французской или латинской рѣчью ²⁾. Но предшествовавшая ему слава, молва о чудесахъ, совершенныхъ имъ на пути, вдохновенное выраженіе прозрачно блѣднаго, утратившаго способность отражать внѣшнія впечатлѣнія лица, наконецъ вся наружность, въ которой было такъ мало земной жизни ³⁾, сильнѣе всякихъ словъ дѣйствовали на воспріимчивое воображеніе массъ. Слушая эти чуждые имъ звуки, Нѣмцы восклицали, ударяя себя въ грудь: *Christus uns genade!* и произносили обѣтъ священной войны ⁴⁾. Долге всѣхъ упорствовалъ король, Конрадъ III Гогенштауфенъ. Наконецъ настала и его очередь: онъ не устоялъ и принялъ крестъ вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, знаменитымъ Фридрихомъ Барбароссомъ. Въ началѣ 1147 года Бернардъ уже участвовалъ въ совѣтѣ, который Лудовикъ VII держалъ съ своими прелатами и баронами въ Этампѣ. Дѣло шло между прочимъ о мѣрахъ, которыя надлежало принять для охраненія порядка и управленія государствомъ въ отсутствіи короля. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, трудно было найти людей, которыми бы можно было безъ опасенія ввѣрить на нѣсколько лѣтъ коро-

¹⁾ Подробное, на глубокое изученіе источниковъ изложеніе событій относящихся къ исторіи второго крестоваго похода у Вильмена, *Gesch. der Kreuzzüge*, III, 1.

²⁾ Замѣтимъ, впрочемъ, что духовенство знало латинскій языкъ, и что французскій уже тогда былъ въ ходу между высшими свѣтскими сословіями. Въ началѣ XII вѣка богатые родители посылали нѣ въ Германію дѣтей своихъ для изученія языка во Францію. *Guiberti de Novigento de vita sua ap. Bouquet*, XII, 246. Въ слѣдующемъ столѣтіи учитель Дента, Итальянецъ Бруно Латини писалъ по французски, потому что находилъ этотъ языкъ: *plus delitable et plus commune a toutes gens*.

³⁾ *Corpus omne tenuissimum et sine carnibus erat; ipsa quoque subtilissima cutis in genis modice rubens. In illo nimirum quicquid calorіs inerat naturalis, assidua meditatio et studium compunctionis attraxerat. Gaufredi Vita Bernardi*; у Вильмена, III, 1, 19. *Guizot*, X, 330. *Corpus tenue et paene praemortuum*, говорятъ Оттонъ дѣальскій; *Wilken*, III, 1, 43.

⁴⁾ *Gaufredi Vita Bernardi*, *Guizot*, X, 330. *Wilken*, III, 1, 67.

левскую власть. Выборъ прелатовъ и бароновъ палъ на Сугерія и графа Вильгельма неверскаго. Аббатъ клервальскій указалъ на нихъ, говоря: вотъ два меча ¹⁾. Но графъ Вильгельмъ отказался отъ опасной и тяжелой чести, подъ предлогомъ даннаго имъ прежде обѣщанія вступить въ картезіанскій монастырь; остался одинъ Сугерій, который долженъ былъ уступить настоятельнымъ просьбамъ короля и приказаніямъ прибывшаго во Францію папы Евгенія ²⁾. Для облегченія трудовъ ему были даны въ помощники Самсонъ, архіепископъ реймскій, и Рауль (Радульфъ), графъ Вермандуа ³⁾. Впрочемъ, имъ достались только второстепенныя роли исполнителей. Самсонъ жилъ въ своей епархіи, Рауль—въ Перонѣ, столицѣ своего графства. На одномъ Сугеріи лежала вся тяжесть государственнаго управленія. Онъ одинъ несъ предъ Людовикомъ и общимъ мнѣніемъ отвѣтственность за все, происходившее во Франціи въ промежуткѣ отъ 1147 до 1149 года ⁴⁾.

Засвидѣтельствованное современниками вліяніе Св. Бернарда на назначеніе Сугерія правителемъ королевства тѣмъ замѣчательнѣе, что, по поводу крестоваго похода, обнаружилась еще разъ глубокая противоположность ихъ понятій и мнѣній. Сугерій явился противникомъ предпріятія, которое онъ разсматривалъ съ точки зрѣнія государственнаго мужа. «Не должно думать, говоритъ его современный биографъ, монахъ Вильгельмъ, что король предпринялъ по его настоянію или совѣту свое путешествіе въ Святую землю. Людовикъ принялъ это намѣреніе, котораго успѣхъ далеко не соответствовалъ его ожиданіямъ, вслѣдствіе собственнаго благочестиваго рвенія и усердія къ Богу. Проницательный, предвидѣвшій грядущее Сугерій не только не внушалъ королю ничего подобнаго, но даже не далъ своего одобренія

¹⁾ *Ecce gladii duo hic. Satis est. Odo de Digilo ap. Bouquet, XII, 93.* Исторія крестоваго похода Людовика VII, написанная Одономъ дельскаго, напечатана только въ рѣдкомъ сочиненіи Шисла (*Chiffetii S. Bernardi Claraeval. genus illustre assertum, 1660*) У Бенедиктинцевъ напечатаны самыя незначительныя отрывки. Вотъ почему я иногда долженъ ссылаться на полный французскій переводъ Гизо, *Coll. des mém. XXIV.*

²⁾ *Wilhelmi Vita Sugerii, 108.*

³⁾ *Odo de Digilo, ap. Bouquet, XII, 94.*

⁴⁾ Это ясно изъ событій и изъ свидѣтельств Одона дельскаго и монаха Вильгельма. Первый говоритъ, по поводу отреченія графа неверскаго, обращаясь къ Сугерію: *imponitur tandem tibi soli onus amborum, quod inconcussa pace tulisti.* Bouquet, XII, 93.

предпріятію, когда услышалъ объ немъ. Послѣ безполезныхъ усилій отвратить зло въ самомъ началѣ, не имѣя возможности умѣрить рвеніе короля, онъ разсудилъ уступить времени, дабы не оскорбить благочестіе государя и не навлечь на себя отвѣтственности въ будущемъ ¹⁾. Опасенія Сугерія были справедливы. Второй крестовый походъ дорого стоилъ Франціи. Цвѣтъ ея народонаселенія отправился въ Палестину. Св. Бернардъ писалъ къ папѣ Евгенію, что проповѣдь его имѣла полный успѣхъ, что во многихъ мѣстахъ на семь женщинъ остался одинъ мужчина ²⁾. Сверхъ того надобно было обложить всѣ сословія тяжкими налогами для покрытія издержекъ продолжительнаго пути. Благочестивая цѣль не оправдала предъ современниками жестокихъ средствъ. Ропотъ былъ всеобщій ³⁾. Даже духовенство не скрывало своего негодованія, тѣмъ болѣе, что ему стоило большихъ денегъ пребываніе во Франціи папы ⁴⁾. Монастырскія лѣтописи и письма духовныхъ лицъ наполнены жалобами на притѣсненія со стороны властей и на расхищеніе церковной собственности. Озлобленные каноники Св. Женевьевы избивали папскихъ служителей, въ присутствіи совершавшаго божественную службу Евгенія и короля. Послѣдній подвергся даже личнымъ оскорбленіямъ, стараясь возстановить тишину въ храмѣ ⁵⁾.

Французскіе лѣтописцы, занятые исключительно судьбою престо-
ваго воннства, не говорятъ вовсе о томъ, что происходило во Франціи
во время Сугеріева управленія. Только у біографа его читаемъ слѣ-
дующее: «тотчасъ по отбытіи короля и принятіи власти знаменитыхъ
мужемъ Сугеріемъ, хищники, полагавшіе найти въ отсутствіи госу-
даря свободу для беззаконій, стали являться на разныхъ концахъ
государства и обнаруживать давно задуманные, преступные замыслы.

¹⁾ Willh. Vita Sugerii, 108.

²⁾ Vacuantur urbes et castella et paene jam non inveniunt quem apprehendant septem mulieres virum unum (Исай IV, 1); adeo ubique viduae vivis remanent viris. Ep. 247.

³⁾ Per totam Galliam fit exactio generalis, nec sexus, vel ordo, aut dignitas quempiam excusavit, quin auxillium regi conferret. Unde factum est, ut ejus peregrinatio multis imprecationibus persequeretur. Mathaeus Paris ad an. 1146.

⁴⁾ Gallicanae multum ex hoc gravatae sunt ecclesiae, говорятъ по поводу пребыванія папы Chron. Mauriniacense, 88.

⁵⁾ Bouquet, XIV, 475. въ примѣчаніяхъ.

Одни дѣйствовали открыто и силою отбирали достояніе церкви и бѣдныхъ, другіе грабили не такъ явно. Новый вождь немедленно вооружился противъ нихъ двойственнымъ, вещественнымъ и духовнымъ, царственнымъ и церковнымъ мечемъ, который былъ ему, по волѣ божіей, врученъ верховнымъ первосвященникомъ. Въ короткое время онъ подавилъ дерзкія начинанія противниковъ и смѣлою рукою обратилъ въ ничто всѣ ихъ козни. Благоволеніе Господа сопровождало его всюду, такъ что онъ одержалъ безкровную побѣду надъ врагами, и государство въ составѣ своемъ не потерпѣло никакого ущерба. Такимъ образомъ мужъ добра, левъ извнѣ, но агнецъ сердцемъ, подъ руководствомъ самого Христа, велъ мирнымъ оружіемъ войну. Жители отдаленныхъ областей королевства, Лимузина, Берри, Пуату и Гасконіи, въ нуждахъ своихъ прибѣгали къ нему за пособіемъ. Онъ помогалъ имъ иногда дѣломъ, иногда совѣтомъ, не менѣе самого короля. Подобно доброму отцу семейства, онъ увеличилъ данное ему на сбереженіе добро, возстановилъ царскія жилища, развалившіяся стѣны и башни. Нѣтъ дворца или другаго королевскаго зданія, которое не было бы хотя частію исправлено имъ къ возвращенію Лудовика. Дабы государство въ отсутствіи государя не утратило что либо изъ своей чести, войнамъ производилась обычная плата, и въ извѣстные дни имъ выдавались одежды или другіе дары. Достоверно, что большую часть этихъ издержекъ Сугерій великодушно принималъ на себя, не прибѣгая къ королевской казнѣ, или къ народу. Всѣ деньги, поступавшія въ казну, онъ отправлялъ къ царственному страннику, или откладывалъ до его возвращенія.... Церковныя почести и знанія раздавались и отнимались по его приговору. Съ его согласія посвящались избранные епископы, ставились аббаты. Епископы повиновались ему и слушали его безъ зависти и безъ стыда. Они собирались и расходились по его слову, радуясь, что къ духовенству принадлежалъ такой мужъ, одинъ изъ всѣхъ несшій всю тяжесть государственныхъ заботъ. Самъ верховный первосвященникъ до того почиталъ его доблесть и благоразуміе, что все имъ рѣшенное въ Галліи утверждалось въ Римѣ.... Папа Евгенийъ писалъ къ нему самымъ дружескимъ образомъ, часто подкрѣплялъ его своими увѣщаніями, но никогда не принималъ повелительнаго тона, а—не хочу таить истинны—смирненно просилъ ¹⁾»....

¹⁾ *Wilhelmi Vita Sugerii*, 108, 109.

Изъ этихъ немногимъ словамъ монаха Вильгельма, автора панегирика, известнаго подъ именемъ жизнеописанія аббата Сугерія, мы къ сожалѣнію не можемъ почти ничего прибавить изъ другихъ источниковъ. Важнымъ пособіемъ могла бы служить переписка Сугерія, если бы она сохранилась въ цѣлости. Но изъ напечатанныхъ Дюшеномъ 164 писемъ этой переписки, только 16 принадлежатъ самому Сугерію, другія писаны къ нему; въ XV томѣ начатаго Бенедиктинцами собранія Памятниковъ французской исторіи находится, сверхъ изданныхъ Дюшеномъ, еще шесть писемъ аббата Св. Діонисія. Всѣ 22 письма относятся къ послѣднимъ шести годамъ его жизни. Написанныя имъ прежде, въ теченіе почти сорокалѣтней дѣятельности, поцѣбли. Они безъ сомнѣнія были значительныѣе уцѣлѣвшихъ, изъ которыхъ немногія имѣютъ настоящее историческое достоинство. Положеніе, которое занималъ аббатъ Св. Діонисія, заставляло современниковъ обращаться къ нему съ просьбами всякаго рода; такъ напримѣръ три письма отъ трехъ различныхъ лицъ, епископа оксерскаго, аббата везелейскаго и графа неверскаго, заключаютъ въ себѣ одну и ту же просьбу о покровительствѣ семейству какого-то медика Роберта ¹⁾). Большею частью дѣло идетъ о спорахъ, возникавшихъ между духовными лицами, о замѣщеніи церковныхъ должностей и т. д. Мы постараемся собрать разсѣянные въ этой перепискѣ извѣстія, болѣе для того чтобы окончательно опредѣлить вліяніе и характеръ Сугерія, чѣмъ для пополненія скудныхъ свѣдѣній о состояніи Франціи подъ его управленіемъ.

Финансовое управленіе въ государствахъ Среднихъ вѣковъ было довольно просто. Оно основывалось не на политико-экономическихъ теоріяхъ и сложныхъ соображеніяхъ, а на простыхъ началахъ частнаго хозяйства. Источники доходовъ были не многочисленны. Обзорѣть ихъ вполне было легко, но за то трудно было ихъ поддерживать при шаткихъ отношеніяхъ общества, въ которомъ преобладало право сильнаго. Мы видѣли услуги, оказанныя Сугеріемъ монастырю Св. Діонисія, котораго доходы онъ болѣе чѣмъ удвоилъ. Тѣ же самыя экономическія понятія и съ тою же дѣятельностью, съ такою же разчетливостью приложилъ онъ къ государственному хозяйству. Огромныхъ суммъ, взытыхъ съ собою Лудовикомъ VII, едва достало на продовольствіе его войска въ Германіи. Съ венгерской границы король писалъ къ своему

¹⁾ Bouquet, XV, 485.

наѣстнику и просилъ его о скорой высылкѣ денегъ ¹⁾. Почти все остальные письма Лудовика, отправленные имъ на пути и во время пребыванія въ Палестинѣ, того же содержанія. Сугерій не только удовлетворялъ этимъ безпрестанно повторявшимся требованіямъ, но даже находилъ возможность откладывать деньги въ возвращенію короля. Не разъ приходилось ему прибѣгать къ средствамъ своего монастыря, для покрытія издержекъ крестоваго похода и внутренняго управленія. Ему суждено было заключить долгое служеніе свое монархическимъ идеямъ — послѣднимъ великимъ дѣломъ въ пользу капетингской династїи, т. е. сохраненіемъ въ ней правильнаго престолонаслѣдія. Возвратившійся изъ Палестины, весной 1149 года, Робертъ, второй сынъ Лудовика Толстаго, сталъ во главѣ партіи, замышлявшей посадить его на престолъ Лудовика VII ²⁾. До насъ дошли имена главныхъ зачинщиковъ: канцлера Кадурка, Ротрока, графа першскаго и Алисы бургундской ³⁾. Сверхъ этихъ особъ, многія лица изъ высшаго духовенства и изъ рыцарства поддерживали Роберта въ его честолюбивыхъ наѣреніяхъ. Есть даже причины думать, что меньшей братъ Лудовика, Генрихъ, епископъ города Бове, и Радульфо Вермандуа, который, несмотря на навлеченное имъ на себя отлученіе отъ церкви, былъ назначенъ соправителемъ Сугерія, знали о заговорѣ и сносились съ врагами короля ⁴⁾. Печальныя вѣсти изъ Палестины о гибели французскихъ крестоносцевъ много вредили Лудовику VII: народъ ропталъ на него и на Св. Бернарда, какъ на виновниковъ предпріятія, такъ страшно кончившагося, и толпами собирался около Роберта, желая

¹⁾ Bouquet, XV, 487.

²⁾ Робертъ оставилъ Сирію, поссорившись съ братомъ. Носились слухи, что онъ участвовалъ въ вознѣхъ Византійцевъ противъ крестоносцевъ: *sicut adversus castra Dei dolositatem fertur irritasse Graecorum*. Wilh. Vita Sugerii, 109.

³⁾ Bouquet, XV, 513, примѣчаніе а.

⁴⁾ Wilh. Vita Sugerii, 109. Генрихъ враждовалъ въ это время съ Сугеріемъ. Касательно Радульфо см. письмо Кадурка къ Ротроку першскому, ap. Bouquet, XV, 512, и слѣдующее за тѣмъ письмо Сугерія къ Радульфо. Ib. 513. Повелительный тонъ Сугерія заслуживаетъ вниманія. *Quod per praesentem nuntium vos ipsis praecipere scribendo volumus, nametъ ab. Св. Діонисіа графу Вермандуа. Генриху и гражданамъ города Бове онъ угрожаетъ строгимъ наказаніемъ за непокорность королю. Videte, videte, viri discreti, ne et alia vice rescribatur quod semel inventum est in marmorea columna hujus civitatis ore imperatoris dictum: villam Pontium refici jubemus. Villa pontium древнее названіе Бове. Впрочемъ письмо это относится, кажется, къ 1150 году.*

ему долгихъ лѣтъ и верховной власти ¹⁾). Можно смѣло сказать, что одно личное вліяніе Сугерія на современниковъ, общее довѣріе къ нему, его связи съ вождями феодальной аристократіи и мѣсто, которое онъ занималъ въ духовенствѣ, отвратили отъ Франціи угрожавшій ей переворотъ. Великіе вассалы, между которыми онъ давно игралъ роль посредника и миротворца, изъявили при этомъ случаѣ готовность защищать законнаго государя. Несмотря на войну, которая шла между ними за королевство англійское и герцогство норманское, графъ Готфридъ анжуйскій и Стефанъ булонскій вели оба дружескую переписку съ аббатомъ Св. Діонисія и оказывали ему глубокое уваженіе. Готфридъ ставилъ его нѣмъ выше своего собственнаго въ грамотахъ и письмахъ и говорилъ открыто, что готовъ служить ему болѣе чѣмъ самому королю ²⁾). Дитрихъ фландрскій увѣдомилъ Сугерія о проискахъ Роберта и предложилъ ему помощь всякаго рода ³⁾). Папа Евгеній обратился къ французскому духовенству, съ предписаніемъ подвергнуть церковному отлученію всѣхъ противниковъ королевскаго намѣстника ⁴⁾). Св. Бернардъ подкрѣплялъ Сугерія своими совѣтами и — потрясеннымъ впрочемъ неудачею крестоваго похода — вліяніемъ на общественное мнѣніе. Мы знаемъ, что аббатъ клервальскій не отличался мягкостію языка и не лѣстилъ никому. Это испыталъ на себѣ папа Евгеній III, котораго онъ называлъ *homuncio rusticanus* ⁵⁾).

¹⁾ *Quidam statim populares, qui ad nova facile concitantur, coeperunt occurrere, vitamque illi cum imperio imprecari.* Wilh. Vita Sugerii, 109

²⁾ *Certissime habebitis me paratum ad omnia quae volueritis ad servitium regis et diligentius quam si praesens adesset.* Gaufridi comit. andegavensis epist. ad Sugerium, ap. Bouquet, XV, 494. Стефанъ изъявляетъ Сугерію признательность за услуги ему оказанныя и обѣщаетъ хранить и защищать помѣстья Св. Діонисія отъ всякихъ нападеній. Stephani reg. ep. ad Sugerium, Bouquet, XV, 520.

³⁾ *Ib.* 512.

⁴⁾ Письма, въ которыхъ аб. Св. Діонисія излагалъ папѣ трудности своего положенія и просилъ его помощи, не дошли до насъ. Папа утѣшаетъ его: *Litteras quas nobis misisti debita benignitate recepimus et super adversitatibus et angustis quas te pati significasti paterno tibi affectu compatimur...* Confortare igitur, carissime filii, et viriliter age.... Sicut ex litteris quas fratribus nostris archiepiscopis et episcopis mittimus perpendere poteris, illos, qui pacem regni perturbant, nisi resipuerint, excommunicari mandavimus. Bouquet, XV, 454. Ср. грамоту Евгенія къ фран. епископамъ отъ того же числа (8 іюля, 1149). *Ibid.*

⁵⁾ *Ep.* 237.

Упрекая Евгенія въ слабости, онъ говоритъ: не тебя, а меня считаютъ всѣ паномъ. Въ письмахъ Бернарда къ Сугерію не встрѣчаемъ такихъ выраженій. Онъ обращается къ аббату Св. Діонисія съ очевидною любовью и почтеніемъ, какъ къ настоящему главѣ государства: *quia princeps maximus estis in regno* ¹⁾. Въ письмѣ къ папѣ онъ отзывался о Сугеріи, какъ о второмъ Давидѣ, какъ о драгоценномъ сосудѣ, украшающемъ равно храмъ божій и царскій чертогъ. Въ дѣлахъ мірскихъ онъ вѣренъ и мудръ, въ духовныхъ усерденъ и исполненъ смиренія и — что весьма трудно — безукоризненъ въ тѣхъ и другихъ ²⁾. Опираясь на такихъ помощниковъ, намѣстникъ Лудовика VII взялъ верхъ надъ своими противниками. Неизвѣстно, что происходило въ собраніи созванныхъ имъ по этому случаю духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ ³⁾, но изъ словъ монаха Вильгельма можно заключить, что Робертъ, вслѣдствіе принятыхъ противъ него мѣръ, не только долженъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ, но даже подвергся наказанію, или по крайней мѣрѣ обнаружилъ явное раскаяніе ⁴⁾. Силы Сугерія слабли подъ бременемъ непрерывныхъ и разнообразныхъ заботъ. *Senex erat, sed in his magis consensui* писалъ онъ къ королю, умоляя его ускорить возвращеніе. «Нарушители общественнаго спокойствія возвратились, а ты, какъ узникъ, пребываешь въ изгнаніи, предаешь волку овцу, которую обѣщалъ защищать, уступаешь государство хищникамъ. Во имя взаимной вѣрности, соединяющей государя съ подданными, молимъ величіе твое, заклинаямъ благочестіе, убѣждаемъ протость твою, не откладывая своего отъѣзда далѣе празд-

¹⁾ Ep. 376, ap. Bouquet, XV, 612. Письмо это написано по поводу поединка, который готовился между Робертомъ, братомъ Лудовика VII, и Генрихомъ, сыномъ Теобальда графа Шампаніи. Бернардъ проситъ Сугерія употребить свою власть для отращенія этого единоборства и называетъ турниры проклятыми торшнями (*maledictas nundinas*).

²⁾ Ep. 309, ap. Bouquet, XV, 596.

³⁾ Мы знаемъ объ этомъ сѣздѣ, происходившемъ въ Суассонѣ, только по письму Сугерія къ Самсону рейссону и отвѣту послѣдняго. Bouquet, XV, 511, 512. Св. Бернардъ одобрялъ намѣреніе Сугерія созвать прелатовъ и бароновъ: *ut sciant omnes qui habitant terram, quia remansit et regno et regi amicus dulcis, consiliarius prudens, adjutor fortis*. Ep. 377. Id. 613.

⁴⁾ *Non prius ejus conatibus distitit obviare, donec omnem illius tumorem prudenter compressit et ad condignam satisfactionem eum compulit*. 109. Cp. S-ti Bernardi ep. 304, ap. Bouquet, XV, 623. Робертъ общалъ Св. Бернарду исправиться.

ника Пасхи, да не явишься предъ Господомъ нарушителемъ данныхъ тобою при вѣнчаніи тебя на царство обѣтовъ. Мы же ждемъ васъ, какъ ангела божія, и приготавлиаемъ все нужное.... Деньги, которыя мы собирались выслать вамъ, вручены, по вашему распоряженію, рыцарямъ храма. Графъ Радульсъ получилъ также сполна занятые вами у него 3000 ливровъ, за исключеніемъ двухсотъ. Земли и подданные ваши, милостію Господнею, въ мирѣ благоденствуютъ. Въ надеждѣ на ваше возвращеніе, мы сберегли судебныя пени, поголовныя и поземельныя подати, взысканныя при передачѣ лентъ суммы и собранныя въ вашихъ помѣстьяхъ съѣстные припасы. Дома и дворцы ваши сохранены въ цѣлости, и гдѣ нужно, исправлены. Недостаетъ только господина. Я уже былъ старъ, но въ этихъ трудахъ, поднятыхъ мною не ради прибыли какой нибудь, а единственно изъ любви къ Богу и къ вамъ, окончательно состарѣлся. Касательно королевы, супруги вашей, осмѣливаемся совѣтовать вамъ слѣдующее: не обнаруживайте вашего негодованія противъ нея — если такое чувство есть въ душѣ вашей — до возвращенія на родину. Тогда можно будетъ заняться этимъ и другими дѣлами ¹⁾). Последнія строки очень важны. Онѣ показываютъ, что Сугерій, знавшій о ссорахъ Лудовика съ Элеонорою, боялся явнаго разрыва и старался предупредить несчастный для Франціи разводъ. Это подтверждается свидѣтельствомъ Вильгельма, который приписываетъ потерю Аквитаніи, составлявшей приданое Элеоноры, смерти Сугерія ²⁾). Св. Бернардъ былъ другого мнѣнія. Еще въ 1143 году онъ строго осуждалъ короля Лудовика за бракъ, заключенный имъ вслѣдствіе политическихъ расчетовъ съ родственницею ³⁾), хотя родство было самое дальнее, а выгоды значительны. Но клервальскій аббатъ равнодушно глядѣлъ на соединеніе сѣверной Франціи съ южною; его тревожило нарушеніе каноническаго права, а не новое раздробленіе государства. Несогласія, которыя начались между супругами въ Палестинѣ, подали ему случай снова выѣзжать въ это дѣло и рѣшить его сообразно съ своимъ убѣжденіемъ. По совѣту Бернарда, аббата клервальскаго, король Лудовикъ развелся съ

¹⁾ Bouquet, XV, 509.

²⁾ Quo (Sugerio) sublato de medio statim sceptrum regni gravem ex illius absentia sensit jacturam; ut pote quod non minima sui portione Aquitaniae videlicet ducatu, deficiente consilio, noscitur mutilatum. 104.

³⁾ Ep. 244, ap. Bouquet, XV, 591.

супругою своею Элеонорою», говоритъ древній памятникъ, приведенный г. Мартеномъ ¹⁾.

Озлобленные его успѣхами, завистники Сугерія распускали о немъ разные слухи и старались очернить его въ глазахъ короля. Вильгельмъ неясно упоминаетъ объ ихъ обвиненіяхъ, смутившихъ на время «простую душу» Лудовика VII ²⁾. Мы не знаемъ даже, въ чемъ заключались эти обвиненія. Впрочемъ недоразумѣніе продолжалось недолго. На возвратномъ пути во Францію, король посѣтилъ папу Евгенія, который обличилъ предъ нимъ злобу клеветниковъ и показалъ ему въ настоящемъ видѣ заслуги его намістника ³⁾. Съ возвращеніемъ Лудовика въ отечество (осенью 1149 года) оканчивается собственно политическая дѣятельность Сугерія. Изъ переписки его видно, что онъ не устранился рѣшительно отъ участія въ дѣлахъ, и что совѣты его принимались съ уваженіемъ и покорностію людьми, смѣнившими его въ управленіи государствомъ; но онъ самъ считалъ свой гражданскій подвигъ совершеннымъ и готовился къ другому. Его біографъ сообщаетъ много подробностей о почестяхъ, которыя оказывались аббату Св. Діонисія въ послѣдніе годы его жизни. «Я видѣлъ, говоритъ онъ, какъ король и главныя сановники государства почтительно стояли предъ великимъ мужемъ, сидѣвшимъ на скамьѣ и учававшимъ ихъ ⁴⁾». Въ собраніяхъ французскаго духовенства прелаты вставали при его входѣ и уступали ему первое мѣсто и первый голосъ ⁵⁾. Даже за предѣлами Франціи, называвшей его отцемъ отечества, разнеслась его слава. Знаменитый Рожеръ II сицилійскій выѣхалъ ему на встрѣчу, получивъ ложное извѣстіе объ его прибытіи въ южную Италію; писалъ къ нему, по «долгу дружбы», объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ своихъ и просилъ не оставить отвѣтомъ ⁶⁾. Давидъ, король шотландскій, прислалъ ему письмо и богатые дары, въ томъ числѣ огромный зубъ какого-то морскаго чудовища ⁷⁾. Мы видѣли выше

¹⁾ Voyage littéraire, II, 83. Д. Мартенъ ссылается на Auctarium aquicinctinum, котораго первая часть теперь потеряна.

²⁾ Quaedam de illo regis suggesta sunt auribus. 109.

³⁾ Съ дороги Лудовикъ просилъ Сугерія выѣхать къ нему втайнѣ и прежде другихъ на встрѣчу, дабы объявить ему состояние государства и «наставить какъ вести себя по прибытіи». Bouquet, XV, 518.

⁴⁾ Wilh. Vita Sugerii, 105.

⁵⁾ Huic advenienti assurgebant praesules et inter eos primus residebat. Ib. 103

⁶⁾ Bouquet, XV, 495.

⁷⁾ Wilh. Vita Sugerii, 105.

его отношенія къ обонимъ искателямъ англійскаго престола по смерти Генриха I, который также дорожилъ его дружбою ¹⁾. Но ни лѣта, ни совершенные труды, ни почести, бывшія за нихъ наградою, не охладили въ немъ внутренней дѣятельности. Онъ собирался продолжать историческое сочиненіе свое о «Жизни Лудовика Толстаго» и прибавить къ нему исторію первыхъ годовъ царствованія Лудовика VII. Дошедшія до насъ «*Historia Ludovici VII* и «*Gesta Ludovici VII*» очевидно принадлежать не ему, хотя составлены, вѣроятно, при пособіи собранныхъ имъ матеріаловъ или замѣтокъ. Спутникъ Лудовика въ крестовомъ походѣ, Одонъ дѣльскій, монахъ Св. Діонисія, посвятилъ своему аббату написанную имъ исторію этого похода. «Вы описали исторію отца, говоритъ Одонъ въ своемъ посвященіи, вамъ по праву подобаешь рассказать жизнь сына. Вы знали его съ дѣтства короче, чѣмъ кто другой, ибо вы были ему воспитателемъ и кормильцемъ. Чтò касается до меня, то несмотря на слабость силъ моихъ, я приступаю къ изложенію событій, происходившихъ во время странствованія ко гробу Господню, ибо я былъ свидѣтелемъ этихъ событій, находясь утромъ и вечеромъ при особѣ короля, котораго сопровождалъ въ качествѣ капеллана. Вы украсите мой рассказъ вашимъ краснорѣчіемъ ²⁾». Трудъ Одона долженъ былъ, слѣдовательно, служить только матеріаломъ для жизни Лудовика VII, которую намѣревался писать Сугерій. Онъ не успѣлъ исполнить этого предпріятія, хотя по словамъ Вильгельма написалъ начало ³⁾. Оно по всей вѣроятности служило пособіемъ сочинителямъ «Исторіи» и «Дѣяній Лудовика VII». Впрочемъ достоинство этихъ произведеній, которыя нѣкогда приписывались Сугерію, хотя въ нихъ обонихъ говорится о происшествіяхъ случившихся послѣ его смерти, очень не велико. «Дѣянія Лудовика VII» вошли, равно какъ и «Жизнь Лудовика Толстаго», въ составъ общей французской лѣтописи (*Grandes chroniques de France*), которую вели монахи Св. Діонисія ⁴⁾.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Guizot, Collect. des mém XIII, 280.

³⁾ Ipse etiam regis Ludovici splendido sermone gesta descripsit ejusque filii itidem Ludovici scribere quidem coepit; sed morte praeventus, ad finem opus non perduxit. 106.

⁴⁾ Многие приписываютъ Сугерію самое происхожденіе этихъ лѣтописей, представляющихъ полную исторію Франціи въ теченіе Среднихъ вѣковъ. Но это нѣтъ вѣ-

Государственные дѣла и ученые труды уже не обращали на себя исключительнаго вниманія Сугерія. Мы сказали выше, что онъ готовился къ инымъ подвигамъ. Смѣлый противникъ крестоваго похода въ эпоху всеобщаго восторга и надеждъ, возбужденныхъ проповѣдью Св. Бернарда, хотѣлъ посвятить освобожденію Палестины остатки силъ и жизни ¹⁾. Гибель нѣмецкихъ и французскихъ престолосцевъ въ Малой Азій, раздоры и несчастія сирійскихъ христіанъ родили въ немъ глубокое чувство скорби. Онъ рѣшился на дѣло, отъ котораго нѣкогда отказался клервальскій аббатъ ²⁾, т. е. на личное участіе въ войнѣ съ невѣрными. Есть что-то поэтическое въ этомъ рѣшеніи семидесятилѣтняго старца, который на закатѣ жизни, проведенной въ строгомъ служеніи гражданскому обществу, въ борьбѣ съ формами и идеями Средняго вѣка, препоясавшись мечомъ и ставъ ратникомъ самой величавой изъ этихъ идей. Сугерій не хотѣлъ вовлечь Францію въ свое предпріятіе, подвергать ее новымъ утратамъ. Онъ требовалъ содѣйствія и помощи только отъ духовенства и встрѣтилъ именно съ этой стороны рѣшительное равнодушіе ³⁾. Самъ пана, пораженный развязкою втораго крестоваго похода, недоувѣрчиво смотрѣлъ на его приготовленія ⁴⁾, въ которыхъ выказались богатства монастыря Св. Діонисія. Сверхъ денегъ, необходимыхъ для содержанія войска, съ которыми онъ собирался выступить въ путь, Сугерій отправилъ большія суммы храмовымъ рыцарямъ въ Палестину. Но дни его были сочтены. Послѣ поѣздки ко гробу Св. Мартина Турскаго, онъ заболѣлъ и началъ готовиться къ смерти. Собранныя имъ къ крестовому походу сокровища онъ вѣрилъ вѣрному рыцарю (Вильгельмъ не называетъ его по имени) и поручилъ ему употребить ихъ для тойже цѣли ⁵⁾. Въ послѣднихъ, незадолго до кончины писанныхъ письмахъ его замѣтно

дается въ доказательствахъ. Обычай записывать современныя событія начинается въ монастырѣ Св. Діонисія не съ Сугерія, а гораздо прежде; окончательную форму получили лѣтописи Св. Діонисія послѣ него. Но вѣроятно его слава заставила приписать ему одно дѣло, въ которомъ участвовали его предшественники и преемники.

¹⁾ Wilh. Vita Sugerii, 1110. Wilken, III, 1. 276.

²⁾ Цѣлю икона, писалъ онъ (ер. 499), долженъ быть не земной, а небесный Герусалимъ, тѣмъ, къ которому ведутъ не ноги, а сердце.

³⁾ Wilh. Vita Sugerii, 110.

⁴⁾ Wilken, III, 1. 279.

⁵⁾ Подробности о болѣзни и кончинѣ Сугерія у Вильгельма, 110, 111.

горячее желаніе видѣть близкихъ ему людей, въ томъ числѣ Бернарда клервальскаго. «Я бы спокойнѣе умеръ, если бы мнѣ привелось еще разъ увидѣть ангельскій ликъ вашъ», пишетъ ему Сугерій ¹⁾. Прощальное письмо къ Лудовику онъ заключаетъ словами: «любите перковь Божию, сиротъ и вдовъ, и Богъ поможетъ вамъ устоять противъ видимыхъ и невидимыхъ силъ, противъ всѣхъ козней вашихъ многочисленныхъ враговъ. Вотъ мой совѣтъ. Берегите письмо мое, ибо меня болѣе не сбережете, и старайтесь исполнить сказанное въ немъ ²⁾». Сугерій умеръ 13 января 1152 года.

Между его современниками были люди, оставившіе по себѣ болѣе громкую славу. Клервальскій аббатъ, Абелардъ, другіе заслонили собою скромный образъ Гелинандова сына. Но они сдѣлали не болѣе его, хотя ихъ дѣятельность была виднѣе и блистательнѣе. Сугерій заложилъ во Франціи первый камень новаго государственнаго порядка. Не трудно прослѣдить связь, соединяющую его съ одной стороны съ Лудовикомъ Святымъ, съ другой — съ тѣми смѣлыми и жестокими юристами, которые играютъ такую великую и трагическую роль при дворѣ французскихъ королей съ конца XIII вѣка. Съ Лудовикомъ Святымъ у него было общее глубокое чувство права, требованіе нравственныхъ основаній для общества; съ юристами онъ раздѣляетъ потребность строгаго, противоположнаго средневѣковой анархіи порядка, убѣжденіе въ необходимости подчинить всѣ отдѣльные интересы государственному благу. Подобно имъ, онъ боролся съ феодализмомъ и съ возникавшею въ его время общиною, хотя не питалъ къ этимъ формамъ такой ненависти, не считалъ себя въ правѣ употреблять противъ нихъ тѣ средства, какими дѣйствовали юристы, засудившіе Средній вѣкъ, приговорившіе его къ смерти на основаніи римскаго императорскаго права. Здѣсь онъ расходился съ ними. Его политическое воззрѣніе занимало средину между ихъ сухими, отрицавшими все, что было поэтическаго въ современной имъ жизни, ученіями и великолѣпною, но неосуществимою фантастическою теоріею властей, которую развили германскіе императоры въ борьбѣ своей съ папствомъ. Особенность Сугеріева ума и характера заключалась въ необычайной ясности и простотѣ. Онъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, кото-

¹⁾ Bouquet, XV, 531. Въ отвѣтъ Св. Бернарда (id. 616) много чувства и любви.

²⁾ Ibid. 530.

рые знаютъ хорошо, чего хотѣть, которые отдали себѣ полный отчетъ въ своихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ. Благо тому, кто соединялъ въ себѣ такую ясность пониманія съ высокимъ нравственнымъ убѣжденіемъ, безъ котораго нѣтъ прочной исторической заслуги.

Ч Е Т Ы Р Е

ИСТОРИЧЕСКІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ, ЧИТАНЫЯ ВЪ 1851 ГОДУ. НАПЕЧАТАНЫ ВМЕСТѢ СЪ ДРУГИМИ ПУБЛИЧНЫМИ ЛЕКЦІИМИ ТОГО ЖЕ ГОДА, ИЗДАНЫМИ ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА).

ТИМУРЪ.

Предметомъ нашихъ чтеній будутъ характеристичны Тимурлана, Александра Македонскаго, Лудовика IX и канцлера Беконна. Мы найдемъ не много сходнаго въ ихъ внутренней жизни, еще менѣе во внѣшней исторіи ихъ подвиговъ; подвиги каждаго изъ нихъ отличены особеннымъ, ему исключительно принадлежащимъ характеромъ. Но между ними есть одно общее: это названіе великихъ людей, данное имъ современниками и утвержденное потомствомъ. Что же такое связано съ этимъ названіемъ? Какое призваніе въ исторіи людей, означенныхъ именемъ великихъ? Вотъ вопросъ, которымъ я позволю себѣ начать эти чтенія. Вопросъ этотъ не лишенъ нѣкоторой современности. Еще недавно поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами, безъ ихъ посредства, могутъ исполнять свое историческое назначеніе. Все равно сказать бы, что одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ, утратила свое значеніе, что одинъ изъ органовъ чловѣческаго тѣла теперь сталъ ненуженъ. Такое воззрѣніе на исторію возможно только при самомъ легкомъ и поверхностномъ на нее взглядѣ. Но тотъ, для кого она является не мертвою буквою, кто привыкъ прислушиваться къ ея таинственному росту, видитъ въ великихъ людяхъ избранныхъ провидѣнія, призванныхъ на землю совершить то, что лежитъ въ потребностяхъ данной эпохи, въ вѣрованіяхъ и желаніяхъ даннаго времени, даннаго народа. Народъ есть нѣ-

что собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны, для обнаруженія себя, претвориться въ мысль и волю одного, одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ лица. Такія лица облакають въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія и желанія своихъ соотечественниковъ или современниковъ. Но съ приведеннымъ мною прежде мнѣніемъ соединяется другое столь же неосновательное, по которому великіе люди являются чѣмъ-то случайнымъ, чѣмъ-то такимъ, безъ чего можно обойтись. Замѣтимъ по этому поводу, что великая роль случая допускается только въ эпохи умственного и нравственного ослабленія, когда человѣкъ перестаетъ вѣрить въ законное движеніе событій, когда онъ теряетъ изъ виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человѣчества. Конечно, не всегда ясно намъ мѣсто, принадлежащее великому мужу въ цѣпи явленій, не всегда ясна задача его дѣятельности. Проходить вѣка, а онъ остается кровавою и скорбною загадкою, и мы не знаемъ, зачѣмъ приходилъ онъ, зачѣмъ возмущалъ народы. Толки, имъ вызванные, до такой степени противоположны между собою, что нельзя даже съ точностію опредѣлить вліянія имъ обнаруженнаго. Но развѣ то, что намъ непонятно сегодня, должно остаться непонятнымъ завтрашнему дню? Развѣ каждое новое событіе не проливаетъ свѣта на событія, повидимому, давно уже совершившіяся и замнутыя? Смыслъ отдѣльныхъ явленій иногда раскрывается только по прошествіи вѣковъ и даже тысячелѣтій. Наука въ такихъ случаяхъ не въ состояніи опередить самой жизни и должна терпѣливо ждать новыхъ фактовъ, безъ которыхъ былъ бы неполонъ кругъ извѣстнаго развитія. Историческое значеніе Сократа оцѣнено должнымъ образомъ только въ XIX столѣтіи, на разстояніи двадцати двухъ вѣковъ отъ приговора, произнесеннаго надъ нимъ афинскими народамъ.

При изученіи каждаго великаго человѣка, мы должны обратить вниманіе на личность его, на почву, на которой онъ выросъ, на время, въ которое онъ дѣйствовалъ. Изъ этого тройнаго элемента слагается его жизнь и дѣятельность. Задача трудная, рѣшеніе которой предоставлено, если можно такъ выразиться, особенной исторической психологіи, имѣющей цѣлю устранить временныя и мѣстныя вліянія, видоизмѣняющія частныя свойства лица. При внимательномъ созер-

цаніи великихъ личностей, онѣ являются намъ откровеніями цѣлаго народа и цѣлой эпохи. Для чего бы онѣ ни были призваны на землю, для блага ли, для зла ли, во всякомъ случаѣ онѣ стоятъ не отдѣльно, не независимо, но тѣсно и крѣпко связаны съ землею, на которой выросли, и съ временемъ, въ которомъ дѣйствуютъ. Особенности въ этомъ случаѣ представляетъ исторія Востока: она подчинена другимъ законамъ, развивается подъ другими условіями, нежели европейская. Тамъ народы коснѣютъ въ продолженіи вѣковъ въ непробудномъ снѣ. Имъ видятся странныя грезы, которыя они переносятъ не только въ свою поэзію, но и въ свою исторію. Тамъ нѣтъ правильныхъ переходовъ отъ одной эпохи къ другой: нѣтъ постепенности и, слѣдовательно, логической необходимости въ развитіи, и потому появленіе великихъ людей часто принимаетъ характеръ чистой случайности. Но и здѣсь подобное заключеніе было бы слишкомъ опрометчиво. Когда насъ, напримѣръ, поражаетъ явленіе въ родѣ того завоевателя, о которомъ я буду имѣть честь говорить въ нынѣшнемъ чтеніи, когда мы съ трепетнымъ чувствомъ спрашиваемъ у себя отчета въ дѣлахъ какого-нибудь Чингиса или Тимура и теряемся въ догадкахъ; когда въ насъ невольно рождаются вопросы: какой потребности удовлетворили эти люди, зачѣмъ покрыли землю развалинами, зачѣмъ стерли съ лица земли столько царствъ, столько прекрасныхъ формъ, успѣвшихъ развиваться изъ нѣдръ магометанской цивилизаціи? Мы въ правѣ отвѣчать: а развѣ у этихъ народовъ, выведенныхъ на сцену исторіи Чингисомъ и Тимуромъ, дремавшихъ долотѣ въ безконечномъ и скучномъ однообразіи кочевого быта, не было потребности проснуться однажды и извѣдать все наслажденіе и всѣ тревоги дѣятельной исторической жизни? Но страшно бываетъ такое пробужденіе восточныхъ народовъ! Судьба Тимура или Тамерлана связана съ однимъ изъ этихъ варывовъ.

Въ бесѣдахъ, ограниченныхъ предѣлами скудно отиѣренного времени, я не могу представить вамъ полныхъ біографій и долженъ просить васъ довольствоваться краткими характеристиками, въ которыхъ постараюсь показать отличительныя особенности каждаго изъ лицъ, выбранныхъ мною для этихъ чтеній. Связь между ними только внѣшняя, но всѣмъ имъ принадлежитъ право на названіе «великихъ», потому что всѣ они оставили глубокіе, хотя и несходные между собою, слѣды на почвѣ всемірныхъ событій. Я ограничусь тѣми

характеристическими чертами, по которымъ можно разгадать лицо са-
мого Тамерлана и того народа, котораго онъ былъ представителемъ.

На обширномъ пространствѣ между Каспійскимъ, Охотскимъ и Японскимъ морями, искони блуждали племена, принадлежащія двумъ великимъ породамъ: монгольской и турецкой. Иногда отдѣльныя отрасли обѣихъ породъ сливались, образовывали новыя народности и выходили подъ разными именами на сцену исторіи. Ихъ выступленіе однообразно ознаменовано однимъ характеромъ жестокихъ опустошеній. Они приносили съ собою гибель для всякой стоявшей на ихъ дорогѣ общественной формы, но сами не были въ состояніи создать прочнаго и одареннаго условіями внутренняго развитія государства. Около четырехъ вѣковъ по Р. Х., монголо-турецкія племена явились въ Европѣ подъ именемъ Гунновъ и поразили ужасомъ Славянъ и Германцевъ. Народное сказаніе приписывало Гуннамъ особенное происхожденіе. Готы говорили, что они прижигены блуждавшими въ пустынь нечистыми духами отъ готскихъ волшебницъ. До такой степени смущалъ Европейцевъ безобразный обликъ этихъ сыновъ степи, ихъ дикій образъ жизни, ихъ нравы, ихъ беспощадная лютость. Была пора, когда они грозили не только независимости европейскихъ народовъ, но самому существованію греко-римской цивилизаціи. На поляхъ каталунскихъ рѣшился этотъ вопросъ. Владычество ихъ продолжалось впрочемъ недолго. Они исчезли съ европейской почвы, не оставивъ никакого слѣда ни въ учрежденіяхъ, ни въ нравахъ. Черезъ восемь вѣковъ Европа принимала снова тѣхъ же гостей: ихъ суждено было встрѣтить нашей Россіи, тогда только что начинавшей свое историческое служеніе. Она приняла на свою грудь удары варваровъ и подпала подъ ихъ тяжелое иго. Но остальная Европа, искупленная ею, избавилась отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. За то-нашествіе было страшно для тѣхъ, на кого оно обрушилось непосредственно. Свидѣтельства современниковъ-очевидцевъ о нравахъ монгольскаго племени отличаются рѣдкимъ согласіемъ общихъ чертъ. Арабы, Персы, западные монахи-послы при дворѣ хана и венеціанскій купецъ, Марко-Поло, характеризуютъ Монголовъ почти одними и тѣми же выраженіями. Нѣтъ народа болѣе способнаго завоевать міръ, какъ Татары; они храбры, они привычны ко всякаго рода лишеніямъ, они безчеловѣчны, хищны, противъ нихъ не можетъ устоять ни одно государство, говоритъ Марко-Поло. Восто-

чине народы, по свойственному имъ сатанизму, смотрѣли на дикарей Чингиса и Тимура, какъ на неотвратимую, немощъ непосланную кару. Ихъ лѣтописи наполнены странными, почти невѣроятными разсказами о страхѣ, который не только цѣлыя отряды, но одинокіе Монголы внушали значительнымъ селеніямъ и городамъ. Жители нерѣдко добровольно подставляли шею подъ удары, въ полномъ убѣжденіи, что сопротивленіе бесполезно. До такой степени распространено было въ Азій мнѣніе о непобѣдимости Монголовъ. Виновникомъ ихъ могущества былъ, какъ вамъ извѣстно, Чингисъ-Ханъ, въ началѣ XIII столѣтія. Онъ самъ высказалъ цѣль своихъ войнъ. Овладевъ значительною частью Азій, въ лѣтахъ преклонной старости, онъ собралъ однажды совѣтъ свой и предложилъ вождямъ слѣдующій вопросъ: какое благо выше всѣхъ на землѣ? Каждый изъ вождей отвѣчалъ по своему. Старый ханъ покачалъ головою и сказалъ имъ: «нѣтъ; счастливѣе всѣхъ на землѣ тотъ, кто гонитъ разбитыхъ имъ непріятелей, грабитъ ихъ добро, скачетъ на коняхъ ихъ, любитъ слезами людей имъ близкихъ и цѣлуетъ ихъ женъ и дочерей». Государство, основанное на такихъ началахъ, не могло быть прочно. По смерти Чингиса, оно распалось на нѣсколько ордъ, которыя вскорѣ стали враждовать между собою.

Тимуръ родился близъ Самарканда, въ бывшемъ царствѣ Чингисова сына Чагатая. Народы Востока глубоко запомнили роковую ночь на 9-е апрѣля 1336 года. Онъ родился, какъ говоритъ преданіе, съ кускомъ запекшейся крови въ рукѣ и съ бѣлыми какъ у старца волосами. По женской линіи онъ принадлежалъ къ потомству Чингиса, но отецъ его, одинъ изъ многочисленныхъ чагатайскихъ князей, не могъ оставить ему большого могущества. Съ раннихъ лѣтъ Тимуръ обнаружилъ неодолимую силу воли и властолюбіе. Будучи ребенкомъ, онъ заставлялъ товарищей своихъ дѣтскихъ игръ присягнуть себѣ въ послушаніи и вѣрности. Никто изъ нихъ не равнялся съ нимъ, впрочемъ, въ силѣ и ловкости. Первые годы его жизни прошли въ подвигахъ мелкаго грабежа и разбоевъ, доставившихъ ему славу безстрашнаго наѣзника. Восточная фантазія внесла въ эти темные годы Тимуровой молодости тѣже подробности и тѣже преувеличенія, какими наполнены сказанія о молодости другихъ азіатскихъ героевъ. Тимуръ выступилъ на театръ всемірно-исторической дѣятельности въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, одолѣвъ множество противниковъ, столько же не-

значительныхъ по объѣму власти, какъ и онъ самъ. Въ этихъ постоянныхъ трудахъ и войнахъ приготовился онъ къ роли, которая ему предстояла впереди. Въ 1371 г., слѣдовательно, когда ему было 35 лѣтъ отъ роду, онъ уже владѣлъ землями отъ Каспія до Манчуріи и держалъ на престолѣ чагатайскомъ подвластнаго ему потомка Чингисова съ безплоднымъ титуломъ великаго хана. Вліяніе его простиралось на большую часть земель, завоеванныхъ прежде Монголами. Князья Кипчакской орды, владычествовавшей надъ Россією, призывали его посредникомъ въ своихъ распряхъ. Онъ поставилъ надъ ними Тохтамыша; но Тохтамышъ не былъ благодаренъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ сдѣлалъ попытку сбросить съ себя иго Тимура. Борьба была неравная. Предъ началомъ рѣшительной битвы, изъ рядовъ Тимуровыхъ выступилъ старый шейхъ Береке, произнесъ молитву, и взявъ горсть пыли, бросилъ ее въ войско враговъ: да помрачится лице ваше стыдомъ пораженія, сказалъ онъ. Разбитый близъ Волги кипчакскій ханъ бѣжалъ, собралъ новое войско и въ 1395 году снова встрѣтился съ Тимуромъ на Терекѣ. Тимуръ одержалъ еще кровавую побѣду и сокрушилъ окончательно силы своего противника. Для Россіи наступила грозная година испытанія. Куликовская битва казалась, повидимому, бесполезнымъ напряженіемъ народныхъ силъ. Что былъ Мамай въ сравненіи съ Тимуромъ! До нынѣшняго Ельца дошелъ Желѣзный хромецъ, какъ называютъ его наши лѣтописи, и остановился. Восточные лѣтописцы приписываютъ его нерѣшимости идти далѣе огромнымъ богатствамъ, которыя онъ будто бы уже награбилъ въ этомъ походѣ. Но православная церковь празднуетъ 26-го августа, день перенесенія Владимірской Божіей Матери въ Москву и отступленія Тимурова. Конечно, Тимура испугали не военныя приготовления великаго князя Василя Дмитріевича, готовившагося умереть за народъ свой, и не насытили сокровища, найденныя имъ въ степяхъ юго-восточной Россіи. Но съ тѣхъ поръ Тимуръ не касался болѣе предѣловъ Европы; театромъ его подвиговъ стала исключительно Азія. Я уже сказалъ, что не могу входить въ біографическія подробности о Тимурѣ; но если бы даже для нашей бесѣды было отмѣрено болѣе времени, то и тогда я не считалъ бы нужнымъ утомлять ваше вниманіе однообразными подробностями разоренія и опустошенія странъ, куда онъ являлся какъ кара божія. Укажу только на характеристическія черты, которыя познакомятъ васъ съ образомъ войны и съ личностію

Тимура. Персія, по географическому положенію своему, должна была прежде другихъ странъ обратить на себя вниманіе вождя чагатайскихъ Татаръ и подпала подъ его владычество. Въ многолюдномъ, цвѣтущемъ торговлею Испаганѣ вспыхнуло возстаніе противъ побѣдителей. Тимуръ возвратился, взявъ городъ съ бою и памятникомъ своимъ оставилъ на площади испаганской пирамиду, сложенную изъ 70,000 человѣческихъ череповъ. Такія пирамиды разставлялъ Тимуръ по значительнѣйшимъ городамъ Азіи. Еще болѣе горькая участь постигла Багдадъ, великолѣпнѣйшій городъ магомеданскаго Востока, нѣкогда столицу каліфовъ Аббасидовъ. Онъ осмѣлился противиться Тимуру и заплатилъ за эту отвагу гибелью почти всего своего населенія. Часть жителей погибла въ волнахъ Тигра; изъ череповъ тѣхъ, которые пали подъ ударами Тимуровыхъ воиновъ, выстроено было сто двадцать небольшихъ башенъ. Но всѣ эти ужасы едва ли могутъ сравниться съ тѣмъ, что испытала Индія. Тимуръ избралъ тотъ же путь, которымъ нѣкогда шелъ завоеватель другаго рода, Александръ Великій. Въ Пенджабѣ и въ Гангесской долинѣ до Дели не осталось цѣлаго города или селенія. Груды развалинъ и труповъ свидѣтельствовали о недавнемъ проходѣ татарскихъ войскъ. Дели слылъ тогда богатѣйшимъ городомъ Индіи. Готовясь къ приступу, Тимуръ вспомнилъ, что въ лагерь его сто тысячъ плѣнниковъ которыхъ онъ прежде собралъ для осадныхъ работъ. Онъ отдалъ приказаніе немедленно предать ихъ всѣхъ смерти. Приказаніе это было въ точности исполнено. Въ самомъ Дели погибло нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. На возвратномъ пути изъ Индіи, Тимуръ увелъ съ собою до милліона взятыхъ тамъ рабовъ; между прочимъ онъ приказалъ брать всѣхъ ремесленниковъ и всѣхъ ученыхъ. Въ этой свирѣпой душѣ таилось какое-то, можно сказать мистическое уваженіе къ наукѣ. Театромъ дальнѣйшихъ подвиговъ такого же рода была Сирія и владѣнія турецкаго султана, грозившаго въ то время Европѣ. Дамаскъ и Алеппо исчезли на время изъ списка значительныхъ городовъ азіатскихъ. Жители ихъ были избиты или отведены въ рабство въ глубь степей Средней Азіи. Въ большей части завоеваній Тимура трудно замѣтить какуюнибудь опредѣленную политическую цѣль. Можно подумать, что имъ руководила безотчетная страсть къ разрушенію. Разоривъ богатую страну, срывъ до основанія ея города, потоптавъ копытами коней своихъ ея жатвы, настроивъ пирамидъ изъ отрубленныхъ головъ, онъ

нелѣ далѣе, не заботясь о прочномъ утвержденіи своей власти въ оставленной имъ безобразной пустынѣ.

Встрѣча его съ Баязидомъ принадлежитъ къ числу великихъ событій всеобщей исторіи. Оба они носили одинъ и тотъ же типъ восточнаго завоевателя. Но Баязидъ не даромъ коснулся европейской почвы и принялъ отъ нея вліяніе. Онъ думалъ объ основаніи крѣпкаго, опирающагося на надежныя учрежденія, государства. Еще до начала войны между Баязидомъ и Тимуромъ возникла любопытная переписка, гдѣ истощены были всѣ допускаемыя восточными дипломатическими формами ругательства. За эти оскорбленія должны были поплатиться жители Малой Азіи. Первый городъ Баязида, на который пали удары Тамерлана, былъ Сивашъ ¹⁾, взятый послѣ довольно долгой осады, при которой показали особенное искусство монгольскіе инженеры. Въ этомъ отношеніи Тимуръ былъ великій человекъ, истинный художникъ. Въ войскѣ его было несравненно болѣе порядка, чѣмъ въ войскѣ Баязида; онъ ввелъ раздѣленіе на полки, ввелъ однообразіе одежды, и многое другое, чтѣ въ послѣдствіи вошло въ употребленіе у европейскихъ народовъ. Сивашъ палъ передъ осаднымъ искусствомъ Монголовъ. Жители его, Магомедане, были большею частью истреблены, или отведены въ рабство; но еще болѣе страшная участь постигла 4000 армянскихъ всадниковъ, которые защищали городъ въ соединеніи съ Турками. Они были погребены живо. Дальнѣйшихъ подробностей казни я не смѣю приводить, ибо онѣ слишкомъ ужасны. На поляхъ Ангоры (Анциры), гдѣ нѣкогда Помпей одержалъ побѣду надъ Митридатомъ, сошлись лицомъ къ лицу Баязидъ и Желѣзный хромецъ. Произошла одна изъ величайшихъ битвъ, о которыхъ помнитъ исторія. Въ дѣлѣ было болѣе милліона ратниковъ, пришедшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Тимуръ привелъ съ собою дружины всей Азіи; въ войскѣ Баязида находились 20000 Сербовъ христіанъ, которые составляли лучшую, передовую рать; за ними стояли янычары, набранные изъ плѣнныхъ христіанскихъ дѣтей, и уже за янычарами слѣдовали настоящіе Турки. Христіанскою кровью думалъ Баязидъ купить себѣ побѣду. Онъ былъ разбитъ на голову. Есть какое-то мрачное и поэтическое величіе въ разсказѣ о свиданіи Тимура съ Баязидомъ. Тимуръ принялъ его сидя на коврѣ. «Великъ Господь, сказалъ

¹⁾ Дравиня Себасте.

онъ, даровавшій полміра мѣ хромицу и полміра тебѣ больному; ты видишь, какъ мало въ глазахъ Господа земное величіе». Вся бесѣда ихъ была проникнута скорбію. Тимуръ не ругался надъ падшимъ врагомъ; слова его исполнены грустнаго сочувствія къ судьбѣ побѣжденнаго. Разказы позднѣйшихъ писателей о томъ, что онъ заключилъ Баязида въ кѣтку и обходился съ нимъ жестоко, лишены всякаго правдоподобія. Ни одинъ современникъ не упоминаетъ объ этомъ. Напротивъ, мы имѣемъ вѣрные свидѣтельства, что Тимуръ до конца своей жизни обходился съ султаномъ съ должнымъ уваженіемъ. Кроме восточныхъ разказовъ, у насъ есть разказы Европейцевъ, которые были свидѣтелями этой битвы. Между прочими, при дворѣ Тимура находились въ то время послы кастильскаго короля Генриха III. Европейскіе народы смотрѣли на анцирскаго побѣдителя, какъ на своего набавителя отъ Турокъ, и въ самомъ дѣлѣ нашествіе Тимура на 50 лѣтъ отсрочило паденіе Константинополя и остановило на долго успѣхи турецкаго оружія. Въ 1403 г. Генрихъ III отправилъ къ Тимурѣ новое посольство, при которомъ состоялъ придворный дворянинъ, Гонзалецъ де Клавиго, оставившій любопытный дневникъ своего путешествія. Послы эти не застали уже Тимура въ Малой Азіи и должны были ѣхать къ нему въ столицу его Самаркандъ. Земли, чрезъ которыя лежалъ ихъ путь, носили еще свѣжіе слѣды недавнихъ опустошеній. Особенно поразительно описаніе Тавриса, гдѣ правилъ за Тимура сынъ его Миранъ-шахъ. Городъ былъ весьма богатъ и принадлежалъ къ числу складочныхъ мѣстъ азіатской торговли, но развалины огромнаго, славнаго на цѣломъ Востокѣ дворца и другихъ великолѣпныхъ зданій обличали присутствіе Татаръ. Виновникомъ въ этомъ разореніи былъ впрочемъ не самъ Тимуръ. Сынъ его Миранъ-шахъ съ какою-то дѣтскою, безумною радостію разрушалъ древнія зданія и тѣшилъ при видѣ пожаровъ, такъ что отецъ долженъ былъ наконецъ остановить его. Далѣе Клавиго встрѣтилъ множество пирамидъ изъ человѣческихъ головъ, свидѣтельствовавшихъ о побѣдномъ шествіи Тимура. Замѣчательно также описаніе города Самарканда. Городъ этотъ былъ обязанъ своимъ быстрымъ возвышеніемъ волю Тимура. Клавиго нашелъ въ немъ многочисленное, со всѣхъ краевъ Азіи насильственно сведенное населеніе. Здѣсь поселены были ученые, художники и ремесленники, которыхъ Тимуръ привелъ съ собою изъ далекихъ, завоеванныхъ имъ странъ. Магомедаи жили ра-

домъ съ Индійцами и поклонниками огня. Клавиго съ удивленіемъ рассказываетъ о великолѣпномъ дворѣ и дворцѣ Тимура, и объ ордѣ или лѣтнемъ стойбищѣ его, которое состояло изъ 20,000 разбитыхъ юртъ, т. е. палатокъ. Часть юртъ была покрыта снаружи парчами, внутри украшена драгоценными каменьями, добытыми въ походахъ. Когда Тимуръ принималъ Клавиго, онъ былъ уже въ преклонной старости, едва могъ сидѣть и съ трудомъ могъ поднять глаза на посла. Но въ хиломъ тѣлѣ жила еще крѣпкая и свирѣпая душа. Желѣзный хромецъ предпринималъ въ это время походъ на Китай. Онъ собралъ вождей своихъ и сказалъ имъ: «на душѣ моей и вашей много грѣховъ; много мы пролили крови магомеданской; пора смыть ее другою болѣе угодною Господу кровью; пойдемъ избить китайскихъ язычниковъ».

Другое любопытное описаніе, составленное Европейцемъ, принадлежитъ Нѣмцу Шильдпергеру. Онъ былъ родомъ изъ Мюнхена и находился оруженосцемъ въ службѣ у одного изъ рыцарей, участвовавшихъ въ несчастной для христіанъ битвѣ при Никополѣ (1395), въ которой Баязидъ разбилъ на голову Сигизмунда венгерскаго. Турки зарубили большую часть своихъ плѣнниковъ. Шильдпергера спасла его молодость. Онъ поступилъ въ свиту султана, былъ при немъ въ сраженіи анцирскомъ и вмѣстѣ съ нимъ попался въ плѣнъ къ Татарамъ. Онъ пережилъ Баязида и Тимура, служилъ сыновьямъ послѣдняго; потомъ продавалъ свою службу разнымъ магомеданскимъ князьямъ и возвратился въ Европу послѣ 22-лѣтняго скитанія по Востоку. Шильдпергеръ былъ грубый и необразованный нѣмецкій наемникъ. Онъ торговалъ своею кровью и безъ зазрѣнія совѣсти проливалъ чужую. Разказы его носятъ отпечатокъ этого безчувственного равнодушія. Онъ спокойно передавалъ своимъ читателямъ ужасы, которыхъ былъ самъ свидѣтелемъ, или слышанные отъ другихъ. Между прочими у него есть слѣдующій разказъ: однажды жители города, навлекшаго на себя гнѣвъ Тимура, послали для умиловленія его дѣтей своихъ. При видѣ этихъ малютокъ, шедшихъ съ пѣснями изъ корана ему на встрѣчу, въ Тимурѣ разыгрался духъ истребленія. Онъ помчался на нихъ на конѣ своемъ и приказалъ своей конницѣ слѣдовать за нимъ. Несчастные родители, стоявшіе на городскихъ стѣнахъ, были свидѣтелями гибели дѣтей своихъ, потоптанныхъ татарскими конями. Случай этотъ, вѣроятно, повторился нѣсколько

разъ. Шильдпергеръ рассказываетъ его объ Испаніи; магомеданскіе историки о какомъ-то изъ городовъ Малой Азіи.

Я уже замѣтилъ, что въ дѣятельности Тимура не должно искать господствующей, основной политической мысли. Похвалы нѣкоторыхъ новыхъ историковъ, напримѣръ Гаммера, которые видятъ въ Желѣзномъ хромцѣ основателя какой-то особенной цивилизаціи, очевидно натянуты. Гдѣ слѣды и признаки этой цивилизаціи? Тимуръ былъ одержимъ ненасытимою жаждою дѣятельности, но у него не было определенной и ясно сознанный цѣли. Законы, имъ изданные, не доказываютъ противнаго. Они могли скрѣпить временное, на одной силѣ основанное могущество, но не могли упрочить существованія настоящаго государства. Все, что въ состояніи сдѣлать одна сила, было сдѣлано Чингисомъ и Тимуромъ. Поэтому подвигъ ихъ былъ болѣе разрушительный, нежели творческій. Внѣшняя сила принадлежитъ къ числу великихъ дѣятелей всеобщей исторіи, но дѣятельность ея ограничивается исполненіемъ. Тамъ, гдѣ она не соединена съ плодотворными идеями, ея произведенія непрочно и бесполезны. Персы недаромъ называли Тимура ненасытнымъ, вѣчно стремящимся и никогда не достигающимъ. Въ немъ самомъ было смутное, но возвышенное понятіе о значеніи науки и слѣдовательно мысли. Онъ охотно бесѣдовалъ съ учеными, зналъ историческія преданія Востока и Запада, уважалъ астрономію и презиралъ астрологію. Счастіе и несчастіе человѣка зависятъ, сказалъ онъ однажды, не отъ положенія звѣздъ, а отъ воли того, кто создалъ и звѣзды и человѣка. Жестокая душа проглядывала впрочемъ даже въ богословскихъ преніяхъ его. Онъ любилъ смущать собесѣдниковъ своихъ опасными вопросами. При заревѣ алеппскаго пожара, при крикахъ погибшаго населенія, онъ равнодушно велъ ученый разговоръ съ тамошними муллами. «Въ битвѣ подъ Алеппомъ, спросилъ онъ у нихъ, пало много монаховъ и вѣщихъ воиновъ: которые изъ нихъ достойны рая?» Тѣ, которые пали съ вѣрою въ Бога, отвѣчалъ умный муфти.

Тимуръ умеръ въ 1405 г. Не прошло ста лѣтъ по его кончинѣ, а государство его уже рушилось. Только въ Индіи уцѣлѣли его потомки, окруженные внѣшнимъ блескомъ власти, но безсильные, лишенные даже личной свободы преемники великаго Монгола. Въ другихъ частяхъ Азіи Тимуриды были вытѣснены мѣстными династіями. Когда Тимуръ предпринималъ новый походъ, онъ говорилъ о врагахъ сво-

ихъ: «я новѣю на нихъ вѣтромъ разрушенія». Вѣтеръ разрушенія повѣялъ на его собственное дѣло и на родъ его. Единственнымъ слѣдомъ завоеваній, наполнившихъ громомъ своими послѣднія десятилѣтія XIV вѣка, остались пирамиды изъ череповъ человѣческихъ. Къ этимъ памятникамъ можно еще прибавить — безлюдныя пустыни, которыя образовались въ странахъ нѣкогда цвѣтущихъ и населенныхъ. Вспомните о степяхъ нынѣшняго Туркестана. Огромныя развалины городовъ, остатки водопроводовъ свидѣтельствуютъ, что не природа положила на эти земли страшный и дивный характеръ, какимъ онѣ теперь отличаются. Здѣсь прошли Монголы. Человѣкъ легко привыкаетъ къ опасностямъ, которыми грозитъ ему природа. Онѣ строятъ новое жилище у подножія волкана, на лавѣ, поглотившей его отца; онѣ не уступаютъ морю подверженнаго безпрестаннымъ наводненіямъ, но выгоднаго для торговли берега, и смѣло ставятъ свой домъ на развалинахъ другаго, смытаго волнами. Корысть и другія побужденія удерживаютъ его даже тамъ, гдѣ вѣчно царствуетъ зараза. Вгляните на Новый Орлеанъ и на Батавію. Но Монголы и Татары дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ волканы, море и моръ. Есть земли, въ которыхъ повидимому навсегда остался слѣдъ ихъ опустошеній. Онѣ утратили даже природное плодородіе, какимъ славились прежде.

Приведенный мною выше отзывъ Венеціанца Марко-Поло можетъ и теперь служить характеристиккою монгольскихъ нравовъ. Монголъ вернулся въ родныя степи, изъ которыхъ вывелъ его Чингисъ-ханъ. Онѣ снова живутъ въ войлочной юртѣ своей, пасетъ свое стадо и забылъ о той своей роскоши, съ которой познакомились его предки въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Пора Чингиса и Тимура прошла какъ сонъ. По прежнему раздается въ монгольскихъ степяхъ унылая, хватающая за душу пѣсня, въ которой иногда звучатъ отголоски минувшей славы и надежда на новые подвиги, на новое величіе. Надеждамъ этимъ не суждено болѣе сбыться. Если бы поднялась снова такая личность, какъ Чингисъ или Тамерланъ, и позвала народъ свой къ извѣданной уже дѣятельности, усилія ея неминуемо должны сокрушиться о новыя историческія условія. Куда повелъ бы теперь свое ополченіе честолюбивый вождь степныхъ племенъ? На югъ, къ Индіи, постоянной цѣли восточныхъ завоевателей? Но тамъ образовалась стѣна болѣе вѣрная, чѣмъ Гималайскій хребетъ. Тамъ встрѣтитъ онѣ не прежнихъ, способныхъ только къ страдательному мужеству

Индійцевъ, а твердые сипайскіе полки, подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. Двинется ли онъ другимъ, знакомымъ уже путемъ къ западу? Но его ждетъ здѣсь крѣпкое, христіанское, образованное государство, пережившее съ честію долгій періодъ своего историческаго искуса. Напоръ монгольскій не страшень болѣе Россіи, еще недавно одолѣвшей завоевателя болѣе грознаго, чѣмъ великіе ханы. Бывшіе властители наши должны въ свою очередь испытать русское вліяніе. Но Россія платитъ имъ не гнетомъ за гнеть. Христіанское государство вноситъ въ юрты дикарей истинную вѣру и неразлучныя съ нею образованность и гражданственность. Нашему отечеству предстоитъ облагородить и употребить въ пользу человѣчества силы, которыя до сихъ поръ дѣйствовали только разрушительно. Начало уже сдѣлано. Въ 1813 и 1814 г. изумленная Европа видѣла въ числѣ избавителей своихъ отъ французскаго ига Башикира и Калмыка, стоявшихъ рядомъ и за одно дѣло съ самыми благородными и просвѣщенными юношами Германіи.

2.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

Предыдущее чтеніе было посвящено характеристикѣ восточнаго завоевателя; мы видѣли кровавый слѣдъ, оставленный монгольскими конями и не нашли другихъ памятниковъ, обличающихъ прочное вліяніе Тимуровыхъ завоеваній. Сегодня я буду имѣть честь бесѣдовать съ вами о завоевателѣ западномъ — о македонскомъ Александрѣ. Въ исторіи немного именъ, съ которыми связано столько славы и столько упрековъ. Вамъ извѣстно, въ какомъ состояніи находилась Греція въ эпоху, когда выступилъ Александръ на поприще исторіи. То была пора разложенія греческой городской жизни, пора перехода отъ республиканскихъ формъ къ монархическимъ. На какую бы часть Греціи

мы ни взглянули, вездѣ видимъ, подъ пестротою разнообразныхъ явленій, одинъ и тотъ же упадокъ коренныхъ основъ греческой цивилизаціи. Пелопонесская война положила конецъ блестящему, не повторенному болѣе исторією, развитію греческой жизни. Въ борьбѣ доризма и іонизма рушилось прекрасное равновѣсіе стихій, изъ которыхъ слагалась эта жизнь, и сокрушились силы, сгладились лучшія особенности тѣхъ республикъ, которыя дотошъ стояли по праву во главѣ остальной Греціи. Спарта заплатила за свою побѣду утратою внутреннихъ условій своего могущества. За нею осталась слава военныхъ доблестей, но простота древняго быта исчезла невозвратно. Корыстолюбіе и лицемеріе, прикрывавшія наружною грубостію внутреннюю порчу, стали отличительными чертами ея гражданъ, нагло торговавшихъ выгодами и честію цѣлой Греціи. Въ болѣе привлекательномъ видѣ являются Аѳины, но отъ Аѳинянъ IV вѣка не должно также требовать строгихъ доблестей маратонскаго поколѣнія, или изящныхъ свойствъ демоса, современнаго Периклу. Нужно ли говорить о Фивахъ, которыхъ мимолетное величіе было дѣломъ двухъ великихъ мужей, унесшихъ съ собою въ могилу недоконченныя начинанія свои? Едва ли могло удался Эпаминонду задуманное имъ политическое преобразованіе Греціи; но онъ, противъ воли и вѣдома, окончательно поколебалъ и безъ того шаткія основы древняго гражданскаго и религіознаго быта. Словомъ, распаденіе городской жизни и республиканскихъ формъ очевидно. Но какія же формы замѣнять ихъ? Какая другая жизнь загорится на этихъ, еще сохранившихъ часть первобытной красоты развалинахъ? Отвѣтъ на эти вопросы готовилось дать новое государство, лежавшее внѣ предѣловъ настоящей Греціи, на сѣверъ отъ нея, но тѣсно съ нею связанное племенными узами и образованностію, которую высшія сословія македонскаго народа черпали изъ Греціи. Давно уже македонскіе государи принимали участіе въ дѣлахъ греческихъ республикъ, но участіе это опредѣлялось не столько честолюбивыми замыслами и надеждами этихъ государей, сколько желаніемъ ихъ найти себѣ опору противъ враговъ въ союзѣ съ Аѳинами, Спартою, или Фивами. Такое отношеніе между Греками и Македонцами продолжалось до Филиппа. Священная война дала ему возможность вѣшаться въ распри греческихъ республикъ — не второстепеннымъ союзникомъ, но примѣру своихъ предшественниковъ, а рѣшителемъ спора. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и херонейская битва уничтожила

послѣднія надежды людей, вѣрившихъ въ возможность возстановленія прежняго порядка вещей. Филиппъ былъ признанъ главою соединенныхъ греческихъ силъ. Для какой же цѣли?

Я сказалъ выше о всестороннемъ разложеніи греческой жизни. Оно обнаружилось не только въ сферѣ политической, но и въ сферѣ духовной. Аристотель былъ величайшимъ, но въ то же время послѣднимъ самостоятельнымъ дѣлательмъ греческой науки; искусство остановилось еще ранѣе. Къ концу IV-го столѣтія образованность Греціи принесла уже и цвѣтъ и плодъ свой. Она еще красовалась дивнымъ богатствомъ изящныхъ формъ и великихъ идей, но органическое развитіе ея кончилось, и дальнѣйшаго роста отъ нея нельзя было ждать. Ей предстояло перейти къ другимъ народамъ и принять въ себя извнѣ, чрезъ сближеніе съ новыми, ей чуждыми стихіями, сѣмена новаго развитія. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако заключить, что въ разбираемую нами эпоху греческой исторіи не было вовсе дѣятельности и потребности въ ней. Напротивъ, потребность дѣятельности была большая, но ей не было удовлетворенія. Поколѣніямъ IV-го столѣтія казался узкимъ театръ, на которомъ отцы ихъ совершали свои безсмертные подвиги. Обмелѣвшая городская жизнь не представляла болѣе честолюбивому гражданину достаточнаго простора. Личныя цѣли отдѣльныхъ гражданъ превосходили объемомъ силы и средства ослабѣвшихъ республикъ. Слѣдствіемъ этого хода вещей былъ совершенный упадокъ мѣстнаго патріотизма и стремленіе открыть внѣ предѣловъ родины поприще достойное накопившихся и праздныхъ силъ. Такимъ поприщемъ могъ служить только Востокъ, именно Персія, въ которой съ конца V столѣтія постоянно играютъ важную роль греческіе наемники. Въ рядахъ этихъ продажныхъ дружинъ стояли нерѣдко лучшіе люди Аѳинъ и Спарты, скучавшіе мелкими вопросами и распрями, занимавшими ихъ родину. Они-то принесли съ собою изъ далекихъ походовъ, предпринятыхъ въ глубь владѣній великаго царя, мысль о возможности завоевать государство, обнимавшее цѣлую треть Азіи. Мысль эта перешла отъ воиновъ къ государственнымъ людямъ и писателямъ Греціи. По трудности исполненія, по важности результатовъ такое предпріятіе достойно было вниманія величайшихъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ. Рѣчь шла не объ одной славѣ или добычѣ, а о политическомъ возстановленіи Греціи, о замѣнѣ умиравшихъ мѣстныхъ интересовъ однимъ обще-эллинскимъ. Разказы наемниковъ и

сочиненія извѣстныхъ писателей, напр. Исократъ, равно дѣйствовали на общественное мнѣніе и подготавливали его къ дѣлу, которое годъ отъ году казалось не только болѣе возможнымъ, но даже необходимымъ. При внутреннемъ безсиліи отдѣльныхъ частей, соединенная Греція располагала огромными средствами для войны наступательной. У мыса Тенара, въ другихъ такихъ же сборныхъ мѣстахъ, тысячи наемниковъ продавали свою отвагу и знаніе военнаго дѣла любому покупщику. Когда Филиппъ сталъ во главѣ Греціи и объявилъ походъ противъ Персовъ, онъ столько же слѣдовалъ внушеніямъ собственнаго честолюбія, сколько требованіямъ общественнаго мнѣнія. Ему, какъ видите, досталось на долю быть только исполнителемъ мысли, давно задуманной и уже громко высказанной. Походы Агезилая въ Малой Азіи были первою попыткою ея осуществленія. Филиппъ погибъ 336 г., среди приготовленій къ великому предпріятію. Мѣсто его заступилъ сынъ его Александръ. Трудно было начать царствованіе при обстоятельствахъ болѣе неблагопріятныхъ. Вся Греція встрѣчалась при одномъ извѣстіи о смерти Филиппа. Демосеенъ забылъ недавнюю утрату дочери, сложилъ съ себя трауръ, и увѣнчанный цвѣтами, пришелъ на площадь возвѣстить Аѳинянамъ о смерти македонскаго царя. Греція взволновалась отъ одного конца до другаго, увлеченная надеждами на возвратъ невозвратимыхъ формъ ея прежней жизни. Филиппъ погибъ вслѣдствіе заговора. Неизвѣстно, кто былъ зачинщикомъ заговора. Знаемъ только, что въ немъ принимали участіе мать Александра, Олимпія, македонская аристократія и персидскій дворъ. Дѣло шло о перемѣнѣ династій. Силы заговорщиковъ были велики. Одинъ изъ главныхъ, Атталъ, стоялъ во главѣ сильнаго отряда въ Малой Азіи. На сѣверѣ и на западѣ поднялись новые враги — полудикія племена фракійскія и иллирійскія, хотѣвшія воспользоваться молодостью царя. Во всѣ стороны долженъ былъ озираться Александръ, противъ всѣхъ опасностей долженъ былъ находить средства. Но эти средства онъ нашелъ въ себѣ самомъ. Прежде всего онъ устремился на Фракію. Двадцатилѣтній полководецъ совершилъ изумительный походъ, прошелъ черезъ Балканскія ущелья, переправился чрезъ Дунай, разбилъ Гетовъ на противоположномъ берегу и заставилъ Фракійцевъ дать себѣ, въ видѣ заложниковъ, такія войска, которыя могли ему служить съ пользою противъ Персовъ. На возвратномъ пути онъ разбилъ Иллирійцевъ и взялъ съ нихъ такую же дань лю-

дѣли, усиливая войско свое разноплеменными, приспособленными къ войнѣ всякаго рода отрядами.

Но въ Греціи гроза увеличивалась. Фивы поднялись явно и отбили стоявшій въ нихъ городъ македонскій гарнизонъ; Аѣины вооружились; жители Пелопонеса шли на помощь Фивамъ. Никто не хотѣлъ вѣрить счастливому окончанію Александрова похода противъ Фракійцевъ. А между тѣмъ Александръ прошелъ непроходимыя ущелья Пинда и явился подъ стѣнами Фивъ. Городъ палъ; жители были наказаны за попытку возстанія и бесполезное упорство защиты, смертію и продажею въ рабство. Александръ долженъ былъ съ одной стороны уступить требованіямъ помогавшихъ ему Вiotiйцевъ, которые ненавидѣли Фиванцевъ; съ другой, онъ хотѣлъ строгимъ примѣромъ внушить страхъ остальнымъ Грекамъ и отбить у нихъ охоту къ подобнымъ возстаніямъ во время предстоявшей войны съ Персами. Довѣдѣвшись, что судьба разрушеннаго города лежала на сердцѣ Александра, можетъ служить его кроткое обращеніе съ тѣми Фиванцами, которые воевали противъ него въ рядахъ персидскихъ и были взяты въ плѣнъ. Наденіе Фивъ ужаснуло взявшагося за оружіе Грецію и охладило ея волнолюбивый порывъ. Тогда замолокъ и великій голосъ Демосоена, единственнаго противника, который могъ быть опасенъ Александру. Демосоевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ трагическихъ, одиноко стоящихъ въ исторіи личностей, въ которыхъ горячая любовь къ прошедшему соединяется съ яснымъ сознаніемъ невозможности призвать его снова къ бытію. Онъ хотѣлъ удержать по крайней мѣрѣ тѣ части этого прошедшаго, въ которыхъ еще были признаки жизни, и безъ устали боролся съ Филиппомъ, въ которомъ, не безъ основанія, видѣлъ самаго опаснаго врага греческой старины. Фивы пали, и Демосоевъ отказался отъ безнадежнаго спора. Онъ понялъ, что дѣло, начатое Филиппомъ, перешло въ болѣе крѣпкія, непобѣдимыя руки. Въ самомъ дѣлѣ, что могла противопоставить Греція двадцатидвухлѣтнему вождю, на котораго природа и судьба расточили дары свои? Ему дана была даже внѣшняя красота, такъ сильно дѣйствовавшая на народъ, по преимуществу одаренный художественнымъ чувствомъ изящной формы. Женственная прелесть его лица смѣнялась иногда грознымъ выраженіемъ, напоминавшимъ гнѣвнаго Зевса. Кассандръ не могъ забыть этого выраженія много лѣтъ послѣ смерти Александровой, и будучи самъ царемъ Македонскимъ, содро-

гался при видѣ статуи своего великаго предшественника. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какое воспитаніе далъ сыну Филиппъ. Аристотель передалъ своему ученику все богатство идей, выработанныхъ до него греческою наукою, и можно безъ преувеличенія сказать, что ученикъ сталъ во многомъ выше наставника. Греція, съ такою непріязнью принявшая вѣсть о вступленіи Александра на македонскій престолъ, поддавалась скорѣ обаянію его личности и привязалась къ нему съ тою способностью увлеченія, которую она сохранила отъ юныхъ дней своей исторіи. Могли ли Аѳины долго враждовать противъ изящнаго юноши, въ которомъ воплотились прекраснѣйшія стороны греческаго ума и характера? Кому, какъ не ему, было докончить поэтическій подвигъ, начатый гомерическими героями, съ которыми онъ представлялъ такое поразительное сходство?

Многіе историки возводятъ на Александра слѣдующее обвиненіе. Они говорятъ, что онъ началъ свое предпріятіе, какъ искатель приключеній, что онъ позабылъ обезпечить себѣ возвратъ и игралъ судьбою какъ отчаянный игрокъ, а не какъ истинно великій человѣкъ. На это легко отвѣчать. Александръ не даромъ вслушивался съ дѣтскихъ лѣтъ въ рассказы о Персіи; не даромъ онъ, еще будучи ребенкомъ, разспрашивалъ персидскихъ пословъ о силахъ ихъ царя, о путяхъ, ведущихъ къ его столицамъ, о разноплеменныхъ народахъ, составляющихъ его государство. Начиная походъ, онъ глубоко зналъ средства, какими располагалъ непріятель, и на этомъ основаніи расположилъ планъ будущихъ дѣйствій. Если бы могущество государствъ измѣнялось числомъ квадратныхъ миль, которое они занимаютъ, и количествомъ народонаселенія, то конечно борьба съ Персіею могла бы казаться безуміемъ; но Александръ иначе понималъ государство: онъ зналъ, что кромѣ внѣшнихъ силъ есть въ немъ другія — нравственныя, которыя въ великихъ борьбахъ народовъ всегда берутъ перевѣсъ. Ему было извѣстно, что персидское царство, связанное завоеваніями Кира изъ разнородныхъ племенъ, разлагалось на составныя свои части, и что во многихъ сатрапіяхъ уже введена была наследственность. Каждый сатрапъ считалъ себя самовластнымъ правителемъ ввѣренной ему области и мало заботился о выгодахъ цѣлаго государства. Недавнія смуты еще болѣе ослабили власть царя, отъ большей или меньшей крѣпости которой зависѣла дальнѣйшая судьба Персіи. Съ другой стороны должно сказать, что матеріальнымъ

средства Персіи были огромны, почти неистощимы. Нужна была только опытная рука, для того чтобы привести въ дѣйствіе прайдныя силы и возвратить государству положеніе, въ какомъ оно находилось при первомъ Даріи. Къ несчастію для Александра и къ болѣеи славѣ его, въ это время въ Персіи была такая рука. Вождемъ греческихъ наемниковъ въ персидской службѣ былъ Мемнонъ, родомъ изъ Родоса, человекъ гениальныхъ способностей, но внутренне испорченный, отрешившійся отъ своей родины, совершенно преданный Персіи. Онъ не ослѣплялъ себя, подобно Дарію и персидскимъ сатрапамъ, на счетъ грозившей опасности и предложилъ средство къ ея отвращенію. Онъ говорилъ: въ чистомъ полѣ мы не можемъ бороться съ Александромъ; а между тѣмъ у насъ есть деньги и флотъ; въ тылу у Александра мы составимъ наемное греческое войско и перенесемъ войну на македонскую почву. Греція не устоитъ противъ двойнаго искушенія корысти и свободы. Планъ Мемнона поддерживали многочисленныя Греки, вступившіе въ персидскую службу не изъ однихъ только корыстныхъ или честолюбивыхъ видовъ. Благороднѣйшіе аеинскіе граждане находились въ то время въ станѣ Дарія и готовились къ войнѣ противъ соотечественниковъ. Они понимали, что походъ Александра рѣшитъ вопросъ о самостоятельномъ существованіи ихъ родины. Завоевателю Персіи конечно нетрудно было бы управиться съ Аеинами или Спартою. Нѣкоторые изъ этихъ выходцевъ носили громкія имена и были во всѣхъ отношеніяхъ противниками, достойными Александра. Таковы были между прочими Эфиальтъ и Леосеенъ, въ послѣдствіи извѣстный вождь ламійской войны. Разсчеты Александра на оплошность враговъ оказались, повидимому, ложными. Его ждали въ Азіи не одни нестройныя ополченія сатраповъ, а съ ними вмѣстѣ опытные греческія войска, подъ начальствомъ превосходныхъ вождей. Планъ Мемнона былъ тщательно обдуманъ, и исполненіе ввѣрено надежнымъ людямъ. Александръ велъ съ собою менѣе 40 тысячъ человекъ, но составъ этой арміи былъ изумительный. Она заключала въ себѣ, какъ уже было замѣчено выше, самыя разнообразныя роды войскъ. При ней былъ устроенъ даже генеральный штабъ, раздѣленный на два отдѣленія, изъ которыхъ одно занималось исключительно составленіемъ картъ и плановъ, другому ввѣрены были инженерныя работы. Нашей артиллеріи соотвѣтствовали стѣнобитныя и другія орудія, изъ подробнаго описанія которыхъ можно составить себѣ понятіе о высокомъ состояніи математи-

человѣкъ натуѣ въ то время. Истинный оргазмъ индивидуальнаго мира была истощенно ниже его возможностей. Въ началѣ войны у него оставалось не болѣе ста тысячъ рутій на свои деньги, но онъ зналъ, что война питаетъ войну, и не заботился о предстоящихъ издержкахъ.

Когда македонскія войска переправились въ Малую Азію, Мемнонъ еще не былъ приведенъ въ исполненіе персидскихъ предостереженій, и потому Александръ получилъ возможность одержать блестящую побѣду при Граникѣ. Другаго выходца, конечно, увлекла бы далѣе сѣкая, только что приобретенная слава, но Александръ не поддавался искушенію. Вѣсто того чтобы преслѣдовать разбитаго непріятеля, онъ пошелъ назадъ и обратилъ всѣ свои усилія противъ приморскихъ городовъ. Ему нужно было отрубать персидскій слезъ отъ гаваней, въ которыхъ онъ находилъ убѣжище и запасы. Города сдавались одинъ за другимъ; упрочіе прочихъ держался Галикарнасъ, защищаемый Аоніанциномъ Эліалтомъ. Эліалтъ былъ убитъ, и Галикарнасъ отворилъ ворота побѣдителю. Впрочемъ, Македонцы были обязаны своими быстрыми успѣхами въ Малой Азіи не одному оружію. Александръ явился тамъ не какъ врагъ и иноземникъ, а какъ освободитель отъ чужеземнаго ига. Еще предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій совершилъ онъ близъ развалинъ древней Трои великолѣпныя поминки Ахиллу и Патроклу, предшественникамъ своимъ въ нескончаемой распрѣ Запада съ Востокомъ, и связалъ такимъ образомъ свое предпріятіе съ эпическими преданіями греческаго міра. Находившіеся подъ персидскимъ владычествомъ мало-азійскіе города получили отъ него обѣщаніе политической самостоятельности. Богомъ каждого изъ племенъ, чрезъ земли которыхъ лежалъ побѣдный путь Македонцевъ, были принесены жертвы и поклоненіе. Однимъ словомъ, онъ вызвалъ къ жизни почти утраченныя надежды давно уже отвыкшихъ отъ независимости народностей. Въ особенности привлекъ онъ къ себѣ много сердець тѣмъ уваженіемъ, какое вездѣ оказывалъ мѣстнымъ религіознымъ вѣрованіемъ, на которыя не безъ презрѣнія смотрѣли Персы.

Битва при Иссъ была еще рѣшительнѣе граникской. Персидскій царь долженъ былъ бѣжать съ поля сраженія, оставивъ юному побѣдителю свои сокровища и свое семейство. Къ довершенію несчастія Персовъ, Мемнонъ уже не было въ живыхъ. Но Александръ оставался вѣрою своему плану и не соблазнился возможностью овладѣть сокровищами Дарія. Онъ пошелъ вдоль береговъ Сиріи и продолжалъ отби-

рать города. Одинъ только Тиръ оказалъ ему сопротивленіе; семь тысячцевъ длилась осада, въ которой истощены были все средства военной науки древнихъ. Съ паденіемъ Тира кончилась опасность, грозившая Александру: персидскаго флота не стало. Финиціане отозвали свой участокъ; остальные персидскія суда не имѣли болѣе значенія. Такимъ образомъ на сушѣ Александръ уничтожилъ персидскій флотъ и планъ Мемнона.

Завоеваніе Египта не представило Александру почти никакихъ трудностей. Здѣсь еще живо и памятно было кровавое нашествіе Артаверкса-Оха; свѣжа и глубока была ненависть къ Персамъ. Александръ не оскорбилъ народныхъ святынь и обычаевъ Египта. Онъ поклонился Апису, почтительно бесѣдовалъ съ жрецами и поставилъ начальниками отдѣльныхъ областей номарховъ, взятыхъ изъ Египтянъ; только военное и финансовое управленіе края ввѣрилъ онъ Грекамъ и Македонцамъ. На западъ отъ Нильской дельты угадалъ онъ всемірно-историческое мѣсто, на которомъ воздвигнулъ Александрію. Если бы онъ не совершилъ ничего другаго, то одного этого дѣла было бы довольно для того, чтобы упрочить за нимъ названіе великаго, потому-что Александрію суждено было въ продолженіи многихъ вѣковъ быть складочнымъ мѣстомъ не только всемірной торговли, но всемірной образованности. Сюда сошлись для долгой, вѣковой бесѣды идеи Запада и Востока.

Походъ Александра въ Ливійскій оазисъ, гдѣ находилось знаменитое прорицалище Аммона-Ра, подалъ поводъ ко многимъ толкамъ и недоразумѣніямъ, какъ въ древности, такъ и въ новое время. Съ какою цѣлью ходилъ македонскій завоеватель чрезъ знойныя степи, нѣкогда засыпавшія песками своими войска Камбизовы? Неужели ученикъ Аристотеля могъ дорожить суетнымъ названіемъ сына Аммоннова, которое дали ему жрецы таинственного божества пустыни? или ему нужно было новое средство дѣйствовать на суевѣріе толпы? Смыслъ думать, что въ этомъ случаѣ участвовали оба побужденія. О рожденіи Александра уже ходили странные слухи между его соотечественниками. Мать его Олимпія слыха волшебницею. Македонцы говорили, что она родила Александра отъ Зевса, а не отъ Филиппа, который поэтому не любилъ ни жену, ни сына. Свидѣтельство Аммоннова оракула сообщило новое значеніе этимъ толкамъ. Самъ Александръ впрочемъ не былъ чуждъ суевѣрія. Извѣстно, съ какою радостію принималъ

онъ слово *Πνεῖν*, назвавшей его *неодолимымъ*. Онъ посѣтилъ нарочно *Гордіумъ*, дабы разсѣчь тамъ узелъ, съ которымъ было связано предсказаніе о владычествѣ надъ Азією. Онъ желалъ напередъ оправдать народныя предчувствія, хотѣлъ, чтобы на него смотрѣли какъ на совершителя того, что уже давно было предсказано богами. Политическій расчетъ и глубокое пониманіе Востока совпадали здѣсь съ собственнымъ поэтически-религіознымъ настроеніемъ духа. Принося жертвы и поклоненіе разнообразнымъ божествамъ тѣхъ странъ, въ которыя проникло его оружіе, Александръ удовлетворялъ двойной потребности. Съ одной стороны, побѣжденные имъ народы забывали его иноплеменное происхожденіе и смотрѣли на него, какъ на единовѣрца. Съ другой, таинственные мѣны восточныхъ религій влекли къ себѣ умъ, стоявшій высоко надъ сухимъ скептицизмомъ, который тогда господствовалъ въ Греціи.

По ту сторону Тигра, не далеко отъ Арбелъ, далъ Александръ послѣднюю битву Дарію. У Дарія было покрайней мѣрѣ вдесятеро больше войскъ, чѣмъ у его противника. Греческіе наемники и самыя воинственные племена персидскаго государства были еще разъ призваны вѣстѣ къ защитѣ Кировой монархіи. Смѣлый и опытный Парменіонъ оробѣлъ при видѣ многочисленныхъ враговъ. Онъ совѣтовалъ Александру начать битву ночью и получилъ въ отвѣтъ, что побѣды скрывать не должно. Завистники и враги Александра говорили, что онъ обязанъ большею частью своей славы полководцамъ, которыхъ образовалъ для него Филиппъ. Александръ могъ по праву сказать объ арбельской, самой трудной изъ одержанныхъ имъ дотогѣ побѣдъ, что онъ выигралъ ее самъ. Дѣло было потеряно, когда личное мужество и распорядительность молодого царя возстановили сраженіе и обратили его въ пользу Македонцевъ. Успѣхъ былъ тѣмъ значительнѣе, что Персы бились съ большею храбростію, чѣмъ когда либо. Ихъ конница ворвалась въ ряды македонской пѣхоты; фаланга была разстроена; лѣвое крыло подъ начальствомъ Парменіона почти разбито. Смѣлый напоръ праваго крыла, предводимаго самимъ царемъ, измѣнилъ ходъ дѣла и былъ причиною совершеннаго пораженія Персовъ. На этотъ разъ зависть должна была умолкнуть и признать въ Александрѣ достойнаго вожда побѣдителей. Война казалась почти конченною. Лучшія земли Дарія находились во власти его враговъ; за ними оставались только разоренныя воинственными пле-

менами, области сѣверовосточной Персін. Утомленные Македонцы и Греки требовали раздѣла богатой и готовой добычи. Но въ умѣ Александра зрѣли другія намѣренія. Онъ призывалъ къ себѣ знатныхъ Персовъ и объявлялъ, что въ его царствѣ не можетъ быть различія между побѣдителями и побѣжденными, что и тѣ и другіе должны слиться въ одну народность, подъ сѣнь одной высшей цивилизаціи. Идея была безконечно велика; но могли ли современники возвыситься до нея? не говорю уже о македонскихъ офицерахъ, которые громко роптали на того, кто, по ихъ мнѣнію, отнималъ у нихъ купленную ихъ кровью добычу, и смотрѣли на Персовъ какъ на рабовъ. Изъ самой Греціи раздались обвинительные, исполненные упрековъ голоса. Даже Аристотель счелъ нужнымъ предостеречь своего ученика и написалъ къ нему письмо, въ которомъ доказывалъ невозможность равенства между Греками и варварами. Эту же мысль, но еще яснѣе, высказалъ стагирскій философъ въ знаменитомъ твореніи своемъ о политикѣ. Онъ говоритъ, что сама природа провела рѣзкую черту между народами, «предназначивъ однихъ къ господству, а другихъ къ вѣчному рабству». Лучше нельзя было выразить отношеніе Эллина къ иноплеменнику, съ точки зрѣнія перваго; Александръ понималъ эти отношенія иначе и выше. Для него, уже переступившаго чрезъ рубѣжъ за вѣтныхъ греческихъ воззрѣній, различіе между Эллиномъ и варваромъ не имѣло другаго значенія, кромѣ высшей и низшей образованности. Онъ хотѣлъ удѣлить своимъ новымъ подданнымъ часть тѣхъ духовныхъ благъ, которыя до него были исключительнымъ достояніемъ одного народа. Разумѣется, что такой образъ дѣйствій долженъ былъ доставить ему любовь и признательность покоренныхъ племенъ, но онъ не могъ не вызвать сильнаго неудовольствія со стороны Македонцевъ и Грековъ, обиженныхъ непонятнымъ для нихъ уравнианіемъ политическихъ правъ.

Чѣмъ далѣе шелъ Александръ этимъ путемъ, съ котораго онъ не сходилъ уже во все продолженіе своей жизни, тѣмъ сильнѣе подымалось противъ него негодованіе его воиновъ. Оно не замедлило, какъ увидимъ, выразиться въ преступныхъ замыслахъ на жизнь молодого царя. Недовольные его мѣрами люди ставили ему въ вину уваженіе, какое онъ оказывалъ чужимъ богамъ, и называли жертвы, принесенныя имъ въ Мемонѣ и Вавилонѣ, отступничествомъ отъ чистаго эллинизма. За то въ персидскихъ преданіяхъ объ немъ сохранилось

слѣдующее выраженіе: «онъ чтялъ боговъ всѣхъ народовъ, но самъ, казалось, поклонялся единому, высшему божеству». Въ самомъ дѣлѣ душа его жадно стремилась къ религіозной истинѣ и упорно искала ея подъ загадочными символами, въ которые восточная фантазія облачаетъ самыя возвышенныя чаянія свои. Но могъ ли образованный Грекъ того времени оцѣнить такую потребность духа и не назвать ее суевѣріемъ или притворствомъ?

Краткость отмѣреннаго мнѣ времени не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, войти въ нѣкоторыя подробности о походахъ Александра въ сѣверовосточныхъ областяхъ Даріева государства. Нигдѣ не обнаружился въ такой степени предпримчивый геній македонскаго завоевателя. Ему предстояла двоякая борьба съ воинственными жителями и съ негостепріимною природою тѣхъ странъ. Безъ предварительнаго знанія мѣстностей, безъ картъ, безъ надежныхъ проводниковъ, покорилъ Александръ земли, составляющія нынѣшній Туркестанъ, и не остановился предъ ущельями индійскаго Кавказа. Но ему недостаточно было побѣдъ и внѣшней покорности со стороны завоеванныхъ съ такими трудами народовъ. Онъ заставилъ ихъ дѣйствительно признать къ своему новому государству и связалъ ихъ съ нимъ цѣпью названныхъ большею частію по его имени колоній. На сѣверномъ берегу Яксарта возникла новая Александрія. Нѣсколько городовъ выстроилъ онъ въ другихъ, съ глубокимъ пониманіемъ географическихъ условій, выбранныхъ мѣстахъ и поселилъ тамъ македонскихъ и греческихъ ветерановъ, которымъ даны были обширныя земли и большія льготы. Эти заброшенные на далекій Востокъ колоніи служили передовыми постами греческой цивилизаціи и проводили далѣе тѣ, идеи, которыхъ главнымъ сосудою былъ самъ Александръ.

Но въ то самое время, когда онъ совершалъ вычисленные нами вкратцѣ дѣла, на него со всѣхъ сторонъ сыпались обвиненія въ нѣмнѣйшихъ обычаяхъ родины, въ жестокости и изнѣженности. Отвѣтомъ на послѣдній упрекъ могутъ служить его походы, въ которыхъ онъ несъ всѣ труды и опасности наравнѣ съ простыми воинами. Но мы не въ правѣ пройти молчаніемъ слуховъ, распространившихся тогда о жестокости македонскаго царя. Александръ принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей, которыхъ всѣ качества и недостатки по вліянію своему подлежатъ суду исторіи. Въ доказательство его жестокости обыкновенно приводятъ три случая, которые всѣ относятся къ эпохѣ окон-

чательнаго покоренія послѣднихъ персидскихъ областей, и именно: смерть Филота и Парменіона, убійство Клита и участь философа Калисеена. Я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить участіе Александра въ этихъ событіяхъ, доселѣ лежащихъ темными пятнами на его славѣ.

Парменіонъ оказалъ важныя услуги Македоніи еще при Филиппѣ. Въ войскѣ, покорившемъ Персію, онъ безспорно занималъ первое послѣ царя мѣсто. Сынъ его, Филотъ былъ ровесникъ Александру и товарищъ его дѣтства. Оба они, отецъ и сынъ, принадлежали къ числу генераловъ, недовольныхъ участіемъ, которое Персы получили въ управленіи государствомъ, и не скрывали своихъ мнѣній. Гордясь высокимъ положеніемъ и прежними заслугами, они стали во главѣ оппозиціи и не только поддерживали ропотъ въ войскѣ, но приняли личное участіе въ составленномъ противъ царя заговорѣ. Вина ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Филотъ былъ казненъ по приговору наряженнаго надъ нимъ суда. Парменіонъ былъ убитъ посланными къ нему гонцами, потому что огромныя средства, которыя были въ рукахъ стараго полководца, дѣлали невозможнымъ открытое исполненіе состоявшагося также и надъ нимъ приговора.

Смерть Клита показываетъ въ самомъ ясномъ видѣ трудныя отношенія Александра къ его генераламъ. Мы уже замѣтили выше, что они были большею частію воспитаны въ школѣ Филиппа и лѣтами старѣе Даріева побѣдителя, на котораго они смотрѣли какъ на неблагодарнаго ученика своего. Они ставили ему въ укоръ всякое отступленіе отъ умной, но неприложимой къ огромнымъ размѣрамъ новаго государства политики его отца. Геніяльные замыслы Александра казались имъ несбыточными грезами самолюбиваго юноши. Намъ уже извѣстно ихъ мнѣніе объ его обращеніи съ побѣжденными народами. Къ числу такихъ ограниченныхъ, грубыхъ, но храбрыхъ и въ сущности преданныхъ царю начальниковъ македонской арміи принадлежалъ Клитъ. Особенности заслуги дали ему право громче, чѣмъ другіе, обнаруживать свое мнѣніе. Однажды на пиру, гдѣ, по македонскому обычаю, безпрестанно ходили кругомъ кубки съ виномъ, Клитъ разгорячился до того, что вышелъ изъ предѣловъ приличія. Онъ осыпалъ бывшаго тутъ же Александра насмѣшками, упрекалъ его въ неблагодарности къ вѣрнымъ слугамъ и въ пристрастіи къ восточнымъ лстивымъ царедворцамъ, доказывая ему притомъ, что онъ несравненно ниже

отца своего, Филиппа. Терпѣніе Александра истощилось, онъ вскочилъ и потребовалъ оружія. Друзья вывели вонъ пьянаго Клита. Но онъ успѣлъ уйти отъ нихъ, возвратился назадъ и пропѣлъ Александру сложенную на него въ Греціи оскорбительную пѣсню. Тогда царь вырвалъ у стоявшаго на часахъ воина копьѣ и бросилъ имъ въ Клита. Вслѣдъ за поступкомъ наступило горькое раскаяніе. Александръ, въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей, не отходилъ отъ трупa, плакалъ и не хотѣлъ принимать пищи. Его едва удержали отъ самоубійства. Ни въ какомъ случаѣ нельзя найти холодной и обдуманной жестокости. Это было ничто иное, какъ взрывъ страстной и нетерпѣливой природы.

Печальная участь Калисеена также не можетъ служить поводомъ къ обвиненію на Александра. Этотъ философъ, родственникъ Аристотеля, по просьбѣ котораго Александръ взялъ его съ собою въ персидскій походъ, былъ представителемъ худшихъ направленій тогдашней греческой науки. Онъ былъ риторъ и софистъ, замѣнявшій отсутствіе нравственныхъ убѣжденій и недостатокъ основательнаго знанія звонкими фразами о добродѣтели и діалектическою ловкостію. При дворѣ Александра онъ сначала отличался наглымъ ласкательствомъ, которое наконецъ надоѣло царю. Обиженный философъ присталъ тогда къ партіи недовольныхъ и своими рѣчами сильно дѣйствовалъ на юношей изъ знатныхъ македонскихъ фамилій, которые служили въ царской гвардіи. Нѣкоторые изъ нихъ составили заговоръ съ цѣлію убить Александра. Преступный умыселъ былъ открытъ, и нравственное участіе Калисеена обличено, хотя и не было доказано, что онъ лично принадлежалъ къ числу заговорщиковъ. Калисеевъ, по самымъ достовѣрнымъ изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, умеръ въ заключеніи, во время индійскаго похода. Александръ повидимому хотѣлъ предать его суду по возвращеніи въ Европу, въ присутствіи Аристотеля, который впрочемъ едвали оправдывалъ тщеславнаго и ничтожнаго родственника своего, преобразеннаго въ послѣдствіи въ мученика истины. Я счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Александра противъ его порицателей, хотя съ другой стороны нельзя не допустить, что на той почти недосыгаемой высотѣ могущества и славы, на какой онъ стоялъ, ему трудно было сохранить прежнюю чистоту права и не отвѣчать строгими мѣрами тупой и бессмысленной оппозиціи, которая противилась его лучшимъ начинаніямъ и клеветала на самыя благо-

родныя его намѣренія. Могъ ли онъ, напримѣръ, не уронивъ своего достоинства предъ новыми подданными, избавить Македонцевъ отъ соблюденія тѣхъ придворныхъ обрядовъ, которые долженъ былъ ввести, дабы не стать ниже прежнихъ персидскихъ царей во мнѣніи подвластныхъ ему и дорожившихъ вышними знаками величія народовъ Востока? А между тѣмъ это нововведеніе сдѣлалось предметомъ самыхъ ѣдкихъ насмѣшекъ и желчныхъ нареканій, какъ въ войскѣ его, такъ и въ цѣлой Греціи. Понятно, что страсти его должны иногда были брать верхъ надъ природнымъ великодушіемъ и надъ презрѣніемъ, какое внушало ему слабоуміе противниковъ. Но чтобы оцѣнить вполнѣ его превосходство надъ окружавшимъ его міромъ, стоить только вспомнить о совѣтахъ, какіе давалъ ему соперникъ Калисеена, ссѣистъ Анаксархъ.

Послѣднимъ великимъ предпріятіемъ Александра былъ его походъ въ Индію. Съ неслыханными трудами и опасностями провелъ онъ свои войска чрезъ горы Паропамизуса и чрезъ Пенджабъ, страну, которой жители искони славились воинственнымъ характеромъ, въ наше время стѣвившимъ столько крови и усилій Англичанамъ. Онъ поставилъ надъ этими племенами своихъ намѣстниковъ и основалъ нѣсколько городовъ съ греческимъ населеніемъ. Македонцы совершили все, что можно было сдѣлать въ предѣлахъ силъ человѣческихъ. У нихъ не осталось ни лошадей, ни одежды, ни обуви; даже мечи ихъ притупились отъ ежедневныхъ сѣчь. Одинъ Александръ не раздѣлялъ общей усталости и унынія, всѣми овладѣвшаго. Предъ нимъ открывалась уже великолѣпная долина Гангеса, представляющая легкую добычу завоевателю. Но войска Александра пришли въ отчаяніе, они не могли послѣть за смѣлою мыслию вождя и отказались идти далѣе, тѣмъ болѣе что между ними ходили ложные слухи о новыхъ опасностяхъ и битвахъ, которыя ихъ ожидали у самой цѣли похода. На берегу Гифазиса объявили они свое рѣшеніе царю, котораго всѣ усилія склонить ихъ къ привычной покорности были тщетны. Съ горькимъ чувствомъ уступилъ онъ ихъ волѣ, поставилъ двѣнадцать колоссальныхъ жертвенниковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться побѣдное шествіе свое и возвратился назадъ. Обратный путь его лежалъ чрезъ другія, дотолѣ почти неизвѣстныя путешественникамъ страны. Часть его арміи пошла чрезъ нынѣшніе Кандагаръ и Систанъ, другая отправилась на судахъ, нарочно для этого выстроенныхъ и

вѣренныхъ ученому Неарху, который получилъ приказаніе спуститься внизъ по Инду до его устьевъ и потомъ продолжать плаваніе до Эврата. Цѣль экспедиціи заключалась въ изслѣдованіи и описаніи береговъ. Самъ Александръ во главѣ третьяго отряда избралъ путь черезъ страшныя пустыни Белуджистана. Шестьдесятъ дней продолжался этотъ переходъ, и двѣ трети Александровыхъ спутниковъ погибли въ пескахъ непроходимой пустыни. Трудно понять какъ могли спастись остальные.

А между тѣмъ вѣсть о смерти Александра разнеслась повсюду. Оставленные имъ въ завоеванныхъ областяхъ правители не думали объ его возвратѣ и позволяли себѣ злоупотребленія всякаго рода. Македонцы и Греки грабили и притѣснили туземцевъ; персидскіе сановники замыслили свергнуть съ себя владычество иноплеменниковъ. Въ доказательство тогдашняго безпорядка я приведу поступокъ хранителя царской казны, Гарпала. Расточивъ на оргіи, въ которыхъ соединялась греческая изобрѣтательность съ восточнымъ великолѣпіемъ, баснословныя суммы вѣренныхъ ему денегъ и услышавъ о приближеніи царя, онъ бѣжалъ въ Аѳины, увозя съ собою около десяти милліоновъ рублей на наши деньги, которые, принявъ въ основаніе тогдашнюю цѣнность благородныхъ металловъ, соответствуютъ нынѣшнимъ 50 милліонамъ. Прикрытіемъ Гарпалу служили шесть тысячъ нанятыхъ имъ Грековъ. Возвратъ Александра былъ ознаменованъ не одними наказаніями виновныхъ сановниковъ, но болѣе крѣпкой организаціею новаго государства. Сѣмена, прежде брошенныя завоевателемъ, начали приносить плодъ. 30,000 молодыхъ Персовъ, обученныхъ по его приказанію греческому языку и военному порядку, вступили подъ оружіе и образовали свѣжее, безгранично ему преданное войско. Изъ утомленныхъ совершенными походами Македонцевъ, нѣкоторые возвратились на родину, другіе вступили, по желанію царя, въ супружество съ дочерьми богатыхъ Персовъ и положили начало сліянію обѣихъ національностей. Народы, по словамъ древняго писателя, забыли прежнія вражды и жадными устами прильнули къ поданному имъ кубку любви. Приготовленія къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ шли своими чередомъ. На Эвратѣ снаряжался огромный флотъ, котораго назначеніе было покорить Аравійскій полуостровъ, на южномъ берегу котораго Александръ уже собирался строить городъ. Другая экспедиція должна была обогнуть Африку и воротиться назадъ

съ запада, чрезъ Иракловы столбы, тѣмъ же путемъ, какимъ нѣкогда ходили отважные Финикияне по порученію египетскаго Нехао. На Каспіи строились суда, которымъ назначено было изслѣдовать сѣверные берега этого почти невѣдомаго Грекамъ моря. Ученая любознательность соединялась въ этихъ случаяхъ съ торговыми расчетами и планами новыхъ завоеваній. Александръ лично намѣренъ былъ вести сухопутное войско вдоль сѣвернаго берега Африки, на покореніе Картегена и народовъ юго-западной Европы. Со всѣхъ сторонъ приходили къ нему посольства, свидѣтельствовавшія о славѣ его, дошедшей до самыхъ далекихъ, равнодушныхъ къ событіямъ греческой исторіи племенъ. Картегенецъ, Скиѣ, Кельтъ и представители разныхъ народовъ Италіи сошлись въ Вавилонѣ какъ бы для того, чтобы напередъ взглянуть на будущаго властителя. Никогда еще не было такого живаго, дѣятельнаго сообщенія между разсѣянными по землѣ членами человѣческой семьи. Но дни Александра уже шли къ концу. Онъ проводилъ въ могилу лучшаго изъ друзей своихъ, Эвектиона, одного изъ немногихъ, которые исполнѣ его понимали. Глубокая скорбь этой утраты соединилась съ тяжелыми трудами и вѣроятно была причиною болѣзни, отъ которой умеръ Александръ. Ему еще не было 33 лѣтъ отъ рожденія. Онъ зналъ, какая участь готовится его государству и предсказалъ себѣ кровавую тризну.

Пробѣгая мыслію вѣка, лежащіе за нами, мы не найдемъ лица, котораго историческая дѣятельность по объему и вліянію могла бы сравниться съ Александровой. Онъ стоитъ посредникомъ и примирителемъ между Западомъ и Востокомъ. Онъ открылъ цѣлымъ народамъ пути, по которымъ до него ходили только немногіе смѣлые путешественники. Въ этомъ отношеніи у него нѣтъ другаго соперника, кромѣ Колумба. Греки знали хорошо западныя части Азіи: о сѣверо-восточныхъ областяхъ Персидскаго государства, о краяхъ пограничныхъ Индіи, у нихъ были въ ходу самыя нелѣпыя басни. Александръ внесъ эти огромныя пространства въ область положительной географіи и открылъ испытующему уму Запада новую природу, несходную съ его развитіемъ исторію, и цѣлый міръ самобытныхъ религіозныхъ идей и нравственныхъ представленій. Торговля и наука овладѣли землями, долготѣ лежавшими внѣ общенія человѣческаго. Въ свою очередь, Востокъ глубоко принялъ въ себя вліяніе Даріева побѣдителя. Окаменѣлыя формы его жизни пришли въ движеніе; лежавшія праздно въ глу-

бниѣ народнаго сознанія и неясныя самимъ себѣ идеѣ, составлявшія отстой прежняго, остановившагося развитія, поднялись наружу отъ прикосновенія европейской мысли и сообщили этой мысли небывалое богатство и полноту. Безъ Александрии не было бы настоящей образованности.

Всматриваясь пристальнѣе въ лице Александра, нельзя не замѣтить, что природа соединила въ немъ самыя противоположныя между собою свойства: математическую точность ума и пламенное воображеніе поэта; крѣпкую волю мужа съ юношескою мягкостію и впечатлительностію. Наканунѣ битвы онъ хладнокровно вычислялъ всѣ условія кровавой игры, но въ рѣшительный часъ онъ становился горячимъ бойцомъ и кидался въ сѣчу, какъ любимцы его, гомерическіе герои. Мистическія вѣрованія Азіи и строгая наука Европы находили въ немъ равное сочувствіе. Здѣсь не мѣсто вычислять все сдѣланное имъ для успѣховъ нашего знанія. Достаточно будетъ напомнить вамъ объ его постоянной связи съ Аристотелемъ, которому онъ присылалъ всякаго рода пособія для его изслѣдованій. Въ самую трудную пору его жизни, во время индійскаго похода, мысль его не была исключительно занята предстоявшими опасностями. Онъ писалъ въ Вавилонѣ, чтобы ему послали оттуда книгъ для чтенія, въ особенности трагиковъ и философовъ.

Востокъ не забылъ о немъ до сихъ поръ. Почти на всѣхъ языкахъ Азіи сохранились сказанія объ Александрѣ. Объ немъ поютъ древнія пѣсни Арабовъ и рассказываютъ преданія еврейскаго народа. Персы внесли его въ число героев своего народнаго эпоса. Персидскій поэтъ говоритъ, что Искандеръ былъ родомъ Персъ и только случайно родился на европейской почвѣ. Востокъ не хочетъ уступить намъ своего завоевателя. Странствуя по пустынямъ средней Азіи, европейскій путешественникъ безпрестанно слышитъ странные намеки на Искандера. Въ Туркестанѣ его считаютъ строителемъ великихъ городовъ и зданій, которыхъ развалины свидѣлствуютъ о прежнемъ богатствѣ края. Даже въ упылой пѣснѣ кочеваго Монгола слышится иногда отголосокъ зашедшихъ въ эти степи рассказовъ о великомъ Искандерѣ. Западъ не отсталъ отъ Востока. Въ памятникахъ средневѣковой литературы историческія свидѣтельства о македонскомъ завоевателѣ соединены съ баснословными примѣсами, по которымъ видно, что эти преданія прошли черезъ уста народа. Ему приписывается между прочимъ погоре-

ніе Британіи. Рыцарская эпопея овладѣла въ свою очередь предметомъ столь богатымъ и можно сказать сродственнымъ ей по содержанию. Въ многостороннемъ характерѣ Александра есть дѣйствительно черты чистаго, чуждаго античному міру рыцарства. Я напому вамъ только объ обращеніи его съ плѣннымъ семействомъ Дарія. Древній человекъ не уступалъ новому въ великодушіи, но почтительное обращеніе съ женщинами не входило въ его нравы. У всѣхъ племень латино-германской Европы есть романы объ Александрѣ Великомъ, составляющіе особый циклъ въ эпической поэзіи Среднихъ вѣковъ. Но подобно тѣмъ македонскимъ дружинамъ, которыя остановились отъ изнеможенія на берегахъ Гифазиса и не пошли далѣе къ неизвѣстной имъ, одному лишь вождю вѣдомой цѣли, фантазія поэтовъ не можетъ слѣдить за дѣйствительными подвигами героя и ищетъ имъ объясненія въ предѣлахъ, которыми ограничены человѣческіе замыслы. Персы говорятъ, что Александръ завоевалъ міръ, отыскивая таинственную страну, въ которой бьетъ живымъ ключемъ вода безсмертія. Въ нѣмецкой поэмі Лампрехта (XIII ст.), поэтъ христіанинъ толкуетъ съ другой точки зрѣнія внутреннюю тревогу, которая отражалась въ непрерывной и страстной дѣятельности Александра. Владычество надъ міромъ не было достаточною цѣлью для его подвиговъ. Онъ хотѣлъ дойти до рая и внимать земнымъ слухомъ пѣнію ангеловъ.

Позвольте мнѣ кончить эту, затянувшуюся можетъ быть слишкомъ долго, бесѣду. Я представилъ вамъ только блѣдный очеркъ Александровой дѣятельности. При всемъ томъ меня можетъ быть обвинять въ пристрастіи. Я самъ готовъ въ немъ признаться, но прибавлю, что историку, внимательно изучающему памятники, которые содержатъ въ себѣ подробности о жизни и дѣлахъ македонскаго завоевателя, трудно устоять противъ собственнаго увлеченія, трудно не поддаться обаянію этого властительнаго даже за гробомъ лица. Судьба была къ нему благосклоннѣе, чѣмъ къ кому либо изъ другихъ своихъ любимцевъ: она дала ему совершить всемірно-историческій подвигъ и рано свела его съ поприща, какъ будто для того, чтобы въ памяти народовъ сохранился, во всей юношеской прелести своей, его поэтический образъ.

3.

ЛУДОВИКЪ IX.

Мы привыкли разумѣть подъ именемъ Среднихъ вѣковъ тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе Западной римской имперіи отъ открытія Новаго свѣта и начала Реформаціи. Но идеи и формы, составляющія характеристическую особенность Средняго вѣка, принадлежатъ не всѣмъ отдѣламъ этого обширнаго періода. Феодализмъ, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готическіе соборы, поэзія трубадуровъ и миннезенгеровъ, однимъ словомъ, главные явленія, въ которыхъ вполне сказалось внутреннее содержаніе средневѣковой исторіи, составляющія какъ бы цвѣтъ и плодъ ея, развились большею частію не ранѣе XI и отцвѣли къ концу XIII столѣтія. Пять предшествующихъ вѣковъ можно назвать періодомъ образованія, приготовленія отличительныхъ формъ средневѣковой жизни; два послѣдніе вѣка, XIV и XV, представляютъ намъ эпоху разложенія; они служили переходомъ къ новой исторіи.

Нетрудно будетъ угадать общій характеръ того общества, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, взглянувъ на него съ его наружной стороны. Перенеситесь мыслію въ любое изъ государствъ тогдашней Европы, бросьте на него хоть бѣглый взглядъ, и вы тотчасъ поймете, что война составляетъ главное занятіе, почти исключительную заботу всего населенія. Начнемъ съ городовъ, этихъ средоточій дѣятельной жизни и промышленности для народовъ древняго и новаго міра. Средневѣковой городъ обнесенъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ. На колокольнѣ или башнѣ стоитъ недремлющій сторожъ, озирающій беспокойными глазами окрестность. Отдѣльные дома похожи на крѣпости. Черезъ улицы, на ночь, протягиваются цѣпи. Это обиліе предосторожностей обличаетъ вѣчную опасность, постоянную возможность нападенія. Врагъ грозитъ отвсюду. Когда его нѣтъ внѣ города, купившаго деньгами или кровью минутный покой у сосѣднихъ бароновъ, тогда онъ

подымается внутри стѣнъ: цехи воюють съ патриціями, одна часть общины идетъ на другую. Переходя отъ городского къ сельскому населенію, мы встрѣтимъ тѣже явленія. Почти каждый холмъ, каждая крутая возвышенность увѣнчана крѣпкимъ замкомъ, при постройкѣ котораго, очевидно, не удобство жизни, не то что мы теперь называемъ комфортомъ, а безопасность была главной цѣлю. Военственный характеръ общества рѣзко отразился на этихъ зданіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ желѣзнымъ доспѣхомъ, составляли необходимое условіе феодальнаго существованія. Къ высокимъ башнямъ господскаго замка робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и покровительства, хижины виллановъ. Даже обители мира, монастыри, не всегда представляли надежное убѣжище своимъ жителямъ. Подобно городу и замку, монастырь былъ часто окруженъ укрѣпленіями, свидѣтельствовавшими, что святое назначеніе мѣста недостаточно защищало его противъ хищности окрестныхъ владѣльцевъ или наемныхъ дружинъ, которыя въ мирное время обращались въ разбойничьи шайки. Внутреннее содержаніе соотвѣтствовало наружному виду. Въ средневѣковой Европѣ не было народовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а были враждебныя между собою сословія, которыхъ начало восходитъ къ эпохѣ распадѣнія Западной римской имперіи и занятія ея областей германскими племенами. Изъ пришельцевъ образовались почти исключительно высшіе, изъ покореннаго или туземнаго населенія—низшіе классы новыхъ государствъ. Насильственное основаніе этихъ государствъ провело рѣзкую черту между ихъ составными частями. Граждане французской общины принимали къ сердцу дѣла нѣмецкихъ или италіянскихъ городовъ, но у нихъ не было почти никакихъ общихъ интересовъ съ феодальною аристократіею собственнаго края. Въ свою очередь баронъ рѣдко унижалъ себя сознаніемъ, что въ городѣ живутъ его соотечественники. Онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ, и едва ли съ большимъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на беззащитнаго и безправнаго виллана. При такихъ особенностяхъ быта, у каждого сословія должно было развиться собственное воззрѣніе на всѣ жизненныя отношенія и высказаться въ литературѣ. Рыцарскія эпопеи проникнуты этимъ исключительнымъ духомъ. Возьмите любой романъ каролингскаго или прочихъ цикловъ: вы увидите, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста героямъ другаго сословія, кромѣ феодальнаго. Тоже самое можно сказать о рыцарской лирикѣ. Она поетъ не простую, до-

ступную каждому человѣческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственнаго быта, понятное только рыцарю, да еще можетъ быть горожанамъ южной Франціи и Италіи. За то среди городского населенія процвѣтала своя, непріязная феодализму литература. Здѣсь-то родилась сказка (fabliau), въ которой азвительный и сухой умъ горожанина осмѣивалъ не однѣ только идеи и доблести, составлявшія какъ бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще всѣ идеалы, всѣ поэтическія стороны Средняго вѣка. Въ труверахъ можно узнать праотцевъ Рабле и Вольтера. — Была, по видимому, одна сфера, гдѣ усталый раздоромъ и войною умъ находилъ покой и примиреніе. Мы говоримъ о наукѣ, выросшей подъ сѣнью западныхъ монастырей и носящей названіе схоластики. Это имя, означающее собственно науку Среднихъ вѣковъ, не пользуется большимъ почетомъ въ наше время. Подъ нимъ привыкли разумѣть пустыя, лишенныя живаго содержанія діалектическія формы. Не такова была схоластика въ эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственныхъ битвъ столь же смѣлая и воинственная, какъ то общество, среди котораго ей суждено было совершить свое развитіе. Заслуга и достоинство схоластики заключается именно въ ея молодой отвагѣ. Бѣдная положительнымъ знаніемъ, она была исполнена вѣры въ силы человѣческаго разума и думала, что истину можно взять съ бою, какъ феодальный замокъ, что для смѣлой мысли нѣтъ ничего невозможнаго. Не было вопроса, предъ которымъ она оробѣла бы, не было задачи, предъ которой она сознала бы свое безсиліе. Она, разумѣется, не рѣшила этихъ вопросовъ и задачъ, поставленныхъ роковою гранью нашей любознательности, но воспитала въ европейской наукѣ благородную пытливость и крѣпкую логику, составляющія ея отличительныя примѣты и главное условіе ея успѣховъ. Вотъ права схоластики на вѣчную признательность новыхъ поколѣній, хотя намъ нечему болѣе учиться въ огромныхъ фолиантахъ, которые содержатъ въ себѣ труды средневѣковыхъ мыслителей.

Изъ короткой характеристики, которую я имѣлъ честь вамъ представить, вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная дѣйствительностью мысль не обрѣтала покоя и въ той области, гдѣ, по настоящему, должны разрѣшаться всѣ противорѣчія нашего существованія, въ ясномъ сознаніи ихъ примиряющаго закона. Въ наукѣ шла также борьба, чтó и въ жизни. Въ концѣ XI столѣтія уже начался

споръ между реалистами и номиналистами, отозвавшійся вскорѣ въ богословіи и получившій въ послѣдствіи великое значеніе. Въ XIII вѣкѣ, т. е. въ эпоху, о которой мнѣ предстоитъ сегодня бесѣдовать съ вами, этотъ споръ перешелъ на другую почву. Парижскій университетъ, оставшая логическій элементъ въ средневѣковой наукѣ, велъ ожесточенную борьбу съ мистическими стремленіями Францисканцевъ и Доминиканцевъ. О направленіи тогдашняго мистицизма можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ сочиненій генерала францисканскаго ордена, Іоанна Пармскаго. Онъ произноситъ безусловный приговоръ надъ свѣтскимъ государствомъ, надъ семействомъ, надъ собственностью, надъ внѣшнею дѣятельностію, и призываетъ всѣхъ къ жизни исключительно созерцательной, дабы скорѣе свершились земныя судьбы человѣка. Папа долженъ былъ положить конецъ этимъ преніямъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они находили сочувствіе внѣ школы, въ народныхъ массахъ, жадно принимавшихъ всякое новое ученіе, толкуя его сообразно своимъ понятіямъ. Въ началѣ XIII столѣтія подавлена была ересь альбигенская. Таже участь постигла нѣмецкихъ Штедингговъ и разнообразныя, но равно враждебныя западной церкви секты, возникшія во Фландріи и въ Италіи. Папство одолѣло, опираясь на свѣтскія власти; но побѣжденные ереси продолжали существовать втайнѣ, не отказываясь отъ своихъ надеждъ и ждали только удобнаго случая, дабы возстать съ свѣжею силою. Неужели этому хаотическому, но исполненному безконечной энергіи міру суждено было истощить свои силы въ безвыходныхъ борьбахъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ? Отдѣльный человѣкъ и цѣлое общество равно нуждаются въ порядкѣ и законѣ; для нихъ равно невыносимо безначаліе въ области несвязанныхъ никакимъ единствомъ явленій. Такое единство пытались дать средневѣковому міру вожди его: императоръ и папа. Поставленные развитіемъ исторіи и глубокимъ сознаніемъ нравственныхъ потребностей своего времени во главѣ общественнаго мнѣнія западной Европы, намѣстники Св. Петра стремились къ одной цѣли съ преемниками Карла Великаго. Но каждая изъ этихъ властей требовала себѣ первенства и главной роли въ задуманномъ дѣлѣ. Къ прежнимъ раздорамъ присоединился новый, котораго причиною была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни римскимъ папамъ, ни германскимъ императорамъ не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и въ крестовыхъ походахъ. Это движеніе

носить двойной характеръ: съ одной стороны, оно было вызвано преобладаніемъ религіознаго чувства; съ другой, современнымъ состояніемъ европейскаго общества. Всѣ тогдашнія сословія съ равнымъ жаромъ устремились въ страну, освященную землею жизни Искупителя, и каждое несло съ собою свои надежды. Каждое изъ нихъ думало осуществить, на той священной почвѣ, свой политическій идеалъ. Горожане и вилланы уходили отъ феодальнаго гнета; барона манила возможность создать чистое феодальное государство, не стѣсняясь обломками историческихъ учреждений, уцѣлѣвшихъ въ Европѣ; идеаломъ клерика, возложившаго на себя знаменіе крестоносцевъ, было ееократическое государство, не удавшееся Григорію VII. Цѣли эти не были достигнуты. Горько обманутые въ своихъ надеждахъ народы Запада перестали думать о завоеваніи Азіи и устремили свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы. Еслибы Европу XIII столѣтія могла привести къ единству одна гениальная личность, то задача была бы скоро рѣшена. Въ такихъ личностяхъ не было недостатка. Вспомните о послѣднемъ императорѣ изъ дома Гогенштауфеновъ, о Фридрихѣ II. Эта странная, можно сказать — страдавшая избыткомъ силъ, личность не нашла себѣ мѣста въ современной ей обстановкѣ. Ни по идеямъ, ни по взгляду на жизнь, Фридрихъ не принадлежалъ тому поколѣнію, среди котораго жилъ, и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ протягивалъ руку людямъ новаго времени. Отсюда произошли всѣ его неудачи. Великій законодатель, мыслитель, воинъ, поэтъ, стоялъ внѣ своей эпохи, былъ въ ней представителемъ только идей отрицательныхъ, враждебныхъ средневѣковому порядку вещей. Современники ненавидѣли и любили его страстно, но всѣмъ безъ изыятія былъ онъ непонятенъ, всѣмъ равно внушалъ недовѣріе и страхъ. Я приведу здѣсь одинъ многознаменательный примѣръ. Последнее войско, которое Фридрихъ велъ въ 1250 г. противъ Рима, состояло большею частію изъ Арабовъ и другихъ магомеданскихъ наемниковъ. Надобно однако прибавить, что и римскіе первосвященники въ борьбѣ съ императорами не всегда употребляли средства, дозволенные христіанскому паству.

Среди этихъ воинственныхъ и бурныхъ поколѣній суждено было дѣйствовать Лудовику IX. Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Лудовика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятель-

ности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и славы? Въ великихъ ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ, употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другого рода. Позвольте мнѣ разсказать вамъ одно, исполненное дивной красоты, средневѣковое сказаніе. Это сказаніе о святой чашѣ (Graal). У Іосифа Аримавскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня чаша: изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за тайною вечерю; въ нее же пролилась божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству, однимъ словомъ, высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ Средняго вѣка. Таковы должны быть блюстители «Граля». Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей. Въ стремленіи приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ Тамплиеровъ, Страннопримцевъ и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но всякій орденъ есть общество, слѣдовательно нѣчто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль Среднихъ вѣковъ не могла быть вполне удовлетворена военно-духовными братствами, въ которыхъ отдѣльная личность постоянно стояла ниже возлагаемыхъ на нее требованій и какъ бы оправдывала собственную немощь заслугами цѣлаго ордена. Съ другой стороны намъ извѣстно, какъ рано измѣнили эти ордена своему первоначальному назначенію и поддались искушеніямъ политическаго могущества и свѣтскихъ наслажденій. Примѣромъ могутъ служить Тамплиеры. Идеалу средневѣковой доблести суждено было воплотиться въ лицѣ Людовика IX.

Лудовикъ былъ воспитанъ умною и строгою матерью своею, Бланкою кастильскою. Всѣ четыре сына ея получили одно воспитаніе; но природныя наклонности взяли верхъ, и юноши вступили въ жизнь съ разными характерами. У нихъ была впрочемъ одна общая черта, состоявшая въ глубокомъ благочестіи. Но у Карла Анжуйскаго даже это высокое свойство обнаруживалось въ какой-то жесткой и мрачной формѣ. Современники почти единогласно говорятъ объ его задумчивомъ и суровомъ нравѣ. По словамъ Дж. Виллани, онъ почти не спалъ, мало ѣлъ и никогда не улыбался. Между памятниками, изображающими время и личность Лудовика IX, особенно замѣчательны два, изъ которыхъ я заимствовалъ большую часть подробностей предлагаемой вамъ характеристики. Я говорю здѣсь о «Запискахъ Жуанвила» и «Жизни Св. Лудовика», написанной духовникомъ королевы Маргариты. Главная прелесть и оригинальность Жуанвилевыхъ рассказовъ заключается въ рѣзко выдающейся противоположности между повѣствователемъ и его героемъ. Жуанвиль былъ храбрый рыцарь и, по тогдашнему времени, довольно начитанный человѣкъ, съ простымъ и даже нѣсколько прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Тѣмъ поразительнѣе для внимательнаго читателя тотъ поэтический отпечатокъ, которымъ, вѣроятно безъ воли и вѣдома автора, отличается его сочиненіе. Жуанвиль простодушно рассказываетъ все видѣнное имъ въ бытность его при Лудовикѣ; но поэзія предмета согрѣла его фразу, сообщила ей красоту и порою возвышенность, какихъ не было въ природѣ самого повѣствователя. Я думаю, что отношенія короля къ сенешалу Шампаніи нельзя лучше объяснить, какъ слѣдующимъ анекдотомъ. Однажды Лудовикъ, поучая бесѣдою вѣрнаго служителя, спросилъ у него: что бы ты предпочелъ, смертный грѣхъ или проказу? Лучше тридцать грѣховъ, чѣмъ проказу, поспѣшно отвѣчалъ рыцарь, къ крайней печали благочестиваго государя. Жуанвила нельзя однако упрекнуть въ недостаткѣ религіознаго чувства, но онъ былъ не въ состояніи подняться до той высоты, на какой стоялъ причисленный западной церковью къ лику святыхъ король французскій. Читая дошедшія до насъ біографіи послѣдняго, нельзя не спросить себя, гдѣ находилъ онъ время для управленія государствомъ? Ежедневно посѣщалъ онъ всѣ божественныя службы, проводилъ значительную часть дня въ одинокой и горячей молитвѣ, немилосердно бичевалъ себя, читалъ творенія Святыхъ отцевъ, охотно бесѣдовалъ съ учеными богословами и вообще

съ людьми, посвятившими себя наукѣ. Онъ повѣрялъ имъ свои сомнѣнія и требовалъ отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, смущавшихъ его душу. Но не въ однѣхъ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ выказывалось глубоко-религіозное настроеніе этой души. Нужно ли говорить объ его щедрости къ бѣднымъ, объ его частыхъ посѣщеніяхъ больницъ, о выстроенныхъ имъ храмахъ? Не безъ ужаса рассказываютъ современники о бѣдствіяхъ, поразившихъ крестоносцевъ въ Египтѣ. Испорченные, отвратительные видомъ и запахомъ трупы умершихъ отъ язвы воиновъ остались бы непогребенными на чужой землѣ, ибо испуганное духовенство отказывало имъ въ послѣднемъ христіанскомъ обрядѣ. Король собственнымъ примѣромъ пристыдилъ малодушныхъ и заставилъ ихъ исполнять тяжкій долгъ, присутствуя лично при каждомъ отпѣваніи. Тѣла умершихъ братій не внушали ему омерзѣнія. Вамъ вѣроятно извѣстно, какъ сильно свирѣпствовала въ Средніе вѣка страшная болѣзнь, которую называютъ проказою. Люди, пораженные этимъ недугомъ, навсегда отлучались отъ общества: церковь разрывала, посредствомъ особеннаго обряда, ихъ связи съ остальнымъ міромъ; жилища, гдѣ ихъ обыкновенно содержали, были предметомъ общаго страха. Но Лудовигъ не раздѣлялъ и въ этомъ случаѣ общаго чувства: онъ ходилъ за прокаженными и собственными руками омывалъ ихъ язвы. Я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ такого рода, но боюсь, что вамъ трудно будетъ выслушать безъ содроганія простое описаніе этихъ дѣлъ царственнаго подвижника. За то западные народы предупредили римскаго первосвященника и еще при жизни Лудовика назвали его святымъ. Слава его не ограничилась впрочемъ западною Европою; она проникла на Востокъ: послы изъ Арменіи приходили въ лагерь крестоносцевъ и просили о дозволеніи видѣть святаго короля.

Посмотримъ на Лудовика IX съ другой стороны. Мы увидимъ, что вся жизнь его, во всѣхъ ея направленіяхъ, проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды. Поставленный среди воинственныхъ поколѣній, для которыхъ высшею цѣлію дѣятельности была военная слава, Лудовигъ не любилъ войны. Онъ не отличался той блестящею, безъ нужды вызывавшею опасности отвагою, которая составляла одну изъ принадлежностей рыцарства; его мужество было спокойное и холодное. Оно вытекало изъ обдуманнаго убѣжденія и не было слѣдствіемъ страсти. Первые войны свои онъ

велъ съ Англичанами и мятежными вассалами. Лудовикъ одолѣлъ и тѣхъ и другихъ, возстановилъ нарушенныя права свои, но довольствовался непосредственнымъ результатомъ побѣды и не подумалъ о распространеніи власти или владѣній. Еще менѣе могла соблазнить его возможность отмстить врагамъ. Съ раннихъ лѣтъ мысль его была занята войнами въ Палестинѣ, гдѣ христіанскому рыцарю открывалось поприще, вполне достойное его подвиговъ. Я не буду повторять всѣхъ извѣстныхъ подробностей объ его крестовыхъ походахъ, но есть черты, которыхъ нельзя пропустить, потому что онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на характеръ великаго короля. Въ то время, когда бѣдствія крестоносцевъ въ Египтѣ достигли до высочайшей степени, и не было болѣе спасенія войску, запертому между Ниломъ и Мамелюками, Лудовикъ отказался отъ предложеннаго ему средства возвратиться одному въ крѣпкую Даміету, гдѣ его ожидала совершенная безопасность. Въ плѣну у Мамелюковъ, среди ужасовъ и страданій всякаго рода, онъ одинъ изъ всѣхъ французскихъ рыцарей сохранилъ полное спокойствіе и ясность духа. Вскорѣ послѣ пораженія крестоносцевъ, Мамелюки возстали на своего султана, убили его и съ дикими воплями бросились къ своимъ плѣнникамъ. Одинъ изъ убійцъ показалъ Лудовику вырванное у погибшаго султана сердце и спросилъ: что дашь ты мнѣ за сердце врага твоего? Король молча отвернулся. Прочіе христіане думали, что насталъ ихъ послѣдній часъ, и готовились къ смерти. Жуанвиль откровенно признается, что не могъ принести должнаго покаянія, потому что не могъ отъ страха припомнить ни одного грѣха. «По той же причинѣ не помню я ничего изъ сказаннаго мнѣ тогда Конетаблемъ кипрскимъ», прибавляетъ простодушный біографъ Лудовика IX. Есть сказаніе, достовѣрность котораго подлежитъ сомнѣнію, но любопытное, какъ выраженіе народной мысли. Въ Европѣ разнесся слухъ, что Мамелюки, убивъ своего султана, предложили его мѣсто Лудовику IX. На возвратномъ пути съ Востока, галера, на которой плылъ французскій король, потерпѣла значительныя поврежденія и подверглась большой опасности. На помощь ей подоспѣла другая галера. Король прежде всего спросилъ, есть ли на новомъ суднѣ мѣсто и для другихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ остался на поврежденной галерѣ. Я знаю, сказалъ онъ, что, спасши меня и семейство мое, вы не будете заботиться объ остальныхъ моихъ спутникахъ. Понятно, почему народъ

заживо называлъ его святымъ. Последнее военное предпріятіе его было направлено противъ Туниса. Лудовикъ былъ боленъ и такъ слабъ еще до начала похода, что едва могъ держаться на конѣ. Жуанвилъ часто долженъ былъ носить его на рукахъ. Но несчастія, испытанныя въ Египтѣ, произвели повидимому неизгладимое впечатлѣніе на храбраго сенешала: онъ не принималъ участія въ африканскомъ походѣ и не былъ свидѣтелемъ кончины Лудовика, умершаго подъ стѣнами Туниса. — Сказаннаго мною будетъ, полагаю я, достаточно для опредѣленія характера, какой носила военная дѣятельность Лудовика IX. Онъ былъ рыцарь, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ значеніи этого слова, и полагалъ конечною цѣлю войны торжество истинной вѣры и восстановленіе нарушеннаго права.

Политическая дѣятельность Лудовика IX не разъ подвергалась не только нареканію, но и насмѣшкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта дѣятельность не можетъ не показаться странною, если мы будемъ разбирать ее съ точки зрѣнія обыкновеннаго житейскаго благоразумія, опредѣляющаго достоинство поступковъ ихъ непосредственнымъ успѣхомъ или неудачею. Внуку Филиппа Августа началъ съ того, что усомнился въ законности своихъ правъ и подвергъ ихъ строгому испытанію. Предшественники его не могли быть очень разборчивы въ выборѣ средствъ, и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ къ утвержденію своей власти. Лудовикъ предложилъ себѣ вопросъ, на какомъ основаніи Капетинги владѣли землями, перешедшими къ нимъ отъ другихъ владѣльцевъ? Болѣе всего тревожило его сомнѣніе относительно областей, отнятыхъ его дѣдомъ у Іоанна Безземельнаго. Онъ положилъ конецъ этой внутренней тревогѣ договоромъ 1258 года, по которому добровольно возвратилъ сыну Іоаннову, Генриху III, четыре богатыхъ провинціи. На возраженія своихъ совѣтниковъ Лудовикъ отвѣчалъ, что онъ отказывается отъ этихъ провинцій, потому что онѣ незаконно ему достались, и для того, чтобы Генрихъ былъ ему настоящимъ ленникомъ. Чтобы понять глубокій смыслъ этого отвѣта, надобно составить себѣ ясное понятіе о родѣ отношеній, существовавшихъ между феодалнымъ господиномъ и его вассаломъ. Ленная связь состояла не изъ однихъ юридическихъ условій, но заключала въ себѣ чисто нравственное начало обоюдной вѣрности и любви. Отсюда происходили частыя нарушенія этой связи, которую Лудовикъ хотѣлъ поднять до ея высшаго духовнаго значенія. Разумѣется, что такое

идеальное стремленіе не могло быть всѣми понято по достоинству, и встрѣтило много порицателей среди общества, привыкшаго къ насилию. Стоить заглянуть въ пѣсни трувера Рютбѣфа. Даже въ глазахъ простаго народа кротость благочестиваго государя принимала иногда видъ слабости. Ты не король, а монахъ, сказала однажды Лудовику женщина, получившая отказъ на какую-то незаконную просьбу. Жители возвращенныхъ Генриху III областей не могли простить Лудовику этой уступки и далеко не признавали установленнаго, въ честь его, западною церковью праздника. Замѣчательно также враждебное отношеніе къ нему скептической, проникнутой античными стихіями Италіи. Граждане Флоренціи явно обнаружили неприличную христіанамъ радость, при полученіи извѣстій о пораженіи и плѣнѣ крестоносцевъ подъ Мансурю. Но огромное большинство европейскаго населенія глубоко чтило Лудовика, хотя вѣроятно не въ состояніи было вполне оцѣнить всю чистоту и все безкорыстіе его намѣреній.

Лудовикъ IX обратилъ особенное вниманіе на судебное устройство Франціи. Нигдѣ не обнаруживались такъ ясно недостатки феодальнаго государства, какъ въ этой сѣерѣ. Коренное, основанное на глубокомъ раздѣленіи сословій, начало средневѣковаго суда было очень просто: каждый долженъ былъ судить судомъ своихъ перовъ, т. е. людей, равныхъ ему по происхожденію. Дѣла вассаловъ разбирались при дворѣ ихъ леннаго господина и подъ его предсѣдательствомъ, судомъ, составленныхъ изъ перовъ истца и отвѣтника. Но бароны неохотно исполняли эту часть своихъ феодальныхъ обязанностей и уклонялись отъ судебныхъ сѣздовъ, сопряженныхъ съ разными неудобствами и даже опасностію. Недовольный приговоромъ подсудимый нерѣдко вызывалъ на поединокъ не только противника, но свидѣтелей и судей. Большая часть тяжбъ рѣшалась судебнымъ поединкомъ, который взялъ верхъ надъ всѣми другими доказательствами. Лудовикъ запретилъ прибѣгать къ этому средству въ собственныхъ и въ церковныхъ владѣніяхъ. Власть феодальныхъ судовъ была ограничена опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, которые исключительно подлежали разбору судовъ королевскихъ. Сверхъ того лица, недовольныя рѣшеніемъ мѣстныхъ феодальныхъ судовъ, получили право жалобы, т. е. аппеляціи въ суды королевскіе. Еслибы кто нибудь изъ первыхъ Капетинговъ задумалъ такое нововведеніе, то встрѣтилъ бы упорное, вѣроятно неодолимое сопротивленіе. Изчисленные мною мѣры Лудовика не вызвали однако

сильнаго противодѣйствія, потому что онъ лично внушалъ неограниченное довѣріе, и никто не подозрѣвалъ его въ честолюбивыхъ разсчетахъ, въ намѣреніи усилить власть свою къ ущербу другихъ. Въ тѣсной связи съ судебнымъ поединкомъ находилось право феодалной войны. Когда два владѣльца ссорились между собою и начинали войну, то въ ней обыкновенно принимали участіе всѣ ихъ родственники и друзья. Такимъ образомъ мелкая распря, вспыхнувшая на одномъ концѣ Франціи, немедленно отзывалась на другомъ. Король постановилъ, приводя, кажется, въ исполненіе мысль, принадлежавшую его дѣду, чтобы отнынѣ между поводомъ къ войнѣ и ея началомъ протекло 40 дней (*la quarantaine du roi*); нарушитель постановленія подлежалъ наказанію, какъ государственный измѣнникъ. Этимъ не ограничился законодатель: онъ предоставилъ каждому члену феодалнаго сословія право обращаться прямо къ верховной власти, въ случаѣ предстоящей ему борьбы съ противникомъ, болѣе сильнымъ или богатымъ. Разумѣется такой переворотъ въ укоренившихся привычкахъ средневѣковой аристократіи не могъ совершиться разомъ; для этого нужно было много времени и много усилій, но Лудовикъ IX подалъ примѣръ, отъ котораго не отступали болѣе его преемники. Его постановленія относительно судебныхъ поединковъ и частныхъ войнъ легли въ основаніе повдѣйшаго законодательства. Помощниками Лудовика въ этихъ преобразованіяхъ были пользовавшіеся его особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ ученые юристы. Преобразованія, которыхъ они были виновниками, конечно, не входили въ виды короля, думавшаго только объ облагороженіи и прочнѣйшемъ утвержденіи феодалныхъ учрежденій большей правдою и нравственностію. Онъ зналъ что рыцари плохіе судьи, и замѣнялъ ихъ по возможности людьми, изучавшими право какъ науку. Послѣдствія обнаружились уже по смерти Лудовика. Выведенные имъ на поприще практической дѣятельности юристы составили цѣлое сословіе, непріязненное идеямъ и формамъ Средняго вѣка. Они противопоставили строго-логическія и общеприложимыя опредѣленія римскаго права мѣстнымъ и своимъ нравственнымъ обычаямъ, которые развились въ основанныхъ Германцами государствахъ западной Европы. Они засудили средневѣковое папство въ лицѣ Бонифація VIII, духовное рыцарство — въ тамплиерахъ. Феодалное дворянство и община равно испытали ихъ вліяніе. Судьба французскихъ юристовъ XIV и XV столѣтій не лишена нѣкотораго

трагическаго величія и поэзіи. Стараясь создать крѣпкую и стройную монархію, по образу римской имперіи, они должны были вести постоянную и жестокую борьбу съ непривыкшими подчинять себя государственными цѣлями силами феодально-общиннаго міра. Почти каждый новый король принужденъ былъ жертвовать вѣрнѣйшими совѣтниками своего предшественника ненависти вассаловъ, смутно понимавшихъ, что дѣло шло объ ихъ независимости. Но упраздненныя такимъ образомъ мѣста въ совѣтѣ и судахъ королевскихъ не долго оставались порожними. Сынъ казненнаго клерка смѣло садился на мѣсто отца и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и направленіи, не заботясь, повидимому, о предстоявшей ему участи. Лудовикъ IX не могъ предвидѣть политическаго значенія, какое получили въ послѣдствіи юристы римскаго права, и дорожилъ только ихъ судебною дѣятельностью. Не считаю нужнымъ повторять вамъ слишкомъ извѣстный рассказъ Жуанвила о томъ, какъ король, окруженный мужами опытными въ наукѣ права, самъ рѣшалъ тяжбы своихъ подданныхъ и произносилъ приговоры подъ знаменитымъ венсенскимъ дубомъ. Король и правда сдѣлались въ то время однозначашими словами для Франціи. Въ цѣломъ государствѣ, кромѣ его, не было нелицепріятнаго судьи, потому что онъ одинъ стоялъ внѣ, или, лучше сказать, выше всякихъ корыстныхъ стремленій. Идея монархической власти облекалась въ нравственное сіяніе неподкупнаго правосудія.

Мы видѣли глубоко-религіозное настроеніе Лудовиковой души. Можно бы подумать, что слѣдствіемъ такого настроенія была излишняя уступчивость сословію, которое въ западной Европѣ нерѣдко теряло изъ виду свое священное призваніе и предавалось чисто мірскимъ иснаніямъ и помысламъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ королей французскихъ не оказывалъ большаго уваженія въ духовенству и не хранилъ такъ бережно его права, какъ Лудовикъ IX; но съ другой стороны немногіе умѣли такъ твердо отстаивать права свѣтской власти. Въ спорѣ между императоромъ и папою Лудовикъ громко порицалъ послѣдняго. Когда французскіе епископы жаловались ему, что отлученіе отъ церкви не производитъ достаточнаго дѣйствія, онъ отвѣчалъ: не отлучайте отъ церкви ради корыстныхъ расчетовъ и страстей вашихъ, и тогда я буду готовымъ исполнителемъ вашихъ приговоровъ. Для всякаго другаго государя, кромѣ Св. Лудовика, распри съ духовенствомъ могли быть въ то время опасны. Къ чести папъ

надобно сказать, что они почти всегда были на сторонѣ благочестиваго короля противъ честолюбивыхъ епископовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ извѣстій о такъ называемой прагматической санкціи, которому Лудовикъ будто бы опредѣлялъ духовныя отношенія Франціи къ римскому двору. Вопросъ о подлинности этого акта еще не рѣшенъ окончательно. Но допустивъ даже подлогъ, нельзя не признать, что въ этомъ памятникѣ высказалось только общественное мнѣніе о томъ, какъ поступилъ бы Лудовикъ IX при разграниченіи правъ своихъ съ правами папы и духовенства.

Но отчего же, среди столь обширной и богатой результатами дѣятельности, это благородное лице носить почти постоянное выраженіе внутренней глубокой грусти? Въ дружескихъ разговорахъ Лудовика съ Жуанвильемъ, въ бесѣдахъ его съ учеными, которыми онъ любилъ окружать себя, въ дошедшихъ до насъ словахъ его молитвы—часто слышится скорбный голосъ души, недовольной дѣйствительностію, не обрѣтшей въ ней удовлетворенія своимъ требованіямъ. Нигдѣ это чувство не высказалось такъ просто, какъ въ слѣдующихъ словахъ духовника королевы Маргариты. Позвольте мнѣ привести это мѣсто въ подлинникѣ—я боюсь испортить его переводомъ: «*Li benoiez rois désirroît merveilleusement grâce de larmes, et se compleignoît à son confesseur de ce que larmes li défailloient, et li disoit débonnèremement, humblement et privéement, que quant l'on disoit en la litanie ces mox: Biau sire Diex, nous te prions que tu nous doignes fontaine de larmes, li sainz rois disoit devotement: O sire Diex, je n'ose requerre fontaine de larmes; ainçais me soufisissent petites gouttes de larmes à arouser la sécheresse de mon coeur... Et aucune fois recounut-il à son confesseur privéement que aucune fois li donna à nostre sir larmes en avoison: les quelles, quant il les sentait courre per sa face souef (doucement), et entrer dans sa bouche, elles li semblaient si savoureuses et très douces, non pas seulement au cuer, mès a la bouche*». Недовольный міромъ Лудовикъ нѣсколько разъ обнаруживалъ намѣреніе отказаться отъ власти и искать покоя въ стѣнахъ монастыря. Но жизнь, которую онъ велъ во дворцѣ своемъ, была такъ чиста и строга, что могла служить достойнымъ образцомъ для тогдашняго духовенства. Государственная дѣятельность не тяготила Лудовика, ибо онъ по преимуществу былъ мужемъ долга и подвига. Въ отношеніяхъ его къ семейству раскрывались не внесенныя нами въ эту краткую характери-

стигу свойства нѣжной и любящей души, которой суждено было совмѣстить въ добродѣтели государя, рыцаря, инока и простаго гражданина.

Скорбь Св. Лудовика исходила изъ сознанія непрочности того міра, на поддержаніе котораго онъ употребилъ лучшія свои силы. Онъ не могъ не чувствовать несостоятельности средневѣковыхъ формъ жизни. Поддерживая одной рукою разлагавшійся порядокъ вещей, Лудовикъ IX другою закладывалъ зданіе новой гражданственности. Собственнымъ чувствомъ права и введеніемъ въ суды юристовъ, проникнутыхъ идеями римскаго законодательства, онъ убилъ феодальную неправду. Святостію жизни и нравственною чистотою, онъ осуществилъ самый возвышенный изъ нравственныхъ идеаловъ Средняго вѣка, но чрезъ это самое укрѣпилъ монархію, полное развитіе которой было несовмѣстно съ сохраненіемъ средневѣковыхъ учреждений, потому что за ними каждое сословіе укрывало свои корыстныя и исключительныя притязанія. Народъ привыкъ видѣть въ королѣ верховнаго, чуждаго всякаго пристрастія судью. Въ великія эпохи своей исторіи, во дни блестящихъ торжествъ и тяжелыхъ испытаній, французскіе короли называли себя недаромъ сынами Св. Лудовика. Его дѣломъ было нравственное значеніе французской монархіи. Предшественники его дѣйствовали силою и искусствомъ; къ этимъ двумъ орудіямъ онъ присоединилъ третье — право. Онъ внушилъ къ монархическому началу довѣріе, котораго долго не могли покрѣбить ни грѣхи, ни несчастія его преемниковъ. Читая нѣкоторые изъ законодательныхъ памятниковъ его царствованія и смотря на нихъ съ современной намъ точки зрѣнія, нельзя иногда не удивиться жестокости наказаній, определенныхъ за проступки, которые нынѣ караются только общественнымъ презрѣніемъ. Но въ такихъ случаяхъ Лудовикъ IX былъ вѣренъ основному началу всей своей дѣятельности: онъ смотрѣлъ на государство, какъ на христіанскую общину, и не давалъ въ немъ мѣста грѣху. Въ сферѣ науки онъ допускалъ споръ и разногласіе, самъ посѣщалъ аудиторіи парижскаго университета и охотно слушалъ лекціи и пренія знаменитыхъ наставниковъ. Но споръ съ еретиками, обличеніе ихъ словомъ, предоставлялъ онъ исключительно ученымъ; мірянинъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ, по его мнѣнію, дѣйствовать однимъ мечемъ, не подвергая своего беззащитнаго ума ненужному искушенію.

Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказывается имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былаго. За то за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Большее право на личное сочувствіе исторіи имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники. Къ числу такихъ принадлежитъ Лудовикъ IX. Онъ былъ завершителемъ средневѣковой жизни, осуществленіемъ ея чистѣйшихъ идеаловъ. Но ни тѣмъ, ни другимъ, ни поборникамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ, не дано совершить ихъ подвига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности провидѣніе слагаетъ неожиданный и невѣдомый имъ выводъ. Счастливъ тотъ, кто носить въ себѣ благое убѣжденіе и можетъ заявить его внѣшнимъ дѣломъ. На великихъ и на малыхъ, незамѣтныхъ простому глазу, дѣятеляхъ исторіи лежитъ общее всѣмъ людямъ призваніе трудиться въ потѣ лица. Но они несутъ отвѣтственность только за чистоту намѣреній и усердіе исполненія, а не за далекія послѣдствія совершеннаго ими труда. Онъ ложится въ исторію, какъ таинственное сѣмя. Восходъ, богатство и время жатвы принадлежатъ Богу. Не будемъ же ставить въ вину Лудовику IX его заблужденіе. Думая поддержать феодальное государство, онъ влагалъ въ него несродныя ему начала и готовилъ великую монархію Лудовика XIV. Онъ не докончилъ своего личнаго дѣла и не видалъ его завершенія, подобно тѣмъ средневѣковымъ зодчимъ, которые завѣщали новому времени недостроенные, полныя чудной и таинственной красоты, готическіе соборы.

4.

ВЭКОНЪ.

Предметомъ нынѣшняго чтенія будетъ характеристика Бекона Веруламскаго. За Александромъ Великимъ, за Лудовикомъ IX, за мужами историческаго подвига, за героями исторiи, слѣдуетъ герой мысли, не уступающій имъ шагу, съ равными правами на ваше вниманіе. Нужно ли повторять здѣсь давно сказанное замѣчаніе о томъ, что біографіа ученаго рѣдко представляетъ ту занимательность, какою отличаются біографіи другихъ дѣятелей на поприщѣ историческомъ? Его подвигъ укладывается въ книгу, его незримое дѣло болѣе чѣмъ всякое другое отрѣшено отъ личности самаго совершителя и обнаруживается иногда по прошествіи многихъ поколѣній. Между современниками Бекона есть люди, чьихъ біографіи представили бы гораздо болѣе занимательности, болѣе драматическаго интереса; я нарочно выбралъ его, чтобы указать на значеніе науки, отрѣшенной отъ всякаго другаго интереса.

Конечно между учеными XVI столѣтія нетрудно найти чловѣка, болѣе возвышеннаго сердцемъ, съ болѣе благородною и чистою участію, но трудно найти личность, имѣющую болѣе правъ на наше вниманіе. Есть вѣка, отмѣченные особенною печатію силы и эвергiи дѣйствующихъ поколѣній; въ числу такихъ безспорно принадлежитъ XVI столѣтіе, у входа въ которое стоятъ Колумбъ и Васко де Гама. Они открыли народамъ западной Европы два міра: одинъ — ветхій, забытый, сохранившій въ цѣлости древнѣйшую цивилизацію чловѣческаго рода, отъ которой такъ далеко отошли современники Лютера и Макиавелли; другой — новый, нетронутый, не початый исторіею. Безконечныя пустыни Америки манили къ себѣ Европейца, вызывали его на новые опыты, на устроеніе новыхъ общественныхъ формъ, для которыхъ не было мѣста въ Европѣ, окрѣпшей въ своихъ историческихъ преданіяхъ. Одновременно съ этими великими открытіями

въ Европѣ рушилось феодальное государство; его мѣсто заступила новая монархія, сдѣлавшаяся представительницею непризнанныхъ дотогѣ, заслоненныхъ сословіями народностей. Въ то же время поблело и единство западной церкви, соединявшей въ одну паству латино-германскіе народы. Все это движеніе, столь сильно охватившее умы, отозвалось и въ наукѣ. Можно сказать, что оно выразилось въ ней еще съ болѣею силою и энергіею. Читая произведенія, вышедшія въ первой четверти XVI столѣтія, нельзя не замѣтить въ нихъ какой-то свѣтлой радости, какого-то юношескаго чувства надежды. Такою надеждою пропитана духовная атмосфера той эпохи: великія событія, которыми ознаменованы конецъ XV и начало XVI вѣка, казались людямъ только предвѣстниками чего-то еще болѣе важнаго, небывалаго въ исторіи. Во всѣхъ сферахъ науки пробуждается веселая, исполненная вѣры въ достиженіе своихъ цѣлей, дѣятельность. Это движеніе началось на той почвѣ, которая издавна была любимомъ почвою исторіи, въ той сторонѣ, на которую уже давно съ завистію и жадностію смотрѣли иноземцы. Я говорю объ Италіи. Здѣсь-то подъ вліяніемъ весьма понятныхъ условій, впервые началась разработка оставшихся памятниковъ классическаго міра и явились первые плодотворныя попытки возстановленія древней науки и древняго искусства. Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, съ какою одушевленіемъ и успѣхомъ дѣйствовали итальянскіе ученые въ такъ называемую эпоху возрожденія наукъ и какъ много обязана имъ обще-европейская образованность. Многіе изъ нихъ зашли слишкомъ далеко. Въ порывахъ вызваннаго высокими образцами восторга, они забыли, что сами принадлежатъ новому міру и отвратили отъ него лице свое. Погруженные въ созерцаніе прошедшаго, они теряли изъ виду настоящее и мечтали о формахъ жизни, въ которыхъ не могло установиться общество болѣе сложное и богатое духовными силами, чѣмъ республики Греціи и Рима. Итальянцы недаромъ жалуется на несправедливость судьбы, отдавшей въ руки иноплеменика завершеніе того, что начало было ими. Въ самомъ дѣлѣ, между людьми, которые были представителями италіанской науки въ XVI столѣтіи, мы найдемъ много гениальныхъ личностей и героическихъ характеровъ. Немногіе изъ нихъ пользуются теперь общою извѣстностію. Заслуги и страданія болѣею части погребены въ спеціальныхъ сочиненіяхъ объ исторіи философіи, доступныхъ только ограниченному числу ученыхъ. Отъ Пом-

попація до Джордано Бруно тянется рядъ смѣлыхъ умовъ, самоотверженно и страстно посвятившихъ себя исканію истины. Разсматриваемые съ точки зрѣнія нынѣшней науки, ихъ опыты и умозрѣнія покажутся недостаточными. Они на столько же поэты, на сколько ученые; ихъ любовь къ истинѣ была безгранична, силы велики, но у нихъ не выработались ученые приемы, не было метода, безъ котораго невозможно никакое плодотворное изслѣдованіе. Они трудились не одною головою, но и сердцемъ, и часто смѣшивали чувство съ мыслию. Послѣдняя нерѣдко облакалась у нихъ въ форму мистическаго диамрамба. Многія изслѣдованія того времени написаны стихами. Жизнь этихъ людей шла въ уровень съ ихъ внутреннимъ настроеніемъ. Они переходили изъ одной страны въ другую, разнося повсюду свои знанія, заводя споры, и рѣдко оканчивали жизнь естественною смертію. За много вѣковъ до того, на той же почвѣ Италіи, произведшей такъ много мыслителей, одинъ древній философъ, бросился, говорить преданіе, въ жерло Этны, чтобы узнать таинственныя нѣдра земли. По его слѣдамъ шли мыслители XVI столѣтія: они погружались въ бездонныя пропасти человѣческаго мышленія и умирали потомъ на кострахъ. Результатомъ вакхическаго упоенія, каковымъ были одержимы высочайшіе умы того времени, было глубокое довѣріе къ магіи, кабалѣ, алхиміи и астрологіи. Въ этихъ наукахъ заключалась, по тогдашнимъ понятіямъ, глубокая и таинственная мудрость, которая нѣкогда дана была человѣку свыше. Онъ утратилъ ее, предавшись обольщенію суетныхъ мірскихъ цѣлей.

Съ половины XVI столѣтія движеніе мысли останавливается въ Италіи: оно пришло въ рѣзкое столкновеніе съ папскимъ дворомъ и навлекло на себя его гоненіе. Италіянцы должны были искать духовнаго удовлетворенія въ сеерѣ, уже готовой и менѣе опасной, новаго искусства. Но то, что было начато въ Италіи, продолжалось на почвѣ, не столь богатой дарами природы, но болѣе счастливой въ своемъ историческомъ развитіи, въ Англіи. Всѣмъ извѣстно, какое блестящее время англійской исторіи представляетъ царствованіе королевы Елизаветы: не даромъ къ этому времени обращаются Англичане, какъ къ золотымъ днямъ своей родины, и зовутъ королеву уменьшительнымъ именемъ (Queen Bess), въ которомъ звучитъ народная любовь къ ней. Но не одному только счастію и личнымъ талантамъ своимъ обязана Елизавета особеннымъ развитіемъ, можно сказать, напряженіемъ на-

родныхъ силъ, которое сообщило такой блескъ ея царствованію: она окружена была людьми, которыхъ имена провозносятъ съ законною гордостью каждый Англичанинъ, каковы бы ни были личныя политическія или религіозныя убѣжденія. Не говоря о томъ великомъ поколѣніи государственныхъ мужей, которые подняли свое отечество на неслыханную до тѣхъ поръ степень политическаго могущества, я укажу вамъ только на сферу умственную, на науку и искусство. Вспомните, что тогда жили и дѣйствовали Бэконъ, Шекспиръ, Вальтеръ Ралли, Бенъ Джонсонъ и много другихъ не съ столь громкими именами, но съ заслугами, которыя во всякое другое время дали бы право на первыя мѣста въ исторіи отечественной литературы. Сама королева была въ уровень съ высшимъ образованіемъ современнаго ей общества: она знала, кромѣ новыхъ европейскихъ языковъ, оба языка классической древности, читала по еврейски, писала комментаріи къ Платону и переписывалась съ друзьями своими по-латыни.

Въ это время, въ 1561 году, родился у канцлера Николая Бэкона сынъ Францъ, въ послѣдствіи баронъ веруламскій. Извѣстно, какое вліяніе имѣютъ на ребенка первыя впечатлѣнія, въ особенности какъ сильно дѣйствуетъ вліяніе матери. Мать Франца принадлежала къ числу образованнѣйшихъ женщинъ Англіи въ то время, когда женщины получали крѣпкое и мужественное воспитаніе и примѣръ королевы Елизаветы не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Мать Бэкона знала греческій и латинскій языки и занималась богословіемъ; она была первою наставницею сына. Судя по складу ея ума и строгому возрѣнію на жизнь, можно себѣ составить понятіе о характерѣ ея преподаванія, приготовившаго Бэкона къ тому великому подвигу, который ему суждено было совершить. Мысль его окрѣпла преждевременно. Въ тѣхъ лѣтахъ, когда дѣтей занимаютъ пріячными ихъ возрасту играми, Бэконъ задумывался надъ явленіями, которыя обыкновенно ускользаютъ даже отъ вниманія взрослыхъ. На восьмомъ году его занимали законы звука: онъ ходилъ прислушиваться къ эху и доискивался причины этого явленія. На двѣнадцатомъ году онъ поступилъ въ кембриджскій университетъ. Оксфордскій и кембриджскій университеты принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ учрежденій Англіи, которая обязана имъ почти всѣми своими значительными людьми, дѣйствовавшими на поприщѣ государственномъ или ученомъ. Но каждое изъ этихъ заведеній имѣетъ свои особенныя преданія и

отмѣчено характеромъ, ему исключительно принадлежащимъ. Такихъ образомъ съ самаго ранняго времени кембриджскій университетъ отличался отъ оксфордскаго болѣею готовностію принимать новыя идеи, новыя формы и системы. Но въ исходѣ XVI столѣтія, въ кембриджскомъ университетѣ преобладала еще схоластика, и Бэконъ вынесъ оттуда, послѣ трехлѣтняго пребыванія, презрѣніе къ этой бесплодной наукѣ, въ которой идеи замѣнялись словами, а живое діалектическое развитіе — мертвымъ силлогизмомъ. Схоластика, утратившая блестящія свойства, съ какими она выступила въ XII столѣтіи, не соответствовала ни духовнымъ требованіямъ, ни практическому направленію поколѣній, передъ которыми уже открылись сокровища древнихъ литературъ. По окончаніи университетскихъ занятій, Бэконъ отправился во Францію, въ свитѣ англійскаго посольства. Онъ прибылъ туда въ эпоху религіозныхъ войнъ. Молодому дипломату представилось обширное поприще для наблюденій всякаго рода. Предъ глазами его совершались величайшія событія и дѣйствовали самыя значительныя лица современной Европы. Онъ присутствовалъ при борьбахъ Лиги съ дворомъ и Гугенотами, видѣлъ Екатерину Медичи, Гизовъ и Генриха Наварскаго. Трудно было выбрать лучшую школу для пракческаго изученія исторіи и политики.

На двадцатомъ году Бэконъ написалъ небольшое сочиненіе о современномъ ему состояніи Европы. Гордые славою великаго соотечественника своего, Англичане высоко ставятъ этотъ начальный опытъ его умственныхъ силъ. Признаемся, книга молодого Бэкона произвела на насъ тяжелое впечатлѣніе. Ранній холодъ мысли, умѣвшей сохранить совершенное спокойствіе среди взволнованнаго до глубины своей общества, эта независимая и равнодушная оцѣнка партій, которыя съ такимъ жаромъ спорили о самыхъ важныхъ для человѣка вопросахъ, непріятно поражаютъ читателя, которому извѣстны лѣта автора. Бэкономъ смотрѣлъ на Европу какъ посторонній свидѣтель, а не какъ участникъ въ ея радостяхъ и страданіяхъ. Пребываніе его на материкѣ было впрочемъ непродолжительно. Старый канцлеръ Бэконъ умеръ во время его отсутствія, не оставивъ ему никакого нѣніи. Францъ Бэконъ долженъ былъ воротиться на родину и жить своими трудами. Можно было подумать, что его ожидало скорое и вѣрное повышеніе при дворѣ. Любимый министръ королевы Елизаветы, Бурлей, былъ женатъ на его теткѣ. Отецъ его заслугами своими купилъ

сыну право на вниманіе королевы. Елизавета давно замѣтила даровитаго мальчика, ласкала его, забавлялась его остроумными выходками и часто называла своимъ маленькимъ канцлеромъ. Но воротившись въ Англію, Беконъ не нашелъ того, чего могъ по праву ожидать. Причиною его первыхъ неудачъ была зависть Бурлея, который понялъ тотчасъ все превосходство геніальнаго племянника надъ хитрымъ и трудолюбивымъ, но не отличавшимся особенною даровитостію сыномъ своимъ. При равныхъ условіяхъ успѣха, молодой Сесиль не могъ идти рядомъ съ двоюроднымъ братомъ и долженъ былъ бы по необходимости уступить ему то положеніе, которое уже было приготовлено для него заботливымъ родителемъ. Беконъ избралъ юридическое поприще, не вслѣдствіе внутренняго призванія (замѣтимъ мимоходомъ, что великіе англійскіе юристы считали его посредственнымъ знатокомъ своей науки и ставили несравненно выше его современнаго ему юриста Эдварда Кока), но для того, чтобы доставить себѣ средства къ безбѣдному существованію и проложить дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Служба его шла впрочемъ медленно. Бурлей явно отстранялъ его. Его отношенія къ Бурлею ясно выражаются въ письмахъ его, изъ которыхъ преглядывается самое-то странное, не внушающее къ себѣ довѣрія, смиреніе. Онъ очевидно поддѣлывается подъ характеръ стараго дяди, терпѣливо сноситъ его оскорбительныя причуды, льститъ двоюродному брату и ни однимъ словомъ не даетъ замѣтить, что ему извѣстны причины ихъ нерасположенія къ нему. Источникомъ такого долготерпѣнія было не равнодушіе къ земнымъ благамъ, а осторожность и опасеніе обратить въ явную вражду скрытое недоброежелательство. Между тѣмъ блестящій дворъ Елизаветы манилъ къ себѣ честолюбиваго юношу. Пресиникъ Лейчестра въ милости королевы, молодой графъ Эссексъ далеко превосходилъ своего предшественника благородствомъ мыслей и блестящими, истинно рыцарскими свойствами характера. Онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ по достоинству Бекона и предложилъ ему свои услуги. Помощь эта пришла во время. Обстоятельства Франца Бекона были самыя плохія: ему грозила тюрьма за долги. Эссексъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы доставить ему выгодное мѣсто; но Бурлей твердо рѣшился не давать хода племяннику. Вліяніе опытнаго министра превозмогло старанія Эссекса, который, въ вознагражденіе горькой для Бекона неудачи, подарилъ ему довольно значительное имѣніе.

Подарокъ этотъ былъ сдѣланъ такимъ благороднымъ образомъ, что самъ Бэконъ говорилъ въ послѣдствіи: «я не зналъ, чему мнѣ болѣе радоваться и за что болѣе благодарить: за самый подарокъ или за то, какъ онъ мнѣ былъ предложенъ». Отправляясь потомъ въ походъ противъ Испаніи, Эссексъ завѣщалъ друзьямъ своимъ беречь Бэкона, будущую славу и надежду Англіи. Известно, какая судьба постигла Эссекса. Увлеченный пылкимъ характеромъ своимъ, высоко поставленный королевою, любимый народомъ, онъ въ минуту негодованія рѣшился на поступокъ, которому нѣтъ оправданія, и поднялъ оружіе противъ правительства. Елизавета хорошо знала горячій нравъ своего любимца. Ей были извѣстны несчастныя обстоятельства, которыя помрачили его разсудокъ и довели его до безумнаго возстанія, котораго исходъ онъ могъ легко предвидѣть. Есть причины думать, что королева искренно желала спасти Эссекса и противъ воли уступила настояніямъ его враговъ. Противъ него была могущественная партія, въ рядахъ которой сталъ знаменитый Вальтеръ Ралли. Это одна изъ тѣхъ личностей, мимо которыхъ нельзя пройти безъ вниманія. Ралли соединялъ дарованія полководца, моряка, поэта и ученаго, съ ловкостію искуснаго царедворца. Онъ долго боролся съ Эссексомъ, и наконецъ при помощи Сесилей (Бурлея) достигъ своей цѣли. Я долженъ по этому поводу упомянуть о той печальной роли, которую Бэконъ, повидимому добровольно, принялъ на себя въ процессѣ, кончившемся казнію Эссекса. Сначала онъ старался оправдать своего бывшего покровителя предъ королевою, но когда дѣло это приняло дурной оборотъ и подало поводъ къ толкамъ о друзьяхъ и соумышленникахъ графа, Бэконъ поспѣшно отступился отъ него и перешелъ на сторону его непріятелей: онъ участвовалъ между прочимъ въ составленіи обвинительнаго акта. Во все продолженіе процесса, Эссексъ ни разу не упрекнулъ осыпаннаго его благодѣяніями обвинителя въ неблагодарности и не напомнилъ ему прежней дружбы. Должностныя обязанности не могли служить Бэкону оправданіемъ, тѣмъ болѣе что онъ обнаружилъ болѣе усердія, чѣмъ требовалось. Послѣ казни Эссекса, онъ даже написалъ и надалъ небольшое сочиненіе, въ которомъ съ обыкновеннымъ талантомъ своимъ доказывалъ справедливость исполненнаго приговора и жестоко нападалъ на память несчастнаго графа, загладившаго вину свою искреннимъ раскаяніемъ и смертію. Поведеніе Бэкона было замѣчено и оцѣнено по достоинству

современниками. Тогда уже въ обществѣ утвердилось глубокое уваженіе къ его дарованіямъ и недовѣріе къ его нравственнымъ свойствамъ. Королева не сочла нужнымъ благодарить его за послѣднія услуги, и Бэконъ долженъ былъ терпѣливо ждать новаго царствованія. При преемникѣ Елизаветы дѣла его дѣйствительно поправились. Іаковъ I былъ человѣкъ довольно ограниченаго ума, но онъ любилъ науки и высоко цѣнилъ ученые труды. Великія дарованія и обширныя свѣдѣнія Бэкона проложили ему наконецъ дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Говорить ли о томъ, какъ онъ пользовался своею властію и своимъ вліяніемъ? Разсказъ мой представить вамъ мало отрадныхъ и свѣтлыхъ подробностей. Нельзя конечно отрицать заслугъ оказанныхъ Бэкономъ Англіи на поприщѣ политической дѣятельности, но съ другой стороны нельзя также не сознаться, что дѣла его стояли не въ уровень съ его силами, и что отечество его было въ правѣ ожидать и требовать несравненно большей пользы отъ геніальнаго сановника, превосходившаго умомъ и знаніями всѣхъ своихъ современниковъ. Никто, быть можетъ, не понималъ такъ глубоко, какъ онъ, движеній общественнаго мнѣнія въ Англіи; но онъ едва ли когда нибудь сказалъ королю слово о необходимости мѣръ способныхъ отвратить опасности, грозившія престолу и народу. Дорожа своимъ положеніемъ при дворѣ, онъ былъ малодушнымъ угодникомъ всѣхъ временщиковъ, которыми такъ богато царствованіе Іакова I и не разъ выказывалъ постыдную готовность на услуги, несогласныя съ его убѣжденіями и съ достоинствомъ благороднаго человѣка вообще. Укажемъ на содѣйствіе его въ раздачѣ вредныхъ для государства монополій, на дѣла, рѣшенныя имъ противъ закона въ пользу знатныхъ и сильныхъ просителей, на его преступную уступчивость въ вопросахъ политическихъ. Достаточно для нашей характеристики одного примѣра. У стараго, выжившаго изъ ума проповѣдника Пичама найдена была въ рукописи проповѣдь, содержавшая въ себѣ выраженія, изъ которыхъ ясно слѣдовало, что авторъ принадлежалъ къ сектѣ пуританъ, уже обратившей на себя вниманіе смѣлою борьбою съ англиканскою церковью. Замѣтимъ притомъ, что по произведенному слѣдствію не только не доказано, что Пичамъ дѣйствительно произнесъ найденную у него проповѣдь, но даже подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ ее писалъ. Тѣмъ не менѣе Бэконъ взялъ на себя это дѣло и обязался вынудить у подсудимаго полное

признаніе. Средство, употребленное имъ для достиженія этой цѣли, была пытка. Всѣ усилія лорда Бэкона, лично присутствовавшего при допросахъ, были однако безполезны. Пичамъ, какъ кажется, отъ страха и боли окончательно потерявшій рассудокъ, не далъ никакихъ показаній. Есть писатели, которые оправдываютъ поступки Бэкона въ этомъ случаѣ духомъ вѣка. Мы сознаемъ вполне перевѣсъ понятій, принадлежащихъ цѣлой эпохѣ и цѣлому народу, надъ умственными силами отдѣльнаго лица и не поставимъ въ укоръ Греку или Римлянину поступковъ и мнѣній, неприличныхъ человѣку нашего времени; но такое оправданіе едвали можетъ быть допущено въ пользу Бэкона. Неужели ему, стоявшему во главѣ умственнаго движенія своей эпохи, обвинявшему самыхъ разнородныхъ сферы знанія, можно было вѣрить въ признаніе, вырванное орудіями пытки? Неужели въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ниже другихъ англійскихъ юристовъ, которые уже давно возставали противъ безчеловѣчнаго уголовного судопроизводства Среднихъ вѣковъ? Скажемъ лучше, что суетность слабого характера взяла верхъ надъ силою мысли и заставила Бэкона дѣйствовать вопреки пониманію и сердцу, потому что отъ природы онъ былъ добродушенъ и кротокъ. Вѣроятно находились и найдутся еще люди, для которыхъ нравственное паденіе Бэкона было предметомъ нечистой радости, ибо оно служило извиненіемъ ихъ собственнаго ничтожества; но тому, кто дорожитъ достоинствомъ челоовѣческой природы и вѣруетъ въ благородное назначеніе нашего рода на землѣ, нельзя безъ глубокой скорби читать страницы, содержащія въ себѣ печальную повѣсть о гражданской дѣятельности одного изъ величайшихъ мужей всеобщей исторіи. Не думаю однако, чтобы мы были вправѣ, изъ ложнаго уваженія къ памяти знаменитаго мыслителя, таить содержаніе этихъ страницъ. Въ нихъ заключается высокій, хотя горькій, урокъ умственной гордости. И къ чему привели Бэкона дѣла, навлекшія на него справедливое презрѣніе современниковъ? Мелкими угожденіями лицамъ онъ отнялъ у себя возможность истинно-великихъ заслугъ отечеству. Съ его талантами и тѣмъ краснорѣчіемъ, о которомъ съ единодушнымъ восторгомъ отзываются всѣ современники, ему было бы легко дать иное направленіе оппозиціи, которая уже обнаруживалась въ нижней камерѣ и вела прямо къ кровавому перевороту, стоявшему жизни и престола Карлу I-му. Почести и награды, сыпавшіяся на Бэкона, по видимому ослѣпляли его. Въ

теченіе немногихъ лѣтъ онъ былъ возведенъ въ должности хранителя государственной печати и канцлера, получилъ титулы барона Веруламскаго и виконта Сентъ Альбана. Онъ стоялъ у конца своего гражданскаго поприща. Выше ему уже нельзя было подняться на этой лѣстницѣ. Но страхъ утратить положеніе, купленное цѣною такихъ нравственныхъ жертвъ, пересиливалъ въ Бэконѣ всѣ другія, благороднѣйшія побужденія. Онъ прикладывалъ вѣренную ему государственную печать къ актамъ, которые принадлежать къ числу самыхъ постыдныхъ памятниковъ жалкой эпохи, составляющей продолженіе великаго царствованія Елизаветы. Не могу также умолчать объ отношеніяхъ его къ любимцамъ Іакова I. Однажды ему случилось навлечь на себя гнѣвъ герцога Боккингама заступленіемъ за правое дѣло. Верховный судья англійскаго королевства явился униженнымъ просителемъ въ прихожей паглаго временщика и съ колѣнопреклоненіемъ молилъ о прощеніи ему неосторожнаго поступка. А между тѣмъ Бэкона нельзя назвать положительно дурнымъ, тѣмъ меньше жестокимъ или злымъ человекомъ. Онъ былъ только суетенъ и малодушенъ. Подобно многимъ, онъ ставилъ вѣншія блага, украшающія жизнь, выше самой жизни. Быть можетъ онъ нашелъ бы въ высокомъ умѣ своемъ силу, нужную для того, чтобы умереть съ достоинствомъ; но жить въ бѣдности и неизвѣстности былъ онъ не въ состояніи. Ему нуженъ былъ вѣншній блескъ, почести, богатство, однимъ словомъ, всѣ условія изящнаго и роскошнаго быта. Современники съ похвалою отзываются объ его щедрости и томъ радушномъ приѣмѣ, какой находили у него ученые и писатели. Великолѣпное помѣстье, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ свободные отъ служебныхъ занятій лѣтніе мѣсяцы, было сборнымъ мѣстомъ для самаго образованнаго общества Англіи. Бэконъ охотно принималъ къ себѣ юношей, оказывалъ имъ покровительство и дѣлился съ ними своими знаніями. Въ началѣ 1621 года Бэконъ былъ возведенъ въ званіе виконта Сентъ-Альбана. Вскорѣ послѣ праздника, которымъ сопровождалось его возвышеніе, созванъ былъ парламентъ. Первымъ дѣломъ нижней камеры было составленіе комиссіи, которой поручено было изслѣдовать состояніе судопроизводства въ Англіи. Черезъ двѣ недѣли докладчикъ комиссіи сиръ Робертъ Филиппсъ, котораго имя потому вошло въ исторію, доложилъ камерѣ, что въ судахъ Англіи нѣтъ правды, что правосудіе можно покупать за деньги, и что главнымъ виновникомъ и покрови-

телемъ злоупотребленій былъ человѣкъ, «котораго имя», сказалъ Филиппъ, «нельзя произнести безъ особеннаго уваженія, въ похвалу котораго ничего не говорю, ибо онъ выше всѣхъ похвалъ; этотъ человѣкъ — лордъ канцлеръ». Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти слова. Прежніе проступки Бэкона были закрыты величіемъ обнаруженныхъ имъ дарованій; мягкій и общежительный нравъ пріобрѣлъ ему расположеніе даже такихъ людей, въ глазахъ которыхъ геній не могъ служить замѣною нравственнаго достоинства или оправданіемъ душевной низости. Процессъ Бэкона обратилъ на себя вниманіе цѣлой Европы. Дѣло было ведено не только съ строгимъ соблюденіемъ законныхъ формъ, но съ возвышеннымъ чувствомъ приличій. Судьи были очевидно проникнуты сознаніемъ, что ихъ приговоръ долженъ пасть на главу, освященную высшими дарами Бога. Они судили, по словамъ одного англійскаго писателя, Манлія въ виду Капитолія. Обвинительныхъ пунктовъ набралось болѣе двадцати. Злоупотребленія лорда канцлера въ отправленіи правосудія не подлежали никакому сомнѣнію, хотя многое изъ того, что прямо ему приписывалось, было дѣломъ подчиненныхъ, къ которымъ онъ оказывалъ излишнюю, объясняемую впрочемъ собственнымъ поведеніемъ, снисходительность. Къ тому же, какъ мы уже замѣтили, у него недоставало твердости въ чемъ нибудь отказать Бокингаму или другому сильному при дворѣ человѣку.

При первомъ извѣстіи о грозившемъ ему несчастіи, Бэконъ легъ въ постель, пересталъ пускать къ себѣ членовъ своего семейства и просилъ только, чтобы объ немъ скорѣе забыли: да исчезнетъ имя мое изъ книги живыхъ, твердилъ онъ. Когда къ нему явилась депутація отъ палаты лордовъ за изустными показаніями, онъ призналъ справедливость большей части обвиненій и не сдѣлалъ ни малѣйшаго покушенія къ оправданію себя. До насъ дошло письмо, писанное имъ къ палатамъ. Сознавая вполне вину достойную самаго строгаго наказанія, Бэконъ молилъ судей своихъ не ломать окончательно уже надломанной трости. Въ камерѣ лордовъ засѣдали многіе изъ личныхъ враговъ канцлера. Въ числѣ ихъ были друзья графа Эссекса, замѣшанные въ его дѣло. Они вѣроятно помнили роль, какую тогда игралъ Бэконъ, но никто изъ нихъ не оскорбилъ его намекомъ на прошлое, никто не обнаружилъ непріязненнаго къ нему чувства. Даже сирь Эдвардъ Кокъ, равно знаменитый юридическими знаніями и до-

ходившею до жестокости грубостію формъ, велъ себя въ этомъ случаѣ какъ «истинный джентльменъ», по словамъ историка.

Приговоръ состоялся. Верховный судья англійскаго королевства былъ объявленъ лихоимцемъ, недостойнымъ засѣдать въ палатахъ или исправлять какую либо государственную должность. Сверхъ того онъ былъ присужденъ къ заключенію въ Лондонской Башнѣ и къ уплатѣ 40,000 фунтовъ пени. Милость короля отвратила исполненіе тяжкаго приговора и даже возвратила Бэкону часть утраченныхъ имъ почестей; но онъ не рѣшился явиться снова въ верхней камерѣ и сѣсть рядомъ съ бывшими своими судьями. Подъ бременемъ заслуженнаго позора прожилъ онъ еще пять лѣтъ. Несмотря на измѣнившееся положеніе, онъ не могъ отстать отъ прежнихъ привычекъ къ роскоши и не умѣлъ примириться съ своею участію. Онъ умеръ въ 1626 году жертвою своей любознательности. На возвратномъ пути изъ Лондона въ помѣстье, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ время, ему пришла въ голову мысль набить снѣгомъ только что убитую птицу и испытать, какъ долго можетъ дѣйствіе холода удержать разложеніе организма. Занятый этою мыслию, онъ вышелъ изъ экипажа и приготовилъ все нужное для задуманнаго опыта. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ почувствовалъ сильный ознобъ и принужденъ былъ просить гостепріимства въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ и скончался. Последнія минуты его были посвящены религіи и наукѣ. Предъ самою смертію, онъ собралъ угасавшія силы и написалъ къ одному изъ друзей своихъ письмо, въ которомъ между прочимъ увѣдомляетъ «что опытъ съ птицею удался ему превосходно». Въ духовномъ завѣщаніи своемъ онъ съ гордымъ смиреніемъ поручаетъ память и имя свое милосердію людей, чуждымъ народамъ и отдаленнымъ вѣкамъ.

Но до сихъ поръ еще мы не видали заслугъ Бэкона. Въ васъ быть можетъ уже возникалъ вопросъ: зачѣмъ я вызвалъ передъ вами его опозоренную тѣнь? по какому праву поставилъ его на ряду съ Александромъ Великимъ и Лудовикомъ Святымъ, на ряду съ тѣми мучениками науки, которые, презирая всѣ блага и обольщенія жизни, радостно гибли за свои убѣжденія? Позвольте мнѣ предварительно напомнить вамъ о томъ, что было сказано мною въ началѣ этой лекціи о великомъ движеніи умовъ въ XVI столѣтіи. Отдавая полную справедливость высокимъ стремленіямъ тогдашнихъ мыслителей къ истинѣ, мы должны однако сказать, что ихъ отдѣльные труды и цѣлая лите-

ратура той эпохи носят на себѣ печать лихорадочной тревоги духа, не уяснившего себѣ задачу собственной дѣятельности. Съ одной стороны видимъ доведенное до безумныхъ крайностей поклоненіе древности, съ другой безусловное отрѣшеніе отъ прошедшей и настоящей жизни человѣчества въ пользу какихъ-то неопредѣленныхъ идеаловъ, имѣющихъ осуществиться въ будущемъ. Великія открытія въ сферѣ естествовѣдѣнія идутъ рядомъ съ глубокою вѣрою въ магію и алхімію. Идеализмъ и мистика, ищущіе въ кабалѣ разгадки тайнъ, неразрѣшимыхъ для разума, граничатъ съ самымъ грубымъ матеріализмомъ. Жизнь науки состоитъ изъ борьбы, изъ разрѣшенія противорѣчій; но XVI вѣкъ представляетъ намъ не борьбу, а хаотическое броженіе необузданныхъ, враждебныхъ между собою стихій.

Здѣсь не можетъ быть мѣста изложенію Бэконовой дѣятельности въ сферѣ науки и разбору его системы. Мое дѣло показать только, въ чемъ заключались его историческія заслуги. Слава Бэкона долго основывалась на странномъ недоразумѣніи. Ему приписывали изобрѣтеніе новаго метода, т. е. наведенія, противопоставленнаго имъ схоластическому силлогизму. Какъ будто наведеніе было дотогѣ неизвѣстно и не принадлежитъ къ числу тѣхъ необходимыхъ орудій, которыми отъ начала міра снабженъ для ежедневнаго употребленія умъ человѣческій? Также несправедливо мнѣніе людей, называющихъ лорда Веруламскаго создателемъ новой системы логики. *Novum organum* вовсе не имѣетъ такого значенія. Величіе Бэкона опирается на другія основанія. Отдѣльные открытія, которыми ознаменовано его время, принадлежатъ не ему. Другіе далеко опередили его глубиною и важностію частныхъ изслѣдованій. Но никто изъ современниковъ не взглянулъ съ такою ясностію и отчетливостію на цѣлое движеніе, которое совершалось кругомъ. У Бэкона не закружилась голова отъ этого зрѣлища. Онъ не впалъ въ малодушное отчаяніе отъ массы не переработанныхъ мыслей матеріаловъ, не погрузился въ скептицизмъ и счумѣлъ однако устоять противъ вакхическаго упоенія умовъ. Онъ вступилъ, какъ законодатель, въ область, гдѣ до него господствовало безначаліе, подвелъ итоги всему сдѣланному и указалъ на цѣли дальнойшей дѣятельности. Ему первому пришла мысль о построеніи всѣхъ знаній нашихъ въ одну органическую науку. Онъ задумалъ такую энциклопедію, каковая невозможна даже теперь, черезъ два вѣка послѣ его кончины. Величіе его заключается во всеобъемлемости и независимо-

сти взгляда. Онъ не искалъ истины въ діалектической игрѣ опредѣленіями, которую такъ любили средневѣковые философы, и не думалъ найти ее готовую въ завѣщанныхъ намъ памятникахъ классической древности. «Обыкновенное мнѣніе о древности, по его словамъ, весьма не точно и даже въ самыхъ словахъ едва ли соответствуетъ своему значенію; потому что древностью должно по настоящему считать старость и многолѣтіе міра, которыя слѣдуетъ приписать нашимъ временамъ, а не тому младшему возрасту вселенной, котораго свидѣтелями были древніе. Та эпоха въ отношеніи къ нашей, конечно, древняя и старѣйшая, но въ отношеніи къ самому міру она новая и младшая. И какъ отъ стараго человѣка ожидаемъ мы, по его опытности, болѣе знанія въ дѣлахъ человѣческихъ и болѣе зрѣлости въ сужденіяхъ, чѣмъ отъ молодаго, такъ точно и отъ нашей эпохи должны мы ожидать большаго, нежели отъ древнихъ временъ, потому что она представляетъ собою старѣйшій возрастъ міра и обогащена безконечнымъ множествомъ опытовъ и наблюденій». Исполненный вѣры въ силы разума, даннаго намъ Творцемъ, Бэконъ питалъ глубокое уваженіе къ наукѣ, ибо «знаніе и могущество человѣческое сходятся во едино. Наука есть ничто иное, какъ образъ истины. Истина бытія и истина познанія одно и то же». Но съ другой стороны онъ не требовалъ отъ науки невозможнаго и напередъ указалъ на грани, которыя отдѣляютъ ее отъ другихъ недоступныхъ пытливому уму областей. Практическое воззрѣніе Англичанина высказалось въ слѣдующихъ словахъ: «истинная цѣль всѣхъ наукъ состоитъ въ надѣленіи жизни человѣческой новыми изобрѣтеніями и богатствами». Природа должна служить постояннымъ матеріаломъ для духа, который располагаетъ ею только тогда, когда сознаетъ ея законы и подчиняется имъ. Неприложимое къ дѣйствительнымъ потребностямъ человѣка знаніе не имѣло значенія въ глазахъ Бэкона. Слова его возвышаются до поэзіи, когда онъ говоритъ о будущихъ побѣдахъ разума, объ его призваніи облагородить жизнь устраненіемъ тѣхъ золъ, которыхъ корень заключается въ невѣжествѣ. Торжественная рѣчь его звучитъ въ такихъ случаяхъ какъ обращенное къ намъ велѣніе идти по пути имъ указанному.

Я не скрылъ отъ васъ грѣховъ лорда Веруламскаго. Но его гражданская дѣятельность забыта, смѣю сказать искуплена другой, которой онъ посвящалъ немногіе часы дневнаго досуга и безсонныя ночи

свои. Тогда продажный и суетный лордъ-канцлеръ уступалъ мѣсто благородному мыслителю, проникнутому горячею любовію къ человѣчеству и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. «Поверхностное знаніе отдаляетъ насъ отъ религіи, сказалъ онъ, основательное возвращаетъ къ ней снова». Въ сочиненіяхъ Бэкона находится собраніе сложенныхъ имъ молитвъ. Повторимъ еще разъ: его заслуга заключается не въ отдѣльныхъ открытіяхъ или трудахъ, а въ цѣломъ взглядѣ на науку, въ томъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на дальнѣйшую образованность Европы. Его мысли вошли въ умственную атмосферу двухъ послѣднихъ вѣковъ, проникли въ литературу, въ общее мнѣніе, сдѣлались ходячими истинами, общими мѣстами. Прибавимъ, что никто ни прежде, ни послѣ не превзошелъ его въ благородномъ пониманіи науки. Онъ болѣе чѣмъ кто другой знакомитъ насъ съ ея зиждительными и благими силами. Знаніе есть нѣчто положительное: оно отражаетъ и приводитъ къ ясному сознанію явленія духа и природы, но разрушеніе не его дѣло. Чаянія и требованія Бэкона приходятъ въ исполненіе: въ наше время образованность сдѣлалась необходимымъ условіемъ могущества для государствъ и сознательно-правственной жизни для отдѣльныхъ лицъ.

Англія давно простила Бэкону проступки сановника и поставила имя его на ряду съ самыми чистыми и благородными именами своей исторіи. Намъ неприлично быть строже соотечественниковъ Бэкона. Намъ нѣтъ дѣла до его человѣческихъ слабостей; мы не отвѣчаемъ за нихъ, но заслуги имъ совершенныя существуютъ и для насъ. Мы принимаемъ отъ Европы только чистѣйшій результатъ ея духовнаго развитія, устраняя всѣ стороннія или случайныя примѣси. Наука Запада есть единственное добро, которое онъ можетъ передать Россіи. Примемъ же это наслѣдіе съ должною признательностію къ тѣмъ, которые приготовили его для насъ, неожиданныхъ наслѣдниковъ, и не будемъ требовать у нихъ отчета, въ томъ какъ они наши достоящіе намъ сокровища. Наше дѣло увеличить эти сокровища достойными вкладками русской мысли и русскаго слова.

ПЪСПИ ЭДДЫ О ПИФЛУПГАХЪ.

(Посвящено гр. Е. В. Сальясь).

(Статья эта перепечатана изъ альманаха «Комета», изд. Г. Щепавнымъ въ 1851 году)

Въ сферѣ поэзіи нерѣдко встрѣчаются произведенія, наслажденіе которыми достается читателю, можно сказать, съ боя, вслѣдствіе напряженнаго усилія и изученія. Стыдливая красота такихъ произведеній неохотно выступаетъ наружу изъ подъ причудливой формы, въ которую заключило ее своеправіе художника, или особенный, историческими условіями опредѣленный складъ народной мысли. Этою независимою отъ внѣшняго убора красотой внутренняго содержанія отличаются поэтическіе памятники исландской литературы. Въ нихъ не должно искать ни изящной формы классическаго и вообще южнаго искусства, ни свѣтлаго, успокоивающаго душу взгляда на жизнь. Зато въ сумрачномъ мірѣ скандинавской поэзіи мы встрѣтимъ образы, дивно отмѣченные трагическою красотой страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новыхъ европейскихъ литературъ.

Заселеніе Исландіи началось въ одно время съ разложеніемъ древняго языческаго и гражданскаго быта на Скандинавскомъ полуостровѣ. Въ концѣ XI вѣка по Р. Х. пали мелкія владѣнія прежнихъ конунговъ, уступая мѣсто единой державѣ Эйрика упсальскаго въ Швеціи, Горма стараго въ Даніи и Гаральда прекрасноволосаго въ Норвегіи. Тогда же проникли въ пустыни и лѣса Скандинавіи первые проповѣдники христіанства, Св. Ансгарій и его послѣдователи. Царствованію Одина и Азова наступилъ конецъ. Но этотъ переломъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и привычкахъ не могъ совершиться безъ мучи-

тельной и упорной борьбы. Многочисленные приверженцы старины ушли добровольными изгнанниками отъ новаго, возникавшаго на ихъ родинѣ порядка вещей. Исландія была для нихъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Америка для гонимыхъ сектъ и мнѣній западной Европы въ XVII столѣтіи. Далекій, бѣдный дарами природы островъ ¹⁾ принялъ на свою почву не бездомныхъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ преслѣдованій закона или отъ голодной смерти, а цвѣтъ норвежскаго и вообще скандинавскаго племени, потомковъ древней аристократіи, ведшихъ свое происхожденіе отъ Азовъ и не хотѣвшихъ измѣнить религіознымъ и политическимъ преданіямъ, съ которыми связано было значеніе ихъ родовъ. Они принесли съ собою въ новое отечество, вмѣстѣ съ прекраснымъ и звучнымъ языкомъ, цѣлую вымиравшую въ собственной Скандинавіи мнѳологію и изумительное богатство героическихъ пѣсенъ и преданій.

Такимъ образомъ Исландіи досталось на долю быть послѣднимъ убѣжищемъ скандинавскаго язычества и связаннаго съ нимъ гражданскаго быта. Отрѣшенная своимъ положеніемъ отъ живаго движенія исторіи страна въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ хранила этотъ бытъ какъ поучительную для будущихъ поколѣній окаменѣлость. Даже по принятіи христіанства, Исландцы оставались вѣрны обычаямъ старины. Тамошнее духовенство не принимало участія въ честолюбивыхъ стремленіяхъ римско-католической іерархіи и предпочитало родной языкъ латинскому, сковавшему надолго самостоятельное развитіе западныхъ литературъ. Исландскіе священники не только не истребляли, по примѣру своихъ южныхъ собратій, памятниковъ языческой старины, но тщательно собирали ихъ и хранили при помощи ими же введенной азбуки. Такъ образовалась исландская литература, главные произведенія которой принесены были на этотъ островъ колонистами IX и X столѣтій, хранились долгое время въ памяти народа и потомъ уже, въ эпоху христіанства и грамотности, преданы письму. Однимъ изъ древнѣйшихъ сборниковъ такого рода считается старая Эдда, составленная въ началѣ XII вѣка изъ мнѳоло-

¹⁾ Впрочемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до X-го столѣтія климатъ Исландіи былъ мягче и почва плодороднѣе, чѣмъ теперь. Островъ, по свидѣтельству исландскихъ сагъ, былъ покрытъ лѣсами, которыхъ въ настоящее время нѣтъ вовсе, и жители занимались земледѣіемъ. Теперь лѣсъ не родится болѣе, а выписывается изъ Даніи.

гическихъ и эпическихъ пѣсень, записанныхъ священникомъ Семундомъ Вѣщимъ. Семундова Эдда относится къ позднѣйшей поэзіи скальдовъ, отъ которой ее не всегда должнымъ образомъ отличаютъ ¹⁾, какъ вообще народная пѣсня относится къ искусственной поэзіи, подчиненной многосложнымъ правиламъ и носящей на себѣ отпечатокъ личности поэта. Пѣсни Эдды, въ особенности мнѳологическія, принадлежатъ самой глубокой древности. Въ нихъ Скандинавъ высказалъ вполнѣ свое воззрѣніе на жизнь боговъ и человѣка. Воззрѣніе это мрачно, какъ природа и исторія, которыя его воспитали. Поклонникъ Азовъ носитъ въ груди своей скорбное сознаніе, что боги его не вѣчны, что они такія же преходящія существа, какъ онъ самъ. Немолчно поетъ пророчица Вола о предстоящей богамъ гибели. Въ другой пѣснѣ Эдды (Loka-sena), злой Азъ Локи осыпаетъ прочихъ Азовъ язвительными насмѣшками и бранью. Впечатлѣніе, производимое этою пѣснью, которую многіе ошибочно принимали за позднѣйшую вставку христіанскаго монаха, глубоко трагическое. Въ ея звукахъ слышится болѣзнь изыскаемой души, противъ воли отрѣшающейся отъ древнихъ вѣрованій и горько сѣтующей на оставленныхъ ею боговъ за ихъ несостоятельность. Въ изступленіи недовольной обычными опасностями отваги, скандинавскіе витязи часто вызывали на бой Одина и Тора, самыхъ сильныхъ въ сонмѣ Азовъ, и ругались надъ ними за то, что они не отвѣчали на безумный вызовъ. Только христіанство могло божественною силою своею успокоить эту страшную тревогу сѣвернаго духа и обуздать его титаническіе порывы.

Эпическій отдѣлъ Эдды посвященъ судьбѣ трехъ знаменитыхъ, обреченныхъ богами на великую славу и великія страданія родовъ: Вользунговъ, Ниелунговъ и Будлинговъ. До насъ дошла только часть этихъ исполненныхъ высокою поэзіи и по содержанію тѣсно связанныхъ между собою пѣсень. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ равно германскому и сѣверному эпосу. Сигурдъ Эдды и нѣмецкій Сигоридъ — одно и тоже лице; Ниелунги суть Нибелунги; Атли — Этцель. Зато пѣсни о Вользунгахъ составляютъ исключительную собственность Скандинавіи. Изъ этихъ пѣсень сохранились только три, которыхъ героемъ является Гелги, внукъ Вользунга и братъ Сигурда. Гельги

¹⁾ Такъ напр. Марье называетъ Эдду *«antique monument de la mythologie et de la poésie des scaldes»*. *Chants populaires du Nord* p. 5.

вовсе неизвѣстенъ нѣмецкой сагѣ, но между скандинавскими героями ему нѣтъ равнаго. Онъ стоитъ выше даже брата своего Сигурда, связующаго судьбу Вользунговъ съ судьбою Нифлунговъ. Преданіе о послѣднихъ составить содержаніе нашей статьи. Мы не войдемъ въ разборъ отношенія, существующаго между пѣснями Эдды и германскимъ эпосомъ, который очевидно моложе. Слѣдуя примѣру, съ такимъ успѣхомъ поданному Гротомъ (Groote) при изложеніи греческихъ мифовъ и народныхъ преданій, мы не станемъ доискиваться таинственнаго смысла, сокрытаго въ сагѣ о Нифлунгахъ, и постараемся передать нашимъ читателямъ простое содержаніе этихъ пѣсень, жившихъ въ устахъ и памяти древняго Скандинава. Онъ вѣрилъ имъ на слово и конечно былъ бы глубоко оскорбленъ попытками новыхъ толкователей, старавшихся обратить могучихъ и полныхъ жизни героевъ сѣверной поэзіи въ блѣдные призраки, символы или аллегоріи.

Источники наши суть: старая Эдда, новая Эдда Снорри Стурлусона ¹⁾ и Вользунга-сага ²⁾.

Въ то время, когда Азы еще странствовали по свѣту, случилось Одину, Локи и Гениру проходить мимо водопада, у котораго сидѣла выдра и ѣла, зажмуривъ глаза, пойманную ею рыбу. Локи бросилъ въ выдру камень и убилъ ее. Довольные такою удачею, Азы пошли далѣе. Вечеромъ они пришли къ хижинѣ чародѣи Грейдмара и попросили у него ночлега. Готовясь къ ужину, они показали своему хозяину добычу Локи. Грейдмаръ узналъ въ убитомъ звѣрѣ сына своего Огура, славнаго охотника, который подъ видомъ выдры ловилъ рыбу. Раздраженный отецъ позвалъ сыновей своихъ, Фафнира и Регина, и вмѣстѣ съ ними напалъ на неосторожныхъ гостей. Связанные по рукамъ и ногамъ, Азы предложили въ видѣ выкупа за совершенное ими убій-

¹⁾ Новая эдда, составленіе которой приписывается знаменитому исландскому ученому Снорри Стурлусону въ XIII столѣтіи, есть нѣчто въ родѣ назначенной для употребленія молодыхъ скальдовъ пѣснени. Она состоитъ изъ трехъ частей: 1. краткаго обзора скандинавской мифологіи; 2. собранія поэтическихъ выраженій и оборотовъ, заимствованныхъ у древнихъ скальдовъ; и 3. собственной Скальды, въ которой изложены правила скандинавскаго стихосложенія.

²⁾ Вользунга-сага есть, написанное въ прозѣ, взятое изъ пѣсень старой Эдды повѣствованіе о Вользунгахъ. Въ особенности подробно изложена исторія Сигурда. Видно, что у составителя этой саги были подъ рукою пѣсни, до насъ дошедшія.

ство, наполнить снятую съ выдры шкуру золотомъ и покрыть ее сверху тѣмъ же металломъ ¹⁾. Грейдмаръ согласился, и Локи отправился за обѣщаннымъ золотомъ. Онъ поймалъ карлу Андвари, который жилъ какъ рыба въ водѣ, и потребовалъ отъ него его сокровищъ, спрятанныхъ на рѣчномъ днѣ. Андвари далъ все, кромѣ кольца, которое онъ скрылъ въ рукѣ. Кольцо это одарено было свойствомъ обогащать своего владѣльца. Но Локи замѣтилъ хитрость Андвари, и несмотря на его просьбы, отнялъ у него волшебное кольцо. Оно погубить всѣхъ будущихъ своихъ владѣльцовъ, сказалъ ограбленный карла. Кольцо очень нравилось Локи; но ему въ свою очередь не удалось скрыть его отъ Грейдмара, который взялъ его съ остальнымъ золотомъ какъ выкупъ за смерть Отура; причемъ Одинъ подтвердилъ проклятіе, произнесенное Андвари.

Дѣйствія роковаго кольца не замедлили обнаружиться. Грейдмаръ былъ убитъ сыновьями, съ которыми онъ не хотѣлъ подѣлиться полученными отъ Азовъ богатствами. Потомъ возникла ссора между Фаениромъ и Региномъ. Первый овладѣлъ наслѣдіемъ отца, удалился на равнину Гвитагейди, и обратившись въ змѣя, сталъ сторожить свои сокровища. Регинъ нашелъ убѣжище при дворѣ короля Хіалпрека. Онъ воспиталъ тамъ послѣдняго изъ Вользунговъ, Сигурда Сигмундсона. Регинъ былъ искусный кузнецъ и сковалъ для своего воспитанника мечъ Грамъ, до того крѣпкій и острый, что имъ можно было и разрубить наковальню и разрѣзать надвое плывшую по водѣ прядь шерсти ²⁾.

Когда Сигурдъ достигъ совершеннолѣтія, онъ взялъ свой мечъ, сѣлъ на коня Грани и отправился за славою. Пѣсни Эдды объ немъ начинаются съ бесѣды его съ Грипиромъ, братомъ его матери ³⁾. Грипиръ одаренъ знаніемъ будущаго: неохотно повинуется онъ волѣ племянника и открываетъ ему судьбу, его ожидающую. Сигурдъ не довольствуется обѣщанною ему славою; онъ хочетъ знать напередъ, какой конецъ предстоитъ ему. Грипиръ заключаетъ свои предсказанія,

¹⁾ Этотъ родъ выдры сохранился въ Германіи почти до нашихъ временъ. Въ Эрленбахѣ, что на Цюрихскомъ озерѣ, существовало въ концѣ прошлаго столѣтія помѣстье право. Крестьянинъ, убившій выдру у другого, обязанъ былъ засыпать ромью или другимъ хлѣбомъ растянутую шкуру убитаго животнаго. См. Mone, Anzeiger für Kunde des deutschen Mittelalters, 1836 г.

²⁾ Вользунга-сара.

³⁾ Первая пѣснь о Сигурдѣ называется также Gripispa (предсказаніе Грипира).

составляющія мрачное введеніе къ трагическому эпосу, въ средоточіи котораго стоитъ Сигурдъ, утѣшительными словами: «лучшаго мужа, чѣмъ ты, не будетъ подъ солнцемъ, Сигурдъ!» Вользунгъ не палъ духомъ предъ неотразимымъ жребіемъ. Онъ благодаритъ дядю: «протиснися же мирно! судьбы никто не одолѣетъ. Ты исполнилъ желаніе мое, Грипиръ! Я знаю: ты предсказалъ бы мнѣ лучшую участь, если бы она была въ твоей волѣ».

Регинъ не забылъ обиды, нанесенной ему Фафниромъ. Онъ убѣждаетъ Сигурда овладѣть сокровищами, которыя были причиною кроваваго раздора въ семействѣ Грейдмара. Но у Сигурда есть другія обязанности. Онъ долженъ отмстить за смерть дѣда и отца, павшихъ въ битвѣ противъ сыновъ Гундинга. «Громко смѣялись бы сыны Гундинга», говоритъ онъ, «отнявшіе старость у Эйлима (отца Гюрдисы, матери Сигурда), еслибы отвагу витязя воспламеняли золотыя кольца, а не месть за отца». По совершеніи этой мести, Вользунгъ отправляется на змѣя Фафнира. Онъ вырылъ глубокую яму и сѣлъ въ нее. Кромѣ страшной силы, у Фафнира былъ еще шлемъ Эгира (морскаго духа), наводившій ужасъ на всю живую тварь. Сигурдъ вонзилъ однако мечъ свой прямо въ сердце змѣя, когда тотъ ползъ надъ ямою въ водѣ. Умирающій братъ Регина совѣтуетъ своему побѣдителю быть осторожнымъ и ссылается на собственный примѣръ:

Фафниръ. Съ тѣхъ поръ какъ берегу мое сокровище, я ношу шлемъ Эгира. Я думалъ, что между людьми нѣтъ никого сильнѣе меня. Немного смѣлыхъ видѣлъ я.

Сигурдъ. Не всегда можетъ шлемъ Эгира служить защитой тамъ, гдѣ бьются отважные мужи....

Фафниръ. Черный ядъ билъ изъ ноздрей моихъ, когда я лежалъ на богатомъ наслѣдіи отца моего.

Сигурдъ. Змѣй, свергающій чешую, грозно было шипѣніе твое и жестоко сердце. Легко растетъ смѣлость у того, которому данъ шлемъ Эгира.

Совѣты Фафнира, убѣждающаго Сигурда не брать проклятаго Андвари золота и не довѣрять Регину, бесполезны. Регинъ приходитъ самъ послѣ смерти брата, пьетъ его кровь и проситъ Сигурда изжарить для него сердце убитаго. Этимъ способомъ надѣялся онъ достигнуть большей мудрости. Сигурдъ, исполняя возложенное на него коварнымъ воспитателемъ порученіе, дотронулся рукою до лежавшаго

на огнѣ сердца, обжегъ себѣ палецъ и невольно поднесъ его къ губамъ. Капля Фаенировой крови упала ему въ ротъ, и онъ сталъ понимать языкъ птицъ. Семь орлицъ сидятъ кругомъ его на деревьяхъ и ведутъ между собою рѣчь объ умыслѣ Регина погубить убійцу своего брата и присвоить себѣ его богатства. Сигурдъ слышитъ ихъ разговоръ; ему нельзя болѣе сомнѣваться въ опасности, которая ему угрожаетъ, онъ убиваетъ Регина, и навьючивъ на коня своего Грани Фаенирово золото, ѣдетъ далѣе.

На высокой горѣ стоитъ окруженная пламеннымъ сіяніемъ и составленная изъ щитовъ ограда. Сигурдъ нашелъ въ ней спавшаго въ полномъ доспѣхѣ воина. Снявъ съ соннаго шлемъ, онъ увидѣлъ черты женскаго лица. То была валькирія Брингильда ¹⁾. Она убила въ битвѣ Гіалмгунара, которому покровитель его Одинъ обѣщалъ побѣду, и въ наказаніе была погружена въ непробудный сонъ. Сигурдъ разрѣзалъ на ней очарованную броню и положилъ конецъ наложенному Однимъ заклятію. Брингильда объяснила Сигурду значеніе и дѣйствіе различныхъ руновъ. Несмотря на всѣ старанія новыхъ толкователей и переводчиковъ, эта часть Эдды весьма темна. Ясно только то, что подъ различными рунами здѣсь должно разумѣть мудрость и знаніе вообще. Къ загадочнымъ наставленіямъ своимъ валькирія присоединила нѣсколько характеризующихъ образъ мыслей древняго Скандинава совѣтовъ. Будь вѣренъ друзьямъ, говоритъ она; держи данную клятву; остерегайся совѣта людей, не покидавшихъ родины; избѣгай волшебницъ. «Для смѣлости въ битвѣ воину нужны добрыя очи, а на ратномъ пути часто сидятъ злыя колдуньи, притупляющія духъ и мечъ». Не соблазняйся приданнымъ дѣвѣ; не зачинай ссоры подъ вліяніемъ вина; не дай себя сжечь въ оградѣ, окруженной врагами; лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ; не искушай къ легкомысленнымъ поступкамъ чужихъ женъ и дѣвицъ. «Девятый совѣтъ мой тебѣ: не оставляй безъ покрова трупы, лежащія въ полѣ, какая бы ни была ихъ смерть: отъ заразы, отъ волнъ морскихъ или отъ оружія. Насыпь холмъ въ честь отшедшему, умой ему руки, разчеши и осуши волосы,

¹⁾ Валькирія, въ скандинавской мифологіи, дѣвы Одина, которыхъ онъ посылаетъ въ битву за душами павшихъ воиновъ. Изъ исторіи Брингильды и другихъ подобныхъ сказаній видно, что Валькиріи сами принимали участіе въ бою. Въ этихъ воинственныхъ дѣвахъ соединяются божественныя свойства Азоровъ съ человѣческими наклонностями. Онѣ обыкновенно обречены на безбрачіе.

прежде чѣмъ положишь его въ гробъ. Потомъ моли о сладкомъ снѣ ему. Не довѣрай словамъ родственниковъ убитаго тобою человѣка: вѣрь, что вражда и затаенный гнѣвъ не засыпаютъ никогда. Смотри, какими путями идетъ на тебя бѣда». Валакирія знаетъ также судьбу Сигурда и свою собственную. Въ словахъ ея много намековъ, обещающихъ это знаніе.

Вользунга-сага описываетъ знакомство Сигурда съ Брингильдою подробнѣе, чѣмъ Эдда. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей заимствованы изъ пѣсенъ, до насъ не дошедшихъ, другія вставлены, или, лучше сказать, сочинены самимъ составителемъ Саги. Въ пѣсняхъ Эдды не говорится вовсе о любви Брингильды къ Сигурду до брака ея съ Гуннаромъ. Можно догадываться, что она любила Вользунга; но яснаго свидѣтельства нѣтъ. Такая осторожность показываетъ простое и глубоко поэтическое чувство, которымъ проникнуты эти произведенія народной фантазіи. Въ Сагѣ, напротивъ, находится длинный рассказъ о томъ, какъ Сигурдъ и Брингильда полюбили другъ друга, какъ они обмѣнялись брачными обѣщаніями и даже прижили дочь Аслаугу.

Сигурду не нужно быть супругомъ валакиріи. Онъ женится на прекрасной Гудрунѣ, дочери короля Гіуки и Гримхильды. У Гіуки было еще три сына: Гуннаръ, Гогни и Гутормъ. Они носятъ названіе Гіукунговъ или Ниселунговъ. Сигурдъ соединенъ съ ними тѣсною дружбой и обѣтами ратнаго братства. Когда Гуннаръ задумалъ жениться на дочери Будли, сестрѣ Атли — Брингильдѣ, Сигурдъ предложилъ ему свою помощь и поѣхалъ съ нимъ за страшною невѣстой. Надобно было побѣдить большія, неодолимыя для Гуннара трудности. Жилище Брингильды окружено со всѣхъ сторонъ яркимъ пламенемъ. Никому еще не удавалось перешагнуть чрезъ эту ограду. Пораженный страхомъ конь Гуннара остановился. Тогда Сигурдъ принялъ видъ Гуннара и на своемъ Грани, который не терпѣлъ другаго всадника, промчался чрезъ пламя. Такимъ образомъ была обманута Брингильда, обѣщавшая руку свою тому, кто, преодолевъ всѣ опасности, которыми она окружила себя, явится предъ нею женихомъ. Она дала кольцо свое Сигурду, принимая его за Гуннара. Князь Гунновъ ¹⁾,

¹⁾ Подъ этимъ именемъ Эдда разумѣетъ здѣсь не историческихъ Гунновъ, а какое-то германское племя. Земля Гунновъ лежитъ на югѣ, не гдѣ именно, этого не опредѣляетъ совершенно географія скандинавской пѣсни. Настоящіе Гунны, во всей строгости, только подданы Атли или Атлины.

такъ называется пѣсня Сигурда, провелъ съ нею три ночи, но каждый разъ клалъ между ею и собою обнаженный мечъ. Онъ не коснулся ея ни устами, ни рукою, и передалъ ее во всей чистотѣ непорочной дѣвы ожидавшему ихъ Гуннару.

Цвѣтущее семейство окружаетъ короля Гюки и супругу его Гримхильду. При дворѣ ихъ живутъ дружно сыновья ихъ и зять съ женами своими. Но сердце Брингильды неспокойно: злая Норны смутили его. Она любитъ Сигурда и мучительно завидуетъ Гудрунѣ. Полная дурныхъ помысловъ уходитъ она на снѣжныя горы ночью, когда Сигурдъ ведетъ Гудруну на брачное ложе и заботливо одѣваетъ милую жену. Однажды случилось имъ обѣимъ, Гудрунѣ и Брингильдѣ, мыться въ Рейнѣ ¹⁾. Послѣдняя сошла въ рѣку, говоря, что не хочетъ мочить себѣ голову водою, текущею съ волосъ ея невѣстки. «Мой отецъ былъ сильнѣе твоего отца; мой мужъ совершилъ болѣе великихъ дѣлъ, чѣмъ твой: онъ переѣхалъ чрезъ пламенную ограду, а Сигурдъ былъ слугою короля Хялпрека». Тогда сказала ей Гудруна всю правду и показала ей обручальное кольцо, полученное Вользунгомъ, когда онъ принялъ видъ Гуннара. Кольцо это красовалось теперь на рукѣ Гудруны. Брингильда поблѣднѣла какъ мертвецъ и не молвила болѣе слова. Споръ возобновился однако на другой день Гудруна хвалилась, что люди поютъ объ ея мужѣ: «его побѣда надъ змѣемъ Фаэниромъ лучше всего царства Гуннарова». Брингильда легла на ложе свое и лежала какъ мертвая. Когда къ ней пришелъ Гуннаръ, она стала упрекать его въ обманѣ и хотѣла убить его. Скорбь ея тронула даже Гудруну, которая послала къ ней утѣшителемъ Сигурда. Предъ нимъ высказала горе свое Брингильда, призналась ему въ ненависти къ малодушному мужу и въ желаніи погубить его самого. Но отмстить Гуннару обманомъ за обманъ она не хотѣла, и рѣшилась сохранить ему вѣрность.

Во время этой бесѣды у Сигурда такъ билось сердце, что панцырь его треснулъ на немъ ²⁾.

¹⁾ О Рейнѣ можно тоже сказать, что и о Гуннахъ. Дѣло идетъ не о настоящемъ, нѣмецкомъ Рейнѣ, а о рѣкѣ вообще Rin, Rhinn — названіе, общее многимъ рѣкамъ. См. Ettmüller, die Lieder der Edda von den Nibelungen, стр. 28.

²⁾ Этотъ рассказъ взятъ изъ Вользунга — саги, которая очевидно заимствовала его цѣликомъ изъ древней пѣсни. Доказательствомъ могутъ служить сохранившіеся въ преданіи повѣствованіи стихи.

Брингильда убѣждаетъ мужа умертвить Сигурда, Тотни совѣтуетъ брату не слушать злой жены; но совѣты его безплодны. Онъ принужденъ самъ согласиться на убійство, въ которомъ впрочемъ ни ему, ни Гуннару нельзя принять личнаго участія, потому что они ратные братья Сигурда и клялись ему въ дружбѣ. Меньшой братъ ихъ Гутормъ не давалъ такихъ обѣтовъ. Они накормили его волчьимъ и зѣинымъ мясомъ и научили убить соннаго Сигурда. Гутормъ исполнилъ ихъ волю, но умирающій Вользунгъ бросилъ въ него мечъ свой Грамъ и разрубилъ его на двое. Прощаясь предъ смертью съ женою, Сигурдъ сказалъ ей: «я знаю, кто задумалъ преступленіе. Всею виною одна Брингильда. Она любила меня болѣе, чѣмъ другихъ людей, а Гуннару я всегда служилъ добромъ».

Плачь Гудруны разнесся по всему дому Гіуки, «и засмѣялась отъ полнаго сердца Брингильда, дочь Будли, когда долетѣлъ до нея пронзительный стонъ дочери Гіуки». Гуннаръ упрекаетъ жену за этотъ злобный хохотъ; но онъ въ то же время замѣчаетъ, что прекрасное лицо ея блѣднѣетъ. Ты задумала не доброе, говоритъ онъ, ты, кажется, близка къ смерти. Брингильда отвѣчаетъ ему признаніемъ, что она, кромѣ Сигурда, не любила никого, и предвѣщаетъ Нифлунгамъ гибель отъ руки ея брата Атли. Гуннаръ напрасно хочетъ ее успокоить. Она твердо рѣшилась умереть. Слуга ея и рабыни, которыхъ она приглашаетъ послѣдовать ея примѣру, предлагая имъ для предсмертнаго убора свои драгоценности, отказываются, говоря: «довольно труповъ здѣсь, мы хотимъ жить». Покрытая бѣлымъ покрываломъ, въ золотой бронѣ валькириі, Брингильда исполняетъ свой замыселъ и убиваетъ себя. Въ послѣднихъ словахъ ея странно, но поэтически звучитъ жестокая воля валькириі и грусть женщины, которой судьба «не дала счастливой любви». Она предсказываетъ еще разъ будущую участь Нифлунговъ и брата своего Атли; жалуется о малодушіи Гудруны, остающейся въ живыхъ, хотя ей суждено быть причиною гибели всѣхъ близкихъ, и проситъ похоронить себя вѣстѣ съ Сигурдомъ, положивъ однако посрединѣ тотъ же мечъ, который лежалъ между ними, когда Сигурдъ подъ видомъ Гуннара дѣлилъ съ нею брачное ложе. «Положите намъ въ головы двухъ слугъ моихъ, да двухъ къ ногамъ. Еще двухъ собакъ, да двухъ ястребовъ, тогда все будетъ хорошо», прибавляетъ она сообразно съ суровымъ обычаемъ родины. Слѣдующая за тѣмъ пѣсня Эдды передаетъ разговоръ умершей, нако-

дящейся на пути въ Гелу (подземный міръ) Брингильды съ исполншею, которая осыпаетъ ее укорами. Брингильда въ оправданіе себя рассказываетъ повѣсть своей жизни. Разсказъ этотъ коротокъ и не содержитъ почти ничего новаго. Видно изъ безпрестанныхъ повтореній, что судьба Сигурда и Брингильды была предметомъ многихъ пѣснь, которыя заимствовали одна изъ другой не только общія черты, но и самыя выраженія.

Первая изъ трехъ пѣсень, носящихъ имя Гудруны, описываетъ сѣтованіе Сигурдовой вдовы. Трудно себя представить что нибудь проще и поразительнѣе этой скорбной пѣсни.

«Однажды хотѣлось умереть Гудрунѣ, когда она печальная сидѣла у ногъ Сигурда. Она не рыдала, не ломала себя рукъ и не плакала по женскому обычаю.

«Пришли князья, и любовью своею хотѣли разогнать ея горькія думы. Не жаловалась, не плакала Гудруна. Сердце ея ломилось подъ тяжелымъ горемъ.

«Блестящія золотомъ, украшенныя жены князей сидѣли предъ Гудруною. Каждая говорила о своихъ страданіяхъ, о самомъ горькомъ въ собственной жизни.

«Гафлогга, сестра Гіуни, сказала: я извѣдала болѣе печали, чѣмъ многія другія. Пять разъ доходила до меня вѣсть о гибели супруговъ. Двухъ дочерей, трехъ сыновей, восемь братьевъ взяла смерть. Я живу одна.

«Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь объ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

«Тогда молвила Герборга, королева гуннской земли. Мнѣ можно пожаловаться на большее горе. Семь сыновъ и мужъ восьмой пали на южной землѣ подъ убійственной сталью.

«Отца и мать и четырехъ братьевъ обманулъ вѣтеръ на морѣ. Волны ворвались въ досчатые бока корабля. Самой мнѣ пришлось хоронить ихъ всѣхъ, напутствовать ихъ въ Гелу. Все это вытерпѣла я въ полгода, и некому было утѣшать меня.

«Скоро, послѣ печальныхъ дней, пришли враги, взяли и сковали меня. Каждое утро должна я была убирать жену ярла, завязывать ей обувь.

«Она мучила меня ревностію; быстро сыпались на меня ея удары. Не было господина милостивѣе, не было госпожи суровѣе.

«Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь объ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

«Тогда сказала Гюлронда, дочь Гіуки: ты мудра, пѣстунья, но ты не умѣешь облегчить утѣшеніемъ горе молодой жены. Она сняла покровъ съ головы князя. Сняла ему покровъ съ головы, и обернула щекою къ колѣнамъ супруги. Взгляни на милаго, приложи уста къ его устамъ, какъ цѣловала его при жизни.

«Гудруна подняла глаза, увидѣла запекшіеся въ крови волосы вож-
дя и померкшія свѣтлыя очи и разсѣченную мечемъ обитель отваги.

«Упала навзничь Гудруна; волосы ея рассыпались, щеки загорѣлись, и дождь полился изъ глазъ на колѣна. Тогда заплакала Гудруна, дочь Гіуки»....

Нибелунги, которыхъ заслонялъ собою Сигурдъ, выступаютъ послѣ его смерти главными дѣйствующими лицами на сцену. Они овладѣли наслѣдіемъ Фафнира и роковымъ кольцомъ, съ которымъ сопряжено проклятіе карлы Андвари. Чтобы отвратить отъ себя кровавое возмездіе за совершенное ими преступленіе, они убили Сигурдова сына и дали Гудрунѣ волшебный напстокъ, который на время отнялъ у нея память. Гримхильда закликаетъ дочь свою выдти замужъ за брата Брингильды, Будлинга Атли. Этотъ Атли есть не кто другой, какъ знаменитый Атилла, царь Гунновъ. Извѣстія о владычествахъ его надъ скандинавскими сѣверомъ очевидно ложны; но слава его достигла до крайнихъ предѣловъ Европы, и народная повѣсія овладѣла его именемъ, оставляя въ сторонѣ историческую обстановку, которою былъ окруженъ «Бичъ божій». Въ скандинавской Эддѣ и въ нѣмецкихъ Нибелунгахъ (гдѣ его зовутъ Этцелемъ) Атилла является могущественнымъ царемъ Гунновъ, при дворѣ котораго происходитъ кровавая развязка трагедіи, начавшейся смертію Сигурда или Сигфрида. Имена и подробности другія; но основа сказанія одна и таже. Замѣчательно, что ни Эдда, ни Нибелунги не приписываютъ Атиллѣ тѣхъ великихъ свойствъ, которыми отличаются прочіе герои. Онъ смотритъ издали на сѣчу и вообще не славится своими подвигами. Слова лѣтописца Юрнанда о царѣ Гунновъ, «что онъ былъ воздерженъ на руку» (шани tempreans), подтверждаются такимъ образомъ свидѣтельствомъ народныхъ преданій. Гудруна не могла устоять противъ просьбъ матери и братьевъ, которые молили ее на колѣняхъ исполнить ихъ желаніе.

Она согласилась дать свою руку Атли; но грудь ее была полна тяжких предчувствій, и новый бракъ не сулилъ ей радости. Атли не видалъ ни разу улыбки на лицѣ жены своей. Она не могла забыть перваго супруга, хотя родила двухъ сыновей отъ втораго.

У Атли, кромѣ Брингильды, была еще сестра Одруна. Она любила Гуннара, и была любима имъ; но Атли не далъ своего согласія на ихъ бракъ. Онъ завидовалъ богатству, доставшемуся Ниолунгамъ послѣ Сигурда. Собранные на совѣщаніе вожди Гунновъ присовѣтовали королю пригласить къ себѣ Гуннара и Гогни и поступить съ ними такъ, какъ они поступили съ Вользунгомъ. Атли принялъ совѣтъ и отправилъ гонца Винги (другая пѣсня называется его Кнефрудомъ) съ приглашеніемъ къ братьямъ Гудруны. Коварное намѣреніе Атли не скрылось отъ зоркой Гудруны: она не могла сама ѣхать къ братьямъ, но послала имъ предохранительныя руны и кольцо, обвитое волчьими волосомъ. Хитрый Винги испортилъ руны, и не смотря на разныя примѣты, грозившія бѣдою Ниолунгамъ, уговаривалъ ихъ посѣтить его господина. Гуннаръ отвѣчаетъ на предостереженія супруги своей Глаумворы, видѣвшей зловѣщій сонъ: «поздно приходить рѣчи твои. Я рѣшился ѣхать. Бѣ чѣму бояться поѣздки, когда дано уже слово. Много былъ намъ предвѣщаній, что жизнь наша не продлится долго». Гогни былъ недовѣрчивѣе брата, но не хотѣлъ отпустить его одного. Только пять витязей рѣшились проводить ихъ ко двору Атли. Ниолунги такъ спѣшили на встрѣчу ожидавшей ихъ гибели, что у корабля, на которомъ они плыли, отскочилъ руль, и переломались всѣ весла. При самомъ входѣ въ замокъ Атли, Винги смутился душою. Можетъ быть ему стало жаль обреченныхъ на гибель гостей, можетъ быть Азы помрачили разсудокъ его въ наказаніе за вѣроломныя обѣты, данныя имъ сынамъ Гіуки. Онъ открылъ имъ истину и совѣтовалъ бѣжать. Гогни отказался отъ постыднаго средства къ спасенію. Онъ убилъ вмѣстѣ съ братомъ обманувшаго ихъ гонца, и не сходя съ мѣста, сталъ ругаться надъ Гуннами. «Худо удастся дѣло, вами придуманное. Вы еще не готовы къ бою, а мы уже убили до смерти одного изъ вашихъ». Гудруна услышала въ свѣтлицѣ своей шумъ начинавшейся битвы, сорвала съ себя въ гнѣвъ золото и серебро, которыми была убрана, и поспѣшила къ братьямъ. «Смѣло вышла она на встрѣчу Ниолунгамъ, цѣловала ихъ и обвивала руками. То былъ послѣдній привѣтъ ей. Она крѣпко любила витязей и сказала имъ: «я

хотѣла отвратить васъ отъ поѣздки сюда предостереженіемъ; но судьба сильнѣе человѣка. Вашъ суждено было быть здѣсь». Утѣшанія ея положить конецъ распрѣ выкупомъ были безуспѣшны. Съ обѣихъ сторонъ ей отвѣчали: нѣтъ. Тогда она сняла съ себя покрывало, взяла мечъ и стала рядомъ съ Гуннаромъ и Гогни. Два брата Атли пали подъ ея ударами. Дѣти Гіуки бились смѣлѣе другихъ отъ ранняго утра до обѣда. Осымнадцать гуннскихъ труповъ свидѣтельствовали объ ихъ мужествѣ. Атли видитъ издали гибель своихъ воиновъ. Изъ пяти сыновъ Будли онъ остается одинъ и укоряетъ Гудруну: «рѣдко посѣщала насъ радость съ тѣхъ поръ, какъ ты живешь съ нами». По его приказанію Гунны нападаютъ снова на Нюлунговъ и одолеваятъ ихъ числомъ своимъ. Атли радуется напередъ горю супруги. Онъ осудилъ ея братьевъ на мучительную казнь: велѣлъ у живаго Гогни вырѣзать сердце, а скованнаго Гуннара заключить въ башню, наполненную змѣями.

Въ разсказѣ о смерти Гогни есть черты, превосходно характеризующія нравы героическаго вѣка въ Скандинавіи. Атли приказалъ спросить у Гуннара о мѣстѣ, гдѣ хранится сокровище Фаэнира. Гуннаръ обѣщаетъ отвѣчать на вопросъ, когда ему принесутъ вырѣзанное изъ груди его брата сердце. Но участь Гогни внушаетъ участіе Бейти, одному изъ вождей гуннскихъ. Онъ хочетъ спасти плѣнника, и принавиваетъ убить вмѣсто его Гіалина, царскаго повара. «Ему подобаетъ такая кончина, говоритъ Бейти: если онъ проживетъ долѣе, онъ будетъ лѣнивъ и бесполезенъ». Робкій Гіалинъ стонетъ и гнется отъ страха; онъ молить о пощадѣ: «я могу еще возить навозъ въ садъ и исправлять черныя работы». Гогни не выдержалъ его плача. Онъ сжалился надъ несчастнымъ рабомъ и потребовалъ себѣ скорой казни. Бейти не терялъ однако надежды спасти братьевъ королевы, доставивъ Атли сокровища, которыхъ онъ такъ жадно домогался. Гуннару показали вырѣзанное у Гіалина и положенное на блюдо сердце. Нюлунгъ узналъ сердце раба: «оно дрожить на блюдѣ, и дрожало еще сильнѣе въ груди его носившей». Когда ему подали наконецъ настоящее сердце умершаго со смѣхомъ на устахъ Гогни, Гуннаръ сказалъ: «оно почти не дрожить на блюдѣ, и не дрожало вовсе, когда лежало въ груди». Потомъ онъ объявляетъ, что, кромѣ его и брата, никому не было извѣстно, гдѣ спрятано погубившее ихъ золото, и что оно не достанется ни Атли, ни другимъ. Сокровище Фаэнира погружено было

Нюлунгами, предъ отъѣздомъ къ гуннскому царю, въ волны Рейна. Оно лежитъ до сихъ поръ на днѣ рѣки. Гудруна прислала заключенному въ змѣиную башню Гуннару арфу. Руки у него были связаны, но онъ игралъ ногами такъ сладко, что женщины плакали, воины скорбѣли, и змѣи, усыпленные дивными звуками, не трогали узника. Только одна ехидна не заснула. То была мать Атли. Она впиалась Гуннару въ грудь, и звуки умягли.

Атли издѣвался надъ страданіемъ Гудруны, но она была хитра, и умѣла говорить льстивыя рѣчи, по словамъ пѣсни. На другой день послѣ побоища, Атли пировалъ съ вождями своими, совершая трizinу въ честь падшихъ. Гудруна подносила гостямъ дорогіе напитки во славу братьевъ: супругъ ея пилъ за умершихъ въ бою родственниковъ своихъ. Ненависть грызла сердце Гудрунѣ. Она ушла отъ пирующихъ, «позвала потихоньку малыхъ дѣтей своихъ и положила ихъ предъ собою. Грустно стало смѣлымъ дѣтямъ, но глаза ихъ были сухи. Они ласкались къ матери и спрашивали, что она дѣлаетъ. Не спрашивайте меня: я хочу изрубить васъ обоихъ. Давно задумала я умертвить васъ. — Убей маленькихъ дѣтей своихъ; никто не увидитъ.... Часто спрашивалъ Атли, не видя дѣтей своихъ: не пошли ли они играть?» Пиръ между тѣмъ продолжался. Гудруна угощала гостей и мужа. Наконецъ она сказала ему: «Я дочь Гримхильды. Не хочу болѣе обманывать тебя. Не хорошъ покажется тебѣ рассказъ мой. Ты вызвалъ большое горе, убивши братьевъ моихъ. Не спала я, Атли, съ тѣхъ поръ какъ ихъ не стало. Помнишь ли: я обѣщала тебѣ горькую отплату. Ты говорилъ со мною утромъ — я пошу еще слова твои въ сердцѣ; послушай моей рѣчи вечеромъ».... Гудруна рассказываетъ потомъ, что она убила дѣтей, накормила Атли ихъ изжаренными сердцами и наполнила виномъ изъ ихъ череповъ. — Пѣсня поетъ далѣе: «не радостно сидѣли они рядомъ, глядя грозными очами, говоря гнѣвные рѣчи». Въ ту же ночь Гудруна убила Атли при помощи Нюлунга, сына Гогни. Въ характерѣ умирающаго Атли не видно той суровой силы, которою такъ богаты Вользунги и Нюлунги. Родъ Будли стоитъ гораздо ниже славою и доблестями. Гудруна прямо обвиняетъ супруга въ недостаткѣ ратнаго мужества. «До меня не доходила молва о совершенной тобою мести, о побѣдѣ твоей надъ другимъ. Ты уклонялся отъ нелюбимаго тобою боя, хотя молчалъ объ этомъ». — На просьбу Атли похоронить его достойнымъ образомъ, Гудруна отвѣча-

еть обѣщаніемъ исполнить его волю такъ, какъ будто они жили въ любви между собою. Пѣсня оканчивается странною для насъ, но понятною въ устахъ язычника-Скандинава похвалою. «Счастливъ тотъ, у кого родится такая дочь, какъ у Гіуки. Люди, слышавшіе о ищеніи могучей Гудруны, не забудутъ о ней во вѣки».

Смертью Атли замыкается собственно исторія Нифлунговъ; но есть еще двѣ пѣсни, въ которыхъ разсказана послѣдующая судьба Гудруны. Похоронивъ мужа, она бросилась въ море; волны бережно отнесли ее въ землю короля Іонакура, который женился на ней и прижилъ трехъ сыновъ. Гудрунѣ суждено было пережить и погубить родъ свой. Дочь ея отъ Сигурда вышла замужъ за готскаго Іормунрека (Эрманрейха нѣмецкой саги), и была, по его приказанію, предана позорной казни. Сыновья Гудруны предприняли, по наущенію матери, отмстить за сестру, убили Іормунрека и погибли сами. Готы, которыми помогали лично Одинъ, забросали ихъ камнями. Безродная Гудруна оплакала послѣднихъ потомковъ Гіуки. Вользунги и Нифлунги сошли въ могилу, но пѣсни о нихъ не умолкали на скандинавскомъ сѣверѣ. Ихъ пѣли Скальды «для укрѣпленія отваги въ мужахъ, для облегченія скорби въ женахъ», по прекрасному выраженію самой пѣсни.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стр.</i>
Извѣстіе о литературныхъ трудахъ Грановскаго.	5

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи.	25
О фیزیологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ (ст. В. Ф. Эдвардса).	48
О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ	129

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ:

Судьбы Еврейскаго народа.	155
Волинъ, Іомсбургъ и Винета.	187
Аббатъ Сугерій	237
Четыре историческія характеристики:	
1. Тимуръ.	331
2. Александръ Великій.	343
3. Лудовикъ IX.	362
4. Беконъ.	378
Пѣсни Эдды о Нюлунгахъ.	393

